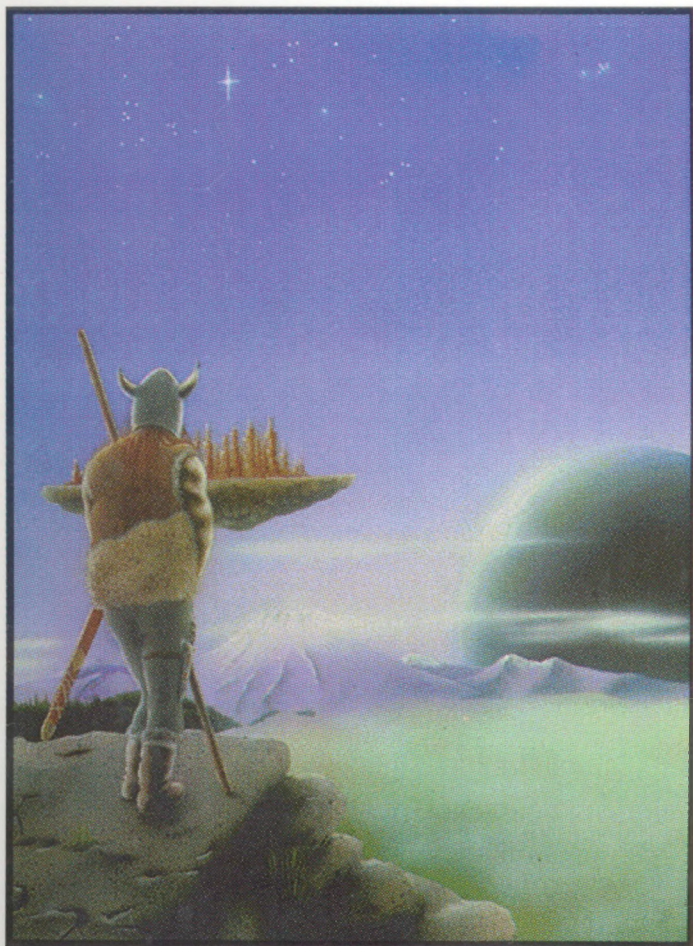

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume twenty two

**THE BROKEN
SWORD**

**THE MERMAN'S
CHILDREN**

«POLARIS» PUBLISHERS
1998

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том двадцать второй

**СЛОМАННЫЙ
КЛИНОК**

**ДЕТИ МОРСКОГО
ЦАРЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998

**Миры Пола Андерсона. Т. 22 / Пер. с англ. —
Полярис, 1998. — 383 с.**

Очередной том собрания сочинений составили два романа в жанре «фэнтези» — «Сломанный клинок» и «Дети морского царя», созданные по мотивам скандинавских сказаний и фольклора.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Broken Sword
Copyright © 1954 by Poul Anderson

The Merman's Children
Copyright © 1979 by Poul Anderson

Сломанный клинок
© К. Королсв, *перевод*, 1992

Дети морского царя
© Издательство «Полярис»,
перевод, 1998

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1998

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-348-3

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что... Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»
БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

***В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.***

От издательства

В очередной том собрания сочинений одного из самых известных и почитаемых американских фантастов Пола Андерсона вошли два романа — «Сломанный клинок» (1954) и «Дети морского царя» (1979).

Оба романа написаны в одном жанре «фэнтези». Оба имеют дело, в сущности, с одной темой — столкновением христианства с древними религиями Севера, Иерусалима с Асгардом, гибельным для последних. Но разделяющая эти книги четверть века наложила свою печать и на личность автора, и на его творчество.

«Сломанный клинок» стал одним из первых крупных произведений молодого Андерсона, и первым — напечатанным в виде книги (если не считать детской повести «Хранилище эпох»). Написанная под явным влиянием не только скандинавской и староанглийской мифологии, но и скандинавских саг (Андерсону еще предстояло доказать свое мастерство как автора *научной фантастики*), книга донесла до читателей образ мира сурового, покорного еще более суровым богам — и гибнущего под натиском христианства. Один из самых сильных моментов романа — это встреча одного из главных героев с фавном, последним представителем своего вымершего рода. «Боги Олимпа мертвы», — говорит козлоногий дух. Христианство стремится уничтожить Волшебную страну, обитатели которой живут бок о бок с людьми незаметно для последних. Но пока жизни Скаффла Смертного и Вальгарда Подменыша складываются по жестоким законам богов-асов, когда брат встает на брата, и страшное проклятье преследует приемное дитя эльфов...

«Дети морского царя» одновременно мягче «Сломанного клинка» и суровой. Суровой — потому что человеческая ограниченность, жестокость, ненависть ко всему чужому показаны в нем гораздо ярче. В мире саг всегда можно списать горе и боль на мщение ревнивых богов. В реальной жизни все не так просто. Но в мире «Детей морского царя» гораздо больше надежды. Надежды для всех, кто хочет ее принять. Даже для изгнанников-водяных, оставшихся без дома после того, как посланник

епископа датского производит экзорцизм над их подводным городом. Даже для детей-полукровок морского царя Ванимена и смертной женщины Агнете. И тем, и другим придется осилить много дорог и преодолеть много опасностей, прежде чем каждый получит то, о чем мечтает — ничто не дается даром. И все же морской народ обретает новый дом в далекой Далматии и — через крещение — бессмертные души, становясь простыми людьми. А каждый из детей царя Ванимена делает свой выбор — принять ли крест Белого Христа или держаться за последние остатки волшебного мира. Но ни тех, ни других не покидает надежда.

СЛОМАННЫЙ КЛИНОК

*Первое издание этого романа посвящалось
моей матери Астрид Андерсон, и ей же я
посвящаю нынешнее, ей и (что меня вдвойне
радует) моей дочери, которая носит то же имя*

Предисловие

В конце года 1018-го от Рождества Господа нашего Иисуса Христа Сигват Тордарссон отправился в Гаутланд по поручению конунга Норвегии Олава. В ту пору многие люди поклонялись еще языческим богам. Когда Сигват со своими провожатыми подъехал к одному двору, хозяйка непустила их, сказав, что ее домашние собираются приносить жертвы альвам. Любой благородный человек в те дни умел складывать стихи, а Сигват к тому же был скальдом. Он сказал:

*Мне в дверях старуха
«Прочь, — рекла, — треклятый.
Одинова гнева
Здесь у нас страшатся».
Меня выгоняла,
Будто волка, мол, «мы,
Язычники, ночью
Правим жертвы альвам»*.*

Так рассказывается об этом событии в «Круге Земном» Снорри Стурлусона**. В других книгах мы читаем о том, как, возвращаясь домой, викинги снимали с носов своих ладей резные изображения драконьих голов, чтобы их видом не оскорбить эльфов, или, как говорят в Скандинавии, альвов. Иными словами, все это доказывает нам, что первоначально эльфы были богами.

Разумеется, к тому времени когда на севере Европы начали писать книги, эльфы, подобно греческим дриадам или японским духам рек, ками, превратились из божеств в духов, привязанных к той или иной местности. В «Эддах» описывается, как некоторые из них помогают асам в Асгарде. Однако эльфы — это два непохожих друг на друга народа, которые владеют двумя из Девяти Миров скандинавской мифологии. Альвхейм принадлежит высоким и пригожим «светлым альвам». Гномы же скорее всего, хотя здесь существуют определенные сомнения, обитали в Свартальвхейме, что переводится как «жилище темных альвов». Интересно, кстати, отметить, что в дошедших до нас преданиях гномам отводится места куда больше, чем эльфам.

Позднее фольклорная традиция низвела эльфов на роль этаких домовых: они стали гораздо ниже ростом, а родство их с по-прежнему внушавшими страх гномами позабылось. Тем не менее призрак

* Перевод О. А. Смирницкой.

** См.: С. Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980.

Альвхейма, Волшебной страны, жители которой отличаются от людей разве что неземной красотой да колдовским даром, витал над средними веками и эпохой Возрождения.

В наши дни Дж. Р. Р. Толкину в его захватывающем эпическом сказании о Кольце удалось в известной степени вернуть эльфам их былой облик. Его эльфы не только красивы и сведущи в ворожбе, они мудры, печальны, благородны и добры ко всему живому. Можно сказать, что эльфам Толкина ближе Глориана с ее подданными*, чем гаутландские язычники. В этом нет ничего плохого; профессору Толкину были нужны именно такие существа.

Однако двадцать с лишним лет назад молодой человек, которого звали так же, как зовут меня, отважился заглянуть дальше в прошлое, в самый девятый век, и увидел там совершенно иных эльфов и богов. То было время беспросветного мрака — по крайней мере в Европе. Процветали жестокость, жадность и распущенность. Викинги лютовали в Англии и во Франции, Карл Великий свирепствовал в землях саксов; их жестокосердие сравнимо, пожалуй, с кровожадностью участников первого крестового похода на Иерусалим. Двадцатый век — отнюдь не образец в отношении милосердия к ближним, но ему все-таки далеко еще до того беззакония и произвола, которые, может статься, являются (избави нас, Боже) исторической нормой.

Поскольку люди склонны видеть в своих богах и полубогах себя самих, этот писатель изобразил эльфов и асов развратными и беспощадными во гневе. Это совпадает с тем, что можно прочесть о них в «Эддах» и сагах.

Кроме того, он позволил себе слегка пофантазировать в манере старого доброго журнала *Unknown Worlds***. Ему казалось вполне естественным, что обитатели Волшебной страны должны опережать людей в техническом развитии. Предположим, ради интереса, что некогда на деле существовали народы, способные творить чудеса — то есть мысленно управлять природными явлениями с помощью неизвестных современной науке средств (впрочем, в последнее время много рассуждают о парапсихологии). Предположим также, что жили они бесконечно долго, могли по желанию менять свой облик и так далее. Подобный чужеродный метаболизм имел свои недостатки, как-то: они не в силах были выдерживать солнечный свет, а соприкосновение с железом вызывало в их телах разрушительную электрохимическую реакцию. Разве не справедливо возместить этим бессмертным их убогость через открытие для них цветных металлов и свойств их сплавов? Разве не могли корабли эльфов «плавать на крыльях ветра» из-за того, что обладали свободными от трения корпусами? Хотя замки, которые возникают в нашем воображении, когда произносится это слово, были для Европы эпохи правления

* Персонажи поэмы английского поэта Э. Спенсера «Королева фей». (Здесь и далее примеч. пер.)

** «Непознанные миры» (англ.) — знаменитый американский научно-фантастический журнал.

короля Альфреда* делом будущего, однако почему бы не допустить, что эльфы строили их давным-давно? Таким же образом прочие явные анахронизмы вполне могли быть достижениями рас, которые неизмеримо древнее человеческой. Но аристократическая воинская цивилизация, консервативная в силу небывалого долголетия индивидов, вряд ли способна была усиленно развивать науку. Не стоит надеяться, что жители Волшебной страны знали секрет пороха и изобрели паровой двигатель.

«Сломанный клинок» нашел издателя не сразу и опубликован был только однажды. Теперь, благодаря Лину Картеру и издательству «Баллантайн букс», а также профессору Толкину, чьи произведения сделали популярным сам жанр героической фантазии, он вновь выходит в свет.

По правде говоря, я не знаю, как мне быть. Я не хочу подменять автора романа кем-то другим, но нас разделяет четверть века. Я нынешний не написал бы такой безрассудной, многословной и где-то даже варварской книги. Мне гораздо ближе «Три сердца и три льва». Этот молодой, во многих отношениях наивный писатель, который носит мое имя, может, не желая того, повредить мне в глазах моих читателей. Тем не менее я не вправе вольно обращаться с его творением. В конце концов, это было бы нечестно: мы покупаем книгу, чтобы прочесть именно ее, а не какое-то слабое подобие.

В итоге я решился на компромисс. Во-первых, я написал предисловие, в котором пытаюсь все объяснить. Во-вторых, не меняя сюжета, я внес в текст романа кое-какие исправления. Мне хочется думать, что наш с вами молодой автор был рад получить совет от более опытного человека — сведущего хотя бы в способах и средствах средневековых сражений. Я вовсе не переписывал книгу от начала до конца; как сказано выше, это было бы непорядочно с моей стороны. Поэтому стиль ее существенно отличается от моего. Но я убрал множество прилагательных и прочих «красивостей», исправил очевидные ошибки и несообразности и заменил одно действующее лицо (в маленьком, но весьма важном эпизоде) на другое, которого раньше там не было.

Итак, перед вами, в общем и целом, «Сломанный клинок» в своем первоизданном виде. Я всего лишь сделал его удобочитаемым. Надеюсь, роман вам понравится.

Что стало с теми, кто уцелел, какова судьба клинка и Волшебной страны, которой не найти ныне на Земле, — это уже другая история. Быть может, однажды я расскажу ее.

*Пол Андерсон,
известный в Обществе творческих анахронизмов
под именем сэра Бельи из Восточной Марки*

* Король Уэссекса, объединивший семь древних королевств на территории Англии (IX в. н. э.).

Глава 1

Жил на севере Ютланда человек по имени Орм Силач, сын крестьянина Кетиля Асмундссона. Род Кетиля обитал там с давних пор и владел большим куском земли. Женой Кетиля была Асгерд, дочь Рагнара Мохнатые Штаны от наложницы. Словом, Орм происходил из хорошей семьи, но, будучи лишь пятым сыном, не мог рассчитывать на богатое наследство.

Он стал моряком и каждое лето отправлялся в поход с викингами. Кетиль умер, когда Орм был еще совсем юным. Хозяйство перешло к старшему из сыновей, Асмунду. Но в свою двадцатую зиму Орм пришел к брату и говорил ему так:

— Ты один пользуешься тем, что принадлежит всем нам. Мы требуем своей доли. Однако, поделив землю на пять наделов, мы превратимся в бедняков, и никто не вспомнит о нас после нашей смерти, да и сестры наши останутся без приданого.

— Верно, — отвечал Асмунд, — нам лучше держаться заодно.

— Я не желаю быть пятой ногой у собаки, — продолжал Орм, — а потому предлагаю тебе вот что. Дай мне три полностью снаряженных корабля, дай оружие тем, кто пойдет за мной, и я сам добуду себе землю за пределами Химмерланда.

Асмунд обрадовался, и радость его только усилилась, когда двое других братьев захотели присоединиться к Орму. Он купил корабли и до весны снарядил их в плавание. Недостатка в тех, кого манили дальние страны, тоже не было. В первый же погожий весенний день, невзирая на крупную зыбь, ладьи Орма покинули Лимфьорд, и с тех пор Асмунд никогда больше не видел своего брата.

Гребцы налегли на весла, и вскоре пустоши и дремучие леса Химмерланда исчезли за кормой. Когда корабли огибали мыс Скау, задул сильный ветер, и были подняты паруса. Драконьи головы на носках глядели на запад, пенные гребни волн разбивались о борта, чайки с криками кружили над мачтами. Орм, ликуя, сложил такую вису*:

*Коней белогривых,
разнося их ржанье,
ветер гонит вольный
на заветный запад.
Прядают, пену
роняют кони,
будто бы невмочь им
нести свою ношу.*

* Висы — стихи в скандинавском эпосе.

Поспешив с отплытием, Орм опередил многих викингов и изрядно поживился в Англии, а на зимовку обосновался в Ирландии. Так у него и повелось: летом он хаживал в набеги, а зимой продавал награбленное и строил новые корабли.

Но со временем он принял мечтать о собственном доме. Его лады тогда следовали повсюду за флотом Гутхорма, которого англичане именovali Гутрумом. Орм сопровождал того на море и на суше, и добыча словно сама шла к нему в руки, но настал черный день, когда король Альфред одержал победу под Этандуном. Лишь немногие викинги сумели избежать плена, и среди них был Орм с остатком своих людей. Позднее ему довелось узнать, что Гутруму и прочим данам подарили жизнь в обмен на крещение, и он призадумался: похоже, дело шло к миру. Значит, прощай прежняя вольготная жизнь.

Потому-то он отправился в те края, которые потом назвали землями датского права*, чтобы подыскать себе дом.

Ноги привели его в приморскую долину с бухточкой, которая вполне подходила для стоянки кораблей. Живший там англичанин был человек зажиточный и довольно могущественный и не пожелал торговаться с Ормом. Ночью Орм возвратился, окружил жилище упряма своими людьми и поджег его. Хозяин, его братья и большинство домочадцев погибли. Рассказывали, будто старухе-матери бритта, которая была колдуньей, удалось спастись, — даны щадили женщин, детей и рабов. Она проклала Орма и предсказала, что его старший сын будет воспитан за пределами мира людей, а Орм взрастит в своем доме волка, который однажды разорвет его на куски.

В округе к тому времени проживало много данов, и потому родичи убитого удовлетворились вирой** и платой за землю, а Орм сделался полноправным владельцем. Он выстроил на месте сгоревшего большой новый дом и другие постройки. Золото, угрозы и громкая слава вскоре завоевали ему уважение и почет.

Спустя год ему показалось, что пришла пора обзавестись женой. В сопровождении многих воинов он поскакал к английскому эрлу*** Ательстану, намереваясь попросить у него руки его дочери Элфриды, что слыла красивейшей девушкой в королевстве.

Ательстан задумался и заскреб бороду, а Элфрида бросила в лицо Орму:

— Никогда я не стану женой собаки-язычника. Ты можешь взять меня силой, но, клянусь, радости тебе в том будет мало!

Была она худенькая и стройная, с рыжеватыми волосами и светло-серыми глазами, а сватавшийся к ней Орм — высокий, широкоплечий, солнце и море выбелили его кудри и выдубили кожу. Однако он понял, что слабейший из них двоих — это он, и, поразмыслив, сказал:

* Область на северо-востоке Британии, где действовали датские законы.

** Денежная пеня за убийство.

*** Титул, примерно соответствующий русскому князю.

— Раз я живу в стране, где поклоняются Белому Христу, пожалуй, надо мне помириться с ним и его людьми, по примеру моих сородичей. Если ты пойдешь за меня, Элфрида, я окрещусь.

— Нет, — ответила она сурово.

— Но подумай, — увещевал Орм, — если мы не поженимся, я останусь нехристом, и душа моя, стало быть, как уверяют монахи, погибла. Твой бог спросит с тебя за человеческую душу. Кроме того, — шепнул он Ательстану, — я сожгу ваш дом, а тебя швырну в море со скалы.

— Да, дочка, не надо гневить Господа, — торопливо поддержал Ательстан.

Элфрида упиралась недолго, ибо Орм не был ни уродом, ни объявленным вне закона, к тому же Ательстан был вовсе не прочь занять столь богатого и могучего союзника. Крестившись, Орм женился на Элфриде и забрал ее к себе. Жили они в общем неплохо, пускай и не всегда ладили между собой.

Во время своих набегов викинги спалили дотла все церкви в округе. По просьбе Элфриды Орм пригласил в дом монаха и даже подумывал о том, чтобы во искупление собственных грехов построить этому монаху новую церковь. Однако, будучи по натуре осторожным и опасаясь рассердить древних богов, он по-прежнему приносил зимой жертву Тору, а по весне — Фрейе, чтобы послала мир и хороший урожай, и Одину с Эгиром, чтобы они были милостивы к нему в море.

Всю зиму напролет он вздорил из-за этого с монахом, а весной, незадолго до того как родился ребенок Элфриды, потерял терпение и выставил монаха за дверь. Элфрида горько укоряла его, и он в конце концов воскликнул, что хватит с него причитаний жены, ушел в поход раньше, чем собирался, и провел лето в набегах на шотландские и ирландские берега.

Едва его корабли скрылись из виду, у Элфриды начались схватки, и она родила — родила здорового и крепкого мальчика, которого, как просил Орм, назвала Вальгардом. Но без выгнанного монаха окрестить ребенка было некому, ведь ближайшая церковь находилась в двух или трех днях пути. Элфрида отправила туда раба.

Любуясь сыном, она пела ему песню, которую слышала когда-то от своей матери:

*Спи, мой птенчик, засыпай.
Вьется, вьется мошкара,
за далекий неба край
день уходит со двора.
И тебе заснуть пора.*

*Спи, моя кровинка. Вот,
к людям праведным добра,
над холмом звезда встает
точно так же, как вчера.
И тебе заснуть пора.*

*Спи, малыш, усни. Твой сон
охраняют до утра
Божья мать и с нею Он.
Спать ложится детвора,
и тебе заснуть пора.*

Глава 2

Князь эльфов Имрик отправился на ночь глядя посмотреть, что делается у людей. Было холодно, луна приближалась к полнолуннию, на траве серебрился иней, звезды сияли по-зимнему ярко. Ночь выдалась тихой, только шелестел в ветвях деревьев ветер; пугливые тени прятались от студеного лунного света. Копыта лошади Имрика подкованы были серебром, и цокот их отдавался в ушах эльфа хрустальным перезвоном.

Он въехал в лес. Там царила непроглядная тьма, однако вдалеке среди стволов мерцал желтоватый огонек. Приблизившись, Имрик различил во тьме скособоченную глиняную хижину, сквозь множество трещин в ее стенах пробивался неверный свет. Она примостилась под развесистым дубом, с чьих ветвей, припомнилось эльфу, друиды срезали омелу. Чувствуя, что дорога привела его к жилищу ведьмы, Имрик спешил и постучал в дверь.

Появившаяся на пороге согбенная старуха оглядела его с головы до ног: лунный свет отражался от шлема князя и его кольчуги. Гнедая лошадь эльфа за его спиной щипала тронутую морозцем траву.

— Добрый вечер, матушка, — поздоровался Имрик.

— Не хватало еще, чтобы эльфы называли меня матушкой, меня, рожавшую крепких сынов мужчине, — проворчала ведьма, пропуская Имрика в дом и наливая ему в рог эля. Местные жители исправно снабжали ее едой и питьем в благодарность за колдовские услуги, какие она им оказывала. Потолок в хижине был такой низкий, что Имрику пришлось нагнуться. Смахнув с единственной скамьи всякий мусор, он уселся, не отрывая взгляда от ведьмы.

Глаза у него были обычные для эльфа — раскосые и без зрачков, подернутые поволокой, лишённые всякого следа белков. В их искристой голубизне таились тени древнего знания. Имрик прожил на свете немало лет, но оставался все таким же молодым: высокий лоб, широкие скулы, узкий подбородок, прямой аристократический нос. Волосы его, отливавшие золотом, мягкие и пушистые, ниспадали из-под рогатого шлема на плечи, покрытые алым плащом.

— Что-то давненько не было вас видно, — буркнула ведьма.

— Мы сражались с троллями, — объяснил Имрик, голос его напоминал шелест ветра в кронах деревьев. — Но когда заключили перемирие, мне захотелось узнать, что произошло с людьми за последнюю сотню зим.

— Многое, и все плохое, — отозвалась ведьма. — Из-за моря явились к нам даны. Они убивали, грабили, жгли, захватили восточную Англию, а может статься, и не одну ее.

— Что ж, — Имрик пригладил усы, — все они так поступали, кого ни возьми: англы и саксы, пикты и скотты, римляне, бритты и кельты. И даны — вряд ли последние в этой череде. Я поселился на острове едва ли не на заре времен и скажу тебе так: стычки людей veselят меня и разгоняют скуку. Я не прочь поглядеть на данов.

— Тогда скажи на побережье, — ответила ведьма, — на двор Орма Силача. Для смертной лошади туда лишь ночь пути отсюда.

— Значит, я доберусь еще быстрее. Прощай.

— Постой, эльф, погоди! — Ведьма забормотала что-то себе под нос, в глазах ее отражалось пламя очага, и они светились красным среди темноты и дыма. — А теперь скажи в дом Орма, эльф. Хозяин ушел в поход, но жена его с радостью примет тебя. Она только что родила сына и не успела пока его окрестить.

При этих словах Имрик наострил свои длинные, заостренные вверх уши.

— Ты не лжешь, ведьма? — спросил он тихо.

— Нет, клянусь Сатанасом! Мне ли не знать, что творится в том доме! — Старуха раскачивалась взад и вперед, глядя на тлеющие уголья. По стенам, догоняя одна другую, метались причудливые, бесформенные тени. — Не веришь, убедись сам.

— Я не посмею забрать ребенка у вождя данов. Его, должно быть, оберегают асы*.

— Нет, Орм христианин, пускай только на словах, а сын его не ведает еще ничего покровительства.

— Смотри, коли солгала, — пригрозил Имрик.

— Я пуганая, — фыркнула ведьма. — Орм сжег моих сыновей в их собственном доме, и со мной умрет весь наш род. Я не боюсь ни богов, ни бесов, ни эльфов с троллями, ни людей. Но тебе я сказала правду.

— Пора в дорогу, — проговорил Имрик, вставая. Кольца его кольчуги зазвенели в лад. Запахнувшись в свой алый плащ, он вышел наружу и вспрыгнул в седло.

Подобный порыву ветра, помчал его конь по лесам и полям. Равнина переходила в холмы, деревья расступались перед заиндевелыми лугами, залитыми лунным светом. То и дело из полумрака возникали сонные хутора. В ночи кипела жизнь — Имрик разглядел зеленый блеск глаз дикой кошки, слух его уловил волчий вой и шарканье крохотных ножек под корнями дубов. В страхе перед князем эльфов звери, птицы и все прочие поспешно затаились в своих укрытиях.

Вскоре Имрик очутился у двора Орма. С трех сторон его огораживали сложенные из грубо обтесанных бревен амбары, сараи и загоны, а с четвертой высился дом, щипец которого украшали резные драконы. Приглядевшись, Имрик различил чуть в стороне женский домик и направил коня туда. Собаки, почуяв его, глухо заворчали. Прежде чем они залаяли, он посмотрел на них и сделал знак рукой. Псы уползли прочь, еле слышно поскуливая.

* Верховные боги в скандинавской мифологии.

Эльфю не составило труда разомкнуть ставни. Он заглянул в окно. Луч луны проник в комнату, коснулся спящей Элфриды, посеребрил ее неприбранные волосы. Взгляд Имрика устремлен был на новорожденного, что лежал рядом с женщиной.

Тихонько засмеявшись, князь закрыл ставни, развернул коня и поскакал на север. Элфрида заворочалась, проснулась, на ощупь отыскала в темноте младенца. Ей снились странные, нехорошие сны.

Глава 3

В те дни обитали еще на Земле волшебные существа, но уже тогда жилища их находились наполовину в мире смертных, а наполовину — в ином мире. Одиноким холм, озеро или лес могли в мгновение ока приобрести колдовское очарование и великолепия. Вот почему люди сторонились северных нагорий и называли их холмами эльфов.

Имрик направлялся к Эльфхьюку*, который виделся ему вовсе не скалистым пиком, а могучим замком с бронзовыми ворогами, мраморными плитами дворов, множеством коридоров и комнат, где висели прекраснейшие шпалеры, сотканые с помощью магических заклинаний и отделанные ослепительными самоцветами. В лунные ночи обитатели замка танцевали на лужайках за его стенами. Так оно было и сейчас. Миновав танцующих, Имрик проехал в ворота. Копыта коня гулко простучали по мрамору. Рабы-карлики поспешили принять поводья. Князь прошествовал в главную башню.

Свет тонких восковых свечей дробился в мозаичных панно, инкрустированных золотом и драгоценными камнями. Под сводами звучала музыка: звенели арфы, подтягивали свирели, флейты журчали, словно горные ручьи. Рисунки на шпалерах и узоры на коврах постоянно изменялись, будто были живыми. Стены, пол, голубоватый сумеречный потолок — ничто не оставалось в неподвижности, хотя невозможно было сказать, чем они отличаются от тех, что существовали единый миг назад.

Позвякивая кольчугой, Имрик спустился в замковое подземелье. Там властвовал мрак, который лишь изредка рассеивало пламя факела. Сырой воздух охлаждал горло. Имрик не обращал внимания на раздававшиеся порой клацанье металла и крики. Стремительный и ловкий как кошка, он уверенно продвигался в темноте.

Наконец он остановился у дубовой, обитой медью двери, древесины которой потемнела, а медь позеленела от времени. Только у него одного были ключи от трех больших замков. Отперев их, Имрик пробормотал что-то и распахнул дверь. Та заскрипела — ведь с тех пор, как он открывал ее в последний раз, минуло триста лет.

В темнице за дверью сидела троллиха. Бронзовая цепь, какой обычно крепятся на кораблях якоря, тянулась от ее ошейника к

* В буквальном переводе: Скала эльфов.

кольцу в стене. Свет факела, висевшего снаружи, упал на ее огромное, мускулистое тело. На зеленой коже троллихи не было и следа волос. Повернув свою отвратительную голову к Имрику, она зарычала, обнажив волчьи клыки. Глаза ее были пусты — бездонные колодези мрака, в которых запросто могла утонуть душа. Девять сотен лет была троллиха пленницей Имрика и сошла в заключении с ума.

Князь посмотрел на нее, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Мне нужен подменыш, Гора, — произнес он.

Голос троллихи подобен был раскату грома, доносящемуся из земных недр.

— Охо, охо, — забубнила она, — снова он тут. Заходи, кто б ты ни был, порождение ночи и хаоса. Что, космос все усмехается?

— Поторопись, — велел Имрик, — я должен совершить подмену до рассвета.

— Поторопись, говорит он, ветер подгоняет листья по осени, снег валит с неба, жизнь торопится к смерти, а боги — к гибели, — продолжала ворчать троллиха. — Бесчувственный ветер раздувает прах, и только безумец слышит музыку сфер. Эй, красный петух на навозной куче!

Сорвав со стены кнут, Имрик хлестнул им пленницу. Та съехала на полу. Эльф быстро, содрогаясь от прикосновений к ее склизкой коже, выполнил то, что от него требовалось. Затем он девять раз обошел вокруг троллихи против движения солнца, напевая песню, звуки которой не сумел бы воспроизвести ни один человек. Троллиха корчилась и стонала, живот ее набухал на глазах, а едва Имрик завершил девятый круг, завопила так, что стало больно ушам, и родила.

Наружностью своей младенец как две капли воды походил на сына Орма, но сразу же завыл и укусил мать. Имрик связал его веревкой и лишь тогда взял на руки. Ребенок успокоился.

— Плоть мира сползает с черепа, — троллиха потрясла цепью и прижалась к стене, дрожа с головы до пят. — Рождаются могильные черви, и зубы уже не скрыты губами, и воронье выклевало глаза. Скоро, скоро ветер будет гулять в пустом черепе.

Имрик запер дверь темницы.

— Он ждет меня, — завывала троллиха, — он ждет на холме, где кружат обрывки тумана, девять сотен лет ждал он меня. Слышишь, каркает черный ворон...

Эльф бросился бегом вверх по лестнице. Подмена никогда не доставляла ему удовольствия, однако возможности заполучить человеческого детеныша упускать не следовало.

Очутившись во дворе замка, он увидел, что погода меняется к худшему. Черные тучи заволокли небо, пытаясь поглотить луну. С востока, чертя небосвод рунами молний, надвигалась буря. Ветер задувал все сильнее.

Имрик вскочил в седло и пришпорил коня. Они помчались на юг, над утесами и холмами, по долинам и меж деревьями, что гнулись под напором приближающейся бури. Луна казалась белесым призраком, а Имрик, когда на него падал ее неверный свет, выглядел ей под стать.

Плащ развевался у него за плечами подобно крыльям нетопыря. Луна отражалась в глазах эльфа, блики ее посверкивали на его кольчуге. Оказавшись на равнине, он пустил коня по прибрежному песку. Волны шипели на него, соленые брызги оседали на губах. Над бурливыми водами то и дело вспыхивали молнии. Грохот грома оглушал. Имрик подстегнул коня, ничуть не желая повстречаться в ночи с Тором*.

Влетев на двор Орма, он вновь отомкнул ставни на окне Элфриды. Женщина не спала; прижимая к груди, она успокаивала малыша. Ветер взвихрил ее волосы, и они упали ей на глаза. Должно быть, ставни были не слишком плотно прикрыты, подумалось ей.

Блеснула молния, гром обрушился следом ударом кузнечного молота. Ребенок выскользнул из рук Элфриды, она испуганно зашарила вокруг.

— Слава Богу, — выдохнула она, наткнувшись на крохотное тельце. — Я уронила тебя, но ты тут, со мной.

Имрик поскакал домой, хохоча во все горло. Но вдруг ему показалось, будто его смеху вторит кто-то. Он натянул поводья, чувствуя, как в сердце закрадывается страх. Вынырнув напоследок из-за туч, луна осветила фигуру, что пересекла тропу, по которой ехал Имрик. Огромный восьминогий конь мчался, опережая ветер, его седобородый седок был в шапке, из-под которой глядел один-единственный глаз. Сверкнул наконечник копья.

За ним неслись мертвые воины и завывающие псы. Его рог окликал их, топот копыт напоминал стук града по крыше. Череда всадников словно растворилась в ночи, небеса разверзлись, и хлынул ливень.

Имрик стиснул зубы. Увидеть Дикую Охоту** не сулило ничего хорошего. Вряд ли одноглазый Охотник встретился ему по чистой случайности. Ну да ладно, нужно ехать домой. Молния вонзилась в землю неподалеку от эльфа. Кто знает, не взбрет ли в голову Тору помахать молотом? Укутав сына Орма в плащ, Имрик дал шпоры коню.

Элфрида отбросила волосы со лба и принялась укачивать младенца. Надо бы его накормить, может, тогда он замолчит. Ребенок с такой жадностью впился в грудь, что сделал матери больно.

Глава 4

Имрик назвал украденного им мальчика Скафлоком и отдал его на воспитание своей сестре Лие. Красотой она не уступала брату: тонкие, словно вырезанные из слоновой кости, черты, пышные золотистые волосы, перехваченные надо лбом диадемой с драгоценными камнями, те же дымчато-голубые глаза с искорками в глубине. Стан ее облегали одежды из паучьей пряжи. Когда она танцевала в лунном

* Тор — в скандинавской мифологии бог-громовик. Далее речь идет о верховном боге Одине, которому принадлежат восьминогий конь Слейпнир и не ведающее промаха копьё Гунгнир. Одно из его имен — Дикий Охотник.

** Дикая Охота — воинство мертвцов во главе с Одним, что проносится по небу, предвещая увидевшему его беду.

свете, тем, кто смотрел на нее, чудилось, будто они видят перед собой язычок белого пламени. Лия улыбнулась Скафлоку, а молоко, каким она поила его, колдовское, волшебное молоко, обжигало ему горло и огнем растекалось по жилам.

На пир в честь наречения явились многие князья Альвхейма, они принесли щедрые дары: кубки и кольца чудесной работы, выкованные карликами оружие, кольчуги, щиты и шлемы, одеяния из венецианской парчи и атласа, расшитые золотом платья, талисманы и амулеты. Поскольку эльфы, подобно богам, великанам, троллям и прочим, не ведают старости, дети у них рождаются очень редко, и каждое рождение становится событием, куда более важным, чем похищение ребенка у людей.

Пир был в самом разгаре, когда снаружи донесся громовой топот копыт. Стены Эльфхьюка задрожали, бронзовые ворота загудели. Трубачи протрубили вызов, но никто не отважился принять его. Имрик, встретив гостя у ворот, низко поклонился ему.

— Приветствую тебя, Скирнир*, — произнес князь. — Мы всегда рады тебе.

Кольчуга и шлем гиганта блистали в лунном свете даже менее ярко, чем его глаза. Поступь коня сотрясала замок. На бедре у посланца асов, беспокойно шевелясь в ножнах и ослепительно сияя, висел клинок Фрейра, который тот отдал своему слуге, отправляя его в Етунхейм за Герд. В руках Скирнир держал другой меч, широкий и длинный, — вернее, две его половинки, не ржавые, но потемневшие от долгого пребывания в земле.

— Я принес дар твоему названому сыну, Имрик, — сказал Скирнир. — Храни этот меч, пока мальчик не подрастет, а тогда поведай ему, что великан Болверк может выковать клинок заново. Придет день, когда Скафлоку понадобится добрый булат и пригодится дар асов.

Он швырнул обломки клинка на землю, поворотил коня и исчез в ночи. Эльфы стояли тихо. Им было известно, что асы ничего не делают просто так, но послушаться Имрик не посмел.

Прикосновение к железу — вещь для эльфа невозможная, поэтому князь кликнул своих рабов-карликов и велел им подобрать меч. Ведомые им, они отнесли клинок в подземелье и оставили его там, поблизости от темницы Горы. Имрик начертал на стене охранительные руны, повернулся и ушел, чтобы долго сюда не возвращаться.

Один год сменял другой, а боги продолжали хранить молчание.

Скафлок рос быстро, пригожий и веселый, с голубыми глазами и темно-русыми волосами. Он был шумливее и проказливее немногочисленных маленьких эльфов, а в росте обогнал их настолько, что превратился в мужчину, когда они еще оставались детьми. Не в обычае эльфов выказывать привязанность к своей детворе, но Лия

* Скирнир — слуга бога Фрейра, олицетворяющего урожай, богатство и мир. Угрожая богине Герд мечом Фрейра, Скирнир, имя которого означает «сияющий», добивается ее согласия на брак со своим господином.

откровенно баловала Скафлока. Она пела ему колыбельные, в которых плескалось море, шелестел ветер и шумели листья. Она обучала его хорошим манерам и древним танцам, когда они бродили по окрестностям замка, босые, опьянев от лунного света. От нее он узнал кое-что о волшебстве, научился заклинаниям, что ослепляли и обольщали, сдвигали скалы и деревья, беззвучным песням, в лад которым переливалась заря на зимнем небе.

Детство Скафлока было счастливым. Он играл с маленькими эльфами и с теми, кто населял холмы и распадки. То были колдовские уголья, и случалось, что забредшие туда смертные или их лошади домой уже не возвращались. Некоторые из этих существ дружелюбием не отличались, а потому Имрик приставил к Скафлогу своего дружинника.

Над водопадами, звонко перекликаясь, резвились духи. Скафлок не сразу приспособился различать их: очертания сверкающих тел зачастую сливались с радугой, что вспыхивала над водой на солнце. В лунные ночи, повинаясь зову светила, они выходили на сушу и рассаживались по берегам, обнаженные, если не считать венков из водяных лилий на волосах, и дети эльфов разговаривали с ними. Духам было о чем рассказать: о быстрых реках и о рыбе, что в них водится, о лягушках, выдрах и зимородках, о галечном дне и о глубоких омуты, где вода тиха и зелена, о прыжках в водопад и о нырянии в водовороты.

От болот же и от каровых озер Скафлока старались отвести, ибо те, кто там обитал, отличались скверным и непредсказуемым нравом.

Он часто уходил в лес, чтобы пообщаться с робкими крохами-гномами, что носили серые и коричневые одежды и высокие колпаки и чьи бороды свисали до пояса. Они жили под корнями больших деревьев и радовались, когда к ним прибегали дети эльфов. Но взрослых они боялись и облегченно вздыхали при мысли о том, что ни один из таких не проберется в их жилища — разве что он уменьшится до размеров гнома, чего при заносчивости и высокомерии эльфов можно было не опасаться.

В окрестностях замка проживали и гоблины. Когда-то они были могущественны, но Имрик прошелся по их землям огнем и мечом, и те из них, кто не погиб и не покинул родные места, начисто утратили былое величие. Они обычно селились в пещерах. Там-то Скафлок и отыскал одного из них, подружился с ним и сумел кое-чему у него научиться.

Однажды он услышал в лесу звуки свирели. Они зачаровали его своей необычностью и привели в дальнюю лощину. Он ступал теперь почти неслышно, и существо догадалось о том, что за ним наблюдают, лишь увидев мальчика прямо перед собой. Оно внешне походило на человека, но вот ноги, уши и рога у него были козлиные. Оно наигрывало на тростниковых дудочках мелодию столь же печальную, сколь печален был его взгляд.

— Кто ты? — спросил изумленный Скафлок.

Существо уронило все свои дудочки, подобралось, будто собирается убежать, но успокоилось и село на бревно.

— Фавн, — произношение выдавало в нем чужака.

— А кто такие фавны? — скрестив ноги, Скафлок уселся прямо на траву.

Фавн жалобно улыбнулся. Надвигались сумерки, на небе выпали первые звезды.

— Я один в ваших краях. Меня изгнали.

— Где твоя родина, фавн?

— Я пришел с юга. Великий Пан умер, и в Элладе воцарился новый бог, имени которого я не могу произнести. Мы, древние, были ему не нужны. Жрецы вырубili священные рощи и понастроили церквей... О, я помню, как кричали дриады, их страдальческие голоса до сих пор звучат для тех, кто слышит. Я буду слышать их всегда. — Фавн покачал кучерявой головой. — Я бежал на север, но порой меня берет сомнение: может, те, кто остался, чтобы сражаться и умереть, были мудрее? Это все случилось давным-давно, маленький эльф, и я чувствую себя бесконечно одиноким. — В глазах фавна заблестели слезы. — Нимфы, фавны, сами боги превратились в прах. Храмы опустели и потихоньку рассыпались. А я — я брожу один в чужом краю, ваши боги презирают меня, а все прочие сторонятся. Это край туманов и дождей, суровых зим, студеных морей и бледного солнца, которое иногда выглядывает из-за туч. Где та вода, что сверкала как сапфир, где скалистые островки и теплые леса, где нимфы, что поджидали нас, где виноградники и инжир, отягощенные плодами, где величавые боги и высокий Олимп?..

Фавн бросил причитать, насторожился, прислушался — и был таков. Оглянувшись, Скафлок увидел дружинника, который всюду сопровождал его.

Однако днем он странствовал в одиночку. Имрик считал, что со стороны смертных мальчику ничто не грозит, а раз солнечный свет ему не страшен, пусть себе гуляет. Скафлок забирался в своих скитаниях гораздо дальше, чем любой другой из детей эльфов, и вскоре узнал окрестности Эльфхьюка, пожалуй, получше иного смертного, прожившего тут всю жизнь.

Среди диких зверей доброжелательнее всего относились к эльфам лисы и выдры, будто бы состоявшие с ними в отдаленном родстве. По крайней мере эльфы понимали язык и тех, и других. Лисы показали Скафлоку тайные лесные и луговые тропы и растолковали, на что и как надо смотреть в лесу, чтобы не запутаться и не попасть в ловушку. Выдры поведали ему об озерах и ручьях, научили плавать и прятаться в укрытии, в котором тело твое помещается едва ли наполовину.

Он приятельствовал и с остальными животными. Самые робкие из птиц садились к нему на ладонь, когда он высвистывал призывный клич; медведь дружелюбно ворчал, когда Скафлок заглядывал в его берлогу. Олени, лоси, зайцы и тетерева остерегались его, потому что он на них охотился, и то мальчик ухитрился завести дружбу кое с кем из них. Словом, звери приняли его.

Шли годы, и Скафлок становился все старше. Он первым встречал весну, когда пробуждающиеся леса наполнялись пением вернувшихся птиц, реки вскрывались и крушили лед, а белые цветки во мху напоминали нерастающие снежинки. Летом, обнаженный, смуглый, с выгоревшими на солнце волосами, носился он за бабочками, скатывался по траве с холмов, разгуливал по округе светлыми ночами, которые похожи на воспоминания о днях, когда в небе сверкают звезды, поют кузнечики, а роса искрится в лучах луны. Осенние ливни омывали его с ног до головы, когда он в венке из багряных листьев прислушивался к прощальным крикам улетающих птичьих стай. Зимой он радовался снегу, выбегал ночами из замка и слушал, как звенит на холоде озерный лед и расходится между холмами эхо.

Глава 5

Когда пришла пора, Имрик сам занялся воспитанием мальчика. Поначалу он забирал Скафлока у Лии ненадолго, но со временем переселил к себе, чтобы вырастить из него настоящего воина Альвхейма. Будучи смертными, люди в большинстве своем способные ученики. Запасы знаний Скафлока росли даже быстрее, чем его члены.

Он научился ездить на лошадях Альвхейма, черных и белых жеребцах и кобылах, которые отличались легкой, будто невесомой поступью и не знали усталости. Скоро для него стало обычным делом проскакать за ночь от Кейтнесса до Лэндз-Энда* так, чтобы ветер свистел в ушах. Он научился владеть мечом, копьем, луком и боевым топором. Он был менее ловок и увертлив, чем эльфы, но превосходил их силой, и доспехи не тяготили его. Что же до ловкости, то любой другой смертный показался бы рядом с ним неповоротливой тушей.

Он часто отправлялся на охоту, один или в сопровождении Имрика и его свиты. Лук Скафлока пропел песню смерти многим быстроногим оленям, копье его вонзалось в плоть многим клыкастым кабанам. Была у него и другая забава, что требовала известного проворства и умения: преследовать по лесам и по скалистым утесам единорогов и грифонов, которых Имрик привез когда-то в свой замок с края света.

Еще Скафлок научился у эльфов тому, как держать себя, как строить ковы и говорить обиняками. Он научился танцевать в лунном свете под звуки арф и свирелей, когда, обнажившись догола, забываешь о том, что тебя окружает. Он играл мелодии и пел песни, которые были старше рода человеческого. Он научился складывать стихи так искусно, что зачастую незаметно для себя сбивался на них в повседневной речи. Он изучил все языки Волшебной страны и три языка людей. Он умел отдать должное изысканным яствам эльфов и тому жидкому огню, что хранился запечатанным в бутылки в винном погребе замка, но с меньшим удовольствием ел черный хлеб и

* Северная и южная оконечности о-ва Великобритания.

солонину, напоенные солнечным светом и дождями ягоды и пил из рудников в холмах.

Едва на щеках его и на подбородке показался первый пушок, женщины эльфов принялись помогать ему. Лишенные страха перед богами, обделенные детьми, эльфы не знают брака, но такова уж их природа, что женщины эльфов любвеобильнее смертных, а мужчины — наоборот. Скафлоку было из кого выбирать, и он пережил немало приятных минут.

Самым трудным и опасным было обучение волшебю. Как только мальчик достаточно повзрослел для того, чтобы уйти от простеньких чар, которые способен творить ребенок, Имрик безраздельно завладел им. Не в силах познать колдовство столь же глубоко, как его приемный отец, из-за принадлежности к людям и короткого срока жизни, Скафлок тем не менее не уступал в познании многим другим князьям эльфов. Прежде всего он научился тому, как распознавать и обходить железо, которого страшатся и эльфы, и тролли, и гоблины. Даже узнав, что ему самому бояться нечего, и проверив это на собственном опыте в доме одного крестьянина, он все равно постарался покрепче запомнить заклинание — так, на всякий случай. Потом он научился рунам для исцеления от ран и болезней и тем, которые отгоняли невезение и наводили порчу на врага. Он выучил песни, которые пробуждали или унимали бури, приносили хороший или плохой урожай, вызывали у смертного гнев или страх. Он узнал, как добывать из рудников те неизвестные людям металлы, которые применялись в Волшебной стране вместо стали. Он научился пользоваться плащом тьмы и менять обличья, превращаясь в то или иное животное. Ближе к концу обучения он узнал могущественные руны, песни и заклинания, которые поднимают мертвых, предсказывают будущее и повелевают богами. Однако к ним прибегали лишь при крайней надобности, ибо сила их была так велика, что могла погубить незадачливого колдуна.

Скафлок часто спускался к морю и просиживал часами на берегу, глядя туда, где вода смыкалась с небом. Он не уставал слушать гулкие раскаты прибоя, этот неумолчный зов соленой пучины, он замечал малейшую перемену в настроении стихии. Он вел свое происхождение от мореходов, и приливы разгоняли кровь в его жилах. Он разговаривал с тюленями на их лающем наречии, чайки приносили ему вести из дальних краев. Порой, когда к нему присоединялись другие воины, среди пены мелькали головки морских дев. Выжимая длинные зеленые волосы, выходили они на прибрежный песок, и начиналось веселье. На ощупь они были холодными и мокрыми, и от них пахло водорослями, но, несмотря на то что на губах потом несколько дней ощущался привкус рыбы, Скафлок с нетерпением ожидал новой встречи с русалочками.

В свои пятнадцать лет он был лишь немногим ниже Имрика, широкоплечий и мускулистый. Смуглая, загорелая кожа оттеняла льняную белизну волос. Черты лица у него были резкие, губы сами собой расходились в улыбке, широко расставленные глаза отливали

синевой. Смертный, доведись ему увидеть Скафлока, наверняка сказал бы, что мальчика окутывает тайна, что глаза его видели нечто недоступное обычному человеку.

Имрик как-то сказал ему:

— Ты уже взрослый, и тебе не пристало ходить с моим старым оружием. Пора занять свое собственное. К тому же король эльфов как раз хотел повидаться со мной. Словом, мы отправляемся за море.

Услышав это, Скафлок вскрикнул от радости, вскочил на коня и погнал его из замка, по лесам и полям, творя мимоходом волшебство, чтобы выплеснуть переполнявший его восторг. По его воле танцевали на полках кувшины, звенели колокола на колокольнях, топоры дровосеков, словно обретя собственное разумение, рубили лес, коровы запрыгивали на крыши сараев, ветер разметывал стога сена, золотой дождь с неба проливался на крестьянские дворы. Невидимый под Тагнкарре*, Скафлок целовал девушек, что трудились в полях на вечерней заре, ерошил им волосы, а ухажеров их сталкивал в канавы. И много дней после того священники в церквах зывали к Богу, чтобы он рассеял колдовство, хотя Скафлок давно уже вышел в море.

Парус черной ладьи Имрика наполнял ветер, который поднял князь эльфов. Команду корабля составляли надежные, опытные бойцы, ибо в дальнем плавании может случиться всякое — всплывет из пучины морской змей или покажется на горизонте судно троллей. Скафлок стоял на украшенном резной фигурой дракона носу и вглядывался вдаль: обзаведшись колдовским зрением еще в детстве, он видел ночью так же хорошо, как и днем. Он различал в волнах серебристо-серые спины дельфинов, он окликнул по имени знакомого самца-тюленя. В свете луны блеснули мокрые бока кита. То, что смертные зрят лишь мельком или принимают за грезы наяву, открывало себя раскосым глазам Скафлока: морские девы с песнями резвились на поверхности вод, проступала из глубины затонувшая башня Иса, доносился из поднебесья крик ястреба и вспыхивал на мгновение золотистый сполох — то мчались на восток валькирии**.

Под вой ветра и плеск волн ладья Имрика на рассвете достигла противоположного берега. Ее вытащили на сушу и произнесли над ней охранительные заклинания.

Эльфы укрылись в тени корабельного корпуса, Скафлок же взобрался на дерево, чтобы осмотреться. К югу тянулись бесконечные пашни. Стрoения здешние отличались от тех, к которым он привык в Англии. Над всеми прочими возвышался угрюмый баронский замок. Скафлоку на миг стало жаль людей, что жили в таком убожестве. Он ни за что не согласился бы разделить их участь.

Едва наступила ночь, эльфы уселись на коней, которых привезли из-за моря, и поскакали в глубь суши. К полуночи они очутились в

* Шапка-невидимка (нем.).

** В скандинавской мифологии дсвы-воительницы, повинующиеся Одину и участвующие в присуждении смертей и побед в битвах. Павших в бою уносят в Вальхаллу, где прислуживают им, поднося еду и питье.

горном краю. Лунный свет дробился в зеленоватых панцирях ледников, скалы кутались в густые тени. Эльфы ехали по узкой тропе, держа на изготовку пики. Позвякивала конская сбруя, развевались плащи и плюмажи на шлемах, копыта звонко цокали о камень, пробуждая в сумраке гулкое эхо.

Неожиданно сверху хрипло протрубил рог, из низины ему ответил другой. Послышался звон металла и топот бегущих ног. Тропу, что ввела в пещеру, загородил отряд карликов.

Кривоногие, длиннорукие, широкоплечие, ростом они были по пояс Скафлоку. Бородатые лица выражали гнев, глаза метали молнии из-под насупленных бровей. Вооружены карлики были железными мечами, топорами и щитами. Однако, несмотря на это, эльфы в прошлом частенько бивали их — копьями и стрелами, ловкостью и проворством, хитроумием и изворотливостью.

— Что вам нужно? — буркнул предводитель карликов. — Разве эльфам и троллям мало тех бед, какие они нам причинили, опустошив наши земли и забрав в рабство наших сородичей? Сейчас мы превосходим вас числом, и если вы приблизитесь, мы убьем вас.

— Мы пришли с миром, Мотсогнир, — отозвался Имрик. — Мы хотим лишь купить у вас кое-что.

— Знаю я твое лукавство, Имрик Вероломный, — отрубил Мотсогнир. — Ты норовишь застать нас врасплох.

— Возьми заложников, — предложил князь.

Карлик ворчливо изъявил согласие. Несколько эльфов разоружили и приставили к ним часовых, а остальные следом за Мотсогниром направились в пещеру.

Пламя костров окрашивало каменные стены в багровые тона. Карлики ни на миг не прекращали свой труд. От грохота молотов по наковальням у Скафлока зазвенело в ушах. Здесь ковались предметы, равных которым по красоте не сыскать было во всем белом свете: кубки и чаши с отделкой из самоцветов, золотые кольца и ожерелья, оружие из металла, что добывался в самом сердце горы, оружие, достойное богов, — те и впрямь не брезговали творениями карликов. Но выкованное подземными жителями оружие могло быть как добрым, так и злым, ибо карликам ведомы были могущественные руны и заклинания и владели они древними тайнами.

— Ты не желаешь одарить моего приемного сына? — спросил Имрик.

Кротовьи глазки Мотсогнира остановились на высокой фигуре Скафлока.

— Снова взялся за старое, а, Имрик? — раскатился под сводами пещеры низкий голос карлика. — Когда-нибудь это тебе отойдется. Ну да ладно, раз он из людей, значит, потребует себе булат.

Скафлок помедлил с ответом. Приученный с малых лет к осмотрительности, он предпочитал обдумывать свои слова. Но карлик был прав. Для крепнувших с каждым днем рук мальчика бронза была слишком мягкой, а диковинные сплавы эльфов — чересчур легкими.

— Да, булат, — подтвердил Скафлок.

— Хорошо, хорошо, — буркнул Мотсогнир, поворачиваясь к наковальне. — Скажу тебе честно, паренек, вы, люди, слабы, неразумны и к тому же смертны, но вы сильнее эльфов и троллей, да что там — самих великанов и богов. Почему? Да хотя бы потому, что можете коснуться холодного железа. Эй! — позвал он. — Эй! Синдри, Трекк, Драупнир, а ну сюда!

Наковальня загудела под ударами молота, в разные стороны полетели искры. Так велико было мастерство кузнецов, что уже вскоре Скафлок облачился в сверкающую кольчугу, надел на голову крылатый шлем, навесил на спину щит и прицепил к поясу меч. Пальцы его крепко обхватили рукоять топора. И доспехи, и оружие — все было из отливающей голубым стали. Взмахнув топором, мальчик издал боевой клич эльфов.

— Ха! — воскликнул он, обнажил меч, взглянул на него и сунул обратно в ножны. — Пусть только тролли, гоблины или великаны попробуют подойти к Альвхейму! Они надолго запомнят свое безрассудство!

Скафлок сложил такие висы:

*Пышет жаром битва.
В безумии боя
звон клинков взлетает
к зоркому небу.
Стрелы ливнем льются
на головы воям,
топорам тяжелым
кольчуги не помеха.*

*Пышет жаром битва,
и громовый грохот
врагов оглушает,
редит их ряды.
Пир кровавый лезвий
в самом разгаре.
Волк и ворон вместе
подберут объедки.*

— Неплохо сказано, — холодно одобрил Имрик, — но не вздумай приступать к эльфам со своими новыми игрушками. Пошли отсюда, — он протянул Мотсогниру мешочек с золотом. — Вот твоя плата.

— Лучше бы ты освободил моих сородичей-рабов, — ответил карлик.

— Нам без них никак не обойтись, — возразил Имрик.

Проведя день в пещере в горах, эльфы с темнотой оседлали коней и поскакали в дремучий лес, среди которого стоял дворец их короля.

Скафлок столкнулся с колдовством, рядом с которым меркли все его познания. Он смутно видел освещенные луной высокие башни в голубых сумерках и усыпанные звездами небеса, он смутно слышал музыку, что леденила сердце и бросала в дрожь. Но, лишь оказавшись в тронной зале, обрел он ясность зрения и слуха.

Король эльфов сидел на троне в окружении своих вельмож. Его корона и скипетр были золотыми, багряные одежды украшала искусная вышивка. Он единственный из эльфов выглядел пожилым: седые волосы и борода, морщины на лбу и на щеках. Черты его лица казались вырезанными из мрамора, в глазах притаилось пламя.

Имрик поклонился, его воины преклонили колена перед королем. Тот заговорил, и голос его подобен был песне ветра:

— Привет тебе, Имрик, вождь британских эльфов.

— Привет тебе, господин, — откликнулся князь, глядя королю в глаза.

— Мы создали всех вождей на совет, — продолжал тот, — ибо нас известили, что тролли снова готовятся к войне. Нет никаких сомнений, что вооружаются они против нас и, стало быть, перемирию приходит конец.

— Наконец-то, господин! Наши клинки затупились в ножнах.

— Погоди радоваться, Имрик. В прошлый раз эльфы одолели троллей и гнали бы их до самого логова, когда бы не перемирие. Иллреде, король троллей, вовсе не глуп. Он не стал бы затевать войну, если бы не считал себя сильнее, чем прежде.

— Я соберу войско, господин, и разошлю лазутчиков.

— Сделай так. Быть может, они отличатся там, где потерпели неудачу мои. — Король обратил взгляд на Скафлока. Мальчик ощутил, как сжалось у него в груди сердце, но стойко выдержал королевский взор. — Мы слышали о твоём подменыше, Имрик. Тебе следовало попросить позволения.

— На это не было времени, господин, — возразил князь. — Пока я добирался сюда, ребенка успели бы окрестить. Похищать детей становится все труднее.

— И все опаснее, Имрик.

— Да, господин, но разве оно того не стоит? Ты знаешь и без моих напоминаний, что человеку доступно многое, чего не способны совершить эльфы, тролли, гоблины и им подобные. Они могут работать с любым металлом, не страшатся святой воды и святой земли, произносят имя нового бога... Даже древние боги уступают порой в могуществе людям. Эльфы нуждались в таком, как он.

— Тот, кого ты оставил взамен него, ничуть не хуже.

— Верно, господин. Однако тебе ведь известен злобный нрав полукровок. В волшебстве ему нельзя было бы доверять так, как доверяю я своему названному сыну. Если бы люди не обвиняли нас в кражах и не призывали своих богов отомстить за них, эльфам не пришлось бы устраивать подмен.

До сих пор разговор велся о том, что понимал всякий из присутствовавших в тронной зале, он тек неторопливо, в присущей бесмертным манере. Но вот голос короля посуровел:

— По-твоему, ему можно верить? Новый бог очарует его, и он потерял для нас навсегда. Уже сейчас он, пожалуй, чересчур силен.

— Нет, господин! — Скафлок выступил вперед и смело взглянул в лицо королю. — Я благодарен Имрику за то, что он спас меня от скуки и тягот смертной жизни. Я эльф разве что не по крови, младенцем я сосал грудь эльфийки, на языке эльфов я говорю и рядом с девушками эльфов сплю, — он выпятил подбородок, словно бросая вызов. — Позволь мне, господин, быть твоим гончим псом, и я докажу тебе свою верность. Но помни, что собака, которую выгоняют из дома, превращается в волка и нападает на стада своего бывшего хозяина!

Услышав такие речи, некоторые из эльфов в смятении зашептались, но король кивнул и мрачно усмехнулся.

— Мы верим тебе, — сказал он. — И прежде бывало так, что людей принимали в Альвхейме и они вырастали могучими воинами. Но нас тревожит дар асов. Они следят за тобой, и цели их наверняка разнятся с нашими.

По зале пробежал ропот, кое-кто принялся чертить в воздухе руны. Имрик решил вмешаться:

— Господин, того, что предрекли норны*, не в силах изменить даже боги. По мне, будет трусостью отвергнуть такого человека из смутного страха перед завтрашним днем.

— Ты прав, Имрик, — произнес король, и совет взялся за обсуждение других дел.

Перед расставанием король задал прощальный пир. Великолепие королевского двора совсем вскружило Скафлоку голову. Он возвратился домой исполненный столь глубокого презрения к людям, что какое-то время всячески сторонился их.

Миновало пять или шесть лет. Эльфы оставались прежними, а вот Скафлок вырос настолько, что рабы-карлики Имрика вынуждены были перековать заново его доспехи. Он был выше князя и шире его в плечах и славился своей силой. Он боролся с медведями, выходил против диких быков и состязался в беге с оленями. В Альвхейме никто, кроме самого Скафлока, не мог согнуть его лук или поднять над головой топор — впрочем, последний все равно был из железа.

Лицо его похудело, над верхней губой появились усы того же цвета, что и длинные волосы. С возрастом он сделался еще привлекательнее и непослушнее, частенько выкидывал что-нибудь этакое, озорничал и шалил. Проказник и непоседа, он то вызывал ветерок, чтобы тот поднял юбку у девушки, то бражничал с приятелями, то буянил ночи напролет. Ища выхода прибавлявшейся силе, он рыскал по округе в поисках опаснейшей дичи. Он охотился на чудовищ, что приходились родичами Гренделю**, он убивал их в их логовах, получая порой раны, исцелить которые могло лишь волшебство Имрика. Оправившись же, снова принимался за свое. Или бездельничал целыми неделями, лежал, закинув руки за голову и

* В скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу ребенка при рождении.

** В англосаксонской эпической поэме «Беовульф» — чудовище, истреблявшее дружинников короля данов.

глядя на облака в вышине. Или, приняв обличье какого-нибудь зверя и обретя неведомые человеку чувства, носился по лесам и плескался в воде, резвился выдрой, трусил вприпрыжку волком или парил орлом.

— Трех вещей не знал я никогда, — похвалился он однажды. — Страху, горечи поражения и любовной тоски.

Имрик окинул его странным взглядом.

— Ты молод еще, — проговорил он, — чтобы изведать то, на чем строится жизнь смертного.

— Я больше эльф, чем человек, отчим.

— Пока.

В один год Имрик снарядил дюжину кораблей и отправился в поход. Флотилия пересекла восточное море, эльфы высадились на скалистое побережье и предали огню и мечу поселения гоблинов. Затем они совершили набег на город троллей, что стоял в глубине суши, перебили его жителей, подожгли и удалились, захватив с собой добычу. Войны никто еще не объявлял, однако подобные вылазки с обеих сторон учащались. Отплыв на север и повернув к востоку, Имрик со Скафлоком провели ладьи через призрачный край холода, туманов и дрейфующих льдов, обогнули мыс, миновали пролив и взяли курс на юг. Они сражались с драконами и нападали на демонов, двигаясь вдоль берега на запад, пока тот не забрал снова к югу, а тогда направились на север. Тяжелее прочих далась им схватка на пустынной полосе прибрежного песка с войском изгнанных богов, тощих, изможденных, обезумевших от одиночества, но по-прежнему могучих. После битвы, в которой все же торжествовали победу эльфы, Имрик велел сжечь три корабля, ибо некому было ставить на них паруса или братья за весла.

Изредка им попадались люди, но эльфы не обращали на них внимания, будучи заняты совсем другим. Смертные же видели их только мельком. Воевали они далеко не везде, во многих королевствах их принимали с почетом и соглашались торговать, и ладьи надолго вытаскивались на берег. Три года спустя со дня отплытия Имрик возвратился домой с богатой поживой и множеством рабов. Слухи о его походе разнеслись по всему Альвхейму и по соседним землям. Эльфы прославляли Имрика и Скафлока.

Глава 6

Ведьма жила в лесу одна-одинешенька, предаваясь воспоминаниям о минувшем. Долгие годы они согревали ей душу, питали ненависть и жажду мщения. Понемногу набираясь колдовских сил, она научилась вызывать духов земли и демонов воздуха, и те стали ее наставниками. Она летала на помеле на черный шабаш, и ветер яростно трепал ее лохмотья, когда она кружила над Брокеном*. То

* Гора в Германии, где, по преданиям, собирались ведьмы.

было воистину дьявольское сборище: отвратительные тени прошлого распевали над черным алтарем и пили из котлов кровь. Но ужаснее всего, пожалуй, было наблюдать молодых женщин, что участвовали в омерзительных обрядах и оргиях.

Ведьма вернулась оттуда, обретя толику мудрости, и привезла с собой крысу, что прокусывала острыми зубками ее высохшие груди, чтобы напиться крови, спала ночами рядом на подушке и нашептывала что-то на ухо хозяйке. Наконец она решила, что сумеет исполнить свое давнее намерение.

Над хижиной ее грохотал гром и сверкали молнии, вспыхивал ослепительный голубой свет, распространяя вокруг вонь адского пекла. Но призрачная фигура, перед которой пала ниц ведьма, поражала красотой, ибо грех всегда необычайно привлекателен для того, кто грешит добровольно.

— О ты, многоименный, Принц Тьмы, Собрат Зла, — воскликнула ведьма, — помоги мне, и я заплачу тебе так, как ты желаешь!

Тот, к кому она обращалась, заговорил, и голос его был тих и вкрадчив:

— Ты ступила на дорогу ко мне, но пока еще я не властен над тобой. Милосердие Небес беспредельно, и, лишь отринув их по своей воле, ты утратишь его навсегда.

— На что мне милосердие? — вскричала ведьма. — Оно не отомстит за моих сыновей. Я готова отдать тебе душу, если ты предашь мне в руки моих врагов.

— Тут я бессилен, — ответил дух, — но с моей помощью ты сможешь залучить их в свои силки, если окажешься хитрее, чем они.

— Согласна!

— Но разве ты не отомстила Орму? Ведь это благодаря тебе считает он подменыша своим старшим сыном, и горя ему предстоит испытать немало.

— А настоящий сынок Орма благоденствует в Альвхейме, да и другие дети подрастают! Я хочу искоренить его поганое семя, как он извел под корень мой род. Языческие боги отвернулись от меня вместе с Тем, чье имя я не стану произносить. Уповаю лишь на тебя, Господин Мрака.

Взгляд духа, в котором мерцало пламя холоднее самого лютého мороза, задержался на ведьме.

— Ты, должно быть, слышала, — прошепел голос, — что здесь замешаны боги. Один, что предвидит людские судьбы, лелеет какой-то замысел... Но я помогу тебе. Я дам тебе знание и силу, я превращу тебя в могучую чародейку. Я расскажу тебе, как бить наверняка, если только враги не умнее тебя.

В мире существуют три Силы, неподвластные ни богам, ни демонам, ни людям, сокрушающие все и всякое колдовство. Это Белый Христос, Время и Любовь.

Первый лишь осудит твое желание, и потому берегись, чтобы ни Он, ни его присные ни о чем не узнали. Помни, Небо наделяет

людей свободной волей и ни к чему их не принуждает; чудеса убеждают тех, чьи глаза открыты.

У второго имен больше, чем у меня самого, — Судьба, Рок, Закон, Норны, Необходимость, Брахма и так далее. К нему взывать не стоит, ибо оно все равно не услышит. Не надейся, что поймешь, как оно уживается со свободой, о которой я говорил, просто знай, что есть древние боги и боги новые. Чтобы творить великие заклинания, надо проникнуться мыслью, что истина многообразна и многолика.

Но третья Сила — смертная, а потому одновременно помогает и губит. Ею ты и воспользуешься.

Когда ведьма поклялась особой клятвой, дух открыл ей, где хранятся знания, которых она алчет, и ушел.

Она глядела ему вслед, и ей показалось, что уходящий в ночь не похож на того, кто был у нее в хижине. Она видела сейчас высокого мужчину с седой бородой. Кутаясь в плащ и сжимая в руке копье, он быстро удалялся, а из-под шляпы с широкими полями виднелся один-единственный глаз. Ведьме вспомнился тот, кто славился своим хитроумием и двуличием и в скитаниях своих частенько переодевался то одним, то другим. Она вздрогнула.

Гость скрылся из виду. Быть может, ее обманул неверный свет звезд? Впрочем, какое ей дело? Главное — месть теперь свершится!

Подменыш был злобным и шумным, но в остальном ничем не отличался от обычного ребенка, и, хотя Элфриду порой ставило в тупик поведение ее сына, она ни о чем не догадывалась. По желанию Орма она нарекла мальчика при крещении Вальгардом, пела ему песенки, играла с ним и любовалась на него. Правда, он так кусался, что кормить его было сущей мукой.

Орм был страшно рад, что его первенец — такой крепкий и сильный.

— Он будет славным воином, — воскликнул дан, — меченосцем, конником, моряком! — Он огляделся по сторонам. — А где собаки? Где мой верный Грам?

— Грама нет, — ответила Элфрида, пряча глаза. — Он прыгал на Вальгарда и норовил его укусить, и я велела убить бешеного пса. А другие присмирели и только рычат, когда я выношу мальчика из дому.

— Странное дело, — пробормотал Орм, — в моем роду не было врагов собакам.

Вальгард подрастал, и мало-помалу становилось очевидным, что животные его не терпят: коровы бежали прочь, лошади фыркали и брыкались, кошки взбирались на деревья, а чтобы отбиваться от собак, мальчику с малолетства пришлось учиться владеть копьем. Он платил им всем той же монетой — пинал, щипал, словом, всячески изводил. Неудивительно, что он сделался охотником и не знал пощады.

Был он мрачен и молчалив, проказничал и доставлял много хлопот. Рабы ненавидели его за грубость и жестокие шутки, которые он

над ними разыгрывал. А Элфрида, как ни принуждала она себя, так и не смогла его полюбить.

Зато Орм восхищался Вальгардом, хотя часто ссорился с ним. Слепая сына, он ни разу не слышал от него ни крика, ни стона, а рука у вождя данов была тяжелая. Вальгард не выказывал страха, когда, обучая его сражаться на мечах, отец замахивался на мальчика своим клинком, словно намереваясь раскроить ему череп. Он схватывал на лету оружейные приемы, ничего не боялся и ничему не умилялся. Настоящих друзей у него не было, но приятелей хватало.

Элфрида родила Орму других детей — двоих сыновей, рыжеволосого Кетиля и черноголового Асмунда, оба они обещали вырасти добрыми воинами, и дочерей Асгерд и Фреду, причем последняя поразительно походила на мать. Орм любил их всех, но Вальгарда явно выделял.

Диковатый, немногословный, сторонящийся людей, Вальгард достиг зрелости. Со Скафломом они были похожи как две капли воды, разве что волосы Вальгарда были чуть темнее, а кожа — чуть светлее. Но во взгляде подменыша сквозило равнодушие, губы его расходились в улыбке лишь тогда, когда он пускал кровь или причинял боль каким-то иным способом, да и то улыбаться значило для него скалить зубы. Будучи выше и сильнее своих одногодков, он присоединялся к их забавам только тогда, когда они задумывали какую-нибудь проказу. По хозяйству он не помогал, лишь забивал осею скот и частенько бродил в одиночестве по окрестностям.

Орм так и не построил церковь, о которой столько рассуждал. Однако ее воздвигли усилиями окрестных землевладельцев, и он разрешил своим работникам ходить туда к мессе. Элфрида попросила священника поговорить с Вальгардом, но юноша рассмеялся тому в лицо.

— Я не склонюсь ни перед твоим хнычущим божком, — заявил он, — ни перед каким другим. Мой отец приносит жертвы асам, и те посылают ему удачу, а на что годится твой Христос? Будь я сам богом, меня бы радовали кровавые приношения, а тех, кто досаждал бы мне причитаниями, я бы давил — вот так!

И он наступил сапогом на ногу священнику.

Орм, когда ему рассказали, весело хмыкнул и, несмотря на слезы Элфриды, отказался возместить урон монашескому достоинству.

Дню Вальгард предпочитал ночь. Неслышно соскользнув с постели, прокрадывался он на свежий воздух и бежал до рассвета по холмам, влекомый неведомыми ему лунными чарами. Он не знал, что его гонит, и чувствовал лишь печаль и тоску по тому, для чего не находил названия. Мрак в его рассудке рассеивался, когда он убивал, калечил или разрушал. Тогда он хохотал, и тролля кровь стучала ему в виски.

Однажды он загляделся на девушек, что работали в поле: платья намокли от пота и прилипали к разгоряченным телам. С того дня у него появилось новое развлечение. Сильный, пригожий, умеющий, если нужно, быть велеречивым, как эльф, он вскружил головы

многим, и Орму теперь то и дело приходилось платить за поруганную честь чужих дочерей или работников.

Он только посмеивался; но случилось так, что Вальгард, будучи навеселе, повздорил с Олавом Сигмундссоном и убил его. Орм покорно заплатил виру, однако понял, что, если сына ничем не занять, хлопот не оберешься. В последние годы он почти безвылазно сидел дома, отправляясь иногда в короткие поездки по торговым делам, но этим летом решил пойти в поход и взял с собой Вальгарда.

Юноша вскоре завоевал уважение товарищей. Они восхищались его умением и отвагой в бою, хотя и не одобряли того, что он убивал беспомощных и беззащитных. По прошествии какого-то времени у Вальгарда начались приступы одержимости: весь дрожа, с пеной на губах, он принимался грызть обод щита, а потом бросался в самую гущу схватки, завывая и круша все подряд. От мелькания его меча рябило в глазах, он не замечал своих ран, а искаженное яростью лицо его наводило такой ужас на врагов, что многие застывали на месте, и он рубил их сплеча. После битвы, как то всегда бывает с берсерком*, он чувствовал слабость, но вокруг него громоздилась гора трупов.

Постепенно у него составилась отряд головорезов, которых не пугали припадки бешенства, и во главе их он лето за летом уходил в походы, вовсе не заботясь о том, идет ли с ним отец, а тот скоро перестал сопровождать сына. К той поре когда Вальгард достиг расцвета своих сил, он добился того, что его именем стали страшить детей. Награбленное в набегах золото он тратил на постройку новых кораблей, в командах которых один молодчик стоил другого. В конце концов Орм запретил ему приводить этих людей в дом.

Остальные дети Орма и Элфриды пользовались всеобщей любовью. Кетиль пошел в отца: высокий, широкоплечий, веселый, всегда готовый подраться и подурачиться. Повзрослев, он начал покидать дом и уходить в море. Викинга из него не получилось: в первом же походе он разругался с Вальгардом и плывал теперь сам по себе, торгуя разными разностями. Худощавый и тихий Асмунд метко стрелял из лука, но воинская слава его не привлекала. Он занимался хозяйством, понемногу заменяя Орма. Асгерд выросла крупной девушкой с крепкими руками, голубоглазой и золотоволосой, а Фреда, по всей видимости, унаследовала красоту матери.

Вот так обстояли дела, когда ведьма решила, что пришло время для мщения.

Глава 7

Утром дождливого дня Кетиль с товарищами отправился на охоту. Стояла ранняя осень, деревья в лесу оделись в золото, медь и бронзу. Почти на самой опушке изумленные охотники увидели великолепного белого оленя, поражавшего своими размерами.

* Могучий воин из саг, которого в бою охватывало безумие.

— Такой зверь под стать королю! — вскричал Кетиль, прищпоривая коня, и началась погоня. Всадники неслись среди деревьев, перепрыгивали через бревна и камни, ломились сквозь кусты; ветер свистел у них в ушах, а лес вокруг превратился в одно большое разноцветное пятно. Собаки почему-то неохотно преследовали животное. Хотя Кетиль скакал не на лучшем из коней, он постепенно оторвался от товарищей.

Белый олень по-прежнему мелькал впереди, ветвистые рога его четко вырисовывались на фоне неба. В горячке погони Кетиль не замечал того, что в лицо ему хлещет ледяной ливень. Он потерял счет времени, забыл обо всем, кроме царственного животного, что увлекло его дальше в чащобу.

Наконец конь вырвался на полянку, где, словно поджидая охотника, стоял белый олень. Кетиль метнул копье. Но едва рука его завершила бросок, животное как-то съежилось — и растаяло на глазах, будто ветер разогнал клубящийся туман. Оно исчезло без следа, только рыскнула по опавшей листве серая крыса.

Лишь сейчас Кетиль осознал, что остался в одиночестве и заблудился. Конь его шатался от изнеможения. Похоже, они очутились далеко к западу от хозяйства Орма. Мысли юноши путались от усталости, а при воспоминании о пропавшем олене его бросало в дрожь.

На краю поляны, под развесистым дубом, примостился низенький домик. Кому это взбрело в голову поселиться тут, подумал Кетиль, и на что они живут в такой глуши? Впрочем, какое ему дело, главное — есть где переждать до утра. Домик был деревянный, с соломенной крышей, окна его призывно светились. Кетиль спешил-ся, подобрал свое копье и постучал в дверь.

Та распахнулась, открывая доступ в богато обставленную комнату. Дальше виднелось пустое стойло. Однако взгляд Кетилия устремлен был на хозяйку. Юноша чувствовал, что не в силах отвести его, что сердце в груди пропустило удар, а потом заколотилось о ребра, словно дикий кот о прутья клетки.

Женщина была высокой; платье с глубоким вырезом облегалo ее стройное тело, подчеркивая каждый его изгиб. Темные неприбранные волосы ниспадали ей до колен, обрамляя совершенный овал белого, точно морская пена, лица. Пухлые губы были ярко-алыми, из-под длинных ресниц, над которыми изгибались подведенные брови, глядели бездонные зеленые глаза. В глубине их сверкали искорки. Эти глаза сразили Кетилия наповал. Никогда, подумалось ему, никогда в жизни не видел он ничего подобного.

— Кто ты? — спросила женщина нараспев. — Что тебе нужно?

В горле у юноши пересохло, кровь оглушительно стучала в виски, но он все-таки выдавил:

— Я... Кетиль Ормссон... Я сбился с пути на охоте и прошу приюта для своего коня... и для себя...

— Входи же, Кетиль Ормссон, — сказала женщина с улыбкой. Сердце Кетилия готово было выпрыгнуть из груди. — Немногие заглядывают ко мне, но я всегда рада гостям.

— Ты живешь... одна? — запинаясь спросил Кетиль.

— Да. Но этот вечер проведу с тобой, — она засмеялась, и он схватил ее в объятия.

Орм разослал своих людей по округе, но никто из соседей не знал ничего о том, куда сгинул его сын. Так миновало три дня, и Орм удостоверился, что с Кетилем случилась беда.

— Может, он сломал ногу или повстречался с разбойниками, мало ли что. Завтра, Асмунд, мы с тобой отправимся его искать.

Вальгард сидел, развываясь на скамье, в руке он сжимал рог, полный меда. Два дня назад он возвратился из летнего похода и, оставив своих викингов в хозяйстве, которое приобрел недавно, завернул в отчий дом — не для того, чтобы проведать родных, но чтобы насладиться хлебосольством отца. Угрюмое лицо его казалось окровавленным в отблесках пламени в очаге.

— Почему ты зовешь с собой одного Асмунда? — справился он. — Или ты забыл про меня?

— Помнится, между тобой и Кетилем не было большой любви, — ответил Орм.

— Ее и нет, — ухмыльнулся Вальгард, осушая рог. — Однако я пойду с вами. Надеюсь, что разыщу его и приведу домой. Ведь что хуже для Кетилия, чем быть обязанным мне?

Орм пожал плечами, в глазах Элфриды заблестели слезы.

На рассвете следующего дня, под хриплый лай собак, множество конных устремилось в лес. Вальгард же с малых лет привык охотиться пешим и в одиночку. Он нес на плече огромный топор, голову его покрывал шлем, а одежды из шкур придавали ему вид дикого зверя. Он потянул носом морозный воздух и осмотрелся. Ему не было равных среди людей в умении отыскивать след. Вскоре он заметил то, что искал, усмехнулся и, вместо того чтобы протрубить в рог, двинулся легкой рысцой по следу.

Тот уходил на запад, в глухую чащобу, куда Вальгард никогда еще не забирался в своих скитаниях. Небо посерело, облака неслись низко над землей, едва не цепляясь за голые ветви деревьев. Ветер подхватывал опавшие листья, кружил их в воздухе, его завывания сбивали Вальгарда с толку. Он чувствовал, что здесь что-то не так, но, будучи неискушен в волшебстве, не догадывался, от чего встают дыбом волосы у него на затылке.

Сумерки застигли его в самой глухомани, утомленного, голодного, кипящего злобой на Кетилия. Угроздило же братца пропасть в такую пору — ведь зима на носу! Ну да ничего, он свое возьмет.

Постой-ка... Вальгард различил в сгущающихся сумерках тусклое мерцание. Нет, это не блуждающий огонек, а свет из окна, и он означает приют на ночь. Но кто знает, вдруг он наткнулся на логово разбойников? Коли так, хмыкнул про себя Вальгард, будет кого убить.

Темнота погнала его вперед. Снежное крошево обжигало щеки и впивалось в кожу. Вальгард подкрался к окну и прильнул к щели между ставнями.

Кетиль, живой и здоровый, сидел на скамье у огня. В одной руке он держал рог с элем, а другой ласкал устроившуюся у него на коленях женщину.

Всемогущие боги, что за женщина! Вальгард присвистнул сквозь зубы. Он и думать не думал, что на свете живет такая красота. Подойдя к двери, Вальгард ударил по ней обухом своего топора. Через некоторое время дверь открылась, и на пороге с копьем в руке появился Кетиль. Он взглянул в ночную тьму, но не смог ничего различить за разбушевавшейся пургой.

Разъяренный Вальгард оттолкнул его плечом. Кетиль выругался, но пропустил брата в дом. Вальгард медленно приблизился к женщине, не сводя с нее взгляда. На деревянном полу за ним оставались мокрые следы.

— Ты не слишком гостеприимен, братец, — проговорил он со смешком. — Будь на то твоя воля, ты бы выгнал меня, отмахавшего ради тебя столько миль, в ночь, чтобы я замерз под каким-нибудь деревом.

— Тебя сюда никто не звал, — утрюмо пробормотал Кетиль.

— Разве? — спросил Вальгард, продолжая глядеть на женщину. Та посмотрела ему в глаза, и на губах ее заиграла улыбка.

— Я рада тебе, — прошептала она. — Ты настоящий мужчина.

Вальгард засмеялся и повернулся к Кетилю.

— Звал ты меня или нет, милый братец, — сказал он, — я задержусь тут до утра. Места в постели хватит только на двоих, я проделал долгий путь, так что, боюсь, тебе придется спать в стойле.

— Ну уж нет! — воскликнул Кетиль, сжимая древко копья с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Я уступил бы отцу, Асмунду или кому другому из наших, но не тебе, злодей-берсерк! Спать на соломе будешь ты!

Вальгард фыркнул и взмахнул топором, отрубив наконечник копья.

— Ступай, малыш, — посоветовал он брату, — не то я тебя вышвырну.

Обезумев от ярости, Кетиль ударил его обломком копья. Вальгард прыгнул. Его топор погрузился в череп Кетилия.

По-прежнему вне себя от бешенства, он повернулся к женщине. Та протянула к нему руки. Он облапил ее и целовал до тех пор, пока на губах не выступила кровь. Женщина громко засмеялась.

Пробудившись наутро, Вальгард увидел Кетилия: брат лежал в луже крови, перемешанной с вытекшими мозгами. Встретив взгляд мертвеца, он неожиданно ощутил раскаяние.

— Что я наделал! — прошептал он. — Я убил своего родича!

— Ты сразил того, кто был слабее тебя, — отозвалась женщина.

Вальгард встал над телом брата.

— Когда-то все было иначе, Кетиль, — проговорил он задумчиво. — Помню, мы с тобой бегали смотреть на новорожденного теленка, что

еле стоял на ногах, помню, мы ходили в море, ветер дул нам в лица, а вода сверкала под солнцем. В святки мы сиживали с тобой за столом, а снаружи завывала вьюга. Мы плавали с тобой, брат, играли и веселились, а теперь ты — труп. Но спи спокойно, доброй ночи, Кетиль, доброй тебе ночи.

— Если ты откроешь людям правду, тебе не жить, — сказала женщина. — Его уже не вернешь. А в могиле нет ни поцелуев, ни объятий.

Вальгард кивнул, взвалил на плечо тело Кетилия и отнес его в лес. Не желая больше прикасаться к топору, он оставил оружие в черепе мертвеца, завалил труп камнями и ушел.

Женщина дожидалась его, и память о содеянном быстро улетучилась. Красотой затмевавшая солнце, лесная отшельница была необычайно искусна в любви.

В ее доме было тепло, а за дверью становилось все холоднее. Зима обещала быть долгой и суровой.

Неделю спустя Вальгард решил, что пришло время возвратиться домой, пока его самого не начали разыскивать и пока его викинги не перессорились между собой. Однако женщина отказалась последовать за ним.

— Я не покину свой лес, — сказала она, — но ты приходи ко мне, Вальгард, я с радостью приму тебя.

— Я скоро вернусь, — проговорил он, и не помыслив о том, чтобы увести ее силой, хотя неоднократно проделывал это с другими. Она отдалась ему без всякого принуждения, а таким даром злоупотреблять не следовало.

Орм, опасавшийся, что потерял и второго сына, шумно приветствовал Вальгарда, остальные же при виде его особого восторга не выразили.

— Я был на севере и на западе, — сказал Вальгард, — но Кетилия не нашел нигде.

— Что ж, — печально произнес Орм, — он, должно быть, мертв. Мы искали его много дней подряд, а попался нам только конь без всадника. Пора устраивать поминки.

Погостив денек у отца и побывав у себя, Вальгард снова отправился в лес, дав Орму слово присутствовать на погребальном пире. Асмунд долго глядел ему вслед.

Его настораживало то, что Вальгард всячески избегает разговоров о судьбе Кетилия, что он пошел на охоту, когда зима загнала медведей в берлоги, а прочая дичь сделалась такой робкой, что легче обойтись без свежего мяса, чем гоняться за ней по сугробам. Где пропадал Вальгард и почему он так торопился уйти?

В конце концов, через два дня после ухода Вальгарда, Асмунд не выдержал. Цепочка ясно видимых, благо в эти дни не было ни снега, ни ветра, следов тянулась до лесной опушки и дальше. Встав на лыжи, Асмунд направился в белые просторы, откуда бежало все живое; мороз вгрызлся в его тело.

Вальгард возвратился тремя днями позже и застал погребальный пир в самом разгаре. Хмурясь, берсерк протолкался сквозь толпу на дворе и вошел в дом.

Элфрида схватила его за руку.

— Ты видел Асмунда? — спросила она с запинкой. — Он до сих пор не вернулся из леса.

— Нет, — ответил Вальгард.

— Горько мне будет потерять двоих сынов и остаться с тем, кто хуже заклятого врага, — проговорила Элфрида, отворачиваясь от него.

Вечером все собрались в главной зале. Орм восседал на своем почетном месте, Вальгард расположился по правую руку от отца. Люди, рассевшись на длинных скамьях вдоль с ген, поднимали рога с медом; залу разделял пополам неглубокий ров, в котором полыхало пламя. Женщины усердно подливали тем, чьи рога пустели. Захмелев, многие забыли, по какому поводу их пригласили, и начали с вожделием поглядывать на сноровистых дочерей Орма.

Сам Орм улыбался, как то положено воину, презирающему смерть. Но кто знает, что скрывала его улыбка? Элфрида не могла удержаться от слез. Вальгард молча осушал рог за рогом, стремясь разогнать тоску, но та упорствовала и, словно назло ему, становилась все сильнее. Ни женщины, ни ратные забавы не отвлекали его сейчас от мрачных мыслей, а потому он снова и снова вспоминал свой поступок, и глаза Кетиля глядели на него из сумрака под потолком.

Вскоре в зале сделалось шумно, однако стук в дверь, которая не была заперта, привлек всеобщее внимание. На пороге появился Асмунд.

Он был бледен и едва стоял на ногах, на плече его лежало нечто, завернутое в плащ. Он обвел взглядом залу, выискивая отца. Мало-помалу установилась тишина.

— Проходи, Асмунд! — крикнул Орм. — Мы ждали тебя...

Но Асмунд смотрел куда-то в сторону — на Вальгарда. С уст юноши сорвались странные слова:

— Я привел с собой еще одного гостя.

Орм сидел неподвижно, с лица его сползли все краски. Асмунд поставил свою ношу на пол. Она промерзла настолько, что ей вполне хватало руки Асмунда в качестве опоры, чтобы сохранять вертикальное положение.

— Я нашел его под камнями, — произнес Асмунд, по щекам которого струились слезы. — Мне стало стыдно, что мы поминаем его в тепле, а он тут один, стынет под вой ветра. В общем, я принес Кетиля домой — а в голове у него топор Вальгарда!

Он откинул плащ, и блики пламени упали на запекшуюся на лезвии топора кровь. Волосы Кетиля покрывала изморозь. Мертвые глаза уставились на Вальгарда. Опираясь на Асмунда, Кетиль насмешливо разглядывал своего убийцу.

Орм медленно повернулся к берсерку. У того от изумления и страха отвисла челюсть, но он быстро пришел в себя и рассвирепел. Вскочив, Вальгард воскликнул:

— Ты лжешь!

— Разве это не твой топор? — спросил Асмунд. — Хватайте его, добрые люди, вяжите братоубийцу, которого ждет виселица!

— Я требую правосудия! — крикнул Вальгард. — Дайте мне осмотреть оружие.

Никто не пошевелился, все были потрясены случившимся. Вальгард направился к двери, провожаемый гудением пламени.

У входа было сложено оружие. Вальгард вдруг резко наклонился, подобрал копье и бросился бежать.

— Не уйдешь! — Асмунд попытался преградить ему дорогу, вытаскивая из ножен меч. Вальгард ударил. Копье вонзилось в незащищенную грудь Асмунда, притвозило его к стене, и он умер, по-прежнему поддерживая рукой Кетиля.

Вальгардом овладело бешенство. Он зарычал, глаза его яростно засверкали, на губах выступила пена. Орм, который преследовал сына, напал на него сзади. Вальгард перехватил клинок отца, извернулся и всадил в горло старому дану свой нож.

Орм рухнул на пол, обливаясь кровью. Вальгард позаимствовал у него меч. В дверях толпились домочадцы. Вальгард обрушился на ближайшего из них.

В зале царила суматоха. Одни прятались по углам, другие норовили утихомирить безумца. Клинок Вальгарда пел песню смерти. Друг за другом пали трое воинов. Но тут несколько мужчин, укрывшись за большой столешницей, отогнали берсерка от груды оружия. Все поспешили вооружиться.

Вальгард же, пользуясь случаем, накинулся на безоружных, что стояли меж ним и дверью. Они рассыпались в стороны, и он вырвался из залы. Снаружи его встретил воин с мечом и щитом. Натолкнувшись на железный обод, клинок Вальгарда переломился.

— Никудышная у тебя сталь, Орм! — вскричал викинг и могучим усилием вырвал свой топор из черепа Кетиля. Воин не ожидал от него такой прыти. Первый удар Вальгарда разнес на куски щит, вторым он отрубил нападавшему по плечо правую руку и выбежал из дома.

Вслед ему полетели копыя. Он рванулся к лесу. Кровь отца, которая обгряла его ладони, застыла на морозе, и погоня сделалась бесполезной. Бегом, чтобы не замерзнуть, Вальгард двинулся на запад. Тело его сотрясали рыдания.

Глава 8

Ведьма сидела одна-одинешенька в полумраке. Послышался шорох, и из крысиной норы выкатился какой-то комок. Присмотревшись, она увидела свою колдовскую помощницу.

Утомленная и исхудавшая, крыса кое-как забралась на грудь ведьмы, прокусила кожу и прильнула к ранке. Напившись, она свер-

нулась клубочком на коленях у хозяйки, поглядывая на нее своими глазами-бусинками.

— Ну, — спросила ведьма, — что скажешь?

— Долгим был мой путь, — ответила крыса. — В обличье нетопыря добралась я, гонимая ветром, до Альвхейма. Частенько, шныряя по тамошним залам, была я на волосок от гибели. Они догадливы, эти эльфы, и быстро сообразили, кто я такая. Но мне все же удалось подслушать их разговоры.

— Их замыслы не изменились?

— Нет. Скафлок думает совершить набег на Тролльхейм, надеясь сразить Иллреде, — ведь тот во всеуслышание объявил о конце перемирия. Имрик останется в Эльфхьюке, чтобы защищать его, если придется.

— Хорошо. Старый князь слишком ловок для нас, зато Скафлок в одиночку наверняка угодит в ловушку. Когда он отплывает?

— Через девять дней. У него около пятидесяти ладей.

— Эльфы плавают быстро, значит, они достигнут Тролльхейма в ту же ночь. Я научу Вальгарда, как поднимать ветер, и он будет там через три дня. Столько же времени потребуется ему, чтобы снарядиться. Выходит, чтобы он появился у Иллреде перед самым прибытием Скафлока, я должна продержат его у себя... Правда, ему надо будет собрать своих воинов... Впрочем, подчинить его мне не составит труда, он теперь изгнанник, который лишился всякого приюта.

— Ты не жалуешь его.

— Я не держу на него зла, ибо породил его не Орм, но он — мое подручное средство в опасной игре. Справиться со Скафлоком будет потруднее, чем убить Орма и двоих его сыновей или захватить их сестер. Он только посмеется над моими заклинаниями, — ведьма оскалила зубы. — Пусть его. Вальгард станет тем острием, какое пронзит сердце Скафлока. Что же до самого Вальгарда, я дам ему возможность возвыситься среди троллей, тем более если с его помощью они одолеют эльфов. Вдвойне сладка будет мне гибель Скафлока, коли вместе с ним и благодаря ему падет Альвхейм.

И ведьма принялась ждать — терпеливо и безропотно, как при-
выкла за минувшие годы.

Под утро, когда серый рассвет вырвал из мрака покрытые инеем ветви деревьев, в дверь ее хижины постучали. Она отперла, и Вальгард рухнул ей на руки. Он был едва живой от усталости, на одежде его виднелись кровавые пятна, а блуждающий взгляд был взглядом безумца.

Она накормила его мясом, напоила элем и настоем из трав, и через какое-то время он немного оправился.

— Лишь ты осталась у меня, — пробормотал он. — Женщина, чья красота и распутство сгубили меня, я убью тебя, а потом брошусь на свой меч.

— Зачем ты говоришь так? — улыбнулась она. — Неужели все так плохо?

Он уткнулся лицом в ее пахучие волосы.

— От моей руки пали отец и братья, — простонал он, — я изгнан, и нет мне прощения.

— Ты доказал всем, что ты сильнее тех, кто угрожал тебе, — возразила она. — Какая разница, кем они тебе приходились? Но коли мысль о погубленных родичах тревожит тебя, отринь ее, ибо ты невиновен.

— Что? — Он непонимающе уставился на нее.

— Ты не сын Орму, Вальгард Берсерк. Мне доступно ясновидение, и я говорю тебе, что ты рожден не от человека. Твои родители принадлежат к столь древним родам, что ты и вообразить себе не можешь.

Он напрягся, стиснул пальцами ее руки с такой силой, что ей стало больно, и крикнул во весь голос:

— Что ты несешь?!

— Ты подменишь, оставленный Имриком, князем эльфов, взамен первенца Орма, — проговорила ведьма. — Ты сын Имрика от рабыни, которая была когда-то дочерью короля троллей Иллреде.

Вальгард оттолкнул ее от себя. На лбу его блестели капли пота.

— Врешь! — выдохнул он. — Врешь!

— Нет, — спокойно ответила женщина и приблизилась к нему. Он отпрянул, грудь его бурно вздымалась. Ее голос был тих и ровен: — Как по-твоему, почему ты не похож на других детей Орма? Почему ты презираешь богов и людей, бродишь в лесах сам по себе и находишь забвение, лишь проливая кровь? Почему из всех женщин, с которыми ты спал, ни одна не принесла тебе ребенка? Почему тебя страшатся животные и маленькие дети? — Она загнала его в угол и не позволяла отвести взгляд. — Почему? Да потому, что ты — не человек!

— Но я вырос среди людей, я могу прикоснуться к железу и произнести святое имя, я не колдун...

— Это все проделки Имрика. Он лишил тебя твоего наследства ради отпрыска Орма. Он придал тебе его обличье. Он подкинул тебя людям, чтобы никто не разбудил колдовскую силу, что таится в твоём теле. Имрик отобрал у тебя твоё право по рождению, всучив тебе вместо этого недолгую жизнь и способность выносить то, что отпугивает эльфов. Но он бессилён был дать тебе человеческую душу, Вальгард. И, подобно ему, ты со смертью превратишься в ничто, тебе не стоит надеяться ни на рай, ни на ад, ни на чертоги древних богов. А жизнь твоя будет коротка, как у любого человека!

Тут Вальгард вскрикнул, вырвался из угла и выскочил наружу. Женщина улыбнулась.

Он вернулся ещё до темноты, когда за стенами хижины разбушевалась вьюга. Он сутулился и прятал голову в плечи, но глаза его воинственно сверкали.

— Теперь я верю тебе, — пробормотал он, — иного мне не остаётся. Я видел призраков и демонов, они мчались по ветру и потешались надо мной, — взгляд его устремлён был в темный угол. — Ночь надвигается на меня, жизнь моя проиграна... Я потерял все — родню, дом, собственную душу, которой я вовсе не имел... Я — тень

великих Сил, что задувают сейчас свечу. Доброй ночи, Вальгард, доброй ночи...

Рыдая, он опустился на кровать.

Женщина, улыбнувшись, легла рядом с ним и поцеловала его. Губы ее были сладки, как вино, и обжигали огнем. Вальгард поглядел на нее пустыми глазами. Она прошептала:

— Разве пристали такие слова Вальгарду Берсерку, могучему воину, чье имя внушает страх от Ирландии до Гардарики? Я думала, ты обрадуешься, ведь судьба зовет тебя к новым свершениям. Ты мстил за куда более мелкие провинности, чем эта, — тебя ограбили, Вальгард, тебя заключили в темницу смертного тела!

Слушая ее, Вальгард ощущал, как возвращается к нему мужество, как полнится его сердце ненавистью ко всем, кроме лесной отшельницы. Наконец он сказал:

— Что мне делать? Как мне отомстить за себя? Эльфы и тролли невидимы для меня, если только они сами не пожелают иначе.

— Я научу тебя, — ответила женщина. — Я наделю тебя колдовским зрением, с которым рождаются все обитатели Волшебной страны. Ты убьешь тех, кто причинил тебе зло, и посмеешься над своим изгнанием, ибо превзойдешь могуществом любого короля смертных.

Вальгард сощурил глаза.

— Как? — спросил он.

— Тролли готовятся к войне со своими старинными врагами-эльфами. Скоро король Иллреде поведет свое войско на штурм Альвхейма. Скорее всего сперва он нападет на Имрика, чтобы обезопасить свои фланг и тыл перед продвижением на юг. Среди воинов Имрика выделяется отвагой, мудростью и равнодушием к железу и прочему Скафлок, сын Орма, который занимает принадлежащее тебе место. Присоединившись к Иллреде, предложив ему богатые дары и рассказав о своем происхождении, ты сможешь влиться в его армию. При осаде Эльфхьюка ты постарайся убить Имрика и Скафлока, и тогда Иллреде наверняка сделает тебя правителем Англии. Обучившись волшбе, ты сумеешь, быть может, разрушить чары Имрика и станешь истинным эльфом или троллем, обретешь бессмертие до конца света.

Вальгард засмеялся. Смех его походил на лай охотящегося волка.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Убийца, изгнанник, нелюдь — мне нечего терять. Если мне суждено примкнуть к войску тьмы и холода, я примкну к нему с легким сердцем и в битвах, какие и не грезились людям, утолю свою тоску. О, женщина, ты навлекла на меня горе, но я благодарен тебе за это.

Он набросился на нее со всем неистовством берсерка, но позднее, когда заговорил, голос его звучал ровно и даже холодно:

— Как я попаду в Трольхейм?

Открыв сундук, женщина извлекла оттуда завязанный у горла кожаный мешочек.

— Ты отплывешь в тот день, который я тебе назначу, — сказала она. — Когда твои ладьи выйдут в море, развяжи веревку. Поднимется ветер, который наполнит их паруса. Колдовское зрение позволит тебе увидеть подвояры троллей.

— А мои люди?

— Ты подаришь их Иллреде. Тролли любят развлекаться, гоняясь по горам за людьми. К тому же они сразу почуют, что твои голово-резы — отъявленные негодяи, ради спасения которых никакой бог и пальцем не пошевелит.

Вальгард пожал плечами.

— Раз я собираюсь стать троллем, какое мне дело до их судьбы, — сказал он. — Но что еще мне подарить королю? Его погребя, должно быть, ломаются от золота, самоцветов и всего такого.

— Подари ему вот что, — посоветовала женщина. — У Орма остались две красивые дочери, а тролли славятся своим распутством. Свяжи этих девок, заткни им рты, чтобы они не могли перекреститься или произнести имя Иисуса...

— Только не их! — воскликнул Вальгард в ужасе. — Я вырос вместе с ними. И потом, им и без того худо.

— Нет, именно их, — возразила женщина. — Иллреде не возьмет тебя на службу, пока не убедится, что ты окончательно порвал с людьми.

Вальгард продолжал отказываться, но она прильнула к нему и, перемежая слова поцелуями, принялась рассказывать о чудесном будущем, которое его ожидает, и он в конце концов согласился.

— Но кто ты такая, самая злобная и самая прекрасная на всем белом свете? — проговорил он.

Она засмеялась, прижимаясь к его груди:

— Познав эльфийнок, ты забудешь обо мне.

— Нет, я никогда не забуду тебя. Ты сломила мою волю, любимая.

Женщина продержала Вальгарда в своей хижине столько, сколько сочла нужным, объясняя это необходимостью приготовить отвар, который вернул бы ему колдовское зрение. Впрочем, он и сам не рвался уйти: ее красота и ненасытность удерживали его надежнее всяких цепей.

Снаружи шел снег, когда однажды она сказала:

— Тебе пора.

— Нам, — ответил он. — Ты пойдешь со мной, ибо я не могу жить без тебя. Если придется, я применю силу, но заберу тебя с собой.

— Хорошо, — вздохнула она. — Может статься, ты передумаешь, когда я наделю тебя зрением.

Она встала, поглядела на него сверху вниз, провела пальцами по его лицу. На губах ее заиграла едва ли не печальная улыбка.

— Ненависть жестока, — прошептала она. — Я думала, Вальгард, что радость покинула меня навсегда, но ты возвратил мне ее, и как тяжело прощаться с тобой! Удачи тебе, мой милый. А теперь, — ее пальцы коснулись его век, — смотри!

И Вальгард увидел.

Прибранная комнатка и высокая белокожая женщина растворились у него на глазах, точно ветер разогнал дым. С ужасом взирал он на то, что открылось его взгляду.

Он сидел в грязной хижине, в очаге догорал кизяк, тщедушное пламя освещало груды костей, кучи тряпья, ржавые металлические инструменты и диковинные колдовские приспособления. Он глядел в мутные глаза старухи, чье лицо казалось морщинистой маской, натянутой на беззубый череп. На сморщенной груди ведьмы примостилась крыса.

Ошеломленный, перепуганный, он вскочил. Ведьма ослабилась.

— Милый, милый, — прокаркала она, — возьми меня на свой корабль. Ты клялся, что не бросишь меня.

— Ну, погоди же! — взревел Вальгард, замахиваясь на нее топором. Ведьма съежилась — и с лавки на пол спрыгнули две крысы. Топор вонзился в землю в тот самый миг, когда они юркнули в нору.

С пеной у рта, Вальгард схватил палку и сунул ее в огонь. Она загорелась, и он ткнул ею в тряпье и в солому крыши. Выбежав наружу, он встал у двери, готовый зарубить любого, кто покажется. Но никто не вышел. Хижина горела, ветер раздувал пламя, снег шипел, соприкасаясь с огнем.

Наконец от хижины остались лишь уголья. Вальгард крикнул:

— Из-за тебя я утратил дом, родню и надежду, из-за тебя я дал клятву присоединиться к войску тьмы, из-за тебя решил стать троллем! Слушай меня, ведьма, если ты жива. Я исполню твой замысел. Я буду править троллями Англии, я завладею престолом Тролльхейма, и тогда — берегись! Тебе не знать пощады. Ты изведает мой гнев наравне с людьми, эльфами и прочими, кто осмелится перечить мне. Я не успокоюсь, пока не сдеру с тебя заживо кожу, ибо ты разбила мое сердце!

Повернувшись, он зашагал на восток и вскоре исчез за пеленой снегопада. Ведьма и крыса в норе под землей кивнули друг другу. Все шло так, как было задумано.

Викинги Вальгарда представляли собой сущий сброд. Многие из них были изгнанниками. Где бы они ни приставали к берегу, их всюду встречали настороженно и недружелюбно. Вальгарду пришлось купить себе собственное подворье, чтобы его людям было где зимовать. Они жили вольной жизнью, поскольку всю работу выполняли за них рабы, однако отличались буйством нравов и подчинялись лишь своему предводителю.

Узнав о совершенных Вальгардом убийствах, они сообразили, что им надо поскорее уносить ноги, а потому снарядили корабли и изготовили их к плаванию. Но тут возникли разногласия из-за того, куда им плыть по зиме; было много споров, часть которых завершилась поединками. Иными словами, они дождались бы, что их всех перебили, если бы не возвращение Вальгарда.

На закате он ступил в главную залу своего дома. Коренастые и косматые мужчины осушали рог за рогом. В многоголосом гаме ничего нельзя было расслышать. Некоторые храпели на полу, рядом с собаками; другие препирались и размахивали кулаками, а зрители подначивали их, вместо того чтобы разнять. По зале сновали измученные рабы, среди них попадались и женщины, давно выплакавшие свои слезы.

Вальгард приблизился к своему месту. Высокий, угрюмый, с плотно сжатыми губами, он нес на плече огромный топор, который уже начали называть Братоубийцей. Шум постепенно стихал, и вскоре только гудение пламени нарушало тишину.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал Вальгард. — Хотя никто из вас не бывал на дворе у Орма, местные воспользуются тем, что случилось, чтобы избавиться от вас. В общем, оно и к лучшему. Я знаю, где нас поджидает богатство, и туда-то мы и поплывем на рассвете послезавтра.

— Куда и почему не завтра? — справился один из капитанов, пожилой человек по имени Стейнгрим. Лицо его украшали во множестве шрамы.

— Что до последнего, на завтра у нас есть дело, — отозвался Вальгард. — А поплывем мы в Финнмарк.

Стейнгрим возвысил свой голос над недовольным ропотом остальных:

— Ничего глупее я в жизни не слыхал! Финнмарк — край бедный, и лежит он за морем, которое опасно даже летом. Чего нам там искать? Разве что смерти — мы или утонем, или попадем в руки к тамошним колдунам. У нас под боком Англия, Скотланд, Ирландия, Оркней, тот же Валланд* — грабь не хочу!

— Вы слышали мой приказ. Ваше дело повиноваться, — сказал Вальгард.

— Ну уж нет, — откликнулся Стейнгрим. — Ты, верно, совсем спятил в лесу.

Вальгард прыгнул на него, точно дикий кот. Его топор расколол надвое череп Стейнгрима.

Другой викинг схватил копьё и с воплем метнул его в Вальгарда. Берсерк увернулся, а в следующее мгновение нападавший покатился по полу. Выдернув топор из черепа Стейнгрима, Вальгард окинул взглядом залу.

— Кто еще не согласен со мной? — спросил он тихо.

Ответа не последовало. Тогда Вальгард уселся на свое место и проговорил:

— Я действовал так потому, что время раздоров и склок миновало. Нам надо держаться заодно, иначе мы пропали. Я единственный из вас гохоу в жоаки. Наверно, моя задумка кажется вам бредовой, однако Стейнгриму следовало бы выслушать меня. Мне стало известно, что прошлым летом в Финнмарке поселился один богатый

* Валланд — скандинавское название Франции.

человек, в доме которого мы найдем все, что нам нужно. Они не ждут викингов по зиме, поэтому сопротивления мы не встретим. Я не боюсь плохой погоды. Вы знаете, я могу предсказывать. Вот мои слова: скоро задует попутный ветер.

Разбойники, похоже, припомнили, сколько раз подтверждалась правда Вальгарда. Что касается Стейнгрима, то среди тех, кто находился в зале, не было ни его родичей, ни побратимов. Послышались нестройные крики: «Веди нас, Вальгард! Мы пойдем за тобой!» Когда мертвое тело выволокли из дома, а гулянье пошло по новой, берсерк подозвал к себе капитанов.

— Неподалеку есть подворье, куда нам не мешало бы заглянуть перед отплытием, — сказал он. — Добыча там будет богатая, а драться почти не придется.

— Ты о чем? — спросил кто-то.

— О подворье Орма Силача. Он мертв и не сможет воспрепятствовать нам.

Головорезы явно смутились, но не посмели перечить своему предводителю.

Глава 9

Погребальный пир Кетиля стал также поминками по Асмунду и Орму. Мужчины пили молча, лица их были печальны: Орм был мудрым вождем, его двоих сыновей уважали по всей округе, несмотря на то что он не ходил в церковь. На следующий день после их гибели работники взялись за рытье могил.

В могилу Орма опустили его лучший корабль, на палубу которого положили сокровища, еду и питье для далекого путешествия, убитых лошадей и собак. А потом снесли туда всех троих, сраженных рукой Вальгарда, вместе с их одеждой, оружием и снаряжением. В ногах у каждого из них лежала подкова. Именно так хотел быть похороненным Орм, и жена исполнила его желание.

Спустя несколько дней к мужу и сыновьям пришла Элфрида. Тусклый зимний солнечный свет падал на тела Орма, Кетиля и Асмунда. Она встала на колени, распущенные волосы скрыли ее лицо от тех, кто наблюдал за ней.

— Священник сказал, что это будет грешно, иначе я убила бы себя, чтобы обрести покой рядом с вами, — прошептала она. — Тяжела будет моя жизнь. Вы были хорошими сыновьями, и ваша мать тоскует по вашему смеху. Лишь вчера я пела вам колыбельную, лишь вчера вы были совсем крохотными — и вдруг выросли пригожими молодцами, гордостью отца и моей. А теперь на вас падает снег, падает и не тает... — она покачала головой. — Не могу поверить, что вы мертвы. Не могу, и все.

Она улыбнулась Орму.

— Мы часто ссорились, — пробормотала она, — но это пустяки, ты любил меня, а я — тебя. Ты был добр ко мне, Орм, и мне холодно,

холодно без тебя. Я прошу милосердного Бога, чтобы Он простил тебя за то, что ты преступил Его законы. Ибо ты поступал так в неведении, хотя знал, как управлять кораблем, как смастерить сундук и как вырезать игрушку детям... И если Господь не примет тебя на Небеса, я буду молить Его, чтобы Он допустил меня в ад, ибо я не хочу расставаться с тобой. Даже если ты отправишься к языческим богам, я все равно найду тебя. Прощай, Орм, которого я любила и продолжаю любить. Прощай.

Она поцеловала его.

— Холодны твои губы, — сказала она и смятенно огляделась вокруг. — Не в твоём обычае целовать меня так. Это вовсе не ты, мертвый на корабле. Где же ты, Орм?

Ее вывели из могилы, и мужчины принялись забрасывать ладью землей. Когда они закончили, на берегу моря высился могучий курган. Волны накатывались на песок и пели погребальную песнь у его подножия.

Священник, который отнесся неодобрительно к языческим похоронам, отказался освятить землю, однако принял у Асгерд плату за поминальную молитву.

Жил поблизости юноша по имени Эрленд Торкельссон, который был помолвлен с Асгерд. Он сказал:

— Пуст дом, когда в нем нет мужчин.

— Да, — согласилась девушка. Холодный ветер с моря трепал ее густые кудри.

— Пожалуй, мы с друзьями задержимся немного, чтобы вас никто не потревожил, — предложил он. — А когда мы поженимся, Асгерд, твои мать и сестра смогут жить с нами.

— Я не выйду за тебя, пока Вальгарда не повесят, а его людей не сожгут живьем! — сердито воскликнула она.

— За этим дело не станет, — невесело усмехнулся Эрленд. — Стрелу войны уже передают из рук в руки. Если только они раньше не убегут, мы покончим с ними раз и навсегда.

— Хорошо, — кивнула Асгерд.

Ближе к ночи гости разъехались, остались лишь домочадцы Орма, Эрленд и пяток его друзей. С наступлением темноты задул сильный ветер, он принес на своих крыльях снегопад. Незаметно снег перешел в град, словно застучали по крышам копыта коней. В главной зале было темно и тихо, люди сидели кучкой в дальнем ее конце. Они мало говорили, но много пили.

Вдруг Элфрида встрепенулась.

— Я что-то слышала, — сказала она.

— Тебе почудилось, — возразила Асгерд, — в такую погоду все прячутся по домам.

Фреда, которую пугал неподвижный взгляд матери, тронула ее за руку и проговорила робко:

— Ты не одна, мама. Твои дочери не покинут тебя.

— Спасибо, — Элфрида выдавила из себя улыбку. — Вы возродите род Орма, чтобы память о нем не стерлась... — Она поглядела на Эрленда: — Не обижай свою жену. Ее предки были вождями.

— С чего бы это мне ее обижать? — ответил он.

В дверь ударили чем-то тяжелым. Сквозь вой ветра донесся крик:

— Открывайте! Открывайте, не то выломаем!..

Мужчины схватились за оружие. Раб откинул засов — и повалился на пол, зарубленный на месте. Высокий, хмурый, со снегом на плечах, в залу вошел Вальгард. Двое викингов прикрывали его с обеих сторон щитами.

Он сказал:

— Пусть женщины и дети выходят, мы их пощадим. Дом окружен моими людьми. Я думаю сжечь его.

Брошенное кем-то копье со звоном отлетело от металлического щита. Дымом запахло сильнее, чем прежде.

— Мало ты причинил нам горя? — крикнула Фреда. — Сжигай все, что хочешь, но я останусь тут, чтобы не быть обязанной тебе жизнью.

— Вперед! — крикнул Вальгард, и в залу ворвалась добрая дюжина викингов.

— Стойте! — воскликнул Эрленд, обнажая меч и нападая на Вальгарда. Сверкнуло лезвие Братоубийцы. Клинок юноши не успел ужалить — топор берсерка рассек тело Эрленда. Перепрыгнув через труп, Вальгард завладел рукой Фреды, а другой викинг схватил Асгерд. Остальные окружили их стеной из щитов. Облаченные в кольчуги и шлемы, они без труда побились наружу, убив еще троих.

Те, кто остался внутри, вооружились и попробовали вырваться, но часть из них полегла в дверях, а уцелевшие отхлынули обратно. Элфрида с криком бросилась к выходу. Ее викинги пропустили беспрепятственно.

Вальгард связал Фреде и Асгерд руки в запястьях с таким расчетом, чтобы за свободные концы веревок девушек можно было тащить, если они откажутся идти сами. Пламя охватило крышу дома. Элфрида вцепилась в рукав Вальгарда.

— Ты хуже волка, — прорыдала она, — какое новое зло ты замыслил? Что сделали тебе твои сестры, от которых ты видел только хорошее, как ты можешь топтать сердце матери? Отпусти их, отпусти!

Вальгард холодно глядел на нее.

— Ты мне не мать, — проронил он наконец и ударил ее. Она без чувств упала в снег, а он отвернулся и дал знак своим людям, чтобы они отвели пленниц на берег, где стояли наготове корабли.

— Что с нами будет? — плача, спросила Фреда. Асгерд плюнула в брата.

Он усмехнулся, не разжимая губ, и ответил:

— Я вовсе не желаю вам зла, даже наоборот — ведь вас отдадут королю, — он вздохнул. — Впрочем, мне лучше последить за вами, чтобы мои люди не подвели меня.

Те из женщин, которые не захотели умирать, выбежали наружу вместе с детьми. Викинги набросились на них, но, удовлетворив похоть, отпустили. Другие же предпочли сгореть заодно с мужьями. Пламя с дома вскоре перекинулось на прочие постройки, в которых, правда, уже не было ничего мало-мальски ценного.

Вальгард ушел, удостоверившись, что все, кто остался внутри, погибли. Он знал, что, если он промедлит, ему не миновать стычки с соседями. Викинги столкнули корабли в воду и налегли на весла. Ветер с моря гнал на берег ледяные волны.

— Так мы никогда не доберемся до Финнмарка, — проворчал рулевой на ладье Вальгарда.

— Доберемся, — утешил его берсерк.

На рассвете, как говорила ему ведьма, он сорвал веревку, что перетягивала горло кожаного мешочка. Тотчас же вокруг кораблей заметался ветер. Он задувал то справа, то слева, но потом вынырнул из-за кормы и наполнил паруса. Ладьи устремились прямо на север.

Соседи, что собрались у подворья Орма, обнаружили одни лишь головешки да кучи пепла. Их встретили заплаканные женщины и дети. Элфрида, однако, не плакала. Она молча сидела на кургане и смотрела пустыми глазами на море, а ветер трепал ее волосы и раздувал платье.

Три дня и три ночи подряд неслись по волнам корабли Вальгарда, подгоняемые неумолимым ветром. Одна ладья разломилась и затонула, но большинство людей удалось спасти. Суеверные молились про себя, перешептывались с товарищами, но страх перед Вальгардом подавлял всякую мысль о бунте.

Берсерк проводил почти все время на носу своего судна, глядя на море. Он кутался в длинный плащ, выбеленный морской солью и инеем. Как-то один из викингов попробовал возразить ему. Он убил смельчака на месте и выкинул тело за борт. С людьми он заговаривал редко, что вполне их устраивало, ибо им вовсе не хотелось ощутить на себе его тяжелый взгляд.

Асгерд и Фреда молили его сказать, куда они держат путь. Он отмалчивался, однако заботился о них, насколько это было возможно: кормил, поил, разрешил укрыться от брызг на носу и не подпускал к ним своих головорезов.

Фреда сперва не хотела есть.

— Я ничего не возьму у вора и убийцы, — сказала она. Полоски соли на ее лице обязаны были своим происхождением не только морской воде.

— Ешь, чтобы поддержать силы, — посоветовала Асгерд. — Ты берешь еду не у него. Ведь он заполучил ее, ограбив кого-то. Быть может, нам представится возможность бежать. Если мы обратимся за помощью к Господу...

— Запрещаю, — произнес Вальгард, который подслушивал. — Еще раз услышу что-нибудь подобное, заткну вам рты.

— Затыкай, — сказала Фреда, — молитва идет из сердца, а не с уст.

— Все равно она вам не поможет, — ухмыльнулся Вальгард. — Многие женщины взывали к Богу, когда я обнимал их, и все без толку. Но, как бы то ни было, я не потерплю на своей ладье разговоров о богах.

Он сказал это не потому, что ожидал подмоги им с Небес. Лишь те, у кого нет души, искушенные в волшебстве, могут рассчитывать на то, что им удастся докричаться до величественных Сил, природу которых они не понимают и упоминать о которых страшатся даже мимоходом. Он попросту решил обезопасить себя со всех сторон, и потом ему становилось горько, когда он слышал о том, что было ему недоступно.

Вальгард погрузился в раздумья, сестры тоже замолчали. На корабле было тихо, лишь поскрипывало дерево, шелестел снастями ветер да бились о борта волны. По небу мчались серые тучи, которые частенько извергали на головы людей снег или град. Флотилия викингов продвигалась к северу.

На третий день плавания, уже под вечер, показались берега Финн-марка. Тучи нависали так низко, что темнота наступила быстрее обычного. Прибой разбивался о голые утесы, на вершинах которых, среди снега и льда, росли немногочисленные чахлые деревца.

— Суровый край, — пробормотал рулевой на ладье Вальгарда. — Что-то я не вижу того подворья, о котором ты говорил.

— Правь вон к тому фьорду, — велел берсерк.

Прибрежные утесы, охранявшие горловину фьорда, отсекали ветер. Викинги спустили паруса и взялись за весла. Скалистый берег понемногу приближался. А неподалеку от кромки воды стояли тролли.

Ростом они уступали Вальгарду, но были вдвое шире в плечах. Руки их плетями свисали до колен, кривые короткие ноги оканчивались плоскими ступнями. Под зеленой, холодной и скользкой кожей перекатывались налитые мышцы. В большинстве своем тролли были лысыми, и их огромные круглые головы с приплюснутыми носами, заостренными кверху ушами, глубоко посаженными глазами и клыками, что торчали изо ртов, сильно смахивали на черепа. Глаза их лишены были белков и казались бездонными колодцами мрака.

Несмотря на пронизывающий ветер, лишь некоторые из них натянули на себя звериные шкуры. Вооружены они были в основном дубинками, а также топорами, копьями, луками и пращами для метания камней, поднять которые было не под силу никому из людей. Впрочем, кое-кто облачился в кольчугу и шлем и разжился оружием из бронзы или из эльфийского сплава.

Вальгард невольно вздрогнул.

— Холодно? — спросил кто-то из викингов.

— А? Нет-нет, — отозвался он и пробормотал себе под нос: — Надеюсь, ведьма не обманула меня, и эльфийки окажутся посимпатичнее этих образин. Но воевать они, похоже, умеют.

Пристав к берегу, викинги выгрузились и вытащили корабли на песок, а потом нерешительно направились в глубь суши. На глазах у Вальгарда ряды троллей пришли в движение.

Схватка была недолгой, ибо люди не видели, кто и откуда на них нападает. Порой, по чистой случайности, кто-то из троллей касался железа и отскакивал как ошпаренный, но это отнюдь не умеряло их пыла. Хоча во все горло, чудовища крушили черепа викингов, раздирали людей на кусочки и забавлялись, глядя на их мучения.

Рулевой с ладьи Вальгарда, увидев, что товарищи погибают, а предводитель спокойно взирает на бойню, с ревом кинулся на берсерка.

— Ты заманил нас в ловушку! — крикнул он.

— Заманил, — согласился Вальгард, отражая выпад. Вскоре рулевой упал на песок мертвым. Он был последним из викингов.

К Вальгарду, тяжело ступая по песку и камням, приблизился военачальник троллей.

— Мы ждали тебя. Нас известила летучая мышь, которая может превращаться в крысу, — буркнул он. — Мы славно повеселились. Идем к королю.

— Пошли, — сказал Вальгард. Он заново связал своим сестрам руки за спиной и затолкал им в рты по кляпу. Потрясенные удивленным, девушки безропотно повиновались, когда он велел им идти за собой. По глубокой расщелине они добрались до голого склона горы, миновали невидимых стражников и очутились в подземном дворце короля Иллреде.

Он был вырублен прямо в скале, но обставлен со всей возможной роскошью. Сами тролли ничего не изготавливали, а пользовались награбленным у эльфов, карликов, гоблинов и прочих, в том числе у людей. Каменные стены пещерного дворца укрывали расшитые самоцветами шпалеры, столы из черного дерева и слоновой кости застелены были изумительной красоты скатертями, в свете факелов мерцали и переливались богатые одежды вельмож и их жен.

По зале, разнося кушанья и кубки с питьем, сновали рабы, среди которых попадались и эльфы, и карлики, и гоблины. На своем пиру тролли заодно с говядиной, кониной и свининой пожирали похищенных у людей и в Волшебной стране младенцев, запивая лакомства вином с юга. Под высокими сводами пещеры раздавались дребезжащие звуки — такова была музыка троллей.

Вдоль стен стояли стражники, неподвижные, как языческие идо-лы. Пламя факелов кровавило наконечники их копий. Сидевшие за столами шумели, горланили, ссорились и тут же мирились, но владыки Тролльхейма не участвовали в общем веселье. Они молча наблюдали за всем со своих резных кресел.

Вальгард отыскал взглядом Иллреде. Король был дороден, если не сказать тучен, морщинистое лицо его обрамляла густая и длинная зеленая борода. Ощутив на себе королевский взор, подменыш не смог совладать с дрожью в коленках.

— Приветствую тебя, великий король, — проговорил он с запинкой. — Я Вальгард Берсерк, прибыл из Англии, чтобы сразаться за тебя. Мне сказали, что ты — отец моей матери, и с радостью я признаю в тебе деда.

Иллреде кивнул головой, которую венчала золотая корона.

— Быть посему, — провозгласил он. — Добро пожаловать, Вальгард, в Тролльхейм, твой родной дом.

Он взглянул на девушек, которые, будучи не в силах держаться на ногах, опустились на пол и тесно прижались друг к другу.

— А это кто такие?

— Прими от меня маленький подарок, — сказал Вальгард, — дочерей моего отчима. Надеюсь, они позабавят тебя.

— Хо-хо, хо-хо-хо! — гулко раскатился в наступившей тишине смех Иллреде. — Славный подарок! Давненько я не баловался с наложницами из людей! Что ж, милости просим, Вальгард, милости просим!

Он спрыгнул с трона и, громко топая, подошел к девушкам. Асгерд и Фреда ошарашенно озирались по сторонам. Угадать их мысли было вовсе не трудно: «Где мы? Пещера темна и пуста, но Вальгард с кем-то разговаривает и ему отвечают...»

— Глядите на свой новый дом, — усмехнулся Иллреде, притрагиваясь к их глазам. Едва они обрели колдовское зрение и увидели склонившегося над ними громадного тролля, даже кляпы не смогли заглушить вопля, который вырвался у них обеих одновременно.

Иллреде снова рассмеялся.

Глава 10

Набег на Тролльхейм готовился долго и тщательно. На пятьдесят кораблей взойшли лучшие воины английских эльфов. Имрик и мудрейшие из его колдунов наложили на ладьи охранительные заклятья. Флот должен был без всяких помех достигнуть фьордов Финнмарка, где находилось королевство троллей. Как глубоко удастся эльфам проникнуть на вражескую территорию, зависело от того, с каким сопротивлением они столкнутся. Скафлок надеялся добраться до дворца Иллреде и вернуться домой с головой короля троллей. Он с нетерпением дожидался дня отплытия.

— Не горячись, — остерег его Имрик. — Убивай и жги, но не жертвуй воинами ради своей прихоти. Будет куда лучше, если враги погибнут, а вы уцелеете.

— Так оно и будет, — улыбнулся Скафлок. Глаза его сверкали, золотистые волосы выбивались из-под головного обруча.

— Не знаю, не знаю, — печально пробормотал Имрик. — Я чувствую, что этот поход не принесет нам добра. Может, отложить его?

— Мы все равно поплывем, — возразил Скафлок.

— Да уж. Впрочем, я могу ошибаться. Плывите же, и да будет с вами удача.

Молодая луна серебрила утесы, что отграничивали полосу прибрежного песка. Неслись на восток облака, подгоняемые ветром,

завывания которого разносились далеко окрест. Блики лунного света посверкивали на пенных волнах и разбивались заодно с ними о скалы. Поблескивали в полумраке доспехи эльфов, а лежавшие на берегу корабли казались причудливыми тенями.

Скафлок, завернувшись в плащ, следил за посадкой. Ветер трепал его кудри. Неестественно бледная в лучах луны, к нему приблизилась Лия.

— Хорошо, что ты пришла! — воскликнул юноша. — Пожелай мне удачи и спой на прощание песню.

— Мне не обнять тебя, ты отгородился от меня своей железной кольчугой, — произнесла она своим звучным голосом, который напоминал шелест ветра, журчание ручейка или перезвон далеких колоколов. — Мои чары бессильны изменить твою судьбу. — Она взглянула ему в лицо. — Я знаю наверняка, что вы попадете в засаду. Я молю тебя, заклинаю молоком, которым поила тебя в детстве, и поцелуями, которые дарила тебе как мужчине, — останься дома!

— Разве пристало эльфийнке просить о таком вождя, который, может быть, возвратится с головой врага? — гневно вскричал Скафлок. — Ни за что на свете не совершу я столь постыдного поступка!

— Что ж, — в глазах Лии заблестели слезы. — Люди, жизнь которых и без того коротка, стремятся в юности к смерти, словно в объятия подружек. Несколько лет назад я качала тебя в колыбели, несколько месяцев назад я проводила с тобой теплые летние ночи, и для меня, бессмертной, прошедшие годы мало что значат. Мигом пронесется время до того дня, когда воронье набросится на твой обезображенный труп. Я никогда не забуду тебя, Скафлок, но боюсь, что целую в последний раз.

И она запела:

*Поспешайте, моряки,
нынче ветер будет с нами.
И летят ладьи легки,
по-над пенными волнами.
Что им очагов тепло,
что им просьбы жен и слезы;
если в море повлекло,
что им вьюги и морозы,
вод бурление, град и грозы.*

*Ветер, ветер, с высоты
насмехаясь над ладьями,
женищин жизнь калечишь ты,
разлучаешь их с мужьями.
Моряки под хохот волн
держат путь в края иные,
но поглотит каждый челн
вероломная стихия.
Ой, глубины вы морские!*

Скафлоку не понравилась песня Лии, ибо она предвещала неудачу. Отвернувшись от эльфийнки, он крикнул воинам, чтобы они

стаскивали корабли в воду. Ступив на палубу своей ладьи, он начисто позабыл о дурных предзнаменованиях.

— Ветер дует три дня подряд, — сказал его приятель Голтан. — Не иначе, он колдовской. Может статься, какой-нибудь кудесник плывет на восток.

— Поблагодарим его за то, что он избавил нас от необходимости самим поднимать ветер, — откликнулся Скафлок. — Однако, если он в пути целых три дня, значит, его корабль построен руками смертных. Ему не тягаться с нами!

Эльфы поставили мачты, развернули паруса, и их ладьи устремились вперед, подобные порыву ветра или снежному заряду. Они лихо перескакивали с волны на волну. Эльфы не знали себе равных в быстроте передвижения, будь то пешком, на конях или по воде. Еще до полуночи замаячили там, где море сливалось с небом, голые и утрюмые скалы Финнмарка.

Скафлок улыбнулся, обнажив зубы, и сказал так:

*Эльфы подступают
к воротам Тролльхейма:
скоро станет слышен
звон клинков каменных.
Даров для троллей
припасли немало:
битва будет жаркой,
славной выйдет сеча.*

*Тролли боятся,
бегут в одночасье,
спасения ищут.
Товарищи, будем
мы милосердны:
отрубим троллям
головы, чтобы
болеть перестали.*

Эльфы громко засмеялись. Спустив парус, они взялись за весла, и корабль Скафлока первым скользнул в устье фьорда. Глазам воинов открылась неожиданная картина — на берегу стояли три пустые ладьи, а чуть поодаль, на камнях, виднелись окровавленные трупы людей.

Скафлок спрыгнул на песок, сжимая в руке меч.

— Что тут произошло? — проговорил он, осматриваясь.

— Должно быть, они укрылись здесь от ветра, а потом на них напали тролли, — отозвался Голтан. — Это случилось совсем недавно. Видишь, кровь еще не успела застыть. Наверное, тролли поспешили к Иллреде — похвалиться своим злодеянием.

— Значит, нам повезло! — воскликнул Скафлок, который никак не рассчитывал застать недругов врасплох. Он взмахнул мечом, подавая знак воинам. Мертвецы остались лежать, где лежали, — ведь они были всего-навсего людьми.

Эльфы по мелководью подтащили свои корабли к берегу. Назначив часовых, Скафлок повел остальной отряд в скалы.

Они миновали расщелину, которая скрыта от взглядов смертных, и оказались среди обрывистых утесов; вершины их как будто вонзались в небо. Облака то и дело заволакивали лик луны, и казалось, что ночное светило подмигивает смельчакам. Пронизывающий, студеный ветер мешал продвижению, но эльфы шаг за шагом приближались к пещере, зев которой чернел в склоне горы.

Вдруг оттуда появились тролли — по-видимому, береговые дозорные, которым велено было вернуться на свои посты. Скафлок крикнул, перекрывая вой ветра:

— За мной! Мы одолеем их!

Прежде чем тролли успели сообразить, что к чему, засвистели стрелы и копыя, и это был последний звук, какой они слышали при жизни. Но шум схватки, разумеется, проник внутрь пещеры, и находившиеся там тролли бросились на вырубку попавшим в беду собратьям.

Звон оружия эхом отражался от стен и потолка, мешаясь с боевым кличем эльфов и громовыми криками троллей. Скафлок и Голтан сражались бок о бок, прикрывая друг друга щитами. Тролли не носили доспехов и были менее проворны, чем эльфы, а потому уступали едва ли не в каждом единоборстве. Один тролль кинулся на Скафлока, размахивая копьем, древко которого было толщиной с молодое деревце. Отразив удар щитом, Скафлок сделал выпад, и его стальной клинок пронзил сердце нападавшего. Краем глаза он увидел взметнувшуюся над его головой дубинку и снова подставил щит. Дубинка обрушилась на сталь с такой силой, что Скафлок зашатался и даже припал на колено, однако высвободил меч и отсек второму троллю ногу. Поднявшись, он нанес удар сплеча, и голова третьего тролля покатилась по полу пещеры.

Наконец сражение переместилось в парадную залу королевского дворца. Очутившись в просторном подземелье, эльфы тут же изготовились к продолжению битвы: тренькнули тетивы луков, и стрелы с серым оперением дождем посыпались на троллей. Те смешались, в их рядах возникла паника. Снова завязалась рукопашная.

Из эльфов некоторые погибли, многие получили ранения, но для троллей эта схватка была не чем иным, как сущей бойней. Однако королевская стража доблестно удерживала проход в пиршественную залу, где затаился их повелитель. Первый натиск эльфов окончился беспорядочным отступлением, а перед шеренгой стражников остались лежать мертвые и умирающие. Щиты троллей закрывали их тела от переносицы до колен, так что копыя и стрелы были тут бесполезны.

Скафлок измерил взглядом высоту свода.

— Смотрите, как надо! — крикнул он. Вид у него был ужасающий: с головы до ног в зеленой крови троллей, которая местами смешалась с его собственной красной, на щите и на шлеме вмятины, лезвие клинка выщерблено. Рассмеявшись, он вложил меч в ножны, схватил копьё, разбежался, оттолкнулся — и перелетел через головы стражников.

Приземлился он на ноги и вновь обнажил меч, однако вес доспехов чуть было не поверг его наземь. Кое-как сохранив равновесие, он напал на троллей сзади, а спины их ничем не были защищены. Три взмаха клинком — и столько же троллей оказались поверженными.

Стражники развернулись к нему. Эльфы, которые только того и ждали, рванулись вперед, в мгновение ока разместили охрану и ворвались в пиришественную залу короля Иллреде.

Тот сидел на троне в дальнем конце пещеры, стиснув в руке копьё. Двое троллей попытались заступить дорогу Скафлоку, но пали от его ударов. И тут перед ним возник человек.

На какой-то миг Скафлок опешил. Ему показалось, будто он видит свое отражение, которое замахивается на него топором. Он едва успел выставить щит. Однако топор был не из бронзы, а из чистой стали; он с легкостью расколол щит и рассек левую руку Скафлока.

Юноша попробовал достать врага сверху, но тот отскочил, выдернув топор из обломков щита, и снова ринулся в атаку. Скафлок отшвырнул щит. Сталь зазвенела о сталь. Оба противника были в кольчугах и шлемах, но меч значительно уступал в тяжести топору. Хотя Скафлок был сведущ в эльфийском ратном искусстве, он умудрился выбрать себе для похода не слишком хорошо сбалансированный клинок. И схватка оборачивалась не в его пользу.

Они и не заметили, как оказались в самой гуще сражающихся. Их отнесло в разные стороны. На Скафлока набросился тролль. Он сражался с храбростью отчаяния, но в конце концов сын Имрика покончил с ним. Тем временем двойника Скафлока окружили эльфы. Он пробился сквозь них к Иллреде, вокруг которого собрались уцелевшие тролли. Навалившись все разом на эльфов, они проложили себе дорогу к задней двери и исчезли за ней.

— В погоню! — крикнул Скафлок.

Голтан и другой военачальник удержали его.

— Это будет чистейшим безумием, — проговорил Голтан. — Видишь, за дверью темным-темно. Мы не вернемся оттуда. Давай лучше припрем дверь чем-нибудь, пока Иллреде не призвал на помощь тварей из-под земли.

— Пожалуй, ты прав, — нехотя согласился Скафлок.

Он оглядел залу, задержавшись взглядом на ломившихся от яств столах. Когда он увидел распростертые на скользком от крови полу пещеры тела убитых эльфов, глаза его посуровели. Но все равно — в сравнении с врагами они потеряли лишь горстку воинов! Скафлок велел прикончить раненых троллей — их крики и стоны быстро затихли. Своих же пострадавших в битве эльфы наскоро перевязали и положили в уголке: дома они поправятся в два счета под воздействием исцеляющих чар.

Вдруг Скафлок замер, испытав изумление, схожее с тем, что постигло его, когда он различил среди недругов самого себя. Около трона Иллреде лежали на полу две женщины, связанные и с кляпами во рту.

Скафлок приблизился к ним, доставая на ходу нож. Они попытались отползти.

— Я хочу лишь освободить вас, — сказал он на языке данов и разрезал веревки. Девушки встали, помогая друг другу. Их била дрожь. Одна из них, высокая, с длинными волосами, пробормотала сквозь слезы:

— Злодей, убийца, что еще ты замыслил?

Скафлок ошеломленно воззрился на нее.

— Что?.. — он запнулся. Хотя он умел говорить на языке людей, но пользовался им редко и произносил звуки певуче, на эльфийский манер. — Что я такого сделал? — Он улыбнулся. — Или вам нравилось быть связанными?

— Имей же совесть, Вальгард, не смейся над нами! — воскликнула золотоволосая девушка.

— Я не Вальгард, — ответил он, — и знать не знаю никакого Вальгарда, если только это не тот, кто сражался со мной. Но вы вряд ли видели наш поединок. Меня зовут Скафлок из Альвхейма, и тролли — мои враги.

— Правда, Асгерд! — вмешалась другая девушка, помоложе. — Он не может быть Вальгардом. У него нет бороды, он носит не ту одежду и говорит так странно...

— Я боюсь верить, — прошептала Асгерд. — А если он снова морочит нас? Я знаю наверняка лишь то, что Эрленд погиб и наши родичи вместе с ним.

Она заплакала, рыдания ее походили на отрывистый смех.

— Нет-нет! — Вторая девушка вцепилась в Скафлока, ощупала его лицо. Глаза ее, в которых блестели слезы, сверкали подобно солнечным лучам в каплях весеннего дождя. — Нет, незнакомец, ты не Вальгард, хотя вас трудно не перепутать. У тебя добрый взгляд, твои губы привыкли улыбаться... Слава Бо...

Он зажал ей рот ладонью прежде, чем она докончила фразу.

— Не произноси пока этого имени, — сказал он торопливо. — Вы среди тех, кто страшится его. Но они не причинят вам зла. Мы отвезем вас домой или туда, куда вы захотите.

Она кивнула, глядя на него широко раскрытыми глазами. Он убрал ладонь и пристально посмотрел на девушку. Невысокого роста, стройная, гибкая. Длинные темно-русые локоны с оттенком рыжины, широкий лоб, вздернутый нос, пухлые губы. Из-под темных бровей и пушистых ресниц глядели большие, широко расставленные глаза; их дымчато-серый цвет пробудил в Скафлоке какие-то полусознанные воспоминания. Но что за ними скрывалось, он так и не смог догадаться.

— Кто ты? — спросил он.

— Фреда Ормсдоттер из Англии, а это моя сестра Асгерд, — ответила девушка. — А ты?

— Скафлок, воспитанник Имрика, из английского Альвхейма, — отозвался он. Фреда отпрянула, едва удержавшись от крестного знамения. — Не бойся меня. Подожди тут, я сейчас приду.

Эльфам досталась знатная добыча. Обыскав прилегающие к тронной зале пещеры, они наткнулись на своих собратьев, которых тролли превратили в рабов, и освободили их. Наконец они вышли наружу. Поблизости от входа в подземный дворец Иллреде располагались хозяйственные постройки. Эльфы предали их огню. По-прежнему дул сильный ветер, однако тучи разошлись, и языки пламени взметнулись к усыпанному звездами морозному небу.

— Кажется мне, что с троллями покончено, — сказал Скафлок.

— Не спеши, — предостерег Валка Мудрый. — Мы застали их врасплох, но куда они бежали и что думают делать.

— Узнаем в другой раз, — проговорил Скафлок. — А теперь пускай ладьи несут нас домой.

Асгерд и Фреда стояли чуть поодаль, молчаливо наблюдая за эльфами. Они дивились на этих могучих воинов, что двигались легко и неслышно — лишь звякали порой доспехи. Бледные, широкоскулые, со звериными ушами и раскосыми глазами, они внушали невольный страх смертным.

Между ними ходил Скафлок, почти такой же ловкий и сноровистый. Он говорил на их колдовском языке, но все-таки чувствовалось, что он человек. И кожа у него теплая, подумалось Фреде, не то что у тех эльфов, которые по случайности задевали ее.

— Он наверняка язычник, если живет среди них, — сказала Асгерд.

— Наверно, — ответила ей сестра, — но он был добр к нам и спас нас от... от...

Вздвигнув, Фреда плотнее закуталась в плащ, который отдал ей Скафлок.

Тем временем юноша протрубил в рог сигнал к отступлению, и эльфы, выстроившись цепочкой, направились к побережью. Скафлок шагал рядом с Фредой, часто поглядывая на нее, но не произнося ни слова.

Она была моложе его, и в движениях ее длинноногого, стройного тела ощущалась еще такая жеребьячья неуклюжесть. Голову она держала высоко, лунный свет словно выморозил золотистые пряди ее волос. Когда они спускались по крутому склону, ее маленькая ручка очутилась в его мозолистой ладони.

Неожиданно откуда-то спереди донесся хриплый рев троллего рога, ему ответил другой, следом третий, и меж утесов заматалось эхо. Эльфы застыли как вкопанные. Насторожив уши, они всматривались в темноту; ноздри их слегка подрагивали.

— Должно быть, они поджидают нас на берегу, — сказал Голтан.

— Плохо дело, — отозвался Скафлок, — но хуже того будет пробиваться по расщелине под градом камней. Пойдем верхом.

Он протрубил вызов в свой большой изогнутый рог. Эльфы до сих пор пользовались такими рогами, а люди позабыли о них с наступлением бронзового века.

— Боюсь, нам снова придется сражаться, — сказал Скафлок Асгерд и Фреде. — Мои воины не дадут вас в обиду, если вы не станете

произносить имен, которых они не выносят. Иначе вы опять угодите в лапы к троллям.

— Нехорошо умирать, не воззав перед смертью к... Тому, кто на Небесах, — проговорила Асгерд. — Но мы исполним твою просьбу.

Рассмеявшись, Скафлок положил руку на плечо Фреде.

— Мы обязательно победим, красавицы! — воскликнул он.

Двоим эльфам поручено было нести девушек, ибо ноги смертных не могли состязаться в быстроте передвижения с ногами обитателей Волшебной страны, а остальные построились вокруг живым щитом. Скафлок повел отряд по горному гребню в сторону моря.

Эльфы играючи перепрыгивали со скалы на скалу; позвякивали доспехи, сверкали в лунном свете обнаженные клинки. Увидев троллей, чьи безобразные фигуры казались еще отвратительнее в призрачном сиянии ночного моста богов, они издали боевой клич и застучали рукоятями мечей по щитам.

Скафлок присвистнул. Троллей было раз в шесть больше, нежели эльфов. Если Иллреде сумел за столь малый срок собрать такую орду, какова же его истинная сила?

— Что ж, — хмыкнул юноша, — будем рубить шестерых с одного замаха.

Первыми в сражение вступили лучники эльфов. На головы непоротливых троллей посыпались стрелы. Многие из них достигли цели, прочие же или попадали на камни, или застряли в щитах. Вскоре запас стрел истощился.

Эльфы устремились на врагов, и в ночи завязалась кровавая схватка. Хрипели тролли рога, выпевали звонкие ноты эльфийские горны, завывали по-волчьи тролли и пронзительно кричали эльфы, громы-хали по щитам топоры, мечи со звоном отскакивали от шлемов.

Топор и клинок! Копье и булава! Расколотый щит, раздробленный шлем, распоротая кольчуга! Алая кровь эльфов смешивалась с зеленой кровью троллей. А над головами бойцов полыхала красками смерти заря.

В самой гуще битвы, похожие как близнецы, дрались двое высоких воинов. Топор Вальгарда и меч Скафлока не ведали пощады. Берсерком владело бешенство, он крушил направо и налево, не замечая, где свои, а где чужие. Скафлок бился молча, но едва ли менее яростно.

Эльфы оказались окруженными со всех сторон. Тролли напирали, намереваясь, как видно, задавить противника числом. Скафлоку чудилось, будто место одного убитого тролля тут же занимают двое других. Пот стекал с него ручьями, он был мокрым с головы до ног, нападал, отражал удары и вновь нападал.

И вдруг перед ним оказался Вальгард, безумный, пылающий ненавистью ко всему эльфийскому, а особенно — к пасынку Имрика. Они сошлись в поединке, меряя друг друга свирепыми взглядами.

Клинок Скафлока обрушился на шлем Вальгарда и оставил на нем вмятину. Топор Вальгарда врезался в щит Скафлока и прорубил

в нем дыру. Скафлок сделал коварный выпад: сталь распорол щеку Вальгарда до самых зубов. Берсерк взревел и накинулся на Скафлока с удвоенной силой: щит юноши разлетелся в щепы, из многочисленных порезов на левой руке хлынула кровь.

Но Вальгард увлекся и слишком далеко выставил ногу. Меч Скафлока вонзился ему в икру. Берсерку повезло, что клинок затупился в сражении, иначе он лишился бы ноги. Пошатнувшись, Вальгард упал.

Скафлок вознамерился было прикончить его, но могучий удар по шлему поверг юношу на колени. Это король троллей Иллреде хватил его своей дубиной с каменным наконечником. Вальгард поднялся и замахнулся топором. Хотя в ушах у него звенело, а боль опоясывала голову словно железным обручем, Скафлок сумел откатиться, и лезвие воткнулось в землю. Кто-то из эльфов высочил из кольца, охранявшего девушек, и напал на берсерка. Дубина Иллреде опустилась на его шею. Вальгард воздел топор в воздух, норовя уложить эльфа во втором ряду кольца, но промахнулся. Его грозное оружие поразило ту, кого эльф держал на руках.

Кольцо сомкнулось и двинулось на тролля с человеком. Те вынуждены были отступить. Скафлок кое-как встал. Иллреде вернулся к своему войску. Вальгард же остался стоять, где стоял; припадок безумия миновал.

Усталый, весь в крови, он застыл над телом Асгерд.

— Я не хотел этого, — пробормотал он. — Кто из нас проклят, я или мой топор? — Он провел рукой по глазам. — Но... они ведь мне не родня...

Он уселся на землю. Битва все еще продолжалась, но в некотором отдалении.

— Убив Скафлока, убив Фреду, я искореню род, который считал когда-то своим, — говорил он, глядя золотистые волосы Асгерд. — И хорошо бы обойтись без тебя, Братоубийца. Элфриду я тоже убью, если она до сих пор жива. Почему нет? Она мне не мать. Моя мать — мерзкая тварь, что сидит под замком в темнице Имрика. А Элфрида, которая укачивала меня в колыбели, мне не мать...

Эльфы бились доблестно, однако перевес был на стороне троллей. Скафлок подбадривал своих воинов, кричал на них — и вел дальше. Его клинок сеял смерть. Тролли бессильны были против сверкающей смертоносной стали. Мало-помалу эльфы пробивались к побережью.

Скафлок дрогнул на миг, когда рухнул навзничь с копьем в груди Голтан.

— Я обеднел на одного друга, — прошептал он, — и упущенного уже не наверстаю.

Оглядевшись, он возвысил голос:

— Хей, Альвхейм! Вперед, вперед!

Остатки отряда эльфов сумели-таки разорвать ряды троллей и положили себе дорогу к берегу. В сражении пало немало славных воинов, и среди них Валка Мудрый, Флам Оркнейский и Хлоккан Алая Пика.

Уцелевшие прорвались к кораблям. На глазах у троллей некоторые из них разбрасывали на бегу захваченную добычу. Это на какое-то время задержало погоню: Иллреде рад был вернуть утраченные сокровища.

Добрую половину кораблей пришлось предать огню, ибо некому было садиться за их весла. Погрузившись на лады и столкнув их в воду, эльфы принялись гребсти к выходу из фьорда.

Фреда, кутаясь в плащ, смотрела на Скафлока: тот стоял на носу корабля, размахивал руками и бормотал слова, которых она не понимала. С кормы задул ветер. Сила его все нарастала, и корабли под парусами устремились в море. Они мчались по волнам, подобные морской пене или бегущим облакам, грезам или колдовским чарам, или лунным бликам на воде. Скафлок пел заклинания, ветер трепал его волосы и звенел кольцами кольчуги. Юноша казался Фреде героем древних саг, бесстрашным воином из незапамятного прошлого.

Внезапно в глазах у нее потемнело.

Глава 11

Она очнулась на ложе из резной слоновой кости, устланном мехами и шелками. Ее тело было чистым и свежим; кто-то одел ее в сорочку из белой венецианской парчи. Рядом с ложем стоял искусственно сработанный столик, на котором находились кубок с вином, кувшин с водой, виноградные гроздья и другие плоды из южных земель. А вокруг царил синеватый полумрак.

Она не сразу вспомнила, что случилось, а когда память возвратилась, залилась слезами. Плакала она долго. Но самый воздух, которым она дышала, успокаивал. Выплакавшись, она пригубила вино, ощутила давно позабытый покой — и погрузилась в целительный сон.

Проснувшись снова, она почувствовала себя отдохнувшей. Едва она села на ложе, как из полумрака появился Скафлок.

Он улыбался. От ран его, по всей видимости, не осталось и следа. На нем была короткая, богато расшитая туника, из-под которой выглядывал кильт*. Он опустился на ложе, взял руки девушки в свои и заглянул ей в глаза.

— Тебе лучше? — спросил он. — Я подсыпал в вино снадобье, которое исцеляет рассудок.

— Мне лучше, только... Где мы?

— В Эльфхьюке, замке Имрика, что стоит среди северных холмов, — ответил Скафлок. Взгляд Фреды выдал ее тревогу. — Не бойся, тебе тут никто не причинит зла.

— Спасибо тебе, — прошептала она, — тебе и Господу, который...

— Не произноси здесь святых имен, — предостерег Скафлок, — ты в гостях у эльфов, которые не выносят их. В остальном же делай, что хочешь.

* Традиционная мужская юбка шотландских горцев.

— Но ты не эльф, — проговорила Фреда.

— Нет, я человек, но воспитали меня эльфы. Я приемный сын Имрика Лукавого, и он мне куда роднее того, кто был моим настоящим отцом.

— Откуда ты взялся, чтобы спасти нас? Мы совсем отчаялись...

Скафлок вкратце поведал ей о войне между эльфами и троллями и о своем набеге, а потом улыбнулся:

— Давай поговорим о тебе. Кто же вырастил такую красавицу?

Фреда зарделась от смущения, но начала рассказывать. Скафлок слушал ее с недоумением. Имя Орма ничего для него не значило, ибо Имрик всегда уверял пасынка, что похитил его в западных краях. К тому же он воспитывал Скафлока так, чтобы тому и в голову не пришло интересоваться своим происхождением. Что касается Вальгарда, то, по словам Фреды, он был ее братом и сошел с ума. Скафлок почуял в берсерке нелюдя, но, занятый множеством дел, в том числе заботой о Фреде, не стал задумываться над своими ощущениями и решил для себя, что Вальгард одержим демоном. Сходство между ними он приписывал воздействию колдовских чар, которые зачем-то потребовалось наложить на Вальгарда Иллреде. И потом, с кем из эльфов ни заговаривал Скафлок, никто как будто не заметил этого сходства. То ли воинам попросту некогда было глядеть по сторонам, то ли Скафлоку привиделось... В общем, ерунда.

Фреда тоже не думала об этом, потому что для нее они разительно отличались друг от друга. Глаза, губы, лица, походка, речь, манеры, мысли — все было настолько разным, что она едва ли придавала значение одинаковому росту и сложению. Быть может, осенило ее вдруг, у них был общий предок — какой-нибудь дан, что провел лето в Англии сотню лет тому назад.

Размышляла она, впрочем, недолго. Снадобье, которым поил ее Скафлок, притупляло чувства, но не могло стереть из памяти все случившееся. Горе настойчиво напоминало о себе, и свой рассказ Фреда закончила в слезах, прильнув к груди юноши.

— Мертвы! — воскликнула она. — Мертвы все до единого, кроме Вальгарда и меня! Я... я видела, как он убил отца и Асмунда, когда Кетиль уже погиб. Я видела, как мама упала к его ногам, как он зарубил Асгерд. Я осталась совсем одна. О, как хотела бы я умереть вместо... Ох, мама, мама!

— Ну не плачь, — грубовато утешил ее Скафлок. Эльфы не научили его, как вести себя в таких случаях. — Ты цела и невредима, а Вальгарда я разыщу и отомщу ему за твоих родичей.

— Что с того? Подворье Орма сгорело дотла, из рода его выжили безумец да нищенка, — дрожа, она прижалась к юноше. — Помоги мне, Скафлок! Я презираю себя за трусость, но мне страшно... Мне страшно быть одной!

Он потрепал ее по волосам, а другой рукой взял за подбородок и посмотрел ей в глаза.

— Ты не одна, — пробормотал он и нежно поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, ее губы были мягкими, теплыми и солеными от слез.

— Выпей, — предложил он, протягивая ей кубок с вином.

Она сделала несколько глотков и свернулась калачиком в его объятиях. Он ласкал ее и успокаивал, как умел, ибо ему казалось верхом несправедливости то, что она несчастна, и потому прошептал еле слышно заклинания, которые прогоняли тоску и печаль.

Фреда вспомнила, что она — дочь Орма Силача и что отец ее был человек сурового, непреклонного нрава, который говорил своим детям такие слова: «От судьбы не убежишь, но встречать ее надо мужественно».

Она села прямо и сказала Скафлогу:

— Спасибо тебе за твою доброту. Я в порядке.

Он хмыкнул:

— Тогда самое время перекусить.

Но сначала нужно было переодеться. Скафлок подал девушке прозрачное, невесомое платье из тех, какие шьют и носят эльфянки. Она покраснела, ибо платье это мало что скрывало, но с удовольствием надела на руки тяжелые золотые браслеты, а Скафлок увенчал ее переливчатой бриллиантовой диадемой.

Они вышли в длинный коридор, который проявился не сразу, а постепенно, как бы наливаясь красками. Вдоль мраморных стен тянулись рядами колонны, рисунки и узоры на шпалерах и коврах медленно изменялись, словно в диковинном танце.

Навстречу им то и дело попадались рабы-гоблины, зеленокожие и приземистые, но все же привлекательные на вид. Один раз Фреда с криком вцепилась в руку Скафлога: мимо них проскользнул желтый призрак с канделябром. Потом они увидели карлика, который семеня по коридору, выставив перед собой щит.

— Кто это? — прошептала Фреда.

Скафлок усмехнулся:

— Китайский шен*. Мы захватили его в одном из набегов. Он сильный, и из него получился хороший раб. Но такие, как он, могут ходить только по прямой, вот он и носит щит, чтобы не ударяться о стены.

Фреда засмеялась. Скафлок восторженно слушал ее звонкий смех. В смехе эльфянок всегда таилась злобная насмешка, но улыбка Фреды похожа была на светлое весеннее утро.

Они отведали изысканных яств. За столом, кроме них, никого не было. Откуда-то доносилась негромкая музыка. Скафлок сказал:

*Сладких лакомств
нынче я отведал,
и вино из кубка
веселье дарит.*

* Очевидно, речь идет о горном духе в китайской мифологии (по-китайски «шань» — гора). Китай — древнее название Китая в Европе.

*Но взгляд мой волнует
прекрасная дева.
Дивлюсь я на Фреду,
красавицу с юга.*

Она потупила глаза, чувствуя, как на щеках вновь выступает румянец, и не смогла сдержать улыбки.

Но тут же ее охватило раскаяние:

— Не пристало мне веселиться, когда мертвы мои родичи. Сломалось то дерево, что укрывало землю своими ветвями, и ветер гуляет в пустынных полях...

Оборвав себя, она сказала просто:

— Мы все что-то теряем, когда уходят хорошие люди.

— Если они были хорошими, не стоит убиваться по ним, — сказал Скафлок, — ибо они избавились от тягот нашего мира и отправились к Тому, кто над нами. По правде говоря, мне думается, лишь твой плач не дает им наслаждаться своим счастьем.

Фреда крепко стиснула его руку:

— Священник говорил, что те, кто умер без отпущения грехов...

Она приложила ладонь к глазам.

— Я любила их, а они ушли, и я плачу по ним в одиночестве.

Скафлок прикоснулся губами к ее щеке.

— Ты не одна, пока я жив, — пробормотал он. — А священник пускай болтает. Что он ведаёт?

Они вошли в залу, арочные своды которой были так высоки, что взгляд не улавливал их очертаний. Там перед ними предстала женщина неопишущей, неземной красоты. Рядом с ней Фреда ощутила себя неуклюжей дурнушкой.

— Видишь, Лия, я вернулся, — сказал Скафлок на языке эльфов.

— Вижу, — откликнулась она, — без добычи, едва ли с половиной воинов. Тебя постигла неудача.

— Не совсем, — возразил Скафлок. — Троллей полегло больше, чем эльфов. Мы переполошили их и освободили пленников, которые расскажут нам об их замыслах.

Обняв Фреду за талию, он привлек девушку к себе. Она с радостью подчинилась его желанию, потому что белокожая колдунья внушала ей страх.

— Смотри, какой я добыл самоцвет!

— Зачем она тебе? — усмехнулась Лия. — Или ты услышал зов крови?

— Может быть, — невозмутимо ответил Скафлок.

Лия приблизилась к нему, взяла за руку и заглянула в лицо.

— Скафлок, — произнесла она, — прошу тебя, спровадь ее отсюда. Отошли домой, пока я не прикончила ее.

— У нее нет дома, — сказал Скафлок, — и она и без того настрадалась, чтобы ходить и бродить по чужим подворьям. Какое тебе дело до двоих смертных?

— Такое, — отозвалась Лия печально. — Предчувствие не обмануло меня. Подобное тянется к подобному. Только не она, Скафлок! Выбери себе любую другую из смертных девушек; но эта отмечена судьбой, я чувствую, и по спине моей бегут мурашки. Ты встретился с ней не случайно. Она причинит тебе великое горе.

— Нет, — сказал Скафлок коротко и заговорил о другом: — Когда возвратится Имрик? Меня известили, что, пока я был в Тролльхейме, его призвал король эльфов.

— Мы ждем его со дня на день. Повремени, Скафлок, может, он сумеет уберечь тебя от твоей судьбы.

— К лицу ли тому, кто сражался с троллями и демонами, бояться женщины? — фыркнул Скафлок. — Это даже не карканье ворона, а квохтанье курицы.

Он повел Фреду прочь.

Лия мгновение глядела им вслед, потом повернулась и побежала по длинному коридору. В глазах ее мерцали слезы.

Скафлок водил Фреду по замку. Сперва она отмалчивалась, но постепенно начали сказываться выпитое снадобье и заклинания Скафлока. Фреда улыбалась все чаще и чаще, забрасывала юношу вопросами, весело щебетала и с любопытством поглядывала на него. Наконец он сказал:

— Пойдем наружу. Я покажу тебе то, что сотворил для тебя.

— Для меня? — переспросила она.

— Ну, если норны будут милостивы, то и для себя тоже, — рассмехался он.

Они пересекли внутренний двор замка, миновали высокие бронзовые ворота и очутились на голубоватом, залитом солнечным светом снегу. Поблизости не было видно ни эльфа. Скафлок укрыл Фреду своим плащом, и они направились к обледеневшему лесу. Пар изо ртов поднимался к безоблачному небу; каждый вдох обжигал горло. Наст хрустел под ногами, ветер шуршал иголками елей.

— Холодно, — пожаловалась Фреда. Ее рыжевато-золотистые волосы были единственным напоминанием о тепле в этом белом царстве стужи. — Твой плащ согревает, а без него холодно.

— Так неужели я отпущу тебя в такой мороз побираться на дорогах?!

— Найдутся люди, которые возьмут меня к себе. У нас было много друзей. Наша, вернее моя, земля будет... — Она запнулась и нехотя закончила: — Хорошим приданым.

— Зачем искать друзей на стороне, когда они рядом? А что до земли, смотри!

Они взобрались на холм, один из многих, кольцом окружавших лесистую долину. И тут Скафлок превратил зиму в лето. На берегу шаловливого ручейка оделись листвою деревья, из густой травы выглянули пестрые цветы, запели птицы, заплескалась в воде рыба, выбежали из-за деревьев лань с олененком.

Фреда закричала от восторга и захлопала в ладоши. Скафлок улыбнулся.

— Это тебе, — сказал он, — потому что ты — самое настоящее лето. Забудь о холоде зимы, Фреда. У нас с тобой свое время года.

Они спустились в долину, присели у ручья. Легкий ветерок ерошил им волосы. Вокруг, куда ни глянь, краснели, желтели, голубели лесные ягоды. Фреда нарвала маргариток, и они, по велению Скаффлока, сплелись в ожерелье, которое он повесил на шею девушке.

Его колдовство не пугало ее. Лежа на спине, она жевала яблоко, что он ей сорвал, у которого был вкус благородного вина и которое пьянило ничуть не хуже, и слушала его слова:

*Смех с уст любимых,
локон золотистый
меня пленяют,
вяжут словно путы.
Хвалился я, храбрый,
что ярма не ведал,
и вот покорно —
попался! — гну шею.*

*Радости сколько
в ласках любимой!
Ликует Скафлок,
себя не помня.
Мою, колдунья,
услышь мольбу ты:
твоей навеки
любви взыскую.*

— Но мы не можем... — выдохнула она, повторяя про себя строфы.

— Почему нет? — удивился он.

— Ты язычник, а я...

— Я же запретил тебе говорить об этом. Плати за послушание. — Скафлок поцеловал ее. Поцелуй длился долго, сперва нежный, потом неистовый. Она попыталась было оттолкнуть юношу, но ей не доставало сил. Те вернулись, лишь когда ее губы ответили его жадным губам.

— Тебе не понравилось? — усмехнулся он.

— Что ты... — прошептала она.

— Я знаю, ты еще не свыклась с потерей. Но печаль уляжется, поверь мне, а те, по ком ты скорбишь, не рассердятся на тебя.

По правде сказать, печаль уже развеялась, оставив вместо себя нежность и мимолетное сожаление: ах, если бы они видели его!

— Подумай о завтрашнем дне, Фреда, ведь в твоих жилах течет кровь рода твоего отца. Я предлагаю тебе богатства и чудеса Альвхейма. Мне не нужно никакого приданого, мне нужна только ты. Я клянусь защищать тебя до последнего дыхания и буду любить тебя до самой смерти.

Эльфы сведущи в том, как прогонять тоску и как возбуждать любовь, а Скафлок был прилежным учеником. К тому же юность — тот

благотворный солнечный свет, что согревает распускающийся цветок взаимной привязанности.

В долине, где царило лето, наступила ночь. Скафлок и Фреда лежали на берегу ручья и слушали соловья. Под его пение девушка заснула.

Обнимая ее, юноша прислушивался к ее ровному дыханию, вдыхал аромат волос и девичьего тела, вспоминал ее слезы и смех и неожиданно осознал то, что до сих пор не приходило ему на ум.

Он соблазнил ее ради забавы. Девушки, которых он встречал, бродя по землям людей, редко бывали одни; когда же ему попадались одиночки, он с презрением отворачивался, находя их слишком грубыми, душевно и телесно. Однако Фреда пробудила в нем вожделение, он подумал о том, каково будет лечь с ней, — и запутался в собственных силах.

Впрочем, ему было все равно. Он с улыбкой глядел в небо, где сверкала и серебрилась в своем вечном кружении вокруг Полярной звезды Большая Медведица. Холодные и хитрые эльфийки умели многое, но сердца свои держали на запоре, а потому бессильны были по-настоящему увлечь его. Фреда же...

Лия была права. Подобное тянется к подобному.

Глава 12

Несколько дней спустя Скафлок отправился на охоту. Он надел волшебные лыжи, которые несли его как на крыльях — вверх и вниз по склонам холмов, по замерзшим рекам и заснеженным лесам шотландских нагорий. На закате он повернул домой и вдруг увидел вдалеке огонек костра. Гадая, кто это забрел в такую глухомань, он осторожно приблизился, сжимая в руке копье.

У костра сидел на корточках высокий и широкоплечий мужчина. Он поджаривал в пламени кусок конины. Несмотря на пронизывающий ветер, на нем был один лишь килт из волчьей шкуры. Лезвие топора, лежавшего рядом с ним на снегу, слепило глаза своим блеском.

Скафлок сразу понял, что перед ним не простой охотник, а когда он разглядел, что незнакомец однорук, по спине его поползли мурашки. Встреча под вечер с асом Тюром* не предвещала ничего хорошего.

Но бежать было поздно. Бог уже заметил Скафлока. Юноша смело вступил в круг света и посмотрел прямо в глаза Тюру.

— Здрав будь, Скафлок, — проговорил ас. Голос его напоминал раскат грома.

— Здрав будь, господин, — отозвался Скафлок с некоторым облегчением. Эльфы, будучи лишенными души, не поклонялись богам, но между ними и асами никогда не случалось столкновений. Кое-кто из эльфов даже обретался в Асгарде**.

* Тюр — в скандинавской мифологии бог-хранитель воинских правил. Руку ему отгрыз чудовищный волк Фенрир.

** Асгард — в скандинавской мифологии небесное селение, крепость асов; тесно связана с Мидгардом, где живут люди.

Тюр кивком предложил Скафлоку подсесть к нему. Юноша сбросил с плеч добычу — жирную косулю — и повиновался. Пламя костра гудело и шипело, отбрасывая тени на худое, угрюмое лицо Тюра.

Наконец ас заговорил:

— Пахнет войной. Тролли готовятся напасть на Альвхейм.

— Мы знаем, господин, — ответил Скафлок. — Они не застигнут нас врасплох.

— Битва будет более жестокой, чем ты думаешь. Тролли нашли себе союзников, — Тюр уставился в огонь. — На кон поставлено то, о чем не ведают ни эльфы, ни тролли. Норны оборвут многие нити.

Помолчав, Тюр продолжил:

— Что ж, воронье летает низко, а боги склоняются над миром, что дрожит от поступи Времени. Вот что скажу я тебе, Скафлок: пора вспомнить о даре асов. Боги встревожены. Потому-то я, разжигатель войн, спустился на землю.

Ветер растрепал его черные кудри. Он пристально поглядел на юношу.

— Я открою тебе тайну, — сказал он, — хотя вряд ли это поможет устоять против воли норн. Кто твой отец, Скафлок?

— Не знаю, господин. Я как-то не стремился узнать, но могу спросить у Имрика...

— Не стоит. Моли Имрика, чтобы он не рассказывал никому, а прежде всего — тебе, того, что ему известно. День, когда ты узнаешь имя своего отца, будет для тебя черным днем, Скафлок, и твоя скорбь отзовется эхом во всем мире.

Он снова мотнул головой, и Скафлок торопливо удалился, оставив косулю в благодарность за наставление. Спеша домой, он размышлял над тем, что скрывается за словами Тюра — не зря же бог упомянул о его происхождении.

Ночь казалась Скафлоку полной демонов. Он бежал все быстрее и быстрее, не обращая внимания на ветер, который впивался ему в лицо, но никак не мог оторваться от преследовавших его страхов. Только Фреда, подумалось ему, только она сумеет успокоить его.

Незадолго до рассвета впереди замаячили стены и башни Эльфхьюка. Дозорный протрубил в рог, подавая сигнал стражникам у ворот. Скафлок влетел на внутренний двор замка, сбросил лыжи, взбежал по ступеням и устремился в покои Имрика.

Князь, который возвратился в Эльфхьюк накануне вечером, беседовал с глазу на глаз с Лией.

— Скафлок влюбился в смертную? — Он пожал плечами. — Ну и что? Или ты ревнуешь?

— Да, — откровенно ответила ему сестра. — Но дело тут не в моей ревности. Посмотри сам на эту девчонку. Может статься, ты догадаешься, почему я утверждаю, что она — оружие, обращенное против нас.

— Хм-м... — князь потер подбородок и нахмурился. — Что ты о ней знаешь?

— Ее зовут Фреда Ормсдоттер, она с юга, семья ее погибла...

— Фреда... Ормсдоттер... — Имрик вскочил. — Так это означает...

Тут в комнату ворвался Скафлок. У него был донельзя измученный вид. Он так запыхался, что язык отказывался повиноваться ему. Справившись с собой, он на едином дыхании выложил Имрику и Лии то, что услышал от Тюра.

— Что разумел Тюр? — воскликнул он под конец. — Кто я такой, Имрик?

— Я знаю, что он разумел, — сурово ответил князь, — а потому не спрашивай меня, Скафлок. Стыдиться тебе нечего, ты производишь из славного рода, но не требуй, чтобы я сказал больше.

Велеречивость Имрика не раз его выручала. Вот и сейчас ему удалось утихомирить Скафлока и рассеять опасения Лии. Они ушли успокоенные.

Оставшись в одиночестве, Имрик принялся расхаживать по комнате.

— Кто-то завлек нас на дорогу, которая ведет к гибели, — пробормотал он. — Лучше всего избавиться от девчонки. Но нет, Скафлок не отдаст ее, он воспротивится и... Надо сохранить тайну. Меня заботит не Скафлок, он мыслит как эльф. Но он наверняка расскажет обо всем подруге, а ведь они нарушили одну из главных заповедей, которые блюдут люди. Кто знает, что она выкинет с отчаяния? А Скафлок нам очень нужен.

Имрик погрузился в раздумья. Он отвергал план за планом. Может, подсунуть Скафлоку другую? Нет, его пасынок вовсе не глупец. К тому же над взаимной любовью не властны даже боги. Если бы она умерла сама по себе, не надо было бы ломать голову. Но Имрик был слишком опытен, чтобы полагаться на столь маловероятную возможность. Значит, следует похоронить правду о происхождении Скафлока, и поскорее.

Князь напряг память. Насколько он мог судить — не так-то просто отыскать необходимое среди воспоминаний тысячелетней давности, — кроме него истина известна лишь одному человеку.

Он послал за Огненным Копьем. Этот воин, несмотря на свою молодость — он прожил на свете всего два столетия, — пользовался доверием Имрика, был хитер и сведущ в волшебстве.

— В лесу к юго-западу отсюда, — сказал ему князь, — обитала лет двадцать с лишним назад ведьма. Она могла и умереть, но я хочу, чтобы ты разузнал о ней. А если она до сих пор жива, убей ее без жалости.

— Хорошо, господин, — кивнул эльф. — Если ты позволишь мне взять охотников и собак, мы отправимся сегодня же вечером.

Имрик разъяснил ему, как найти хижину ведьмы.

— Бери, кого сочтешь нужным, и не медли. Не обсуждай моего приказа и никому о нем не распространяйся.

Фреда обрадовалась возвращению Скафлока. Великолепие Эльфхьюка поражало ее воображение, но в отсутствие любимого ей все становилось немило, хотя она старалась не подавать виду. Обитате-

ти замка — высокие и стройные эльфы, прекрасные эльфийнки, картики, гоблины и прочие существа, которые были у них в услужении, огнедышащие драконы, что использовались для охоты, львы и пантеры, содержащиеся на правах домашних животных, породистые лошади и псы — были для нее чужими. Прикосновение эльфов было холодным, лица их напоминали лица статуй; словом, они отличались от людей буквально всем — речью, одеждой, манерами, обычаями. Величественный замок, который одновременно являлся голым утесом, подавлял Фреду своим колдовским сумраком; те, кто населял холмы, леса и воды, путали девушку уже тем, что существовали на самом деле.

Однако, когда Скафлок был рядом, Альвхейм представлялся ей преддверием Небес. («Прости мне, Господи, такие мысли, — шептала она, — прости мне, что я не бегу из оплота язычества в святой монастырь».) Скафлок был весел и проказлив, он складывал в ее честь вису за висой, его руки и губы ласкали и пьянили, в его объятиях она как будто сливалась с ним воедино. Она видела его в сражении, знала, что мало кто способен устоять перед ним, и гордилась его доблестью. Порой она ощущала угрызения совести, но говорила себе, что она тут ни при чем, что всему виной заклинания, которые высушили ее слезы и вернули ей радость. Ведь у нее не было выбора: Скафлок не захотел бы ждать, пока минует год траура, а где найти лучшего отца для внуков Орма и Элфриды?

Она догадывалась о его любви. Да, он любит ее, иначе с чего бы ему ложиться с ней, проводить с ней почти все свое время, — ему, на кого заглядываются эльфийнки? Однако она не могла понять, чем привлекает его, не подозревала даже, как глубоко запала ему в душу ее неброская красота. Скафлок не сознавал своего одиночества, пока не повстречался с Фредой. Ему было известно, что, если только не заплатить назначенную цену, чего он делать не собирался, он когда-то умрет, что жизнь его — летучая искорка в сравнении с долгим веком эльфов. А потому приятно было думать, что в последний час рядом будет кто-то из соплеменников.

В те немногие дни, которые провели вместе, они катались на лошадях, плавали под парусом, бродили по лесам и холмам. Фреда метко стреляла из лука, — Орм считал, что женщины его рода должны уметь постоять за себя. Скафлок глядел на нее, когда она перебегала от дерева к дереву, сжимая в руке лук и потряхивая копной золотистых волос, и ему мнилось, что видит юную богиню-охотницу. Они следили за выступлениями фокусников и фигляров, слушали музыкантов и скальдов, которые развлекали эльфов. Они навестили друзей Скафлока: гномов, что жили под корнями дубов, белых водяных духов, фавна с печальными глазами, диких зверей. Фреда улыбалась и жалела лишь о том, что никто из них не понимает ее языка.

О будущем она задумывалась редко. Конечно, однажды они со Скафлоком возвратятся к людям, он окрестится, и тогда Господь простит ей все ее грехи. Но это случится не сегодня и не завтра.

Призрачный Эльфхьюк побуждал забыть о времени; она потеряла счет дням и не стремилась обрести его заново...

Фреда обняла Скафлока. При виде ее все страхи юноши улетучились: юная, стройная, гибкая, длинноногая, больше девочка, нежели женщина, и все-таки — его женщина. Он взял ее на руки, подбросил в воздух, поймал и рассмеялся. Девушка вторила ему

— Опустит, — попросила она. — Опустит, чтобы я могла поцеловать тебя.

— Подожди, — Скафлок вновь подкинул ее и махнул рукой. Фреда зависла над полом, отчаянно задергалась, разрываясь между восторгом и изумлением. Скафлок притянул ее к себе, запрокинул голову и поцеловал в губы.

— Этак я сломаю шею, — усмехнулся он, лишил себя веса, а заодно наколдовал облако, пушистое и мягкое. Из середины егоросло дерево, ветви которого сгибались под тяжестью самых разных плодов, а над кроной переливалась яркая радуга. Влюбленные улеглись на необычное ложе.

— Безумец, когда-нибудь ты перепутаешь свои заклинания себе на погребель, — прошептала Фреда.

Он заглянул в серые глаза девушки, пересчитал веснушки на ее щеках и поцеловал ее столько раз, сколько их было.

— Жаль, что кожа у тебя не пятнистая, как у леопарда, — проговорил он.

— Разве ты не можешь целовать меня просто так? — отозвалась она. — Я соскучилась по тебе, милый. Как прошла охота?

Он нахмурился:

— Неплохо.

— Ты чем-то встревожен, любимый. Что произошло? В замке ночь напролет трубили горны, я слышала топот ног и ржанье коней. Каждый день приходят вооруженные отряды. Что стряслось, Скафлок?

— Ты знаешь, что мы воюем с троллями, — ответил он. — Они готовятся напасть на нас. Мы встретим их тут, чтобы не лазить за ними по их скалам, где недолго свернуть себе шею.

Фреда вздрогнула:

— Тролли...

— Не бойся, — Скафлок постарался улыбнуться как можно веселее. — Мы сойдемся с ними в море и отправим их на дно. Те же, кто доберется до берега, получат во владение столько земли, сколько понадобится, чтобы засыпать их могилы. Уничтожив войско троллей, мы без труда овладеем Тролльхеймом. Да, битва будет жаркой, но Альвхейм выстоит и победит.

— Мне страшно за тебя, Скафлок.

Тогда он сказал:

*Страх прекрасной девы
за вождя в сраженьи
воину вещает
о любви и ласке.*

*С рабостью, дева,
оар твой приемлю;
милая, знаю —
ты мне мирволишь.*

Пока с уст Скафлока срывались слова висы, руки его развязывали поясок на платье девушки. Фреда покраснела.

— Бесстыдник, — упрекнула она, поглаживая его плечо.

Скафлок приподнял бровь.

— А чего тут стыдиться? — удивился он.

Огненное Копье покинул замок вскоре после захода солнца. На западе тлели остывающими угольями последние сполохи заката Посланец Имрика и те, кто сопровождал его, одеты были в зеленые охотничьи туники, поверх которых развеивались черные плащи. Они выбрали себе копья и стрелы с серебряными наконечниками. Вокруг нетерпеливо гарцующих лошадей прыгали собаки, огромные и свирепые псы с рыжей или черной как смоль шкурой, злобным взглядом и острыми клыками, с которых капала слюна, дальние родичи Гарма, Фенриса* и той своры, что ведет Дикую Охоту.

Огненное Копье поднес к губам рог, и маленький отряд устремился в ночь под топот копыт и собачий лай. Подобные ветру, неслись они по заснеженным, заледенелым лесам. Стороннему взгляду они представлялись скопищем бесплотных теней, но шум их продвижения разносился далеко окрест. Заслышав его, охотники, углежоги, разбойники и бродяги торопливо крестились или делали знак молота**, а звери шарахались в сторону, спеша убраться с дороги.

Ведьма вырыла себе на месте сожженной хижины кривобокую землянку. Только здесь и нигде больше набиралась она колдовских сил. Сидя у огня, она прислушивалась к ночным звукам.

— Эльфы охотятся, — пробормотала она.

— Да, — откликнулась крыса, — и сдается мне, на нас.

— На нас? — Ведьма встрепенулась. — С чего ты взяла?

— Они направляются прямо сюда, и потом, ты враждуешь со Скафлоком, а значит, и с Имриком, — попискивая от страха, крыса забралась на грудь ведьме. — Торопись, матушка, торопись, или мы пропали.

Приносить жертву было некогда, поэтому ведьма испустила призывный клич, которому ее научили. Рядом с очагом за клубился мрак, темнее, чем сама ночь.

Ведьма пала ниц. Из сгустка мрака вырвалось холодное голубое пламя.

— Помоги, — простонала она, — помоги, убереги от эльфов!

Взгляд пришельца не выражал ни гнева, ни жалости. Шум охоты приближался.

* В скандинавской мифологии Гарм — демонический пёс, «двойник» чудовищного волка Фенрира или Фенриса.

** Знаком молота призывали на помощь бога-громовика Тора, который не признавал другого оружия

— Помоги! — взвизгнула ведьма.

Пришелец заговорил. Голос его доносился как будто из неведомого далека.

— Что тебе нужно от меня?

— Им... им надобна моя жизнь.

— Ну и что? Ты уверяла, что тебе все равно, жить или не жить.

— Я отомстила не до конца! — прорыдала она. — Мне нельзя умирать, я должна узнать, чем все кончится! Хозяин, помоги!

Лай собак раздавался все ближе. Земля дрожала под копытами коней.

— Ты моя рабыня, — отозвался голос. — Какое мне дело до твоей мести? Я — владыка Зла, а зло тщетно. Ты думала, что заключила со мной сделку? Тебя обманули: к тебе приходил другой. Смертные не продают, а отдают мне свои души.

С этими словами Князь Тьмы исчез.

Вскрикнув, ведьма бросилась вон из землянки. Собаки эльфов, учуяв запах серы, протяжно завывали. Ведьма обернулась крысой и юркнула в нору под древним дубом.

— Она близко! — воскликнул Огненное Копье. — Ха! Псы взяли след!

Собаки сгрудились у норы, царапая когтями землю и кору дерева. Ведьма выскользнула наружу, перекинулась в ворона и взлетела над лесом. С лука эльфа сорвалась стрела. Ворон рухнул наземь и превратился в омерзительную старуху. Вся свора навалилась на нее. С груди старухи соскочила крыса. На спину ей обрушилось подкованное серебром конское копыто.

Собаки разорвали ведьму в клочья. Перед смертью она успела крикнуть эльфам:

— Проклятие вам! Проклятие и гибель Альвхейму! Передайте Имрику, что Вальгард-подменыш живет и помнит...

Ее крик оборвался.

— Быстро мы ее отыскали, — сказал Огненное Копье, — даже колдовать не пришлось. — Он принюхался. — А теперь в нашем распоряжении целая ночь.

Имрик достойно вознаграждал охотников, но, когда они повели его, о чем голосила ведьма, нахмурился.

Глава 13

Вальгард добился высокого положения при дворе короля троллей. Он был внуком Иллреде, могучим воином и не боялся железа. Однако вельможи поглядывали на него искоса, ибо в нем, помимо троллей, текла кровь эльфов и явился он в Тролльхейм из земель, населенных людьми. Иными словами, они откровенно завидовали этому чужаку, который, овладев при помощи колдовства языком троллей, так возвысился среди них. Впрочем, Вальгард и не искал себе друзей: наравность троллей и их повадки вызывали у него отвращение.

Однако они не знали страха и обладали огромной силой, а их чародеи творили такие чудеса, какие и не снились людям. В общем,

перед троллями трепетала вся Волшебная страна, кроме разве что Альвхейма. Вальгарда это вполне устраивало: он надеялся посчитать-ся со своим настоящим родителем, а без войска Иллреде нечего было и думать о том, чтобы захватить Эльфхьюк.

Король раскрыл ему свой замысел.

— Пока длилось перемирие, мы готовились к войне, а эльфы веселились и ссорились друг с другом. Нас меньше, чем их, однако с теми, кто будет сопровождать нас, мы намного превзойдем их числом.

— С кем же? — справился Вальгард.

— Во-первых, гоблины. Они таят обиду и на троллей, и на эльфов, но я пообещал им богатую добычу и свободу для их сородичей, которые попадут к нам в руки, а еще сказал, что они будут вторыми после нас, когда мы станем править Волшебной страной. Сражаются они храбро, и их много.

Потом, — продолжал король, — у нас есть союзники из дальних краев: демоны Байкала, китайские шены, оми с востока*, бесы мавританских пустынь. За ними нужен глаз да глаз, но я сумею найти им применение. Прибавь сюда всякий сброд — оборотней, вампиров и прочих. Кроме того, у нас множество рабов-карликов. Они будут драться на нашей стороне, если посулить им свободу; к тому же они могут прикасаться к железу. И такому воинству эльфы вынуждены будут противостоять в одиночку! Может, им удастся переманить к себе несколько десятков гоблинов и карликов, но это пустяки. Уповать им остается только на сидов**. Однако меня известили, что сиды намерены не вмешиваться до тех пор, пока мы не нападём на их остров, так что мы остережемся трогать их... до другого раза.

Пускай вожди эльфов хитроумны и сведущи в волшебстве, — Иллреде гулко расхохотался. — Альвхейму суждено пасть под натиском троллей!

— А ты не хочешь призвать на подмогу етунов***? — спросил Вальгард, который все еще путался в обычаях и порядках того мира, где он оказался. — Ведь они родня троллям?

— Не произноси таких слов! — воскликнул Иллреде. — Как потвоему, почему эльфы не зывают к асам? — Он вздрогнул. — Мы не желаем быть игрушками в руках ледяных великанов! Если асы или етуны открыто спустятся в Мидгард, они неминуемо сойдутся в схватке, а тогда начнется последняя битва****.

— Но мне говорили иное, когда учили вере в... нового Бога.

— Не стоит рассуждать о том, что недоступно нашему пониманию, — Иллреде в раздумье принялся расхаживать по пещере, которую освещали дымные факелы. — Из-за богов обитатели Волшебной страны не смеют без утайки злоумышлять против людей, особенно

* Оми — призраки в мифологии эвенков, нанайцев, орочей, ульчей и др.

** Сиды — в кельтской мифологии божественные существа, обладавшие магической мудростью.

*** Етуны — великаны, заклятые враги асов. Ледяные, или инсисты, великаны — первоначальники мира, предшествующие богам и людям.

**** Битва богов и хтонических чудовищ, за которой последует Рагнарек — гибель богов и всего мира.

против крещеных. Так, мелкое колдовство, позаимствованная на ночь лошадь, похищение женщины или ребенка — не более того. Они робеют нас, однако, если напугать их слишком сильно, воззовут к богам, а те покровительствуют им. Если же они обратят молитвы к богу Белому Богу, Волшебной стране придет конец.

Вальгард мигнул. С наступлением ночи он отправился к могиле Асгерд, выкопал тело сестры и перенес его на лодку. Подняв колдовской ветер, как научил его Иллреде, он направил суденышко на юго-запад и вскоре достиг залива Морэй-Ферт на побережье Скотланда.

Высадившись на берег неподалеку от рыбацкой деревушки, он взвалил на плечо закутанное в плащ тело, прокрался на церковный двор, вырыл в укромном уголке яму и опустил туда сестру, а потом тщательно утоптал землю, чтобы никто ни о чем не догадался.

— Теперь ты похоронена так, как, наверно, того желала, — проормотал он. — Злое дело я сотворил, но помолись все же, сестра, за мою душу...

Он смятенно уставился во мрак. Ему стало страшно, хотя до сих пор он не ведал, что такое страх.

— Зачем я здесь? Что я тут делаю? Она мне не сестра. Я рожден колдовством. У меня нет души...

Зарывав, он побежал обратно, прыгнул в лодку и поплыл на северо-восток. Лодка летела по волнам так, словно за ней гналась орда бесов.

Приспело время выступать в поход. Иллреде не стал собирать свои войска в одном месте, желая сохранить их численность в тайне от лазутчиков эльфов. Отряды отплывали каждый из своей гавани, а на борту ладьи вождя находился кудесник, который и должен был привести корабли к условленному месту сбора, немного севернее эльфийских земель Англии. Иллреде рассчитывал сперва победить эльфов на море, а потом двинуться на юг по воде и по суше и полностью покорить остров. Затем он предполагал оставить в Англии часть воинства, чтобы эльфы не подняли головы в его отсутствие, а сам намеревался пересечь пролив и пройтись огнем и мечом по заморским рубежам Альвхейма. Промаршировав по Финнмарку и Вендланду, тролли обрушатся на короля эльфов с запада и востока, а после того как завоюют Англию — и с севера.

— Эльфы ловки и проворны, — сказал Иллреде, — но, думается мне, тролли нынче покажут им.

— Позволь мне возглавить вторжение в Англию, — попросил Вальгард. — Клянусь, я не оставлю в живых ни единого эльфа.

— Я уже поставил во главе Грума, — ответил Иллреде, — но ты, Вальгард, будешь вторым в Англии после него.

Поблагодарив деда, берсерк холодно взглянул на Грума. Что ж, мало ли что может случиться с троллем, — а тогда он, Вальгард, станет ярлом, как предсказывала ведьма.

Он вззошел на ладью Иллреде вместе с королем и его дружиной. Это был большой корабль с высокими бортами, весь черный, за

исключением лошадиной головы на обитом железом носу. Последнее, разумеется, было делом рук карликов. Воины-тролли были в доспехах, многие сжимали в руках увесистые дубинки. На черном шлеме Иллреде сверкала золотая корона; он набросил на плечи отороченный мехом плащ из драконьей шкуры, которую бессильна была пронзить даже сталь. Остальные были одеты не менее пышно, они шумели и возбужденно переговаривались. Одежда Вальгарда была по-обыденному простой, лицо выражало не радость, а скорее озабоченность. Тролли опасливо сторонились его, испуганно поглядывая на железный топор.

В королевской флотилии насчитывалось около сотни кораблей. Погрузка воинов проходила под громкие крики, завывания рогов, топот ног и плеск воды. Ладьи троллей движутся медленнее эльфийских, ибо они шире, тяжелее и сработаны с меньшим мастерством, а потому утро застало их все еще в море. Тролли забились кто куда, прячась от ненавистного солнечного света, а корабли неслись по волнам сами по себе, невидимые для глаз обычного смертного.

На следующую ночь произошло соединение флота. Вальгард преисполнился благоговения. Куда ни посмотри, везде корабли, до самого горизонта. Иллреде оказался толковым военачальником: несмотря на огромное количество ладей, при расстановке в боевой порядок не возникло никакой сумятицы.

Множество кораблей со всех концов света собралось к берегам Альвхейма. Флот выстроился подобием тупого клина: в середине длинные черные ладьи троллей, по бокам — красные челны гоблинов со змеиными головами на носах. Впрочем, суда у гоблинов были не только свои собственные, но и троллей постройки. Поверх серебряных доспехов гоблины облачились в диковинные наряды, вооружены они были легкими мечами, копьями и луками. Крылья армады составляли корабли иноземцев: разноцветные джонки шенов и оми, гребные галеры бесов, на палубах которых возвышались осадные машины, шлюпы крылатых демонов с Байкала. Под знаменами Иллреде сошлись и карлики в железных кольчугах, и духи холмов, лесов и вод, что предпочитали сражаться зубами и когтями. Вся эта разношерстная орда повиновалась назначенным королем из особо доверенных троллей полководцам, а для надежности передний ряд клина с обоих концов замыкали ладьи воинов Иллреде. За первым клином следовал второй, а часть кораблей выделили в резерв.

Хрипели тролли рога, пронзительно свистели дудки гоблинов, звенели гонги шенов, рокотали барабаны бесов. Тучи нависали над самыми мачтами, весла дружно вспенивали поверхность моря. По снастям и парусам скользили блуждающие огоньки. Под вой ветра металась среди туч призрачные тени.

— Час битвы близок, — сказал Иллреде Вальгарду. — Скоро ты сможешь утолить свою месть.

Берсерк промолчал. Взгляд его устремлен был во мрак.

Глава 14

Весь тот месяц, который прошел со дня набега эльфов на Тролльхейм, Имрик трудился не покладая рук. Немного удалось ему узнать о замыслах врагов, ибо кудесники Иллреде окружили земли троллей непроницаемой колдовской завесой, но все же он выведал, что первый удар грозного воинства обрушится скорее всего на Англию: Поэтому он принялся готовиться к схватке и накапливать силы.

Помощь извне была крайне малой. Среди эльфов не было единства: тому мешало их природное высокомерие. Каждая область Альвхейма собиралась отражать нападение в одиночку. Наемники же, которых в Волшебной стране всегда было в избытке, очевидно, все подались к Иллреде. Имрик отправил гонца в Ирландию к сидам, обещая тем богатую добычу в Тролльхейме. Холодный ответ гласил, что пещеры лепрехунов и подвалы Тир-нан-Ог* и так ломятся от сокровищ. Короче говоря, князю приходилось полагаться исключительно на себя.

Тем не менее его войско ночь от ночи становилось все многочисленнее, и эльфы с радостью ожидали предстоящей битвы. Никогда прежде не выступали заодно столько воинов Альвхейма. Хотя тролли все равно превосходили их числом, они не отчаивались. Ведь сражение состоится поблизости от родных берегов, которые они знают как свои пять пальцев. Те эльфы, что помоложе, заявляли во всеуслышание, что загонят Иллреде обратно в Тролльхейм и замуруют короля троллей в его собственном скалистом дворце.

С Оркнейских островов прибыл Флам, сын того Флама, что погиб в походе Скафлока. Он и его товарищи были искуснейшими кормчими во всей Волшебной стране. Вдоль бортов их кораблей тянулись рядами щиты; носы, увенчанные головами драконов, величественно вспарывали морскую гладь. Флам рвался отомстить за отца.

С серых холмов и пустошей Пиктланда явились дикие горцы со своими кожаными нагрудниками и кремневыми ножами. Они были ниже ростом, чем истинные эльфы, отличались смуглой кожей, длинными черными волосами и густыми бородами, что обрамляли их разрисованные лица. В их жилах текла кровь троллей, гоблинов и более древних существ, а также похищенных в былые времена пиктских женщин. С ними пришли те сиды, которые когда-то поселились в Скотланде: сутулые лепрехуны, что передвигались вприпрыжку, и могучие и пригожие воины в сверкающих кольчугах, пешие и на боевых колесницах, к колесам которых приделаны были лезвия клинков, что косили недругов как траву.

С юга, из-за холмов, с берегов Уэльса и Корнуолла, подошли те эльфы, которые могли считаться первоначальниками острова: всадники в доспехах, возничие колесниц, над которыми развевались старинные знамена; зеленоволосые и белокожие водяные, что кута-

* Лепрехуны — в ирландской мифологии сапожники-чудодеси, стерегущие зарытые в землю сокровища. Тир-нан-Ог — здесь город, но вообще волшебная страна кельтских легенд

лись в облака соленого тумана; привезенные и позабытые римлянами полубоги; робкие лесные эльфы.

В землях англов и саксов мало нашлось тех, кто откликнулся на призыв, ибо большинство прежних обитателей бежало оттуда добровольно или было изгнано. Однако, несмотря на свою малочисленность, они являли собой грозную силу. Среди них были такие, кто вел родословную от Вейленда* или от самого Одина. В них была известная толика карличьей крови, недаром об их кузнечном мастерстве слагали легенды. Эти эльфы предпочитали сражаться своими огромными молотами.

Но костяк войска составляли эльфы, жившие в Эльфхьюке или в окрестностях замка. Они превосходили всех остальных не только древностью рода, но и красотой, мудростью и богатством. Они отправлялись в бой, одетые как на свадьбу, и целовали острия клинков, словно прекрасных невест. Они творили заклинания, которые должны были уберечь друзей и навлечь всяческие беды на врагов. Прибывшие из соседних земель воины преклонялись перед ними, что, впрочем, никак не сказывалось на их аппетите или мужской силе.

Фреда наблюдала за эльфами со смешанным чувством. При виде их она испытывала одновременно восторг и страх, отвращение и гордость. А еще — ей льстило, что ее Скафлок пользуется уважением среди этих загадочных существ.

Но, припомнив медвежью хватку троллей, она испугалась. А если с ним что-нибудь случится?

По-видимому, его посетила та же мысль.

— Может, мне лучше переправить тебя к твоим сородичам? — проговорил он. — Я не верю, что тролли победят, но всякое возможно. Пока все предзнаменования сулят нам поражение. А коль так, то здесь тебе не место.

— Нет-нет! — воскликнула она, прижимаясь к его груди. — Я не покину тебя ни за что!

Он взъерошил ее золотистые волосы.

— Я вернусь за тобой, потом.

— Нет... А вдруг кто-то уговорит или принудит меня остаться? Какой-нибудь священник... Я слышала о таких случаях, — неожиданно ей вспомнились красавицы-эльфиянки и взгляды, какими они окидывали Скафлога. — Нет, я никуда от тебя не денусь!

Он нежно обнял ее.

Вскоре стало известно, что тролли вышли в море. В ночь перед собственным отплытием эльфы устроили в Эльфхьюке пир.

Просторной была трапезная зала в замке Имрика. Фреда, сидя рядом со Скафлом неподалеку от трона князя, не могла различить противоположной стены. Высокие арочные своды потолка тонули в голубом полумраке, который, подобно дыму, стелился над полом; воздух был свеж и ароматен. Свечи в тяжелых бронзовых канделябрах горели ровным серебристым пламенем, которое отражалось в

* Вейлснд, или Вслунд, — в скандинавской мифологии чудесный кузнец, властитель альвов.

развешанных по стенам щитах и в золотых узорчатых панелях. На белоснежных скатертях искрились и переливались мириадами красок кубки, чаши и блюда, сработанные из драгоценных металлов и украшенные самоцветами. Хотя Фреда уже успела привыкнуть к обилию изысканных яств, однако у нее едва не закружилась голова, когда она увидела приготовленные для пира кушанья: разнообразная дичь, рыба, фрукты, сласти вперемешку с элем, вином и медом.

Эльфы нарядились в пышные одежды. На Скафлоке была белая шелковая рубаша навыпуск, льняные брюки, причудливо расшитый камзол, перехваченный в талии многоцветным поясом; с пояса свисал кинжал в янтарных ножнах с бриллиантовой рукоятью, на ногах были туфли из кожи единорога, а с плеч алой волной ниспадал подбитый горностаем плащ. Фреда облачилась в полупрозрачное, радужно мерцавшее платье, шейку ее облегал алмазное ожерелье, на обнаженных руках сверкали золотые браслеты; костюм ее дополняли золотой пояс и бархатные башмачки. Головы их, как то пристало князю Альвхейма и его подруге, венчали самоцветные диадемы. Прочие высокородные эльфы выглядели ничуть не менее величаво, и даже вожди диких кланов красовались в золоте и драгоценных камнях.

Играла музыка: колдовские мелодии, которые так любил Имрик, сменялись сладкозвучными голосами арф, а следом вступали дудки и свирели. Слышались шутки, насмешливые замечания, остроумные ответы; отовсюду доносился звонкий смех.

Но когда унесли столы, чтобы освободить место для представления шутов, раздались крики, требовавшие танца с мечами. Имрик нахмурился: кто знает, что он предречет? Но отказать было невозможно.

Мужчины сбросили с себя одежды, которые стесняли движения, женщины разделись совсем. Рабы раздали мужчинам мечи.

— Что они делают? — спросила Фреда.

— Это старинный танец, — ответил Скафлок. — Должно быть, мне придется быть скальдом, ибо никому из людей, будь он проворней лисицы, не удастся уберечься от царапин. Скальд произносит висы, девяносто и еще девять. Если во время танца никто не пострадает, значит, победа нам обеспечена; если же кого-то убьют, поражения не миновать. Даже порез предвещает неудачу. Не нравится мне эта затея.

Мужчины выстроились в два ряда, друг против друга. Возле каждого стояла обнаженная женщина. Воздевав над головами мечи, ряды отступили к стенам залы. Скафлок встал перед троном князя.

— Хей! — крикнул Имрик громко.

Скафлок запел:

*Пышет жаром битва,
враги лютуют,
взалакали крови
под звон оружия.
Железные клювы
топоров кромсают
тела, и лизжут
белый берег волны.*

Мужчины двинулись вперед. Звон клинков вторил словам Скаф-лока. Женщины вложили свои ладони в левые руки бойцов — и очутились под блистающими мечами.

Скафлок продолжал:

*Пышет жаром битва,
будто буря воеет,
щитами щерясь,
в кровь мечи макая.
Стрелы ливнем льются,
каленные копья
впиваются злобно
в сердца героев.*

Эльфийанки словно парили над полом, легко и уверенно уклоня-ясь от смертоносных лезвий. Мужчины сошлись, повернулись, разо-шлись, дружно взмахнули клинками; те взлетели в воздух, чудом не попав в гибкие белые тела, и вновь оказались в руках воинов, только из другого ряда.

Скафлок возвысил голос:

*Пышет жаром битва,
ввысь клинки взмывают,
клич боевые
будоражат воев.
Щиты — помеха
в пылу сраженья.
Кружит в небе ворон,
волки в поле рыщут.*

Человеческий глаз бессилен был уследить за перемещениями тан-цоров. Мечи то скрещивались над самым полом, и тогда эльфийанка перепрыгивала через них, то возникали вдруг перед ее лицом, и она подныривала или уворачивалась. Вот, оставшись каждый наедине с партнершей, мужчины принялись плести вокруг них сверкающую паутину. В следующий миг они вновь сомкнулись в ряды и начали надвигаться на женщин, а те умудрялись как-то уворачиваться от беспощадных клинков.

Скафлок воскликнул:

*Пышет жаром битва,
жажду железа
утоляют кровью
яростные рати.
Рога вострубили
призыв к отважным:
«Мужси, смелее
врагов крушите!»*

Лия — белый призрак в гуще серебристого облака — крикнула ему:

— Эй, Скафлок, что же твоя подружка, которая так заботилась о тебе, не танцует с нами?

Скафлок мгновенно отозвался:

*Пышет жаром битва,
и скальд, что складно
вещал вам о схватке,
меч обнажает.
Над смертной не смейся:
мне на подмогу
пришла с поцелуем —
он рушит чары.*

Внезапно эльфы разом вздрогнули. Лия, отвлекшись на Скафлока, попала под клинок. На ее белоснежном плече заалела царапина. Однако она продолжала танцевать, забрызгивая кровью тех, кто был рядом.

Скафлок постарался, чтобы его голос звучал весело:

*Пышет жаром битва.
Норны пусть рассудят,
кому выпал жребий
погибель встретить.
Лишь вещуньям ведом
исход сраженья,
но враги попомнят
ярый натиск эльфов!*

Оплошность Лии лишила уверенности остальных женщин, и вскоре еще у нескольких эльфянок появились свежие порезы. Имрик, опасаясь самого худшего, велел прекратить танец. Веселье закончилось утрюмым молчанием.

Скафлок ответил Фреду в ее покои, а сам куда-то исчез, но быстро вернулся. Он протянул девушке широкий, расшитый серебром пояс, к которому с изнанки крепился маленький серебряный фиал.

— Это мой прощальный дар, — сказал он тихо. — Имрик вручил пояс мне, но я хочу, чтобы его носила ты. Я по-прежнему верю в нашу победу, однако танец поколебал мою надежду.

Фреда молча приняла пояс.

— В фиале хранится могучее снадобье, — пояснил Скафлок. — Если случится так, что в замок ворвутся враги, выпей его. Два-три дня ты будешь как мертвая. Может статься, тебя выбросят за стену: тролли не церемонятся с трупами чужаков. А когда очнешься, сумеешь ускользнуть.

— Зачем мне жить, если ты умрешь? — печально спросила Фреда.

— Ну да, — устало усмехнулся Скафлок. — Ты думаешь, тролли убьют тебя сразу? А поднимать руку на себя христианство запрещает, правда? Горек мой дар, милая, но иного я дарить не стану.

— Спасибо тебе, — прошептала она, — я возьму его. Но давай отвлечемся хоть на миг от грустных мыслей.

— Давай, — согласился он. И пусть недолгое, они заново познали счастье в объятиях друг друга.

Глава 15

Вечером следующего дня, едва закатилось солнце, ладьи эльфов вышли навстречу троллям. Имрик, стоя рядом со Скафлоком на носу своего корабля, вглядывался во мрак. Увидев, сколь грозен флот противника, он с шумом втянул в себя воздух.

— В нашем распоряжении почти все боевые ладьи Альвхейма, — проговорил он, — а у них там по крайней мере вдвое больше. О, если бы другие князья прислушались к моим словам! Сколько я им доказывал, что Иллреде нельзя доверять, что нужно покончить с ним раз и навсегда!

Скафлоку было кое-что известно о взаимных распрях, которые завершились столь плачевным образом. Он был наслышан о тщеславии, лени и равнодушии эльфийских владык. Судя по тому, что он знал, Имрик тоже проявил себя не с лучшей стороны. Впрочем, теперь поздно кого-либо винить.

— Откуда вдруг взялось столько троллей? — хмыкнул он. — Наверняка среди них гоблины и прочая шваль, которая немногого стоит.

— Не потешайся над гоблинами, — возразил Имрик, — из них получаются хорошие бойцы.

Луна, выглянув из-за туч, осветила на миг суровое лицо князя. В воздухе, гонимые ветром, медленно кружились снежинки.

— От колдовства толку будет мало, — продолжал рассуждать Имрик, — потому что здесь мы примерно равны. Значит, все решит простая сила.

Он покачал головой:

— На последнем совете у короля я предлагал объединиться, отдать троллям пограничные земли, даже, быть может, Англию, а потом обрушиться на них всей своей мощью. Но меня не захотели слушать. Что ж, поглядим, кто был прав.

— Они, господин, — вмешался в разговор Огненное Копье. — Мы живо расправимся с этими свиньями. Подпустить их к Эльфхьюку? Мой князь, как ты мог подумать о таком? — Воин погрозил пикой надвигающемуся флоту троллей.

Скафлок тоже жаждал схватки, хотя и понимал умом, что благоприятный ее исход весьма сомнителен. Впрочем, сколько раз бывало, что горстка храбрецов брала верх над могущественным врагом! Юноше не терпелось сойтись в поединке с безумным братом Фреды, Вальгардом, который причинил девушке так много зла, и раскроить ему череп.

Однако, подумалось вдруг ему, если бы Вальгард не похитил Фреду и она не оказалась бы в Трольхейме, он, Скафлок, никогда бы ее не встретил. Значит, он обязан берсерку, а потому, в уплату долга, убьет его сразу, не станет вырезать на его спине кровавого орла.

Затрубили боевые рога. На кораблях быстро скатали паруса и убрали мачты, гребцы взялись за весла. Когда флоты сблизились на расстояние выстрела, над волнами засвистели стрелы. Они вонзались в дерево и в плоть, три штуки подряд отскочили от кольчуги Скафлока, четвертая чудом не задела руку и воткнулась в носовую

фигуру корабля. Другим воинам повезло меньше: на глазах Скафлока они, раненные или пораженные насмерть стрелами троллей, друг за дружкой скрывались в волнах.

Луна почти не появлялась из-за тучи, но над поверхностью моря танцевали блуждающие огоньки, а сама вода отсвечивала холодной белизной. Словом, убивали не вслепую.

За стрелами в воздух взмыли копыя, дротики и камни из пращей. Бросок Скафлока вышел удачным: его копьё пригвоздило одного из троллей на передовом корабле к палубе. И тут же ему в шлем врезался обломок скалы. Оглушенный, Скафлок перегнулся через борт. Море плеснуло ему в лицо соленой водой.

Вновь протрубили рога. Флоты сошлись.

Ладья Имрика сцепилась с кораблем Иллреде носами, и завязался отчаянный бой. Меч Скафлока отсек лапу тролля, в которой зажата была рукоять топора. Прикрываясь щитом от ударов, юноша кинулся на врагов. Слева от него орудовал своей пикой Огненное Копье: он нападал и колол, не обращая внимания на кровь, что сочилась из многочисленных порезов на его руках и ногах. Справа мужественно бился Энгор из Пиктланда. Какое-то время воины топтались на месте; стоило упасть одному, его немедленно заменял другой.

Клинок Скафлока впился в шею тролля. В следующий миг Огненное Копье пронзил грудь того, кто стоял за спиной погибшего. Скафлок рванулся в неожиданно возникшую брешь. Еще один воин замахнулся на него дубинкой, но топор Энгора пропел песнь смерти, и голова тролля покатилась в море.

— Вперед! — крикнул Скафлок. Эльфы устремились за ним. Построившись спина к спине, они врубились в ряды ожесточенно сопротивлявшихся троллей. Товарищи поспешили им на подмогу.

Лязг клинков заглушил все остальные звуки. Палубу корабля Иллреде заливала кровь. Скафлок, голубые глаза которого металы молнии, без усталости работал мечом. От ударов спереди его защищал щит, а сзади прикрывали эльфы. Наконец тролли не выдержали и отступили.

— На корму! — гаркнул Скафлок.

Защлонившись щитами, эльфы двинулись на врагов. Тролли сражались с храбростью отчаяния. Они крушили черепа эльфов, дробили им кости и распарывали животы. Но тех было не остановить, и тролли мало-помалу пятились к корме.

— Вальгард! — закричал Скафлок. — Где ты, Вальгард?

— Вот он я, — отозвался подменыш, на виске которого запеклась кровь. — Камень было свалил меня, но дух не вышиб.

Скафлок бросился к нему. Сражение прекратилось. Эльфы столпились на носу, тролли сгрудились на корме — и те и другие передыхали. Однако лучники эльфов продолжали осыпать вражеских воинов стрелами.

Клинок Скафлока скрестился с топором Вальгарда. Послышался звон металла, сверкнули в ночи искры. Берсерк, как ни странно, не впал в бешенство: он дрался с угрюмым спокойствием, широко рас-

ставив ноги, чтобы устоять на шаткой палубе. Скафлок ударил по рукояти топора, но лезвие меча не сумело перерубить твердую, обмoтанную кожей древесину. Вальгард вознамерился достать противника снизу, ибо Скафлок не успел выставить щит, однако ему не хватило места для размаха, и удар получился не столь сильным, чтобы рассечь кольчугу. Тем не менее рука Скафлока, которой он держал щит, онемела. Вальгард вновь взмахнул топором. Скафлок упал на колено и — ткнул мечом в ногу берсерка.

Топор обрушился на шлем юноши, едва не повергнув Скафлока в беспамятство. Раненный в бедро Вальгард покачнулся и рухнул навзничь. Палуба вздыбилась, и оба они закатились под скамьи гребцов.

Тем временем ярл Грум повел троллей в атаку. Его булава с каменным наконечником не знала пощады. Энгор из Пиктланда отсек было троллю правую руку, но Грум перехватил булаву в левую и могучим ударом отправил Энгора к праотцам, а потом опустился на четвереньки и пополз искать укромный уголок, чтобы сотворить исцеляющее заклинание для своей раны.

Скафлок и Вальгард, выбравшись из-под скамей, возобновили бой. К левой руке Скафлока возвратилась чувствительность, нога же Вальгарда все еще кровоточила. Пасынок Имрика сделал выпад, и его меч проник в тело берсерка.

— За Фреду! — крикнул он. — Ты поплатишься мне!

— Смотри не поплатись сам! — прохрипел Вальгард. У него осталось сил поднять топор, чтобы отразить новый замах Скафлока. Меч юноши раскололся пополам.

— Ха! — воскликнул берсерк, но, прежде чем он успел нанести смертельный удар, на него, словно разъяренный кот, прыгнул Огненное Копье.

Видя, что эльфы завладели кораблем Иллреде, Вальгард пробормотал:

— Тут мне больше делать нечего. Но с тобой, братец, мы как-нибудь встретимся.

Он бросился в море. Сперва он хотел скинуть с себя доспехи, чтобы их тяжесть не увлекла его на дно, однако оказалось, что в этом нет надобности. По воде плавало множество обломков. Вальгард ухватился левой рукой за качавшуюся на волнах мачту; в правой он по-прежнему сжимал рукоять Братоубийцы. Поразмыслив, он решил не расставаться с топором — проклятый или нет, тот был добрым оружием.

Вода вокруг кишела троллями. Вальгард крикнул:

— Ко мне, ребята! Победа будет за нами!

Эльфы торжествовали. Скафлок спросил:

— А где Иллреде? Он должен был быть на борту, однако я его не видел.

— Наверно, как Имрик, парит в небе в обличье чайки, — отозвался Огненное Копье. — Давайте прорубим днище этой посудыны

Вернувшись на свою ладью, эльфы натолкнулись на поджидавшего их Имрика.

— Что скажешь, отчим? — воскликнул Скафлок.

Голос князя был печален и тих:

— Плохи наши дела. Эльфы сражаются доблестно, но на одного из них приходится двое троллей. К тому же часть вражеского войска высадилась на берег.

— Горькие вести, — проговорил Голрик из Корнуолла. — Если не будем драться как демоны, мы проиграли.

— Боюсь, мы уже проиграли, — сказал Имрик.

Скафлок не сразу освоился с тем, что услышал. Он огляделся. Ладья Имрика осталась в одиночестве. Битва отодвинулась в сторону. Судя по всему, флот троллей пострадал не слишком сильно.

Увидев, как два черных судна пристали с обоих бортов к очередному кораблю эльфов, Скафлок крикнул:

— На весла! Им нужна помощь. На весла!

— Молодец, — одобрил Имрик.

Ладья устремилась к месту ближайшей схватки. По палубе ее застучали стрелы.

— Лучники! — возопил Скафлок. — Стреляйте! Во имя тьмы, почему вы не стреляете?

— Наши колчаны опустели, господин, — откликнулся кто-то.

Укрывшись за щитами, эльфы гребли туда, где два челна их собратьев сражались против трех кораблей наемников и ладьи троллей. И тут на них налетели крылатые демоны Байкала.

Биться с врагом, который нападает сверху, не так-то легко. Но, отражая атаки демонов, эльфы поставили свой корабль борт к борту с судном гоблинов, с которого их и осыпали стрелами. Скафлок ринулся вперед. В рукопашной гоблины не могли равняться с эльфами. Скафлок разрубил одного, распорол брюхо второму, снес голову третьему, а Огненное Копье единым взмахом пики разделался с троими. Гоблины в страхе попятись.

Пробившись к сундукам со стрелами, Скафлок велел перетаскать их на ладью Имрика. Когда с этим было покончено, он протрубил сигнал к отступлению: гоблины не представляли уже никакой опасности.

Запели тетивы эльфийских луков, и крылатые демоны с завываниями посыпались в море.

Два других корабля эльфов отбивались от гоблинов, оми и бесов.

— Они справятся, — произнес Скафлок, — а мы займемся троллями.

Зеленокожие воины зацепили борта ладьи крючьями и с громкими криками кинулись на эльфов. Рванувшись им навстречу, Скафлок поскользнулся и упал меж скамей. Над головой его просвистело копье: оно вонзилось в грудь Голрику из Корнуолла и вышло у него из спины.

— Спасибо, — пробормотал Скафлок, поднимаясь. Тролли навалились на него. Их удары обрушивались то на щит, то на шлем. Юноша отрубил одному троллю ногу, а второму, который норовил выцарапать ему глаза, ткнул в лицо обитый железом щит. Тролля

истощно завопил и отпрянул. Скафлок присоединился к товарищам.

Пошел густой снег, задул сильный ветер. Корабли клевали то кормой, то носом. Бойцы валились с ног, но продолжали сражаться. Вскоре щит Скафлока разлетелся вдребезги. Он швырнул его в тролля, с которым дрался, и в то же мгновение клинком поразил противника в сердце.

Но тут его схватили сзади. Он резко откинул голову, увенчанную стальным шлемом. Ничего не случилось. Извернувшись, он увидел, что очутился в лапах тролля, с головы до ног облаченного в кожу. Пытаясь вырваться, Скафлок применил эльфийский прием, чтобы разжать пальцы врага. Но тот мгновенно стиснул его в медвежьих объятиях. Корабль накренился, и они оба покатались по палубе.

Скафлок никак не мог освободиться. Могучие лапищи тролля грозили сломать ему ребра. Он уперся коленями в живот мерзкой твари, надавил обеими руками на мускулистое горло.

Напряжение было чудовищным. Скафлок чувствовал, как сила вытекает из него, подобно вину из опрокинутого кубка. В последнем усилии, сознавая, что долго не выдержит, он сжал горло тролля.

Тот ослабил хватку и вцепился в руки Скафлока, ибо начал задыхаться. Человек ударил его головой о дощатую палубу — раз, другой, третий. Череп тролля раскололся.

Скафлок вытянулся поперек тела поверженного врага. Он судорожно хватал ртом воздух, сердце бешено колотилось в его груди, кровь стучала в виски. Кто-то наклонился над ним. Сквозь застилающую глаза пелену он разглядел лицо Огненного Копья.

— Ни эльф, ни человек не побеждали еще тролля голыми руками, — благоговейно проговорил воин. — Ты совершил подвиг, достойный Беоульфа. Его будет помнить до конца времен. Наша взяла!

Он помог Скафлоку встать. Присмотревшись, юноша увидел, что с наемниками тоже покончено.

Но какой ценой! В живых на всех трех ладьях осталось едва ли два десятка эльфов: многие из них были серьезно ранены. Кругом громоздились трупы, а из снежной мглы вдруг вынырнул еще один корабль троллей.

— Все пропало, — простонал Скафлок. — Нам не на что больше надеяться.

Беспомощные ладьи увлекало к берегу, где их нетерпеливо поджидали тролли, восседавшие на своих громадных черных конях.

На палубу опустилась чайка, встряхнулась — и обернулась Имриком.

— Мы пустили ко дну половину тролльского флота, — угрюмо сказал князь. — Но в основном то корабли их союзников. Что же до нас — мы побеждены. Уцелевшие бегут, остальные готовятся к смерти.

В глазах его, быть может, впервые за сотни лет заблестели слезы.

— Англия пала. Боюсь, что и Альвхейму пришел конец.

Огненное Копье взмахнул пикой.

— Мы умрем сражаясь! — Голос его был сиплым от усталости.

Скафлок покачал головой. Однако воспоминание о Фреде придавало ему сил.

— Мы будем сражаться, но не умрем, — поправил он.

— Как это? — справился Огненное Копье.

Скафлок снял шлем. Волосы его были мокры от пота.

— Сперва избавимся от доспехов, — сказал он.

Бросив две ладьи на произвол судьбы, эльфы перебрались на третью, установили мачту и подняли парус. Тролли постепенно настигали их.

Скафлок взялся за рулевое весло, эльфы выстроились вдоль бортов с шестью в руках. Тролли налегли на весла, намереваясь либо догнать ладью, либо загнать ее в узкий фьорд впереди.

— Они наседают, — проговорил Имрик.

— Пускай, — невесело усмехнулся Скафлок. Грохот прибоя, разбивавшегося о риф, перекрывал вой ветра. За рифом начиналась отмель.

Тролли заходили с правой стороны. Скафлок подал команду. Ладья круго развернулась. Тролли разгадали намерение эльфов и попытались отвернуть, но было поздно. Ладья врезалась в середину вражеского судна. Увлекаемый силой удара, корабль троллей налетел на скалы, что сторожили проход во фьорд.

Эльфы работали как сумасшедшие, выполняя распоряжения Скафлока. Тот удар, что сокрушил троллье судно, отбросил ладью Имрика к дальнему концу рифа, где море было поспокойнее и где от спасительной отмели ее отделял лишь узкий скалистый гребень.

— Спасайся, кто может! — крикнул Скафлок, прыгнул за борт и погрузился в воду по самый подбородок. Товарищи последовали его примеру. На ладье остались только те, кто не мог передвигаться самостоятельно, а потому обречен был погибнуть в виду суши.

Они выбросились на берег на значительном удалении от конницы троллей, но их все же заметили.

— Врассыпную! — скомандовал Скафлок. — Бегите в разные стороны!

Тролли пронзали эльфов пиками, топтали копытами коней, однако большинству удалось избежать гибели.

Высоко в небе кружила чайка. А над ней — Скафлок застонал: могучий орлан-белохвост закогтил чайку, опустился вместе с ней на землю и обернулся Иллреде, а чайка превратилась в Имрика.

На князя эльфов обрушились дубины. Вдоволь натешившись, тролли связали безжизненное тело, что скрючилось в луже крови.

Если Имрик мертв, Альвхейм потерял одного из лучших вождей. Если же он жив, удел его горек и жесток. Скафлок скрылся в зарослях вереска. Он и думать забыл про усталость, холод и ноющие раны. Эльфы разбиты, им он уже ничем не поможет. Значит, нужно спешить в Эльфхьок к Фреде, чтобы добраться туда раньше троллей.

Глава 16

Войско Иллреде спряталось от солнца в прибрежных скалах. Король дал троллям двухдневный отдых, ибо видел, что они утомлены до изнеможения. Затем они направились на юг, частью по морю, а частью по суше. Корабли достигли бухты, где стоял Эльфхьюк, в ту же ночь. Тролли высыпали на берег и принялись рыскать по окрестностям, дожидаясь подхода отрядов Грума и Вальгарда.

Те не слишком торопились. Конные разъезды вылавливали уцелевших после битвы эльфов, пешие ратники грабили и жгли подворья. К тому же продвижение замедляла длинная вереница пленников, что брели в ошейниках и со связанными руками; впереди, едва переставляя ноги, плелся Имрик. Тролли наслаждались яствами, напитками и женщинами Альвхейма, приберегая Эльфхьюк напоследок.

То ли благодаря своему колдовскому искусству, то ли потому, что с моря не было никаких вестей, обитатели замка узнали об исходе сражения на заре той ночи, когда разыгралась битва. Позднее, глядя с высоких стен на огни воинского лагеря, на черные корабли в бухте, они поняли, что Имрик потерпел сокрушительное поражение. Это означало, что Англия отныне принадлежит троллям.

Стоя у окна своей спальни, Фреда услышала вдруг шорох шелковых одежд. Она обернулась. За ее спиной, сжимая в руке сверкающий нож, притаилась Лия.

Лицо эльфийки искажала гримаса боли и злобы, которая начисто лишала его сходства с лицом идола из слоновой кости, вырезанного в древности мастером с юга.

— Твои глаза сухи, — проговорила Лия. — Что же ты не оплакиваешь того, чье тело клюет воронье?

— Я заплачу, когда удостоверюсь в его смерти, — ответила Фреда без всякого выражения. — Жизнь кипела в нем, и я не могу вообразить его мертвым.

— Где же он? Впрочем, какой толк от беглеца? — уголки бледных губ Лии загнулись кверху. — Видишь этот кинжал, Фреда? Тролли встали лагерем вокруг Эльфхьюка. Ваш закон запрещает вам налагать на себя руки, но, если ты хочешь уйти, я с радостью помогу тебе.

— Нет, я буду ждать Скафлока, — сказала Фреда. — И потом, разве мало у нас копий и стрел? Разве мало провизии, разве не высоки стены и не крепки ворота? Разве мы не удержим замок для тех, кто, может быть, в него вернется?

Рука Лии дрогнула. Эльфийка пристально поглядела на стройную сероглазую девушку.

— Пожалуй, — выговорила она наконец, — я начинаю понимать, что нашел в тебе Скафлок. Как бы то ни было, твой совет — совет смертного, бесполого, как сами люди. Под силу ли женщинам удержать замок, когда их мужчины погибли?

— Можно попытаться. Мы падём, как они, в бою.

— Нет, у женщин другое оружие, — на губах Лии заиграла кривая усмешка. — Чтобы применить его, мы должны раскрыть ворота. Ты хочешь отомстить за возлюбленного?

— Конечно! Кинжалом, стрелой, если понадобится, и ядом!

— Тогда подари троллям свои поцелуи, быстрые, как стрелы, острые, как мечи, смертельные, как яд. Так поступают эльфийнки.

— Скорее уж я нарушу заповедь Того, кто над нами, и убью себя, чем соглашусь на такое! — вспыхнула девушка.

— Смертная! — презрительно фыркнула Лия и улыбнулась своей кошачьей улыбкой. — Мне, например, интересно, каковы из себя тролли. Все наше мне давным-давно приелось, а они — нечто новенькое. Когда появится наш новый повелитель, мы распахнем ворота Эльфхьюка.

Фреда упала на постель и закрыла лицо руками.

— Если ты так безнадежно глупа, — сказала Лия, — я буду рада избавиться от тебя. Завтра, когда рассветет и тролли заснут, я выпущу тебя из замка. Бери с собой все, что пожелаешь. А дальше — дело твое. Наверно, ты пристанешь к монашкам, которые воют столь противно, что божественный жених не чаёт, как заставить их замолчать. Будь счастлива!

Эльфийнка ушла.

Фреда долго лежала на постели, глядя перед собой невидящим взором. Ее охватило отчаяние. Слезы комком застряли в горле. Все погибло — семья, любовь...

Нет!

Она села и стиснула кулаки. Скафлок жив! Она не поверит в его смерть до тех пор, пока не поцелует холодные обескровленные губы, — тогда, если Господь смилостивится, ее сердце разорвется, и она уснет вечным сном рядом с ним. Но он жив... он лежит где-нибудь, раненый, а враги разыскивают его и подбираются ближе и ближе...

Сборы не отняли много времени. Она взяла шлем и кольчугу Скафлока, топор, меч со щитом, копье, лук и полный колчан стрел. Еще она прихватила одежду, которая надевалась под доспехи; вещи показались ей никчемной грудой тряпья. Себе она подобрала легкую кольчугу из тех, что носят эльфийнки. Фреда улыбнулась своему отражению в зеркале, поправила затыльник и спрятала рыжие кудри под шлем с золотыми крыльями. Она припомнила, что Скафлоку нравился такой наряд.

Все снаряжение было выковано из металла эльфов; Фреда с сожалением отложила в сторону железное оружие — лошади Волшебной страны не выносили его.

Она засунула в мешок вяленую рыбу и другие припасы, не забыла про меха и одеяла, про швейные принадлежности и про все остальное, что могло пригодиться.

— Становлюсь потихоньку хозяйкой, — усмехнулась она.

Наконец настала очередь тех предметов, назначения которых она не знала, но думала, что Скафлоку они будут нужны: шкуры волка, выдры и орла, рунные посохи из ясеня и бука, диковинное кольцо.

Собравшись, она отправилась на поиски Лии. Та ошарашенно уставилась на новоявленную валькирию.

— Что ты задумала? — спросила эльфийнка.

— Дай мне четырех коней, — ответила Фреда, — и помоги навьючить одного из них, а потом выпусти меня из замка.

— На дворе ночь, тролли еще не спят, а наши лошади страшатся дневного света.

— Знаю, но они скажут быстрее любых других, а больше мне ничего не надо.

— Что ж, если не угодишь в лапы к троллям, то до рассвета доберешься до церкви, — фыркнула Лия. — Доспехи, может статься, защитят тебя. Но не надейся, что эльфийское золото позволит тебе жить безбедно.

— Я не брала никакого золота, и земли людей мне ни к чему. Я хочу, чтобы ты отперла северные ворота.

Лия удивленно посмотрела на девушку и пожала плечами:

— Глупая ты. Зачем тебе кости Скафлока? Впрочем, поступай, как знаешь.

Выражение ее лица вдруг смягчилось, и она сказала просительно:

— Когда найдешь его, живого или мертвого, поцелуй его за Лию, ладно?

Фреда промолчала, но мысленно поклялась, что этого поцелуя Скафлок не получит.

Она покидала замок в густой снег. Ворота бесшумно распахнулись; стражники-гоблины, которым за службу была обещана свобода, пожелали ей удачи. Фреда не оглядывалась. Без Скафлока Эльфхук утратил для нее все свое великолепие.

Налетел ветер, такой колючий, что от него не спасал даже подбитый мехом плащ. Она наклонилась и прошептала на ухо коню:

— Скачи, милый, скачи во весь опор! На север, к Скафлоку! Если ты найдешь его, я поставлю тебя в золотое стойло, а летом ты будешь бегать неоседланный по зеленым лугам.

Послышался хриплый крик. Фреда выпрямилась, перепуганная до полусмерти. Как она ни старалась, тролли заметили ее...

— Вперед, вперед, мой конь!

Ветер засвистел у нее в ушах. Он так и норовил вырвать ее из седла, пригоршнями швырял ей в лицо снег. Она едва различала дорогу, но отчетливо слышала топот копыт за спиной.

Быстрее, быстрее! Кони мчались на север, преследователи вопили и улюлюкали. Обернувшись, Фреда увидела троллей — темные тени в белесой пелене снегопада. Может, остановиться и, подождав, пока они приблизятся, повелеть им именем Христа отправляться обратно? Нет, тролли предпочитают объясняться на языке стрел.

Снегопад превратился в настоящую пургу. Тролли отстали, но Фреда знала, что они ни за что не откажутся от преследования. О чем она не догадывалась — так это о том, что скачет навстречу идущей на юг армии Трольхейма.

Мелькнул вдалеке огонь на вершине холма. Должно быть, горело какое-нибудь эльфийское подворье. Значит, троллей в окрестностях больше, чем она предполагала...

Словно в ответ ее мыслям, справа из темноты донесся жуткий вой. Земля затряслась под ударами копыт. Если ее окружают...

Прямо на пути девушки возникла чудовищная фигура: огромная косматая лошадь чернее ночи, с глазами, что светились тлеющими угольями, всадник в черных латах, громадный и безобразный. Троль! Эльфийский конь шарахнулся в сторону, но троль успел ухватить его за узду и осадил на всем скаку.

Фреда взвизгнула. Троль выдернул ее из седла, зажал ей рот, чтобы она не могла воззвать к небесам. Лапа его была холодной и отвратительно воняла.

— Хо-хо! — загоготал он.

И тут из мрака, как будто привлеченный ее отчаянным воплем, задыхаясь от долгого бега, вынырнул Скафлок. Вдев ногу в стремя, он одним движением очутился на спине трольего коня и всадил нож в горло воину.

Фреда упала в его объятия.

Глава 17

Когда войско троллей подошло к стенам Эльфхьюка, со сторожевой башни затрубил рог. Огромные бронзовые ворота распахнулись. Вальгард натянул поводья.

— Ловушка, — проговорил он, шуря глаза.

— Вряд ли, — не согласился Грум. — В замке остались одни женщины. Они надеются, мы пощадим их, — он расхохотался. — Ну разумеется, разумеется!

Копыта коней зацокали по каменным плитам внутреннего двора. Здесь было тепло и тихо, стены и башни окутывал голубой полумрак. Сады изливали сладостные ароматы; между деревьями бежали хрустальной чистоты ручейки. В садах немало было укромных местечек, что предназначались для уединения влюбленных парочек.

Женщины Эльфхьюка собрались у главной башни. Увидев их, Вальгард, хоть и насмотрелся на эльфянок по дороге от побережья, не смог сдержать восхищенного возгласа.

Одна выступила вперед. Тонкое платье подчеркивало ее совершенные формы. Она выделялась среди остальных подобно луне среди звезд. Она низко поклонилась Груму, бросив на него томный взгляд из-под длинных ресниц.

— Приветствуем тебя, господин, — произнесла она певуче. — Эльфхьюк сдается на милость победителя.

Грум горделиво выпятил грудь:

— Древен ваш замок, и никто не мог взять его приступом. Но вы поступили мудро. Трольхейм велик и могуч! Мы без жалости караем наших врагов, а наши друзья благоденствуют, — он ухмыльнулся. — Скоро я облагодетельствую тебя. Как твое имя?

— Я зовусь Лией, сестрой Имрика, князя эльфов.

— Теперь я, Грум, князь Англии, а Имрик — последний из моих рабов. Приведите пленников!

Медленно, шаркая ногами и опустив головы, вступили на внутренний двор замка вельможи Альвхейма. Печальны были их лица, а плечи сутулились от груза более тяжкого, чем цепи. Имрик, весь в синяках, оставлял за собой кровавый след. Когда их проводили мимо женщин, эльфы не выдали своих чувств ни словом, ни взглядом. За благородными скорбной вереницей двигались простые воины.

В сопровождении телохранителей прискакал Иллреде.

— Эльфхьюк наш, — провозгласил он, — и мы поручаем тебе, Грум, править им, пока мы будем покорять Альвхейм. Скучать тебе не придется, ибо множество эльфов бродит по холмам и лесам, а кое-где уцелели даже их подворья.

Он прошел к башне.

— А перед уходом мы хотим повидать нашу дочь Гору, которую Имрик похитил у нас девять столетий назад. Приведите ее сюда.

Лия вцепилась в рукав Вальгарда и оттащила воина в сторону.

— Я сперва приняла тебя за Скафлока, смертного, который жил среди нас, — проговорила она. — Но я чувствую, что ты не человек...

— Так оно и есть, — отозвался он с усмешкой. — Я Вальгард Берсерк из Тролльхейма. Впрочем, мы со Скафлоком вроде как братья. Я подменыш, рожденный троллихой Горой от Имрика и оставленный взамен ребенка, который был Скафлоком.

— Значит... — пальцы Лии стиснули его запястье. — Значит, ты — тот самый Вальгард, о котором говорила Фреда? Ее брат?

— Да, — его голос посуровел. — Где она? — Он грубо потряс эльфянку. — И где Скафлок?

— Я... я не знаю... Фреда бежала из замка... она сказала, что отправляется искать его...

— Выходит, если ее не перехватили по дороге — а я ни о чем таком не слышал, — она с ним. Плохо!

Лия улыбнулась, если можно так назвать ее гримасу.

— Наконец-то я поняла, что разумел Тюр, — прошептала она еле слышно, — и почему Имрик так оберегал тайну...

Она снова обратилась к Вальгарду:

— Что же в этом плохого? Ты погубил весь род Орма, кроме них двоих, а им отомстил страшной мстостью. Или твоя ненависть не удовлетворена?

Вальгард покачал головой.

— Во мне не было ненависти ни к Орму, ни к его роду, — он смятенно огляделся, как человек, который пробудился от тревожного сна. — Но я должен был их ненавидеть, иначе зачем я чинил им зло? Своим родичам... — он провел рукой по глазам. — Нет, они мне не родня... да или нет?

Вывавшись, он поспешил за королем. Лия с улыбкой последовала за ним.

Иллреде сидел на троне Имрика. Он усмехнулся, заслышав топот ног.

— Ведут Гору, — пробормотал он, — мою крошку, что смеялась и играла у меня на коленях. Твою мать, Вальгард, — добавил он, хлопнув подмышку по плечу.

Она ввалилась в залу, изможденная, сморщенная, сгорбленная. Глаза ее не выражали ничего.

— Гора... — Иллреде приподнялся было, но тут же снова сел.

Она подслеповато озиралась по сторонам.

— Кто зовет Гору? — буркнула она. — Кто зовет Гору, призывает смерть. Гора мертва, господин, она умерла девять столетий назад. Ее похоронили под замком, ее белые кости поддерживают башни, что устремлены к звездам. Зачем вам прах бедной Горы?

Вальгард шарахнулся от нее, выставив вперед руку, словно отгоняя чудище, которое направлялось к нему. Иллреде распростер объятия.

— Гора! — воскликнул он. — Гора, ты что, не узнаешь своего отца? Не узнаешь сына?

Голос ее звучал глухо, как будто доносился издалека:

— Как может мертвая узнавать кого-то? Как может она рожать сыновей? Мозг, что порождал грезы, превратился в обиталище червей. Муравьи ползают там, где когда-то билось сердце. О, верните мне мои цепи! Верните мне возлюбленного, который заточил меня во мрак! — Она заскулила. — Не трогай бедняжку, господин, не буди безумную, ибо жизнь и рассудок — чудовища, они пожирают то, что рождает их на свет.

Она наклонила голову, прислушиваясь.

— Я слышу, как стучат копыта, как стучат они на краю земли. Это мчится Время, и снег срывается с гривы его коня, а копыта высекают молнии. Когда Время мчится подобно ветру в ночи, за ним остаются лишь пожухлые листья. Оно приближается, я слышу, как рушатся миры... Верните мне смерть! — взвизгнула она. — Дайте мне спрятаться от Времени, пустите меня в могилу!

Рыдая, она упала на пол. Иллреде жестом подозвал телохранителей.

— Убейте ее, — приказал он, затем повернулся к Груму: — Подвесь Имрика над горячими угольями, и пусть висит, пока мы не завоем Альвхейм. Потом решим, что с ним делать.

Король встал:

— Эй, тролли, пора в путь! Корабли ждут нас!

Хотя воины рассчитывали на пир в Эльфхьюке, никто из них не посмел возразить Иллреде, на которого страшно было смотреть.

— Тем лучше для нас, — рассмеялся Грум. Заметив бледность Вальгарда, он посоветовал: — Сдается мне, тебе не помешает нынче напиться вдрызг.

— Так я и сделаю, — отозвался берсерк, — и первая же схватка будет моей.

Вожди троллей выбрали себе эльфийнок по вкусу, а остальных женщин отдали воинам. Грум положил руку на талию Лии.

— Ты сдалась мне, — ухмыльнулся он, — моей и будешь, подружкой самого князя.

Она покорно подчинилась, но, проходя мимо Вальгарда, метнула на него призывный взгляд. Он проводил ее глазами. Эта женщина возбуждала его, он чувствовал, что она поможет ему забыть темно-волосую ведьму, память о которой не давала ему покоя даже во сне.

Гулянье продолжалось несколько дней, а потом Вальгард повел троллей на другой замок, в котором надеялась отсидеться горстка эльфов. Он был не так велик, как Эльфхьюк, но стены его возносились высоко над землей, а меткие стрелы защитников остудили пыл троллей.

Прождав целый день, Вальгард на закате прокрался к стенам замка. Дозорные, которым слепило глаза солнце, не заметили его. В сумерках рога протрубили сигнал к атаке. Могучим усилием Вальгард забросил на стену крюк: тот зацепился за зубец. Берсерк споро взобрался по привязанной к крюку веревке и поднес к губам свой рог.

Часовые эльфов напали на него, и, несмотря на тяжелые доспехи, ему пришлось несладко. Но по веревке уже поднимались тролли, а другие, внизу, приставляли к стене лестницы. Прорубая себе дорогу, они пробились к воротам и распахнули их.

В замке началась резня. Многих эльфов заковали в цепи и отправили в Эльфхьюк. Вальгард прошелся огнем и мечом по окрестностям и возвратился с богатой добычей.

Грум встретил его довольно холодно: ему казалось, что Вальгард слишком о себе возомнил.

— Тебе надо было остаться там, — сказал он. — Нам двоим тут тесновато.

— И впрямь, — пробормотал Вальгард, меряя тролля взглядом.

Так или иначе, Грум вынужден был устроить пир в его честь и посадить берсерка на почетное место справа от трона. На пиру троллям прислуживали эльфийки. Лия подносила Вальгарду рог за рогом хмельного вина.

— За нашего героя, славнейшего среди всех воинов! — воскликнула она. Полупрозрачное одеяние вовсе не скрывало ее прелестей, и голова у Вальгарда пошла кругом.

— Я хочу услышать от тебя другое! — Он посадил ее к себе на колени и принялся целовать — жадно, неистово. Она отвечала ему с той же страстью.

Грум, который молча прихлебывал из рога, рассвирепел.

— Прочь отсюда, похотливая тварь! — взревел он и, повернувшись к Вальгарду, прибавил: — Оставь ее. У тебя есть своя.

— Но эта мне нравится больше, — возразил Вальгард. — Я дам тебе за нее трех других.

— Ха! Надо будет, я и так их заберу. Помни, я — твой князь! Ты слышал меня. Оставь ее.

— Добыча принадлежит тому, кто лучше сумеет ею распорядиться, — произнесла Лия, которая по-прежнему восседала на коленях Вальгарда. — Куда тебе, Грум, с одной-то рукой!

Взбешенный тролль вскочил, нащупывая рукоять клинка.

— Помогите! — вскрикнула Лия.

Топор Вальгарда действовал, словно по собственной воле. Грум не успел еще обнажить меч, как грозное оружие берсерка рассекло ему грудь.

Обливаясь кровью, он упал к ногам Вальгарда. Глаза его остановились на бледном лице подменыша.

— Ты поди, но она стократ подлее, — сказал он и умер.

Вопль, что вырвался из множества глоток, потряс стены замка. Тролли подступили к Вальгарду. Одни требовали его смерти, другие клялись защитить от любых посягательств. Казалось, схватки не избежать.

Вальгард сорвал с головы Грума окровавленную княжескую корону, которую тот позаимствовал у Имрика, и возложил ее на себя, потом уселся на трон и велел всем замолчать. Мало-помалу установилась тишина, ее нарушало разве что тяжелое дыхание троллей. Сверкали в свете факелов обнаженные клинки; воины неотрывно глядели на Вальгарда. Берсерк заговорил со стальными нотками в голосе:

— Чему быть, того не миновать, хоть я и не рассчитывал, что это произойдет так скоро. Какой был троллям толк от Грума? Он годился лишь на то, чтобы пить, горланить песни да портить женщин. В моих жилах течет благородная кровь, вам известно, чего я стою в битве. Именем своего деда, короля Иллреде, я провозглашаю себя князем! Я обещаю вам победы, богатство и воинскую славу.

Он выдернул топор из тела Грума.

— Выходите, кто не верит в меня!

Тролли, что штурмовали под его началом соседний замок эльфов, дружно закричали:

— Мы с тобой! Мы с тобой!

К ним присоединились остальные, которым вовсе не хотелось сражаться, и гулянье возобновилось. По правде сказать, воины недолюбливали Грума; близких родичей у погибшего тролля не было, а дальние удовлетворились щедрой вирой, которую посулил им Вальгард.

Позднее, оказавшись наедине с Лией, берсерк мрачно поглядел на эльфянку.

— Второй раз уже я убиваю из-за женщины, — пробормотал он. — Будь я мудрее, я зарубил бы тебя на месте.

— Руби, господин, — промурлыкала она, обвивая руками его шею.

— Не могу, — хрипло отозвался он, — и ты это знаешь. Жизнь моя темна и горька. Подари мне забвение, Лия.

Потом, лежа на постели, он спросил:

— Ты была такой и с эльфами?.. И со Скафлоком?

Она тряхнула копной душистых волос.

— Я такая с тобой, — прошептала она и поцеловала его.

Так Вальгард сделался хозяином Эльфхьюка. Тролли рыскали по округе, выискивали уцелевших эльфов, травили их собаками, сжигали живьем в домах. Некоторых Вальгард щадил — бросал в темницы

или обращал в рабов, но большинство полегло под мечами и дубинами троллей. Все женщины доставались воинам: Вальгарду не был нужен никто, кроме Лии.

С юга приходили хорошие вести. Иллреде захватил эльфийские земли Валланда и Фландрии. На севере эльфы затаились в глухих лесах, но смерть неумолимо надвигалась на них. В скором будущем тролли должны были достигнуть крепости, где отсиживался король эльфов.

Люди замечали, что происходит что-то необычное: горели по ночам в чистом поле костры, возникали на мгновение из мрака диковинные тени, ветры доносили откуда-то лязг клинков и протяжные стоны. Волшебство воюющих причинило множество бед: начался падеж скота, погиб на корню урожай, на семьи обрушились несчастья. Порой взгляду охотника открывалась пустошь, по которой словно промчалось стадо взбесившихся коров; воронье терзало едва различимые тела, в которых не было ничего человеческого. Люди запирались на все засовы, клали на пороги железо, зывали к многочисленным богам.

Со временем Вальгард стал все реже и реже покидать Эльфхьюк. Его власть простиралась от Оркнеев до Корнуолла, но покоя он не ведал. Эльфы, которым удалось-таки выжить, постоянно изводили его. Они нападали из засады на троллей, подсыпали яд в кушанья и напитки, калечили лошадей, портили оружие и доспехи, насылали вьюги и бураны. Берсерку чудилось иногда, будто против него восстала сама английская земля.

Пускай тролли владычествовали над Англией — никогда еще Вальгард не поджидал весну с таким нетерпением.

Глава 18

Скафлок и Фреда нашли себе приют на побережье, далеко к северу от эльфийских холмов. Они устроились в пещере, что проникала глубоко внутрь прибрежного утеса. За скалами тянулся к югу лес, а на севере виднелись нагорья, у подножия которых раскинулись бескрайние пустоши. В этой глухомани не встретить было ни людей, ни обитателей Волшебной страны.

Скафлок редко отваживался колдовать из опасения, что тролли почуют его ворожбу, но много охотился в обличье волка, выдры или орла, попеременно надевая шкуры, которые захватила из Эльфхьюка Фреда. Однажды он все же сотворил заклинание и превратил морскую воду в пенный эль. Зима выдалась суровой — Англия не помнила таких холодов со времен Великого Льда, — а потому им сперва пришлось несладко.

В пещере было сыро и холодно, завывал у входа ветер, а внизу грохотал прибой. Но, вернувшись с первой, долгой и утомительной охоты, Скафлок просто обомлел.

В сложенном из камней очаге весело потрескивало пламя. Дым выходил наружу по сплетенной из ивовых прутьев и обмотанной шкурами трубе. Шкуры устилали пол, укрывали стены, одна висела у входа, преграждая доступ ветру. Лошади привязаны были в дальнем

конце пещеры; они жевали сено, в которое Скафлок обратил водоросли. Начищенное оружие ярко сверкало. Рукояти клинков, древки копий и стрел украшали алые гроздья рябины.

Фреда сидела на корточках у огня. Она жарила мясо. Скафлок замер, сердце его забилося. На девушке была лишь короткая туника, которая подчеркивала плавные изгибы стройного тела. Юноше показалось, будто он видит птицу, что вот-вот расправит крылья и взлетит.

Фреда заметила его, подняла голову, откинула со лба спутанные рыжие волосы. На ее раскрасневшемся лице чернели пятна сажи, взгляд больших серых глаз выражал радость. Он обнял ее, и она прижалась к его груди.

— Откуда все это, милая? — спросил он с удивлением.

Она засмеялась:

— Я не медведь и не мужчина, чтобы спать на куче прошлогодних листьев. Шкуры у нас были, а прутья и ягоды отыскиались в лесу. Ну что, получится из меня хозяйка? — Голос ее сорвался, она вздрогнула. — Тебя так долго не было. Время тащилось еле-еле, и мне надо было чем-то занять себя, а то дурные мысли не давали уснуть.

Его руки задрожали.

— Тебе тут не место. Жизнь изгнанника тяжела и опасна. Надо отвести тебя к людям, ты переждешь у них, пока не кончится война.

— Нет, ни за что! — Она схватила его за уши и притянула к себе. Их губы соприкоснулись. Смеясь и рыдая одновременно, она проговорила:

— Я же обещала не покидать тебя. Нет, Скафлок, от меня не так-то легко избавиться.

— Знаешь, — признался он, — я не представляю, как буду жить без тебя. Ты — моя единственная отрада.

— Тогда не оставляй меня одну.

— Но мне нужно охотиться, милая.

— Возьми меня с собой, — она показала на жареное мясо и шкуры на полу. — Видишь, я кое-что умею.

— Да уж, — расхохотался он, потом прибавил серьезно: — Я охочусь не только на зверей, Фреда.

— Ну и что? — Лицо ее посуровело. — Или мне некому мстить?

Он наклонился, чтобы снова поцеловать ее, — так нагибает голову скопа, когда гонится за добычей.

— Орм мог бы гордиться такой дочерью! — воскликнул он.

Она провела пальцами по его щеке.

— Ты не знаешь своего отца?

— Нет, — он поежился, припомнив слова Тюра. — Нет.

Фреда улыбнулась:

— Не беда. Он тоже гордился бы тобой. Сдается мне, Орм отдал бы все свое богатство, чтобы иметь сына вроде тебя, хотя у него были Кетиль и Асмунд. Я верю, он доволен выбором, который сделала дочь.

Холод и голод были частыми гостями в пристанище влюбленных. Чтобы согреться, Скафлок и Фреда или тесно прижимались

друг к другу под медвежьими шкурами, или брали коней и отправлялись на охоту.

Сплошь и рядом им попадались сожженные дотла эльфийские подворья. И всякий раз Скафлок бледнел на глазах и погружался на много часов в угрюмое молчание. Порой им встречались живые эльфы, исхудавшие и оборванные, но юноша даже не пытался сколотить из них боевой отряд. Он понимал, что тем самым лишь выдаст врагу свое местонахождение.

Однако это вовсе не означало, что Скафлок отказался от борьбы. Вдвоем с Фредой они жадно выискивали в снежной пустыне следы троллей, а найдя, устремлялись вдогонку вражеским воинам. Они то осыпали недругов стрелами, то дожидались рассвета, и Скафлок прокрадывался туда, где прятались от солнца тролли, и перерезал им спящим глотки. А если врагов оказывалось всего двое или трое, он нападал на них с мечом и убивал без пощады, а лук Фреды вторил песне смерти, которую пел его клинок.

Нередко охотники превращались в дичь. Тогда Скафлок и Фреда укрывались в пещере или под ветровалом и наблюдали, как снуют вокруг тролли, не догадываясь, что лишь тонкая завеса колдовства отделяет их от тех, кого они ищут. Им многожды приходилось уворачиваться от копий, стрел и камней. Черные корабли троллей проходили, бывало, под самым берегом, так близко, что с порога пещеры можно было пересчитать заклепки на щитах воинов.

Но хуже всего был лютый холод.

Впрочем, испытания помогли им узнать, что такое настоящая любовь. Они осознавали, что телесная близость — пустяк по сравнению с глубиной истинного чувства. Скафлок порой задавался вопросом, как он мог думать о том, чтобы сражаться в одиночку, без Фреды. Ее стрелы поражали троллей, ее замыслы были хитроумны и дерзновенны, а поцелуи, которые она дарила, вдохновляли его на подвиги; она воодушевляла его и придавала ему сил. Для нее же он был храбрее, добрее и желаннее всех на свете, меч и щит, возлюбленный и названный брат.

Иногда она корила себя, не чувствуя, однако, за собой особой вины, за то, что забыла о вере. Сначала она послушалась Скафлока: тот объяснил, что молитвы помешают его колдовству. А потом Фреда решила, что будет кошунством взывать к Небесам и молить их за существ, лишенных души. Да, Скафлок язычник, но вот закончится война, и она уговорит его пойти в церковь и послушать проповедь. Неужели Господь отвернется от такого человека, как он?

Жизнь изгнанников была тяжелой, но Фреда приучилась радоваться ей. Чувства ее обострились, мышцы налились силой, дух обрел выносливость. Ветер разгонял кровь в ее жилах, глаза девушки сверкали светом звезд. Благодаря тому, что смерть подстерегала ее на каждом шагу, она сумела познать жизнь во всей ее полноте.

Ей казалось странным, что, несмотря на стужу, голод и вечный страх, они никогда не ссорились. Они думали и действовали заодно,

как будто были единым целым. Вся разница между ними состояла в том, насколько один дополнял другого.

— Я как-то похвалился перед Имриком, что ведать не ведал страха, горечи поражения и любовной тоски, — сказал Скафлок. Он положил голову на колени Фреде, чтобы она расчесала гребнем его волосы. — Он ответил, что на трех этих столпах строится вся жизнь смертного. Тогда я его не понял, но теперь, кажется, понимаю.

— А ему это откуда известно? — спросила Фреда.

— Не знаю. Поражения эльфы терпят нечасто, страшатся чего-либо еще реже, а любовь им вовсе незнакома. По правде сказать, милая, до встречи с тобой я был больше эльфом, нежели человеком. Но ты вернула меня к людям, словно исцелила от болезни.

— Зато сама заразилась. Все меньше и меньше думаю я о святом, куда реже, чем о полезном и приятном. Грехи мои становятся все тяжелее...

Скафлок притянул ее к себе.

— Не надо. Что толку рассуждать о грехах и искуплениях?

— Нечестивец, — упрекнула она. Он прильнул к ее губам. Она попробовала вырваться, рассмеялась и обняла его. Вскоре ее оставили последние утрызения совести.

Опустошив земли эльфов, тролли заперлись в своих укреплениях, а если и выходили из-под защиты крепостных стен, то всегда многочисленными отрядами, нападать на которые было бы безрассудством. Мороженого мяса в пещере было в избытке, и Скафлок изнывал от безделья. Он сделался мрачен и дни напролет сидел, сгорбившись, у огня.

Фреда попыталась расшевелить его.

— Мы теперь в меньшей опасности, — сказала она.

— Ну и что? Ведь мы не можем сражаться, — ответил он. — Конец уже близок. Альвхейм умирает. Скоро тролли завоюют всю Волшебную страну. А я вынужден сидеть тут!

На следующий день, правда, он вышел наружу. У ног его с грохотом разбивались о прибрежные скалы пенные валы; брызги на лету превращались в крохотные льдинки. В небе кружил ворон.

— Какие вести? — крикнул Скафлок по-вороньи. Разумеется, слова его прозвучали совсем иначе, но смысл был приблизительно тот же.

— Я прилетел с юга, из-за пролива, за родней, — откликнулся ворон. — Тролли покорили Валланд и Вендланд. Эльфы гибнут сотнями. Они задали нам роскошный пир, но моим родичам придется поспешить, ведь война долго не продлится.

Вне себя от гнева, Скафлок схватил лук, наложил на тетиву стрелу и выстрелил. Но, глядя на мертвую птицу, он почувствовал, как ярость сменяется раскаянием и печалью.

— Зря я убил тебя, брат, — пробормотал он. — Ты никому не делаешь зла, наоборот, очищаешь мир от падали. Ты не угрожал мне, а я убил тебя, а мои враги не знают горя.

Вернувшись в пещеру, он вдруг заплакал. Рыдания сотрясали его тело. Фреда принялась успокаивать возлюбленного, словно он был маленьким ребенком.

Той ночью он никак не мог заснуть.

— Альвхейм рушится, — твердил он. — Прежде чем растает снег, он перестанет существовать. Завтра я оседлаю коня и поскачу на троллей. Скольких-нибудь из них я да захвачу с собой на тот свет.

— Не говори так, — попросила Фреда. — Не совершай глупости. Ты же можешь еще сражаться.

— Чем? — с горечью спросил он. — Корабли эльфов потоплены, воины мертвы или в цепях, а те, кто на свободе, прячутся, как мы с тобой. В прекрасных замках обитают ветер, снег да волки, враги восседают на тронах великих предков. Эльфы слабы, голодны, безоружны...

Она поцеловала его. И тут на единый миг он как будто наяву узрел во тьме серебристый клинок.

Он вскинулся, восторженно, стиснул зубы; его била крупная дрожь. Наконец он выдохнул:

— Меч!.. дар асов... ну конечно!..

Фреде почему-то стало страшно.

— О чем ты? Какой такой меч?

Прижавшись друг к другу, чтобы согреться, они лежали в сумрачной пещере, и Скафлок шепотом, словно опасаясь, что ночь подслушает, рассказал Фреде, как Скирнир принес на пир сломанный клинок, как Имрик велел схоронить оружие в подземной темнице, как Тюр поведал ему, Скафлоку, что близится срок, когда меч пригодится эльфам.

Фреда задрожала. Он никогда не видел ее такой испуганной.

— Мне это не нравится, Скафлок, — выдавила она. — Я боюсь твоего меча.

— Боишься? — воскликнул он. — Но ведь в нем наша единственная надежда! Одина, которому ведомо завтра, должно быть, известно было, что Альвхейм не выстоит, и он вручил нам клинок, чтобы мы покарали троллей. Безоружны? Ха, как бы не так!

— Грешно внимать языческим богам, — проговорила Фреда. — Они замыслили зло. Прошу тебя, любимый, забудь об этом мече.

— Да, боги наверняка что-то задумали, — признал он. — Но с какой стати им вредить нам? Волшебная страна мнится мне шахматной доской, по которой асы и етуны передвигают эльфов и троллей. Их ходы недоступны нашему пониманию. Однако мудрый игрок не швыряется фигурами.

— Но меч находится в Эльфхьюке!

— Я как-нибудь проберусь туда.

— Клинок же сломан. Где нам искать того великана, который будто бы сможет сковать его заново? Как заставить его, чтобы он выковал оружие против своих родичей-троллей?

— Придумаем, — в голосе Скафлока слышались стальные нотки. — Я знаю, как нам найти его. Пойми, лишь дар богов может спасти Альвхейм.

— Дар богов! — Фреда заплакала. — Он причинит много зла, Скафлок, я чувствую это. Если ты отправишься на его поиски, наши дни вместе сочтены.

— Ты бросишь меня из-за него? — Юноша даже отшатнулся.

— Нет, милый, нет, — она припала к его груди, — душа нашептывает мне о расставании...

Он прижал ее к себе, принялся целовать — неистово, исступленно; голова девушки закружилась, а он смеялся и ласкал ее. В конце концов Фреда совлала со своими страхами, убедила себя в том, что они недостойны невесты Скафлока.

Однако в глубине души она сознавала, что предчувствия не лгали. Будущее было горьким и мрачным.

Глава 19

На закате следующего дня они вывели из пещеры коней, вскочили в седла и пустили животных в галоп. Скафлок торопился: ему не терпелось завладеть клинком. Бледная луна выглядывала из-за облаков, ее призрачный свет серебрил заиндевевшие ветви деревьев и утопал в сугробах. Пар изотртов наводил на мысль о душах, покидающих тела убитых воинов.

Скафлок осадил коня.

— Пора, — прошептал он. Фреде почудилось, будто его шепот прогремел на весь лес. — Дальше я пойду один.

— Зачем ты так спешишь? — Фреда потерлась о его руку. Лицо ее было мокрым от слез. — Почему не дождешься дня, когда они будут спать?

— Солнечный свет разрушит колдовство, — объяснил он. — А когда я окажусь в замке, мне будет все равно, день на дворе или ночь, ибо тролли с тем же успехом могут и спать, и бодрствовать. И потом, обитатели замка помогут мне. Я полагаюсь в основном на Лию.

— Лия... — Фреда закусила губу. — Твой замысел представляется мне безумным. Разве у нас нет иного выхода?

— Нет. Тебе, милая, выпало самое трудное — ждать моего возвращения. — Он взглянул в печальное лицо девушки, словно хотел накрепко запомнить каждую его черточку. — До рассвета, не забудь, тебе нужно будет соорудить из шкур укрытие для лошадей. Я вернусь в обличье человека, иначе мне не унести мою ношу. Значит, я приду не раньше завтрашнего вечера. Будь осторожна, принцесса. Если вдруг покажутся тролли или если я не вернусь к вечеру третьего дня, беги отсюда, беги к людям и солнцу.

— Ожидание не пугает меня, — ответила она, — но бежать, не зная, жив ты или... — она запнулась, — или мертв — это выше моих сил.

Скафлок спрыгнул на снег, быстро разделся донага, дрожа от холода, обернул шкуру выдры вокруг своих чресел, набросил на плечи шкуру орла, а поверх нее накинул волчью.

Фреда тоже спешила. Они поцеловались.

— Прощай, любимая, — проговорил он, — прощай и жди.

Он отвернулся от плачущей девушки, плотнее запахнулся в волчью шкуру, опустился на четвереньки и произнес нужные слова. В тот же миг тело его начало изменяться, чувства на мгновение притупились, — и вот перед Фредой возник огромный волк. Зеленые глаза его посверкивали в темноте.

Холодный нос ткнулся в ладонь девушки. Она потрепала волка по грубой шкуре, и тот потрусил прочь.

Вскоре он перешел на бег. Ощущать себя волком было несколько непривычно. Мышцы взаимодействовали совсем не так, как в человеческом теле. Зрение было затуманенным и бесцветным. Зато он отчетливо воспринимал самый слабый звук, самый тихий шорох. Молчание ночи обернулось бесчисленным множеством шумов, различить которые бессильны уши людей. А еще — его окружали бессчетные запахи, они подступали со всех сторон и свербил ноздри. А еще — он чувствовал то, для чего в языке людей невозможно подобрать слов.

Он будто очутился в новом, неизведанном мире, где все было по-другому. Он изменился не только телесно, мысли его стали мыслями волка, менее отвлеченными, зато более ясными. Будучи волком, он не мог думать, как человек, а приняв прежний облик, не способен был вспомнить своих ощущений в звериной шкуре.

Вперед, вперед! Лапы его едва касались наста. В ночном лесу кипела жизнь. Он уловил запах зайца — перепуганного зайца, что следил за ним округлившимися от ужаса глазами. Волк облизнулся было, но человек восторжествовал над зверем, и заяц остался далеко позади. Заухала сова. Деревья и холмы тянулись нескончаемой вереницей, которую лишь изредка прерывали закованные в ледяной панцирь реки.

Наконец-то! На фоне подернутых лунным серебром облаков замаячили усыпанные зимними звездами башни Эльфхьюка. Эльфхьюк, прекрасный Эльфхьюк, ты теперь принадлежишь врагам, а потому тайш в себе угрозу.

Распластавшись на снегу, зверь пополз на брюхе к стенам замка. Он настороженно принюхивался.

Вот он учуял троллей, поджал хвост и оскалил зубы. Замок провонял троллями.

Волчьи глаза не могли разглядеть гребня стены, по которому расхаживали стражники, но он слышал их, различал их запахи, дрожал от ярости и желания перегрызть им глотки.

Тише, тише, успокоил он себя. Они прошли, не медли, меняй шкуры.

Поскольку он был уже в зверином обличье, ему понадобилось лишь усилие воли, чтобы перекинуться в орла. Все поплыло у него перед глазами, но в следующий миг он взмыл в небо на широких и могучих крыльях.

Зрение его чудесно обострилось, тело наслаждалось полетом, каждое перышко словно пело от радости. Однако трезвый орлиный рассудок возобладал над пьянящим восторгом. Ведь, паря над

головами стражников, Скафлок являл собой отличную мишень для их стрел.

Он перелетел через стену, осмотрелся и сел на землю в тени главной башни. Мгновение — и в заросли плюща шмыгнула юркая выдра.

Теперешнее его чутье уступало волчьему, но слышал он ничуть не хуже, а видел даже лучше. Он ощущал то, что попросту недоступно людям; он проникся чувствами резвого и самовлюбленного зверька — ему доставляло удовольствие думать о том, какой он ловкий, проворный, какой у него роскошный мех.

Со стены доносились удивленные крики. Должно быть, кто-то заметил орла. Похоже, ему не стоит задерживаться.

Выдра осторожно выбралась из зарослей. Конечно, безопаснее было бы принять обличье ласки или крысы, но увы! Хорошо еще, что Фреда догадалась прихватить с собой эти три шкуры. Нежность к девушке накатила на него морской волной, однако он тут же вновь сосредоточился на выполнении своего замысла.

Он проскользнул в башню через приоткрытую дверь. Лабиринт коридоров был знаком ему с детских лет. Усы выдры зашевелились — зверек принюхивался. Пахло троллями и глубоким сном. Что ж, пока ему везет. Враги спят, а тех, кто несет дозор на стенах, можно не опасаться.

Он прокрался в трапезную. На полу, в самых диковинных позах, храпели пьяные тролли. Шпалеры превратились в лохмотья, на столах виднелись царапины и пятна, орнаменты из золота, серебра и драгоценных камней, украшавшие залу на протяжении многих веков, исчезли без следа. Лучше бы замок захватили гоблины, подумалось Скафлоку. Они хоть знают толк в красоте, не то что эти свиньи...

Винтовая лестница привела его к покоям Имрика. Новый хозяин замка наверняка спит здесь... вместе с Лией!..

Выдра прижалась к стене и беззвучно зарычала, оскалив острые зубы. Глаза ее сверкнули. За углом она учуяла тролля. Значит, князь выставил охрану...

Волк прыгнул на сонного тролля. Тот не успел еще ничего сообщить, а белые клыки уже впились ему в горло. Стараясь оторвать от себя зверя, он упал — и испустил дух.

Скафлок выжидал. Из пасти его капала кровь, она имела кислотный привкус. Неужели никто не слышал звона доспехов? Как будто нет. Замок так велик.. Придется оставить тело тут, прятать его некуда. Подожди-ка...

Скафлок перекинулся в человека, схватил меч тролля и рассек мертвому воину горло. Те, кто найдет стражника, решат скорее всего, что его зарубили в пьяной ссоре. Скафлок вытер губы и невесело усмехнулся.

Снова обернувшись выдрой, он подобрался к двери и издал приглушенный свист. Щелкнул замок. Скафлок толкнул дверь носом и проник внутрь.

На постели Имрика лежали двое. Если новый князь проснется, Скафлоку несдобровать. Выдра подползла к ложу; удары собственного сердца оглушали ее.

Приподнявшись на задних лапках, зверек заглянул в лицо Лие. Та сладко спала, ее золотистые с серебряным отливом волосы разметались по подушке. Мужчина же...

Значит, Эльфхьюком владеет Вальгард! Скафлок с трудом удержался от того, чтобы не сомкнуть на его горле волчьих челюсти, чтобы не выклевать ему глаза, не распороть когтями живот.

Однако тогда в замке начнется переполох, и придется бежать без оглядки, оставив всякую мысль о клинке.

Он ткнулся носом в щеку Лии. Та приоткрыла глаза. Длинные ресницы чуть заметно дрогнули.

Она медленно села. Вальгард заворочался, застонал. Лия замерла. Берсерк забормотал что-то во сне.

— ...подменыш... — услышал Скафлок, — ...топор... матушка, матушка!..

Лия поставила ногу на пол, одним движением встала с постели, выскользнула из спальни в соседнюю комнату, а из той пробежала в третью, закрывая за собой все двери. Скафлок не отставал от нее.

— Теперь мы можем поговорить, — выдохнула она.

Он обернулся человеком, и она, смеясь и рыдая, бросилась ему на шею. Поцелуи ее заставили Скафлока на какое-то время забыть о Фреде

Лия потянула его на кушетку.

— Скафлок, — шептала она, — милый мой Скафлок.

Он высвободился.

— Мне некогда, — сказал он грубо. — Я пришел за сломанным клинком, который подарили мне асы.

— Ты устал, — пальцы эльфийки коснулись его лица. — Ты голодал и замерзал, опасности подстерегали тебя на каждом шагу. Позволь мне исцелить тебя. Я укрою тебя в тайнике...

— Некогда, некогда, — прорывал он. — Фреда ждет меня в самом сердце тролльих владений. Отведи меня туда, где находится меч.

— Фреда, — повторила Лия, побледнев. — Она по-прежнему с тобой.

— Да, и доблестно сражается за Альвхейм.

— Я тоже не бездельничаю, — усмехнулась Лия. В ее усмешке бывшая злоба причудливым образом соединилась с тоской, которой раньше не было. — Вальгард из-за меня убил ярла Грума. Он крепок, но я гну его, как мне удобно.

Она прильнула к юноше.

— Он лучше троллей, он почти такой же, как ты, но все-таки ты, Скафлок, — это ты. Как мне надоело разыгрывать страсть!

— Поторопись! — Он схватил Лию за плечи. — Если меня поймают, гибель Альвхейма не предотвратить.

Она помолчала, потом отвернулась и посмотрела в окно: луна скрылась за облаками, над заснеженными просторами сгустились предраcсветные сумерки.

— В самом деле, — проговорила она. — Ты прав. И вполне естественно, что ты спешишь возвратиться к возлюбленной, к своей Фреде

Она вдруг беззвучно рассмеялась:

— Знаешь, кто твой отец, Скафлок? Сказать?

Он зажал ей рот своей ладонью, чувствуя, как в сердце закрадывается страх.

— Нет! Ты же помнишь слова Тюра!

— Замкни мои уста поцелуем, — прошептала она.

— Время уходит... — он нехотя подчинился. — Теперь мы можем идти?

— Холоден твой поцелуй, — пробормотала эльфийка, — холоден и равнодушен. Куда ты пойдешь в таком виде, голый и без оружия? Ты оборотень, и железо отпугивает тебя, но, — она раскрыла сундук, — вот одежда. Рубахи, штаны, башмаки — выбирай, что нравится.

Скафлок торопливо оделся. Платье пришлось ему впору; по этому и по меховому подбою плаща он догадался, что Лия облачила его в наряд Вальгарда. На пояс он повесил топор из эльфийского сплава. Лия закуталась в огненно-алую накидку и поманила юношу за собой.

По длинной лестнице они спустились в подземелье. Там было холодно и тихо, но тишина, казалось, вот-вот сменится многоголым гамом. Им навстречу попался тролль. Рука Скафлока невольно потянулась к топору, но воин лишь кивнул головой, очевидно, приняв юношу за Вальгарда. Сходство между людьми усиливалось еще и тем, что, будучи в бегах, Скафлок отрастил себе бороду.

В сыром мраке подземелья лишь изредка мерцали факелы. Шаги Скафлока отдавались эхом под низкими сводами, Лия ступала неслышно.

Они остановились у стены, среди камней которой проступало из тьмы белесое пятно. Присмотревшись, Скафлок различил на пятне руны. Чуть поодаль видна была запертая дверь. Лия показала на нее.

— Там Имрик держал мать подменыша, — сказала она. — Иллреде велел подвесить его в той же темнице над неугасимым огнем. Вальгард, когда напьется, приходит сюда, чтобы отхлестать моего брата кнутом.

Пальцы Скафлока стиснули рукоять топора. Однако, подумалось ему вдруг, разве иначе обращался Имрик с троллихой, да и со многими другими? Разве не права была Фреда — вернее, ее Белый Христос, о котором она говорила — в том, что зло порождает зло и ведет к Рагнареку? Ведь любовь и прощение побеждают гордость и мстительность, они вовсе не проявление слабости, а то, к чему нужно стремиться и чего так трудно достичь.

Но Имрик воспитал его, Альвхейм приютил, и какое ему дело до людских заповедей? Скафлок ударил топором по стене.

Сверху донесся шум — топот ног и крики.

— Тревога, — прошептала Лия.

— Наверное, они нашли стражника, которого мне пришлось убить, — Скафлок надавил на топор. Цементная кладка начала осypаться.

— Тебя видели? — спросила эльфийка.

— Может быть, когда я орлом кружил над замком, — рукоять топора неожиданно обломилась. Скафлок выругался.

— Вальгард достаточно умен, чтобы сообразить, что это был за орел. Он пошлет воинов, и если они застанут нас здесь... Скорее же!

Она напряженно прислушивалась к звукам наверху, которых не могли заглушить ни скрежет металла о камень, ни шорохи подземелья.

Скафлок вставил топор в трещину и навалился на него всем телом. Раз, два, три — закрывавший нишу камень вывалился наружу.

Дрожащими от волнения руками Скафлок взял меч.

Он был огромен и тяжел, этот обоюдоострый клинок, к половинкам которого прилипли комья сырой земли. Как ни странно, ржа не грнула его, и острия ничуть не затупились. Отливавшая золотом рукоять изображала свернувшегося кольцами дракона; шишечка, которой она заканчивалась, была головой чудовища, а гарда — его хвостом. Заклепки сверкали словно самоцветы драконьего клада. Широкое лезвие меча испещрено было рунами, прочесть которые Скафлок не мог, но колдовское чутье подсказало ему, что могущественнейшие из них расположены у самого кончика.

— Оружие богов, — взгляд юноши выражал благоговейный страх. — Последняя надежда Альвхейма...

— Надежда? — Лия попятилась, закрываясь руками. — Хороша надежда! Неужели ты не чувствуешь?

— Что?

— Эта сталь голодна, она жаждет крови. Да, клинок тебе подарили боги, но сила его — не от них. На нем лежит проклятие, Скафлок. Он погубит всех, кого только сможет, — Лия вздрогнула; ей стало холодно, однако не от того, что они находились в подземелье. — Сдается мне... Скафлок, прошу тебя, положи его обратно.

— Но ничто другое нам не поможет! — завернув обломки клинка в свой плащ, он сунул их подмышку. — Пойдем.

Лия неохотно довела его до лестницы.

— Осторожнее, — предупредила она. — Мы наверняка с кем-нибудь столкнемся. Говорить буду я.

— Зачем подвергать себя опасности? Или ты бежишь со мной?

Эльфийка повернулась к нему:

— Ты боишься за меня?

— Разумеется, как за весь Альвхейм.

— А... за Фреду?

— Фреда для меня дороже всего на свете, дороже эльфов, богов и людей, вместе взятых. Я люблю ее.

Румянец на щеках Лии сменился прежней бледностью.

— Не стоит за меня бояться, — сказала она. — Я всегда сумею убедить Вальгарда, что ты околдовал меня и принудил пойти с тобой.

На верхней ступеньке лестницы маячила фигура стражника.

— Стоять! — гаркнул тролль, едва завидев их.

— Ты смеешь приказывать своему князю? — ледяным тоном осведомилась Лия.

Троль попятился:

— Прости, господин... я... ты проходил мимо совсем недавно...

Они вышли во двор. Скафлок уверен был, что обман вот-вот раскроется. Бежать, бежать отсюда! Лишь могучим усилием воли удалось ему сохранить наружное спокойствие.

Воинов во дворе было немного. На востоке уже занималась заря. Было очень холодно.

Лия жестом велела отпереть западные ворота замка. Тролли повиновались. Эльфиянка заглянула в глаза Скафлогу.

— Дальше ступай один, — проговорила она. — Ты знаешь, что делать.

— Да вроде бы, — ответил он. — Мне нужно найти великана Болверка и заставить его выковать меч заново.

— Болверк... Его имя означает «злодей»... Я начинаю догадываться, что это за клинок и почему до него не осмелится дотронуться никто из карликов. — Лия покачала головой. — На твоём лице, Скафлок, я читаю, что никакие бесы и демоны не остановят тебя, разве что смерть или отчаяние. Но подумал ли ты о своей драгоценной Фреде? — последние слова она произнесла с кривой усмешкой.

— Она не хочет расставаться со мной, — улыбка Скафлога исполнена была любви и гордости. Первые лучи солнца золотили его волосы. — Нас с ней не разлучить.

— Так-так. А где ты собираешься искать великана?

Лицо Скафлога посуровело.

— Я думаю пробудить мертвеца, — сказал он. — Имрик научил меня, как это делается. Им многое ведомо.

— Но ведомо ли тебе, что мертвые мстят тем, кто нарушает их сон? Устоишь ли ты против призрака?

— Я должен попытаться. Сдается мне, колдовство уберёжет меня.

— Тебя, может, и уберёжет, а... — Лия запнулась. — А если он отомстит тебе, погубив Фреду?

Его губы побелели.

— Она так тебе дорога? — тихо спросила эльфиянка.

— Да, — ответил он хрипло. — Ты права, Лия. Пускай лучше падет Альвхейм, чем...

— Подожди! Я хочу дать тебе совет. Но сперва я попрошу тебя об одолжении.

— Скорее, Лия, скорее!

— Скажи мне вот что. Если Фреда покинет тебя... погоди, погоди, не перечь... если она покинет тебя, что тогда?

— Не знаю. Я не могу представить себе такого.

— Может, вернешься с победой сюда? И вновь станешь эльфом?

— Посмотрим. Пока я ничего не знаю. Скорее, Лия!

Она улыбнулась и лукаво поглядела на него:

— Слушай же, Скафлок. Пробуди тех, кто рад будет помочь тебе, тех, за кого мстишь ты сам. Разве Вальгард не убил всех родичей Фреды? Пробуди их, Скафлок!

На мгновение юноша замер, потом бросил на землю клинок, схватил эльфийнку в объятия, прильнул к ее губам; подобрав меч, он пробежал через ворота и в следующий миг скрылся в лесу.

Лия долго смотрела ему вслед. Если ее догадка насчет клинка верна, значит, должно произойти то же самое, что случилось однажды в былые года. Она рассмеялась.

Вальгарду доложили, что по замку бродит его двойник. Когда он приступил с расспросами к своей наложнице, та, дрожа как осиновый лист, пробормотала, что ее околдовали во сне и что она ничего не помнит. Однако на снегу остались следы, а потому на закате князь и его воины оседлали коней и пустились в погоню.

Фреда неотрывно глядела в ту сторону, где находился Эльфхьюк. Шла вторая ночь ожидания. Девушка замерзла так сильно, что перестала даже чувствовать холод. Эльфийские лошади не могли согреть ее, они ничуть не походили на тех теплых, добродушных животных, к которым она привыкла дома. Вспомнив о доме, она неожиданно остро ощутила свое одиночество: ей почудилось, будто на всем белом свете нет никого, кроме нее, лунного света и снега.

Она не смела плакать. Скафлок, Скафлок, жив ли он?

Поднявшийся ветер пригнал откуда-то тучи, они накинудись на луну, словно огромные черные драконы, и поглотили ее. Ветер завывал вокруг шалаша, в котором пряталась девушка, забирался внутрь, проникал под одежду. «Хой, хой! — восклицал он, швыряясь снежными зарядами. — Хой, хой!»

«Хой, хой!» — откликнулись тролли рога. Фреда насторожилась. Страх кинжалом пронзил ее сердце. Тролли охотятся! А кого еще они могут ловить, как не...

Вскоре она услышала залиvistый лай собак. О, эти псы — громадные, черные, свирепые! Фреда выбралась из шалаша, не замечая, что по щекам ее струятся слезы. Скафлок, милый Скафлок!

В непроглядной тьме она споткнулась о пень, чуть не упала, пнула его ногой, желая всей душой, чтобы он провалился в преисподнюю. Скафлок! Ох...

Луна на мгновение выглянула из-за туч, и в ее неверном свете Фреда различила высокую мужскую фигуру. Незнакомец, седобородый и седовласый старик, кутался в плащ, что крыльями развевался у него за спиной. В руке он сжимал копьё. Из-под шляпы с широкими полями глядел один-единственный глаз.

Девушка судорожно вздохнула. С уст ее готов был сорваться призыв к Небесам, но старик заговорил раньше. Голос его был низким и звучным:

— Я не причиню тебе зла, наоборот, помогу.

Фреда опустила голову на колени. Взор ее каким-то чудом достиг холма, на который взбирался утомленный Скафлок. Он был безоружен, псы троллей настигали его.

Видение померкло и исчезло. Она взглянула на старика.

— Ты Один, — прошептала она, — у нас с тобой разные дороги.

— Никто, кроме меня, не спасет твоего возлюбленного, ибо он язычник, — взгляд бога словно пригвоздил ее к земле. — Ты согласишься заплатить мою цену?

— Чего ты хочешь? — выдохнула она.

— Торопись, или собаки разорвут его в клочья.

— Согласна!.. Согласна...

Бог кивнул:

— Тогда поклянись своей душой и всем тем, что для тебя свято, отдать мне, когда я потребую, то, что у тебя за поясом!

— Клянусь! — воскликнула она, вновь ударяясь в слезы. Но это были слезы облегчения. Почему Одина называют жестоким? Ведь ему нужна такая малость — снадобье, что дал ей Скафлок. — Клянусь, господин, и пусть небо и земля отринут меня, если я нарушу клятву!

— Хорошо, — сказал он. — Тролли будут плутать в лесу, а Скафлок очутится здесь. Держи свое слово, женщина!

Странник пропал — будто растворился в ночи.

Фреда едва заметила его исчезновение. Она бросилась на шею Скафлоку. Тот, ошарашенный тем, что внезапно оказался в объятиях любимой, когда уже считал себя погибшим, крепко прижал девушку к груди.

Глава 20

Отдохнув пару дней в пещере, Скафлок принялся собираться в путь. Фреда не плакала, хотя слезы комом стояли у нее в горле.

— Ты видишь зарю, — сказала она, — а на деле сгущаются сумерки.

— Ты о чем? — удивился он.

— Клинок исполнен зла, и наша задумка не принесет ничего хорошего.

Он положил руки ей на плечи.

— Тебе не хочется тревожить мертвых, — проговорил он. — Поверь, я тоже не рвусь, но кто другой поможет нам? Если тебя страшит встреча с родными, оставайся тут.

— Нет, я последую за тобой даже в могилу. Пойми, я боюсь не родичей. Они любили меня, а я любила их, и смерть не сделала нас врагами, — Фреда закусила губу, чтобы та не дрожала. — Если бы мы додумались до этого сами, дурные предчувствия терзали бы меня гораздо меньше. Но Лие я не доверяю.

— С какой стати ей вредить нам?

Фреда молча пожала плечами.

— Мне вовсе не нравится твой договор с Одином, — пробормотал Скафлок. — Не в его обычае запрашивать так мало. Но кто раз берет, что на уме у бога?

— Меч... Скафлок, мне чудится, что, когда его выкуют заново, в мир возвратится могучая и ужасная сила. Я предвижу великое горе.

— Горе троллям, — Скафлок выпрямился во весь рост, коснувшись головой закопченного свода пещеры. Голубые глаза его воин-

ственно сверкали. — Как ни труден наш путь, иного нам не дано. Что суждено, от того не уйти, и не пристало воину бегать от судьбы.

— Мы встретим ее вместе, — Фреда прильнула к нему. Лицо ее было мокрым от слез. — Я прошу тебя лишь об одном.

— О чем?

— Подожди до завтра, умоляю тебя, — ее пальцы стиснули его плечи. — Я умоляю тебя, Скафлок!

Он неохотно кивнул:

— Но почему?

Фреда словно не слышала его вопроса. Опыяненный поцелуями девушки, Скафлок скоро забыл обо всем. Но Фреда помнила, помнила даже тогда, когда их тела слились воедино.

Ей открылось, что это — их последняя ночь.

Тусклое зимнее солнце скрылось за иссиня-черными штормовыми тучами, что нависли над побережьем. Вой ледяного ветра смешивался с грохотом прибоя о скалы. С наступлением темноты издали донесся топот копыт, который перемежался громкими криками и собачьим лаем. Скафлок вздрогнул. В полях гуляла Дикая Охота.

Они оседлали своих коней, навьючили поклажей двух других. Скафлок закинул за спину завернутый в волчью шкуру сломанный клинок. С пояса свисал эльфийский меч в ножнах, в левой руке Скафлок сжимал копье. Под меховыми одеждами на них обоих были кольчуги, а под шапками скрывались шлемы.

Фреда оглянулась. Пещера снаружи выглядела холодной и мрачной, но в ней они были счастливы. Девушка отвернулась и уставилась прямо перед собой.

— Эгей! — крикнул Скафлок, и кони с места взяли в галоп.

Ветер задувал все сильнее, пенные брызги застыли на лету, волны с ревом накатывались на берег и отступали, скрежеща галькой; казалось, будто на камнях извивается и стонет какое-то морское чудовище. Оглушительный шум взмывал под самые небеса. Бледная луна сопровождала всадников, то пропадая за тучами, то вновь возникая из небытия.

Кони стремительно мчались к югу, их копыта крошили лед и высекали искры из скал. Быстрее, быстрее! Воздух свистел в ушах, обжигал горло и легкие. Быстрее сквозь снежную пелену, сквозь мрак, что окутывает вражеские земли! Быстрее туда, где высится курган славного воина и вождя!

Со стен Эльфхьюка протрубил рог. самого замка в темноте видно не было. Тролли было погнались за людьми, но скоро отстали: их лошади не могли состязаться в быстроте бега с эльфийскими конями.

Вперед, вперед! Мимо заледеневших деревьев, что растопырили свои голые ветви, мимо замерзшего болота, мимо холмов, по пустынными полям — вперед!

Фреда начала узнавать местность. В тучах то и дело появлялись прорехи, и луна проскальзывала в них, освещая заснеженную землю.

Да, вон знакомая речка, где они с Асмундом ловили рыбу, вон лес, где она охотилась вместе с Кетилем, а вон на том лугу Асгерд плела им венки из маргариток... Как давно это было?!

Слезы застыли на ее щеках. Скафлок на скаку коснулся руки Фреды, и девушка благодарно улыбнулась ему. Если бы не он, у нее просто не хватило бы духу вернуться сюда. С ним же она ничего и никого не боялась.

Юноша натянул поводья.

Посеребренные лунным светом сугробы, из которых кое-где торчали обутленные головешки, — таким предстало глазам Скафлока и Фреды подворье Орма. На берегу моря возвышался курган.

Из вершины его вырывалось слепящее бело-голубое пламя. Фреда вздрогнула и перекрестилась. Она знала, что там, где похоронены языческие герои древности, люди часто видят по ночам надмогильные огни. Ну и ладно! Пускай Орм покоится в неосвященной земле — он ее отец!

Отец... Он качал ее на колене, он пел ей песни, так громко, что сотрясались стены... Фреду била дрожь.

Скафлок спешил. Рубаха его под кольчужой взмокла от пота. Никогда раньше не пользовался он заклинаниями, которые хотел сотворить сегодня.

Он шагнул вперед — и остановился. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, ладонь легла на рукоять клинка. В отблесках пламени он разглядел неподвижную черную фигуру. Если ему придется сражаться с духом...

Фреда по-детски всхлипнула:

— Мама!

Скафлок взял девушку за руку, и они медленно поднялись на вершину кургана.

Женщина, которая сидела там, поблизости от огня, показалась Скафлоку удивительно похожей на Фреду. Те же черты лица, те же широко расставленные серые глаза, те же рыжеватые с золотистым волосы. Но она исхудала от печали, щеки сделались впалыми, глаза тоскливо глядели на море, неприбранные волосы рассыпались по плечам. Из-под теплого мехового плаща виднелись какие-то лохмотья, которые едва прикрывали иссохшее тело.

Когда Скафлок и Фреда вступили в круг света, женщина повернула голову. Ее взгляд задержался на юноше.

— С возвращением, Вальгард, — проговорила она глухо. — Вот она я. Зачем ты пришел? Убей меня, я истомилась по смерти.

— Матушка, — Фреда упала перед женщиной на колени.

Элфрида молча смотрела на нее.

— Не понимаю, — сказала она наконец. — Ты моя Фреда? Но Фреда мертва. Вальгард похитил тебя, ты не могла прожить долго

Она улыбнулась, покачала головой и протянула дочери руки

— Ты не забыла меня, ты пришла меня навестить. Мне так одиноко, дочка. Иди ко мне, я спою тебе колыбельную.

— Я живая, мама, живая... и ты жива... — слезы душили Фреду; она закашлялась. — Потрогай, я теплая, я живая. Это не Вальгард, это Скафлок, он спас меня от Вальгарда. Это Скафлок, мой муж и твой новый сын...

Элфрида тяжело встала, опираясь на руку дочери.

— Я ждала, — прошептала она. — Я ждала, хотя меня считали безумной. Мне приносили еду, но и только, ибо страшилась безумной женщины, которая не покидает своих мертвых, — она тихо засмеялась. — В чем же мое безумие? Безумны те, кто оставляет усопших.

Она взглянула в лицо Скафлоку.

— Ты сходишь с Вальгардом, — сказала она. — Ты высокий, как Орм, я вижу в тебе его и себя. Но твои глаза добрее, чем у Вальгарда.

С уст ее снова сорвался еле слышный смешок.

— Какая же я безумная? Я ждала, я просто ждала, и двое моих детей вернулись ко мне из мрака.

— До рассвета придут и другие, — сказал Скафлок. Они свели женщину с кургана.

— Мама выжила, — прошептала Фреда. — Я думала, она погибла, но она выжила и провела тут всю зиму... Что я натворила?!

Она заплакала, Элфрида принялась утешать ее.

Тем временем Скафлок воткнул в землю рунные посохи, надел на большой палец левой руки бронзовое кольцо с кремнем, встал с западной стороны могилы и простер руки к небу. Шумело море, выглядывала из-за туч луна, мела поземка.

Скафлок произнес заклинание. Слова обожгли ему горло. Он покачнулся, но устоял на ногах, потом взмахнул руками.

Пламя взметнулось выше. Ветер застонал подстреленной рысью. тучи заволокли луну. Скафлок воскликнул:

*Вои, встаньте!
К вам взывает,
молит вас
воспрянуть Скафлок,
ворожит
над мертвецами,
песней павших
пробуждает.*

Курган вздрогнул. Холодное пламя, казалось, достигало небосвода. Скафлок продолжил:

*Вы, гроза
сражений прошлых,
преклоните слух
к призыву,
ржавые
клинки возденыте,
что щиты
врагов дробили!*

Курган раскрылся. Из него, сопровождаемый сыновьями, выступил Орм. Он спросил сурово:

*Кто меня
тревожить смеет,
рунные
творит заклатья?
Пришлый, прочь!
Остерегайся
разъярить
героев мертвых!*

Орм опирался на копьё. В лице его не было ни кровинки, в волосах серебрился иней. Он не мигая смотрел на пламя, что бушевало вокруг него. Справа от отца стоял Кетиль, бледный и неестественно прямой, в голове его чернела дыра. Окутанный тенью Асмунд прикрывал руками рану в груди. За спиной вождя виднелись очертания его лады. Друг за другом пробуждались остальные призраки.

Поддавив страх, Скафлок сказал:

*Запугать
и не пытайся,
покорись
могучим рунам.
Коль мою
мольбу отвергнешь,
век тебе
не знать покоя.*

Голос Орма гулко раскатился в студеной ночи:

*Смерть смежила
веки воям.
Ведай же,
неосторожный:
призраки —
реку я правду —
покарают
лютой карой.*

Фреда сделала шаг вперед.

— Отец! — воскликнула она. — Отец, ты не узнаешь свою дочь?

Взгляд Орма обратился на нее, и ярость исчезла из глаз вождя. Он склонил голову и замер, охваченный со всех сторон пламенем. Кетиль сказал:

*Рады мы,
дивимся деве.
Здравствуй,
милая сестрица!
Холоден
приют последний,
ты ж согрела
нас в могиле.*

Элфрида медленно приблизилась к Орму, взяла его за руки, —
стылые, как земля, из которой он вышел. Орм проговорил:

*Смерть страшна.
Твои рыдания
мое сердце истерзали,
и мерещится
мне, будто
в битве я
позор изведal.*

*Потому прошу,
Элфрида:
горе
выплачи скорее.
Слез следы
с лица сотри ты.
Лишь тогда
покой познаю.*

— Не могу, Орм, — ответила она, потом коснулась его лица. —
Иней в твоих волосах, земля у тебя на губах. Какой ты холодный, Орм!

— Я мертв. Могила разделяет нас.

— Так давай соединимся. Возьми меня к себе, Орм!

Он поцеловал ее.

Скафлок повернулся к Кетилю:

*Открывай, мертвец,
где Болверк
прячется,
мечей кователь.
Как — дай знать —
его заставить,
чтоб он взялся
за работу?*

Кетиль сказал:

*Ты беду
себе накличешь,
не избыть
тебе печали!
Не пытай меня,
где Болверк,
берегись,
боец бесстрашный.*

Скафлок помотал головой. Тогда Кетиль, опершись на меч, про-
изнес:

*Утолю
твое желанье:
он в Утгарде*
обитает.*

* Утгард — окраинная зона земли, где обитают демоны и великаны.

*Сидов челн
домчит дотуда.
Скажешь: Локи*
жаждет схватки.*

Неожиданно в разговор вмешался Асмунд. Лицо его оставалось в тени, а голос исполнен был муки:

*Горестный,
сестрица, жребий
тебе с братом
уготован.
Уповали вы
на мертвых.
Коль пришли,
узнайте правду.*

Фреду обуял ужас. Она прижалась к Скафлоку, и так они стояли обнявшись под мудрым и грустным взглядом Асмунда.

Тот сказал:

*Ты призвал —
так приготовься,
выстой под словами,
Скафлок,
что ложатся
тяжким грузом
на расправленные
плечи.*

*Здравствуй, брат!
Ты — родич Фреды,
воин доблестный
и славный.
Вы закон
переступили.
Правда сказана.
Прощайте.*

С громким стоном земля сомкнулась. Пламя погасло, и лишь луна теперь освещала курган вождя данов.

Фреда отпрянула от Скафлока, словно тот вдруг обернулся троллем. Он, спотыкаясь как слепой, двинулся за ней. Из горла ее вырвался сдвоенный вскрик. Она бросилась бежать.

— Мама, — шептала она, — мама...

Но Элфрида пропала, и с тех пор люди больше ее не встречали.

На востоке занималась заря. Тучи над морем будто примерзли к небосводу. Падая редкий снежок.

* Локи — бог из асов, иногда враждует с другими богами.

Фреда сидела на вершине кургана, глядя перед собой невидящим взором. Она не плакала. Она не знала, сможет ли когда-нибудь заплакать.

Скафлок, отведя лошадей в лес, чтобы укрыть их от дневного света, подсел к ней. Его голос был тусклым, как рассвет:

— Я люблю тебя, Фреда.

Она не ответила. Помолчав, он продолжил:

— Я не могу не любить тебя. Какая разница, что мы с тобой одной крови? Я знал людей, что были в родстве и женились.. Фреда, послушай меня, этот треклятый закон...

— Это заповедь Господня, — перебила она. — Я не смею намеренно нарушать ее. Я и так уже достаточно нагретила.

— Мне не нужен бог, который встречается между двумя, что любим друг друга, как ты и я. Пусть только подойдет, я загоню его обратно на небеса!

— Язычник! — вспыхнула она. — Для своих эльфов ты готов сделать что угодно, даже пробудить мертвых! — На щеках ее заалел слабый румянец. — Ну и ступай к ним! Ступай к своей Лие!

Она вскочила, он тоже поднялся, взял было ее за руки, но она высвободилась. Его широкие плечи поникли.

— Надежды нет? — спросил он.

— Нет, — отозвалась она. — Я пойду к соседям. Быть может, мне удастся искупить мои грехи.

Внезапно она обернулась к нему:

— Идем со мной, Скафлок! Идем! Забудь об эльфах и всех прочих! Я прошу тебя, окрестись, примиришься с Богом.

— Никогда, — он покачал головой.

— Но... но я люблю тебя, Скафлок, люблю, а потому хочу, чтобы душа твоя познала вечное блаженство.

— Если любишь, — проговорил он, — оставайся со мной. Я не притронусь к тебе, я буду твоим братом. Оставайся!

— Нет, — сказала она. — Прощай.

Она побежала. Скафлок кинулся за ней. Наст хрустел и проваливался у них под ногами. Он догнал ее, заставил остановиться. Фреда увидела, что лицо его искажено гримасой боли, словно кто-то намазывал на острие кинжала его внутренности.

— И ты даже не поцелуешь меня на прощание, Фреда? — выдавил он.

— Нет, — ответила она еле слышно, отводя взгляд. — Я не смею. Потом бросилась бежать.

Он смотрел ей вслед. Рыжевато-золотистые волосы девушки были единственным, что оживляло студеною белизну снегов. Вот ее фигурка скрылась за деревьями. Скафлок медленно направился в другую сторону.

Глава 21

Затяжная и суровая зима подходила к концу. Как-то под вечер, взобравшись на высокий холм, Гулбан Глас Мак Гриси уловил первое, мимолетное дуновение теплого весеннего ветерка.

Он оперся на копье и огляделся. Снег подступал к самой кромке воды. На западе дотлевал закат, а на востоке высыпали уже звезды. Они мерцали и переливались над морем, по которому двигалась рыбацкая лодка, обыкновенное человеческое суденышко; правил ею обычный с виду смертный. Однако он чем-то неуловимо отличался от остальных людей, да и платье его, в водяных разводах, было явно эльфийского покроя.

Лодка пристала к берегу. Человек выбрался из нее, и тут Гулбан узнал его. Хотя ирландские сиды жили обособленно, они поддерживали кое-какие отношения с Альвхеймом. Гулбан бывал при дворе Имрика и запомнил пасынка князя, молодого и веселого Скафлока. Впрочем, тот, кто доставал сейчас из лодки свои пожитки, был худ и мрачен. Неужели дела эльфов так плохи?

Скафлок поднялся на холм. Приблизившись к могучему воину, который недвижимо наблюдал за ним с вершины, он увидел, что это Гулбан Глас, один из пяти стражей Ольстера.

Они обменялись приветствиями. Гулбан наклонил голову, увенчанную золотым шлемом; длинные черные кудри упали ему на скулы. Он отступил на шаг, почуяв зло, что таилось в мешке из волчьей шкуры за плечами Скафлока.

— Мне велено было дожидаться тебя, — сказал Гулбан.

В усталом голосе Скафлока прозвучала нотка удивления:

— Что, у сидов так много ушей?

— Нет, — ответил Гулбан. — Мы чувствовали: что-то близится. Нынче все, что происходит, так или иначе связано с войной эльфов и троллей. Вот мы и ждали эльфа-вестника — по всей видимости, тебя.

— Эльф... — Скафлок сплюнул. Чело его избороздили морщины, глаза были налиты кровью. Наряд юноши подтверждал худшие опасения Гулбана: обитатели Альвхейма всегда выделялись своей опрятностью, если не сказать изысканностью.

— Пойдем, — проговорил сид. — Должно быть, причина серьезная, раз Луг Длинная Рука созвал вождей и всех Туата Де Данаан на Совет в пещеру Круахана. Но ты утомился и проголодался. Я сперва отведу тебя к себе.

— Нет, — возразил человек с упрямством, которое тоже было несвойственно эльфам. — Я не могу ждать. Веди меня на совет.

Гулбан пожал плечами. Он повернулся так, что его лазоревый плащ взметнулся в воздух, и свистнул. Тотчас на зов его прискакали два статных легконогих коня. Они испуганно шарахнулись от Скафлока.

— Им не нравится твоя поклажа, — сказал Гулбан.

— Что делать, — отозвался Скафлок, ухватил лошадь за гриву и вскочил в седло. — А ну пошла!

Животные сидов, лишь немного, пожалуй, уступавшие резвостью эльфийским коням, помчали Гулбана и его спутника по холмам и долинам, по полям и лесам, замерзшим озерам и рекам. Им встретился всадник в сияющей кольчуге и с копьем в руке; сидел у входа в свою нору сутулый лепрехун; мелькнула худая фигура в плаще с

клювом вместо носа и серыми перьями вместо волос. Из священных рощ доносилось пение дудок. Морозный воздух, казалось, дрожал в призрачном свете звезд. Стушались сумерки. Звезды, светлые, как глаза Фреды... Нет! Скафлок отогнал непрошеную мысль.

Вскоре они достигли пещеры Круахана. Четверо дозорных снаружи отсалютовали им клинками и приняли коней. Гулбан провел Скафлока внутрь.

Просторную пещеру заливал зеленоватый свет. С потолка свешивались блистающие сталактиты, в щитах, что висели на стенах, отражались огоньки свечей. Хотя пламя в очаге не горело, было тепло и ощущался запах жженого торфа. Пол устилали стебли тростника. Они шуршали под ногами Скафлока, и этот звук отдавался громом в тишине, что царила под высокими сводами.

В конце стола Совета сидели вожди народа Лупры, маленькие, коренастые, в грубых одеждах: король лепрехунов Удан Мак Одейн, его наследник Бег Мак Бег, толстый, крепко сбитый Гломхар О'Гломрах; таны* Конан Мак Рихид, Гаэрку Мак Гейрд, Метер Мак Минтан и Эсирт Ма Бег — в шкурах и в золоте. С такими, как они, смертный чувствовал себя в своей тарелке.

Зато во главе стола располагались Туата Де Данаан**, дети матери-земли Дану, явившиеся из Золотого Тир-нан-Ога на Совет в пещеру Круахана. Пригожие, молчаливые, они внушали собравшимся трепет; мнилось, еще чуть-чуть — и можно будет воочию узреть силу, что исходит от них. Они были богами Ирландии до того, как Патрик привел туда Белого Христа***; им пришлось бежать, но и в изгнании они не утратили ни доли бывшего могущества и великолепия.

На троне восседал Луг Длинная Рука, справа от него сидел воин Энгус Ог, слева — повелитель морской стихии Мананнан Мак Лер. Дальше — Эохи Мак Элатан Дагда Мор, Дов Берг Яростный, Кас Коррах, Колл-Солнце, Кехт Пахарь, Мак Грейна Орех и многие другие, чья слава гремела по всей Волшебной стране. Вождей сопровождали их жены и дети, дружинники и арфисты. Всякий, кто видел их, преисполнялся радости и благоговейного страха.

Однако нынешний Скафлок ни во что не ставил величие, пышность или опасность. Не опуская головы, приблизился он к Лугу и, глядя тому прямо в глаза, приветствовал его.

Голос Длинной Руки был низок и могуч:

— Здрав будь, Скафлок из Альвхейма! Пригуби вина с владыками сидов.

Луг жестом велел усадить человека на свободное место слева от трона, так, чтобы их разделяли только Мананнан и его жена Фанд. Виночерпии принесли золотые кубки с вином из Тир-нан-Ога; пока вожди пили, барды пощипывали струны арф.

* Таны — предводители кланов у кельтов.

** Туата Де Данаан, или Племена богини Дану, — в кельтской мифологии основная группа богов.

*** Имется в виду крещение Ирландии св. Патриком.

Вино оказалось сладким и хмельным, оно словно огнем выжгло усталость Скафлока, но вот с печалью справиться не сумело.

Прекрасноволосый воин Энгус Ог спросил:

— Что там, в Альвхейме?

— Ничего хорошего, — резко ответил Скафлок. — Эльфы сражались в одиночку и потерпели поражение. Такая же участь ожидает всех остальных: тролли завоюют их земли.

Слова Луга прозвучали рассудительно и жестко:

— Дети Дану не боятся троллей. Мы одолели фоморов, мы, побежденные милезами*, сделали потом их богами; нам ли чего страшиться? Мы были бы только рады прийти на помощь Альвхейму...

— Верно! — Дов Берг стукнул по столу кулаком. Его рыжие волосы пламенели в зеленом полумраке пещеры; крик бога многожды повторило эхо. — Наши клинки затупились в ножнах, наши кони застоялись в стойлах. Почему мы не помогли эльфам?

— Ты сам знаешь почему, — проговорил Эохи Мак Элатан, Отец звезд. Он сидел, закутавшись в плащ цвета вечерних сумерек. На одежде Дагды, в его кудрях и в глазах посверкивали искорки света. Когда он развел руками, воздух между ними засеребрился и замерцал. — Нынче в битве сошлись не народы Волшебной страны, а боги Севера и их недруги из краев Вечного Льда. Трудно решить, кому из них можно доверять. Нам дорога наша свобода, и мы не желаем становиться пешками на шахматной доске мира.

Скафлок стиснул подлокотники кресла с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев.

— Мне нужна другая помощь, — проговорил он срывающимся голосом. — Я хотел одолжить у вас корабль.

— Позволь узнать зачем? — спросил Колл. На лицо его больно было смотреть, панцирь и золотая застежка в виде солнца у горла слепили глаза своим блеском.

Скафлок вкратце поведал богам о даре асов:

— В зверином обличе проник я в Эльфхьюк и выкрал оттуда меч, колдовство открыло мне, что у сидов раздобуду я корабль, на котором доплыву до Етунхейма. Вот я и поспешил к вам, — он склонил голову. — Да, я пришел к вам как нищий. Но если эльфы победят, они найдут чем отблагодарить вас.

— Взглянуть бы на этот клинок, — сказал Мананнан Мак Лер. Он был высок и статен, белая кожа и золотистые с серебром кудри слегка отливали зеленым. Глаза его были то серыми, то зелеными, то голубыми; говорил он тихо, но чувствовалось, что он намеренно сдерживает себя. пышный наряд его дополнял кинжал в изукрашенных камнями ножнах; рукоять оружия отделана была золотом, серебром и самоцветами. Однако на плечи Мананнан накинул простой, изрядно поношенный кожаный плащ.

* Фоморы — в ирландской мифологии демонические существа; милезы — древние ирландцы.

Скафлок развернул волчью шкуру. Сиды, которым нипочем были и железо, и дневной свет, столпились вокруг меча. Они сразу же ощутили таящуюся в нем злобу. Послышались шепотки.

Луг поднял увенчанную короной голову и пристально поглядел на Скафлока.

— Ты водишься со злом, — сказал он. — В этом клинке дремлет демон.

— Ну и что? — Скафлок пожал плечами. — Главное, он сулит победу.

— Да, победу и смерть. Он погубит тебя.

— Ну и что? — повторил Скафлок, заворачивая меч в шкуру. Половинки клинка со звоном соприкоснулись, и те, кто слышал звук, невольно вздрогнули.

— Дайте мне корабль, — продолжил юноша. — Заклинаю вас дружбой, что существовала когда-то между сидами и эльфами, заклиная вашей воинской честью, взываю к вашему состраданию, дети матери-земли Дану: исполните мою просьбу!

Установившуюся тишину нарушил голос Луга:

— Тяжело отказывать тебе...

— Зачем отказывать? — вскричал Дов Берг, подбрасывая свой нож к потолку и ловя его на лету. — Почему бы не собрать войско и не сокрушить варваров Трольхейма? Насколько обеднеет и поскутнеет Волшебная страна, если в ней не останется эльфов!

— Тролли наверняка скоро нападут на нас, — прибавил Конан.

— Пойдите, вожди, пойдите, — возвысил голос Луг. — Нужно все хорошенько обдумать. — Он встал. — Ты наш гость, Скафлок Воспитанник Эльфов. Ты сидел за нашим столом, пил наше вино; мы не забыли радушия, с каким в былые года нас принимали в Альвхейме. Корабль — самое малое, на что ты можешь рассчитывать. Я, Луг Длинная Рука, говорю тебе: Туата Де Данаан не испугаются ни асов, ни етунов!

Раздались громкие крики, засверкали обнаженные клинки, зазвенели щиты, зазвучали боевые песни. Мананнан Мак Лер сказал Скафлоку:

— Я дам тебе лодку. Она невелика размерами, но лучше ее у меня нет. Управлять ею непросто, так что я присоединюсь к тебе.

Скафлок откровенно обрадовался. С большим кораблем он бы вконец измучился; к тому же иметь спутником морского властелина...

— Благодарность мою не передать словами, — сказал он. — Клянись быть тебе братом! Завтра...

— Не торопись, горячая голова, — остудил его пыл Мананнан. — Сдается мне, отдых и застолье тебе ничуть не повредят, и потом, безрассудно плыть в Землю Великанов, не подготовившись, как подобает.

Скафлок вынужден был признать правоту сына Лера, но внутри у него все кипело. Ближайшие несколько дней обещали быть сушей мукой. Вино лишь оживило воспоминания...

Он ощутил легкое прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел жену Мананнана, Фанд.

Пригожими и величавыми были женщины Туата Де Данаан, ибо родились они богинями. Трудно подобрать слова, чтобы описать их красоту. Но Фанд выделялась даже среди них.

Шелковистые волосы, отливавшие золотым, как летний закат, каскадом ниспадали к ее ногам. Платье Фанд переливалось всеми цветами радуги, на пальцах белых рук сверкали кольца с драгоценными камнями, голову венчала великолепная диадема.

Пытливый взгляд ее фиалковых глаз, казалось, пронзил Скафлора насквозь.

— Ты мыслил отправиться в Етунхейм в одиночку? — спросила она.

— Да, госпожа, — ответил он.

— Никто из людей не вернулся оттуда живым, кроме разве Тьяльви и Росквы, но им помогал Тор. Ты или безмерно отважен, или безумен.

— Какая разница, где погибать, — в Етунхейме или в каком ином краю?

— А если уцелеешь... — Фанд почему-то запнулась. — А если уцелеешь, то возвратишься к нам с клинком и обнажишь его в битве... зная, что когда-нибудь он повернется против тебя?

Скафлок молча кивнул.

— Мнится мне, ты числишь смерть в своих друзьях, — пробормотала Фанд. — Не пристало то столь юному воину.

— Ни у кого из нас нет друга надежней, — отозвался он. — Она всегда рядом.

— На челе твоем печать обреченности, Скафлок Воспитанник Эльфов, и тяжело мне лицезреть ее. Со времен Кухулина, — глаза ее на мгновение затуманились, — со времен Пса Кулана не было среди смертных бойца, равного тебе силой. Грустно мне видеть тоску во взгляде того, кто прежде был так весел! Червь гложет твое сердце, и боль побуждает тебя искать смерти!

Он не проронил ни слова в ответ, только сложил на груди руки.

— Помни, тоска умирает, — продолжала Фанд. — Ты переживешь ее. Я буду оберегать тебя, Скафлок.

— Вот и чудно! — прорычал он, уже не владея собой. — Ты заколдуешь мое тело, а она будет молиться за мою душу!

Его рука потянулась за кубком. Фанд вздохнула.

— Печальным будет ваше плавание, Мананнан, — сказала она мужу.

— Пусть себе куксится, — пожал плечами тот. — Меня этим не проймешь.

Глава 22

Три дня спустя Скафлок, стоя у кромки воды, наблюдал, как лепрехун вытягивает лодку Мананнана из грота, где та была укрыта от зимней непогоды. Изящные обводы серебристого корпуса оставляли впечатление хрупкости, мачта была инкрустирована слоновой костью, шелковый парус поражал многоцветьем красок. На носу лодки возвышалась золоченая фигурка Фанд в образе танцовщицы.

Проводить их пришла одна лишь жена Мананнана. Остальные дети Дану предпочли тепло своих постелей прохладе серого и туманного утра. В волосах Фанд сверкали капельки воды, глаза ее светились даже ярче, нежели накануне. Она пожелала Мананнану удачи.

— Да сопутствует вам везенье, — сказала она. — Возвращайтесь скорее к зеленым холмам Эрина и Страны Вечной Молодости*. Днем я буду глядеть на море, а ночью — прислушиваться к плеску волн, ожидая вестей о Мананнанае.

Скафлок отошел в сторону, размышляя о том, какими словами попрощалась бы с ним Фреда. Он сказал:

*Горько рассвет
встречать без милой.
Меня проводить
никто не вышел.
Ах, рано миг
радости минул.
Таков мой удел:
томлюсь и тоскую.*

— В путь! — проговорил Мананнан. Они со Скафлоком ступили в лодку и подняли переливчатый парус. Человек сел у руля, а бог ударил по струнам арфы и запел:

*Ветр могучий, ветер беспечный
заклинает песнь моя.
На тебя, скиталец вечный,
уповаю ныне я.
Парус ловит дуновенье,
дымка над водой висит.
Так не медли ни мгновенья
там, в заоблачной выси,
вдаль ладью мою неси!*

Повинуясь его призыву, задул сильный ветер. Лодка устремилась вперед, перепрыгивая с волны на волну. В лица мореходам полетели соленые брызги. Быстроходным, как корабли эльфов, был челн Мананнана, и вскоре уже невозможно стало отличать, где за кормой обрывалась серая полоска земли и где начиналось серое небо.

— По-моему, просто так мы в Етунхейм не попадем, — сказал Скафлок.

— Верно, — согласился сын Лера. — Колдовство приведет нас туда, но нам понадобится крепость рук и сердец.

Он прищурился. Ветер развеивал его волосы; лицо Мананнана было одновременно веселым и торжественным, лукавым и суровым.

— В землях людей пахнуло весной, — сказал он. — Такой зимы, как нынешняя, не было столетия подряд. Должно быть, виной тому могущество етунов, к вековым льдам чьей обители мы направляемся.

* Эрин — поэтическое название Ирландии. Страна Вечной Молодости (также Тир-нан-Ог, Авалон, и т. д.) — «земной рай» кельтских легенд и мифов.

Он посмотрел на Скафлока:

— Давненько не плавал я на край света. Не стоило, пожалуй, ждать так долго. Ведь когда-то Туата Де Данаан были богами, — он покачал головой. — Даже асы избегают, насколько возможно, появляться в Етунхейме. Что же до нас с тобой... Не знаю, не знаю. Но я не отступлюсь! — закончил он решительно. — Киль лодки повелителя морской стихии, Мананнана Мак Лера, должен изведать все воды всех Девяти Миров *.

Скафлок, погруженный в раздумья, не ответил. Лодка вела себя словно живое существо. Ветер играл снастями, водяная пыль окутывала сверкающим покрывалом точеную фигурку Фанд на носу. Было прохладно, однако солнце, ослепительно сияя, разогнало туман. Пенные валы неумоимо продолжали свой бег под голубым небом, по которому мчались редкие белые облачка. Скафлок почувствовал, как шевельнулся руль. Очарование вешнего утра захватило юношу. Он сказал:

*Задувает ветер,
светел день весенний;
вольготно волнам
в борт высокий биться.
Коль со мной была бы
любимая в лодке,
легче бы мне стало
(рада ли, Фреда?).*

Мананнан пристально поглядел на него.

— Нам потребуется все, что у нас есть, — сказал он. — Не оставляй ничего на берегу.

Скафлок покраснел.

— Я не звал с собой того, кто страшится смерти, — бросил он гневно.

— Воин, которому не для чего жить, сражается в битве яростнее других, — проговорил Мананнан, взял арфу и запел старинную боевую песню сидов. Странно было слышать ее на морском просторе. Скафлоку на какой-то миг почудилось, будто он видит, как собирается в небе призрачное войско: блики солнца на увенчанных плюмажами шлемах, стройные ряды копий, реющие знамена, звуки рогов, грохот колес могучих колесниц.

Они плыли на север три дня и три ночи. Ветер постоянно дул с кормы; лодка неслась по волнам точно ласточка по поднебесью. Они сменяли друг друга у руля, спали по очереди на носу, питались вяленой рыбой, сыром и сухарями, пили морскую воду, которую заклинаниями очищали от соли. Говорили они мало: Скафлок был по-прежнему не в духе, а у Мананнана всегда находилось, над чем поразмыслить на досуге. Впрочем, тяготы плавания сближали их, и они вместе пели могущественные руны, которые влекли их суденышко к рубежам Етунхейма.

* Девять Миров — в скандинавской мифологии девять составляющих мироздания, населенные людьми, богами, великанами и альвами. Все их соединяет между собой мировое древо — ясень Иггдрасиль.

Становилось все холоднее, и мрак сгушался с каждым часом. Солнце превратилось в бледный диск, едва заметный среди черных штормовых туч. Стужа забиралась под одежду, проникала в тело, норовя заморозить душу. Снасти покрылись тонкой коркой льда, золоченая фигурка Фанд укуталась в иней. Прикосновение к металлу обжигало пальцы, пар дыхания застыл на бороде и усах.

Они плыли во тьме, по непрозрачной студеной воде, над которой возвышались тускло серебрившиеся айсберги. Небо усеяно было звездами; меж них полыхало северное сияние, что напомнило Скаф-локу о пламени над курганом Орма. Тишину нарушали лишь завывание ветра да неумолчный шелест волн.

Дорога в Етунхейм ничуть не походила на странствование по Мидгарду. Лодка Мананнана очутилась в водах, которых не бороздил еще ни один корабль смертных. Холодное сияние звезд и луны служило сыну Лера и его спутнику единственным проводником в непроглядной ночи. Скафлоку подумалось, что Етунхейм находится на краю света, у самой бездны, из которой поднялось мироздание и куда оно снова обрушится. Ему чудилось, что он плывет по Морю Смерти и что земли живых остались далеко позади.

Они потеряли счет времени. Луна и звезды бессильны были помочь им, так же как ветер, волны и все усиливающаяся стужа. Чары Мананнана мало-помалу слабели. Задули яростные ветры, сопротивляться которым могло только его хрупкое на вид суденышко, заголосила вьюга. Раз за разом ладья черпала бортом воду, раз за разом повисал ненужной тряпкой парус и грозил вырваться из рук руль. Из темноты то и дело возникали громадные айсберги, и лишь чудо спасало мореходов от неминуемого, казалось бы, столкновения.

Хуже всего был туман — серая пелена, в которой не было видно ни зги, промозглая и сырая. Мокрая одежда прилипала к телу, зубы сами собой начинали стучать от холода. Лодка тогда застывала неподвижно, слышался только глухой плеск волн да звон капли с обледенелых снастей. Дрожа и бранясь, Скафлок с Мананнаном пробовали творить заклинания, но все их попытки оказывались тщетными. Им мерещилось, что к лодке подбираются неведомые твари и, прячась в тумане, жадно поглядывают на них.

А потом, откуда ни возьмись, принимался бушевать шторм. Мачта стонала, снасти сдирали кожу с ладоней, черные валы рядами накатывались на ладью, и та возносилась под небосвод, чтобы в следующий миг провалиться чуть ли не в преисподнюю.

Скафлок воскликнул:

*Валы вереницей
бегут бесконечной,
коченеют руки,
руль держать не могут.
Сдается мне, пиво
варят нынче боги.
Хмельным будет, верно,
ненный напиток.*

Мананнан одобрительно усмехнулся и погрозил небу кулаком.

Наконец они достигли суши. Северное сияние высветило лишенные растительности холмы и мерцающие зеленым ледники. Прибой с грохотом разбивался о прибрежные утесы, что круто уходили вверх, перерастая в заснеженные горы, над которыми хрипло завывал ветер.

Мананнан мотнул головой.

— Вот и Етунхейм, — сказал он. Голос его был едва слышен. — Утгард, где, как ты уверяешь, обитает твой великан, лежит, по моим расчетам, к востоку.

— Ну и ладно, — пробормотал Скафлок, привыкший уже полагаться в выборе пути на сына Лера. Эльфы никогда не заплывали в эти воды; источником их познаний о Етунхейме были одни только слухи.

Скафлок давным-давно перестал ощущать усталость. Он чувствовал себя кораблем, у которого заклинило руль и который продолжает плавание потому, что иного ему не остается.

Но тут, когда он разглядывал неприветливый берег Земли Великанов, на ум ему пришла мысль, что Фреде, пожалуй, еще тяжелее. Он отправился за клинком, зная, что она в безопасности, а ей ведь ничего не было известно о его судьбе.

— Долго же я соображал! — прошептал он, и на глазах его выступили слезы. Он сказал:

*Никак не забыть мне
взор призывный,
но где теперь дева,
что его дарила?
Путь мой пустыней
пролег ледяною.
Помрачен рассудок
терзаниями милой.*

Он отвернулся. Мананнан, который научился не обращать внимания на своего спутника, когда тот впадал в уныние, налег на руль, и лодка устремилась на восток.

Обледеленные скалы выглядели безжизненными. Казалось, их населяют лишь снежные вихри, что кружились среди камней, озаренные сполохами северного сияния. Однако внутреннее чутье подсказывало сыну Лера, что неподалеку затаились и другие. На этой суровой земле обитали те, кто так часто угрожал богам викингов — Аса-Локи, Утгард-Локи, Хель, Фенрис, Ермунганд и Гарм*, который перед последней битвой проглотит луну.

К тому времени как Скафлок овладел собой, лодка преодолела значительное расстояние. Мананнан вел ее у самого берега, заглядывая в каждый из встречавшихся фьордов. Повелителю морской сти-

* В скандинавской мифологии силы зла: Хель — хозяйка царства мертвых, Ермунганд — мировой змеей, порожденный Локи и великаншей.

хии было не по себе: он ощущал близость Утгарда, и это ощущение всеяло в него страх.

— Мне говорили, что Болверк живет в горе, — произнес Скафлок. — Значит, надо искать пещеру.

— Да, но пещер тут полным-полно.

— Смотри большую, со следами кузнечного ремесла.

Мананнан кивнул и направил лодку к следующему фьорду. Только оказавшись чуть ли не вплотную к скале, осознал Скафлок, как она высока. Когда он попытался разглядеть ее вершину, ему пришлось так сильно запрокинуть голову, что он едва устоял на ногах. В небе над скалами маячили редкие облака. Скафлоку почудилось, будто утесы вот-вот обрушатся на него и мир навеки скроется под водой.

Лодка приблизилась к фьорду. Тот тянулся в глубь суши, насколько хватало зрения — лабиринт островков, шхер и камней. Внезапно Скафлок уловил слабый запах дыма и горячего железа, а потом услышал отдаленный стук.

Мананнан понял его без слов. Лодка проскользнула во фьорд. Вскоре ветер безнадежно заплутался и отстал, так что мореходы вынуждены были сесть на весла. Ладья двигалась быстро, но фьорд был таким длинным, что казалось, будто она ползет по поверхности воды.

Стужа словно заморозила все звуки. Северное сияние полыхало в небесах погребальным костром. Палубу покрывал тонкий слой снега. Скафлоку подумалось, что тишина эта наводит на мысль о хищном звере с жадными глазами и подергивающимся хвостом. Юноша догадывался, что за ними с Мананнаном наблюдают.

Лодка плавно скользила мимо островков и камней, следуя прихотливым извивам фьорда. Один раз Скафлоку послышалось какое-то шуршание на берегу. Сверху доносился вой ветра: тот бушевал чуть ли не среди звезд.

Фигурка Фанд на носу ладьи словно бросала вызов ледяному безмолвию Етунхейма.

Наконец они нашли то, что искали. Подножие горы, вершину которой венчала Полярная звезда, образовывало в одном месте довольно ровную площадку. Прямо от воды убегал вверх по склону поблескивающий ледник.

— Будем высаживаться? — спросил Мананнан.

Ответом ему было громкое шипение.

— Похоже, нас встречают, — проговорил Скафлок. Воины надели кольчуги и шлемы, взяли щиты и препоясались мечами. Скафлок подобрал завернутый в волчью шкуру клинок; Мананнан сжимал в руке огромное копьё с тускло сверкающим наконечником.

Лодка ткнулась в лед. Скафлок выпрыгнул и быстро вытянул суденышко на берег. Мананнан напряженно вглядывался во мрак, откуда донесся глухой скрежет, словно проволоклось по камням грузное тело.

— Темна и опасна наша дорога, — сказал сын Лера. — Но нас не испугаешь.

Темнота между глыбами льда поглотила их, и им пришлось передвигаться на ощупь. Лишь изредка мелькали в призрачной вышине звезды. Вонь окружала их со всех сторон, шипение и шорохи становились громче и громче.

Бросив взгляд в расщелину, что вела к леднику, Скафлок увидел в глубине ее бледную тень. Пальцы его крепче стиснули рукоять меча.

Тень начала приближаться. Мананнан издал боевой клич и всадил в нее копьё.

— Прочь, белый червяк! — воскликнул он.

Тварь зашипела, кольца ее тела заскрежетали по камням. Мананнан отскочил. Различив во тьме голову чудища, Скафлок нанес удар. Рука мгновенно онемела. Тварь повернулась к юноше. Того, что он видел, было достаточно, чтобы понять: вот она, смерть.

Мананнан вонзил копьё в бледное тело. Скафлок вновь взмахнул мечом. Исходивший от чудища смрад заставил его закашляться. Капля крови или яда прожгла его одежду и опалила плечо.

Вырутавшись, Скафлок напал на тварь с удвоенной силой. Внезапно меч его рассыпался в прах, и тут же он услышал треск — у копы Мананнана переломилось древко.

Воины выхватили клинки, что до поры отдыхали в ножнах. Червь отполз немного назад.

Он внушал одновременно ужас и отвращение. Грязно-белое тело свернулось могучими кольцами, из разинутой пасти капал яд; в одном глазу твари торчало обломившееся копьё Мананнана, другой светился лютой злобой. Непрестанно шевеля языком, змея свирепо шипела.

Скафлок поскользнулся. Громадная голова метнулась к нему, но Мананнан накрыл спутника щитом и выставил вперед меч. Лезвие рассекло раздутое горло змеи. Скафлок торопливо поднялся.

Червь взмахнул хвостом. Скафлок отпрыгнул в сутроб, Мананнан же не успел увернуться. Но прежде чем сомкнулись смертельные объятия, он погрузил клинок в омерзительное тело.

И тварь бежала! Она бежала, обрушилась снежной лавиной в холодное, черное море. Воины долго сидели на льду, жадно глотая студеной воздух.

— Мечи затупились, — сказал наконец Скафлок. — Может, вернемся за новыми?

— Нет, — возразил Мананнан. — Вдруг червь поджидает нас на берегу? Обойдемся, а с руническим клинком нам не страшно будет никакое чудище.

Подъем по скользкому, таинственно поблескивающему леднику был медленным. Мрачная гора заслоняла собой полнеба. Вдалеке раздавалось уханье молота.

Они поднимались с остановками, иногда даже засыпали и не однажды радовались, что сообразили взять с собой пищу.

Ледяной покров был местами чрезвычайно коварным, но в конце концов Скафлок и Мананнан одолели ледник, взобравшись на полувину высоты горы, вершину которой венчала Полярная звезда. Едва

заметная во мраке тропа уводила влево, вилась по-над самым обрывом. Путники связались веревкой и двинулись дальше. Стук молота доносился все отчетливей.

После множества падений, когда лишь веревка спасала то одного, то другого от гибели, они взобрались на уступ перед входом в пещеру, рядом с которым прикован был цепью к скале огромный рыжий пес. Он оскалил зубы и грозно зарычал. Скафлок взялся за меч.

— Не надо, — проговорил Мананнан. — Мне кажется, что, убив его, мы навлечем на себя неизбывное горе. Попробуем иначе.

Укрывшись под щитами, они поползли к пещере. Собачьи когти царапнули по металлу, громко клацнули челюсти. Животное взвыло так, что ушам стало больно. Ему не хватило всего лишь какой-то пяди, чтобы добраться до непрошенных гостей.

Воины очутились в непроглядной тьме. Они взялись за руки и побрели на ощупь по наклонно уходившему вниз коридору, частенько натываясь на невидимые сталагмиты. Воздух был менее студеным, чем снаружи, но куда более сырым. Где-то шумела вода; они решили, что это, должно быть, одна из тех рек, что текут через преисподнюю. Молот стучал как будто совсем близко.

Дважды они слышали зычные крики и дважды судорожно стискивали клинки. Что-то большое и тяжелое набросилось на них и изгрызло щиты. Сражаясь вслепую, они сумели убить его, но так и не узнали, как же выглядел неведомый враг.

Вскоре впереди замерцала рдяная искорка, похожая на ту звезду, что в созвездии Ориона. Они поспешили на свет и вышли в просторную пещеру.

Ее освещало пламя, пылавшее в кузнечном горне. Оно обаграло инеистые стены, которые увешаны были всяческими инструментами умопомрачительных размеров. А у наковальни стоял етун.

Он был так высок, что голова его едва виднелась в полумраке, и так широк в плечах, что казался, несмотря на свой рост, приземистым. Его волосатое тело, все перекрученное, но налитое силой, прикрывал лишь фартук из шкуры дракона. Черные волосы и густая черная борода ниспадали ему до пояса. Правая нога великана была чуть короче левой, на спине выпирал безобразный горб, а руки доставали до земли.

Почуввав путников, он повернулся к ним лицом — плосконосый, широкогубый, в шрамах и ожогах. Под кустистыми бровями зияли пустотой глазницы. Етун был слеп.

Гулкий голос его напоминал шум воды тех рек, что текут через преисподнюю.

— Охо, охо! Три сотни лет трудился Болверк в одиночестве. Видно, припела моя пора.

Он отшвырнул меч, который ковал. Тот с оглушительным звоном ударился о стену, и эхо долго еще гуляло под сводами пещеры.

Скафлок, ничуть не уstraшенный, произнес:

— Я принес тебе то, что ты знаешь, Болверк.

— Кто ты? — воскликнул етун. — Я чую смертного, но в нем много от обитателя Волшебной страны. Я чую другого, он полубог, но не принадлежит ни к асам, ни к вanam, — великан пошарил во-круг себя. — Вы мне не нравитесь. Подойдите ближе, чтобы я мог разорвать вас на кусочки.

— Мы пришли с поручением, от которого ты не посмеешь отка-заться, — сказал Мананнан.

— С каким? — прогремел голос етуна.

Скафлок сказал:

*Аса-Локи
стосковался
по клинков
и копий лязгу.
Зри, кователь,
вот оружие,
что богам
сулит погибель.*

Он развернул волчью шкуру и кинул половинки клинка к ногам великана.

Болверк подобрал их.

— Да, — прошептал он, — я помню этот меч. Моей помощи ис-кали тогда Дирин и Двалин. Им нужен был хороший клинок, чтобы откупиться от Свафрлами, а заодно и покончить с ним. Мы заковали в сталь лед, смерть и бурю, могучие руны и заклинания, неутомимую жажду крови, — великан усмехнулся. — Многие воины владели им. Он приносит победу. Ничто не может устоять перед ним, и лезвие его всегда остается острым. Жало его ядовито, раны, которые он наносит, не исцелить ни снадобьями, ни волшеббой, ни молитвой. Однако на нем лежит проклятье: всякий раз, когда его обнажают, он должен испить крови. А еще — он губит того, кто им владеет.

Етун наклонился вперед.

— Потому, — закончил он с расстановкой, — Тор сломал его. Ни у кого больше во всех Девяти Мирах не хватило на это сил. И с тех самых пор клинок покоится в земле. Но — ты говоришь, что Локи призывает к оружию. Значит, время близится.

— Думай, что хочешь, — пробормотал Скафлок.

Етун не слышал его. Пальцы Болверка любовно поглаживали лезвие меча.

— Время близится, — повторил великан шепотом. — Скоро насту-пят сумерки мира, боги и етуны перебьют друг друга, и придет конец мирозданию. Пламя Сурта пожрет небесную обитель, солнце погас-нет, земля скроется под водой, звезды сорвутся со своих мест. Кон-чается мое рабство! С радостью я исполню твою просьбу, смертный!

Он принялся за работу. Молот с размаху обрушивался на нако-вальню, высекая искры. Великан ковал клинок, произнося заклина-ния, от которых сотрясались стены пещеры. Скафлок и Мананнан отступили в темный коридор.

— Я начинаю жалеть, что связался с тобой, — сказал сын Лера. — Зло возрождается к жизни. Никто и никогда не называл меня трусом, но я ни за что не коснусь этого меча. Где твоя мудрость, Скафлок? Он изведет тебя.

— Ну и что? — угрюмо спросил юноша.

Великан погрузил клинок в яд, чтобы остудить. Раскаленная сталь зашипела. Поднявшийся пар обжигал обнаженную кожу. Болверк по-прежнему распевал колдовские песни.

— Не стоит бросаться жизнью ради утраченной любви, — проговорил Мананнан. — Ты же молод, Скафлок.

— Все мы обречены на смерть, — отозвался человек.

Если учесть, что етун был слеп и что никто ему не помогал, он управился с работой удивительно быстро.

— Эгей, воины! — позвал он.

Они вернулись в пещеру. Болверк держал меч в руках. Лезвие клинка ослепительно сверкало, отливая голубым, глаза дракона на рукояти холодно поблескивали, золото светилось словно своим собственным светом.

— Берите! — вскричал етун.

Скафлок принял оружие. Оно было так хорошо сбалансировано, что воспринималось как продолжение руки и словно поило силой того, кто сжимал его рукоять.

Взмахнув клинком над головой, Скафлок ударил — и рассек пополам камень. Лезвие блистало в полумраке голубой молнией.

— Хей! — воскликнул Скафлок. С уст его сорвались слова:

*Пышет жаром битва.
Истомился жаждой —
враги, трепещите! —
клинок легендарный.
Взрыкивая, ярый,
крушит он доспехи,
дробит щиты и
кровь выпивает!*

Болверк раскатисто засмеялся.

— Ликуй, храбрец, — проговорил он. — От тебя будут убегать и смертные, и великаны, и боги. Ликуй! Меч на воле, и конец мира близок!

Он подал Скафлоку ножны, украшенные позолоченной резьбой.

— Вложи его, — посоветовал етун, — и не обнажай, пока не пожелаешь убить. Впрочем, он имеет обыкновение обнажаться по своей воле. И помни, когда-нибудь он обратится против тебя.

— Пускай, — ответил Скафлок, — лишь бы он расправился с моими врагами.

— Безумец, — прошептал Мананнан, потом прибавил громко: — Пойдем отсюда. В таких местах не медлят.

Скафлок подчинился настоянию друга. Невидящий взгляд Болверка устремлен был им вслед.

Пес у входа в пещеру, заскулив, шарахнулся в сторону. Воины быстро спустились по леднику. Достигнув подножия горы, они услышали за спиной грохот и обернулись.

Над горой возвышались три черных тени. Их поступь дыбила скалы и вековечные льды. Забираясь в лодку, Мананнан пробормотал:

— Сдается мне, Утгард-Локи узнал о твоей проделке. Должно быть, он хочет расстроить замыслы асов. Да, трудновато нам будет выбраться.

Глава 23

Битва, которую выдержали в Етунхейме Мананнан Мак Лер и Скафлок Воспитанник Эльфов, заслуживает отдельного рассказа. Следует поведать и о том, как сражались они с яростным ветром и густым туманом, с волнами и плавучими льдинами, с усталостью, что остужала сердца и обессиливала руки. В такие мгновения взоры их неизменно обращались к фигурке Фанд на носу лодки. Следует почтить песней ладью Мананнана, это хрупкое на вид серебристое суденышко.

Етуны всячески старались покончить с воинами и причинили им немало неприятностей. Но они допытались-таки, какие заклинания здесь действуют, и пользовались ими не только для того, чтобы отражать колдовство великанов. Они вызывали бури, они сдвигали с места горы и насылали их на подворья своих врагов.

Они избегали сходить с етунами врукопашную, хотя дважды убивали великанов, которым случилось повстречаться с ними в одиночку. Чаще всего они бились с морскими и сухопутными чудовищами. Порой они бывали на волосок от гибели, особенно когда отваживались на набег в глубь Етунхейма, и каждый их поход стоит хвалебного слова.

Они прокрались в огромную конюшню, похитили лошадей, а само строение спалили дотла. Кони, которых они забрали, считались в земле великанов чуть ли не карликовыми, но никакое другое животное за пределами Етунхейма не могло сравниться с ними статью и выносливостью. Это были косматые черные жеребцы с огненными глазами. Как ни странно, они привязались к своим новым хозяевам и спокойно стояли в лодке, которая их едва вмещала. Они не боялись ни дневного света, ни железа, ни даже клинка Скафлока и не ведали изнеможения.

В Етунхейме обитали не одни лишь великаны и чудовища. Одинокие поселяне давали приют скитальцам, не слишком донимая их расспросами. Многие женщины были ростом с обычного человека, отличались красотой и радушием. Бойкий на язык Мананнан наслаждался жизнью. Скафлок же попросту не глядел на женщин.

Можно рассказать еще о драконе и его сокровищах, о пылающей горе и бездонной пропасти, о беседе с великаншей и о ловле рыбы в реке, что течет из преисподней, о поединках и о ведьме из Железного Леса, о песне, которую пела себе на рассвете заря, — словом, воины совершили несчетно славных деяний. Но все они не относятся к

нашему повествованию, а потому пускай их хранят до лучших времен летописи Волшебной страны.

Достаточно будет сказать, что Скафлок и Мананнан покинули Етунхейм и направили лодку на юг, к Мидгарду.

— Сколько мы отсутствовали? — проговорил юноша.

— Не знаю. Долго. — Сын Лера потянул носом и взглянул в голубое небо. — Уже весна. — Помолчав, он сказал: — Теперь, когда ты добыл меч — и всласть напоил его, — что ты собираешься делать?

— Разыщу короля эльфов, если он еще жив, — ответил Скафлок, угрюмо глядя туда, где море смыкалось с небесами. — Высади меня к югу от пролива. Посмотрим, что запоют тролли! Мы очистим от них Альвхейм, вернем себе Англию, а потом завоюем их земли и обратим троллей в рабов!

— Если сможете, — хмуро добавил Мананнан. — Попытаться-то вы, разумеется, должны.

— Сиды не помогут?

— Как решит Совет. Пока эльфы не возвратятся в Англию, мы не выступим, ибо это означало бы оставить без защиты наш остров. А там мы, может статься, и ударим — чтобы вновь познать радость схватки и обезопасить себя на будущее. — Повелитель морской стихии вскинул голову: — Однако... Клянусь кровью, которую мы пролили вместе, тяготами, которые вынесли, жизнями, которыми мы обязаны друг другу, что Мананнан Мак Лер будет рядом с тобой, когда ты ступишь на английский берег!

Они обменялись рукопожатием без слов. Высадив Скафлока с его етунхеймским конем на побережье Валланда, Мананнан призвал попутный ветер и устремился домой, к Фанд.

Сидя на своем черном жеребце, Скафлок озирался по сторонам. Конь выступал по-прежнему горделиво, но заметно отошал, бока его ввалились. Одежды Скафлока превратились в лохмотья, доспехи потускнели и проржавели, накинутый на плечи плащ был весь в дырах. За время своих скитаний в поисках короля эльфов юноша сильно похудел: широкие кости выпирали из-под туго обтягивавшей их кожи. Лицо его избороздили морщины, и оно казалось теперь лицом изгнанного бога. Лишь изредка суровость его смягчалась подобием усмешки. О былой красоте и молодости Скафлока напоминали только чудесные темно-русые кудри. Так, верно, будет выглядеть Локи, когда поскачет на равнину Вигрид в последних сумерках мира.

Утром прошел дождь; земля была сырой, многочисленные лужи и ручейки посверкивали в лучах солнца. Всюду, куда ни глянь, зеленела трава, на деревьях предвестниками лета раскрывались почки.

Холодный ветер, что задувал меж холмов и развевал плащ Скафлока, был ветром весны, он веселил и разгонял застоявшуюся за долгую зиму кровь. Высокое небо слепило голубизной, мокрая трава серебрилась и радужно переливалась в солнечном свете. На затянутом тучами юго-востоке погромыхивал гром и сияла радуга.

Из поднебесья донеслись крики диких гусей, — перелетные птицы возвращались домой. В рощице звонко запел дрозд, две белки прыгали с ветки на ветку дряными огоньками.

Скоро, скоро наступит пора теплых дней и светлых ночей, зазеленеют леса и распустятся цветы. В душе Скафлока шевельнулась почти забытая нежность...

О, если бы ты была со мной, Фреда...

День клонился к вечеру. Скафлок продолжал свой путь, и не помышляя о том, чтобы остаться незамеченным. Он пустил коня легкой рысью, и тот успевал на скаку пощипывать траву и молодую листву; копыта его сотрясали землю.

Они миновали рубежи Волшебной страны и приближались теперь к срединной области Альвхейма. Там, в горной твердыне, укрылся от троллей король эльфов. Сожженные подворья, сломанное оружие, обглоданные, наполовину рассыпавшиеся в прах кости, — ясно было, что война пожала здесь свою жатву. Иногда им попадались свежие следы троллей, и тогда Скафлок нетерпеливо облизывал губы.

Ночь показалась ему, возвратившемуся из страны мрака, необычно теплой и светлой. Даже подремывая в седле, он не переставал прислушиваться, а потому услышал врагов и надел шлем задолго до того, как они преградили ему дорогу.

Их было шестеро, могучих воинов, что возникли разом из ночной полутьмы. Должно быть, они недоумевали, кто же им повстречался — смертный, но в эльфийских одеждах и в доспехах сидов, на коне; похожем на их собственных, но еще более косматом. Один из троллей крикнул:

— Именем короля Иллреде, стой!

Пришпорив жеребца, Скафлок обнажил меч. Лезвие сверкнуло голубой молнией. Юноша сразил двоих троллей прежде, чем остальные сообразили, что происходит.

Воин слева замахнулся на Скафлока дубинкой, а тот, который был справа, воздел над головой топор. Стиснув коленями бока коня, Скафлок поставил под дубинку щит, а меч его перерубил рукоять топора и вонзился в грудь хозяину оружия. Развернувшись, человек рассек тролля слева от плеча до пояса. Он натянул поводья: конь поднялся на дыбы и передними копытами вышиб дух из пятого тролля.

Шестой вскрикнул и попытался убежать, но брошенный твердой рукой меч настиг его, поразил в спину и вышел из груди.

Подобрав клинок, Скафлок двинулся дальше. Ближе к рассвету он остановился у реки, чтобы немного поспать.

Разбудил его шорох листьев. К нему подкрадывались двое троллей. Он вскочил, вооруженный лишь мечом, ибо одевать доспехи было некогда. Тролли напали. Клинок Скафлока раздробил щит первого и погрузился в его сердце; второй же тролль так спешил раздалаться с чужаком, что с разбега напоролся на меч и умер, насаженный на острие, как кабан на вертел.

— Ребячья забава, — хмыкнул Скафлок. — Посмотрим, кто кого!

Около полудня он натолкнулся на пещеру, в которой спали несколько троллей. Он убил их и подкрепился их припасами. Его ничуть не тревожило, что он оставляет за собой гору трупов. Пускай преследуют!

На закате он достиг предгорий. Впереди возвышались во всей своей красе увенчанные снежными шапками пики. Шуршали в сумерках иголками сосны, далеко окрест разносилась песня водопадов. Как нелепо, мелькнула у него мысль, что это исполненное покоя и очарования место стало полем битвы. А разве менее нелепо, что он тут не с Фредой, а с погибельным клинком?

Что ж, так уж сложилось. А все-таки — как она там?

Копыта жеребца звонко застучали по леднику. Небо потемнело, на нем во множестве высыпали звезды. В свете почти полной луны очертания гор сделались какими-то размытыми, едва ли не призрачными. Вдруг Скафлок расслышал знакомый звук: где-то протрубил лур*. Он немедленно послал коня в галоп. Животное прыгало с утеса на утес, перелетало через мрачные пропасти, воздух свистел в ушах всадника, железные подковы высекали искры из камней.

Идет бой!

Хриплое пение тролльих рогов, крики воинов, лязг оружия... Кто-то выстрелил в Скафлока из лука, но промахнулся. Юноша припал к шее коня, проклиная затаившегося лучника.

Конь вынес его на гребень. Взору Скафлока открылось поле сражения. Люди не увидели бы на нем ничего примечательного: обыкновенная скала, на вершине которой кружатся снежные вихри. Но колдовским зрением Скафлок различил на горе высокие стены крепости, башни которой упирались в ночное небо. У подножия виднелись многочисленные шатры воинства троллей. Над самым большим из них развевался черный флаг, а над одной из башен крепости реяло знамя короля эльфов. Вожди сошлись в поединке.

Тролли штурмовали эльфийскую твердыню. Они копошились под стенами, лезли вверх по приставленным лестницам, били таранами в крепкие ворота, стреляли огненными шарами из баллист. Раздавались истошные вопли, рокотали барабаны, трубили рога; ледники покрывались сетью трещин и разламывались, с гор сходили сокрушительные лавины.

Эльфы пока отражали натиск — клинками, копьями, стрелами, кипящим маслом из котлов, но троллей, похоже, не смущали никакие потери. Они твердо вознамерились овладеть крепостью.

Скафлок обнажил меч. Тот зашипел по-змеиному; лунный свет посеребрил его лезвие.

— Хейя! — воскликнул юноша, пришпорил коня и помчался вниз по склону.

На краю широкой расщелины, что внезапно разверзлась перед ним, конь, повинувшись посылу всадника, прыгнул — и взмыл в поднебесье. Скафлок с трудом удержался в седле.

* Лур — большой бронзовый, дважды изогнутый рог с дисковидным раструбом.

Лагерь троллей был почти пуст. Скафлок натянул поводья, наклонился и выхватил из костра пылающую ветку. Шатры загорались один за другим, ветер раздувал грозное пламя. Скафлок поспешил к главным воротам крепости, облачаясь на скаку в доспехи.

Как и раньше, щит он взял в левую руку, меч — в правую, колени его сжимали бока коня. Тролли у ворот еще не успели опомниться, как он уже зарубил троих и столько же полегло под копытами жеребца.

Воины подступили к юноше. Его колдовской клинок сверкал, стонал и рычал, дробил шлемы, проникал сквозь кольчуги, погружался в холодную плоть. Скафлок косил троллей, словно спелую пшеницу.

Они мельтешили вокруг, бессильные против стали. Скафлок не чувствовал их ударов: такой силой напоил его меч.

Взмах — и покатила с плеч голова, другой — и тролль повалился с лошади, хватаясь за распоротый живот. Пеший воин оцарапал Скафлоку руку копьем; привстав в стременах, юноша рассек его надвое. Етунхеймский конь топтал тех, кто попадался ему на пути.

Потоки крови обагрили залитый лунным светом снег. Всюду, куда ни посмотри, лежали трупы. Всадник на черном жеребце вращал над головой смертоносным клинком.

Руби, меч, руби!

Тролли пришли в ужас. Скафлок закричал:

— Хей, Альвхейм! С нами вместе скачет Отец Побед! Сюда, эльфы, сюда!

Только сейчас тролли заметили, что лагерь их охвачен пламенем. Пожар в становище, конь из Етунхейма, волшебный клинок, — да с кем же они бьются этой ночью?

По их рядам побежали испуганные шепотки:

— Один ополчился против нас... нет, у него два глаза, это Тор.. это Локи, он вырвался из темницы, и конец мира близок... Это смертный, одержимый демоном... Это сама Смерть...

Протрубили луры, распахнулись крепостные ворота. Эльфы выехали на бой. Число они уступали троллям, но в сердцах их возродилась надежда. Во главе отряда скакал на молочно-белом жеребце король. Поверх кольчуги на нем был темно-синий плащ, ветер развевал его седые волосы и бороду.

— Мы не чаяли увидеть тебя живым, — крикнул он Скафлоку.

— Так зрите же, — отозвался тот; в голосе его не было и следа бывшего благоговения. Ему ли трепетать? Ведь он говорил с мертвыми, плавал за край света и терять ему совсем нечего.

Глаза короля остановились на руническом клинке.

— Я знаю тебя, — пробормотал он, — но мне не ведомо, что ты сулишь Альвхейму.

Вздыхнув, он воскликнул:

— Вперед, эльфы!

Его воины обрушились на троллей. Схватка была упорной и кровавой. Мечи и топоры вздымались и опускались, за стрелами и копытами не разглядеть было звезд, лошади топтали погибших и раненых.

— Хола, Тролльхейм! Ко мне, ко мне! — Иллреде выстроил своих бойцов клином. Королевский конь воинственно фыркал, топор Иллреде разил без промаха. Эльфы попятились. Лицо предводителя троллей искажено было гримасой ярости, косички бороды извивались как живые, взгляд внушал суеверный страх.

Завидев его, Скафлок взвыл волком и поворотил жеребца. Размахивая мечом, он пробивался к Иллреде, круша троллей, как дровосек крушит молодые побеги.

— Ха! — взревел Иллреде. — Посторонитесь! Он мой!

Воины послушно расступились. Увидев рунический клинок, король вздрогнул и натянул поводья.

Скафлок рассмеялся:

— Ты угадал, судьба нашла тебя. Всех вас поглотит мрак, мерзкие твари!

— Не одни лишь тролли виновны в том, что в мире царит зло, — тихо возразил Иллреде. — Сдается мне, твое злодеяние не сравнить с моими. Ты выковал заново проклятый меч, на что не решился бы никто из троллей.

— Не посмел бы! — усмехнулся Скафлок.

Иллреде сражался мужественно. Его топор нанес рану етунхеймскому коню; тот поднялся на дыбы, Скафлок вцепился ему в гриву. И тут Иллреде ударил снова.

Человек подставил щит, но удар был столь силен, что тот разлетелся вдребезги. Скафлок покачулся. Топор обрушился на шлем юноши, и у Скафлога все поплыло перед глазами.

Иллреде замахнулся для нового удара. Скафлок попытался шевельнуть рукой, которой сжимал меч. Послышался лязг металла, и топор развалился на куски. Скафлок помотал головой, чтобы она прояснилась, засмеялся и отрубил Иллреде левую руку.

Король троллей обмяк в седле. В следующий миг и правая его рука упала на землю.

— Не пристало воину мучить беспомощного врага, — прошептал Иллреде. — Ты повинешься воле клинка.

Скафлок убил его.

Троллями овладел великий страх, и они бросились врассыпную. Эльфы устремились в погоню. Во главе их, как и прежде, скакал король, но недруги бежали не от него, а от Скафлога, оружие которого сеяло повсюду смерть.

Лишь немногим троллям удалось спастись.

Король эльфов оглядел поле битвы. У стен эльфийской твердыни громоздились горы трупов. Холодный предрассветный ветерок трепал седые волосы короля и гриву его коня. Усталый, мрачный, окровавленный, к королю подъехал Скафлок.

— Мы одержали славную победу, — проговорил старец, — но тролли покорили чуть ли не весь Атьвхейм.

— Недолго им осталось торжествовать, — ответил юноша. — Под твои знамена соберутся все те, кто прячется нынче в холмах и лесах.

Мой меч поможет нам. К тому же, — прибавил он, — вот этот штандарт вряд ли вдохновит троллей на битву.

Король увидел копьё, на наконечник которого насажена была голова Иллреде. Губы мертвеца кривились в усмешке.

— Ты переменился, Скафлок, — сказал негромко владыка эльфов. — Сердце твое ожесточилось. Но да будет так, как ты желаешь

Глава 24

На рассвете зимнего дня Фреда добрела до подворья Торкеля Эрлендссона.

Сам хозяин только-только проснулся и выглянул наружу — узнать, какая погода. Он не поверил собственным глазам, узрев плетущуюся по двору девушку в ярких доспехах и одежде чужеземного покроя.

Он потянулся было за копьём, что стояло у двери, но, присмотревшись, различил знакомые черты. Это же Фреда Ормсдоттер!

Торкель провёл девушку в дом и поручил ее заботам своей жены Аасы.

— Как ты исхудала, бедняжка, — проговорила та. — Хорошо, что вернулась.

Фреда раскрыла было рот, но не смогла выдать из себя ни слова.

— Бедняжка, — повторила Ааса, — совсем измучилась. Пойдем, я отведу тебя в постель.

Тут появился Аудун, второй по старшинству сын Торкеля после погибшего Эрленда.

— Ну и холодина! — воскликнул он и застыл, глядя на Фреду — Кто это?

— Фреда Ормсдоттер, — ответил Торкель.

Аудун подошел к девушке.

— Я рад, что ты возвратилась, — сказал он, обнял ее за плечи и хотел поцеловать, но вдруг ощутил сердцем терзавшую ее тоску и отступил на шаг. — Что случилось?

— Ничего, — отозвалась Ааса. — Не приставай к ней! И вообще, ступайте отсюда, не мешайте мне.

Фреда послушно улеглась в постель, но сон к ней не шел. Ааса заставила девушку поест, потом села рядом и принялась утешать ее, как мать утешает младенца. Фреда заплакала, горько и тихо. Ааса дала ей выплакаться. Вскоре девушка заснула.

Когда позднее Торкель предложил ей остаться и пожить какое-то время у них, она согласилась. Хотя оправилась она быстро, прежнего веселья в ней уже не было.

Торкель спросил ее как-то, что с ней стряслось. Она побелела лицом, и он торопливо прибавил:

— Если не хочешь говорить, не надо. Я тебя не принуждаю.

— Мне нечего скрывать, — прошептала она еле слышно. — Вальгард собирался подарить нас с Асгерд языческому королю на востоке, к которому он думал поступить на службу. Но только он высадился, на него напал... другой викинг... Асгерд убили, Вальгард бежал, а

меня викинг забрал себе. Однако он отправился... туда, куда мне дороги нет... меня высадили на побережье, у кургана моего отца.

— У тебя диковинные доспехи.

— Их дал мне викинг. Он добыл их в одном из своих походов. Я часто сражалась рядом с ним. Для язычника он был хорошим человеком, — Фреда поглядела на горевший в очаге огонь. — Да, он был лучшим из мужчин, самым храбрым и самым добрым.

Губы ее скривились.

— А почему нет? Он происходил из славного рода.

Она поднялась со скамьи и вышла из горницы. Торкель задумчиво подергал себя за бороду.

— Не все она поведала, не все, — пробормотал он, — но остальное мы вряд ли услышим.

Даже священнику на исповеди Фреда рассказала ту же историю.

Выйдя из церкви, она взобралась на высокий холм.

День выдался ясным и не слишком холодным. Весна приближалась, но снежное покрывало еще укутывало землю. В голубом небе не было ни единого облачка.

— Я совершила смертный грех, утаив, с кем возлежала, — промолвила Фреда. — Я приняла этот крест и буду нести его до могилы. Отец Всемогущий, Ты знаешь все. Я прошу Тебя о милосердии. Покарай меня, но пощади его, — она покраснела. — Я ношу под сердцем то, что всегда угодно было Пресвятой Деве. Да не коснется его Божья кара! Отец, Мать, Сын, накажите меня, но пощадите невинное дитя!

После разговора с Небесами ей стало легче. На щеках девушки заалел морозный румянец, волосы ее отливали золотым в солнечном свете, серые глаза ярко блестели. Она улыбалась, когда ей навстречу попался Аудун Торкельссон.

Высокий и крепкий, годами он был лишь немногим старше Фреды, пахал землю и умел обращаться с оружием. Светлые кудри обрамляли его пригожее лицо.

Он подбежал к девушке.

— Я... я искал тебя, Фреда...

— Зачем? Я кому-то нужна?

— Нет, просто... ну, я хотел поговорить с тобой...

Она молча ждала продолжения. Искоса поглядев на нее, Аудун спросил с запинкой:

— Что ты намерена делать?

Радость исчезла без следа. Фреда посмотрела на небо, потом огляделась по сторонам. Моря отсюда видно не было, но ветер доносил с берега зычный голос прибоя.

— Не знаю, — ответила она. — У меня никого нет...

— Есть! — пылко возразил он, но тут же смутился и до самого дома уже не размыкал уст.

Миновала зима, наступила весна, а Фреда по-прежнему жила у Торкеля. Никто не попрекал ее тем, что она вынашивает незаконного ребенка; и то сказать, разве удивительно, что она забеременела,

после всего, что с ней случилось? Слабости по утрам она почти не испытывала, благодаря то ли природной крепости, то ли пребыванию среди эльфов, а потому трудилась наравне со всеми. Покончив с работой, она уходила гулять, и Аудун частенько бывал ее спутником в этих прогулках. Ааса была довольна: ей было теперь с кем поболтать. Впрочем, Фреда предпочитала отмалчиваться и сама никаких разговоров не заводила.

Поначалу она сильно страдала — не столько из-за совершенного греха или из-за гибели родных, сколько из-за Скафлока.

Ни знака, ни слова с тех пор, как они расстались у кургана Орма! Он покинул ее, отправился едва ли не в преисподнюю за тем, что погубит его. Где он сейчас? Жив ли он еще или воронье выклевало глаза, в которые она так любила глядеть? Рвется ли он к смерти, как рвался когда-то к Фреде? Или позабыл то, что должен был помнить, и нашел утешение в объятиях Лии? Нет, этого не может быть, никогда!

Жив ли он? Где он? Каково ему?

Порой он приходил к ней во сне, и тогда сердце ее отчаянно колотилось; он смеялся, шептал ей на ухо висы, клал руки на плечи... Она просыпалась и долго потом лежала с открытыми глазами.

Фреда изменилась. Жизнь людей казалась ей скучной после того, как она побывала при пышном дворе Имрика, после тех безумно счастливых дней, что они со Скафлоком провели в пещере у моря. Священника она видела редко, ибо Торкель вовсе не был ревностным христианином и крестился, лишь чтобы соседи не отвернулись от него. Господа она почитала, но церковь ей вскоре опостылела. Фреде было тесно в четырех стенах. Она стремилась на волю.

Иногда девушка не выдерживала, вставала среди ночи, брала из конюшни лошадь и мчалась на север. Колдовское зрение помогало ей различить то спешащего куда-то гнома, то сову, что на деле была отнюдь не совой, то проплывавшую у берега черную ладью. Но те, кого она осмеливалась окликать, бежали от нее, а потому ей никак не удавалось узнать, устоял ли Альвхейм или пал под натиском троллей.

Этот таинственный, призрачный мир был миром Скафлока, а когда-то, в незапамятном прошлом — Скафлока и ее.

Она запрещала себе чересчур много размышлять. Ее молодое и крепкое тело тяжелело с каждым днем. Она испытывала чувства, схожие с теми, какие заставляют птиц возвращаться по весне в родные края. Увидев свое отражение в озерце, она поняла, что превратилась в женщину — стройную, полногрудую, крутобедрую. Она потихоньку становилась матерью.

Если бы только он... Нет, нет, нельзя... Но я люблю его, я так его люблю!

На землю пролились первые дожди, зазеленели луга и деревья, вернулись птицы. Однажды Фреда заметила двух аистов, что кружили над тем местом, где стояло подворье Орма. Она заплакала; слезы ее были тихими и светлыми, как дождик в конце весны.

Она ощущала, как растет в ее чреве дитя, и радовалась тому, что она снова может на что-то надеяться.

Зацвели яблони. Фреда вышла как-то под вечер из дома. В облаках и в ночных тенях, в рассвете и в закате — всюду ей виделся Скафлок. Ветер говорил его голосом, море смеялось его смехом. Рассеянно ловя лепестки яблоневого цвета, она думала о том, что, сколько бы ни ярилась зима, под сердцем у нее — вечное лето, которое всегда будет напоминать ей о Скафлоке.

Торкель готовился к походу на восток. Он собирался поторговать, а если подвернется случай, то и пограбить. Аудун, однако, день ото дня делался все печальнее и наконец сказал отцу:

— Я не могу плыть с тобой.

— Что? — изумился Торкель. — Ты отказываешься? Или я ослышался?

— Я... Кому-то нужно остаться.

— А работники на что?

— У Орма работников тоже хватало, — пробормотал Аудун.

— Наше хозяйство Ормову и в подметки не годится. И потом, мы же договорились с соседями весь год выставять дозорных. — Торкель пристально поглядел на сына: — Что гнетет тебя, паренек? Или ты боишься?

— Знаешь ведь, что нет! — вспыхнул Аудун. — Пускай мне не доводилось еще проливать крови, я убью того, кто назовет меня трусом! Я просто не хочу.

Торкель кивнул:

— Значит, из-за Фреды. Что ж, оно к тому шло. Но у нее нет родни.

— Ну и что? Ей принадлежат земли ее отца. А денег я добуду, следующим летом.

— Ты не забыл про ребенка, которого она вынашивает, от того бродяги, по ком она до сих пор вздыхает?

Аудун сердито устался себе под ноги.

— Ну и что? — повторил он. — Она ни в чем не виновата. А ребенка я с радостью буду качать на колене. Ей надо помочь, иначе она изведется от тоски по тому, кто походя соблазнил ее. Только попадись он мне, ты увидишь, боюсь ли я обнажить меч!

— Ну, — Торкель пожал плечами. — Не буду тебя неволить. Оставайся, коли решил.

Помолчав, он прибавил:

— Ты прав, негоже бросаться такими землями. Из нее получится жена, она родит тебе много сыновей.

Он улыбнулся, хотя взгляд его выражал беспокойство:

— Ступай добивайся ее руки. Надеюсь, тебе повезет больше, чем Эрленду.

Засевя поля зерном, Торкель отправился в поход. Он взял с собой остальных своих сыновей и других молодцов. Они рассчитывали вернуться поздней осенью или даже в начале зимы, ибо хотели

достичь дальнего берега Северного моря. Аудун с завистью проводил глазами корабли, но когда заметил, что рядом с ним стоит Фреда, то почувствовал себя вполне вознагражденным.

— Ты вправду остался, чтобы присмотреть за сбором урожая? — спросила девушка.

Он покраснел до ушей, но ответил:

— Сдается мне, ты знаешь почему.

Она отвернулась.

На смену весне пришло лето. Теплые ветры, грозы, песни птиц, серебристые рыбы в реках, цветы, светлые ночи... Все чаще шевелился во чреве Фреды ребенок, и все реже покидал девушку Аудун. Порой она прогоняла его, он подчинялся, но лицо его было таким грустным, что она всякий раз раскаивалась в своем поступке.

К словам его она едва прислушивалась, зато с наслаждением вдыхала аромат цветов, которые он собирал для нее, а он улыбался, робкий словно щенок. Если они поженятся, он всегда будет глядеть ей в рот. Он не Скафлок, он только Аудун. Где же ты, любимый?!

Однако постепенно память о Скафлоке стала похожей на воспоминания о минувшем лете. Она согревала Фреду сердце, она разгоняла тоску, будто ветер тучи. Но горевать без конца означало бы проявить слабость.

Аудун ей нравился. Он сумеет защитить дитя Скафлока.

Как-то вечером они вышли на берег моря. Вода неумолчно рокотала у их ног, а за спиной разливался в небе ало-золотистый закат. Взяв девушку за руки, Аудун проговорил с твердостью в голосе, которой недавно научился:

— Ты знаешь, Фреда, что я люблю тебя, любил еще тогда, когда ты жила под своим кровом. За последние дни я пытался добиться от тебя ответа, но ты отмалчивалась. Я прошу твоей руки, Фреда, прошу в последний раз и, если ты мне откажешь, перестану донимать тебя. Ты согласна?

Она взглянула ему в глаза. Голос ее был тих и ровен:

— Да.

Глава 25

К концу лета в северных землях разбушевалась непогода. Дул сильный ветер, почти непрерывно лил дождь, серую пелену тумана вспарывали голубые острия молний. Тролли большей частью отсиживались в Эльфхьюке: отряды их бездомных врагов сделались слишком многочисленными, чтобы с ними можно было легко справиться. Воины бесцельно бродили по замку, пили, играли, ссорились и снова пили. Самое невинное замечание нередко приводило к поединку. К тому же наложницы-эльфиянки бесстыдно изменяли своим хозяевам, а потому не проходило дня, чтобы тролли не вцеплялись из-за них друг другу в глотки.

Замок полнился слухами. Их передавали шепотом из уст в уста. Иллреде погиб, его голову держат в бочонке с рассолом, чтобы она

не сгнила до решающей битвы. Новый король Гуро терпит поражение за поражением, и войско его разбегается. Эльфов ведет в бой демон на огромном коне, вооруженный клинком из преисподней.

Вендланд пал, уверял один тролль, эльфы не пощадили ни раненых, ни увечных, и поле битвы завалено было трупами троллей, так что можно было перейти его из конца в конец, не ступив на землю.

Эльфы овладели крепостями в Норвегии, Швеции, Гаутланде, Дании, нащептывал другой. Эти древние эльфийские твердыни сдались на милость победителей, а ничего не подозревавших троллей, которые несли там службу, предали мечу. Враги захватили флот, что стоял в ютландской бухте, и совершили на кораблях троллей набег на Тролльхейм.

Союзникам и наемникам уже нельзя было доверять. Шены в Гардарики перебили всех своих командиров. Восставшие гоблины сожгли в Тролльхейме три — нет, пять — нет, дюжину поселений.

Эльфы продвигаются по Валланду, а тролли пятятся перед ними... Потом пришло известие о резне на побережье, у кромлехов и менгиров* Древнего Народа. И во всех рассказах упоминался грозный всадник на черном жеребце и его колдовской клинок, который рассекал доспехи как холстину.

Вальгард, похудевший и помрачневший, попытался поднять боевой дух.

— Вы что, не знаете, как переменчива удача? Она вот-вот отвернется от эльфов.

Но тролли его не слушали. Все меньше и меньше ладей приплыло с другого берега пролива и из восточных морей, а вести, какие они привозили, становились раз от раза все хуже. Вальгард в конце концов запретил своим воинам общаться с моряками. Уцелевшие английские эльфы, которыми предводительствовали Флам и Огненное Копье, осмелели настолько, что нападали даже на крупные отряды. Ирландские сиды, по слухам, всюю готовились к войне. Троллям было страшно; чтобы заглушить страх, они пили, а напившись, ссорились, подзуживаемые вероломными эльфийнками.

Вальгард рыскал по замку, то поднимаясь на башни, где гнездились соколы и клушицы, то спускаясь в подземелье, где шныряли пауки и лягушки, бранился, вздорил с воинами, убивал их в приступах гнева. Он чувствовал себя в ловушке, он проклинал призрачно-голубые стены Эльфхьюка, Альвхейм вместе с его королем, он клял тот час, когда появился на свет.

Выступать из замка не имело смысла. Эльфы предпочитали действовать исподтишка. Тролли гибли по-разному: кого сражало брошенное невидимой рукой копье, у кого затягивалась на горле удавка, кто проваливался вместе с конем в кишашую змеями яму. Да что там говорить! И за пиршественным столом могло случиться всякое — сколько уже троллей отравилось насмерть!

* Разновидности мегалитов, или сооружений из больших камней.

Эльфы были хитры и терпеливы, они долго выжидали, а потом разили наверняка. Тролли бессильны были понять их и мало-помалу начали трепетать перед теми, кого считали побежденными.

Кто же и кого победил, подумалось Вальгарду Похоже, Альвхейм оказался крепким орешком.

Берсерк просиживал дни напролет на троне Имрика, осушая кубок за кубком эльфийского хмельного вина. Лия постоянно подливала ему. Он молча напивался и засыпал на мозаичном полу.

Зачастую, впрочем, он, пошатываясь, пробирался к выходу из залы меж расprostертых в лужах вина и блевотины тел, снимал со стены факел и сходил по каменной лестнице в подземелье, а там отпирал дрожащей рукой дверь одной из темниц.

Рдяные уголья освещали белое, все в рубцах и кровоподтеках тело Имрика. Приставленный к князю эльфов бес не давал углям остыть. Пленник висел, подвешенный за большие пальцы рук, томимый голодом и жаждой. Живот его ввалился, язык почернел, но он был эльфом, а значит, так просто умереть не мог.

Его раскосые, подернутые дымкой голубые глаза словно пронзали Вальгарда, и по спине подменыша бежал неприятный холодок.

В этот раз, чтобы показать, что ему не страшно, берсерк усмехнулся.

— Догадайся, зачем я пришел, — проговорил он, покачиваясь.

Имрик безмолвствовал. Вальгард ударил князя по лицу. Бес испуганно шарахнулся в сторону, оскалив сверкающие клыки.

— Ты знаешь, знаешь, — ухмыльнулся Вальгард. — Я приходил раньше и приду опять.

Сорвав с вбитого в стену крюка кнут, берсерк облизал губы.

— Я ненавижу тебя, — выдохнул он, глядя в глаза Имрику. — Я ненавижу тебя за то, что ты породил меня, за то, что ты лишил меня принадлежащего мне по праву, за то, что мне никогда не стать таким, как ты, проклятый эльф! Я ненавижу тебя за твои злодеяния, за то, что твоего пасынка нет поблизости. Получай же за него!

Он поднял кнут. Бес забился в угол. Имрик не издал ни звука и не пошевелился.

Когда рука Вальгарда устала, он переложил кнут в другую. Когда же заболела и та, он сплюнул и ушел.

Хмель выветрился, оставив после себя головную боль. Проходя мимо окна, Вальгард услышал шум дождя.

Ненавистное лето, которого он так ждал, думая вдоволь нагуляться по зеленым долинам и по берегам говорливых речек, и которое прошло в стычках с эльфами и в отсиживании за крепостными стенами, близилось к концу. Судя по всему, наступал конец и Тролльхейму. Из Валланда не было никаких вестей.

Прекратится когда-нибудь этот дождь? Вальгард зябко поежился. Ослепительно сверкнула молния, раскатисто громыхнул гром.

Спотыкаясь, берсерк поднялся по лестнице в свои покои. У дверей спал мертвецким сном стражник. Пьяницы, буяны, головорезы! Кому. ну кому из них можно излить, что накопилось на сердце?!

Вальгард вошел в спальню. Лия, лежавшая перед его приходом на кушетке, села. Хотя ей я могу доверять, подумал он тупо, она не ублажает всех подряд и знает, как успокоить меня.

Снова полыхнула молния, басовито прогремел гром. Ветер с воем швырнул в окно дождевые капли. Шпалеры на стенах заколыхались, огоньки свечей мигнули.

Вальгард тяжело опустился на край ложа. Лия обвила руками его шею. Взгляд ее был холодным, как лунный свет, улыбка очаровывала, но не согревала.

— Где ты был, господин? — спросила она своим сладкозвучным голосом.

— Где обычно, — отозвался он. — Почему ты никогда не пыталась отговорить меня?

— Сильные вольны поступать со слабыми, как им вздумается, — она просунула ладонь ему под одежду и обольстительно улыбнулась, но он словно не заметил.

— Да, — пробормотал он сквозь зубы, — это правило годится для сильного. Но тролли бегут, Скафлок — он, он и никто другой — гонит их к морю своим смертоносным клинком. Выходит, он сильный?

Вальгард утрюмо уставился на эльфийнку.

— Чего я никак не постигну, — проговорил он, — так это падения крепостей. Пускай эльфы побеждают в поле, но стены должны были остановить их. Ведь нам, чтобы овладеть некоторыми замками, пришлось положить немало воинов. Другие мы взяли измором, третьи сдались нам, как Эльфхьюк. Всюду хватало и оружия, и припасов, но стоило лишь войску эльфов приблизиться к ним, как они пали друг за другом. — Он покачал давно не чесанной головой. — Почему?

— Эльфхьюк не падет! — крикнул он, тряся Лию за плечи. — Слышишь? Я буду защищать его, даже если на меня ополчатся сами боги! Ха! Я стосковался по битве; только схватка способна развеселить меня и моих воинов. Мы расправимся с ними, мы разобьем их в пух и прах, а голову Скафлока я насажу на пику и выставлю над стеной!

— Да, господин, — промурлыкала Лия, загадочно улыбаясь.

— Я силен, — прорычал он. — Когда я был викингом, то ломал людям шеи голыми руками. Я не ведаю страха, и в бою мне нет равных! Много я одержал побед и много еще одержу!

Внезапно он ссутулился и уронил голову на грудь.

— Что с того? — прошептал он. — Почему я такой? Потому что так захотел Имрик. Он дал мне обличье Ормова сына. Потому я и появился на свет, и все во мне от Скафлока.

Он вскочил, глядя перед собой невидящим взглядом, и воскликнул:

— Я всего лишь тень Скафлока!

Сверкнула голубая молния, грохот грома сотряс замок. Ветер взвыл раненым зверем, умудрился как-то проникнуть внутрь и задул свечи.

— Я убью его, — пробормотал Вальгард, раскачиваясь взад и вперед. — Я утоплю его в море. Я убью Имрика, Фреду и тебя, Лия,

убью всех, кому известно, что я — нежить, призрак живого человека... Холодны, холодны мои руки...

Гулкие раскаты грома перемежались вспышками молний.

— Давай, Тор, давай! — крикнул Вальгард. — Стучи, пока стучится! Мои холодные руки обрушат чертоги богов! Я растопчу мир! Я нашла на него бури, мрак и ледники с севера, и пепел будет засыпать мои следы! Я Смерть!

В дверь заскреблись. Вальгард заревел по-звериному и распахнул ее. Пальцы берсерка стиснули горло мокрого, изможденного тролля, что стоял на пороге.

— С тебя-то я и начну, — прошипел Вальгард. На губах его выступила пена. Троль дернулся — и обмяк.

Когда он, мертвый, рухнул на пол, бешенство оставило Вальгарда. Дрожа как в лихорадке, подменюш прислонился к дверному косяку.

— Зачем? — прошептал он.

— Быть может, он был не один, — проговорила Лия, вышла на лестницу и позвала: — Эй, там! Ярл хочет видеть кого-нибудь из тех, кто прибыл в замок этой ночью!

У подножия лестницы показался тролль с рассеченной щекой, такой же усталый на вид, как и его погибший товарищ.

— Нас было пятнадцать, — пробормотал он, — а вернулись только мы с Хру.

— Какие вести? — рявкнул Вальгард.

— Эльфы высадились в Англии, господин. А еще мы слышали, что ирландские сиды в Шотланде и возглавляет их сам Лут Длинная Рука.

Вальгард кивнул.

Глава 26

Скафлок и его воины высадились на английском побережье в ночь, когда на море бушевал шторм. Король эльфов остался на другой стороне пролива, чтобы покончить с немногими уцелевшими троллями. Он предостерег Скафлока от излишней самонадеянности и сказал, что, если троллям удастся отстоять Англию, материковый Альвхейм по-прежнему будет в опасности.

Скафлок пожал плечами.

— Мой клинок принесет нам победу, — ответил он.

Окинув юношу испытующим взглядом, король проговорил:

— Будь с ним осторожен. До сих пор он служил нам верой и правдой, но он коварен и рано или поздно обратится против того, кто им владеет, быть может, в тот самый миг, когда потребуются его помощь.

Скафлок пропустил слова короля мимо ушей. Не то чтобы он рвался — в конце концов, ему предстояло много дел, — но и не собирался бегать от смерти, а потому вовсе не стремился избавиться от меча. Тот поил его силой, обострял зрение и слух и все прочие чувства; выезжая с ним на битву, Скафлок не испытывал уже тоски и в мыслях его не было разброда. Он ощущал себя богом; свирепая

радость, что наполняла его сердце, чем-то отдаленно напоминала ту, которую он познал вдвоем с Фредой.

Поход готовился долго. Лучшие воины со всего Альвхейма собирались на берегах укромных бретанских бухт, где ожидали их быстрые ладьи. Скафлок переправил восточку вождям английских эльфов, извещая их о своем замысле, а потом, в бурную осеннюю ночь, велел заводить на корабли лошадей и трогаться в путь.

Проливной дождь переходил временами в мокрый снег. Молнии вспарывали черный покров небес своими мертвенно-бледными жалами, яростно грохотал гром, пенные валы накатывались чередой с запада и с ревом набрасывались на прибрежные скалы. В такую погоду даже эльфы не осмелились поднять паруса. Они гребли; брызги летели им в лица, мокрая одежда прилипала к телу. По веслам и по драконьим головам на носках ладей ползали голубые огоньки.

Наконец из темноты проступили знакомые очертания меловых холмов, послышался неумолчный рокот прибоя. Ветер так и норовил швырнуть корабли на рифы или притиснуть их друг к другу. Скафлок усмехнулся и сказал громко:

*Дочерей
хозяйки моря
холодны, увы,
лобзанья.
Ласки их
влекут в пучину,
ледяны
уста девичьи.*

Он различил впереди заветный мыс, и на какое-то мгновение его охватила печаль. Он сказал:

*Возвратился Скафлок
из далеких странствий,
и во мраке берег
уж родимый виден.
Мигом мимолетным
минула разлука.
С милой повстречаться
суждено ли мне?*

Едва ладьи обогнули мыс, ветер стих. Эльфы подвели корабли к мелководу, попрыгали за борт и принялись поспешно вооружаться.

Один кормчий проговорил, обращаясь к Скафлоку:

— Надо бы решить, кто останется охранять ладьи.

— Никто, — отозвался юноша.

— Что? А если тролли сожгут их? Нам тогда некуда будет отступить!

Скафлок огляделся по сторонам.

— Я, — сказал он, — отступать не намерен. Я не покину Англию, пока не покончу с троллями.

Эльфы взирали на него с благоговейным трепетом. Высокий, в железных доспехах, с колдовским клинком на поясе, он казался демоном, а не смертным. В студеной глубине его голубых глаз мерцали зеленые искорки. Воины считали его обреченным.

Он вскочил в седло и крикнул, перекрывая шум прибора:

— Трубите в луры! Охота нынче будет знатной!

Эльфы двинулись в глубь суши. Конники составляли около трети всего войска, остальные же рассчитывали вскоре добыть себе лошадей. Подобно франкам и норманнам, эльфы предпочитали сражаться на конях.

Дождь и не думал прекращаться, скорее наоборот. Пронизывающий ветер предвещал приближение зимних холодов.

Вдалеке хрипло заревели боевые рога троллей. Эльфы заулыбались, дружно взмахнули клинками. Лязгнули щиты, и снова запели луры.

Скафлок был мрачен, он устал от почти непрерывных сражений, самая мысль о схватке была ему отвратительна. Впрочем, он знал, что стоит ему только обнажить меч, как все сразу переменится, и потому жаждал битвы.

На склоне холма показались тролли. Они явились из ближайшего замка — должно быть, из Альвархоя. На первый взгляд их было меньше, нежели эльфов, зато добрая половина вражеских воинов была верхом. За спиной Скафлока кто-то воскликнул весело:

— Какие они заботливые, даже лошадей нам привели!

Однако не все были столь легкомысленны. Эльф, что скакал по правую руку от Скафлока, покачал головой.

— Нас больше, но ненамного, — сказал он. — Еще неизвестно, кому повезет.

— Им нас не одолеть, — проговорил Скафлок, — но лучше было бы обойтись малой кровью, не то следующий бой может стать для нас последним. — Он нахмурился. — Где же английские эльфы, разрази их гром?! Они должны были выйти нам навстречу. Или моих гонцов перехватили?..

Под хриплые звуки рогов тролли устремились на эльфов. Скафлок обнажил меч и крутнул им над головой. Тот ослепительно засиял в призрачном свете молнии.

— Вперед! — Скафлок прищипорил своего етунхеймского жеребца, ощущая, как воспламеняется кровь в жилах.

В грозное небо взмыли стрелы и копья. Сильный порыв ветра отнес их в сторону, и они не причинили никому из противников особого вреда.

Войска сошлись в рукопашной. Скафлок, приподнявшись в стремени, зарубил одного тролля, отразил топор другого и отсек ему голову. В щит его воткнулась пика. Он перерубил ее древко пополам, а конь затоптал обезоруженного копейщика в грязь.

Клинок и топор! Звон, лязг, скрежет! Раздробленные щиты, расчеченная плоть, горы трупов, погребальный танец молний.

Скафлок не ведал пощады. Его могучие удары крушили доспехи и черепа. Враги, как ни старались, бессильны были поразить воина. Его клинок пел песню смерти. Сопровождаемый эльфами, Скафлок прорвался сквозь ряды троллей и напал на них сзади.

Тролли сражались доблестно. Увидев опасность, они перестроились в кольца. Оттуда полетели стрелы; лошади эльфов гибли под копьями, а их всадники — под топорами и палицами. Где же, ну где же подмога?

И тут в ночи протрубил рог! Послышался боевой клич эльфов, и Скафлок облегченно вздохнул:

— Хей, Альвхейм!

Во главе отряда скакал Огненное Копье. По шлему его ручейками сбегала вода, а с наконечника пики капала кровь. Рядом с ним, грозно воздев окровавленный топор, мчался Флам Оркнейский. Дальше виднелись другие вожди эльфов, словно восставшие из родной земли, чтобы очистить ее от захватчиков.

Теперь битва превратилась в резню. Тролли полегли все до единого. Их тела устилали склон холма от вершины до подножия.

Скафлок разговорился с Фламом и Огненным Копьем.

— Мы спешили, как могли, — сказал Огненное Копье, — но нам пришлось задержаться в Рунхилле: ворота замка были открыты, и мы быстро прикончили тамошних троллей. Женщины не подвели. Сдается мне, Альвархой тоже в наших руках, тем более что эта падаль вся оттуда.

— Хорошо, — вложив клинок в ножны, Скафлок почувствовал, что на него вновь наваливается усталость. Небо понемногу светлело, но дождь лил с прежней силой.

— Сиды Эрина присоединились к нам, — сообщил Флам. — Луг высадили в Скотланде, а Мананнан изгоняет троллей с северных островов.

— Что ж, он сдержал слово, — слабо усмехнулся Скафлок. — Мананнан — истинный друг. Лишь ему одному среди богов могу я доверять.

— Он такой потому, что его лишили бывшего могущества, — пробормотал Огненное Копье. — Нет, с богами связываться не след... а с великанами и подавно.

— Поторопимся, чтобы успеть до рассвета, — сказал Флам. — Нынче мы будем спать в Альвархое. Признаться, я уже позабыл, каковы объятия эльфянок!

Скафлок состроил гримасу, но промолчал.

Осень в том году началась рано, однако выдалась на удивление долгой и погожей. Казалось, будто земля приветствует наконец-то возвратившихся эльфов. Некоторые из них вернулись в нее навсегда, и клены оплакивали их, шурша багряной листвой. Другие деревья оделись в золото и бронзу. Многоцветный узорчатый покров простирался окрест, насколько хватал глаз. По стволам и ветвям сновали, запасаясь на зиму, белки; олени сбрасывали рога; из поднебесья доносились печальные крики улетавших на юг диких

гусей. По ночам на небе во множестве высыпали звезды, такие яркие, что чудилось — они совсем близко, протяни руки и достанешь.

Эльфы торжествовали победу. Враги повсюду отступали, оставляя высокие замки. Король присылал с материка ладьи с провиантом, и воинам не приходилось уже затягивать пояса. А вот тролли голодали: с юга, запада и востока на них напирали эльфы, а на севере бесчинствовал Мананнан. Дошло до того, что кое-кто из эльфов начал ворчать и жаловаться: мол, не с кем стало сражаться.

Скафлок, впрочем, не обольшался. Он догадывался о замысле Вальгарда: собрать уцелевших троллей в Эльфхьюке и стоять до последнего. Он не сомневался, что замок в конце концов падет, но битва обещала быть жаркой.

Ему хотелось избежать ненужных потерь, он прикидывал так и этак, но не мог прийти ни к какому решению, ибо мысли его постоянно отвлекались на другое.

Если раньше он находил забвение в схватках, то теперь, когда меч оставался в ножнах дни и недели напролет, ему некуда было деться от горьких воспоминаний. Он надеялся, что сердечная рана исцелилась сама собой, однако быстро осознал тщетность своих упований. Он подолгу лежал с открытыми глазами, а когда все же засыпал, то и сон не приносил желанного покоя.

На дворе была осень, а в душе Скафлока снова наступала зима. Он сторонился товарищей, ходил поникший и угрюмый. Но однажды его разыскал Огненное Копье, которому он рассказал о том, что случилось с его подругой, не больше, чем всем остальным. Эльф сказал:

— Слушай, Скафлок, в сумерках я проезжал мимо одного по дворя и увидел там девушку, похожую на Фреду Ормсдоттер. Она была в тягости, и мне показалось, что тяготит ее не только ребенок.

Скафлок пустил жеребца легкой рысью. Под копытами коня шуршала палая листва. Те листья, что оставались еще на деревьях, дрожали под порывами холодного ветра. Со всех сторон юношу обступал приснопамятный лес.

Длинные волосы Скафлока выбивались из-под шлема и струились по плечам. Он сидел в седле прямо и гордо, лицо его ничего не выражало, но сердце бешено колотилось в груди, кровь стучала в висках, руки были влажными, а губы — сухими.

Конь вброд пересек ручей, и Скафлок колдовским зрением разглядел плывущие по течению крохотными корабликами пожухлые листья. Он слышал уханье совы и скрип деревьев, но в ушах его звенела странная тишина.

Фреда, Фреда, неужели ты так близко?

Когда Скафлок въехал на двор Торкеля Эрлендссона, в небе уже засверкали звезды. Он произнес слово, и собаки, поскуливая, попрятались в темноту. Под дверью дома виднелась тоненькая полоска света.

Скафлок спешил. Колени его подгибались. Стиснув зубы, принудил он себя подойти к двери. Та была заперта на засов. Он отступил на шаг и прошептал отпирательное заклинание.

Торкель был зажиточным человеком, но никак не вождем, поэтому горница в его доме была не слишком просторной, и кроме гостей в ней никто не спал. Фреда, как обычно, допоздна засиделась у огня. Аудун приблизился к ней сзади и обнял за плечи. Глаза его светились ярче, нежели догорающее в очаге пламя.

— Не могу заснуть, — сказал он. — Зато все остальные спят, так что подсматривать за нами некому.

Он присел на скамью, залюбовался на рыжевато-золотистые волосы Фреды. Она прибирала их, но не покрывала, как полагается замужней женщине.

— Не верится, — прошептал он, — не верится, и все. Скорее бы возвращался отец!

Фреда улыбнулась.

— Сперва я, наверно, рожу и даже успею оправиться, — она серьезнела. — Ты и вправду не держишь зла на меня — или на него?

— Да что ты! — воскликнул Аудун. — Сколько раз мне повторять одно и то же? Это твоё дитя, твоё, а значит, и моё.

Он прижал ее к себе.

Засов выскочил из гнезда, дверь распахнулась, и в горницу ворвался ночной ветер. Фреда различила на пороге высокую фигуру. Голос не повиновался ей. Она поднялась, попятилась — и уперлась спиной в стену.

— Фреда, — прохрипел Скафлок.

Ей почудилось, будто грудь ее стягивает железный обруч. Она всплеснула руками.

Скафлок переступил порог. Она шагнула ему навстречу.

— Стой! — закричал Аудун. Схватив стоявшее в углу копье, он заслонил Фреду от пришельца.

— Стой! Я... я... Говорю тебе, стой! — пробормотал он. — Кто ты? Что тебе нужно?

Скафлок прищелкнул пальцами и произнес заклинание. Теперь, пока он тут, никто в доме не проснется. Он сделал это мимоходом, — так человек отмахивается от мухи.

— Фреда, — проговорил он снова.

— Кто ты? — Голос Аудуна сорвался. — Что тебе нужно?

Заметив, как они глядят друг на друга, он весь съежился и заскулил, словно побитый пес.

Скафлок отстранил его.

— Фреда, — прошептал он, — любимая, пойдем со мной.

Она помотала головой и не сдвинулась с места.

— Я был в Етунхейме. Я вернулся, думая, что время и война помогут мне забыть тебя. Глупец. Что нам клинки, законы и боги с их Девятью Мирами? Пойдем со мной, Фреда.

Она склонила голову. Лицо ее исказилось, беззвучные рыдания сотрясли тело, и слезы потекли по щекам.

— Ты причинил ей боль! — воскликнул Аудун.

Он замахнулся копьем. Острие скользнуло по кольчуге и оставило царапину на скуле князя эльфов. Скафлок зарычал и потянулся за клинком.

Аудун ударил вновь. Скафлок проворно отпрыгнул. Меч с шипением выполз из ножен. Перерубив копье пополам, Скафлок выдохнул:

— Прочь с дороги!

— Не тронь мою невесту! — Аудун был вне себя от ярости и страха; страшила его не смерть, но то, что он увидел в глазах Фреды.

Он выхватил кинжал и кинулся на Скафлога.

Меч со свистом взметнулся к потолку и обрушился на Аудуна. Тот упал, откатился к стене и затих.

Скафлок уставился на окровавленное лезвие.

— Я не хотел этого, — прошептал он. — Я забыл, что он вечно просит пить...

Он обернулся к Фреде. Девушка отшатнулась.

— Я не хотел этого! — крикнул он. — И что тебе в нем? Пойдем со мной.

Она наконец обрела дар речи:

— Убирайся! Убирайся и не приходи больше!

— Но... — он сделал шаг к ней.

Она подобрала кинжал Аудуна.

— Убирайся, или я заколю тебя.

— Давай, — ответил он. Его слегка покачивало, кровь сбегала по щеке и капала на пол.

— Или убью себя, — продолжила Фреда. — Только попробуй прикоснуться ко мне, душегуб, язычник, лежавший с родной сестрой, точно зверь или эльф, только попробуй, и я наложу на себя руки. Господь, я верю, простит меня.

Скафлок так и взвился.

— Господь! — фыркнул он. — Ну, зови его, зови! Докатилась! Прордалась за похлебку и за крышу над головой! Где же твои клятвы? — Он поднял меч. — Пускай мой сын не родится вовсе, чем достанется вашему богу!

Фреда не пошевелилась.

— Рази, — усмехнулась она, — рази, отважный воин. Мальчишки, женщины, дети в утробе — вот кто, оказывается, твои враги.

Он замер на мгновение, потом, не вытерев лезвия, сунул клинок обратно в ножны. Ярость отхлынула, на смену ей явились горечь и раскаяние.

Ссутулившись, Скафлок спросил тихо:

— Ты отрекаешься от меня? Меч проклят, Фреда. Это не я оскорблял тебя, не я убил паренька. Я люблю тебя, Фреда, я люблю тебя, и мир расцветает, когда ты рядом, и вянет, когда тебя нет. Я прошу тебя, пойдем со мной.

— Нет, — выдохнула она — Уходи. Слышишь? Я не желаю тебя видеть! Уходи.

Он повернулся к двери. Губы его дрожали.

— Однажды ты отказала мне в прощальном поцелуе, — проговорил он. — А теперь?

Фреда опустила на колени у тела Аудуна и поцеловала мертвеца.

— Милый мой, милый, — прошептала она, погладила его по голове и закрыла ему глаза. — Господь забрал тебя, Аудун, забрал тебя к себе.

— Что ж, — сказал Скафлок, — прощай. Лишь раз еще попрошу я тебя о том же. Проживу я, верно, недолго, ну и ладно. Помни, я люблю тебя.

Он вышел и затворил за собой дверь. Чары его развеялись. Лай собак и топот копыт разбудил домочадцев Торкеля. Они сбегались в горницу. Фреда поведала им, что какой-то бродяга пытался украсть ее.

В предрассветной тьме у нее начались схватки. Ребенок был крупным, а потому роды вышли тяжелыми и мучительными.

Опасаясь злодея, что скрылся в ночи, за священником решили не посылать, пока не взойдет солнце. Женщины, чем могли, помогали Фреде. Лицо Аасы было суровым.

— Сперва Эрленд, потом Аудун, — пробормотала она. — Дочери Орма не приносят счастья.

На заре мужчины отправились искать убийцу. Их не было целый день. Вернувшись на закате, они заявили, что не нашли никаких следов и что завтра можно будет послать кого-нибудь в церковь. Тем временем Фреда родила крепкого, голосистого мальчугана. Она лежала в дальней каморке, которую ей отвели, а малыш, прижимаясь, жадно сосал грудь.

Она ласково улыбнулась.

— Какой ты красивый, — прошептала она. Мысли ее еще путались после пребывания в стране теней. — Ты такой розовый, сильный и пригожий! Твой отец будет гордиться тобой.

Светлые слезы потекли из ее глаз.

— Я люблю его, — произнесла она шепотом. — Господи Боже, я люблю его и буду любить всегда. А ты, мальчик мой, ты его и моя кровинка.

Солнце закатилось. Ветер гнал по небу тучи, из-за которых порой выглядывала ущербная луна. Должно быть, к ночи разыграется буря. Затяжная эльфийская осень миновала, близилась зима.

Подворье постепенно затихло. Ветер задул с новой силой. Застонали деревья, забарабанил по крыше град. Фреде не спалось; она слушала вой бури, к которому примешивался грохот прибоя.

Около полуночи она различила в отдалении звук лога. По спине ее пробежали мурашки. Малыш заплакал, и она прижала его к себе.

Звук повторился, уже ближе. Она расслышала собачий лай. Простучали в ночи, сотрясая землю и небосвод, копыта.

Дикая Охота! Фреде стало страшно. Почему никто не просыпается? Ребенок тихонько хныкал.

Рог протрубил снова — во дворе, так громко, что дом зашатался. За дверью в каморку Фреды послышались шаги, щеколда откинулась сама собой, ворвавшийся ветер взвил полу плаща того, кто стоял на пороге.

Хотя было темно, Фреда отчетливо видела его. Ему пришлось нагнуться, чтобы не задеть головой о стропила. Копье с ярко сверкающим наконечником, седые кудри и борода; из-под широкополой шляпы зловеще блеснул один-единственный глаз.

Голос пришельца был гулким, как раскат грома:

— Фреда Ормсдоттер, я пришел за тем, что ты поклялась отдать мне.

— Господин... — она закуталась в одеяло. Если бы Скафлок был здесь... — Господин, мой пояс вон в том сундуке.

Один расхохотался:

— По-твоему, я явился за сонным снадобьем? Припомни-ка наш уговор: ты должна отдать мне то, что было у тебя тогда за поясом. Разве ты не была уже в тягости?

— Нет! — Она спрятала хнычущего младенца за спину. — Нет, нет, нет!

Сорвав со стены распятие, Фреда выставила его перед собой.

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, сгинь!

— Ты поклялась мне, — сказал Один, — и потому твой бог тебе не поможет. Отдай ребенка!

Он забрал у нее мальчика. Фреда сползла на пол и обняла ноги аса.

— Зачем он тебе? — простонала она. — Зачем?

Странник ответил ей так:

— Судьба возвысит его и низвергнет. Распре между асами, етунами и новыми богами пока не видно конца. Тирфинг по-прежнему блистает на шахматной доске мира. Тор сломал его, чтобы он не перерубил корней Иггдрасиля. Я передал его Скафлоку, ибо великан Болверк, который только и мог выковать его заново, не внял бы просьбе ни аса, ни эльфа. Меч нужен, чтобы отогнать троллей, которых тайно поддерживал Утгард-Локи; иначе Альвхейм оказался бы завоеванным приятелями тех, кто враждует с богами. Но Скафлок жаждет истребить всех троллей до последнего, а этого етуны не допустят, они вмешаются в битву, и нам придется выступить против них и навлечь на себя погибель. Поэтому Скафлок должен пасть, а его дитя, которое я забираю, получит однажды клинок и исполнит то, что суждено.

— Скафлок умрет? — прошептала Фреда. — Он?.. О нет, нет!

— Для чего ему жить? — холодно спросил Один. — Если ты последуешь за ним в Эльфхьюк и восстановишь то, что было разрушено у кургана, он с радостью отложит меч. Тогда смерть его будет не нужна. А так он обречен. Клинок убьет его.

Запахнувшись в плащ, Дикий Охотник вышел из каморки. Протрубив в рог, он вскочил на коня и, сопровождаемый яростным лаем, помчался прочь. Вскоре установилась тишина, которую нарушали лишь завывания ветра, рокот прибора да плач Фреды.

Глава 27

Стоя на верху самой высокой башни Эльфхьюка, Вальгард наблюдал, как подтягиваются к замку отряды эльфов. Скрестив руки на груди, он возвышался над троллями неколебимый как скала; лицо его казалось вырезанным из камня, живыми были только глаза. Берсерка окружали уцелевшие вожди. Многие из них были ранены. Усталые, понурые, они со страхом глядели на победоносное войско Альвхейма.

Справа от Вальгарда нежилась в лучах луны, что проникали внутрь сквозь незастекленное окно, прекрасная Лия. Ветер трепал ее длинные серебристые волосы. На губах эльфийнки играла улыбка, глаза напоминали своей голубизной о вешних сумерках.

Эльфы разбивали лагерь. Слышалось бряцанье оружия и доспехов, звонко пели луры, подковы коней цокали по стылой земле. Лунный свет отражался от щитов, наконечников копий и лезвий боевых топоров. Перед шатрами один за другим зажигались костры; между ними призрачными тенями сновали воины.

По холмам раскатился гром. Вдалеке показалась сиявшая словно солнце боевая колесница. Она быстро приближалась, и скоро стали видны острые клинки на ступицах ее колес. Ее влекли четыре громадных белых коня; они встряхивали на бегу своими шелковистыми гривами, пар вырывался из их ноздрей. Взгляды всех приковывал к себе тот, кто стоял с копьём позади возницы. Темные кудри обрамляли суровое, исполненное величия лицо с горящими глазами.

— Лут Длинная Рука, — пробормотал кто-то с запинкой. — Он ведет на нас Туата Де Данаан, он косит нас, как спелую пшеницу. Воронье Скотланда попировало всласть на телах наших сородичей.

Вальгард промолчал.

К стенам Эльфхьюка подскакал Огненное Копье. На плечах его был алый плащ, из-под которого виднелась серебряная кольчуга. Он насмешливо улыбался, пика его, мнилось, вот-вот зацепит и сорвет с неба звезду.

— Это вождь английских эльфов, — произнес тролль рядом с берсерком. — Их стрелы настигают нас всюду. Они возникают из мрака и сеют среди нас ужас и смерть.

Вальгард будто не слышал.

В бухте, на берегу которой чернели остовы сожженных тролльих ладей, покачивались на волнах корабли эльфов.

— Ими командует Флам с Оркнеев, — буркнул третий тролль. — Мананнан Мак Лер потопил все наши суда, кроме одного, что принесло вести о набегах на Тролльхейм.

Вальгард безмолвствовал.

Эльфы принялись устанавливать поблизости от воды шатер раз- мерами больше всех остальных. К ним подъехал воин на огромном черном коне. Он воткнул в землю копьё, на которое насажена была отрубленная голова Иллреде. Мертвец неотрывно глядел на башню.

— Это их предводитель по имени Скафлок Смертный, — голос говорившего сорвался. — Никто не может устоять перед ним. Он гнал нас

на север, как стадо баранов, и убивал, убивал. Его клинок рассекает камень и металл. Сдается мне, он не человек, а демон из преисподней.

Вальгард шевельнулся.

— Я знаю его, — проворчал берсерк. — Он падет от моей руки.

— Господин, ты не справишься с ним. Его меч...

— Заткнись! — Под свирепым взглядом Вальгарда тролли съежились, словно их хлестали кнутом. — Глупцы! Трусы! Тупицы! Если боитесь, ступайте к тому мяснику! Он не пощадит вас, но вы умрете легкой смертью. А я покончу с ним тут, в Эльфхьюке!

Потом он прибавил, уже спокойнее:

— Этот замок — последняя твердыня троллей в Британии. Мы не знаем, почему так вышло, что над всеми другими развеваются эльфийские знамена. Но нам известно, что в нашей крепости, которую еще никому не удалось взять штурмом, собралось множество воинов, и они превосходят числом тех, что толпятся под стенами. Эльфам не поможет ни храбрость, ни колдовство. Они могут уповать лишь на наше малодушие. — Он взмахнул топором, с которым теперь не расставался. — Ночью они станут лагерем. Пусть их! Если завтра они пойдут на приступ, мы отразим их натиск и погоним. Если же они замыслили осаду, то мы сами нападём на них, оставив ворота открытыми, чтобы в любой миг отступить.

Он оскалил зубы.

— Думаю, отступать не придется. Их меньше, и в единоборствах они слабее. Скафлок наверняка будет разыскивать меня: мы с ним особой любви друг к другу не питаем. Я убью его и завладею колдовским клинком!

Он умолк. Троль из Скотланда спросил:

— А сиды?

— Они не всемогущи, — отрезал Вальгард. — Как только станет ясно, что эльфы побеждены, сиды поторопятся заключить мир. Англия сделается королевством троллей и будет охранять Трольхейм от набегов. А собравшись с силами, мы вновь обрушимся на Альвхейм.

Он встретился взглядом с Иллреде.

— Я сяду на твой трон, — пробормотал он. — Но что в том толку? И в чем вообще есть толк?

Спустя некоторое время после того как шум утих, один из работников набрался мужества встать с постели, зажечь лампу и пойти узнать, что же случилось в доме Торкеля Эрлендссона. Он увидел, что дверь в каморку Фреды Ормсдоттер распахнута настежь, ребенок исчез, а женщина, вся в крови, лежит без сознания на пороге. Он перенес ее на кровать. Вскоре у нее началась лихорадка. В горячечном бреде она выкрикивала такое, что спешно вызванный священник только качал головой и беспрестанно крестился.

Немного оправившись, она дважды пыталась убежать. Оба раза ее ловили и водворяли обратно в постель.

Но однажды она проснулась среди ночи, чувствуя, что к ней частично вернулись силы. Хорошенько все обдумав, она поднялась и, стиснув

зубы, чтобы они не стучали от холода, добрела до сундука с одеждой. В темноте она натянула на себя шерстяное платье, поверх которого накинула длинный плащ с капюшоном; потом, держа башмаки в руке, прокралась в чулках на кухню, где взяла несколько ломтей хлеба и сыра.

Вернувшись в свою каморку, она поцеловала висевшее над кроватью распятие.

— Прости мене. Боже, — прошептала она, — что его я люблю сильнее, чем Тебя. Я грешна, но он невинен пред Тобой.

Она вышла наружу, под усыпанное холодными звездами небо. Студеная ночь была тихой, лишь хрустел под ногами снег. Фреда направилась к конюшне.

День клонился к закату. Сумрачный Эльфхьюк погружен был в сон. Лия осторожно сняла со своей груди руку Вальгарда и соскользнула с ложа на пол.

Вальгард заворочался. Лия презрительно поглядела на него. Щеки ввалились, глаза запали, лицо все в шрамах.. Пальцы эльфийнки сжали рукоять кинжала.

Перерезать ему горло?.. А если он вдруг проснется? Тогда ей несдобровать. Нет, не стоит искушать судьбу. Лия надела платье, подпоясалась и на цыпочках покинула спальню ярла. В правой руке у нее был кинжал, в левой — ключи; Вальгард когда-то положил их в тайник, который она ему показала.

На лестнице ей встретилась другая эльфийнка, что несла из оружейной палаты груду мечей. Они не обменялись ни словом.

Стражники провожали Лию плотоядными взглядами, но не останавливали: тролли часто посылали своих наложниц по всяким поручениям.

Лия спустилась в подземелье, подошла к двери в камеру Имрика и отперла тройной замок.

Из красноватого мрака на нее вопросительно уставился бес. Лия прыгнула на него, он взмахнул крыльями — и забился в предсмертных корчах.

Лия разбросала уголья, перерезала веревки. Имрик тяжело упал ей на руки. Она бережно опустила его на пол, вырезала на угольях исцеляющие руны и, поместив черные деревяшки на глаза, ноги и ладони брата, прошептала заклинание. Имрик судорожно вздрогнул, но не издал ни звука.

Лия повесила на крюк в стене связку ключей.

— Когда придешь в себя, — сказала она вполголоса, — освободи других. Их посадили в темницы на всякий случай. Оружие найдете под навесом, что за главной башней. Пока не услышите шум схватки, не высовывайтесь.

— Хорошо, — выдавил Имрик. — Я раздобуду воды, вина и мяса... всего, что задолжали мне тролли...

В глазах его светилась такая ненависть, что Лие на миг стало страшно.

По подземному коридору она добралась до башни астрологов, которой давно никто не пользовался и которая возвышалась над восточной стеной замка. Миновав огромные инструменты и приспособления из меди и хрустала, она вышла на галерею. Хотя эльфийнка старалась держаться в тени, заходящее солнце на какое-то мгновение ослепило ее; грозные невидимые лучи пронзили ее тело. Она едва различала высокого воина в сверкающей кольчуге, что стоял под стеной, как то и говорилось в послании, которое принес ей накануне вечером нетопырь.

Она не знала, кто это. Наверно, сид, а может быть — ее сердце пропустило один удар, — может быть, и Скафлок.

Она бросила вниз ключи — ключи от замковых ворот. Воин поймал их на копье.

Лия поспешила скрыться в спасительном сумраке. Бегом возвратилась она в покои ярла, разделась и улеглась, и тут Вальгард открыл глаза.

Встав, он выглянул в окно.

— Солнце вот-вот сядет, — сказал он. — Пора вооружаться.

Сорвав со стены рог, он распахнул дверь на лестницу и громко протрубил. Подхваченный рогами стражников, разнесенный ими по всему замку, звук этот был сигналом для эльфийнок: их ножи погрузились в сердца медленно пробуждавшихся троллей.

Глаза Фреды застилала кроваво-красная пелена. Девушка находилась в полубомороке; если бы не острая, жалиющая боль, что терзала ее тело, она наверняка потеряла бы сознание и выпала из седла.

Тем не менее она продолжала путь, безжалостно подгоняя коня. Проносились мимо холмы; деревья виделись ей неясно и расплывчато, словно камни на дне бурливой реки. Ее не покидало ощущение, что она грезит наяву. Все было каким-то призрачным, кроме разве что сумятицы в мыслях.

Конь споткнулся и сбросил ее в ручей. Она кое-как поднялась, вскарабкалась в седло и поскакала дальше; платье ее заledenело, а в волосах засеребрился иней.

Спустя целую вечность, когда закат вновь обагрил небо, пала и вторая лошадь из тех, что Фреда позаимствовала в конюшне Торкеля Эрлендссона. Едва различая дорогу, натываясь на деревья, путаясь в кустах, девушка побрела пешком по белому снегу.

Голова ее разрывалась от звона в ушах. Она не помнила, кто она такая, да и не пыталась припомнить. Она знала одно: ей нужно идти на север, ей нужно попасть в Эльфхьюк.

Глава 28

На закате Скафлок велел трубить в луры. Эльфы высыпали из шатров, бряцая оружием и оглашая воздух боевыми кличами. Ржали кони, которых седлали и запрягали в колесницы. Под реющими знаменами и головой Иллреде мгновенно вырос лес копий.

Скафлок вскочил на своего етунхейского жеребца. Меч по имени Тирфинг как будто шевельнулся в ножнах. Лицо Скафлока выражало лютую злобу; он походил на какого-то древнего бога войны.

Он сказал Огненному Копью:

— Ты слышал вопли за стенами?

Эльф ухмыльнулся:

— Теперь тролли узнали, что произошло в других замках! Пускай ловят женщин, если поймают.

Скафлок дал ему ключ со связи.

— Тебе поручаются задние ворота, — напомнил он. — Флам и Ракка будут пробиваться через боковые, а мы с сидами и дружинниками короля пойдем в лоб.

На востоке над морем поднялась полная луна. В ее свете ярче заблестели доспехи и глаза воинов. Запели луры. Из множества глоток вырвался боевой клич, и эльфы двинулись на приступ.

В ночи засвистели стрелы. Как ни поражены были тролли гибелью сородичей, подло убитых во сне, они вовсе не собирались сдаваться на милость врагов. Вальгард подбадривал их, сыпя ругательствами и изрыгая проклятья.

Многие стрелы отскакивали от щитов и кольчуг, но некоторые достигали цели. Склон покрылся трупами воинов и животных.

К передним воротам вела одна-единственная узкая и неровная дорога. Эльфы устремились напрямик, прыгая с камня на камень и крича во все горло. Они цеплялись крючьями за скалы, протягивали между утесами веревки, посылали коней по тропам, по которым вряд ли отваживался бы пройти и горный козел; и так они добрались до замковых стен и изготовили к бою луки.

Скафлок же выбрал дорогу, поскольку лишь по ней могли проехать колесницы Туата Де Данаан. Гремели колеса, высекая искры из камней, тускло сверкала бронза. Стрелы со звоном ударялись о шлемы, нагрудники и щиты, но ни возницы, ни верховые сиды не пострадали. Скафлок заставил жеребца встать на дыбы, словно потешаясь над вражескими лучниками.

Со стен на эльфов обрушились потоки кипящей воды и масла, ледяной купорос, огромные валуны; на головы им пролился страшный греческий огонь. Они в беспорядке отступили.

По знаку Скафлока воины выкатили вперед осадную «черепahu». Под ее прикрытием он приблизился к воротам.

Заметив его, Вальгард усмехнулся. Прежде чем тяжелые ворота рухнут под ударами тарана, те, кто копошится внизу, найдут себе могилу под камнепадом с небес!

Скафлок вставил первый ключ, повернул его, одновременно произнося заклинание. Второй, третий... Вальгард помог троллям загрузить баллисту камнем, под весом которого она жалобно застонала... Седьмой, восьмой... Вальгард навалился на рычаг... Девятый!

Передние копыта коня ударили в ворота, и створки тех разошлись. Скафлок промчался под высоким арочным сводом и вылетел

на залитый лунным светом двор замка. Вслед ему рванулись колесницы Луга, Дова Берга, Энгуса Ога, Эохи, Колла, Кехта, Мак Грейны и Мананнана. Сиды ворвались в Эльфхьюк!

Топор тролля задел ногу етунхеймского жеребца. В следующий миг стражник рухнул на землю, затоптанный могучими копытами.

Скафлок обнажил клинок. Блещащее голубым лезвие вздымалось и опускалось, проворное и смертоносное, как ядовитая змея. Песня смерти, которую оно пело, разносилась по всему двору.

Тролли пятились. Вальгард кинулся им на подмогу. Он зарубил одного эльфа, снес голову другому, раскроил череп третьему...

От задних ворот, в которые ломился Огненное Копье, доносился грохот тарана. Откуда ни возьмись, во дворе очутилась ватага вооруженных мечами оборванцев. То были освобожденные Имриком узники. Они напали на троллей у ворот, и Огненное Копье со своими воинами беспрепятственно проник в замок.

— К башне! — крикнул Вальгард. — К башне!

Заслонясь щитами, тролли с храбростью отчаяния ринулись на эльфов. Те вынуждены были расступиться. Тролли сгрудились у подножия лестницы, а Вальгард взбежал наверх и толкнул дверь.

Та была заперта.

Вальгард ударил в нее плечом. Она не поддавалась. Тогда берсерк взмахнул топором, вырубил замок и распахнул дверь настежь.

Тренькнули тетивы луков. Вальгард отпрянул: в левую руку его вонзилась стрела. Послышался насмешливый голос Лии:

— Прочь отсюда, тень Скафлока! У эльфийнок найдутся возлюбленные получше вашего!

Вальгард выдернул стрелу, протяжно взвыл, на губах его выступила пена. Им овладело бешенство. Он принялся крушить всех подряд, не разбирая, где свой, а где чужой.

Меч поил Скафлока силой и холодной яростью. Весь забрызганный кровью, юноша сражался без устали, радовался свирепой радостью, сеял вокруг себя смерть. Тролли шарахались от него, бросались враспынную, но он догонял их и убивал, убивал.

Луна перекинула призрачный мост над необычно тихим морем. В ее свете ярко засияли клинки, наконечники копий, лезвия топоров. Лязг металла смешивался с криками и стонами раненых. Лошади громко ржали, копыта их утопали в крови. Воины ступали по черепам, топча их своими сапогами.

Луна поднялась еще выше. Восточная сторожевая башня словно пронзила ее насквозь. И тут тролли дрогнули.

Их осталось совсем мало. Эльфы выгнали их из замка на холмистую равнину и принялись травить, как диких зверей.

— Ко мне! Ко мне! — закричал Вальгард. — Ко мне, тролли!

Услышав этот крик, Скафлок поворотил коня. Он наконец-то увидел подменыша: тот стоял в воротах, окруженный кольцом мертвых эльфийских воинов. Около десятка троллей, вняв призыву берсерка, пытались пробиться к нему.

Вот он, виновник всех несчастий... Могло показаться, что устами Скафлока смеется меч Тирфинг. Вальгард, Вальгард, настал твой смертный час!

Скафлок пришпорил жеребца.

Ему почудилось, будто в небе промелькнул ястреб. По спине юноши пополз холодок. Он понял, что конец близок.

Вальгард с усмешкой поглядел на Скафлока, прижался к стене и взмахнул топором. Черный конь наскочил на него. Он вложил в удар всю свою силу. Топор раскроил жеребцу череп.

Конь с разбега врезался в стену. Скафлок вылетел из седла, вернулся и сумел приземлиться на ноги, но не смог сохранить равновесия и покатился по земле.

Размахивая топором, Вальгард устремился к нему. Скафлок выполз за ворота, на залитый лунным светом склон, у подножия которого плескалось море. Правая рука его была сломана. Он отшвырнул в сторону щит и сжал клинок левой рукой. Из многочисленных царапин на его лице сочилась кровь.

Вальгард остановился в шаге от него.

— Многое кончается нынешней ночью, — проговорил берсерк, — и твоя жизнь тоже.

— Мы родились почти одновременно, — отозвался Скафлок. Кровь струйкой бежала из уголка его рта. — Значит, и умрем друг за другом. Уходя, я заберу с собой свою тень.

Зарывав, Вальгард обрушил на него топор. Скафлок подставил меч. Зазвенела сталь, и топор Братоубийца в сполыхе искр развалился на куски.

Скафлок зашатался, но не упал; выпрямившись, он воздел клинок над головой. Вальгард, бормоча нечто нечленораздельное, двинулся на него с пустыми руками.

— Скафлок! Скафлок!

Пасынок Имрика обернулся. По дороге в лохмотьях и в крови брела спотыкаясь Фреда, его Фреда...

— Скафлок! — позвала она. — Любимый!..

Вальгард выхватил у противника меч и ударил плеча. Он издал торжествующий вопль.

— Я победил! — крикнул он. — Я покорю мир, я растопчу его! Собирайся, тьма!

Он взмахнул клинком. Тот выскользнул из его ладони и своей тяжестью поверг Вальгарда на землю. Острие пронзило шею берсерка. Он лежал, глядя на сверкающее лезвие у себя перед глазами, чувствуя, как капля за каплей покидает его тело жизнь. Он попробовал выдернуть меч, но лишь разрезал себе запястья.

Так отошел Вальгард Подменыш.

У Скафлока была рассечена грудь. Лицо его сделалось мертвенно-бледным, но, когда Фреда наклонилась над ним, он нашел в себе силы улыбнуться.

— Со мной покончено, милая, — прошептал он. — Не плачь, ты слишком красива, чтобы плакать. Забудь меня...

— Нет-нет, никогда! — Слезы ее были словно дождь вешним утром.

— Поцелуй меня на прощанье, — попросил он.

Фреда жадно прильнула к его холодеющим губам. Когда она оторвалась от них, Скафлок был мертв.

На морозной заре, перед самым рассветом, из замковых ворот вышли Имрик и Лия.

— Чего ради возиться с девчонкой? — Голос эльфийки был глухим и печальным. — Лучше уж отправить ее в преисподнюю. Это она убила Скафлока.

— Так ему было суждено, — ответил Имрик. — А помогая ей, мы оказываем услугу ему. Пускай мы, эльфы, не ведаем, что такое любовь, но мы всегда готовы доставить радость другу.

— Не ведаем любви? — пробормотала Лия еле слышно. — Ты мудр, Имрик, но мудрость твоя не беспредельна.

Она взглянула на Фреду. Та, сидя на стылой земле, укачивала на руках Скафлока, напевая ему колыбельную, которую не спела своему сыну.

— Она счастливее меня, — сказала Лия.

Имрик, с умыслом или нет, неверно истолковал ее слова.

— Да, — кивнул он, — люди счастливее обитателей Волшебной страны и даже самих богов. Куда приятнее прочертить небо падающей звездой, чем влачить годы как вериги. — Он посмотрел на клинок, что по-прежнему торчал в горле берсерка. — Мне кажется, наша пора проходит. Наступит день, когда Волшебная страна исчезнет, когда король эльфов превратится в обыкновенного лесного духа, а боги покинут мир. Но хуже всего то, что мы бессмертны, а значит, обречены бессильно наблюдать за гибелью того, что нам так дорого.

Он приблизился к распростертому на снегу Вальгарду и велел рабам-карликам взять клинок.

— Мы выбросим его в море, — сказал он, — хотя, сдается мне, это бесполезно. Волю норн изменить нельзя. Меч причинит еще много зла.

Следом за карликами он взошел на ладью, и та легко заскользила по волнам. Мананнан Мак Лер забрал у Фреды тело Скафлока и повел девушку к своей колеснице, не доверяя никому заботу о погибшем товарище и его подруге. Лия дождалась на берегу возвращения Имрика. Рука об руку они прошли в ворота Эльфхьюка, и те закрылись за ними. Небо на востоке заалело в первых лучах солнца.

Так заканчивается сага о Скафлоке Воспитаннике Эльфов.

ДЕТИ МОРСКОГО ЦАРЯ

Пролог

Побережье Далматии поднимается из моря крутыми утесами. В неполной лиге от берега, на вершине высокого холма возле реки Крки, глядя на восток, на горные вершины, стоит городок Шибеник. Река возле него разливается широко и привольно, но ближе к морю снова сужается. Выше же по течению она вытекает каскадом звенящих водопадов из озера, которое обязано своим рождением ей и другим рекам.

В те дни когда Ангевин Чарльз Роберт стал малолетним монархом хорватов и мадьяр, земли вокруг этих водопадов, да и самого озера, кроме того места, где в него впадала Крка, заросли дремучими лесами. Леса эти потом вырубili, а землю распахали. Чуть выше по течению, примерно в том месте, где в Крку впадает Чикола, вокруг замка своего хозяина-жупана теснилась деревенька Скрадин.

Но даже внутри стен замка дикие чащобы не давали о себе позабыть. Мало того, что по ночам слышался волчий вой, днем тявкали шакалы, на поля совершали набеги олени и кабаны, а иногда и рогатые великаны — лоси и зубры. В округе водились и зловещие существа: в дикой чаще — лешие, в глубине вод — водяные, а позднее, как шептались крестьяне, объявилась и вилия.

Иван Субич, местный жупан, не обращал внимания на болтовню своих крепостных. Он слыл человеком суровым, но справедливым, был близким родственником знаменитого бана Павле и потому знал, что за околицей деревеньки мир не кончается. К тому же он провел долгие годы вдали от родных мест и много воевал. Сражения закалили его, но оставили на память многочисленные шрамы.

Его старший сын Михайло тоже не боялся лесных существ. Юноша давно успел позабыть услышанные в детстве сказки и легенды: образование он получил в монастыре в Шибенике, побывал в бурлящих жизнью портах Задар и Сплит и даже один раз в Италии. Михайло мечтал о богатстве и славе, стремился прочь от скуки и однообразия, в которых прошло его детство. Отец помог ему попасть в свиту регента, Павле Субича.

Но в то же время Михайло любил родные места и часто приезжал погостить в Скрадин. Здесь его знали как весельчака, отзывчивого, хоть иногда и безрассудного, привозящего с собой краски, песни и захватывающие истории о событиях, происходящих за пределами деревенского мира.

Как-то утром в начале лета Михайло выехал из замка поохотиться. Его сопровождало шесть человек — три телохранителя и трое

слуг, приехавших из Шибеника. Времена стояли относительно мирные — вражда как с венецианцами, так и среди местных могущественных кланов поутихла, а последнего местного бандита Иван Субич укоротил на голову еще несколько лет назад. Тем не менее редкий мужчина отваживался отправляться в дальний путь в одиночку, а женщинам подобная мысль и в голову не приходила. С Михайло ехали и его младший брат Лука, и двое свободных крестьян — проводники и подручные для тяжелой работы. Позади бежала стая гончих псов.

Вид у охотников был бравый. Михайло одевался по последней западной моде: зеленый кафтан и облегающие штаны, шафрановая рубашка, подбитая шелком накидка, полусапожки и перчатки с отворотами из Кордовы; длинные русые кудри над чисто выбритым лицом покрывала плоская бархатная шапочка. Когда его горячий конь начинал танцевать, висящий на поясе кинжал ударял его по бедру. На лошади Михайло сидел так, словно они составляли единое целое. Его слуги, выставившие вперед поблескивающие наконечники пик, выглядели почти столь же браво. Лука, одетый в сюртук, плащ до колен и бриджи, перетянутые крест-накрест ниже колен ремешками, внешне мало отличался от крестьян — разве что одежда его была сшита из ткани получше, вышивка на рукавах покрасивее, а коническая шапка без полей оторочена собором, а не кроличьим мехом. И он, и крестьяне вооружились короткими изогнутыми луками и ножами, пригодными для охоты на медведя.

Копыта прогромыхали по улице, глухо застучали по тропе за околицей. В отличие от франкских баронов, хорватская знать обычно уважала труд своих крестьян; приди Михайло в голову проскакать по нежной зелени засеянных полей, ему пришлось бы держать ответ перед отцом. Проезжая мимо выпаса, он перепугал нескольких телят, затрубив в охотничий рог, но изгородь не дала им разбежаться.

Вскоре охотники оказались в лесу, на охотничьей тропе. Лес был смешанный, дубы и березы — уходящие ввысь стволы, нависающие над головой ветви, шепот листьев, тенистые поляны и прогалины, куда солнечный свет пробивался золотыми искрами и пятнышками. В царившей здесь тишине даже птичье пение казалось далеким и приглушенным. Теплый летний воздух был здесь прохладен и полон запахов, не имевших ничего общего с запахами конюшни и коровника.

Гончие взяли след.

За несколько часов охотники добыли оленя, волка и выводок барсуков. Кабанихе удалось скрыться, но это не испортило им настроения. Добравшись до озера, они вспугнули стаю лебедей, пустили стрелы и трех подстрелили. Пожалуй, настало время возвращаться.

На берег в сотне ярдов от них вышел еще один олень. Лучи послеполуденного солнца золотили его белую шкуру в тех местах, где на нее не падали голубоватые пятнышки тени. Животное было крупное, чуть меньше лося, а дерево огромных рогов тянулось к небу.

— Святые угодники! — воскликнул Михайло, вскакивая. Рядом с оленем свистнуло две стрелы, но он оставался на месте до тех пор,

пока охотники вновь не вскочили в седла, и лишь потом помчался прочь. Но не в густые заросли, сквозь которые не пробиться лошадям. Олень бежал по тропе, мелькая белым пятном в полумраке чащобы. Погоня оказалась тщетной. Животное мотало преследователей по всему лесу, а когда лошади выдохлись, а измученные собаки высунули языки, вернулось на берег озера.

В вечерних сумерках его тело светилось на фоне темных стволов. Солнце почти закатилось, оставив лишь желтый мазок на голубизне западного небосклона. Восток превратился в быстро густеющий пурпур, на котором уже замерцала ранняя звезда. В лощинах лежал туман. Над головами носились летучие мыши. Похолодало. Лес окутала тишина.

И, словно клочок тумана, увенчанное короной рогов животное замерцало и исчезло.

Михайло процедил сквозь зубы проклятие. Лука непрерывно крестился, слуги тоже. Оба крестьянина спешили, опустили на колени, сорвали с себя шапки и громко молились.

— Нас околдовали, — пробормотал Сиско, старший из крестьян по возрасту. — Но кто? И зачем?

— Во имя Господа, уйдем отсюда! — взмолился его друг Дража.

— Нет, стойте! — набрался мужества Михайло. — Лошадям надо отдохнуть, иначе мы загоним их насмерть. И вы это знаете.

— Ты что, хочешь торчать здесь всю ночь? — произнес, запинаясь, Лука.

— Нет, только час-другой, пока не взойдет луна. Она осветит нам дорогу.

Слуга Михайло обвел взглядом ртутно поблескивающую гладь озера, зубчатую стену зарослей на дальнем берегу и умоляюще произнес:

— Господин, здесь не место для христиан. Тут бродят древние языческие бесы. Ведь мы гнались не за оленем, а за ветром, и теперь он исчез, словно ветер. Почему?

— И ты еще называешь себя горожанином? — усмехнулся Михайло. — Нас глаза подвели, вот и все. Чему тут удивляться, коли мы так устали? — Он взгляделся в лица своих спутников. — Для христианина любое место на свете годится, если в душе есть вера. Слезайте, призовем наших святых. Как тогда демоны смогут нам навредить?

Слегка приободренные, остальные спешили, вместе помолились, расседлали лошадей и принялись вытирать их попонами. Над их головами зажигались все новые звезды.

Смех Михайло разорвал ночную тишину:

— Видите? Нам нечего бояться.

— Верно, нечего, — пропел за его спиной девичий голос. — Это и вправду ты, милый?

Михайло обернулся. Хотя он и его спутники превратились в силуэты среди теней, он очень ясно видел вышедшую из камышей девушку — такими светлыми были ее обнаженное тело и распущенные

волосы, столь огромными и сияющими ее глаза. Она приблизилась к нему, широко разведя руки.

— Иисус и Мария, спасите нас, — простонал Дража. — Это вилия.

— Михайло! — негромко воскликнула она. — Михайло, прости меня, я пытаюсь вспомнить. Истинно пытаюсь.

Михайло все же смог устоять на подгибающихся ногах.

— Кто ты? — выдохнул он, тщетно стараясь успокоить колотящееся в груди сердце. — Чего ты хочешь от меня?

— Вилия, — прохрипел Сиско. — Демон, призрак. Отгоним ее молитвою, пока она не увлекла нас всех в подводный ад!

Михайло нащупал на груди крест, унял дрожь в коленях, встал перед существом и приказал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

Но не успел он произнести «...изыди!», как она приблизилась к нему вплотную. Юноша разглядел точеные черты ее прекрасного лица.

— Михайло! — взмолилась она. — Это ты? Прости, если причинила тебе боль, Михайло...

— *Нада!* — завопил он.

Девушка замерла.

— Так меня звали Нада? — переспросила она, удивленно сведя брови. — Да, кажется, я была Надой. А тебя, конечно, звали Михайло... — Она улыбнулась. — Ну да, правильно. И я вызвала тебя к себе, милый. Так ведь?

Михайло испустил вопль, повернулся и помчался прочь. Его люди тоже разбежались кто куда. Испуганные лошади бросились врассыпную.

Когда снова воцарилась тишина, вилия Нада осталась на берегу одна. Звезд на небе прибавилось. Последние отблески заката исчезли, но небо на западе еще едва отсвечивало. Озеро, отражая это слабое сияние, превращало стоящую на берегу фигуру в плавно очерченный светлый силуэт. Поблескивали слезы.

— Михайло, — прошептала она. — Прошу тебя...

Потом она забыла обо всем, рассмеялась и неслышно скользнула в лес.

...Охотники вернулись домой по одному, но целыми и невредимыми. После рассказов Сиско и Дражи люди стали с еще большей опаской поглядывать в сторону чащи. Михайло не задержался в деревне ни на день более необходимого. Вскоре заметили, что он уже не тот веселый юноша, каким его привыкли видеть. Он стал проводить много времени с капелланом замка, а позднее и со своим исповедником в Шибенике. Через год он постригся в монахи. Его отца жупана это не осчастливило.

КНИГА ПЕРВАЯ

СПРУТ

Глава 1

Епископ Виборгский назначил Магнуса Грегерсена своим новым архидиаконом. Муж сей был более образован, чем прочие, поскольку обучался в Париже, к тому же честен и набожен, но люди считали его слишком строгим и говорили, что смотреть на его длинную тощую фигуру и вытянутую постную физиономию ничуть не приятнее, чем на разгуливающую по полю ворону. Но епископ посчитал, что нужен ему как раз такой человек, ведь за годы раздора, опустошившие Данию после смерти короля Эрика, паства погрязла в распущенности.

Объезжая восточное побережье Ютландии в качестве ректора епископа, Магнус приехал в Элс — не на остров, а в одноименную деревушку. Сие бедное и отдаленное селение с юга и запада окружала чащоба, пересекаемая лишь двумя-тремя дорогами, с севера его отрезала Конгерслевская топь, а с востока — пролив Каттегат. Каждый год в сентябре и октябре местные рыбаки вместе с тысячами других ловили в проливе сельдь во время ее большого хода, в прочее же время обитатели деревушки почти не общались с миром. Они ставили вдоль побережья свои сети и ковырялись на акрах тошей земли до тех пор, пока время и тяжкий труд не ломали их, а кости не упокаивались на вечный отдых рядом с маленькой деревянной церковью. В такой глухомани до сих пор частенько соблюдали древние обычаи и обряды. Магнус считал подобные поступки язычеством и в душе скорбел о том, что у него нет подходящего и готового способа остановить неразумных.

И посему до поры скрываемое рвение проснулось в нем с новой силой, когда до него дошли некие слухи о происходящем в Элсе. Никто из местных жителей не захотел признаваться Магнусу, что ему известно о событиях, которые произошли с того дня, как четырнадцать лет назад Агнете вышла из моря. Тогда Магнус уединился с местным священником и сурово потребовал от него правды. Отец Кнуд, мягкий человек, родившийся в одном из крошечных домиков Элса, уже давно закрывал глаза на то, что считал мелкими грехами, дарящими его пастве хоть какую-то радость в их унылой жизни. Но ныне он стал стар и слаб, и Магнус вскоре вырвал из него всю историю целиком.

Когда ректор вернулся в Виборг, в глазах его пылало святое пламя. Он пришел к епископу и сказал:

— Мой господин, делая объезд вашей епархии, я обнаружил пригорьно много следов в тех местах, где потрудился дьявол. Но я не ожидал наткнуться на него самого — нет, вернее будет сказать, на

целое гнездо его омерзительнейших и чрезвычайно опасных демонов. И тем не менее сие свершилось в прибрежной деревушке Элс.

— О чем говоришь ты? — сурово спросил епископ: ведь и он страшился возвращения древних языческих богов.

— Я веду речь о том, что неподалеку от берега таится целый город морских людей!

Епископ расслабился:

— Как интересно! Мне не было ведомо, что в датских водах и поныне остался кто-то из них. Они вовсе не дьяволы, мой добрый Магнус. Да, у них, как и у прочих животных, нет души. Но они не подвергают опасности спасение прочих душ, на что способны обитатели холмов эльфов. Воистину, они очень редко встречаются с племенем Адама.

— Но эти не таковы, мой господин, — возразил архидиакон. — Послушай, что довелось мне узнать. Два и двадцать лет назад жила неподалеку от Элса дева, при крещении нареченная Агнете Эйнарсдаттер. Отец ее был йоменом и, по словам соседей, зажиточным, а сама девица отличалась красотой, и посему ей сулили удачное замужество. Но однажды вечером, когда девица прогуливалась в одиночестве по берегу, из моря выбрался водяной и, начав ухаживать за нею, увлек с собой. Она провела в море, в грехе и безбожии, восемь лет.

Но настал день, и довелось ей вынести своего младшего ребенка на берег шхеры, дабы погрелся тот на солнце. С места сего слышны были церковные колокола, и, как раз когда она сидела, покачивая колыбель, они зазвонили. Тоска по дому, если не раскаяние, пробудились в ней. Она вернулась к водяному и принялась умолять его отпустить ее снова послушать слово Господне. Тот с неохотою согласился и проводил ее на берег, но перед сим заставил ее поклясться не совершать трех поступков — не распускать свои длинные волосы, будто она незамужняя, не искать встречи с матерью в родной хижине и не склонять головы, когда священник произнесет имя Всевышнего. Но каждый из сих поступков она совершила: первый из гордости, второй из любви, а третий из страха. И тогда божественная милость сорвала чешую с ее глаз, и осталась она на земле.

Тогда водяной пришел на берег и начал ее искать. Вышло так, что день тот тоже оказался одним из святых праздников, и отыскал он ее в церкви во время мессы. Когда же вошел он в церковь, лица на картинах и статуях обратились к стене. Никто из прихожан не посмел поднять на него руку — столь огромен и силен он был и столь тяжел, что оставлял за собой глубокие следы, хотя дело было летом, а улица суха. Он умолял ее вернуться, напоминал о рыдающих без матери детях и вполне мог добиться своего, как и в прошлый раз. Ведь это не отвратительные создания с рыбьими хвостами, мой господин. Не будь у них широких перепончатых ног, больших, слегка раскосых глаз, безбородых лиц у мужчин, да еще зеленых или голубых волос у некоторых, любой принял бы их за красивых людей

У водяного сего волосы же были золотистые, как у Агнете. И он не угрожал, речи его были полны любви и сожаления.

Но Господь укрепил силы Агнете. Она отказала ему, и водяной вернулся обратно в море.

У отца ее хватило как благоразумия, так и приданого, чтобы выдать ее замуж в другом месте, подальше от берега. Говорят, она больше никогда не была весела и вскоре умерла.

— Если то была христианская смерть, — сказал епископ, — то я не вижу вреда, причиненного кому-либо.

— Но ведь морской народ до сих пор там! — воскликнул ректор. — Рыбаки часто видят, как они со смехом плещутся в волнах. Не искушение ли то для бедного труженика, ютящегося в покривившейся хижине вместе с уродливой женой? И не внушает ли ему сие зрелище сомнение в справедливости Господней? А ежели другой водяной соблазнит другую деву, и на сей раз навсегда? Сейчас, когда дети Агнете и ее любовника выросли, это куда как вероятно. Они выходят на берег почти как к себе домой и заводят дружбу с некоторыми мальчиками и молодыми людьми — и, что еще хуже, даже с девочками.

Мой господин, это работа Сатаны! И если мы допустим, что вверенные нам души будут утеряны, что мы ответим в Судный день?

Епископ нахмурился и почесал подбородок:

— Ты прав. Но что, однако, мы можем испробовать? Если жители Элса уже свершили запретное, еще один запрет вряд ли подействует на них — рыбаки, я знаю, народ упрямый. А ежели мы пошлем гонца к королю за рыцарями и солдатами, как они спустятся на дно морское?

Магнус поднял палец.

— Мой господин, — страстно произнес он, — я изучал подобные вопросы и знаю, как справиться с этой заразой. Морские люди могут и не быть демонами, но даже существа без души должны умчаться прочь, ежели на них правильно обратить слово Господне. Получу ли я твое дозволение свершить экзорцизм?

— Получишь, — отозвался епископ дрогнувшим голосом. — Вместе с моим благословением.

Вот почему Магнус вернулся в Элс. Позади него громыхало доспехами еще более ратников, чем обычно, дабы не вводить поселян в искушение бунта. И все они смотрели, кто с жадностью ко всякой новизне, кто уныло, а кто и со слезами, как архидиакон собственноручно поплыл на лодке в море к месту над подводным городом. И там колоколом, Священным Писанием и свечой он мрачно проклял морской народ и приказал ему именем Господа убираться отсюда навеки.

Глава 2

Тауно, старший сын прекрасной Агнете и царя подводного города Лири, отсчитал свою двадцать первую весну. В его честь было устроено большое веселье с угощением, песнями и танцами. Беззаботная молодежь стайками порхала вокруг дворца, над ним и в глубине, между раковин, зеркал и золотых пластин, отражавших

морское сияние, освещающее тронный зал. Были подарки, искусно изготовленные не только из золота, янтаря и кости нарвала, но и из жемчуга и кружевного розового коралла, доставленного издалека дельфиньими караванами. Были и состязания в плавании, борьбе, метании гарпуна и музыке, и любовные игры в полутемных комнатках без крыш (да и кто тут нуждался в крышах) и в колышущихся садах буро-зеленых водорослей, где метеорами проносились ручные рыбы.

Позднее Тауно отправился на долгую охоту. Хотя морской народ жил в глубинах моря, на сей раз он начал путешествие в основном из интереса, чтобы заново полюбоваться величием норвежских фьордов. С ним поплыли девушки Ринна и Ракси, как для своего удовольствия, так и желая доставить удовольствие Тауно. Вместе они совершили веселое путешествие, много значившее для Тауно — среди беспечного морского народа он часто бывал серьезен и даже иногда впадал в хмурую задумчивость.

Компания направлялась домой, и впереди уже виднелся Лири, когда на них обрушилось проклятие.

— Вот он! — нетерпеливо воскликнула Ринна, завидев город, и бросилась вперед. Ее зеленые локоны заструились вдоль стройной белой спины. Ракси осталась возле Тауно. Она со смехом закружила вокруг него и, проплывая снизу, касалась пальцами его лица или чресел. Он принялся ловить ее с той же игривостью, но она всякий раз ускользала.

— Поймай! — дразнила она, подставляя губы для поцелуя. Тауно усмехался и вновь устремлялся к ней. Унаследовав форму ног от матери, полукровки не были столь быстрыми и ловкими в воде, как дети отцовской расы, но человек все равно ахнул бы, увидев их движения. Дети Агнете охотнее выходили на берег, чем их двоюродные братья и сестры. Они от рождения были способны жить под водой без помощи чар, не дававших их матери умереть от удушья, соли или холода, а морским людям с прохладным телом нравилось обнимать их более теплые тела.

Над головой Тауно лучи солнца дробились в волнах, создавая крышу из мелкой ряби, отражающуюся на белом песке. Вода вокруг него переливалась всеми оттенками изумруда и аметиста, постепенно темнея в отдалении. Он ощущал, как она оmyвает его тело, отвечая любовной лаской на игру мускулов. Золотисто-бурые стебли ламинарии тянулись вверх с облепленных морскими уточками скал, колыхаясь от малейшего движения воды. На дне шелкал клешнями краб, чуть далее скользил в глубину тунец, бело-голубой и великолепный. Вода постоянно менялась: тут она была холодной, там мягкой, дальше бурлящей, а рядом спокойной, в ней таились тысячи всевозможных оттенков вкуса и запаха, недоступные чувствам живущих на берегу, а для тех, кто способен слышать, в ней раздавались кудахтанье, хихиканье, кваканье, треск, всплески и бормотание набегающих на берег волн, а вдобавок ко всему в каждом водовороте и журчании Тауно rozpoзнавал гигантские медленные шаги приливов

Теперь он уже видел Лири вблизи: дома из пучков водорослей на рамах из китового уса и китовых ребер, хрупкие и фантастически ажурные в этом мире малого веса, просторно разбросанные среди садов из водорослей и анемонов; в середине дворец его отца, большой, древний, из камня и коралла нежных оттенков, украшенный резными фигурами рыб и морских животных. Столбам главных дверей была придана форма статуй лорда Эгира и леди Ран, а перемычкой дверей служила фигура парящего альбатроса. Над стенами дворца возвышался хрустальный купол, выходящий на поверхность моря. Царь построил его для Агнеты, дабы она при желании могла побыть в сухости, подышать воздухом и посидеть у огня среди роз и всего прочего, что его любовь смогла раздобыть для нее на берегу.

В городе плавал и суетился морской народ — садовники, ремесленники, охотник, обучающий пару молодых тюленей, китовый пастих, покупающий в лавке новый трезубец, парень, влекущий за руку девушку в сторону мягко освещенной пещеры. Звенели бронзовые колокола, давным-давно снятые с затонувшего корабля, и звук их в воде был более чист, чем в воздухе.

— Эгей! — крикнул Тауно и рванулся вперед. Ринна и Раксиплыли по бокам от него. Все трое запели сочиненную Тауно Песнь Возвращения:

*Здравствуй, мой город в зеленой воде!
Вот я вернулся, ведомый тоскою
Путник усталый, в приветный приют.
О чудесах я поведать вам чаю.
Так, на заре золотистые чайки... **

Внезапно обе девушки закричали. Они зажали уши руками, закрыли глаза и слепо завертелись, отчаянно молотя ногами забурлившую воду.

Тауно увидел, что такое же безумие охватило весь город Лири.

— Что это? — в ужасе закричал он. — Что случилось?

Ринна застонала, терзаемая болью. Она не видела и не слышала его. Он схватил ее, она начала вырываться, и тогда Тауно с силой стиснул ее сзади ногами и одной рукой. Свободной рукой он ухватил ее длинные шелковистые волосы, не давая ей дергать головой, прилизал губы к ее уху и пробормотал:

— Ринна, Ринна, это я, Тауно. Я твой друг. Я хочу тебе помочь.

— Тогда отпусти меня! — вскрикнула она. Голос ее дрожал от боли и страха. — Все море наполнено звоном, он терзает меня, как акула, мои кости отделяются друг от друга — и свет, жестокое, ослепляющее сияние, он обжигает, обжигает... и слова... Отпусти меня, или я умру!

Потрясенный, Тауно отпустил девушку. Всплыв на несколько ярдов, он заметил колышущуюся тень рыбацкой лодки и услышал

* Здесь и далее стихи в переводе Кирилла Королёва. (Здесь и далее примеч. пер.)

звон колокола... в лодке горел огонь, а чей-то голос распевал на незнакомом языке. И всего-то?

Дома подводного города содрогнулись, как от землетрясения. Хрустальный купол над дворцом треснул и распался дождем из тысяч сверкающих осколков. Камни стен задрожали и начали вываливаться. И, увидев, как рассыпается в прах то, что стояло с тех самых пор, как растаял Великий Лед, Тауно содрогнулся.

Он увидел, как вдалеке появился его отец верхом на касатке, имевшей отдельное заполненное воздухом помещение во дворце и которую никто другой не посмел бы оседлать. Царь имел при себе лишь трезубец и был облачен лишь в собственное достоинство и величие, но каким-то образом все расслышали его голос:

— Ко мне, народ мой, ко мне! Быстрее, пока все мы не умерли! Не спасайте других сокровищ, кроме детей своих — скорее, скорее, скорее, если вам дорога жизнь!

Тауно тряс Ринну и Ракси, пока они немного не пришли в себя, и велел им присоединиться к остальным. Царь, разъезжая вокруг и собирая воедино свой объятый ужасом народ, успел лишь хмуро сказать ему:

— Ты, полусмертный, чувствуешь это не более чем мой конь. Но для нас эти воды отныне запретны. Для нас свет будет сверкать, колокол греметь, а голос — произносить проклятия до самого Конца Света. Мы должны спастись бегством, пока у нас еще есть силы, и искать новый дом очень и очень далеко отсюда.

— Где мои братья и сестры? — спросил Тауно.

— Они далеко от города, — ответил царь. Его голос, только что гремевший, стал мрачным и безжизненным. — Мы не можем их дожидаться.

— Зато я могу.

Царь сжал ладонями плечи сына:

— Я рад этому. Эйян и Ирии нужен кто-то постарше Кеннина, дабы опекать их. Мне неизвестно, куда мы направимся — быть может, вы позднее отыщете нас, а быть может... — Он потряс своей золотой гривой, и лицо его исказилось мукой. — Все уходим отсюда! — крикнул он.

Оглушенные, потрясенные, обнаженные, почти без инструментов или оружия, люди моря последовали за своим повелителем. Тауно оставался на месте, стиснув рукоятку гарпуна, пока они не скрылись с глаз. Рухнули последние камни царского дворца. Лири превратился в развалины.

Глава 3

За восемь прожитых в море лет прекрасная Агнете родила семейных детей. Это было меньше, чем родила бы за такое же время русалка, и, возможно, невысказанное презрение морских женщин не в меньшей мере помогло ей вернуться на землю, чем притягивавший ее вид бревенчатых домиков с тростниковыми крышами или колокола маленькой церкви.

Хотя морской народ, подобно прочим нелюдям, не знал смерти от старости (словно тот, чье имя они не произносили, подобным образом возместил им отсутствие бессмертной души), жизнь его имела и суровую сторону. На них нападали акулы, касатки, кашалоты, скаты, морские змеи и десяток разных видов хищных рыб; те же существа, на которых охотились они сами, тоже зачастую были опасны. Коварство ветра и волн могло стать для них смертельным, равно как и ядовитые зубы и шипы. Холод, слабость и голод уносили многих, особенно в юном возрасте, и они были вынуждены считаться с тем, что выживают лишь немногие из родившихся детей. Королю повезло — возле его дома было лишь три могилы, на которых никогда не позволяли увянуть морским анемонам.

Четверо его оставшихся детей встретились среди руин Лири. Их окружал хаос обломков дворца, а в отдалении виднелись остатки домов поменьше. Сады уже начали увядать, стада рыб — разбегаться, а крабы и омары копошились в кладовых, словно слетевшиеся к трупам на берегу вороны. Местом их встречи оказался участок перед главными дверями дворца. Венчавший их ранее альбатрос лежал с разбитыми крыльями, статуя лорда Эгира упала лицом вниз, а над ней возвышалась улыбающаяся статуя леди Ран, некогда завлекавшей мужчин в свои сети. Вода сильно похолодала, а поднятые штормом волны пели городу Лири поминальную песнь.

Дети подводного царя были обнажены, как это принято у морского народа, кроме тех дней, когда начинаются празднества, — зато у каждого имелся нож, гарпун, трезубец и топор из камня или кости, дабы отгонять прочь тех хищников, что уже кружили в отдалении, все теснее смыкая кольцо. Никто из них не выглядел в точности как морской житель, но старших троих отличали высокие скулы, раскосые глаза и безбородость их отца. Хотя мать и научила их датскому языку и некоторым датским обычаям, все они сейчас разговаривали на языке морского народа.

Тауно, старший среди них, заговорил первым:

— Мы должны решить, куда держать путь. Смерть было трудно удерживать на расстоянии еще тогда, когда с нами был весь наш народ. Мы не сможем долго справляться с ней в одиночку.

Он был также и самый крупный из них, высокий, широкоплечий, с мощными от постоянного плавания мускулами. Длинные до плеч волосы, стянутые украшенной бисером ленточкой, были у него желтыми с едва заметным оттенком зелени, широко расставленные янтарные глаза сияли на лице с тупым носом, широким ртом и тяжелыми челюстями. Кожа его покрылась загаром от частого пребывания на поверхности или на берегу.

— Почему бы нам не отправиться вслед за отцом и всем племенем? — спросила Эйян.

Ей было девятнадцать зим. Она тоже была высока для женщины и сильна силой, таящейся под плавными изгибами грудей, талии и

бедер до тех пор, пока она не начинала крепко обнимать возлюбленного или метать острогу в развалившегося на берегу моржа. Кожа у нее была самой белой из всех детей Агнете, а рыжие волосы крыльями разлетались по обе стороны смелого сероглазого молодого ястребиного лица.

— Нам неведомо, куда они отправились, — напомнил ей Тауно. — Место это должно находиться далеко, ведь наш город стоял там, где были последние возле всей Дании хорошие рыбные угодья. И хоть морской народ, живущий в Балтийском море или вдоль побережья Норвегии, и сможет помочь им в пути, для всего населения Лири постоянного места нигде нет. Моря очень широки, сестра, и искать придется долго.

— Но мы, конечно же, сможем спросить, — нетерпеливо произнес Кеннин. — Когда они примут решение, то обязательно попросят кого-нибудь передать нам весточку. — В его глазах вспыхнул огонек, сделав их летнюю голубизну еще ярче. — Ха, вот подвалил случай побродить по свету!

Кеннину было шестнадцать зим, и ему только предстояло возмужать и ощутить, как угасает юношеский пыл. Он еще не вырос полностью, но видно было, что ему не стать ни высоким, ни широкоплечим. С другой стороны, по своему проворству он был ближе к морскому народу, чем его брат и сестры. У него были зеленоватые волосы, круглое и веснушчатое лицо, а тело раскрашено самыми яркими узорами, известными обитателям моря. На остальных украшений и орнаментов не было — Тауно находился в слишком подавленном настроении, Эйян всегда насмеялась над тем, скольких хлопот требует раскраска, а Ирия просто была застенчива.

— Как вы можете шутить... — прошептала Ирия, — когда... когда никого больше нет?

Братья и сестра подплыли к ней поближе. Для них она до сих пор оставалась ребенком, оставленным в колыбели матерью, на которую она все больше и больше начинала походить. У нее было маленькое худое тело с едва намечающимися грудями, золотистые волосы и огромные глаза над вздернутым носиком и слегка приоткрытыми губами. Она сторонилась шумных пирушек столь долго, сколь это было пристойно для дочери царя, и еще ни разу не уединялась с мальчиком, проводя каждый день долгие часы в куполе своей матери, перебирая некогда принадлежавшие Агнете сокровища. Она часто лежала на волнах, разглядывая зеленые холмы и дома на берегу, прислушиваясь к колоколам, созывающим христиан на молитву, а ближе к вечеру выбиралась на берег с кем-нибудь из братьев и бегала в сумерках по пляжу или за искривленными ветром деревьями, а при появлении людей безмолвной тенью затаивалась в вереске.

Эйян быстро и крепко обняла ее.

— В твоих жилах слишком много нашей смертной крови, — сказала старшая сестра.

Тауно нахмурился.

— И в этом ужасная правда, — сказал он. — Ирия слаба. Она не сможет плыть быстро или далеко без отдыха и пищи. Что, если на нас нападут морские звери? Что, если зима застанет нас вдали от теплого мелководья или же беглецы из Лири отправились в Гренландию? Не представляю, как мы сможем взять ее в любое путешествие.

— А нельзя ли оставить ее кому-нибудь на воспитание? — спросил Кеннин.

Ирия сжалась в объятиях Эйян.

— О нет, нет, — взмолилась она так тихо, что они едва ее расслышали.

Кеннин покраснел, осознав свою глупость. Тауно и Эйян переглянулись поверх вздрагивающей и согбенной спины сестры. Почти никто из морских людей не согласился бы взять к себе слабую девочку, когда и у сильных хватает неприятностей в заботах о себе. Если им и повезет, то сделают это без особого желания. У них не было надежды отыскать сородича, который взял бы ребенка с той же охотой, с какой их отец завлек в море взрослую девушку, да и не нашлось бы для девочки нужной доли ласки.

Тауно пришлось собрать все свои силы, прежде чем произнести решение:

— Я считаю, что перед уходом нам нужно отдать Ирию народу ее матери.

Глава 4

Старого священника Кнуда разбудил стук в дверь. Он выбрался из-за полога кровати, нашарил в темноте рясю — подернутые пеплом угли в очаге почти не давали света — и на ощупь добрался до двери. Все кости его ныли, а зубы стучали от холода ранней весны. Кто бы это мог быть, кроме смерти? — недоумевал Кнуд. Он уже пережил всех своих товарищей по детским играм...

— Иду, Господи, уже иду.

Недавно взошедшая полная луна отбрасывала ртутную дорожку на пролив Каттегат и заливала призрачным светом иней на крышах домов, но две пересекающиеся улицы Элса были погружены в густую тень. Ночью земли вокруг деревушки превращались во владения волков и троллей. Странно молчаливыми, словно боялись лаять, были и собаки, а вся ночь настолько тихой, что можно было расслышать малейший шорох. Что там за глухой стук? Копыто? Не Адский ли Конь пасется среди могил?

Окутанные облаком своего дыхания, перед ним стояли четверо. Отец Кнуд ахнул и перекрестился. Он никогда не видел водяных — кроме того, что заходил в церковь, — разве что издалека в молодости, ставшей теперь лишь чудесным сном. Но кем же еще могли они быть? Лица высокого мужчины и женщины были вылеплены не по людской форме, у мальчика не так явно, а маленькая девочка почти не отличалась от человека. Но на ней тоже блестела вода, капающая с накидки из рыбьей кожи, и она тоже сжимала гарпун с костяным наконечником.

— Вы... вы должны были уйти, — пробормотал священник. Его голос в морозной тишине прозвучал пискляво.

— Мы дети Агнете, — сказал крупный молодой мужчина. Он говорил по-датски с ритмичным акцентом, воистину, мелькнуло в голове у Кнуда, заморским. — Заклинание не коснулось нас.

— Не заклинение — святой экзорцизм... — Кнуд призвал на помощь Господа и расправил узкие плечи. — Умоляю вас, не гневайтесь на селян. Они не сами это проделали и не желали этого.

— Знаю. Мы спрашивали... друга... о том, что произошло. Не бойтесь. Скоро мы уйдем. Но сперва хотим отдать вашим заботам Ирию.

Священник приободрился, услышав эти слова, а заодно и разглядев, что голые ноги гостей имеют людскую форму и не оставляют глубоких следов из-за огромного веса тел. Он пригласил всех войти. Четверо переступили порог, морща носы как при виде застарелой грязи, так и от запахов, царивших в единственной комнатке дома, каким мог похвастать священник. Тот раздул огонь, поставил на стол хлеб, соль и пиво, дождался, пока гости усядутся на скамью, и сам сел на стул, готовясь к разговору.

Он оказался долгим, но закончился добром. Отец Кнуд пообещал сделать для девочки все, что в его силах. Братья и сестра немного задержатся, чтобы в этом убедиться, а он должен каждый вечер отпускать Ирию на берег для встречи с ними. Священник умолял их остаться на берегу и принять крещение, но они отказались. Потом они поцеловали сестру и ушли. Она плакала, беззвучно и безнадежно, пока не уснула. Священник перенес ее на постель, а себе застелил скамью тем, что нашлось в доме.

На следующий день настроение Ирии улучшилось, и с каждым новым днем она становилась все веселее, пока к ней не вернулась прежняя живость. Сначала дочка Агнете держалась настороженно, боясь признать, что в ней течет чужая кровь, но отец Кнуд проявил к ней всю ту доброту, которую позволяла его бедность. Помогали ему в этом и принесенные из моря дары: рыба и устрицы. Для девочки земля оказалась столь же новой и необыкновенной, как сама она для деревенских детей. Вскоре ее уже окружала шумная стайка резвящихся ребятишек. Что до работы, то она ничего не знала о ремеслах людей, но желала им научиться. Марен Педерсдаттер попробовала обучить ее работе за ткацким станком и сказала, что девочка может стать незаурядной мастерицей.

Тем временем священник послал в Виборг молодого гонца, спрашивая, что следует делать с девочкой и можно ли крестить полукровку. Он молился, дабы ему позволили сделать это, потому что иначе не представлял, что станет с его бедной любимицей. Посланник не возвращался несколько недель — должно быть, в епархии перерывали все книги. Наконец он вернулся, на этот раз на коне, сопровождаемый стражниками, церковным секретарем и самим ректором.

Кнуд рассказал Ирии о христианстве и Господе, и она выслушала его в молчании, широко раскрыв глаза. Теперь же архидиакон Магнус встретился с ней в доме священника.

— Истинно ли веруешь ты в единого Бога — в Отца и Сына, который есть наш господин и спаситель Иисус Христос, и Святого Духа, исходящего из них? — рявкнул он.

Она вздрогнула от его суровости.

— Верую, — прошептала она. — Я не очень хорошо все это понимаю, но все равно верую, добрый господин.

После последующих расспросов Магнус сказал Кнуду:

— От ее крещения не будет вреда. Она не неразумная дикарка, хотя и сильно нуждается в более тщательном обучении перед конфирмацией. Ежели она окажется приманкой дьявола, святая вода разоблачит ее; ежели она просто не имеет души, то Господь подаст нам знак, и мы поймем это.

Крещение было назначено на воскресенье после мессы. Архидиакон дал Ирии белые одеяния и выбрал для нее имя святой. Она стала меньше его бояться и согласилась провести субботнюю ночь в молитвах. В пятницу вечером, переполненная нетерпением, она попросила сестру и братьев прийти на службу — священник, конечно же, дал позволение в надежде обратить и их — и заплакала, когда они отказались.

И вот, в ветреное утро, когда по небу плыли клочковатые белые облака, а в море плясали гребни небольших волн, перед жителями Элса, собравшимися в деревянной церкви, у подножия модели корабля, висевшей в приделе, и перед распятием над алтарем Ирия преклонила колени, и отец Кнуд совершил над ней и ее крестными родителями ритуал, перекрестил ее и радостно произнес:

— Окрещиваю тебя и нарекаю Маргрете, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Девочка закричала, и ее худое тельце рухнуло на пол. С церковных скамей донеслись аханье и хриплые возгласы, кто-то вскрикнул. Священник наклонился, в спешке позабыв о своей большой негнушей спине, и прижал девочку к себе.

— Ирия! — произнес он с дрожью в голосе. — Что с тобой?

Тяжело дыша, она обвела церковь ошеломленными глазами.

— Я... Маргрете, — сказала она. — Кто ты такой?

Ректор Магнус навис над ними:

— А ты кто такая?

Кнуд поднял на архидiakона полные слез глаза.

— Неужели у нее воистину нет души? — всхлипнул он.

Магнус показал на алтарь.

— Маргрете, — произнес он с таким металлом в голосе, что все прихожане мгновенно стихли. — Смотри сюда, Маргрете. Кто это?

Она взглянула туда, куда указывал его узловатый палец, поднялась на колени и перекрестилась.

— Это наш господин и спаситель Иисус Христос. — почти твердо произнесла она.

Магнус воздел руки. Он тоже заплакал, но от триумфа.

— Смотрите, свершилось чудо! — крикнул он. — Благодарю Тебя, всемогущий Господь, что Ты позволил мне, ничтожнейшему из грешников, лицезреть сей знак неизреченной милости Твоей. — Он повернулся к прихожанам: — На колени! Молитесь Ему! Молитесь!

Позднее, оставшись наедине с Кнудом, он уже более спокойно пояснил:

— Епископ и я думали, что может случиться нечто подобное, особенно потому, что в послании твоём было сказано: святые картины не отвернули от нее свои лики. Понимаешь, у полукровок воистину нет души, хотя тела их, без сомнения, не стареют. Но Господь возжелал получить даже таких. Через святой обряд крещения Он дал ей душу, как дает ее зашевелившемуся во чреве матери младенцу. Теперь она стала полностью человеком, смертной во плоти, но с бессмертной душой. И нам надлежит приложить все старания, дабы не утерjala она души своей и спасла ее.

— Но почему она ничего не помнит?

— Потому что родилась заново. Она сохранила датский язык и все прочие человеческие умения, которыми обладала; но все, что любым образом связывало ее с прежней жизнью, покинуло ее. Наверняка это тоже милость Небес, иначе Сатана воспользовался бы ее тоской по дому, чтобы отбить от стада невинную овечку.

Но старик был больше встревожен, чем обрадован.

— Ее сестре и братьям сие не понравится.

— Я знаю, что с ними сделать, — сказал Магнус. — Пусть девочка встретится с ними на берегу перед теми семью низкими и кривыми деревьями. Их ветви укуют моих людей со взведенными арбалетами...

— Нет! Никогда! Я не соглашусь! — судорожно сглотнул Кнуд, зная, сколь жалок его авторитет в глазах архидиакона. В конце концов он уговорил Магнуса не устраивать засады. Все равно полукровки скоро уйдут. А как подействует на новую душу Маргрете то, что первым ее воспоминанием будет пролитая кровь?

И посему священники велели солдатам стрелять лишь в том случае, если им будет приказано. Они поджидали за деревьями в холодных, ветреных сумерках. У кромки воды смутно виднелась развевающаяся белая одежда Маргрете, удивленной, но послушной. Пальцы ее перебирали четки.

В шелесте листьев и плеске прибоя послышался новый звук. Прямо перед ними из воды вышли высокий мужчина, высокая женщина и юноша. Сразу было видно, что они обнажены.

— Бесстыдство, — гневно прошипел Магнус.

Мужчина произнес что-то на незнакомом языке.

— Кто ты? — спросила Маргрете на датском и шагнула назад. — Я тебя не понимаю. Что ты хочешь?

— Ирия. — Женщина протянула вперед мокрые руки. — Ирия. Что они с тобой сделали? — произнесла она на ломаном датском.

— Я Маргретё, — ответила девочка. — Они сказали мне... Я должна быть смелой... Кто вы? И что вы?

Юноша взревел и прыгнул к ней. Она подняла крест.

— Именем Господа, изыди! — в ужасе завопила она. Юноша не подчинился, но остановился, когда его удержал брат. Высокий мужчина судорожно вдохнул.

Маргрете повернулась и побежала через дюны к деревне. Ее сестра и братья немного постояли, недоуменно и тревожно переговариваясь, и вернулись в море.

Глава 5

Остров, который люди называют Лесё, находится в четырех лигах к востоку от северной оконечности Ютландии. Песчаный, поросший вереском, продуваемый ветрами с проливов Скагеррак и Каттегат, он почти необитаем, но все же стоящие на нем маленькие церкви навсегда отогнали от него морской народ. А были времена, когда он, называясь Хлесе́й — то есть «остров Хлея», языческого бога Эгира на языке морских обитателей, — служил важнейшим местом сборов всех морских племен. Однако христианские священники колоколами, священными книгами и горящими свечами давно уже изгнали из тех мест своих языческих соперников.

Но чуть ниже Лесё, подобно китенку возле матери, притулился островок Хорнфискрон: чуть крупнее рифа, всего пол-лиги из конца в конец, с чахлыми полянками вереска. На нем никто никогда не жил, поэтому изгонять из его окрестностей языческую ересь тоже никому в голову не приходило. Возле островка сохранилось еще достаточно древней власти морского бога, поэтому морской народ мог приближаться к нему с юга и выходить на берег.

Титер Ванимен, король города Лири, привел сюда свое племя в день, когда с запада приближался дождь. Путь отнял у них больше времени, чем потребовалось бы здоровому взрослому, потому что среди них оказалось немало детей. К тому же столь большая группа путешественников не могла по дороге питаться достаточно хорошо, и голод вскоре ослабил каждого.

Выбравшись на берег, они сразу ощутили пронизывающие порывы ветра, жалящие удары первых капель дождя. Вскоре он гулким водопадом обрушился с небес, стальные пеногriвные волны с рычанием бились о берег. На западе висела грозовая туча, испещренная руническими зигзагами молний, небо на востоке затягивала низкая дымка.

Ванимен, царапая плавники ног о грубый песок, взошел на самую высокую из оказавшихся поблизости дюн и стал ждать, пока его спутники рассядутся вокруг. Держа в руке трезубец — символ царской власти, — он подбодрял их своим величественным видом. Он был крупнее большинства соплеменников, под снежно-белой кожей скульптурно бугрились мускулы, а шрамы на ней напоминали о многих прожитых

веках и бесчисленных жестоких схватках, которые ему довелось выиграть. Мокрые золотистые волосы ниспадали на плечи, окаймляя лицо, очень похожее на лицо Тауно, только глаза у царя были цвета морской зелени. В них читались спокойствие, сила и мудрость.

Но то была лишь маска на лице Ванимена. Утратив надежду, морские люди были бы обречены. Потрясенные случившимся, соплеменники теперь во всем полагались только на царя.

Воистину на меня одного, подумал Ванимен. Чем дольше он жил, тем более одиноким становился. Очень немногие морские люди доживали до его лет, а в Лири это не удалось никому другому — всех рано или поздно что-то губило, и чаще рано, чем поздно, если только житель моря не отличался особым умением или удачливостью. Никого из друзей его детства уже не осталось в живых, а первая возлюбленная уже сотни лет как превратилась в сладостное воспоминание. Пусть ненадолго, но он отважился поверить, что с Агнете он обретет то, что смертные называют счастьем, но слишком ясно сознавал, что продлится оно лишь краткое мгновение, пока тело ее не постареет, а жизнь — короткая, как у всех людей, — не угаснет. Он надеялся, что хотя бы в ее детях сохранится для него толика прежнего счастья. (А самое, наверное, горькое, что теперь выпало ему, — он более не сможет ухаживать за могилами трех умерших детей.) Остались Тауно, унаследовавший и превзошедший поэтический дар отца; Эйян с ее здоровой красотой; подающий большие надежды Кеннин; доверчивая Ирия, схожая обликом с матерью — но их уже нет рядом, и сумеют ли они отыскать родное племя в морских просторах?

Нельзя поддаваться слабости, вспомнил Ванимен. И, напрягшись всем телом, он заставил себя позабыть о скорби и обозрел свой народ.

Их осталось около четырнадцати десятков. Вероятно, население бывшего Лири впервые кто-либо удосужился пересчитать, и даже сегодня подобная мысль пришла в голову лишь Ванимену. Его долгая жизнь, все возрастающий груз жизненного опыта и ответственности постепенно лишили царя присущей его расе беззаботности, а взамен научили свойственной людям задумчивости.

Среди беженцев более половины оказались детьми (еще несколько умерли по дороге). Они жались к матерям — кто-то сосал грудь, кто-то из только начинающих ходить карапузов укрывался за телом матери от непогоды, и даже дети постарше, с уже вытянувшимися руками и ногами, по привычке цеплялись за пряди материнских волос, широко распахнутыми глазами вглядываясь в мир, ставший внезапно суровым и странным... Взрослые мужчины и бездетные женщины держались чуть в стороне. Среди морского народа об отцовстве обычно можно было только гадать, да ему никто и не придавал особого значения. Отпрысков обычно воспитывала мать, возлюбленные матери, которых она к тому времени заводила, ее подруги и любовники подруг — словом, все племя.

Так поступали все, кроме, разумеется, Агнете... Как старалась она привить своим детям чувство того, что полагала правильным и достойным! После ее ухода Ванимен рассказал им все, что знал о нравах и обычаях жителей суши; в конце концов, за свою долгую жизнь он повидал немало. Теперь он гадал, помогут ли им его рассказы хоть чем-нибудь.

Воспоминания воспоминаниями, но встревоженные лица соплеменников сейчас обращены к нему. И они должны услышать нечто более существенное, чем завывание ветра.

Он наполнил легкие воздухом, и его мощный голос услышали все:

— Жители Лири, которого больше нет! Здесь мы должны решить, куда нам направиться дальше. Мы все умрем, если начнем бесцельно скитаться. Но в местных водах все известные нам места, способные прокормить нас, или запретны для морских людей, или уже стали домом для наших сородичей. Так куда нам теперь податься?

— А зачем нам вообще искать побережье? — с легкой язвительностью бросил один из юношей. — Я неделями прекрасно кормился в открытом море.

Ванимен покачал головой:

— Но ты не сможешь жить так годами, Хайко. Где станешь ты отдыхать, где укрываться? Где построишь дом или найдешь для него материалы? Да, мы можем укрыться в глубинах, но ненадолго — там слишком холодно, темно и пустынно, а все, принесенное с отмелей и рифов, покрывается слизью. Лишившись жилища, утратив, как сейчас, оружие и инструменты, мы станем просто животными, куда менее приспособленными к жизни, чем акулы и касатки, которые станут на нас охотиться. Ты погибнешь, но еще раньше погибнут дети — надежда нашего племени. Нет, нам, как и нашим двоюродным родственникам тюленям, суша и воздух нужны не меньше, чем вода.

А огонь, подумал он, пусть остается людям.

Впрочем, он слышал и о карликах-гномах, но даже мысль о жизни под землей заставила его содрогнуться.

Тут заговорила худая женщина с голубыми волосами:

— Ты уверен, что мы не сможем отыскать себе какое-нибудь место поблизости? Я как-то переплыла Финский залив. Его дальняя оконечность богата рыбой, а наших соплеменников там нет.

— А ты никогда не спрашивала почему, Мейива? — ответил Ванимен.

— Хотела спросить, но вечно забывала, — сказала она, немного удивившись.

— Эх, беззаботность наша, — вздохнул Ванимен. — А я это узнал. И едва не погиб. А потом несколько лет мучился от кошмарных снов.

В обращенных на Ванимена глазах соплеменников мелькнула искра интереса — такой рассказ все же лучше, чем тупое отчаяние.

— Живущие в тех краях смертные называются русы, — заговорил царь. — Это совсем другой народ, не похожий на датчан, норвежцев, шведов, финнов, леттов, лапландцев и других. И существа полумира,

делящие с ними эти земли, тоже... иные: одни дружественны нам, другие злобны, а третьи воистину ужасны. С водяным мы бы еще договорились, но вот русалка... — Воспоминание оказалось холоднее ветра и густеющего дождя и заставило Ванимена вздрогнуть. — По-коже, там в каждой реке обитает русалка. У нее облик девы, говорят, каждая из них была девой, пока не утонула; они заманивают мужчин на дно реки и жутко мучают своих пленников. Меня тоже заманили, лунной ночью во время прилива, и я испытал и увидел такое... словом, я спасся, бежал. Но мы не сможем жить вблизи столь зловещих берегов.

В наступившей после его слов тишине слышался лишь шелест дождя. Из мира исчезли краски, глазу виделся лишь серый полумрак. Неподалеку полыхнула молния, под невидимыми небесами прокатился гром.

Наконец пожилой мужчина — родившийся во времена, когда Данией правил Харальд Синий Зуб — заговорил:

— Я размышлял над этим, когда мы плыли сюда. Если мы не сможем присоединиться к нашим соплеменникам все вместе, то почему бы не сделать этого по двое или трое в разных местах? Полагаю, они не откажутся разделить с нами трапезу мира. И могут даже обрадоваться новизне, которую мы принесем с собой.

— Для некоторых это может стать выходом, — неохотно признал Ванимен. Он ждал подобных слов. — Но не для большинства. Вспомните, как мало осталось поселений морского народа. Мы последние, кто обитал у датских берегов. Не думаю, что наши сородичи смогут принять нас всех, не пострадав при этом. И, уж конечно, вряд ли им захочется кормить наших малышей долгие годы, пока они сами не научатся добывать пищу для всех.

Он выпрямился во весь рост, насколько позволяла буря.

— Не забывайте и того, — громко произнес он, — что *мы* жители Лири. У нас одна кровь, обычаи, воспоминания, все то, что делает нас теми, кто мы есть. Так захотите ли вы расстаться со своими друзьями и возлюбленными, позабыть старые песни и никогда не услышать новые, позволите ли вы Лири ваших предков — тех предков, что основали его во времена, когда отступил Великий Лед — умереть, словно он никогда не существовал?

Разве не должны мы помогать друг другу? Неужели вы хотите, чтобы стали правдой слова христиан о том, что морской народ не умеет любить?

Соплеменники пристально разглядывали царя сквозь завесу дождя. Несколько детей заплакали. Наконец Мейива сказала:

— Я знаю тебя, Ванимен. У тебя есть план. Поделись им с нами.

План... У Ванимена не было власти приказывать. Лири избрал его царем после того, как кости его предшественника отыскиались на рифе с гарпуном, торчащим между ребер. Он считался вождем во время довольно редких собраний общины. Он разрешал споры, но лишь желание сохранить всеобщее уважение могло заставить проиг-

равшего подчиниться его решению. Он говорил за всех своих подданных, общаясь с другими племенами, но необходимость в этом возникала редко. Он руководил воплощением замыслов, требовавших усилий всей общины.

Но важнейшие его обязанности выходили за рамки традиций. Ему полагалось быть сосудом мудрости, советником юных и попавших в беду, хранителем и учителем. Оберегая талисманы, зная чары, он охранял благополучие Лири от морских монстров, злой магии и мира людей. Он общался с могучими Силами... и даже был гостем самой Ран...

В награду за это он обитал во дворце, а не в простом доме рядового горожанина; все его потребности, если он не желал охотиться сам, удовлетворялись; ему приносили восхитительные дары (но и от него ждали гостеприимства и щедрости); его высоко чтили в племени, народ которого не имел склонности к почитанию.

Теперь все эти награды, не считая разве что последней, превратились в воспоминания, оставив ему лишь тяжкое бремя ответственности.

— Здешные воды — еще не весь мир, — сказал Ванимен. — В молодости я много путешествовал, подобно некоторым нашим соплеменникам. На западе я добирался до Гринланда и там от морского народа и от людей услышал о землях, лежащих еще далее. Ни смертные, ни наши соплеменники сами не бывали там, но весть о тех землях правдива — дельфины подтвердили ее мне. Многие из вас наверняка помнят, как я иногда упоминал о ней. Там найдутся великолепные мелководья и пляжи, о которых христианский мир даже не подозревает и потому не имеет над ними власти. Ежели мы отправимся туда, они станут нашими — их просторы, жизнь и красота, свобода и мир.

От удивления все заговорили разом. Голос Хайко первым перекрыл общий шум:

— Ты сам только что убеждал, что нам не выжить в открытом море. Разве сможем мы — особенно молодые, да и большинство взрослых — пережить столь долгое плавание? Как раз из-за этого никто из нашего народа и не живет в тех краях!

— Верно, верно. — Король поднял трезубец. Воцарилась тишина. — Но послушайте и меня, — сказал он. — Я тоже над этим размышлял. Мы смогли бы добраться до тех мест, не потеряв никого или почти никого, если бы по дороге имелись острова, где мы могли бы отдохнуть, укрыться от непогоды и привести себя в порядок. Разве не так? А что вы скажете о плавучем острове, который отправится в путь вместе с нами? О корабле?

Люди в долгу перед нами за зло, причиненное нам, никогда не причинявшими зла им. И я говорю: давайте захватим их корабль и направим его к западным землям — к новому миру!

Ко времени вечернего прилива шторм унесся прочь, унеся с собой и разногласия, вспыхнувшие среди морского народа. Проспоирив несколько часов, они согласились с Ванименом. Большинство

легло спать, свернувшись между дюнами, а несколько охотников отправились за пищей для остальных.

Ванимен уже в который раз обходил островок вместе с Мейивой. Близкие друг другу, они часто были любовниками до и после Агнете. Менее ветреная и капризная, более чуткая, чем остальные, Мейива умела наполнить радостью сердце Ванимена.

Небо на востоке превратилось в фиолетово-голубую колыбель для ранних звезд, полыхая на западе красными, пурпурными красками и горячим золотом. Плеск едва отсвечивающих волн убаюкивал. Воздух был тих и мягок, пахнул водорослями и морской далью. Вечер манил позабыть о голоде, усталости, врагах и насладиться часом надежды.

— Ты искренне веришь, что такое возможно? — спросила Мейива.

— Да, — убежденно ответил король. — Я ведь рассказывал тебе, как много раз тайком пробирался в тот порт, последний раз совсем недавно. Возможно, нам придется затаиться, дожидаясь удачного момента. Но сейчас, как мне кажется, ожидание не затянется — в город приплывает много торговцев. Никто не осмелится преследовать нас ночью, а к рассвету мы окажемся уже далеко, и отыскать нас не смогут.

— А умеешь ли ты управлять кораблем? — засомневалась она. — Об этом мы сегодня не говорили.

— Да, но немного. Кое-что подсмотрел сам, что-то узнал от людей — у меня время от времени бывали друзья среди них, помнишь? Но мы сможем научиться. Никаких опасностей нам не грозит — море просторно. Да и торопиться нам некуда. Потому что у нас *будет* свой остров. Мы сможем по очереди отдыхать на нем, поэтому нам потребуется меньше пищи и мы сумеем поддержать силы охотой. К тому же, в отличие от людей, нам не нужен запас пресной воды, а путь в море нам отыскать куда проще, чем им. Простая уверенность, что впереди нас ждет земля, к которой мы стремимся, а не просто изрытый волнами берег какого-то неизвестного залива — одно это станет тем отличием, что спасет нас.

Его взгляд поднялся от песка к мерцанию заката над западным горизонтом.

— Не знаю, жалеть мне сыновей Адама или же завидовать им, — негромко произнес он. — Не знаю.

Мейива взяла его за руку.

— Тебя как-то странно влечет к ним, — сказала она.

Ванимен кивнул:

— Да, и с годами все больше и больше. Я никому об этом не говорил, потому что кто сможет понять меня? И все же я чувствую... не знаю... что Творение создало нечто большее, чем нас — игривых и блистающих. И неважно, что у людей есть бессмертные души. Мы всегда считали это слишком низкой ценой за жизнь на берегу. Но хотел бы я знать, — его свободная ладонь сжалась, лицо нахмури-

лось, — что они имеют в этой жизни, здесь и сейчас, среди всей своей нищеты? Что мелькает в их краткой жизни такого, чего нам никогда не дано увидеть?

Порт Ставангер на юге Норвегии дремал под ущербной луной. Ее свет изломанным мостиком пересекал фьорд, в котором холмиками темнели островки, серебрил черепицу крыш, смягчал грани камней кафедрального собора и оживал в его окнах и превращал улицы под навесами домов в ущелья чернильного мрака. Касался он и носовых фигур и мачт стоящих у причала кораблей...

На одном из них, возле кормовой надстройки, свет свечи пробивался сквозь тонкую роговую пластинку, заменявшую в фонаре стекло. Корабль приплыл из ганзейского города Данцига: одномачтовый как шлюп, но длиннее и шире — такие недавно появившиеся корабли прозвали корытами. При свете дня наблюдатель бы увидел, что его обшитый внакрой* корпус — кирпично-красного цвета, с белым и желтым ободком.

Бесшумно подплывающих морских людей выдавала только подсвеченная луной рябь на воде. Они не испытывали ни холода, ни страха — охотники вышли на охоту.

Ванимен вел их к цели. Через высокий борт он перебраться бы не смог, но еще ранним вечером он вышел на берег и украл все необходимое. Брошенный крюк уцепился за борт, с него свисала веревочная лестница. Ванимен полез наверх.

Но как ни тихи были его движения, слабый шум все же достиг ушей вахтенного. (Экипаж давно уже проводил время в тавернах и харчевнях на берегу.) Моряк спустился с кормовой надстройки, держа пику и фонарь. Его свет тускло блеснул на стали, осветил седые пряди в бороде — моряк оказался далеко не юноша, грузный и неповоротливый.

— Кто идет? — крикнул он по-немецки, но, увидев фигуру, шагнувшую к нему из темноты, взвыл от ужаса: — О, Иисус, спаси меня! Спаси, спаси...

Ванимен не мог позволить ему разбудить весь порт. Сорвав висящий через плечо трезубец, он всадил его в живот моряка, пронзив печень. Хлынула кровь. Моряк рухнул на палубу, корчась от боли.

— Иоганна, Петер, Мария, Фридрих... — прохрипел он. Имена жены и детей? Отыскав глазами Ванимена, он приподнял руку. — Да проклянет тебя за это Господь, — услышал Ванимен. — Святой Михаил, тезка мой, ангел-воин, — отомсти...

Ванимен вонзил зубец в глаз — прямо в мозг, — и моряк стих. По лесенке на палубу торопливо лезли морские люди. На слова моряка они не обратили внимания — кроме царя, никто из них не знал

* Морской термин, означающий, что доски обшивки перекрываются подобно черепице. Существует также обшивка вгладь, когда доски плотно прилегают друг к другу ребрами, как паркет или дощатый пол.

немецкого. Ванимен постоял немного, скорбя о содеянном, потом столкнул труп за борт и начал командовать на корабле.

Задача оказалась не из легких, потому что моряки из его соплеменников получились никудышные. Их неуклюжие действия и топот наверняка достигли чьих-то ушей на берегу, и все были готовы сражаться, если возникнет необходимость. Но никто из людей на корабль не явился. Простой горожанин вряд ли поступил бы мудро, отправившись выяснять причину услышанного в ночи шума, а если по Ставангеру и ходила бюргерская стража, она, несомненно, решила, что ничего особенного не произошло — так, просто пьяная драка.

Причалные канаты упали в воду. Распущенный парус подхватил вечерний бриз, ради которого Ванимен отложил захват корабля на столь поздний час. Чтобы направлять корабль, глазам морских людей хватало и тусклого света луны. Посудина медленно двинулась в глубь залива. Когда корабль проплывал мимо острова, на борт стали подниматься женщины и дети.

К рассвету норвежский берег остался далеко за кормой.

Глава 6

Ингеборг, дочь Хьялмара, была женщиной из Элса лет тридцати. Она рано осиротела и вышла замуж за первого же из младших сыновей, пожелавших ее. Когда же оказалось, что она бесплодна, а муж ее утонул в море вместе с лодкой, оставив ее ни с чем, никто из прочих мужчин не захотел взять ее в жены. Прихожане заботились о деревенских нищих, обязывая их работать по году у любого, согласного взять их к себе. Такие хозяева прекрасно знали, как надо заставлять отрабатывать стол и кров, не тратясь чрезмерно на еду или одежду для своих подопечных. Вместо этого Ингеборг уговорила Реда Йенса взять ее на корабль во время ловли сельди. Она выполняла в палаточном лагере рыбаков ту работу, какую умела, и вернулась в деревню с несколькими шиллингами. С тех пор она проделывала это путешествие каждый год, а в прочее время оставалась дома, лишь по рыночным дням ходила по лесной дороге в Хадсунд.

Отец Кнуд уговаривал ее изменить такую жизнь. «А ты можешь найти мне работу получше?» — смеялась она в ответ. Ему пришлось отлучить ее если не от мессы, то от общины; она редко ходила в церковь, с тех пор как женщины повадились шипеть ей вслед на улицах и швырять в нее рыбы головы и кости. Мужчины же, проща глядящие на жизнь, согласились с тем, что ей нельзя позволять жить в деревне — лишь бы успокоить языки своих жен.

Она построила себе хижину на берегу в миле к северу от Элса. Время от времени к ней заглаживало большинство холостых молодых мужчин из деревни, моряки с пристававших к берегу кораблей, редкие странствующие торговцы, а с темнотой — и некоторые мужья сварливых жен. Если у них не оказывалось медяков, она соглашалась брать плату и натурой, отчего получила прозвище Ингеборг-Треска. В прочее время она оставалась одна и часто бродила далеко вдоль

берега или по лесам. Бродяг она не опасалась — вряд ли им пришло бы в голову ее убивать, а о чем еще волноваться? — зато немного побаивалась троллей.

Зимним вечером лет пять тому назад Тауно, только начинавший тогда изучать жизнь на берегу, постучал в ее дверь. Когда она его выпустила, он объяснил ей, кто он такой. Он наблюдал издали за ее хижинкой и видел мужчин, заходивших в нее крадучись, зато выходявших обратно с чванливым видом. Тауно сказал, что старается узнать обычаи народа его покойной матери — не могла бы она рассказать ему, в чем тут дело? Кончилось все тем, что он провел у нее ночь и с тех пор поступал так много раз. Она отличалась от русалок — и сердце, и тело у нее были теплее, а ремесло ее ничего не значило для Тауно, чьи морские приятели ничего не знали как о браке, так и о прочих тайнствах. Он многое смог у нее узнать и многое рассказал ей, когда они лежали под одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Он любил ее за доброту, упорство и грустноватую веселость.

Она никогда не брала с него платы, соглашаясь лишь на редкие подарки.

— Я никогда не думала плохо обо всех мужчинах, — сказала она. — О некоторых — да, вроде грубого старого скряги Кристоффера, в чьи руки я бы попала, не избери я другую жизнь. Как увижу, как он вышагивает с ухмылочкой по улице, так сразу мурашки по коже. — Она сплюнула на глиняный пол и вздохнула. — Хотя у него есть монеты... Нет, в общем-то эти мужики с колючими бородами не так плохи, а иногда меня радует и какой-нибудь парень. — Она взъерошила ему волосы. — Но ты, Тауно, непременно даешь мне больше, чем они. Неужели ты не понимаешь, что я была бы не права, беря с тебя плату?

— Нет, не понимаю, — честно ответил он. — У меня есть вещи, которые люди считают драгоценными — янтарь, жемчуг, кусочки золота. Если они помогут тебе, то почему бы тебе их не взять?

— Знаешь, — ответила она, — не говоря о прочих причинах, до господ в Хадсунде дойдут слухи, что Ингеборг-Треска приторговывает такими драгоценностями. Они захотят узнать, откуда они у меня. А мне вовсе не хочется, чтобы мой последний любовник оказался с капюшоном. — Она поцеловала Тауно. — Давай лучше поговорим о более приятном, ведь твои рассказы о подводных чудесах дают мне больше, чем могли бы дать богатства, которые можно потрогать руками.

Когда ректор Магнус изгнал морской народ, Ингеборг никого не принимала целую неделю, а глаза ее еще долго оставались красными.

Так обстояли дела, когда Тауно решил встретиться с ней вновь. Он вышел из воды обнаженный, если не считать стягивающей его длинные волосы ленточки на голове да острого кремневого кинжала на поясе. В правой руке он держал трезубец. Вечер стоял холодный и туманный, а туман все густел, пока не укрыл мягко поплескивающие волны и ранние звезды на небе. Пахло водорослями и рыбой,

а с берега тянуло запахами влажной земли и молодых листьев. Под его ногами поскрипывал песок, трава на дюнах царапала лодыжки.

К хижине приближались двое юношей из деревни, освещая себе дорогу факелом. Глаза Тауно видели в темноте дальше глаз людей, и он узнал их, несмотря на одинаковые плащи с капюшонами и обтягивающие штаны. Он преградил им путь.

— Нет, — сказал он. — Не сегодня.

— Но... но почему, Тауно? — спросил один из них с глуповатой улыбкой. — Ты ведь не лишишь своих друзей небольшого удовольствия, а ее этой прекрасной большой камбалы? Мы не задержимся надолго, если тебе так не терпится.

— Идите домой. И оставайтесь там.

— Тауно, ведь ты меня знаешь, мы разговаривали, играли в мяч. Ты залезал ко мне, когда я плавал один в шлюпке. Я Стиг...

— Мне нужно тебя убить? — спросил Тауно, не повышая голоса.

Парни устали на него. Свет оплывающего факела освещал его высокую, мускулистую фигуру с оружием в руке, слегка зеленоватые и мокрые, как у утопленника, волосы, лицо водяного и желтые глаза, холодные, как полярное сияние. Они развернулись и торопливо зашагали обратно. Сквозь туман до него донесся крик Стига:

— Правильно про вас говорили — все вы бездушные, проклятые *нелюди*...

Тауно пнул ногой дверь хижины — крытой торфом покосившейся коробки без окон, из посеревших от времени бревен. Свет проникал внутрь, а воздух выходил наружу через щели между бревнами, где выпал мох. Кроме светильника с китовым жиром в ней для тепла горел очаг, отбрасывая жуткие тени на спальную лежанку двойной ширины, стол и стул, скудные принадлежности для приготовления еды и шитья, вешалку для одежды, свисающие с шестов под потолком вяленую рыбу и колбасы и развешенные на поперечных перекладинах шестов связки сухарей. В туманные ночи, как сегодня, дым от очага почти не выходил через отверстие в крыше.

Водяные, выходя на берег, опорожняли легкие от воды одним сильным выдохом, и легкие Тауно всегда после этого некоторое время горели. Воздух казался ему чересчур разреженным и сухим, а звуки в нем более глухими, хотя, надо признать, видел он на берегу лучше, чем в воде. Но хуже всего была вонь в хижине — ему приходилось постоянно прочищать легкие кашлем, чтобы разговаривать.

Ингеборг молча обняла его. Это была невысокая и коренастая женщина, веснушчатая и курносая, с крупным нежным ртом. Глаза и волосы у нее были темные, голос высокий, но приятный. Бывали на свете даже принцессы, к которым мужчины относились с меньшим благоволением, чем к Ингеборг-Треске. Тауно не нравился исходящий от ее платья запах застарелого пота, равно как и любой свойственный людям характерный запах, но под ним он улавливал солнечный аромат женщины.

— Я надеялась... — выдохнула она. — Я так надеялась...

Он высвободился из ее объятий, шагнул назад и приподнял трезубец, не сводя с нее глаз.

— Где моя сестра? — рявкнул он.

— А, сестра... У нее все хорошо, Тауно. Никто не причинит ей вреда. Никто не посмеет. — Ингеборг отвела его подальше от двери. — Иди, бедняжка, садись, поешь супа и успокойся.

— Сперва ее лишили всего, что было ее жизнью...

Тауно пришлось остановиться и откашляться. Ингеборг воспользовалась паузой.

— Христианский народ не позволил бы ей жить среди них некрещенной. Ты не можешь их винить, Тауно, даже священников. За всем этим стоит более высокая сила. — Она пожала плечами и привычно улыбнулась уголком рта. — Ценой своего прошлого, ценой старости, уродства и смерти, меньше чем через сто лет она приобрела вечную жизнь в раю. Ты можешь прожить гораздо дольше, но, когда тебя настигнет смерть, твоя жизнь угаснет навсегда пламенем сгоревшей свечи. Я же переживу свое тело, только, наверное, в аду. Так кто из нас троих самый счастливый?

Немного успокоившись, но все еще мрачный, Тауно прислонил трезубец к стене и сел на лежанку. Под ним зашуршал соломенный матрац. Горящий торф выбрасывал из себя желтые и голубые огоньки, и дым его мог показаться приятным, не будь он так густ. В углях и под крышей затаились тени, бесформенные ступки мрака плясали на бревенчатых стенах. Даже обнаженного, Тауно не беспокоили холод и сырость, но Ингеборг дрожала, стоя у двери.

Он взглянул на нее сквозь полумрак и дым.

— Я мало что знаю, — сказал он. — В деревушке есть парень, из которого надеются сделать священника. Так он сказал моей сестре Эйян, повстречавшись с нею. — Он усмехнулся. — Она мне еще говорила, что с ним оказалось не так уж плохо заниматься любовью, жаль только, что от свежего воздуха он все время чихал. Так вот, — серьезно продолжил он, — если мир плывет именно так, нам остается лишь согласиться и не мешать ему. Однако... вчера вечером мы с Кеннином отправились на поиски Ирии — хотели убедиться, что с ней хорошо обращаются. Тьфу, сколько же грязи и дерьма на теболотах, что вы зовете улицами! Мы обошли все улицы, подходили к каждому дому, даже к церкви и кладбищу. Видишь ли, вот уж несколько дней, как мы не можем ее отыскать. А мы способны найти ее внутри чего угодно, будь то хижина или гроб. Наша маленькая Ирия теперь, быть может, и смертна, но тело ее до сих пор наполовину отцовское, и в тот последний вечер на берегу от нее по-прежнему пахло, как от освещенных солнцем волн. — Он стукнул кулаком по колену. — Кеннин и Эйян разъярились и собрались выйти на берег прямо днем и вырвать из людей правду кончиком гарпуна. Я сказал им, что они рискуют умереть, а как может мертвый помочь Ирии? Но мне было очень трудно дожидаться заката, Ингеборг.

Она села рядом с ним, обняв одной рукой за талию, а другую положив на бедро, и прижалась щекой к его плечу.

— Знаю, — тихо произнесла она.

Тауно остался хмур.

— Ну? Так что же произошло?

— Понимаешь, ректор забрал ее с собой в город Виборг... Подожди! Никто не хотел навредить ей. Да и как они посмеют причинить вред сосуду небесной милости? — рассудительно произнесла Ингеборг и тут же презрительно усмехнулась. — Ты пришел в нужный дом, Тауно. Ректор привез с собой молодого писца, он побывал у меня, и я его спросила, как они собираются кормить наше чудо. Мы в Элсе не скряги, сказала я ему, но и не богачи, и теперь, когда ей уже не суждено рассказывать байки о подводной жизни, кто захочет взять к себе девочку — ведь ее придется всему учить заново, как новорожденного младенца, да еще копить для приемной дочери приданое. Да, конечно, у нее есть какой-то выбор — работа нищенки, замужество за моряком или то, что выбрала я, — но разве это правильно для такого чуда? Нет, сказал писец, все будет иначе. Они заберут ее с собой и отдадут в монастырь Асмилды в Виборге.

— Что это такое?

Ингеборг объяснила, как смогла, и под конец добавила:

— Там Маргрете дадут кров и будут учить. Когда ей исполнится нужное число лет, она примет обет и после этого станет жить в чистоте. Ее, конечно, станут почитать до самой смерти, которая наверняка будет иметь запах святости. Или ты не веришь, что труп святой не будет вонять, как твой или мой?

— Но это ужасно! — воскликнул ошеломленный Тауно.

— Неужто? Многие сочли бы такую судьбу необыкновенной удачей. Он пристально посмотрел ей в глаза:

— А ты?

— Я... нет.

— Прожить взаперти до конца своих дней среди унылых стен, остриженной, в грубых одеждах, скудно питаясь, бормоча под нос о Боге и навсегда отвергнув то, что Бог вложил ей между ног, никогда не знать любви, детей, дома и семьи, не смея даже побродить под цветущими весной яблонями...

— Таков путь к вечному блаженству, Тауно.

— Гм. Я предпочту лучше блаженство сейчас, а мрак потом. Да и ты тоже, в сердце своем — разве не так? — что бы ты там ни говорила об отвращении к смертному одру. На мой взгляд, ваш христианский рай — весьма жалкое и унылое место.

— Маргрете может думать иначе.

— Мар... а, Ирия. — Он призадумался, подперев кулаком подбородок, сжав губы и тяжело вдыхая задымленный воздух.

— Что ж, — сказал он, — ежели она этого на самом деле хочет, быть посему. Но как нам об этом узнать? И как узнать *ей*? Разве позволят ей вообразить, что есть нечто реальное и правильное вне

стен того унылого мна... монастыря? Я не позволю обманывать свою сестру, Ингеборг.

— Вы послали ее на берег, не желая видеть ее съеденной утрями. Разве у вас теперь есть выбор?

— Неужели никакого?

Отчаяние всегда такого сильного Тауно пронзило ее, словно лезвие ножа.

— Милый мой, милый. — Она прижала его к себе, но вместо слез в ней пробудилась старая рыбацкая практичность.

— Есть среди людей нечто, открывающее любые ворота, кроме небесных, — сказала она. — Деньги.

С его губ сорвалось слово на языке подводных жителей.

— Говори, — сказал он на датском и стиснул ее руку шершавыми пальцами.

— Говоря проще: золото, — сказала Ингеборг, не пытаясь высвободить руку. — Или то, что можно обменять на золото, хотя лучше всего сам металл. Понимаешь, будь она богата, она могла бы жить, где пожелает; если денег достаточно — хоть при королевском дворе или в какой-нибудь чужой земле, богаче Дании. Она распоряжалась бы слугами, воинами, кладовыми, акрами земли. Смогла бы выбирать среди женихов. И тогда если она решит все оставить и вернуться к монашкам, то это будет свободный выбор.

— У моего отца было золото! Мы можем отыскать его среди руин!

— Сколько?

Они говорили долго. Морскому народу не приходило в голову мерить то, что было для них всего лишь слишком мягким и непрактичным металлом, пусть даже красивым и нержавеющей.

Наконец Ингеборг покачала головой.

— Боюсь, слишком мало, — вздохнула она. — Просто для жизни достаточно, но тут другой случай. В руки монастыря Асмилды и собора в Виборге попало живое чудо, и оно привлечет отовсюду множество паломников. Церковь — ее законный опекун, и она не позволит ей уйти в мирскую семью всего за несколько кубков и блюд.

— Сколько же тогда надо?

— Огромную сумму. Тысячи марок. Понимаешь, кого-то придется подкупить. Тех, кого не одолеть взяткой, придется завоевывать большими дарами для Церкви. А после всего у Маргрете должно остаться достаточно для жизни богатой молодой госпожи... Тысячи марок.

— Сколько это будет по весу? — нетерпеливо взревел Тауно, добавив ругательство на своем языке.

— Я... я... Да откуда мне знать, рыбацкой сироте, никогда не державшей в руках больше одной марки сразу? Полная лодка? Да, наверное, полной лодки хватит.

— Целая лодка! — Тауно откинулся на лежанку и уставился в потолок. — А у нас нет даже самой лодки.

Ингеборг печально улыбнулась и погладила пальцами его руку.

— Ни один мужчина не выигрывает каждую игру, — пробормотала она, — и не каждый водяной. Ты сделал то, что смог. Пусть сестра твоя проживет свой век, мучая свое тело, а потом душа ее пребудет в вечном блаженстве. Она будет помнить нас, когда ты станешь прахом, а я — гореть в аду.

Тауно потряс головой и прищурился:

— Нет... в ней течет та же кровь, что и во мне... и кровь эта не стремится к покою... Ирия застенчива и нежна, но рождена для свободы широких морей всего мира... если святость угаснет в ней от жизни среди старух с волосатыми подбородками, сможет ли она попасть на Небеса?

— Не знаю, не знаю.

— Хотя бы свобода выбора. И покупается она полной лодкой золота. Жизнь Ирии стоит всего пару жалких тонн.

— Тонн! Я просто не подумала... Конечно, гораздо меньше. Вполне достаточно будет пары сотен фунтов. — Тревога коснулась Ингеборг. — Думаешь, ты отыщешь так много?

— Гм-м... подожди. Подожди. Мне надо вспомнить... — Тауно резко сел. — Да! Знаю! — воскликнул он.

— Где? И как?

Он тут же начал строить планы, полный ртутной быстроты морских людей:

— Давным-давно на острове к северу от этих вод стоял город людей, — начал он негромко, уставившись в тень. Голос его слегка дрожал. — Он был велик и обилён золотом. Богом его был спрут. Ему приносили обильные жертвы — сокровища, вовсе ему не нужные, но вместе с ними коров, лошадей, девственников и пойманных преступников: все это спрут съедал. Ему нужно было не так много — тушу кита время от времени или корабль, чтобы сожрать моряков — а за столетия жрецы научились сигналами давать ему знать, какие из зашедших в гавань судов не нужны Аверорну... И вот спрут стал вял и ленив, и целые поколения людей не показывался, да в нем и не возникало нужды, потому что далеко вокруг стало известно, что нападение на Аверорн приносит несчастье.

Постепенно сами островитяне начали сомневаться, не миф ли этот спрут и есть ли он на самом деле. Тем временем на юге вознесся новый народ. Его торговцы отправились на север, и не только с товарами, но и с новыми богами, не требующими драгоценных жертв. Жителям Аверорна эти боги пришлось по нраву, и храм спрута был заброшен, огонь в нем погас, жрецы умерли, и никто не сменил их. Под конец король города повелел прекратить выполнять древние обряды на рассвете и на закате.

Прошел год, и разъяренный от голода спрут поднялся со дна морского и потопил все корабли в гавани. Руки его протянулись к берегу, сокрушая башни и собирая богатую добычу, а вслед за ним накатили огромные волны, поглотили остров, увлекли его на дно морское, и теперь о нем помнит лишь морской народ.

— Какая чудесная история! — хлопнула в ладоши Ингеборг, не подумав о маленьких детях, утонувших вместе с городом. — Я так счастлива!

— Не такая уж она и чудесная, — возразил Тауно. — Мы помним Аверорн потому, что спрут до сих пор там таится. И собирает с нас обильную дань.

— Понимаю... Но у тебя, наверное, есть какая-то надежда, раз ты...

— Да. Стоит попытаться. Слушай, женщина: люди никогда не опускались на дно. У морского народа нет ни кораблей, ни металлического оружия, способного долго не ржаветь. Никогда наши расы не работали вместе. Но если они попробуют... может быть...

Ингеборг долго просидела молча и потом еле слышно произнесла:

— А ты, может быть, погибнешь.

— Да-да. Но что с того? Все мы обречены с рождения. Морские люди держатся вместе — они должны так поступать, — и жизнь одного из нас не ценится высоко. Как смогу я скитаться по свету, зная, что не сделал для своей сестры Ирии, так похожей на нашу мать, все, что было в моих силах? — Тауно прикусил губу. — Но вот корабль с моряками. Как его раздобыть?

Они продолжили разговор, и она все пыталась отговорить его, а он все тверже настаивал на своем. Наконец она сдалась.

— Как знать, быть может, я смогу показать тебе то, что ты хочешь, — сказала она.

— Что? Как?

— Ты ведь понимаешь, что рыбацкие лодки Элса слишком хрупки для того, что ты задумал. Не сможешь ты и нанять корабль у уважаемого владельца — ведь у тебя нет души, а план твой безумен. Но есть, однако, шлюп — небольшой, но все-таки корабль, плавающий из Хадсунда — это город в нескольких милях отсюда в конце Мариагерфьорда. Я хожу туда по базарным дням и потому знаю людей с этого корабля. Он торговый, возит грузы на север до Финляндии, на запад до Вендланда, на восток до Исландии. В наших отдаленных краях моряки не могут удержаться от пиратства, если им кажется, что сами они не рискуют. Экипаж на том корабле — шайка головорезов, а хуже всех — сам капитан. Он родом из хорошей семьи неподалеку от Хернинга, но его отец выбрал не ту сторону в ссоре между сыновьями короля, и потому у герра Ранильда Есперсена не осталось ничего, кроме этого корабля. К тому же он горько клянет ганзейских купцов — их корабли вытеснили его из тех мест, где он раньше удачно торговал.

Кто знает, вдруг он достаточно отчаянный, чтобы отправиться с тобой?

Тауно задумался.

— Возможно. М-м-м... мы, морской народ, не имеем обыкновения предавать и убивать своих соплеменников, как то проделывают люди с душами. Я умею сражаться и не побоюсь схватиться с кем угодно с любым оружием или без него; но все же если дело дойдет до

придинок и нам придется опасаться нападения его моряков, то нам троим выдержать такое будет трудно.

— Знаю, — согласилась Ингеборг. — Тогда лучше и мне отправиться с вами — немного заработать, а заодно и присматривать за ними, чтобы вовремя вас предупредить.

— В самом деле? — удивился он и тут же добавил: — Тогда ты получишь честную долю добычи, подруга. Ты тоже должна получить свободу.

— Если мы останемся в живых. А если нет — то что заранее волноваться? Но, Тауно, только не подумай, что я предложила это из жадности к богатству...

— Конечно, мне нужно поговорить с Эйя и Кеннином... составить план... еще раз поговорить с тобой... но все же...

— Верно, Тауно, верно. Завтра, всегда, когда угодно ты получишь от меня все, что тебе будет нужно. Но сегодня я прошу лишь об одном — перестань беспокоиться, изгони тревогу, и пусть останутся только Тауно и Ингеборг. Смотри, я сняла для тебя платье...

Глава 7

Выйдя из Мариагер-фьорда, черный шлюп «Хернинг» поймал попутный ветер, наполнил паруса и с доброй скоростью поплыл на север. Оказавшись на палубе, Тауно, Эйя и Кеннин сбросили с себя человеческую одежду — это вонючее душное тряпье! — в котором им пришлось для маскировки ходить несколько дней, пока шли переговоры с Ранильдом Есперсеном. Шестеро из восьмерых моряков алчно вскрикнули, увидев Эйя, прикрытую лишь переброшенными за спину распущенными медно-красными волосами. Все они были грубы и неотесаны, искушены вшами, покрыты шрамами от бесчисленных драк, а их кожаные камзолы, подбитые ватой рубашки и штаны заляпаны застарелыми и вонючими жирными пятнами.

Седьмым был семнадцатилетний парнишка Нильс Йонсен. Незадолго до Тауно он пришел в Хадсунд в поисках работы, желая помочь матери-вдове растить младших братьев и сестер, но не смог отыскать ничего, кроме места на «Хернинге». Это был худощавый симпатичный парень с соломенными волосами и свежим лицом. Его глаза наполнились слезами.

— Как она прекрасна, — прошептал он.

Восьмым был капитан. Он нахмурился и сошел с полуюта, заслоняющего рулевого у румпеля от ветра и волн. Весь нос корабля застилала палуба с проходящей сквозь нее мачтой. Ниже носовой палубы находились главная палуба с двумя люками, тали, камбуз и груз, перевозимый не в трюме. Там же лежали блок из красного гранита длиной в три фута и весом около тонны, десятков более мелких якорей и множество канатов.

Ранильд подошел к детям морского царя, когда они вместе с Ингеборг стояли у левого борта, разглядывая проплывающие мимо длинные холмы Ютландии. Стоял ясный день, солнце ослепительно

сверкало на серо-зелено-голубых ледовых шапках гор. В хлопающей оснастке свистел ветер, а корпус корабля потрескивал каждый раз, когда волнорез шлюпа в виде фигуры с зажатой в зубах костью поднимался из волны. Над головой кричали чайки, мельтешением белых крыльев напоминая метель. Пахло солью и смолой.

— Эй, вы! — рявкнул Ранильд. — Кровь божья! Приведите себя в приличный вид.

Кеннин с отвращением взглянул на капитана. Долгие часы им пришлось торговаться с ним в задней комнате гостиницы со скверной репутацией, и уже привычная грубость Ранильда показалась теперь оскорбительной.

— А ты кто такой, чтобы говорить о приличиях? — фыркнул Кеннин.

— Остынь, — негромко бросил ему Тауно. Он относился к капитану не с большей любовью, но все же несколько спокойнее. Хотя и невысокий, Ранильд был широкогруд и мускулист. Черные, никогда в жизни не мытые волосы обрамляли грубое лицо с перебитым носом и бледными глазами; сквозь бороду, отросшую почти до живота-бочонка, виднелись щербатые зубы. Он был одет так же, как и его моряки, отличаясь от них висевшими на поясе коротким мечом и ножом, а также сапогами из мягкой кожи вместо башмаков или босых ног.

— В чем дело? — спросил Тауно. — Ты, Ранильд, можешь не снимать одежду, пока она не сгниет и не свалится с тебя сама. Но мы-то здесь при чем?

— *Господин* Ранильд, водяной! — Рука капитана сомкнулась на рукоятке меча. — Мои предки были юнкерами еще тогда, когда твои ползали по дну среди рыб — и я тоже дворянин, разрази меня гром! Это мой корабль, я снарядил его на свои деньги, и, клянусь божьими костями, вы или будете делать то, что вам говорят, или повиснете на нок-рее!

Кинжал Эйян вылетел из ножен и сверкнул у глотки капитана.

— Если только мы сами не повесим тебя за твои завшивленные бакенбарды, — прошипела она.

Руки моряков потянулись к ножам и такелажным костылям. Ингеборг втиснулась между Эйян и Ранильдом.

— Что вы делаете? — воскликнула она. — Уже успели вцепиться друг другу в глотки? Вы не получите золото без морских людей, герр Ранильд, а они его — без вашей помощи. Во имя Иисуса, разойдитесь!

Эйян и Ранильд сделали по шагу назад, все еще пронзая друг друга злобными взглядами. Ингеборг быстро заговорила вновь:

— Кажется, я знаю, в чем тут дело. Герр Ранильд, эти дети чистого моря расчесали себя до крови за дни, проведенные в городе, где на улицах роются свиньи, и ночи в комнатах, полных вони и клопов. Но вам, Тауно, Эйян и Кеннин, все-таки следует прислушаться к доброму совету, пусть даже и не очень вежливо высказанному.

— К какому же? — поинтересовался Тауно.

Ингеборг сильно покраснела, опустила глаза, переплела пальцы и еще тише сказала:

— Вспомните наше соглашение. Герр Ранильд хотел, чтобы ты, Эйян, ложилась с ним и его людьми. Ты отказалась. Я предложила, что... буду делать это сама, и так мы пришли к согласию. А ты, Эйян, очень красива — красивее любой смертной девушки. И с твоей стороны неверно и несправедливо выставять свои прелести напоказ перед теми, кто может лишь смотреть на них. Наше путешествие под угрозой. Мы не можем допустить никаких раздоров.

Эйян прикусила губу.

— Я об этом не подумала, — признала она, но тут же, сверкнув глазами, добавила: — Но, чтобы не носить эти воняющие хлебом тряпки теперь, когда уже не надо маскироваться, я лучше убью всю команду, и мы вчетвером поведем корабль сами.

Ранильд уже открыл рот, но Тауно опередил его:

— Это пустой разговор, сестра моя. Послушай, мы можем смириться с этими тряпками, пока не минует Элс. Там мы нырнем на то место, где стоял Лири, добудем подходящую одежду... а заодно и смоем по пути грязь от этой.

Так был достигнут мир. Мужчины продолжали с вожделием заглядываться на Эйян, потому что надетая на нее накидка из трехслойной рыбьей кожи, переливающаяся разноцветной чешуей, почти не скрывала холмы ее груди и едва достигала бедер. Но у них была Ингеборг.

Людскую одежду морским людям тоже дала Ингеборг, в одиночку добравшаяся до Хадсунда через полные бродяг леса. Там она сумела заинтересовать возможной добычей Ранильда и встретилась с водяными на берегу Мариагер-фьорда. Когда сделка была заключена и они ударили по рукам, Ранильд принялся уговаривать своих людей отправиться вместе с ним. Олув Ольсен, сухопарый и утрюмый, с пепельно-бледной кожей, не колебался ни секунды — его жизнью правили нажива и жадность. Торбен и Лейв сказали, что им уже доводилось видеть перед собой острую сталь, а впереди их ждет лишь петля, так что пусть спрут, пусть что другое — какая разница? Палле, Тиге и Сивард позволили себя уговорить. Но последний из его экипажа отказался, и именно поэтому вместо него на корабле появился Нильс Йонсен.

Никто не спрашивал Ранильда, что стало с упрямым. Секреты важно сохранять, и даже дворянин иной раз бывает вынужден исполнить работу могильщика. Ааге просто больше никто никогда не видел.

В тот первый день «Хернинг» миновал широкие пляжи и громахающий прибой мыса Ска и через пролив Скагеррак вышел в Северное море. Ему предстояло обогнуть Шотландию, затем направиться на юго-запад и проплыть сотню миль мимо Ирландии. И хотя шлюп слыл быстроходным кораблем, ему нужен был посланный Богом ветер, дабы проделать этот путь менее чем за две недели — так оно на деле и оказалось.

Корабль плыл без груза, с одним балластом, и моряки спали внизу, в просторном пустом трюме. Тауно и остальные сразу отказались от этой мрачной, грязной, полной крыс и тараканов пещеры и устроились на палубе. Они обходились без спальных мешков или одеял, довольствуясь соломенными матрацами. Когда корабль шел медленно, они прыгали за борт и плавали вокруг него, иногда исчезая под водой на час-другой.

Ингеборг однажды сказала Тауно, что с радостью осталась бы вместе с ними по ночам на палубе, но Ранильд велел ей ночевать в трюме, дабы с ней мог переспать любой желающий. Тауно покачал головой.

— Люди — жестокие создания, — заметил он.

— Твоя сестра стала человеком, — возразила она. — И неужели ты забыл свою мать, отца Кнуда или друзей в Элсе?

— Н-нет. И не тебя, Ингеборг. Когда мы вернемся домой... Но я, конечно, все равно покину Данию.

— Да. — Она отвела глаза. — У нас на корабле есть еще один хороший парень — Нильс.

Он единственный из всех моряков не пользовался ею и всегда был с ней приветлив и вежлив. (Тауно и Кеннин тоже держались подальше от этой трюмной подстилки; ведь ее тело теперь делили отнюдь не честные крестьяне и рыбаки. Им же самим хватало ласковых волн, игр с тюленями и дельфинами и текучих морских глубин.) На Эйян Нильс лишь грустно поглядывал издалека, а когда не стоял на вахте, то застенчиво бродил за ней следом.

Остальной экипаж общался с водяными только при необходимости, но не больше. Они брали пойманную ими в море свежую рыбу, но сседали ее молча, словно тех, кто ее принес, вовсе не существовало. Ингеборг слышала, как моряки ворчали себе под нос: «Проклятые язычники... спесивые... говорящие животные... хуже евреев... Нам многие грехи простятся, если мы перережем им глотки, разве не так?.. Ух, прежде чем воткну свой нож в ту голоногую девку, я с ней проделаю и кое-что другое...»

У Ранильда к морским людям было свое отношение. Когда несколько его попыток завязать дружбу натолкнулись на решительный отказ, он начал их сторониться. Тауно поначалу пытался идти ему навстречу, но разговоры капитана оказывались или скучны, или попросту внушали ему отвращение, а лицемерить Тауно не умел никогда.

Но Нильс ему нравился, хотя они редко разговаривали — Тауно был по природе молчалив, если только не начинал сочинять стихи. К тому же по возрасту Нильс был ближе к Кеннину, и вскоре юноши обнаружили, что у каждого есть запас шуток и воспоминаний, которыми приятно обмениваться. Кроме прочих корабельных работ, много часов каждый день тратилось на плетение из канатов большой сети. Нильс и Кеннин, не обращая внимания на бродивших рядом угрюмых мужчин, частенько посиживали рядом за этой работой, смеялись и болтали:

— ...Клянусь, единственный раз в жизни я тогда увидел удивленную устрицу!

— Ха, а я вот помню, давно — я тогда еще совсем был сопливой килькой — было у нас несколько коров. Повел я одну из них к быку одного своего родича. У дороги стояла большая водяная мельница, и еще издалека я увидел, что она работает. А корова-то хуже человека видит, и эта влюбленная дура только и поняла, что неподалеку что-то большое стоит да ревет. Тут она как помчалась вперед, сама мычит, даже недоуздок из руки вырвала. Я ее, конечно, скоро поймал — она сама остановилась, как только до нее дошло, что это не бык. Видел бы ты ее — такая стояла вся несчастная, будто проткнутый булавкой рыбий пузырь. Повел я ее дальше, а она ковыляет да спотыкается, словно ее по голове огрели.

— Хо-хо, дай я тебе лучше расскажу, как мы с парнями нарядили моржа в царские одежды моего отца...

Эйян часто присаживалась к ним — послушать и посмеяться. Она не изображала из себя важную даму, хоть у русалок есть такая склонность. Свой рыжие локоны она обычно распускала по плечам, кольца, ожерелья и шитые золотом наряды надевала только на время праздников и предпочитала охотиться на китов и бросать вызов опасному прибою на рифах, чем скучать дома. Живших на берегу она по большей части презирала (но это не мешало ей бродить по лесам и восхищенно любоваться цветами, оленями, белками, феерией осенних листьев, а зимой — белизной снега и сверканием ледников). Но некоторые люди, в том числе и Нильс, нравились ей. Она тоже не занималась любовью с братьями — то был единственный христианский закон, который Агнете удалось накрепко внушить своим детям, — но теперь мужчины ее народа уплыли неизвестно куда, а парни из Элса остались далеко позади.

«Хернинг» резал носом волны днем и ночью, в шквалы и в штиль, пока не достиг южных Оркнейских островов. Это произошло в светлый летний вечер перед восходом полной луны, в мягкую погоду с ровным ветерком. Тауно и Ранильд решили, что плыть между островами вполне можно и ночью, к тому же братья предложили плыть перед кораблем и высматривать дорогу. Эйян тоже хотелось отправиться с ними, но Тауно сказал, что кому-то придется остаться на корабле на случай возможных неприятностей вроде внезапного нападения акул, и, когда они бросили жребий, ей досталась короткая соломинка. Она ругалась четверть часа подряд, ни разу не повторившись, и лишь потом успокоилась.

Вот почему она оказалась в одиночестве на главной палубе неподалеку от носового кубрика. Один из моряков сидел на марсе, скрытый от нее раздутым парусом, рулевой стоял под полуютом, укрытый его тенью. Все остальные, научившиеся доверять братьям в том, что касалось моря, храпели внизу.

Все, кроме Нильса. Он поднялся на палубу и увидел там Эйян. Лунный свет, рассеиваясь в волосах, мерцал на ее накидке, освещал

лицо, грудь и руки. Он заливал чистым светом палубу, переливающейся дорожкой струился от самого горизонта до пенного кружева на маленьких волнах, мягко шлепавших в борт. Босоногий Нильс ощущал эти легкие удары, потому что корабль был загружен лишь настолько, чтобы не потерять остойчивость. Обшитый крест-накрест полосами кожи парус, уныло бурый при дневном свете, теперь возвышался над ними заснеженным горным пиком. Потрескивали снасти, шелестел ветер, бормотало море. Было почти тепло. В сонном полумраке невообразимо высоко мерцали звезды.

— Добрый вечер, — робко произнес Нильс.

Она улыбнулась, заметив высокого испуганного парня:

— Привет.

— А ты... мне... можно мне побыть с тобой?

— Конечно. — Эйян показала на море, где вдалеке в лунном свете виднелись двое пловцов. — Как мне сейчас хочется быть с ними! Попробуй отвлечь меня, Нильс.

— Ты... ты любишь море, правда?

— Что еще любить, как не его? Тауно когда-то написал стихотворение... Я не смогу хорошо перевести его на датский, но попробую: *«Наверху оно танцует — под солнцем, под луной, под дождем, под крики чаек и завывание ветра. Внизу оно зеленое и золотистое, спокойное и ласковое, дети его — бесчисленные косяки и стаи, оно — средоточие и упование мира. Но в пучине своей хранит оно то, что недоступно свету, тайну, и трепет чрево, в котором вынашивает себя. Дева, Матерь, Владычица, прими по смерти мой прах!»* Нет, — покачала головой Эйян. — Неправильно. Быть может, если ты подумаешь о своей земле, о зеленом колесе ее года, и о... Марии?.. носящей одежды цвета небес, тогда, быть может, ты сможешь... сама не знаю, что пытаюсь сказать.

— Не могу поверить, что у вас нет душ! — негромко воскликнул Нильс.

Эйян пожала плечами. Настроение ее изменилось.

— Говорят, наши предки дружили с древними богами, а до этого — с еще более древними. Но мы никогда не приносили им даров и не молились. Я пыталась понять мысли людей, но так и не смогла. Неужели богу нужны рыба или золото? Неужели его волнует, как вы живете? Неужели он не свершит задуманного, если вы станете, хныкая, пресмыкаться перед ним? Неужели его заботит, как вы к нему относитесь?

— Для меня невыносима сама мысль, что ты когда-нибудь обратишься в ничто. Умоляю тебя, прими крещение.

— Хо! Скорее ты переберешься жить в море. Жаль, что не могу помочь тебе сама. Мой отец знает нужные чары, а мы трое — нет. — Она накрыла его руку своей ладонью. Пальцы Нильса до боли стиснули перила борта. — Но я с радостью возьму тебя, Нильс, — тихо сказала она. — Пусть ненадолго, но я хочу поделиться с тобой тем, что люблю.

— Ты слишком... слишком добра. — Он повернулся, собираясь уйти, но она удержала его.

— Пойдем, — улыбнулась Эйян. — На носовой палубе темно, и там мое ложе.

Тауно и Кеннин не зря плавали в море. Они предупредили капитана о рифе, а позднее заметили дрейфующую лодку, вероятно, отвазавшуюся от какого-то корабля. В это время года корабли были частыми гостями в местных водах. Когда на рассвете братья поднялись на борт, Ранильд даже ощутил к ним симпатию.

— Божьи камни! — проревел он, шлепая Кеннина по плечу. — А ведь ваше племя могло бы зашибать неплохие деньги на королевском флоте или у купцов Ганзы.

Кеннин высвободил плечо.

— Боюсь, у них не хватит денег, — засмеялся он, — чтобы заставить меня нюхать вонь помойной ямы из твоего рта.

Ранильд бросился в драку, но Тауно встал между ними.

— Довольно! — рявкнул старший брат. — Мы все знаем, что дело следует сделать. И знаем, как будет разделена добыча. Советую не переступать черты — с любой из сторон.

Ранильд нехотя отошел, плюясь и изрыгая проклятия. Его люди недовольно ворчали.

Вскоре после этого четверо свободных от вахты моряков окружили Нильса на полуоте и принялись, хихикая, толкать его локтями. Нильс сдержался, и тогда они вынули ножи и пригрозили порезать его, если он не станет им отвечать. Позднее они утверждали, что не говорили этого всерьез. Но то было позднее, а тогда Нильс вырвался, сбежал вниз по трапу и побежал на нос.

Братья и Эйян спали возле носового кубрика. Был ясный день, дул легкий ветерок, на горизонте виднелось несколько парусов. Над близким берегом мелькали крылья чаек.

Дети водяного проснулись с животной быстротой.

— Что случилось? — спросила Эйян, становясь рядом с Нильсом и вытаскивая стальной кинжал. Как и братья, она тоже попросила Ингеборг купить ей оружие за кусочек золота из Лири. Тауно и Кеннин встали по бокам с гарпунами в руках.

— Они... о, они... — От волнения щеки Нильса покрылись белыми и красными пятнами, язык застыл во рту.

К ним вразвалку направлялся Олув Ольсен, следом с ехидными ухмылками приближались Торбен, Палле и Тиге. (Ранильд и Ингеборг спали внизу. Лейв стоял у руля, Сивард сидел наблюдателем на марсе — оба они подзуживали товарищей, выкрикивая дурацкие шуточки.) Помощник капитана моргнул белесыми ресницами и оскалил в ухмылке большие бычьи зубы.

— Так что, русалка, — воскликнул он, — кто будет следующим?

Глаза Эйян стали серыми, как штормовое море.

— Что ты имеешь в виду, — отозвалась она, — если только в твоём тьяканье вообще есть хоть какой-то смысл?

Олув остановился в пяти шагах от угрожающе выставленных гарпунов.

— Прошлой ночью Тиге стоял у руля, — раздраженно сказал он, — а Торбен торчал на мачте. Оба они видели, как ты ушла под носовую палубу с этим молокососом. А потом слышали, как вы там перешептывались, возились, стучали и стонали.

— Тебе-то какое дело до моей сестры? — ошетинился Кеннин.

Олув помахал пальцем.

— А такое, — продолжил он, — что до сих пор мы, как честные люди, оставляли ее в покое, но раз уж она расставила ноги для одного, то сделает это и для остальных.

— Почему?

— Почему? Да потому что мы все здесь делаем одно дело, понял? Да и вообще, какое право имеет морская корова задирать нос и выбирать, кого захочет? — Олув ухмыльнулся. — Я первый, Эйян. Обещаю, ты получишь гораздо больше удовольствия с настоящим мужчиной.

— Убирайся, — сказала девушка, дрожа от ярости.

— Их тут трое, — повернулся Олув к товарищам. — Малыша Нильса я в счет не беру. Лейв, бросай румпель. Эй, Сивард, спускайся! — Что ты собираешься сделать? — ровным голосом спросил Тауно.

Олув поковырял ногтем в зубах:

— Да ничего особенного. Думаю, лучше всего будет тебя с братцем покрепче связать. Коли станете вести себя хорошо, мы вам ничего плохого не сделаем. А ваша сестричка скоро будет нас благодарить.

Эйян завизжала, как кошка.

— Попробуй, но только сперва ты у меня ляжешь в Черную Тину! — прорычал Кеннин.

Нильс простонал, из глаз его брызнули слезы. Одной рукой он вытащил нож, другой коснулся Эйян. Тауно жестом велел им отойти назад. Его нечеловеческое лицо под развевающимися на ветру волосами оставалось невозмутимым.

— Это твоё твердое решение? — спокойно спросил он.

— Да, — отозвался Олув.

— Понял.

— Ты, она... бездушные... двуногие животные. А у животных нет прав.

— Ошибаешься, есть. Зато их нет у вонючего дерьма. Наслаждайся, Олув!

И Тауно метнул гарпун.

Острые зубцы пронзили помощнику живот. Олув завопил и покатился по палубе, заливая ее кровью и визжа от боли. Тауно прыгнул вперед, подхватил выскочившее древко и тут же, держа его как палицу, бросился на моряков. Следом за ним двинулись Нильс, Кеннин и Эйян.

— Не убивайте их! — крикнул Тауно. — Нам будут нужны их руки!

Нильс даже не успел вступить в схватку — настолько быстры оказались его друзья. Кеннин погрузил кулак в живот Торбена, тут же развернулся и ударил Палле коленом в пах. Палица Тауно свалила на палубу Тиге. Эйян прыгнула навстречу бегущему с кормы Лейву,

застыла на месте перед самым столкновением и перекинула его тело через бедро. Лейв с треском врезался головой в носовой трап. Перепуганный Сивард вскарабкался обратно на мачту, и все кончилось.

Из трюма с яростными воплями выскочил Ранильд, но, оказавшись лицом к лицу с тремя полукровками и сильным парнем, он с большой неохотой был вынужден признать, что Олув Ольсен получил по заслугам. Ингеборг помогла ему успокоиться, напомнив всем, что теперь добычу придется делить на меньшее число долей. Было заключено хрупкое перемирие, а труп Олува выбросили за борт с привязанным к щиколотке камнем из балласта, дабы он не принес неудачи, всплыв поглядеть на своих бывших товарищей.

После этого Ранильд и его люди не разговаривали с детьми водяного или с Нильсом без необходимости — Нильс теперь спал вместе с морскими людьми, не желая получить удар ножом в почки. Оказавшись столь близко к Эйян, парень лишь восхищенно смотрел на нее, а она улыбалась и рассеянно похлопывала его по щеке — мысли ее были где-то далеко.

Ингеборг отвела Тауно в укромное место и предупредила, что, когда золотое окажется на борту, экипаж не намерен слишком долго оставлять в живых тех, кого они ненавидят. Она заставила моряков проговориться, притворившись, будто сама ненавидит морской народ и завела с ними дружбу лишь для того, чтобы заманить их в ловушку, как ловят горностая ради его меха.

— Твои слова не удивляют меня, — сказал Тауно. — Весь путь домой мы будем постоянно настороже. — Он взглянул на нее. — Какой у тебя измученный вид!

— С рыбаками было легче, — вздохнула она.

Тауно приподнял рукой ее подбородок.

— Когда мы вернемся, если нам это суждено, — сказал он, — у тебя будет вся свобода этого мира. А если нет, ты обретишь покой.

— Или ад, — устало отозвалась она. — Я отправилась с тобой не ради свободы или покоя. А теперь, Тауно, давай лучше разойдемся, иначе они заподозрят, что мы с тобой заодно.

Как Эйян, так и Тауно с Кеннином были постоянно заняты поисками затонувшего и утерянного Аверорна. Морские люди всегда знали, в каком районе моря находятся, но полукровки помнили координаты заветного места лишь с точностью в пару сотен миль. Поэтому они ныряли в море, расспрашивая проплывающих дельфинов — не словами, ведь животные не имеют языка, подобного людскому, но у морских людей были способы получить помощь от существ, которых они считали своими двоюродными родственниками.

И они действительно узнавали нужное направление, с каждым днем все более точное — ведь корабль подплывал все ближе и ближе. Да, плохое место, говорил первый дельфин, там логово спрута, ох, держитесь от него подальше... да, верно, спруты, как и другие холоднокровные существа, могут долго прожить без пищи, но этот, наверное, страшно проголодался за целые столетия, когда ему не перепав-

дало ничего, кроме дохлых китов... Он до сих пор там, продолжал второй дельфин, потому что до сих пор думает, будто это его Аверорн. Он таится посреди его затонувших сокровищ, башен и костей тех, кто некогда поклонялся ему... Я слышал, он вырос и теперь щупальца его простираются от одного края главной площади до другого... Ладно, старой дружбы ради мы проводим вас туда, говорил третий, но надо подождать, пока луна уменьшится наполовину — в это время он отправляется спать, но сон его очень чуток... что, помочь вам?... нет, мы помним об очень многих дорогих нам существах...

И вот настал день, когда «Хернинг» наконец достиг того места в океане, под которым лежал затонувший Аверорн.

Глава 8

Дельфины торопливо уплыли прочь. Их увенчанные острыми плавниками серые спины радужно блестели в лучах утреннего солнца. Тауно не сомневался, что они отплывут лишь на минимально безопасное расстояние — их племя отличалось ненасытным любопытством и страстью к сплетням.

Он проложил курс так, чтобы шлюп приплыл на место именно утром, и теперь у них для работы оказался полный светлый день. Парус был спущен, и широкодонный корпус едва пошевеливался — день был спокойным, с легким ветерком и почти безоблачным небом. Весело катились маленькие волны, изредка вскипая пеной. Глядя через борт, Тауно поразился, как восхищался этим всю жизнь, насколько хрупка и изящна каждая волна и насколько каждая из них не похожа на другую, да и на саму себя мгновение назад. И с какой теплотой солнечный свет разливается по его коже, какой прохладой овеивает его соленый воздух! Он ничего не ел с раннего утра — глупо набивать желудок перед битвой — и теперь ощущал свой желудок, и это тоже было приятно, как и любое из ощущений само по себе.

— Ну, — сказал он, — быстрее начнем, быстрее закончим.

Моряки вытаращили на него глаза. Они уже успели вытащить на палубу пики и теперь сжимали их с такой силой, словно собирались плыть с ними в обнимку. На пяти загорелых, грязных и заросших лицах читался ужас, моряки нервно сглатывали, шевеля кадыками. Ранильд стоял с решительным видом, держа в левой руке взведенный арбалет. Нильс, хотя и бледный, пылал и дрожал от нетерпения. Он был слишком юн, и до него еще не дошло, что молодые тоже могут умереть.

— Беритесь за дело, тьюфяки, — презрительно усмехнулся Кеннин. — Пора приниматься за настоящую работу. Что, лебедку покрутить уже кишка тонка?

— Здесь приказываю я, мальчик, — непривычно спокойно произнес Ранильд. — Но он все же прав. За работу.

Сивард облизнул губы.

— Шкипер, — хрипло выдавил он. — Я... мне... а не лучше ли будет повернуть обратно?

— Заплыв в такую даль? — усмехнулся Ранильд. — Знай я раньше, что ты баба, смог бы найти тебе другое применение.

— Зачем съеденному человеку золото? Мужики, подумайте! Спрут может утащить нас в море так же легко, как мы вытаскиваем попавшую на крючок камбалу. Мы...

Больше ему говорить не пришлось. Ранильд свалил Сиварда на палубу ударом, раскрывавшим ему нос.

— К лебедке, отряде портовых шлюх, — взревел капитан, — или пусть меня сожрет дьявол, если я сам не отправлю вас в пасть к спруту!

Моряки бросились выполнять приказ.

— Храбрости ему не занимать, — заметила Эйян на языке морских людей.

— Но и подлости тоже, — предупредил ее Тауно. — Никогда не поворачивайся спиной к любому из этой шайки.

— Кроме Нильса и Ингеборг.

— О, разве ты захотела бы повернуться *спиной* к нему, а я к ней? — рассмеялся Кеннин. Он тоже не испытывал страха, ему не терпелось скорее оказаться в море.

Собрав примитивный подъемник, моряки подняли над палубой то, что готовилось весь долгий путь. В огромный валун был намертво вколочен большой железный стержень, затем выступающую его часть распушили и заточили в форме зазубренного наконечника копья. По окружности валуна вбили кольца, а к ним привязали огромную сеть. По внешнему краю сети закрепили двенадцать корабельных якорей. Всю эту конструкцию свернули в огромный сверток и привязали к плоту, правильный размер которого подобрали методом проб и ошибок. Подъемник перенес все сооружение через правый борт, накренив шлюп.

— Пошли, — сказал Тауно. Сам он не испытывал страха, хотя и сознавал, что этот мир — тот, что сейчас его принимал и который он воспринимал многократно обострившимися от опасности чувствами — может внезапно перестать для него существовать, и не только в настоящем и будущем, но и в прошлом.

Полуковрки сбросили всю одежду, оставив только головные повязки и пояса для кинжалов. У каждого через плечо висела пара гарпунов. На мгновение они остановились у борта. Перед ними сверкало родное море — перед высоким Тауно, гибким Кеннином, белокожей высокогрудой Эйян.

К ним подошел Нильс. Переплетя свои руки с руками Эйян, он поцеловал девушку и заплакал, потому что не мог отправиться вместе с ними. Рядом Ингеборг взяла за руки Тауно, не сводя с него глаз. Она причесалась, но на лоб ей спадала выбившаяся соломенная прядь. На ее курносом широкооротом веснушчатом лице Тауно увидел ту печальную привлекательность, которой никогда не встречал среди морского народа.

— Может случиться, я больше не увижу тебя, Тауно, — сказала она так тихо, что даже стоявшие рядом не расслышали ее слов, — и

знаю, что сейчас не могу и не должна высказать то, что переполняет мое сердце. Но я стану молиться за вас, чтобы, если суждено тебе встретить смерть в этой схватке ради твоей сестры, Господь дал тебе в последний момент ту чистую душу, которой ты заслуживаешь.

— О, ты так... добра, но... знаешь, я твердо намерен вернуться.

— На рассвете я набрала ведро морской воды, — прошептала она, — и начисто вымылась. Ты поцелуешь меня на прощание?

Тауно молча поцеловал ее.

— За борт! — тут же крикнул он и прыгнул первым.

Шестью футами ниже море приняло его с радостным всплеском и обволокло своей животворной силой. Целую минуту он упивался его вкусом и прохладой и лишь потом скомандовал:

— Опускайте.

Моряки спустили на воду нагруженный плот. Тот остался на поверхности — вес его груза точно уравновешивал подъемную силу. Тауно отвязал веревки. Люди столпились у борта. Полукровки помахали руками — не морякам, а ветру и солнцу — и ушли под воду.

Сделать первый вдох в море всегда легче, чем первый вдох воздуха — надо лишь выдохнуть, а затем расправить грудь. Вода входит в тебя, пощипывая рот, ноздри, горло, легкие, пропитывает органы, кровь и все тело до самого дальнего волоска и ногтя. Такая нежная встряска переключает организм на подводную жизнь: тончайшие телесные соки начинают разлагать сам жидкий элемент, образуя вещество, в равной мере поддерживающее жизнь рыбы, зверя, плоти и огня; сквозь ткани просеивается соль, внутренние печи разгораются в полную мощь по сравнению с прежним тлеющим огнем.

И именно в этом кроется причина немногочисленности морского народа. В море им требуется гораздо больше пищи, чем человеку на берегу. Скудный улов или болезнь среди китов могут стать причиной голодной смерти целого племени. Море дает, но оно и берет.

Дети Агнете окружили неуклюжий груз, ухватились за него и поплыли в глубину.

Поначалу вода вокруг них напоминала по цвету молодую листву и старый янтарь. Вскоре начали сгущаться сумерки, прошло совсем немного времени, и мрак поглотил последние остатки света. Несмотря на возбуждение, они ощутили холод. Их обволакивала тишина. Они направлялись к глубинам, неизвестным в Каттегате, да и во всей Балтике — здесь был океан.

— Подождите, — сказал Тауно на языке морских людей, предназначенном для разговоров под водой, языке низких звуков, пощелкиваний и причмокиваний. — Плот опускается спокойно? Вы сможете его удержать?

— Да, — ответили Кеннин и Эйян.

— Хорошо. Тогда здесь меня и ждите.

Они не стали возражать, высказывая чрезмерную смелость. План был составлен, и теперь они подчинялись ему с готовностью тех, кто

уважает большую глубину. Тауно, самому сильному и опытному, предстояло отправиться на разведку.

У каждого к левому предплечью был пристегнут фонарик из Лир. То был пустотелый хрустальный шар, наполовину обложенный полированными серебряными пластинками; другой половине была придана форма линзы. Точно такие шары освещали дома морских людей — в них обитали крошечные морские животные, светящиеся в темноте. Отверстие в шаре, затянутое мельчайшей сеткой, не давало им уплыть и пропускало внутрь воду. Шар покоился в ящичке из костяных пластинок с заслонкой. Сейчас заслонки всех фонариков были опущены.

— Да пребудет с тобой удача, — сказала Эйян. Трое обнялись в темноте. Тауно стал погружаться.

Он плыл все ниже и ниже. Он не мог представить, что мир может стать еще более темным, унылым и застывшим, но именно это происходило вокруг. Снова и снова ему приходилось напрягать мускулы груди и живота, уравнивая внешнее давление с внутренним в его организме, но даже после этого он ощущал тяжесть каждого нового фута глубины.

Наконец он почувствовал, как способен человек ночью почувствовать перед собой стену, что приближается ко дну. Он уловил запах... вкус... ощущение... прогорклой плоти — вода еле уловимо пульсировала, протекая через жабры спрута.

Тауно поднял заслонку фонаря. Луч был слаб и не проникал далеко, но его гораздо более чувствительным, чем у человека земли, глазам света хватило. По его телу пробежал трепет восторга.

Под ним простирались целые акры руин. Аверорн некогда был велик и выстроен целиком из камня. Большинство его зданий превратилось в бесформенные холмики на илистом дне. Но вот глаза различили башню, похожую на обломанный зуб в челюсти мертвеца; чуть подальше — наполовину обрушившийся храм, грациозные колоннады вокруг статуи божества, сидящего перед своим алтарем и смотрящего в вечность незрячими глазами; неподалеку могучие развалины замка, чьи укрепления теперь охраняют зловещие светящиеся рыбы. А вот и гавань, видимая как холмы бывших причалов и городских стен, все еще тесно уставленная галеонами; вот дом без крыши, где скелет мужчины до сих пор пытается заслонить собой скелеты женщины и ребенка; и повсюду, куда ни глянь — распахнутые сокровищницы и кладовые, где мерцают золото и алмазы!

А посередине распростерся спрут. Восемь его тускло поблескивающих щупалец дотягивались до каждого из углов восьмиугольной центральной площади города, на которой было выложено его мозаичное изображение. Два других, самых длинных щупальца, вдвое длиннее «Хернинга», обвивались вокруг колонны на северной стороне площади, на вершине которой стоял диск с тремя лучами — символ побежденного спрутом бога. Отвратительная голова мешком распласталась на дне; Тауно успел заметить кривой клюв и темные глаза без век.

Он тут же захлопнул заслонку и в наступившем полном мраке начал подниматься. Со дна через воду до него донеслась пульсация, ему даже показалось, что мир задрожал. Он направил вниз луч света. Спрут пошевелился. Тауно разбудил его.

Тауно стиснул зубы и отчаянно заработал руками и ногами, отталкиваясь от плотной ледяной воды и не обращая внимания на боль от слишком быстро уменьшающегося давления. Прирожденные чувства подводного жителя подсказывали ему направление движения. Со дна донесся грохот — спрут потянулся и зевнул, обрушив при этом портик.

На границе света и тьмы Тауно остановился, завис и помигал фонариком. Внизу медленно набухла гигантская тень.

Теперь, пока не подоспеют Кеннин и Эйян, он должен остаться живым, удерживая спрута на месте и не давая ему ускользнуть.

В центре этого поднимающегося грозового облака злобно сверкнули глаза. Щелкнул клюв, длинное щупальце начало разворачивать кольца, протягиваясь к нему. Оно было покрыто присосками, и каждая из них была способна вырвать ему ребра. Тауно едва успел увернуться. Щупальце приблизилось, разворачивая петлю за петлей, и он по рукоятку вонзил в него кинжал. Кровь, хлынувшая в воду, когда он вырвал лезвие, оказалась по вкусу похожей на крепкий уксус. Удар щупальца отбросил его прочь. Тауно закувыркался, сжавшись от боли и головокружения.

Теперь к нему потянулись сразу два щупальца. «Кто я такой, чтобы сражаться с богом?» — мелькнуло у Тауно в голове. Он ухитрился снять с плеча гарпун, и за мгновение до того, как его должно было стиснуть сокрушительное объятие, метнулся вперед со всей скоростью, на какую еще был способен. Быть может, удастся вонзить острие в пасть спрута.

Оглушительный визг швырнул его в беспамятство.

Минутой позднее он очнулся. Голова раскалывалась, в ушах звенело, вода вокруг бурлила. Эйян и Кеннин поддерживали его с боков. Полуоглушенный, он взглянул вниз и разглядел уменьшающуюся угольно-черную тень. Тонуший спрут извивался и молотил щупальцами.

— Взгляни, ты только взгляни! — ликующе воскликнул Кеннин, направляя вниз луч фонарика. Пробившийся сквозь кровь и бурлящую воду тусклый свет выхватил из темноты извивающееся от боли чудовище.

Брат и сестра успели подвесить над ним свое оружие и перерезали удерживающие его на плоту веревки. Копье с прикрепленной к нему тонной камня пронзило тело спрута.

— Ты ранен? — спросила Тауно Эйян. Ее голос с трудом пробился сквозь грохот и шум. — Сможешь нам помочь?

— А что мне еще остается? — пробормотал он в ответ и потряс головой. Туман перед глазами немного рассеялся.

Спрут опустился на некогда убитый им город. Рана от копья, хотя и опасная, не оборвала его холодную жизнь, да и вес камня был не

настолько велик, чтобы не дать ему вновь подняться. Но зато теперь на него была брошена огромная сеть.

И сейчас детям водяного предстояло закрепить на развалинах Аверорна привязанные к краям этой сети якоря.

Отчаянна была их работа. Гигантское тело билось, огромные щупальца взбалтывали воду и хватали все, до чего могли дотянуться. Поднявшийся ил и тошнотворные чернила слепили глаза и забивали легкие вонючими облаками, заставляя кашлять; веревки хлестали морских людей, спутывались и рвались, под чудовищной силы ударами рушились стены, оглушительные вопли спрута звоном отдавались в голове, продавливая барабанные перепонки; их били и грубо отшвыривали щупальца, облепленные острыми ракушками, железистый привкус их собственной крови смешался с кислотой крови спрута, и, когда им наконец удалось пригвоздить его ко дну, они были полумертвыми от усталости.

Но спрут теперь был обездвижен, и они поплыли к тому месту, где пульсировала и дергалась гигантская голова, щелкая клювом на стиснувшие ее пути, а под сетью клубком змей извивались щупальца. Сквозь мутную темноту они взглянули в его широкие настороженные глаза. Спрут перестал биться, и слышался лишь шорох протекающей сквозь его жабры воды. Он уставился на них немигающими глазами.

— Ты был храбр, наш морской брат, — сказал Тауно. — И потому знай, что мы убьем тебя не ради корысти.

Он выбрал правый глаз, Кеннин — левый, и каждый вонзил в глаз по гарпуну до самого конца древка. Когда же спрут не перестал дергаться, они использовали вторую пару, затем оба гарпуна Эйян. Кровь спрута и его муки заставили их быстро отплыть в сторону.

И вскоре все кончилось. Какое-то из лезвий достигло мозга и пронзило его.

Полукровки поплыли из Аверорна к солнечному свету. Вырвавшись на воздух, они увидели шлюп, качающийся на крупных волнах, поднятых схваткой в глубине. Тауно и Эйян даже не стали тратить силы на освобождение легких, хотя воздухом им было бы дышать легче, чем водой. Они остались на поверхности, слегка пошевеливая руками, позволяя океану успокаивать и баюкать их стонущие от боли тела, упиваясь наслаждением жизни. Лишь более молодой Кеннин крикнул столпившимся у борта побледневшим матросам:

— Мы победили! Спрут мертв! Сокровище наше!

Услышав его слова, Нильс вскарабкался по выбленкам и закукарекал. Из глаз Ингеборг брызнули слезы. Моряки испустили подозрительно короткий торжествующий крик и после этого поглядывали в основном на Ранильда.

В волнах мелькнули две стайки дельфинов, им не терпелось узнать новости.

Но дело еще не было доведено до конца. Ранильд передал пловцам длинный канат с грузом и крюком на конце и привязанным к нему мешком. Полукровки снова нырнули.

Светящиеся рыбы, слишком быстрые для щупалец спрута, уже набросились на его мертвую тушу.

— Давайте сделаем дело и уплывем отсюда как можно скорее, — сказал Тауно. Его спутники согласились — им тоже было не по душе раскапывать гробницы.

И они занялись этим лишь ради Ирии, ставшей теперь Маргрете. Снова и снова наполняли они мешок монетами, блюдами, кольцами, коронами и слитками; снова и снова подвешивали к крюку золотые сундуки, канделябры и статуи богов. Такую длинную веревку бесполезно было дергать, подавая сигнал, и моряки просто выбирали ее каждые полчаса. Вскоре Тауно понял, что к ней следует привязать и фонарь, потому что, хотя море над их головами и успокоилось, «Хернинг» понемногу дрейфовал, и веревка ни разу не опустилась дважды в одно и то же место. В промежутках дети водяного разыскивали новые сокровища, отдыхали или перекусывали сыром и вяленой рыбой — их клала в мешок Ингеборг.

Так продолжалось, пока Тауно устало не произнес:

— Нам говорили, что хватит нескольких сотен фунтов. Клянусь, мы подняли целую тонну. Жадный человек становится несчастлив. Заканчиваем?

— Да-да, конечно. — Эйян взгляделась во мрак, едва освещенный тусклым светом их жалкого фонарика, вздрогнула и приблизилась к старшему брату. До сих пор Тауно очень редко видел ее испуганной.

У Кеннина оказалось другое мнение.

— Я начинаю понимать, почему наземные жители так любят грабить, — с усмешкой сказал он. — В бесконечности поиска этих безделушек удовольствия не меньше, чем в бесконечности эля или женщин.

— Не так уж они и бесконечны, — возразил более практичный Тауно.

— Почему же, разве не будет бесконечностью то, что ты не сможешь исчерпать за всю свою жизнь — ни потратить все золото, ни выпить весь эль, ни полюбить всех женщин?.. — рассмеялся Кеннин.

— Не принимай его слова всерьез, — прошептала Эйян на ухо Тауно. — Он еще мальчик, и весь мир для него — открытие.

— Да я и сам не старик, — заметил Тауно, — хотя лишь троллям известно, что я почти ощущаю себя им.

Они избавились от фонариков, сложив их напоследок в мешок. Он поднимется быстрее, чем смогут они — быстрый подъем опасен. Тауно поклонился невидимому Аверорну.

— Спи спокойно, — прошептал он, — и пусть твой сон никто не нарушит до Конца Света.

И они поднялись из холода, мрака и смерти, пересекли границу света, а за ней — границу воды и воздуха. Солнце на западном горизонте бросало лучи почти над самой водой, и небо в той стороне было зеленоватым; на востоке, на небе цвета королевской голубизны, уже замерцала вечерняя звезда. Катились пурпурные и черные

волны, окаймленные пеной, хотя бриз уже стих. В вечерней прохладе их шорох и плеск были единственными звуками, нарушавшими тишину, кроме тех, что издавали резвящиеся дельфины.

Дельфинам хотелось узнать обо всем, но полукровки слишком устали. Они пообещали рассказать им все подробно завтра, выдохнули воду из легких и поплыли к шлюпу. Кроме Ранильда, никто не ждал их у переброшенной через борт веревочной лестницы.

Тауно поднялся первым. Он встал, стряхивая с себя воду и слегка дрожа, и огляделся. У Ранильда на согнутой руке лежал арбалет, а стоявшие возле мачты его люди сжимали пики. Но ведь спрут мертв! И где Ингеборг и Нильс?

— Гм-м-м-м... вы удовлетворены? — буркнул себе под нос Ранильд.

— Мы набрали достаточно и для нашей сестры, и чтобы сделать всех вас богатыми, — ответил Тауно. Замерзший, израненный и измученный, он едва держался на ногах. Такие же боль и онемение сковывали и его мозг. Сейчас ему полагалось бы воспеть в стихах их победу, но нет, стихи подождут — ему нужны лишь отдых и сон.

Эйян перебралась через борт.

— Нильс? — позвала она.

Ей хватило одного взгляда на стоящую неподалеку шестерку моряков, и ее нож тут же со свистом вылетел из ножен.

— Предательство... и так скоро?

— Убейте их! — взревел Ранильд.

Кеннин только что сделал последний шаг по лестнице и застыл, перекинув ногу через борт. Едва моряки бросились вперед, выставив пики, он испустил громкий крик и спрыгнул на палубу. Ни одно из неуклюжих древков не оказалось достаточно быстрым, чтобы остановить его. Он рванулся к глотке Ранильда, и на лезвии его ножа тускло блестели красноватые лучи закатного солнца.

Ранильд поднял арбалет и выстрелил. Кеннин рухнул к его ногам. Стрела пронзила грудь и сердце и вышла из спины. На палубу потекла кровь.

Тут до Тауно запоздало дошло: Ингеборг предупреждала его о предательстве, но Ранильд оказался для нее слишком хитер. Должно быть, он подбивал каждого из моряков в одиночку в потайных уголках трюма. И едва пловцы отправились за сокровищами, он отдал приказ схватить женщину и Нильса. И убить их? Нет, на палубе могли остаться следы. Лучше связать, заткнуть кляпами рты и сунуть в трюм, пока не вернутся доверившиеся им полукровки.

Мгновенная сообразительность Эйян и быстрые действия Кеннина нарушили их план. Натиск моряков был остановлен, и это дало Тауно и Эйян возможность прыгнуть за борт.

Пара пик упала в воду неподалеку, не причинив им вреда. Ранильд перегнулся через борт черным силуэтом на фоне вечернего неба.

— Это вам пригодится на пути домой как пропуск для акул! — загоготал он.

И швырнул в воду тело Кеннина.

Глава 9

Дельфины собрались.

С ними, по обычаю морского народа, Тауно и Эйян оставили своего брата. Они закрыли ему глаза, сложили руки и забрали нож — сталь уже начала ржаветь, — теперь они смогут пользоваться вещью, знавшей Кеннина. Справедливо получить от него последний подарок, и теперь он достанется им, его друзьям, а не морским угрям.

Брат и сестра отплыли в сторону, а длинные серо-голубые тени очень плавно и нежно окружили Кеннина, и над вечерним океаном поплыла Песнь Прощания:

*Дальний и долгий путь предстоит,
Выпало весть донести на край света
О солнце сияющем, волнах веселых,
Прибое призывном и вольных ветрах.
Тебя ожидает жизни Податель.
Брат наш,
Воздух тебе
И воды — тебе.
Ты в памяти нашей по-прежнему с нами.*

— Тауно! О, Тауно! — зарыдала Эйян. — Он был таким молодым! Брат крепко прижал ее к себе. Невысокие волны покачивали их.

— Норны* неумолимы, — сказал Тауно. — Он достойно встретил смерть.

К ним подплыл дельфин и по-дельфиньи спросил, в какой еще помощи они нуждаются. Корабль не так уж трудно удержать на месте, разбив ему руль, и вскоре жажда свершит справедливое возмездие.

Тауно взглянул на виднеющийся на горизонте неподвижный шлюп со спущенным парусом:

— Нет. У них заложники. Но в любом случае надо что-то сделать.

— Я вспорю герру Ранильду брюхо, — сказала Эйян, — привяжу конец его кишок к мачте и заставлю бегать вокруг, пока он к ней не привяжется.

— Вряд ли он заслуживает таких хлопот, — возразил Тауно. — Но он опасен, да. Атаковать сам корабль при помощи дельфинов или же подплыть под него и оторвать от корпуса доску легко. Зато захватить его, напротив, трудно, почти невозможно. Но мы все же должны попробовать — ради Ирии, Ингеборг и Нильса. Отправимся лучше поехать, сестра, — дельфины поймают для нас что-нибудь, да и отдохнуть нужно тоже. Мы потратили много сил.

Вскоре после полуночи он проснулся отдохнувшим. Горе не смогло лишить его сил, и все его тело переполняли жажда мести и стремление прийти на помощь друзьям.

* Богини судьбы в скандинавской мифологии.

Эйян спала рядом с ним, окутанная облаком своих волос. Каким удивительно невинным, почти детским стало ее лицо с полураскрытыми губами и длинными ресницами, касающимися щек! Неподалеку кружили дельфины-сторожа. Тауно поцеловал сестру в ложбинку между шеей и грудями и бесшумно скользнул в сторону.

Стояла светлая летняя северная ночь. Небо над головой слегка светилось, делая свет звезд в этом полумраке более бледным и нежным. Еле шевелящаяся морская гладь слабо мерцала, низкий полуразличимый гул прилива смешивался с шорохом маленьких волн. Воздух был тих, прохладен и влажен.

Тауно добрался до «Хернинга» и проплыл вокруг него с бесшумностью акулы. У руля, кажется, никого не было, но у каждого из бортов оказалось по часовому с поблескивающей пикой, третий сидел в гнезде на верхушке мачты. Трое наверху; значит, в трюме еще трое. Выходит, Ранильд настороже и не намерен оставлять своим врагам ни единого шанса.

Или нет? Борта в середине корабля возвышаются над водой всего на шесть футов. Можно найти способ взобраться на борт...

И, если повезет, убить одного или двух, пока шум схватки не поднимет на ноги остальных. Бессмысленно. Раньше детям водяного удалось одолеть весь экипаж, но в тот раз у моряков не было ничего опаснее ножей, да и никто из них особенно не желал схватки. К тому же, едва удалось справиться с Олувом, началась просто драка, а не битва насмерть.

А теперь не было и Кеннина.

Выставив из воды только лицо, Тауно лежал на поверхности и ждал.

Наконец он расслышал звук шагов. Часовой на верхушке мачты, темная тень на фоне звезд, крикнул:

— Ну-ну, ты уже так по нас соскучилась?

— Не забывай, что ты на посту, — отозвался голос Ингеборг, но какой усталый и безразличный! — Знай я, что шкипер повесит тебя за уход с поста, я стиснула бы зубы и ублажила тебя, но вряд ли мне настолько повезет. Так знай, я вышла из этого свинарника в трюме лишь глотнуть свежего воздуха, да позабыла, что и на палубе полно свиней.

— Попридержи язык, девка. Сама знаешь, мы не можем рисковать и оставлять тебя живым свидетелем, но умереть можно очень многими способами.

— И если ты слишком обнаглеешь, мы еще подумаем, оставлять ли тебе жизнь до последней ночи в море, — продолжил моряк у левого борта. — С этим золотом я смогу купить больше девок, чем мне по силам справиться, так что какое мне дело до Ингеборг-Трески?

— Верно, и вообще пора ее освежить, — поддакнул моряк на мачте и начал мочиться на нее. Ингеборг с плачем убежала на полуют. Вслед ей понесся грубый хохот.

Тауно на минуту замер, потом бесшумно нырнул и добрался под водой до руля.

Руль оброс острыми ракушками и скользкими водорослями. Тауно стал подниматься еще медленнее и осторожнее, чем когда разведывал логово спрута. Из-за кривизны борта румпель находился в восьми футах над водой, в углублении под верхней палубой. Тауно обеими руками ухватился за его стержень, изогнул тело и просунул пальцы ног между стержнем и корпусом. Одним плавным движением, не обращая внимания на впивающуюся в тело бронзу, он взобрался по кронштейну румпеля, ухватился пальцами за край борта и подтянулся, положив на борт подбородок.

— Что это там? — крикнул моряк с палубы.

Тауно замер. Звук стекающих с него в море капель был не громче плеска волн о холодный на ощупь борт.

— Да так, то ли чертов дельфин, то ли еще что, — отозвался другой. — Клянусь бородой Христа, я буду только рад смыться из этих проклятых вод!

— А что ты первым делом сделаешь, сойдя на берег?

Трое моряков принялись болтать, щедро отпуская грубые остро-ты. Тауно отыскал Ингеборг. Она затаила дыхание, заметив его силуэт на фоне серебристо-темного неба, и замерла с колотящимся от волнения сердцем.

Тауно увлек ее за собой в темноту под полукотом, но даже во мраке не мог не ощутить округлую крепость ее тела, теплый аромат ее кожи и волосы, щекочущие приблизившиеся к ее уху губы.

— Что делается на корабле? — прошептал Тауно. — Нильс жив?

— До утра. — Она не смогла ответить ему с той же твердостью, с какой произнесла бы эти слова Эйян, окажись та на ее месте, но все же смогла овладеть своими чувствами. — Ты ведь знаешь, они связали нас и заткнули нам рты. Меня они на время оставили в живых — слышал? Если бы Нильс мог им на что-нибудь сгодиться, они не пошли бы на такую подлость. Но он, конечно, и сейчас лежит связанный. Они прямо при нем принялись решать, что с ним делать, и в конце концов согласились, что веселее всего будет повесить его утром на нок-рее. — Ее ногти впились в руку Тауно. — Не будь я христианкой, с какой радостью я бросилась бы в море!

Он не понял смысла ее слов:

— Не надо. Я не смогу тебе помочь, и если не по другим причинам, то от холода ты наверняка погибнешь... Дай подумать... Ага!

— Что ты придумал? — По ее интонации он понял, что она не хочет напрасных надежд.

— Сможешь шепнуть несколько слов Нильсу?

— Разве что когда его выведут на казнь. Они наверняка притащат меня посмотреть.

— Тогда... если сможешь сделать так, что тебя никто не услышит, передай ему, пусть воспринет духом и приготовится сражаться.

Тауно на минуту задумался. — Нужно будет отвести их взгляды от воды. Когда они соберутся надеть петлю на шею Нильса, пусть он

начнет изо всех сил сопротивляться. И ты тоже — бросайся на них, царапай, кусай, пинай, кричи что есть мочи.

— Ты думаешь... ты и в самом деле веришь... хорошо, я сделаю все, что смогу. Господь милосерден, раз он... позволит мне умереть в битве рядом с тобой, Тауно.

— Только не это! Не рискуй собой! Если на тебя набросятся с ножом — уклонись, умоляя о пощаде. И укройся, чтобы не пострадать в схватке. Мне не нужен твой труп, Ингеборг, мне нужна ты.

— Тауно, Тауно. — Ее губы стали искать губы Тауно.

— Я должен уйти, — прошептал он ей в ухо. — До завтра.

Он вернулся в море с той же осторожностью, с какой покинул его. Мокрое тело Тауно промочило ее одежду насквозь, и Ингеборг решила, что лучше остаться под полуютом, пока одежда не высохнет. Уснуть она все равно бы не смогла. Она встала на колени.

— Слава Господу Всевышнему, — произнесла она, запинаясь. — Слава тебе, Пресвятая Дева, в милости твоей... ты ведь женщина, ты поймешь... ведь с тобой рядом Господь...

— Эй, ты! — крикнул моряк. — Кончай этот треп. Что, в монашки подалась?

— Хочешь, я стану твоим божественным женихом? — поддакнул моряк с мачты.

Голос Ингеборг смолк, но душа ее не смогла успокоиться. Вскоре часовые позабыли о ней. Вокруг корабля закружили два десятка дельфинов. В ночных сумерках за их спинами виднелся пенный след, хотя двигались они поразительно бесшумно, выставив над водой похожие на острие оружия плавники.

Моряки вызвали из каюты Ранильда, тот нахмурился и подергал себя за бороду.

— Не нравится мне это, — пробормотал он. — Клянусь потрохами святого Петра, как мне хотелось наколоть тогда на пики тех двух рыболодей! Они замышляют недоброе, будьте уверены... Впрочем, вряд ли они станут топить шлюп, как они тогда перевезут золото? Не говоря уже об их дружбе и этой суке.

— А может, нам и Нильса пока не убивать? — засомневался Сивард.

— М-м-м... нет. Надо показать этим сволочам, что мы не шутим. Крикни лучше в море, что, если они и дальше не оставят нас в покое, Ингеборг-Треску будет ждать нечто похуже повешения. — Ранильд лизнул палец и поднял его вверх. — Я чувствую ветерок. Отплываем на рассвете, как только подвесим Нильса на рее. — Он вытащил меч и погрозил колыцу дельфинов. — Слышите? Проваливайте обратно в свои подводные пещеры, бездушные твари! Мы, христиане, отправляемся домой!

Ночь близилась к концу. Дельфины лишь кружили вокруг корабля, ничего не делая, и в конце концов Ранильд решил, что на большее они не способны, а прислали их полукровки либо в тщетной надежде что-либо узнать, либо от еще более тщетного отчаяния.

Легкий бриз крепчал. Волны начали резче биться о борт, раскачивая шлюп. Заслоняя бледные звезды, непонятно откуда пролетела стая черных лебедей.

Звезды растаяли, смытые с неба ранним летним рассветом. Небо на востоке стало белым, на западе осталось серебристо-голубым, и там все еще висела призрачная луна. Гребни волн окрасились светом, а склоны их стали пурпурными и черными; поверхность моря замерцала и заискрилась зеленью, похожей на зеленый оттенок ледника, зашумела и запенилась. В вантах загудел ветер.

Моряки вывели Нильса из трюма по лесенке, подталкивая остриями пик. Руки у него остались связанными за спиной, и подниматься ему было трудно. Дважды он падал, моряки грубо хохотали. Грязная одежда Нильса была запятнана кровью, но его развевающиеся волосы и мягкая пушистая борода сохранили цвет все еще невидимого солнца. Он широко расставил ноги, удерживая равновесие на раскачивающейся палубе, и глубоко вдохнул влажный ветреный воздух.

Торбен и Палле остались на страже у бортов, Сивард — на мачте. Лейв и Тиге караулили пленника. Ингеборг стояла в стороне с побледневшим лицом, чувства теплились лишь в ее глазах. Нильс дерзко посмотрел в глаза Ранильда, держащего в руках петлю на конце веревки, переброшенной через нок-рею.

— Раз у нас нет священника, — сказал Нильс, — быть может, ты мне позволишь еще раз прочитать «Отче наш»?

— А зачем? — отозвался шкипер, растягивая слова.

Ингеборг подбежала к нему:

— Может, я его исповедаю и отпущу грехи?

— Ты? — изумился Ранильд, но тут же расплылся в улыбке. Вслед за ним заухмылялись и моряки. — Верно, верно.

Он велел Лейву и Тиге отойти назад, а сам прошел ближе к носу корабля. Удивленный Нильс остался на месте.

— Начинай! — крикнул Ранильд, перекрывая гул ветра и плеск волн. — Поглядим на представление. А ты, Нильс, проживешь ровно столько, сколько будешь в нем участвовать.

— Нет! — крикнул парень. — Ингеборг, как ты могла?

Ингеборг ухватила его за волосы, приблизила лицо сопротивляющегося Нильса к своему и зашептала. Моряки увидели, что Нильс воспрянул, глаза его вспыхнули.

— Что ты ему сказала? — властно произнес Ранильд.

— Оставьте в живых *меня*, и тогда, быть может, скажу, — весело отозвалась Ингеборг. Она и Нильс стали изображать последний обряд, насколько это у них получалось, а моряки смотрели на них и хохотали.

— *Rax voiscum**, — произнесла наконец немного знакомая с церковной службой Ингеборг. Потом перекрестила стоящего на коленях Нильса, и это дало ей возможность прошептать:

* Покойся в мире (лат.).

— Господь простит нам это и простит, что не к нему я взывала. Нильс, если мы не переживем этот день, желаю тебе добра.

— И я тебе, Ингеборг. — Нильс поднялся. — Я готов.

Удивленный и весьма теперь неуверенный, Ранильд двинулся к нему с петлей в руке.

— Йа-а-а-а-а! — неожиданно завизжала Ингеборг и бросилась на Лейва, целясь ногтями ему в глаза. Лейв прыгнул в сторону.

— Что за черт? — прохрипел он. Ингеборг повисла на нем, кусаясь, визжа и царапаясь. Тиге бросился ему на помощь. Нильс наклонил голову, разбежался и ударил Ранильда в живот. Шкипер повалился на бок, и Нильс сразу ударил его ногой по ребрам. Торбен и Палле спрыгнули с фальшбортов и бросились на Нильса. Сверху, разинув от удивления рот, на них смотрел Сивард.

Дельфины уже столько часов кружились вокруг корабля, что экипаж давно перестал опасаться нападения с воды и больше не обращал на них внимания. Сивард заметил опасность, но было уже слишком поздно.

Из-за борта возле полуюта на палубу прыгнула Эйян. В руке у нее сверкнул нож.

А из моря появился Тауно. Он освободил легкие, цепляясь за обросший ракушками борт и укрывшись под выступом носового кубрика. В нужный момент снизу всплыл дельфин. Тауно руками и ногами ухватился за его спинной плавник, дельфин взметнулся вверх и поднял его до половины высоты борта. Тауно выпрямился, ухватился за край борта и тут же оказался на палубе.

Палле начал оборачиваться. Тауно схватил левой рукой древко его пики, а правой вонзил в Палле кинжал. Тот свалился на палубу, кровь хлынула из него, как из зарезанного борова. Древком пики Тауно ударил Торбена под дых. Торбен зашатался и отступил.

Тауно перерезал веревки на запястьях Нильса и протянул ему свой второй кинжал:

— Держи. Это кинжал Кеннина.

Нильс радостно вскрикнул и повернулся к Торбену.

Лейв все еще не мог стряхнуть с себя Ингеборг. Эйян подбежала к нему сзади и вонзила в шею кинжал. Она еще не успела извлечь лезвие, как с пикой наперевес на нее кинулся Тиге. Эйян с насмешливой легкостью уклонилась, нырнула под древко и прыгнула на Тиге. Не стоит описывать то, что было с ним дальше. Морские люди не воинственны, но они прекрасно знают, как надо разрывать врага на куски.

Сидящий на мачте Сивард лишь крестился и молил о пощаде.

Хотя Торбен и был оглушен, Нильс не смог прикончить его сразу, и лишь после нескольких попыток ему удалось вонзить ему в живот нож. Но даже после этого Торбен не умер, он истекал кровью и был, пока Эйян не перерезала ему горло. Нильса тут же стошнило. Тем временем Ранильд пришел в себя, поднялся и выхватил меч. По

лезвию пробежал холодный огонек. Он и Тауно закружились по палубе, отыскивая брешь в защите противника.

— Что бы ты сейчас ни сделал, — сказал ему Тауно, — ты все равно уже мертвец.

— Если я и умру во плоти, — осканился Ранильд, — то все равно буду жить вечно, а ты станешь просто кучей навоза.

Тауно остановился и провел пальцами по волосам:

— Не понимаю, почему должно быть именно так. Наверное, вы, люди, более нас нуждаетесь в вечности.

Ранильд решил, что у него появился шанс, и бросился вперед, угодив тем самым в ловушку Тауно. Ранильд ударил мечом, но рассек лишь воздух — Тауно отскочил и рубанул Ранильда по запястью ребром левой ладони. Меч со звоном отлетел в сторону. Правая рука Тауно вонзила нож. Ранильд свалился на палубу. Поднявшееся солнце окрасило его кровь в глубокий красный цвет.

Рана Ранильда не была смертельной. Он посмотрел в глаза склонившегося над ним Тауно и выдохнул:

— Позволь мне... исповедаться перед Богом... и избежать ада.

— А какое мне до тебя дело? — спросил Тауно. — У меня же нет души.

Он поднял слабо сопротивляющееся тело и сбросил его за борт акулам. А Эйян полезла вверх по вантам, чтобы навсегда успокоить Сиварда.

КНИГА ВТОРАЯ

ТЮЛЕНЬ

Глава 1

Ванимен, некогда король города Лири, а ныне капитан безымянного корабля — поскольку его прежнее название, «*Pretiosissimus Sanguis*»*, по мнению короля, могло лишь накликать несчастье, — стоял на носу и пристально смотрел вдаль, словно отыскивал неведомый берег. Все на корабле видели, что его могучее тело напряжено, а чело мрачно.

За его спиной, теряя ветер, хлопал парус. Корпус корабля громко трещал, перекатываясь на нещадно треплющих его волнах. Палубу окатывали брызги. Пассажиры, в основном женщины и дети, жались друг к другу. Из тесной толпы доносились сердитые крики.

Ванимен не замечал их. Его взгляд блуждал над волнами. Серо-стальные, отороченные снежно-белой пеной на высоких гребнях, они катились навстречу под низкой пеленой мрачных клочковатых туч. Ветер гудел, завывал в снастях, запускал ледяные клыки в тело. Вдалеке у горизонта проносились дождевые шквалы. Пурпурно-черная каверна туч прямо по курсу только что проглотила послеполуденное солнце. Все шире разевая свою огромную пасть, она вспыхивала молниями. Раскаты грома разносились на многие лиги вокруг.

Ощувив надвигающуюся опасность, плававшие в море соплеменники Ванимена начали торопливо возвращаться. Корабль не мог принять на борт всех, но их помощь могла очень пригодиться. Время от времени Ванимен замечал их мелькающие в волнах тела. Вскоре неподалеку показался и спинной плавник его верной касатки.

Поднявшись по трапу, рядом с ним встала Мейива. Ее голубые волосы были заплетены в косы, и ветер не мог трепать их столь же яростно, как золотистые волосы Ванимена, а худощавое стройное тело укутывал плащ. Приблизив губы к уху Ванимена, она крикнула, перекрывая вой ветра:

— Рулевой просил передать — он боится, что, если ветер усилится, он не сможет удерживать корабль носом к волне, как ты ему велел. Румпель вырывается из рук, словно уторь. Мы можем что-нибудь сделать с парусом?

— Зарифим его, — решил Ванимен. — И пойдем впереди шторма.

— Но он надвигается... с северо-запада. Разве мало выпало на нашу долю штилей, встречных ветров и течений с той поры, как мы оставили за кормой Шотландские острова? И теперь потерять весь пройденный на запад путь?

* «Драгоценнейшая кровь» (лат.).

— Лучше так, чем потерять корабль. Эх, будь у нас капитаном человек, он наверняка придумал бы что-нибудь поумнее. Да, мы приобрели в пути кое-какой моряцкий опыт, но уж больно он невелик. И я могу лишь догадываться о том, как следует поступить для нашего спасения.

Заслонив ладонью глаза и прищурившись от резкого ветра, он посмотрел вперед.

— Но тут мне нет нужды гадать, — добавил он. — Прожив столько веков, я научился разбираться в погоде. Впереди нас ждет не обычный шторм, который за ночь выдохнется. Нет, это чудовище явилось из Гринланда, родившись среди его вечных льдов. И терзать нас оно будет гораздо дольше, чем мне хотелось бы думать.

— Кажется, в это время года таких бурь не бывает... верно?

— Обычно нет. Но я заметил, что за последние двести лет северные холода порождают все больше айсбергов и штормов. Так что можешь считать этот шторм урожаем, а нас — невезучими.

Но подумал Ванимен совсем о другом. Вахтенный матрос, которого он убил, чтобы захватить корабль, человек, не заслуживший подобной судьбы, проклял его перед смертью, призвав Всевышнего и своего небесного заступника... Ванимен никому об этом не сказал. И не собирался говорить.

Если корабль пойдет ко дну... Взгляд Ванимена задержался на палубе. Большинство его соплеменников погибнет — и прелестные девы, дарившие и принимавшие столько радостей, и дети, которым только предстоит узнать, что такое истинная радость жизни. Сам он, может, и доберется до какого-нибудь чужого берега, да только ради чего?

Но хватит. Надо сделать все, что в его силах. И какую долгую жизнь ты ни вырвешь у судьбы для себя, никому еще не удавалось избежать сетей Ран.

Ванимен послал в море мальчика передать самым сильным мужчинам, чтобы они поднялись на корабль по веревочной лестнице, а сам тем временем принялся обдумывать необходимые команды. Наконец-то его соплеменники научились быстро подчиняться приказам капитана, что для его расы стало явлением прежде совершенно неслыханным. Но опытных моряков из них так и не получилось, да и познания самого капитана широтой не отличались.

Помощники прибыли как раз вовремя. Братья рифы на парусе при непрерывно усиливающемся ветре оказались невероятно тяжело. Парусина и снасти, обдирая ладони, запятыались кровью моряков, а волны, заливая неповоротливую посудину, искали себе жертву. Пассажиры не раз смывало в море. Погиб ребенок, ударившись головой о швартовую тумбу. И хотя смерть была привычна для морского народа, Ванимен еще не скоро забудет это зрелище, как не забудет лицо матери, прижавшей к груди искалеченное тело и кинувшейся с ним в море — вдруг оно окажется милосерднее?

Ванимен знал, что подобные мысли опасны. Вода обнимает, укрывает от солнца и непогоды, кормит, но она же высасывает из тела

тепло, потерю которого может возместить только обильная пища, а в морских глубинах рышут бесчисленные убийцы. Он велел сбросить за борт канаты — вцепившись в них, пловцы смогут некоторое время отдохнуть, если у них не хватит сил подняться на борт, а заодно не дадут им потеряться в море.

К этому времени шторм уже почти настиг корабль. Ванимен перешел на корму. Там, под навесом кормовой надстройки, у румпеля стояли двое рулевых. Сейчас их работа несколько облегчилась — нужно было лишь позволять ветру увлекать корабль за собой. Ванимен дал рулевым несколько советов, пообещал вскоре сменить и отошел. В кормовой надстройке имелись две крошечные каютки, по правому борту для капитана, по левому для офицеров. В пути ими редко пользовались — люди моря не любили тесноты, но сейчас Ванимену захотелось ненадолго укрыться от стихии. Он распахнул дверь капитанской каюты.

На прикрепленной к потолку цепи, испуская тусклый свет и густую копоть, раскачивалась лампа. Кто ее зажег?.. Стон заставил его бросить взгляд на койку. Там тесно сплелись Ракси и молодой Хайко.

Мешать любящим считалось невежливым. Ванимен принялся ждать, прислонившись к переборке и с трудом сохраняя равновесие — корабль болтало с борта на борт, — и холодно изумляясь тому, какая ловкость требовалась от любовников в подобных условиях. Над изголовьем койки висело распятие, а в ногах, где его мог видеть лежащий человек, находилось изображение Святой Девы — грубо нарисованное и с трудом различимое, но выражение ее глаз было поразительно нежным. Святые образы не отвернулись от Ванимена, ведь каюта не церковь, куда он осмелился войти, разыскивая Агнете, но он вдруг заново ощутил всю странность и неуместность своего пребывания на корабле.

Увлечшаяся пара, одновременно вскрикнув, замерла. Вскоре они заметили Ванимена. Хайко смутился, Ракси улыбнулась, помахала рукой и освободилась от партнера.

— Почему вы в моей койке? — потребовал ответа Ванимен, перекивая вой ветра, треск грома, рев волн и стоны деревянного корпуса.

— Все другие заняты, — ответила Ракси. — Мы ведь не знали, что ты придешь или станешь возражать.

Покраснел Хайко, или ему показалось?

— Было бы... глупо... заниматься этим в воде, — пробормотал юноша. — Мы могли бы потерять корабль из виду. И вообще мы все вскоре можем погибнуть.

Ракси села и протянула к Ванимену руки. Каютка оказалась настолько мала, что она его коснулась.

— Будешь следующим? — пригласила она. — Я не откажусь.

— Нет! — рывкнул Ванимен. — Убирайтесь! Оба!

Они обиженно вышли и прикрыли за собой дверь, оставив его в полном одиночестве. Напрягая зрение в зловонном полумраке каюты, он вгляделся в глаза Святой Матери. «Почему я так разгневал-

ся? — удивился Ванимен. — Разве эти двое согрешили... перед ней? У них нет душ, и они не могут грешить, как не грешат животные. Или он сам».

— Разве я не прав? — спросил он вслух. Но ответа не получил.

День за днем, ночь за ночью — они уже сбились со счета от усталости — шторм гнал корабль перед собой.

Эти дни почти не оставили следов в памяти. Вспоминались лишь хаос, борьба, с трудом переносимая боль и утраты. Исчезновение любимой касатки больно отозвалось в сердце Ванимена. Вероятно, напуганная бурей, она уплыла прочь, а потом не смогла отыскать корабль; такая же участь постигла и нескольких его подданных. Больше он ее никогда не видел.

Поразительно, но они смогли удержать корабль на плаву, хотя под конец он протекал настолько сильно, что помпы не останавливались ни на минуту. Они все-таки пережили бурю, даже оказавшись полностью в ее власти...

...до самого ее конца.

Корабль подходил к Геркулесовым Столбам. Ванимен, вспомнив времена своих путешествий на юг, сразу узнал тускло-голубые утесы между Испанией и Африкой. Волнение в море еще не улеглось, но лазурь небес уже смотрела на чистую зеленую вод, переливающиеся искры на гребешках волн. Пригревало солнце, запах теплой смолы смешивался с солоноватой свежестью бриза. Доски устало поскрипывали, и утомившиеся от грохота шторма уши с наслаждением вслушивались в эту песнь мира и спокойствия.

Ни одно судно пока еще не осмелилось выйти из порта, и любопытные дельфины закружились вокруг их корабля. Оставив на палубе измученных соплеменников, Ванимен бросился в море, глубоко нырнул и вновь поднялся, продолжая дышать воздухом. Его тело, омытое кристально чистой водой, теперь ощущало каждую морщинку на поверхности моря. Он заговорил с дельфинами.

Что могут поведать они ему о Средиземном море? В своих ранних путешествиях он не заплывал далеко за окаймляющие пролив скалы, похожие на каменных львов — в этих местах христианство уже давным-давно взяло верх над язычеством, и от волшебного мира почти ничего не осталось. Но сегодня ситуация была иной. Его корабль не сможет пересечь океан, и им очень повезет, если он продержится хотя бы тысячу лиг, да и то при условии, что здешние воды окажутся гостеприимнее оставшихся за кормой. Не знают ли они спокойной гавани для беженцев из Лири?

Дельфины посовещались между собой, и вскоре их гонцы, взметнув на прощание радужные брызги, отправились спросить совета у собратьев. Тем временем люди отдыхали, охотились, набирались сил. На их счастье, довольно долго продержался мертвый штиль, поэтому ни один корабль с людьми не приблизился к ним выяснить, кто они такие.

Наконец Ванимен кое-что узнал от дельфинов. Большинство мест на побережье Средиземного моря окажется, без сомнения, негостеприимными. Слишком уж много рыбаков забрасывало здесь сети, и даже если не считать церкви, они вряд ли обрадуются появлению голодных беженцев. Африканское побережье подошло бы, пожалуй, больше, но вера обитающих там людей была еще нетерпимей христианства.

Правда, есть одно местечко на восточном побережье узкого моря... Ванимен с трудом понимал дельфинов. Они знали лишь, что существа, похожие на морских людей, там не обитают, но волшебный мир еще не изгнан оттуда, как, скажем, из Испании. Как раз наоборот — судя по словам дельфинов, они видели там множество существ, совсем не похожих на людей. Неужели люди в тех краях более терпимы? Кто знает?..

В тех местах плавают много кораблей, хватает и рыбаков — но пищи там с лихвой хватит, чтобы прокормить и новых немногочисленных переселенцев. А где-нибудь рядом с изрезанным, заросшим густым лесом побережьем, среди многочисленных островков, наверняка отыщется место для Нового Лири.

Сердце Ванимена взволнованно забилося. Заставив себя успокоиться, он спрашивал вновь и вновь. Дельфины более или менее подробно описали внешность живущих там людей, их одежду, священные и магические талисманы. (Многие из них попадали в беду, плавая по морю. Дельфинам иногда удавалось помочь пловцам добраться до берега, а утонувших всегда с интересом рассматривали.) Трудно было понять дельфинов — им никогда не доводилось видеть существ, похожих на племя Ванимена, — и ему о многом приходилось попросту догадываться. Гораздо полезнее для него оказались переданные дельфинами *слова* людей. Никто не мог сравниться с ними тонкостью слуха и умением в точности воспроизвести услышанное.

Ванимен объединил слова дельфинов с тем, что ему удалось узнать во время своих путешествий или от людей, с которыми ему доводилось общаться. Лишь немногие из них — уже десятилетия или века как обратившиеся в прах — были образованны, стремились как узнать новое, так и поделиться знаниями и были готовы воспринять Ванимена таким, каков он есть — правда, если слухи об общении с нехристью удавалось замять. Король Свейн Эстридсен, епископ Абсалон...

То побережье, расположенное напротив Италии, называлось Далматией. Ныне оно входило в королевство Хорватия, или, на латыни, — Кроатия. Жители его были дальними родственниками русов, но принадлежали к католической вере. Не знали дельфины и того, обитают ли в тех краях существа, подобные северным русалкам. Большого Ванимену узнать от них не удалось.

Быть может, впереди их ждет гибель от проклятия. А может, и нет. Но есть ли у морского народа выбор?

Глава 2

Шторм обрушился на шлюп «Хернинг», когда он возвращался в Данию. Плавание при встречных ветрах и без того оказалось тяжелым. Судно могло ходить галсами, пусть и неуклюже, но для этого приходилось надрываться у парусов и брасов, твердой рукой удерживая руль, иначе корабль начинал рыскать или вовсе терял управление. А при такой погоде этим приходилось заниматься непрерывно, днем и ночью.

Ингеборг могла лишь готовить и поддерживать на корабле чистоту — тяжелой работой это не назовешь. У Эйян хватало сил стоять вахты и помогать со снастями и у руля; она же ловила для всех свежую рыбу. Ей помогали в этом несколько дельфинов, крутящихся поблизости из любопытства. Корабль, на котором отчаянно не хватало моряков, держался на курсе во многом благодаря силе Тауно. Но даже он, уже начавший жалеть о том, что пришлось убить всех моряков прежней команды, пусть даже их пребывание на корабле сейчас было бы опасным, не мог справиться с кораблем в одиночку. В посильной помощи Нильса он нуждался не меньше, чем в его советах.

Никто не назвал бы парня опытным моряком — плавать ему доводилось всего пару раз, и то недолго. Но он быстро учился, не стеснялся спрашивать, мечтал о койке матроса на большом корабле, а может быть, в далеком будущем — если Господь пожелает — и о капитанском мостике. То, что товарищи по матросскому кубрику не могли или не хотели ему объяснить, он узнавал от собеседников в портах — моряки охотно заговаривали с приветливым юнгой. И, попав в переделку на «Хернинг», он держал глаза широко раскрытыми, быстро впитывая бесценный практический опыт.

Сам того не заметив из-за множества хлопот, он стал фактически капитаном. Если он и успевал о чем-либо подумать, прежде чем забыться коротким сном, то только об Эйян. Она охотно улыбалась ему. Когда им удавалось сделать что-либо хорошо, она обнимала Нильса и быстро целовала его, и тот был готов от радости воспарить подобно чайке. Но заниматься любовью им было некогда, да и сердца детей морского царя все еще скорбели об утраченном брате.

Незадолго до бури Нильс решил направить корабль к северу. Неподалеку от Исландии их ждало попутное течение, да и ветры там обычно дули благоприятные. И действительно, до сих пор им удавалось держать неплохую скорость. Радость начала преодолевать усталость.

И тут налетел шторм.

Тьма сгушалась. Ингеборг знала, что сейчас день — если и не здесь, то хотя бы на Небесах, где Господь судит грешников. Корабль окутал почти полный мрак, видимость была не более чем на длину корпуса.

На палубе ей делать было нечего. Огонь в глиняной печурке давно угас, и теперь они питались солониной, черствым сыром, вяленой рыбой, заплесневелым хлебом и сухарями, источенными червями. Когда темнота и вонь в трюме стали невыносимыми,

Ингеборг не выдержала и поднялась на палубу. Ветер и град загнали ее в закуток под кормовой надстройкой. Там, закрепив румпель, спал свалившийся от усталости Нильс.

Заметив, что погода начала резко портиться, он изготовил и бросил за борт плавучий якорь, а потом спустил парус. Если отдаться на волю шторма, слишком велик риск налететь на риф или один из многочисленных островов, опоясывающих северную оконечность Шотландии. Правда, крупный вал может захлестнуть корабль с кормы и разбить его в щепки, но якорь станет держать корабль поперек волны, и им останется только молиться о том, чтобы бьющие в корму волны пощадили суденышко. Но бездельничать никому не придется. Течи в корпусе заставляли их часами стоять у помпы, приходилось латать такелаж и исправлять нанесенные волнами повреждения, чтобы суденышко хоть как-то могло противостоять ударам стихии.

Тянулось время, бесконечное, словно кошмарный сон.

Чтобы удержаться на подпрыгивающей и раскачивающейся палубе, Ингеборг ухватила за румпель. Ураганный ветер толкнул ее назад, облепил промокшим платьем тело, повлек за собой, словно разбушевавшаяся река. Она утонула в его реве, грохоте волн, оцепенела от холода, пронзающего успевшее онеметь тело.

Пристально всмотревшись вперед, она увидела, как в полумраке, среди града и шквального ветра, раскачивается мачта. Хотя рея была спущена и закреплена на палубе, как долго древесина и канаты смогут выдерживать напряжение? Огромные валы, похожие на серостальные горы с белыми гребнями, грохоча, уносились вперед. Обдавая корму водопадами пены, они били в корабль, заставляя весь корпус вздрагивать. Нередко шлюп не успевал подняться на очередной гребень, и тогда на его палубу обрушивалась клокочущая ярость. Слетели крепления крышек люков, в трюме хлюпала вода.

Сквозь пелену брызг и града Ингеборг разглядела на носовой надстройке фигуры Тауно и Эйян. Кажется, они о чем-то говорили. Неужели они слышат друг друга в таком грохоте? Внезапно Ингеборг в ужасе вскрикнула — Тауно бросился за борт.

Но он же сын водяного, тут же выругала она себя за пугливость. В море он как дома. Он ведь рассказывал, какой вечный покой там царит... Храни его Пресвятая Дева...

Эйян направилась к корме. Теперь Ингеборг разглядела, что тело ее обнажено, если не считать повязки на голове и пояса с ножом, но от холода она, кажется, не страдала. Скорее наоборот, ее промокшие насквозь рыжие локоны казались единственным теплым пятном на многие мили вокруг. Раскачивающаяся палуба не мешала ей идти крадущейся походкой пантеры.

— А, Ингеборг, — поприветствовала она женщину и подошла поближе, чтобы разговаривать не напрягая голоса. — Я заметила, как ты выбралась на палубу. Решила подышать воздухом, пусть даже чересчур свежим, верно? — Эйян приблизилась вплотную и приставила сложенные рупором ладони к уху Ингеборг, потом добавила: —

Позволь составить тебе компанию. Сейчас моя вахта, но отсюда я смогу заметить опасность не хуже, чем стоя на носу. Пожалуй, даже лучше — тут меня не хлещет проклятый град.

Ингеборг сняла ладонь с румпеля и тоже заслонила рот от ветра:

— Куда отправился Тауно?

Точеное лицо Эйян нахмурилось.

— Спросить дельфинов, не отыщут ли они кого-нибудь в помощь нам.

Ингеборг ахнула:

— Милосердный Господь! Неужели наши дела настолько плохи?

— Где-то неподалеку берег, — кивнула Эйян. — Когда мы недавно плавали в море, то заметили, что оно мелеет. В воде слышится пульс — это эхо прибоя. А буря и не думает стихать.

Ингеборг взгляделась в серые глаза Эйян.

— Если мы разобьемся, хотя бы он останется жив... — прошептала она.

Наверное, Эйян догадалась.

— Ах, бедняжка! — воскликнула она. — Смогу ли я успокоить тебя?

Высокая фигура сестры Тауно заслонила женщину от ветра. Эйян протянула руки. Ингеборг выпустила румпель и неловко шагнула в ее объятия, укрывшись в них от качки и брызг. Ощущая тепло, исходящее от нежной груди Эйян и перекатывающихся под кожей упругих мускулов, она прильнула к ней, словно к полузабытой уже матери.

Говорить им сразу стало легче.

— Не бойся, подруга, — мягко молвила Эйян. — Если корабль разобьется, мы с Тауно поможем тебе и Нильсу доплыть до берега. Мы вынесем вас в безопасное место, а там уже можно надеяться на помощь людей.

— Но тогда мы потеряем золото. — Ингеборг почувствовала, как напряглись руки Эйян. — Тауно ведь не сможет раздобыть новый корабль? Ведь не сможет? И он потеряет все, ради чего столько трудился, ради чего рисковал жизнью. Неужели все напрасно? И он может погибнуть... Эйян, умоляю тебя... не надо... не рискуйте собой ради нас...

Дочь Агнете прижала к себе рыдающую женщину и, негромко напевая, принялась ее успокаивать.

Вернувшись, Тауно поведал, что дельфины отправились на поиски. Они знали существо, способное, если они сумеют его отыскать, помочь путникам. Большого от дельфинов добиться не удалось, потому что они сами толком ничего не знали. К тому же дельфины сомневались, поймет ли их то существо, а если поймет, то захочет ли прийти на помощь.

Добавить к своим словам он ничего не успел, потому что в этот момент у мачты лопнул передний штаг. Обрывок каната, метнувшись назад, просвистел всего в дюйме от шеи Эйян. Ужаснувшись, Тауно принялся ловить болтающийся обрывок, преследуя его, словно взбесившуюся зверюгу. Когда же его усилия увенчались успехом

и он собрался закрепить штаг на мачте, то оказалось, что она треснула. Встревоженный Тауно едва не полез на мачту натягивать новый штаг, но Эйян с трудом его отговорила: в такую качку ничего не стоит сорваться и разбиться насмерть или покалечиться, а потом умирать долго и в мучениях. А если ему нейдет, добавила сестра, то пусть идет откачивать воду из трюма.

Настала ночь, но вместо недолгих светлых сумерек северного лета их окружил непроницаемый мрак. Казалось, ему не будет конца.

С рассветом вернулся тусклый полумрак. Морские брызги окутывали корабль туманным облаком, нахлебавшееся воды судно низко зарывалось носом в волны. Они по-прежнему вздымались высокими массивными горами, но уже с более острыми вершинами, белыми от пены, которые закручивались, когда волна приближалась к отмели или проносилась над рифом. Несмотря на сброшенный Тауно плавающий якорь, шлюп рыскал по курсу, словно человек, получивший удар молотом по голове.

Брат и сестра провели всю ночь на палубе и не ушли оттуда даже с рассветом — по всем признакам, корабль плыл вблизи суши, и они не могли расслабиться ни на минуту. Буйство урагана и постоянное напряжение обессилили их; Тауно и Эйян лежали, тесно прижавшись друг к другу, спасаясь от холода и буйства стихии. Тауно спросил сестру, хватит ли у них сил поддерживать на плаву людей.

— Может, и не хватит, — ответила Эйян, перекрикивая вой ветра и треск корабельной обшивки. — Но если придется спасаться вплавь, ты возьмешь Ингеборг, а я Нильса.

— Почему? — удивился Тауно. — Он тяжелее женщины.

— Ты и сам знаешь, что в воде разницы почти никакой. А если им суждено умереть, то это хотя бы скрасит их последние минуты.

Больше Тауно ни о чем не спрашивал, и вскоре они забыли об этом разговоре.

Сбоку в волнах мелькнул чей-то силуэт. Когда шлюп в очередной раз накренился на борт, они разглядели существо, похожее на большого серого тюленя, и удивились — почему такое животное решило их сопровождать? Потом они вспоминали, что им сразу почудилось в его облике нечто странное, но в тот момент буря настолько утомила все их чувства, что они не придали этому значения.

Неожиданно «Хернинг» едва не лег набок. Поперек палубы прокатилась волна, внутри ее они разглядели тушу тюленя. Шлюп выпрямился, переваливаясь с борта на борт, вода потоком устремилась в шпигаты, но тюлень остался на палубе. Он приподнялся на передних плавниках... но тут по его телу пронеслась волна превращения, и они увидели сидящего на корточках человека.

Он тут же выпрямился и подошел к брату и сестре. Они увидели, что он огромного роста — на голову выше Тауно — и настолько широк и массивен, что казался квадратным. Прямые серебристые волосы и борода покрывали голову, такого же цвета оказалась шерсть на обнаженном теле, под ней просвечивала бледная кожа. От него рази-

ло рыбой. Его лицо с низкими нависающими бровями, плоским носом, щелью рта и тяжелой челюстью без подбородка можно было бы назвать безобразным, если бы не глаза, поблескивающие под ресницами, которым позавидовала бы и королева: большие, золотистокarie и без белков.

Рука Тауно метнулась было к ножу, но он тут же отпустил рукоятку и поднял ладонь в жесте дружбы.

— Добро пожаловать, если ты явился с миром, — сказал он на языке Лири.

— Дельфины донесли мне слова, призвавшие меня к вам, — ответил человек-тюлень низким лающим голосом, но на языке смертных. — Если верить их трескотне, тут есть женщина. А вы не настоящие мужчина и женщина — запах у вас не тот, но и не настоящие морские люди, судя по внешности. Так кто вы такие и зачем звали меня?

Он говорил вполне разборчиво, а язык напоминал датский. Скандинавские поселенцы обосновались на островах вблизи Шотландии еще во времена викингов, большинство этих мест так и осталось под властью норвежской короны, а потомки поселенцев продолжали говорить на западном диалекте языка предков, употребляя его наравне с гэльским*.

— Мы в беде, — объяснила Эйян. — Ты сможешь нам помочь?

— Смогу, коли захочу, — проревел он в ответ, с легкостью перекрыв грохот бури. — Но что получу я за это? Есть кто еще на борту?

— Да.

Тауно приподнял крышку ближайшего люка и громко крикнул, вызывая дремавших в трюме Нильса и Ингеборг. Перепуганная парочка тут же поднялась на палубу. Увидев неожиданного гостя, они замерли, затаили дыхание и невольно взились за руки.

Оборотень взглянул на Ингеборг и больше не спускал с нее глаз. Медленно ступая, он двинулся к женщине. Нильс и Ингеборг и так едва держались на ногах из-за качки, а теперь ноги у Ингеборг стали подкашиваться от страха. Юноша напрягся, когда волосатые пальцы оборотня с похожими на когти ногтями коснулись побледневшей щеки женщины. Оборотень желал ее...

Но он был нежен и лишь слегка приласкал ее. Глаза его не отрывались от глаз Ингеборг, а губы слегка дрогнули от застенчивости. Оборотень повернулся к водяным:

— Хорошо. Я помогу вам — ради нее. А вы трое благодарите женщину. Разве я позволю ей утонуть?

Хоо, как назвался человек-тюлень, поведал им, что живет на острове Сула-Сгейр, что к западу от Оркнейских островов. Из его племени почти никого не осталось — возможно, он последний. Так оно скорее всего и было, потому что в Лири никто никогда не

* Гэльский — язык исконных жителей Шотландии.

слышал о соплеменниках Хоо. Люди с глубокой древности возненавидели селкаев — тюленей-оборотней — и нещадно на них охотились. Хоо полагал, что причиной людской ненависти стали набег селкаев на рыбацкие сети — в этом они походили на обычных тюленей, зато потрошили сети с человеческой ловкостью и при этом безжалостно их портили. Но он не мог утверждать этого наверняка, потому что с раннего детства рос в одиночестве, а о матери у него сохранились лишь смутные воспоминания да мелодии песен, которыми она его убаюкивала. Однажды приплыли люди на лодке, загнали мать в узкий залив и изрубили на куски, ему же удалось спастись. Хоо вспомнил, что эти люди возносили хвалу Одину, и коли так, то произошло это и в самом деле очень давно.

И Хоо, и путники поведали друг другу свои истории урывками, за работой — спасение корабля было куда важнее. Прежде всего предстояло остановить неуправляемый дрейф «Хернинга», слишком уж близко оказался берег. Хлопал оборванный штаг, а треснувшую мачту нужно было срочно укрепить. Из трюма достали два бруса и примотали их к мачте канатами — в таком виде она продержится дольше.

Всех поражала сила Хоо. Подняв на плечи Тауно и Нильса, он держал их, пока они работали на мачте, и без его помощи измученным мужчинам вряд ли оказалось бы по силам вновь поднять тяжелую рею с намокшим парусом и заново натянуть шкоты. А если бы могучий Хоо не сменил их потом у помпы, трюм наверняка заполнился бы водой.

Но куда более поразительным оказалась его опытность в морском деле. Сперва он объяснил новым товарищам смысл каждой команды, потом заставил потренироваться в их выполнении и лишь потом, заметив яростный прибой на рифах, встал к штурвалу. И свершилось чудо — истерзанный бурей, протекающий и неповоротливый шлюп ожил в его руках. Рифы были уже совсем близко, но ему удалось миновать эту западню, потом другую, третью. Судно осталось на плаву и даже сумело отойти от берега подальше в море.

И шторм, словно догадавшись, что суденышко ему уже не достанется, унесся прочь.

Глава 3

— Да, дело пошло на лад, — пробасил Хоо. — Вы хорошо поработали, но теперь надо залатать это старое корыто, или оно на полпути потонет.

В трюме отыскался запас пакли. Вообще-то корабли для такой операции кренгуют — кладут на мелководе на борт, — но уж больно малочисленный был у Тауно экипаж, к тому же они не осмеливались подходить к берегу. Там их могли попытаться убить — и не столько из-за чуждой внешности морских людей, сколько из-за золота. Брат с сестрой прыгнули вместе с селкаем в море и принялись забивать паклей многочисленные трещины ниже ватерлинии. Конечно, их следовало бы потом просмолить снаружи, но, поскольку в море это

было сделать невозможно, Ингеборг затопила печь и стала подносить Нильсу котелки с горячей смолой, которой тот смолил щели изнутри. На этот труд ушло два дня, зато теперь, хотя корпус «Хернинга» все еще протекал, расшатанный бурей, требовалось лишь время от времени откачивать из трюма немного воды, и Хоо решил, что корабль выдержит оставшийся путь.

Когда его спутники впервые за несколько дней насладились долгим сном и отдохнули, он собрал их на палубе. Занимался тихий день, вода была неподвижна, как зеркало. По голубому небу плыло несколько белоснежных, словно крылья кружащихся в нем чаек, облачков. Воздух быстро теплел. Справа по борту, у самого горизонта, полоской суши виднелась Ирландия.

Тауно и Эйян растянулись на теплых досках палубы, подставив солнцу свои прекрасные обнаженные тела. Ингеборг сбросила с себя всю грязную одежду, повесив ее сушиться. Нильс тоже сушил одежду, но, в отличие от Ингеборг, кутался в плащ и не садился. Когда его взгляд касался женских тел, на щеках парня вспыхивал румянец.

Хоо расположился перед ними. При дневном свете его неуклюжее тело казалось гротескно громоздким.

— По-моему, — начал он хриплым кашляющим голосом, — не стоит возвращаться, огибая Шотландию, а потом через Северное море. Корабль приходится непрерывно латать. Лучше, если мы спустимся в Ирландское море, проплывем через Английский пролив, а потом направимся мимо Фризских островов к Дании. Путь удлинится ненамного, но станет безопаснее. Берег все время будет неподалеку, и, коли случится худшее, мы сумеем помочь людям добраться живыми до суши.

— Сможешь ли ты отыскать дорогу? — спросил Тауно. — Никто из нас эти воды не знает.

— Да, смогу. И еще подскажу, от каких кораблей следует удирать во весь дух, едва заведешь верхушки их мачт. У короля Англии есть капитаны похуже пиратов.

Эйян подняла голову и пристально посмотрела на Хоо.

— Ты спас наш корабль от крушения, — негромко произнесла она, — и согласился доставить нас домой. Какую награду за это ты просишь?

Хоо набрал воздуха в огромную грудь, замер, словно был не в силах произнести ни слова, потом проревел:

— Ингеборг!

— Что? — воскликнула женщина. Согнув ноги, она прикрыла коленями грудь, крепко обхватила их левой рукой, а дрожащей правой сотворила в воздухе крест.

Селкай протянул к ней руки. Все его тело вздрагивало.

— Только пока мы плывем... — пробормотал он, запинаясь. — Только пока мы в море. Я буду нежен с тобой, обещаю. О, как долго я был одинок...

Ингеборг перевела взгляд на Тауно. Тот стоял, нахмурившись.

— Ты очень много сделала для нас, Ингеборг, — сказал он. — Мы не можем тебя принуждать.

Женщина не отрывала глаз от Тауно. Все молчали. Наконец Хоо стряхнул с себя оцепенение, его плечи поникли.

— Да, конечно же, я урод, — пробормотал он. — Я остался бы с вами, но видеть ее каждый день и... Прощайте. Думаю, вы доберетесь до дома и без меня. Удачи вам.

Он шагнул к борту. Ингеборг вскочила.

— Нет, подожди! — воскликнула она, подбегая к Хоо. Тот остановился и ахнул, когда женщина взяла его огромную когтистую лапу. — Прости, — сказала Ингеборг. Голос ее дрогнул, в глазах выступили слезы. — Я просто испугалась, понимаешь? Конечно же, я...

Селкай расхохотался лающим смехом и стиснул ее в медвежьих объятиях. Женщина взвыла от боли, он тут же выпустил ее.

— Прости меня, — взмолился Хоо. — Я забыл. Я буду нежен, обещаю.

Побледневший Нильс шагнул вперед:

— Нет, Ингеборг, не надо. Наши души и так отягощены грехом, а ты...

Ингеборг громко рассмеялась.

— Ты же знаешь, кто я такая, — резко возразила она. — Для меня такое не в новинку... верно?

Эйян поднялась и, положив ладонь на плечо Нильса, что-то прошептала в светлые локоны над ухом парня. Тот ахнул.

Тауно тоже встал и пристально взгляделся в глаза Хоо.

— Ты будешь с ней нежен, — произнес он, поглаживая рукоятку ножа.

Лето перевалило за половину, ночи становились все длиннее и темнее, но эта ночь оказалась ясной, а бесчисленные звезды давали достаточно света для глаз Тауно и Эйян. Шлюп плыл, подгоняемый бризом, который морщил воды пролива мелкими волнами, с шорохом ложившимися под нос корабля. Время от времени похлопывал край паруса, поскрипывал блок или доска — негромкие звуки, почти не нарушавшие тишины... пока ее не разорвал восторженный рев Хоо.

Позднее он вышел и встал на носу рядом с Ингеборг. Тауно стоял у штурвала, Эйян дежурила в «вороньем гнезде», но никто из них не проявлял к парочке на носу открытого интереса.

— Спасибо тебе, милая, — застенчиво произнес селкай.

— Ты свое уже получил, — ответила женщина, кивнув на темноту под носовой надстройкой.

— Могу я пойти с тобой снова?

— Незачем. Уговор есть уговор.

Взгляд Хоо не отрывался от воды, пальцы стиснули доски борта

— Я тебе совсем не нравлюсь?

— Я вовсе не это хотела сказать, — возразила она. Ее пальцы медленно скользнули вдоль борта и легли на руку Хоо. — Ты наш

спаситель, и... обращался со мной куда лучше многих из тех, кого я помню. Но я из племени смертных и проживу недолго. Какая между нами может быть близость?

— Но я видел, как ты увивалась вокруг Тауно.

— А почему бы тебе не попытаться счастья с Эйян? — торопливо отозвалась Ингеборг. — Она прекрасна по сравнению с моей невзрачностью, к тому же близка к вашему миру и, по-моему, насладится гораздо больше, чем... но не думай, что я сожалею, Хоо.

— Ты привыкнешь к моему запаху, — с горечью пообещал он.

— Но почему ты выбрал именно *меня*?

Хоо долго молчал, потом повернулся к ней, сжав кулаки, и ответил:

— Потому что ты настоящая женщина, а не наполовину дочь моря.

Она подняла на него глаза, ее напрягшееся было тело начало расслабляться.

— Мой народ убивал твой народ.

— То было сотни лет назад. На земле о нас давным-давно забыли. Я живу мирно возле Сула-Сгейра, и говорят со мной только ветер, волны и чайки, а соседи мои — медузы да ракушки. Мой покой нарушают только бури да акулы, а зима сменяет зиму, и иногда становится так тоскливо, понимаешь?

— Голое море, голые скалы и просто небо — без надежды на Спасение... Ах, Хоо!

Ингеборг прижалась щекой к его груди. Хоо погладил ее с неуклюжей нежностью.

— Но почему ты не искал себе кого-нибудь? — спросила она, прислушиваясь к медленным утроенным ударам его сердца.

— Искал. Когда был молод. Я многое повидал. Но никому не оказался нужен. Люди моря видели во мне лишь урода, и никто не пожелал заглянуть мне в сердце. То, что под шкурой, их не интересует.

— Нет, это не так, — подняла голову Ингеборг. — Не все они такие. Тауно... Тауно и Эйян...

— Да, вроде бы так. Хорошо, что они так заботятся о сестре. И все же... в людях, таких, как ты, есть нечто большее. Не могу назвать, что именно... Вы теплее, вы любите по-другому. Наверное, зная о смерти, вы тянетесь друг к другу — ведь ваша жизнь так коротка. Или же причина в той искорке вечности... душе? Не знаю. Я ничего не знаю о душе, хотя и ощущал ее в некоторых мужчинах, но больше в женщинах... она похожа на огонек холодной ночью... И в тебе есть этот огонек, Ингеборг, яркий и сильный. Он согревает меня. И считай себя счастливой, пусть даже тебя охватывает печаль, потому что именно из-за души ты способна любить так сильно.

— Я? — изумилась женщина. — Шлюха? Нет, ты ошибаешься. Что можешь ты знать о людях?

— Больше, чем тебе кажется, — хмуро ответил Хоо. — Потому что время от времени я выходил в ваш мир, и не всегда меня гнали прочь. Пусть я уродлив и плохо пахну, но я сильный и надежный работник. Как иначе я мог выучить ваш язык или ремесло моряка?

У меня были друзья среди людей, женщины приглашали меня к своим очагам, а некоторые — поверишь ли? — правда, очень немногие, даже дарили мне любовь.

— Теперь я понимаю почему, — прошептала Ингеборг.

Лицо Хоо исказилось, словно от боли.

— Но не любовь законной жены. Разве мог я, морское чудище, войти в церковь? Все это длилось недолго. С мужчинами, ставшими моими товарищами, мы плавали в одно путешествие за другим. Но, конечно же, мне и с ними приходилось расставаться, ведь они вскоре старели, а я — нет. И прошли уже десятки лет с той поры, как я последний раз осмелился встретиться со смертными. А женщина не целовала меня еще дольше.

— Так неужели и мне надо причинять тебе боль? — Ингеборг приподнялась и обняла Хоо за шею, привлекая к себе. Их губы встретились.

— Боль разлуки горька, но останутся воспоминания, — ответил Хоо. — Какие сны я буду видеть! Какие песни пропоет о тебе ветер! И каждой ясной звездной ночью я стану вспоминать тебя и эту ночь, пока не наступит день моей смерти.

— Но ты будешь таким одиноким.

— Это лишь к лучшему, — попытался он ее успокоить. — Потому что причиной моей смерти станет женщина.

— Что? — отшатнулась она.

— Так, ничего. — Он указал на небо. — Видишь, как сияет Большая Медведица?

— Нет, Хоо, — взмолилась Ингеборг, задрожав, хотя набросила плащ, перед тем как выйти на палубу. — Расскажи мне все, прошу тебя. — Она смолкла. Селкай тоже молчал, закусив губу. — Мы станем... мужем и женой... до конца плавания. А за последнее время я насмотрелась столько колдовства, что мне на всю жизнь хватит. И раз эта тайна может коснуться меня...

Хоо вздохнул, покачал головой и ответил:

— Нет, Ингеборг, не бойся. Я... я столько скитался по морям в одиночестве, что приобрел как бы... второе зрение. И догадался, какой станет моя судьба.

— Какой же?

— Настанет день, когда смертная женщина родит мне сына, и мне придется забрать его с собой, дабы люди не сожгли его, назвав демонским отродьем. А женщина выйдет замуж, и ее муж убьет нас обоих.

— Нет-нет!

Селкай скрестил на груди руки:

— Я не боюсь за себя. Но сына мне жаль. Правда, к тому времени когда это произойдет, волшебный мир превратится в слабый, угасающий огонек, а потом угаснет навсегда. Так что, пожалуй, такая судьба станет милосердием для него. Да и для меня тоже.

Ингеборг тихонько заплакала. Хоо не осмеливался ее коснуться.

— Я бесплодна, — призналась она, всхлипнув.

— Знаю, — кивнул он. — Не ты обречешь меня на смерть, а другая женщина... — Хоо стиснул зубы, но тут же добавил: — Ты так устала — ведь тебе столько пришлось вытерпеть. Позволь, я отнесу тебя и уложу спать.

Было еще темно, когда по песочным часам наступило время смены вахты. Близился рассвет. Экипаж шлюпа договорился о том, что на ночных вахтах всегда будет двое из морского народа, и сегодня Хоо стоял у штурвала, а Тауно забрался в «воронье гнездо» на верхушке мачты.

Эйян, сменившись с вахты, ловко скользнула через люк в кубрик, под который отгородили часть трюма. Звездный свет, льющийся через отверстие люка, был достаточно ярок для ее глаз, и даже при закрытом люке она отыскала бы путь в темноте на ощупь, по запаху или пользуясь присущим всем морским людям чувством направления и места. На соседних койках лежали Нильс и Ингеборг. Парень по-детски сжался в комочек, рука женщины прикрывала глаза. Присев на корточки рядом с Нильсом, Эйян погладила его волосы и прошептала в ухо:

— Вставай, лежебока. Настало наше время.

— А? Что?.. — пробормотал внезапно проснувшийся Нильс, но не успел более произнести ни слова — губы Эйян прижались к его губам.

— Осторожно, — предупредила она. — Не потревожь несчастную женщину. Иди за мной.

Она взяла его за руку, и восторженный Нильс последовал вслед за ней вверх по лесенке и на палубу.

На западе сверкали звезды, но на востоке поднялся рогатый месяц, залив небо серебристым сиянием. Еще ярче неба мерцало море. Силуэт Эйян темнел на фоне неба, словно ее освещал небесный фонарь. Ветер посвежел, посвистывал в вантах, раздувал паруса. Нос шлюпа приподнялся, потом окунулся в зашипевшую волну.

Нильс замер.

— Эйян, — воскликнул он, — ты слишком прекрасна, твоя красота обжигает меня!

— Тише, тише, — пробормотала Эйян, бросив торопливый взгляд на верхушку мачты. — Пойдем к носовой надстройке.

И она танцующей походкой устремилась вперед, Нильс заторопился следом.

Под носовой палубой более не таился мрак: в лунном сиянии Нильс ясно видел Эйян — до той секунды, когда она тесно прильнула к нему, и его голова закружилась от вихря ее поцелуев. Внутри его все зазвенело, загрохотало, взорвалось пламенем.

— Сбрось с себя эти дурацкие тряпки, — велела она вскоре и протянула руки, помогая Нильсу.

...Потом они лежали рядом, отдыхая и приходя в себя.

— Я люблю тебя, — прошептал он, вдохнув аромат ее волос. — Люблю всей своей душой.

— Молчи, — предупредила Эйян. — Ты человек... мужчина... хоть еще и молод... и крещен.

— Ну и пусть!

— Нет, не пусть! Ты обязан про это помнить. — Приподнявшись на локте, Эйян всмотрелась в выражение его лица. Ее свободная рука нежно коснулась его груди. — У тебя есть бессмертная душа, и никто, кроме тебя самого, не сможет ее сберечь. Судьба свела нас вместе, но я не стану той, кто погубит твою душу, милый мой дружок.

Ослепленный внезапным отчаянием, Нильс прильнул к ее груди.

— Я не смогу расстаться с тобой, — выдохнул он. — Никогда не смогу. А ты... ты не бросишь меня, правда? Скажи, что не бросишь!

Она принялась успокаивать его поцелуями и объятиями и, когда он смог снова слушать ее, ответила:

— Давай не будем терзать себя мыслями о будущем, Нильс. Толку от них никакого, лишь одни огорчения. Нам ведь хорошо вдвоем, правда? И довольно говорить о любви, — усмехнулась она. — Куда лучше добрая старая страсть. Тебе кто-нибудь говорил, что твой вид возбуждает?

— Ты очень... дорога мне.

— А ты мне. И у нас много общего — работа, разговоры, песни, мы вместе любимся морем и небом... как близкие товарищи... — Она снова тихо рассмеялась. — А тихой ночной порой у нас есть и другое общее занятие, и я чувствую, что ты... о, радость моя!

...Сидя в «вороньем гнезде», Тауно вслушивался в доносящиеся с носовой палубы звуки. Его губы плотно сжались, стиснутый кулак ударил по ладони. Потом еще раз, и еще.

Погода держалась по большей части ясная, и «Хернинг» плыл на юг даже быстрее, чем все ожидали от столь побитой посуды. Если к ним приближалось другое судно из тех, что курсировали между Англией и Кале, то Хоо, облаченный в человеческие одежды, выкрикивал очередную байку об их корабле, которую они с Нильсом тут же выдумывали в зависимости от ситуации. Поскольку вид у них был явно не воинственный и на пиратов они вовсе не походили, этого обычно хватало, и лишь однажды им пришлось спустить паруса и затаиться до темноты, чтобы прокрасться мимо королевского судна — Хоо предварительно осмотрел его, приняв тюлений облик, — потому что их могли задержать, приняв за шпионов или контрабандистов.

Пасмурным вечером Тауно вернулся к шлюпу, сжимая в руках отличного крупного лосося. Взявшись по спущенной на корме веревочной лестнице, он бросил добычу на палубу.

— Хо-хо! — пробасил из-за штурвала селкай. — Ты мне отрежешь кусочек?

Тауно кивнул и протянул Хоо солидный кусок лосося. В тусклом свете фонаря, освещавшего плавающую стрелку компаса, огромное

тело Хоо походило на человеческое куда меньше, чем днем. Хоо впился зубами в сырую рыбину и жадно оторвал кусок. Брат с сестрой тоже не заботились о том, чтобы как-либо приготовить рыбу, и Ингеборг занималась стряпней лишь для себя и Нильса, но все же от подобного зрелища по лицу Тауно скользнула тень отвращения. Хоо заметил это.

— Тебя тревожит что? — спросил он.

— Ничего, — пожал плечами Тауно.

— Не-е, что-то есть. Насчет меня, сдается мне. Так скажи, как есть. Нам нельзя злобу копить.

— С чего ты взял? Я не держу на тебя зла, — все еще угрюмо ответил Тауно. — Но если хочешь знать, то мы в Лири ели более прилично.

Хоо немного помолчал, пристально глядясь в Тауно, потом произнес, тщательно подбирая слова:

— Не держи в себе, расскажи мне лучше. Иначе покоя нет. Что случилось, парень?

— Я же сказал — ничего! — рявкнул Тауно, отворачиваясь, чтобы уйти.

— Постой!

Тауно остановился.

— Не в том ли дело, что бабы нет у тебя, а у меня и Нильса есть? — предположил Хоо. — Сдается мне, Ингеборг рада тебе будет и в удовольствии не откажет тебе.

— По-твоему, она кто?..

Тауно резко смолк. На этот раз он ушел.

Сумерки быстро густели. По вантам скользнул вниз темный силуэт, спрыгнул на палубу. Тауно приблизился. Нильс напряженно вглядывался в темноту, но Тауно без труда разглядел смущенное лицо парня.

— Что ты там делал? — резко спросил он.

— Ну... ты же знаешь, Эйян дежурит на мачте, — ответил Нильс. Голос его едва заметно дрогнул. — Мы разговаривали, потом она велела мне спускаться, пока я еще в силах что-то разглядеть вокруг себя.

— Верно, — кивнул Тауно, — ты не упускаешь ни единой возможности побыть с ней наедине. Так ведь?

Тауно уставился в темноту. Нильс отыскал его руку.

— Тауно... господин... умоляю вас, выслушайте меня, — взмолился юноша.

Долгую минуту принц Лири молчал, потом молвил:

— Говори.

Нильс сглотнул.

— Вы стали мрачны. Холодны со мной... со всеми, кажется, тоже. но со мной больше всего. Почему? Неужели я чем-то обидел вас? Я не стал бы этого делать ни за какие блага на свете, Тауно.

— С чего ты взял, что способен причинить мне хоть какой-то вред, сухопутный топтун?

— Ну, ваша сестра... ваша сестра и я...

— Ха! Она свободная личность. И я не настолько глуп, чтобы судить ее поступки.

— Я... я люблю ее.

— Как же ты можешь? Неужели ты забыл, что у нее и у меня нет душ?

— Я в это не верю! Она... она изумительная, восхитительная. Я хочу жениться на ней... и если не перед людьми, то перед Богом... хранить ей верность и заботиться до самой своей смерти. Я буду ей хорошим мужем, Тауно. Я хорошо обеспечу и ее, и детей. Я знаю, как выгодно вложить свою долю золота... Вы поговорите с ней, Тауно? Она не позволяет мне вести подобные речи, но если об этом скажете вы... Ради меня... и ради нее? Ведь она может быть спасена, даже...

Бормотание Нильса внезапно захлебнулось — Тауно схватил его за плечи и встряхнул столь яростно, что у парня клацнули зубы.

— Заткнись! — взревел Тауно. — Еще одно слово, и я размажу тебя по палубе! Развлекайся с ней и дальше, пока твое время не кончилось. И вбей себе в голову — ты для нее лишь развлечение, очередное после десятков прежних. И не более того. Радуйся, что она обратила на тебя немного внимания, и больше не раздражай нас своими сопливыми воплями. Ты меня понял?

— Да, простите меня, простите, — всхлипнул Нильс. Тауно разжал руки, парень осел на палубу.

Тауно постоял немного рядом, но взгляд его был устремлен на верхушку мачты. Он не заметил ни малейшего движения, лишь ветер трепал длинную прядь волос. Тауно уже открыл было рот, собираясь заговорить на языке морских людей, но передумал. К нему медленно вернулось спокойствие.

— Оставайся на палубе, Нильс, пока я не разрешу тебе спуститься, — приказал он, потом быстро отыскал люк в трюм. Спустившись, он не потрудился прикрыть за собой крышку, чтобы приглушить звуки, а сразу подошел к койке Ингеборг и разбудил ее.

Приползшие со стороны Ирландии тучи пролились морсящим дождем, сизой дымкой затянувшим небосвод. Капли с шелестом падали на волны, и их шепот совсем заглушил посвистывание бриза. Каждый вдох влажного и прохладного воздуха наполнял легкие ароматом зеленых полей.

В такую погоду торчать на верхушке мачты было бесполезно, и Тауно с Эйян поплыли перед кораблем, разведывая путь. Силуэт шлюпа вскоре растаял в дождевой мороси, и они впервые за долгое время остались наедине. «Хернинг» едва тащился по волнам, брат с сестрой легко его обгоняли и потому могли разговаривать, не останавливаясь.

— Ты был жесток с Нильсом, — сказала Эйян.

Тауно рубанул ладонью по воде.

— Ты слышала наш разговор?

— Конечно.

— И что ты ему потом сказала?

— Что ты был в плохом настроении и ему не следует принимать твои слова близко к сердцу. Он очень страдал. Будь добр к нему, Тауно. Он преклоняется перед тобой.

— А в тебя по уши влюблен. Юный болван!

— Знаешь, а ведь я у него первая женщина, самая первая. — Эйян улыбнулась. — И он быстро учится. Так пусть он осчастливит в своей жизни еще многих — когда мы расстанемся.

Тауно нахмурился:

— Надеюсь, он не ошалееет от любви к тебе до такой степени, что растеряет остатки своего умишка. У нас есть только он да Ингеборг — на кого еще из людей мы можем положиться, спасая Ирию? Ведь мы с тобой вряд ли сумеем сойти за жителей суши, тем более за датчан.

— Да, мы с ним об этом говорили, — подтвердила Эйян, встревоженная не меньше брата. — Он по крайней мере знает, что должен действовать осторожно, ведь он простой моряк и в людских законах столь же невежествен, как и мы. Но я верю в него, потому что он умен и быстро добирается до сути. Правда, — печально добавила она, — именно поэтому он может и не позабыть меня, когда придет время расставаться. Впрочем, он всегда сумеет опереться на совет Ингеборг, а уж она, полагаю, за свою жизнь имела дело с самыми разными людьми.

— Да, она сильная женщина, — вяло согласился Тауно.

Эйян отплыла чуть в сторону и повернулась, чтобы лучше видеть его лицо.

— А я полагала, что твои чувства к ней заслуживают иных слов.

— Верно, она мне нравится, — кивнул Тауно.

— А ты для нее... Сидя в «вороньем гнезде», я слышала, какую радость ты пробудил в ней, спустившись в трюм. Она сдерживалась, но я все равно услышала. — Лицо Эйян исказилось, она помолчала, потом продолжила: — На следующий день мы с ней поговорили наедине. Так, обменялись женскими сплетнями. И она спросила, зная, что мы все равно не согласимся, не хотим ли мы поселиться где-нибудь неподалеку от нее — ведь за золото она может купить дом на берегу, — и не уплывать далеко в поисках нашего народа. Когда я ответила, что это невозможно, она отвернулась. Потом повернулась обратно и принялась весело болтать. Но я наблюдала за ее плечами и руками. — Эйян вздохнула. — Воистину, общение с нами не приносит смертным счастья.

— И нам с ними — тоже, — процедил Тауно.

— Верно. Бедная Ингеборг! И все же как дальше жить нам — двум последним морским людям в Дании? Ведь если не суждено нам отыскать отца, то придется искать прибежища в другом племени. А как тяжело искать родных по всему свету!

— Да... тяжело, — отозвался Тауно. Они пристально посмотрели в глаза друг другу. Тауно побледнел, сестра покраснела. Брат резко нырнул и не показывался целый час.

«Хернинг» обогнул Уэльс, миновал белые холмы Англии и поплыл домой мимо равнин Ютландии.

Глава 4

Корабль с беженцами из Лири преодолел уже более половины пути до побережья Далматии, когда его заметили работорговцы.

Поначалу никто, даже Ванимен, не почуял зла. За долгий путь от Геркулесовых Столбов они переговаривались с командами многих судов: кораблей в этих водах плавало немало. Ванимен старался держаться подальше от берегов, поэтому на них никто не нападал. Он также велел всем, находящимся на палубе, облачаться днем в одежду, которая отыскалась в сундучках матросов, а пловцам в море не всплывать до наступления темноты. Корабль северной постройки, явно потрепанный штормом, возбуждал любопытство, а иногда — как полагал Ванимен — желание предложить помощь. Тем, кто подплывал ближе, он давал понять жестами, чтобы они плыли дальше, добавляя на ломаной латыни, что они ни в чем не нуждаются и направляются в ближайший порт. До сих пор такой прием срабатывал, правда, Ванимен все гадал почему — то ли произносимые им слова были достаточно понятны местным жителям, то ли капитаны встречных судов начинали с подозрением приглядываться к его странной на вид команде, облаченной в лохмотья. Как бы то ни было, присутствие на палубе женщин и детей ясно доказывало, что они не пираты, и поэтому ни один военный корабль ими не заинтересовался.

Случись такое, они тут же покинули бы судно. Ванимену очень не хотелось с ним расставаться. Несмотря на жалкое состояние, медлительность, неуклюжесть и нескончаемый труд у помп, оно оставалось их прибежищем — и маскировкой в узком море, разделяющем христиан и мусульман, где уже не осталось никого из жителей волшебного мира. День за днем, ночь за ночью жалкое корыто ползло вперед. Когда наступал штиль, а солнце садилось или поблизости не было людей, царь посылал своих людей в море — ухватившись за канаты, они тянули его дальше. Им удавалось выжимать из своего корабля такую скорость, какой никогда не добился бы людской экипаж, и все же прошло несколько томительных недель, прежде чем они добрались до Адриатики. Не будь кругом моря, где беглецы находили пищу, покой и отдых, они давно погибли бы от отчаяния.

Теперь путешествие стало еще более медленным, требуя еще большей осторожности — им пришлось плыть вдоль восточного побережья, постоянно высылая разведчиков к берегу. Путники постоянно рисковали нарваться на морской патруль любого из местных правителей, но, несмотря на риск, сердца их забились легче, а песни зазвучали чаще, потому что места эти оказались красивыми и приятными, их скалистые берега поросли густыми лесами, а прибрежные воды были обильны рыбой. Ванимен намеревался не спускать парусов, пока корабль в состоянии плыть дальше — сперва требовалось отыскать подходящее место. Впрочем, если и придется покинуть судно, то теперь катастрофы не случится.

Так он полагал.

И в самом деле, волшебный мир все еще сохранился у этих берегов и в возвышающихся в отдалении горах. Подплывая ближе, выходя на берег, Ванимен ощущал магию, и после прежней пустоты по его телу пробегал холодок восторга. Он замечал и существа не из обычной плоти — робкие или злобные. Они казались ему странными, и если не убегали прочь, словно охваченные ужасом, то сами начинали угрожать. Тогда уходил он. Но все же они были его родичами в том смысле, в каком Агнете, как она под конец поняла, никогда не смогла бы стать.

Кое-какие места оказались оскверненными экзорцизмом. Призвав на помощь доступную ему вопросительную магию, Ванимен узнал, что большинство из них стало такими не так уж давно. Кажется, среди людей появилась новая вера — скорее новая секта, потому что проклятие повсюду было наложено Крестом, — сменившая терпимость раннего христианства. Но гораздо чаще он замечал слишком обширные участки возделанной земли или городок, который самым своим присутствием сделал бы существование новой колонии невозможным. Что ж, дельфины советовали ему плыть подальше на север.

Следуя их советам, он все чаще стал встречать многочисленные острова, о которых они тоже упоминали, причем свободные от наложенных священниками проклятий. Это вероучение, столь активно ненавидящее всех, кто наслаждается радостью жизни — а именно этому, как догадался Ванимен, невольно учили людей дружелюбные к ним жители волшебного мира, навлекая опасность на людские души, но все же принося им радость, — это вероучение, должно быть, еще не проникло в эти края. И он лелеял надежду, что где-нибудь здесь отыщется то, о чем он мечтал.

И чем скорее, тем лучше, с тревогой подумал он. Корабль уже буквально разваливается, помпы не успевают откачивать воду. Все глубже оседающий с каждым днем, скрипучий, все более медленный при любом ветре, корабль вскоре станет совершенно бесполезным. И тогда им придется плыть дальше без него...

Так обстояли дела, когда на них наткнулись работоторговцы.

Был день, когда рыбакам лучше оставаться дома, а купцам посиживать в таверне. С запада налетали шквалы, с каждым разом набирая силу, выл ветер, пенились волны, низкая серость на небе плевалась дождем. Ванимен пытался править подальше от недалекого берега, но вскоре с горечью убедился, что это ему не по силам. Прямо по курсу, отделенный парой миль бурлящих волн, неподалеку от берега виднелся крупный остров. Если удастся войти в пролив, то там можно будет укрыться от ветра. Крыши на берегу предупреждали о людском поселении, но тут ничего не изменишь, к тому же домов оказалось не так уж и много.

Ванимен поднялся на полуют, откуда открывался хороший вид на море и откуда удобнее было выкрикивать команды экипажу, набравшемуся по дороге моряцких навыков. Сбросив перед работой одежду,

мужчины разошлись по местам или встали наготове, ожидая команд. Женщин с детьми он отправил вниз, чтобы те не путались под ногами на палубе. Немногие предпочли отправиться в море, но большинство матерей опасалось, что водовороты и подводные течения среди незнакомых прибрежных скал могут вырвать детей из их рук.

Пока корабль готовился к маневру, из дымки на горизонте выплыло другое судно — поджарая узкая галера, выкрашенная в черный и красный цвета. Она шла на веслах со спущенными парусами, напоминая перебирающего ногами паука. В пенных бурунах на носу галеры поблескивала позолоченная фигура крылатого льва. Заметив ее и оценив курс судна, Ванимен предположил, что это направляющийся домой венецианский корабль. Он удивленно свел брови — судно явно не было грузовым, иначе шло бы под охраной, и в то же время казалось слишком большим для военного.

Отгнав прочь сомнения, он занялся спасением собственного корабля. Ему требовался весь накопленный опыт, а также прирожденное знание природных стихий, чтобы догадываться, какие команды отдавать рулевому и людям на палубах, поэтому весь следующий час он почти не обращал внимания на незнакомое судно, пока к нему не подошла Мейива, стоявшая до сих пор вахту на носу корабля.

Коснувшись локтя Ванимена, она указала рукой в море и громко сказала, перекрикивая вой ветра:

— Взгляни! Они правят нам наперерез.

Посмотрев на незнакомый корабль, Ванимен убедился, что она права.

— И как раз сейчас наши тела не прикрывает одежда! — воскликнул он. Несколько секунд Ванимен молчал, погрузившись в тревожные размышления, потом решительно произнес: — Если мы сейчас бросимся одеваться, то это покажется куда подозрительным, чем если останемся такими, какие есть. Будем надеяться, что они предположат, будто мы попросту решили раздеться — помнишь, мы ведь и сами видели в открытом море голых моряков. Их капитан скорее всего хочет узнать, кто мы такие. Вряд ли он приблизится настолько, что разглядит в нас чужаков другого племени — в такую погоду это слишком опасно, — а когда волосы мокрые, не очень-то и разглядишь, голубые они или зеленые... Передай людям на палубах, пусть ведут себя осторожнее.

Когда Мейива вернулась, галера оказалась с надветренной стороны, и Ванимен наморщил нос.

— Фу! — воскликнул он. — Чувствуешь? От нее несет грязью, потом и... страданиями. Что за дьявольщина у нее на борту?

Мейива прищурилась.

— Я вижу нескольких, облаченных в металл, вижу оружие, — ответила она. — Но что это за оборванцы в лохмотьях? Их там множество.

Ответ стал очевиден, когда расстояние между кораблями сократилось. Темнокожие мужчины, женщины и дети были скованы цепями в запястьях и у лодыжек. Они стояли, сидели, лежали, скорчив-

шлись, на палубе, дрожали от холода и жались друг к другу, отыскивая хоть какое-то утешение в близости. Их охраняли стражники с пиками. Ванимена стиснула тревога.

— Кажется, я знаю, кто они, — сказал он Мейиве. — Рабы.

— Кто это? — переспросила она, никогда прежде не слышав этого слова.

— Рабы. Люди, которых ловят, продают, покупают и заставляют работать подобно животным, тянущим плуг или запряженным в повозку. Я слышал о таком зверстве от людей, с которыми когда-то разговаривал. А это судно, несомненно, возвращается из набега на южные страны.

Ванимен сплюнул под ветер, пожалев, что не может повторить плевок в сторону галеры.

— И это правда? — нахмурилась Мейива.

— Да.

— И все же Создатель Звезд благосклонен к их племени больше, чем ко всем остальным в этом мире?

— Я тоже не могу этого понять... Ага, они нам что-то кричат.

Вой ветра и незнакомый язык сделали всякие разговоры невозможными. Худошавый, гладко выбритый человек в кирасе и шлеме с пестрым плюмажем так долго разглядывал беглецов из Лири, что у Ванимена по коже побежали мурашки. Но все же наконец галера отошла в сторону, и из груди Ванимена вырвался вздох облегчения.

Расслабляться было некогда. Прямо по курсу быстро вырастал скалистый остров, о берег которого яростно разбивался прибой. Забыв обо всем, Ванимен целиком сосредоточился на сложном маневре, заводя посудину с беглецами в безопасность пролива. Право руля! Поднять рею! Выдвинуть шкот с правого борта! Корабль тряхнуло — неужели киль о что-то задел? — и внезапно они вырвались из бури в штиль.

Судно застыло на месте.

Не веря собственным глазам, Ванимен осмотрелся по сторонам. Они стояли в полоске почти спокойной воды, едва тронутой рябью. С обеих сторон стенами вздымались берега. Шторм все еще гудел совсем рядом, но сюда залетали лишь редкие шальные брызги. Материковый берег за узкой полоской пляжа покрывал густой лес, а на острове среди деревьев и кустарников виднелась кучка строений. Ванимен не заметил ни людей, ни собак, как, впрочем, не ощутил и присутствия других существ.

Обратив свои чувства морского жителя на воды пролива, он обнаружил, что их соленость уменьшилась — скорее всего чуть севернее в море впадала река. В ее устье, несомненно, расположился порт, и не из малых — Ванимен заметил плавающий вокруг мусор и комки смолы, признаки работающих доков. Береговой выступ заслонял от беглецов порт, но это и к лучшему — их тоже пока никто не заметил.

Царь не сомневался, что к вечеру шторм стихнет и они смогут плыть дальше. А пока... Ванимен сел на палубу и устало прислонился

к борту. Пока все спокойно. Надо поспать... Измученный Ванимен мгновенно заснул.

Его разбудил отчаянный крик Мейивы.

Огибая скалистый выступ и взбивая веслами волны, на них мчалась галера. Она приблизилась настолько быстро, что сидевшие в трюме даже не успели выбраться на палубу. А их царь едва успел вспомнить, что стал капитаном на корабле, моряк с которого, убитый им, проклял его перед смертью.

В борта впились крючья. На палубу с грохотом опустился abordажный мостик, и по нему, вооруженные до зубов и закованные в кирасы, хлынули венецианцы. Свой живой товар они загнали в трюм и теперь явились за новой партией.

Некоторые из них попятились, внезапно заметив странность будущих пленников — перепончатые ступни, цвет волос, явно не людские черты лица. Испуганно вскрикнув, они перекрестились и едва не бросились обратно на галеру. Но более смелые подбодрили себя криками, взмахнули мечами и двинулись вперед. Командир нападающих сорвал с шеи распятие и поднял его, держа рядом с мечом. Венецианцы осмелели — на них с ужасом смотрели обнаженные, практически безоружные существа, в основном женщины и дети.

Командир гаркнул команду. Его люди развернулись в линию и двинулись вперед, оттесняя народ Ванимена на корму. Оружие, шлемы, кирасы и кольчуги — чем могли защититься от них несчастные беглецы? К тому же морской народ ничего не знал о войнах. Те, кто был на палубе, начали в ужасе отступать, а не успевшие вылезти спрятались в трюме.

Начали возвращаться и всплывать те, кто отправился в море.

— Назад! — крикнул царь, заметив, что кое-кто ухватился за веревочную лестницу, собираясь подняться на палубу. — Тут смерть или то, что еще хуже смерти!

Царь мог присоединиться к своим и с легкостью спастись. Некоторые его соплеменники уже прыгнули с палубы в море. «Но что станет с теми, кто оказался в ловушке, не успев подняться из трюма?» — мелькнуло у него в голове. Враги уже окружили трюмные люки.

Сам он скорее бросится грудью на наконечники копий, но избежится от кандалов, невольничьего рынка, грязи, нечистот, плетей и страданий — всех ужасов рабского существования. А может, его станут показывать на потеху публике... как-то на берегу он видел медведя с кольцом в гноящемся носу, танцевавшего на цепи под хохот зрителей... Так неужели у тех, кто поверил ему, нет права на собственный выбор?

К тому же на корабле сейчас почти весь народ Лири — оставшихся в воде женщин слишком мало, чтобы возродить племя.

А он все еще их царь.

— Вперед! — взревел Ванимен. Палуба загудела под мощными ударами его ног.

Царский трезубец остался в каюте, но силы и ловкости ему было не занимать. В Ванимена ткнули пикой. Он перехватил древко, вырвал оружие, замахнулся и раскроил солдату череп. Яростно рыча, царь врзался в толпу врагов, колол, бил, уворачивался и тут же нападал сам. Один из солдат, подкравшись сзади, уже занес топор, собираясь ударить Ванимена в спину, но на него кошкой прыгнула Мейива с ножом в руке, схватила за подбородок и перерезала горло. Мужчины из палубной команды воспрянули духом и поспешили на помощь сражающейся паре, противопоставив сверкающей стали свою силу и прирожденное мужество обитателей моря. Вскоре они освободили подход к одному из трюмных люков. Ванимен велел женщинам выходить, они тут же полезли наверх, прижимая к себе детей, и прыгали в спасительное море. Кучка мужчин продолжала биться, прикрывая их бегство.

Арбалетчики на галере приготовились пустить в ход свое оружие.

Морские люди вполне могли бы выиграть схватку, обладая они хоть какими-то воинскими навыками. Но у них не было ни опыта, ни умения в убийстве людей, которых они видели впервые в жизни. Ванимену не следовало приказывать пловцам остаться в море — он понял это, когда вокруг него снова сомкнулось железное кольцо воинов, и он воззвал к своим людям о помощи. Но они не расслышали его из-за шума битвы, продолжая потрясенно плавать вокруг корабля. Арбалетчики с галеры заметили нескольких и убили.

Такая же участь постигла двоих или троих рядом с Ванименом. Венецианцы перестроились, контратаковали и устроили побоище, залив палубу кровью. Их жертвами по большей части стали вылезавшие из трюма женщины и дети, погибли и все мужчины на палубе — кроме Ванимена.

Израненный, он едва ощущал, как его снова и снова колет и режет оружие врага. Каким-то образом — рядом с ним разъяренной кошкой отбивалась Мейива — Ванимен сумел вырваться из кольца венецианцев, пробиться к борту и вместе с Мейивой прыгнуть в море.

Соленая вода приняла его в материнские объятия. Ванимен медленно погружался в зеленую прохладную глубину, окруженный уцелевшими соплеменниками. Он спас от рабства всех, кто выжил, выполнил свою задачу и теперь может отдохнуть...

Нет. Царь истекал кровью, в глазах у него темнело, рот наполнился горечью. И если жестоко раненный Ванимен не доберется до берега, где можно обработать раны, он тоже присоединится к числу погибших. Да и не он один — многие женщины и дети тоже были ранены.

— На берег, — приказал он.

Они доплыли до материка, выдохнули воду из легких и выползли на сушу.

Нет сомнений, что венецианцев схватка потрясла не менее, чем соплеменников Ванимена, потому что они оставались на галере и на захваченном корабле еще не менее часа. Все это время беглецы у

них на виду заботились, как только могли, о своих раненых — прикрывая раны мхом и паутиной и стягивая их края плетеными из травы веревочками.

И снова их погубило невежество. Им следовало бы немедленно уплыть прочь, оказав первую помощь, пусть даже потеряв по дороге наиболее тяжело раненных. Ванимен наверняка приказал бы поступить именно так, но он лежал, часто теряя сознание, а подходящей замены ему не нашлось. Его испуганный народ бродил по берегу, тратил время на пустые разговоры и никак не мог решить, что же делать дальше.

Тем временем работоторговцы, наблюдая за ними, все более набирались решимости. Да, существа на берегу сильны и опасны, но их можно одолеть и схватить, а затем продать куда дороже любых сарацинов. Капитан галеры был храбрым человеком. Он принял решение и отдал приказ.

Осторожно, но быстро, галера двинулась к берегу. Встревоженные беглецы из Лири бросились вправо и влево, чтобы потом укрыться в водах пролива, но арбалетные стрелы отрезали им путь к бегству, заставив всех, кроме нескольких убитых, вернуться. Оказавшись среди них решительный лидер, они и в такой ситуации смогли бы спастись в воде, но Ванимен только-только начал приходить в себя. Было совершенно ясно, что сколько-нибудь значительное расстояние ему не проплыть. Мейива положила руку Ванимена себе на плечи и направилась, поддерживая его, в сторону леса, отыскивая в нем убежище. Не имея перед глазами лучшего примера, все племя заковыляло следом. Именно на это и надеялся венецианец. Если беглецы рассеются по кустам, многие сумеют скрыться, но ему хватит и тех, кого он сумеет поймать. Перед глазами у него уже блестели дукаты.

Дно пролива перед берегом резко повышалось. Капитан галеры велел подвести ее к берегу, бросить якорь на мелководье и перекинуть через борт abordажный мостик. Спустившиеся по нему солдаты оказались лишь по пояс в воде и торопливо выбрались на берег. Кто-то из беглецов успел скрыться в волнах, но многие стали искать убежища в лесу, прячась в тени деревьев. Охотники двинулись следом.

Им вполне было по силам поймать часть из них и позднее продать необычных рабов в цирки, бордели, а то и как удивительных ловцов рыбы — ловят же соколы всякую дичь. Остальные ускользнули бы и направились навстречу ожидающей их судьбе. Однако расчеты венецианца спутало невезение — или воля Небес.

Галеру заметили жители острова, и того, что они увидели, оказалось вполне достаточно, чтобы встревожиться — островитяне слишком хорошо помнили, что такое война и пиратство. Гонец, сперва бегом, а затем на лодке, добрался до порта Бан, а оттуда, верхом на лошади, и до гарнизона в Шибенике. Из Шибеника тут же вышел боевой корабль, а вдоль берега торопливо зашагал воинский отряд.

Заметив в отдалении блеск металла, капитан работоторговцев понял, что зашел слишком далеко. У него не было никаких дел в

территориальных водах Хорватского королевства. Поскольку между ним и Венецианской республикой сейчас был мир, он не мог осмелиться на вооруженное сопротивление королевскому судну. А для того, в свою очередь, явно иностранное судно, откровенно нарушившее границу территориальных вод, было слишком соблазнительной добычей. Теперь работарговцу не оставалось ничего иного, как поскорее убраться восвояси и надеяться лишь, что посольство сумеет убедить королевских чиновников, будто венецианский корабль у самого хорватского берега им попросту почудился.

Звук рога призвал венецианских солдат на берег. Хорваты, со своей стороны, не торопились, когда им стало ясно, что незнакомый корабль не желает схватки. Они позволили ему уйти, но хорватских офицеров снедало любопытство — они гадали, что же привело иностранца к их берегам, и выслали отряд прочесать заросли.

Все это Ванимен узнал много позднее, в основном от отца Томи-слава, который, в свою очередь, восстановил последовательность событий, сложив воедино услышанное. А в тот момент для Ванимена существовали лишь боль, слабость и шум на берегу, заставивший его соплеменников еще дальше уйти от берега.

Их начала терзать жажда, становившаяся с каждым часом все более мучительной, но они не посмели вернуться к морю, где по берегу рыскали вооруженные люди. Сквозь запах листьев ветерок доносил до них и запах далекой реки, но, к сожалению, смешанный с запахами города. Его предстояло обойти стороной.

Преследователи, не добившись успеха сразу, вскоре махнули на них рукой. Впрочем, они не особенно и старались, но для морского племени это было слабым утешением. Возглавляемые Мейивой, поскольку царь мог лишь ковылять, опираясь на кого-нибудь, они продирались сквозь густой лес, поднимались на все более высокие холмы, терпели голод, жажду и усталость и помогали брести раненым, слыша всхлипывания и плач детей. Камни, коряги и шипы ранили нежные перепонки их ног, густые ветви преграждали путь, каркало воронье. Ветер постепенно стих, от земли поднимались тепло и тишина — для них, существ из другого мира, они стали жарой и глухотой. Здесь не было приливов или течений, волн и свежего бриза, плавающей вокруг еды или прохладных глубин для отдыха. Несчастных беглецов окружал лабиринт деревьев, бесконечный и до ужаса однообразный. Они с огромным трудом пробирались вперед.

Но хотя лес и казался беглецам бесконечным, все же к вечеру они из него вышли. Им снова повезло, потому что в наступивших сумерках они смогли незамеченными двинуться дальше среди ферм и полей на поиски реки. Ванимен, все еще слабый, посоветовал им идти по дорогам и тропинкам — хотя сбитым в кровь ногам и было больно, зато так они оставляли меньше следов, чем если бы шли по хлебному полю. Эта часть их путешествия, по ночной прохладе и при

свете звезд, оказалась легче предыдущей. Никаких строений поблизости не было. Местность неуклонно поднималась в гору.

К полуночи они поняли, что впереди их ждет не просто ручей или речка, а целое озеро. Но их пересохшие глотки судорожно сжались, когда, перевалив через гребень очередного холма, они увидели перед собой сплошную стену деревьев. Путь к воде преграждали дикие заросли. Почти никто из обессиленных путников не смог бы выдержать еще одну схватку с лесной чащей, и уж тем более ночью, когда местные существа, явно не желающие им добра, наверняка настороже. Уннутар, чей нос считался самым чутким во всем племени, сказал, что учуял что-то нехорошее в самом озере — в нем таилось нечто огромное и жуткое.

— Нам надо поскорее напиться, или мы все умрем, — простонала Ринна.

— Замолчи! — рявкнула на нее мать, державшая на руках своего потерявшего сознание ребенка.

— И поесть тоже, — добавила Мейива. Хотя на земле морским людям требовалось намного меньше пищи, чем в море, никто из них не привык голодать долгие часы. Многие уже пошатывались от слабости, а дети досуха выплакали глаза, умоляя дать им хоть что-нибудь поесть.

Ванимен тряхнул головой, проясняя мысли.

— Найдите ферму, — прохрипел он наконец. — Там есть колодец. Кладовые, амбары, коровы, свиньи. Мы... захватим владельцев врасплох... напугаем их, прогоним... потом наедемся и напьемся и бегом вернемся на побережье...

— Да! — зазвенел голос Мейивы. — Подумайте, все подумайте. Если мы так долго не видели домов, значит, эта земля принадлежит большому и богатому поместью. Оно наверняка где-то не очень далеко отсюда.

И она повела их дальше вдоль кромки леса.

Через два-три часа они почуяли запахи воды, людей и скота. Беглецы обогнули озеро и вышли к впадающей в него реке. И в самом деле — там, где два ручья сливались, образуя реку, стояло поселение. Спотыкаясь, морское племя бросилось вперед. Небо на востоке уже окрасили первые отблески рассвета.

И вновь их погубило невежество. Они так мало знали о людях, к тому же их знания ограничивались маленьким уголком Дании. Они совершенно искренне полагали, будто в центре возделанных земель всегда находится одно-единственное поместье, или, самое большее, деревушка — а не целое селение крепостных крестьян, охраняемых стражниками из замка. Кое-кто из них заметил это обстоятельство, но уже не успел предупредить остальных. Словно обезумевшие лемминги, беглецы из Лири бросились к воде.

Собаки не стали поднимать шум, но сразу испуганно зарычали. Солдаты, зевающие под конец ночной стражи, насторожились и криками разбудили своих товарищей, которые начали с ворчанием

вылезать из-под одеял. Даже в предрассветную рань они сумели разглядеть, что у брода собралась весьма странная компания — голые и почти все безоружные. Скрадинский жупан Иван Субич всегда держал свое войско наготове, и через пару минут конные солдаты уже выехали из ворот замка. Не успели беглецы ахнуть, как всадники с грохотом проскочили мост и окружили их, остриями пик преграждая дорогу тем, кто пытался скрыться. Конный отряд был невелик, но ему на подмогу уже спешили пешие солдаты.

Ванимен поднял руки.

— Сделайте так же, — велел он своему народу, прежде чем снова потерять сознание. — Мы сдаемся.

Глава 5

Немного севернее Элса лес уступал место болоту. Оно тянулось две или три лиги вдоль дороги — скорее прибрежной тропы. Ею почти не пользовались — как из страха перед существами полумира, так и по той простой причине, что местность от Элса до Ска была почти безлюдной. Архидиакон Магнус не боялся ездить по ней в сопровождении своей свиты, но он-то был крестоносец Господа, которого небесный патрон сделал неуязвимым перед демонами. Простолудины же такой милостью Небес не располагали.

В этих местах одним холодным вечером и бросил якорь «Хернинг». На востоке поблескивал Каттегат, воды которого постепенно таяли в вечерних сумерках; берег на западе окутывала темнота. Последний отблеск заката распластался по воде красным пятном, холмистый берег порос камышом и кривыми ивами. Вечерний бриз разносил запах болотной сырости. Бухала выпь, скрипели чибисы, ухала сова.

— Странно, что наше путешествие заканчивается именно здесь, — пробормотала Ингеборг.

— Нет, не заканчивается, — возразила Эйян. — Мы его только начинаем.

Нильс перекрестился, потому что место оказалось воистину зловещим. Как и всякий местный житель, он слышал рассказы о... никорах, эльфах?.. И не блуждающий ли огонек уже мелькает в отдалении, заманивая человека к гибели? Да и поможет ли ему святой знак теперь, после всех его языческих прегрешений? Его рука потянулась к руке Эйян, но та уже отошла в сторону и принялась за работу.

Сперва она, Тауно и Хоо помогли людям сойти на берег, а потом несколько часов плавали между кораблем и берегом, перетаскивая сложенное на палубе золото Аверорна. Нильс и Ингеборг стояли на страже, чтобы вовремя предупредить о нежелательном появлении людей — пара-другая разбойников вполне могла устроить себе берлогу где-нибудь неподалеку — или еще менее желанных гостей. Но опасения оказались напрасными. Закутавшись в плащ, они так и простояли всю ночь, дрожа от холода и согревая друг друга.

К рассвету они закончили разгрузку, но солнца так и не увидели — берег окутал густой туман, погрузив мир в промозглую сырость, пропитанную тишиной. Тауно и Эйян, хорошо знавшие это болото, предвидели появление тумана и даже специально задержали шлюп в море на целый день, чтобы на рассвете воспользоваться удобным прикрытием. Хоо ориентировался в тумане не хуже брата с сестрой, и под руководством морских жителей юноша и женщина, промокнув до нитки, помогли им справиться со следующей частью задачи.

Золото было необходимо спрятать. Тауно вспомнил искалеченное молнией дерево, которое можно было легко заметить со стороны дороги. В считанных шагах западнее дерева отыскался пруд, мелкий и укромный, словно созданный для хранения секретов. На дно пруда легли плетенные из ивовой лозы циновки — они пролежат под водой несколько лет и не дадут илу поглотить то, что путешественники на них положили. Две пары лишних рук помогли быстрее спрятать сокровище, к тому же на берегу можно переносить большую тяжесть, чем плыть с ней в море, и, хотя золото весило немало, места оно заняло совсем немного.

Все же им следовало торопиться, и носильщику зачастую приходилось сминать мягкий металл, придавая ему более компактную форму. Увидев, как Тауно безжалостно плющит золотую тиару тончайшей работы, Ингеборг печально вздохнула:

— А ведь кто-то давным-давно подарил ее своей возлюбленной, а какой-то мастер с любовью ее изготовил. То был последний отблеск их жизни.

— А мы живем сейчас, — рявкнул в ответ Тауно. — Нам все равно придется большую часть этого добра переплавить или разрезать на кусочки, разве не так? Кстати, их души живут и наверняка обо всем помнят.

— Да, в каком-нибудь сером безвременье, — добавила Эйян. — Они не были христианами.

— Полагаю, нам повезло больше, — ответил Тауно и вновь принялся за дело. Даже рядом он казался в тумане каким-то нереальным. Ингеборг вздрогнула и начала было вытягивать из-под одежды крест, но тут же остановилась и тоже вернулась к работе.

Ближе к полудню ветерок, постепенно крепчая, отогнал туман в море. Копья солнечного света протянулись к земле, все чаще выглядывая из голубых просветов в облаках. Потеплело. На пляже бормотали волны.

Завершив труды, путники пообедали на обочине дороги холодными припасами с корабля, запивая их кислым вином. Вряд ли это можно было назвать прощальным банкетом, но ничего получше у них не оказалось. Когда с едой было покончено, Тауно отвел Нильса в сторону, подальше от посторонних ушей.

Несколько секунд они простояли молча — обнаженный сын Агнете возвышался над худым, облаченным в драную одежду парнем, — угрюмый Тауно и усталый Нильс. Наконец принц Лири заговорил:

— Если я плохо к тебе относился, то приношу извинения. Ты заслуживал лучшего. Под конец нашего путешествия я устал, но... Словом, я слишком много возомнил о себе и позабыл о том, сколь многим я тебе обязан.

Нильс поднял глаза и ответил с оттенком отчаяния:

— Забудь о своем долге, Тауно. Это я в неоплатном долгу перед тобой.

— За что, друг мой? — мрачно усмехнулся Тауно. — За то, что тебе приходилось идти навстречу опасностям, снова и снова рисковать жизнью ради нашей сестры? За то, что впереди тебя ждут еще большие трудности?

— Разве? А богатство и все, что оно означает — конец нужде, издевкам и насмешкам других людей? Да, я помогаю Маргрете, то есть Ирии, но разве я уже не вознагражден за это сторицей?

— Гм. Я не очень-то искушен в обычаях жителей суши, но могу предположить, что все шансы против тебя, и если ты потерпишь неудачу, твоя смерть от рук людей станет куда ужаснее, чем в океане или в пасти морских монстров. Задумывался ли ты об этом, Нильс? — потребовал ответа Тауно. — Думал ли по-настоящему, серьезно? Я спрашиваю ради Ирии, но и ради тебя тоже.

— Да, думал, — твердо ответил юноша. — Ты знаешь, кому я служу в моем сердце. Так вот, ради нее я готов сделать все, что в моих силах, и каждый свой свободный час я проводил, строя разные планы. Ингеборг станет моей первой советчицей, она лучше меня знает этот мир, но она не останется единственной. Будущее в руках Господа, но все же я храню надежду. — Нильс перевел дыхание. — Ты ведь знаешь, что торопливость погубит нас. И каждый шаг нам следует тщательно продумать.

— Верно. И сколько же времени потребуется? Год?

Нильс нахмурился и подергал жидкую бороденку:

— Пожалуй, больше. Сперва мне потребуется приобрести соответствующее положение... но ты не про это желаешь узнать, верно? Ирия... если все пойдет хорошо, то... мы можем выкупить ее через год. Видишь ли, это зависит от того, каких союзников мы сумеем отыскать. Словом, через год мы лучше будем знать, как обстоят дела.

— Тебе виднее, — кивнул Тауно. — Тогда через год мы с Эйян вернемся узнать новости.

— Вас не будет так долго? — изумился Нильс.

— А зачем нам торчать здесь, если мы можем заняться поисками своего народа?

Нильс судорожно сглотнул. Пальцы его рук переплелись. Через некоторое время он собрался с духом и спросил:

— Где вы станете искать?

— На западе, — ответил Тауно, смягчившись. — Возле Гринланда. Как-то в море, одной лунной ночью, мы с Хоо говорили об этом. Нам явилось видение будущего, у меня очень расплывчатое и неясное, но Хоо мне сказал, что услышал в голове чей-то шепот и этот голос сказал, что где-то в тех краях меня ждет часть моей судьбы.

Солнечный луч упал на Тауно, превратив его волосы в янтарь. И, словно вспомнив о насущных проблемах, Тауно пожал плечами и пояснил:

— Это вполне логичное направление. По дороге, возле Исландии, мы сможем узнать кое-что полезное.

— Ты будешь беречь Эйян от опасностей? — страстно спросил Нильс.

Тауно коротко рассмеялся:

— Гораздо труднее не дать ей сломя голову кинуться навстречу опасности. — Пристально взглядевшись в Нильса, он добавил: — Давай не будем накликать беды. Нам их уже с лихвой досталось. Лучше договоримся о том, как встретимся снова.

Словно спасаясь от тоски перед расставанием, Нильс с жаром бросился обсуждать эту проблему, обмениваясь с Тауно всевозможными предложениями. Брату и сестре предстояло сообщить о своем возвращении заранее, а потом дожидаться появления Нильса. Место, где они сейчас находились, плохо подходило для будущей встречи — на берегу почти не имелось укромных мест, а если их заметят вышедшие в море рыбаки, это вызовет опасные слухи. К тому же Нильс будет сильно рисковать всякий раз, возвращаясь за новой порцией золота. Уж лучше ему не совершать непонятных поступков в округе, где его все знали.

Они решили встретиться вновь на острове Борнхольм в Балтийском море. Тауно хорошо знал и любил этот почти необитаемый островок. Нильс, во время одного из своих прежних плаваний, тоже бывал в этом ленном владении Лундского архиепископа и познакомился там со старым моряком — надежным человеком, владевшим лодкой в Сандвиге. Пусть дети морского царя отыщут его, представившись путешественниками, и передадут через него тщательно составленное послание для Нильса. За небольшую плату — брат с сестрой уже надели на запястья витые золотые браслеты, от которых можно при необходимости отрезать кусочки, — моряк согласится доплыть до Дании, отыскать Нильса и доставить ему весточку.

— Тогда до встречи через год — если будем живы! — сказал Тауно.

И они с Нильсом скрепили договор рукопожатием.

Ингеборг и Хоо стояли на берегу, окутанные влажными завитками тумана, посеребренного невидимым солнцем. У их ног плескались воды Каттегата.

— Надо уйти до полудня, пока туман скрывает нас, — сказал Хоо. Ему предстояло увести шлюп подальше в море и бросить его там, чтобы он разбился у берегов Швеции или Норвегии, где корабль

никому не был знаком. К тому времени серый тюлень уже давно плыл бы к родному Сула-Сгейру.

Ингеборг обняла его, позабыв о рыбной вони, которой пропитается ее платье.

— Увижу ли я тебя снова? — спросила она сквозь слезы.

Грубое лицо Хоо удивленно дрогнуло, массивная неуклюжая фигура напряглась.

— Ах, милая, зачем я тебе?

— Потому что ты... хороший, — пробормотала она. — Добрый, заботливый... А многие ли заботятся о других в этом мире... или потом?

— Ну и олух твой водяной, — вздохнул Хоо. — Нет, Ингеборг. Море ляжет между нами.

— Ты сможешь навещать меня. Если все пойдет хорошо... я куплю себе островок или полоску пляжа, построю себе домик...

Хоо обнял Ингеборг за талию, привлек к себе и долго вглядывался в ее глаза.

— Ты настолько одинока?

— Это ты одинок.

— Ты думаешь, мы могли бы... — Он покачал головой. — Нет, радость моя. У тебя своя судьба, у меня своя.

— Но пока они не сбылись...

— Я ведь сказал «нет».

Хоо замолчал. Вертелись ключья тумана, о чем-то бормотали волны. Наконец, очень медленно, словно каждое слово было тяжелой ношей, он произнес:

— Дорогое самое, что в тебе нашел я, — твоя женственность. Но мое второе зрение... точно не скажу, все смутно очень, но... внезапно я испугался тебя. Такую странность почуял в тебе я... в тебе, какой будешь ты завтра.

Он разжал руки и шагнул назад.

— Прости меня, — пробормотал он, подняв руки, словно защищаясь. — Говорить не должен был я. Прощай, Ингеборг.

Хоо повернулся и шагнул в море.

— Зачиная сына, — крикнул он сквозь клубящийся туман, — о тебе я думать буду!

Ингеборг услышала его шаги по воде. Услышала, как он поплыл. Когда туман поднялся, шлюп был уже на горизонте.

Общего прощания так и не получилось — обе пары попрощались наедине. Нильс и Ингеборг долго смотрели на север, пока их возлюбленные не исчезли в волнах. Небеса распахнулись во всю ширь, море сверкало. Вдалеке темным пятнышком пролетела стая бакланов.

Нильс встряхнулся.

— Что ж, — сказал он, — если мы хотим добраться до Элса за светом, то пора идти.

Эту ночь они собирались провести в ее хижине, а если хибарка развалилась за время долгого отсутствия Ингеборг, то, может быть, отец Кнуд пустит их переночевать. Утром они начнут упорную борьбу за спасение Ирии, но по крайней мере начнется эта борьба среди знакомых лиц.

Ингеборг зашагала к деревне. Под ногами похрустывал песок.

— Запомни, — велела она Нильсу, — сначала все разговоры будут вести я. Ты не привык лгать.

— Особенно тем, кто мне верит, — скривился Нильс.

— Зато шлюхи всегда лгут.

Ее тон оказался столь резок, что Нильс сбился с шага и медленно, потому что очень устал, повернул голову к Ингеборг. Та шла молча, не отрывая глаз от тропы.

— Я не хотел тебя обидеть, — пробормотал Нильс.

— Знаю, — равнодушно бросила Ингеборг. — Но все равно придержи язык, пока не избавишься от своих мечтаний и не сможешь рассуждать здраво.

Нильс покраснел:

— Да, мне будет не хватать Эйян, это очень горькая для меня потеря, но... эх...

Смягчившись, Ингеборг, не останавливаясь, ласково пригладила волосы Нильса и мягко добавила:

— Позднее ты, мужчина, возглавишь наше дело. А сейчас я повела себя так только потому, что знаю одного человека в Хадсунде, который, как я думаю, поможет нам за толику золота, не задавая лишних вопросов... и расскажет кое-что о других, обладающих властью, к которым мы направимся позднее. Мы ведь с тобой уже все обсудили.

— Да, верно.

— Но все же будет лучше, если мы с тобой станем до конца понимать друг друга. — Она сухо усмехнулась. — Хотела бы я знать, была ли у морских людей более диковинная цель, чем та, что стоит перед нами?

И они побрели к югу.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ТУПИЛАК

Глава 1

В нескольких лигах от побережья Адриатики холмы начинают постепенно превращаться в горы, и эти места, окраина Свилая Планины, служат также границей округа, тянущегося далее к настоящим горным районам, за мир и спокойствие в котором отвечал жупан Иван Субич. Однако замок жупана стоял не в центре округа, а в Скрадине, совсем недалеко от Шибеника — отчасти из-за того, что деревня эта была самым крупным поселением в жупе, а отчасти для того, чтобы при нужде можно было быстро вызвать подмогу из города. Впрочем, такая необходимость возникала очень редко; почти во всех владениях жупана природа осталась нетронутой, а жители — мирными. Воистину, тут был совсем другой мир по сравнению с побережьем и его многочисленными городами и портами, обращенными к западным странам. Здесь сохранилась седая древность и столь же древние обычаи.

Отец Томислав, шагавший по улицам Скрадина, казался их воплощением. Он перебирал ногами куда быстрее, чем можно было ожидать от человека с его комплекцией. Дубовый посох священника, случись ему столкнуться с лихим человеком, превратился бы в опасное оружие. Заткнутая за пояс сутана, открывавшая запыленные старые башмаки, была сшита из грубой домотканой шерсти, выцветшей и лохматившейся от ветхости. Сбившиеся набок четки с болтающимся на конце распятием сделаны из деревянных бусин, вырезанных вручную кем-то из крестьян. Лицо священника напоминало лица его сельских прихожан — широкое, круглоносое и загорелое. Между высокими скулами помаргивали светло-карие глазки, а редкие седые волосы словно перетекли в размазанный по груди всклокоченный куст бороды, спускающийся до самого пояса. Руки у священника были крупные и мозолистые.

Когда он проходил по улице, с ним все здоровались. Он отвечал прихожанам громким басом, а когда рядом пробегал ребенок, гладил его по голове. Кое-кто из прохожих окликал его, спрашивая, не узнал ли он что-нибудь о чужаках, опасны ли они, что замышляют.

— Вскоре все узнаете, с Божьей помощью, — отвечал Томислав, не замедляя шагов. — А пока ничего не бойтесь. Нас хранят святые угодники.

У ворот замка его остановил стражник:

— Жупан велел передать, что встретится с тобой в Соколиной Палате.

Томислав кивнул и направился через вымощенный булыжником двор к главной башне. Она сама по себе была крепостью. Сложенная из потемневших известняковых блоков, высеченных более века назад, она не могла похвастаться ни застекленными окнами, ни дымоходами и прочими современными удобствами. На ее северном конце виднелась сторожевая башенка, под крышей которой имелось небольшое помещение, откуда было удобно наблюдать за окрестностями или выпускать охотничьих соколов. Там же при необходимости можно было провести и разговор без свидетелей.

Поднявшись в башенку, Томислав подошел к окну отдышаться. Ему открылась повседневная суматоха замка — беготня слуг и мастеровых, собаки, домашняя птица, звуки голосов, топот ног, позвякивание металла, струйки дыма из труб, запахи навоза и свежее выпеченного хлеба. За пределами стен виднелись поля поспевающей пшеницы, слегка колышущейся под дуновением ветерка, лениво подгоняющего по голубому небу несколько пухлых белых облаков. Мельтешили птицы — голуби, вороны, ласточки, жаворонки. На южном горизонте зеленая стена дремучего леса заслоняла все, кроме поблескивающей глади озера.

Его взгляд скользнул вдоль берегов Крки, которая, протекая мимо Скрадина, вскоре впадала в озеро. В миле от деревни на берегу реки рос яблоневоый сад, отгороженный изгородью против свиней, охотчих до падалицы, а заодно и мальчишек, столь же охотно чистящих ветви яблонь. Томислав заметил внутри возле ограды блеснувшие на солнце шлем и наконечник копья конного стражника. Другие кольцом окружали весь сад. Там, под листвою яблонь, находились странные пленники.

Услышав на лестнице шаги, священник обернулся. В комнату вошел жупан — высокий мужчина с резкими чертами лица. Его губы наискосок пересекал шрам сабельного удара, крививший левую щеку. Черные с проседью волосы спускались на плечи, но борода была коротко подстрижена. На нем были повседневная вышитая рубаха и заправленные в полусапоги порты, на поясе висел кинжал. Драгоценностей жупан не носил.

— Да ниспошлет тебе Господь удачный день, — сказал Томислав, благословив жупана. Те же слова священник сказал бы и самой дряхлой деревенской старушке.

— Это может зависеть и от тебя, — хмуро отозвался Иван Субич.

Томислав невольно нахмурился, увидев вошедшего следом отца Петара, капеллана замка — сухопарого мужчину, лицо которого почти никогда не украшала улыбка. Священники сдержанно кивнули друг другу.

— Итак, есть ли у тебя для нас хорошие известия? — спросил Иван. Томислав замешкался с ответом долее, чем намеревался.

— Возможно, есть, а возможно, и нет. Я не смог сразу во всем разобраться.

— Ничего удивительного, — фыркнул Петар. — Сын мой, ведь я предупреждал тебя, что ты зря потеряешь время, послав за... священ-

ником, чья паства ютится по лесам. Прости мою резкость, Томислав. Надеюсь, ты согласишься, что с этим делом должен разбираться ученый доктор богословия — сам бан, а то и личный регент короля.

— Мы не можем ждать так долго, — заметил Иван. — В моих владениях сейчас более сотни этих сверхъестественных пришельцев, мне приходится кормить и охранять их. И это обходится мне недешево, не говоря уже о том страхе, который они порождают в душах селян.

— А что удалось узнать в Шибенике? — спросил Томислав.

— То же, о чем я тебе вкратце рассказал утром, — пожал плечами Иван. — Полузатонувшие останки чужого корабля, на нем мертвые тела таких же существ и людей — на вид итальянцев, скорее всего из Венеции. Они явно сражались между собой. Вот и все, что узнали люди сатника. К счастью, сатник оказался умен и не дал новостям распространиться. Тела тайно захоронили, а солдатам строго-настрого приказали молчать. Слухи все равно расползутся, но я надеюсь, что они так и останутся слухами и со временем заглохнут.

— Но только не здесь, — пробормотал Петар, оглаживая пальцами светлую бороду. Пальцы другой руки пощелкивали четками.

— Верно. Впрочем, путники почти не ходят через Скрадин, — заметил Иван. — Я послал просьбу о помощи — прислать нам припасов и солдат, — но пока не получил ответа. Сатник, несомненно, послал бану Павле письмо и воздержится от всяческих действий, пока не получит указания. Так что пока вся тяжесть легла на мои плечи, поэтому я нуждаюсь в любом совете, какой смогу получить.

— И от кого угодно? — насмешливо произнес Петар.

Томислав вспыхнул, стиснул посох и рывкнул в ответ:

— Каким же будет *твой* совет?

— Безопаснее всего убить их всех, — сказал Петар. — Может, они и люди, но совершенно точно не христиане — ни католики западной конфессии, пусть даже один из них знает латынь, ни нашей; ни ортодоксальные схизматики, ни отвратительные еретики Богомила, ни даже евреи или пайнимы. — Его голос возвысился, лицо заблестело от пота, несмотря на холодные каменные стены. — Голые, не знающие стыда, беспорядочно совершающие плотский грех... даже у язычников есть хоть какое-то достоинство, какое-то подобие брачных уз... И ничего похожего на молитву, пожертвование Всевышнему, никакого преклонения перед Ним — вот насколько низко они пали!

— Коли сие верно, — мягко заметил Томислав, — то тогда мы свершим худший из грехов, убив их, если вместо этого мы можем привести их к Господу.

— То не в наших силах, — не уступал Петар. — Они животные, у них нет душ, или же вместо души у них нечто худшее, из самого ада...

— Это еще предстоит узнать, — прервал его Иван.

Петар стиснул руку жупана:

— Господин... сын мой, сын мой, разве смеем мы рисковать проклятием, которое они могут навлечь на нас? Святая Глаголитская церковь уже осаждена со всех сторон — папой, которому следовало

быть нашим любящим отцом, ортодоксами Сербии и Империи, Богомилем, вдохновленным самим Сатаной...

— Довольно! — рявкнул Иван, освобождая руку. — У меня были веские причины вызвать к себе отца Томислава и попросить его о встрече с теми существами. Нужно ли мне повторить их специально для тебя? Я давно знаю его как человека по-своему мудрого, и он далеко не невежда, поскольку учился в Задаре и потом служил там епископу. А ежели говорить о дьявольщине или колдовстве, то отец Томислав живет там, где люди знают об этом поболее нашего. Его самого коснулось...

Выражение, появившееся на лице Томислава, вынудило воина скомкать начатую фразу и неуклюже завершить ее совсем другими словами:

— Так что, удалось тебе что-то узнать?

Сельский священник помолчал немного, успокаиваясь, и, когда заговорил, его слова прозвучали с подчеркнутой невозмутимостью:

— Возможно, Петар, узнав, что их предводитель немного понимает латынь, обратился к нему слишком грубо. Он имел дело с личностью гордой, страдающей от ран и объятый страхом за судьбу своего народа. И если кричать на него, словно на раба, издеваться над их обычаями, которые не принесли вреда никому, разве что им самим... то как, по-твоему, он себя поведет? Конечно же, он повернулся к Петару спиной. А ты, жупан, поступил на благо всем нам, послав своего лекаря помочь их раненым.

— Ну хорошо, ты вежливо поговорил с их вождем, — сказал Иван. — И что же он тебе сказал?

— Пока немного. Однако я чувствую, что немногословие его не от нежелания говорить. Его латынь скудна словами и малопонятна из-за сильного акцента. — Томислав хмыкнул. — Признаюсь, моя латынь тоже слегка заржавела, и это не пошло делу на пользу. Более того, мы оказались совершенными чужаками друг для друга. Многое ли можно объяснить за пару часов?

Он открыл мне, что они явились сюда не как враги, а просто в поисках нового дома — на дне морском. — Его слова вызвали меньшее удивление, чем можно было ожидать, потому что внешность морских людей сразу породила всевозможные домыслы и догадки. — Их изгнали из родных мест где-то далеко на севере; я пока не проведаль, кто и почему. Он признал, что они не христиане, хотя кто они на самом деле — до сих пор для меня загадка. Он обещал, что, если мы их отпустим, они уйдут в море и никогда не вернуться.

— Солгать нетрудно, — заметил Петар.

— Думаешь, он говорил правдиво? — спросил Иван.

— Да, — кивнул Томислав. — Хотя, конечно, поклясться в этом я не могу.

— Нет ли у тебя догадок о том, кто они такие?

Томислав нахмурился, подняв глаза к небу:

— Гм-м-м... кое-какие догадки есть. Но лишь предположения — кое-что из того, о чем знает или во что верит моя паства, кое-что слышал или читал сам, кое-какой собственный... опыт. Скорее всего я ошибаюсь.

— Принадлежат ли они к смертному миру?

— Их можно убить, как и нас.

— Я не об этом спрашивал, Томислав.

Священник вздохнул:

— Полагаю, они не Адамовой крови. Но это вовсе не значит, что они зло, — торопливо добавил он. — Вспомни о леших, домовых, полевицах и других безвредных существах — да, иногда они немного озоруют, но нередко становятся добрыми друзьями для бедного люда...

— С другой стороны, — молвил Петар, — вспомни и о вилии.

— Замолчи! — с внезапным гневом гаркнул Иван. — Не желаю больше слышать твое карканье, ты меня понял? Я ведь могу попросить епископа прислать мне другого исповедника.

Он повернулся к Томиславу:

— Извини, старина.

— Я... не настолько... мягкотелый, — слегка запинаясь, ответил сельский священник. — Но в его словах есть толика правды. Кажется, последние несколько лет вилия и в самом деле бродит по окрестностям. Бог да простит злобных сплетников.

Томислав расправил плечи.

— Я считаю, что будет лучше и для нас, и перед Богом, если мы отпустим этих людей, — сказал он. — Отведи их к морю, пусть под копьями стражников, если захочешь, но отведи и пожелай счастливого пути.

— Я не посмею так поступить, если этого не велит мне мой господин, — ответил Иван. — И даже если бы мог, все равно не отпустил бы их, не уверившись прежде, что из-за них никому не причинится вреда.

— Знаю, — согласился Томислав. — Тогда выслушай мой совет. Пусть они и далее останутся твоими пленниками, но будь к ним добр. И отпусти их вожда ко мне домой, так мы лучше узнаем друг друга.

— Что? — взвизгнул Петар. — Не сошел ли ты с ума?

Слова Томислава удивили и жупана.

— Ты по меньшей мере беспечен, — заметил он. — Вспомни, насколько он велик и силен. И когда поправится, то с легкостью сможет разорвать тебя на куски.

— Не думаю, что он решится на подобную жестокость, — негромко возразил Томислав. — Но коли случится худшее, то погибнет лишь плоть моя, а прихожане сразу убьют его. Я же давно не боюсь расстаться с жизнью земной.

В Загруде — деревушке, где жил Томислав — обитало менее сотни христианских душ, семьи которых состояли в близком родстве. От Скрадина до нее был полный день пешего пути по тропе,

шедшей сперва на север, затем сворачивавшей на запад сквозь окружающий озеро лес, но обходящей его воды стороной. Некогда люди расчистили земли возле ручья и поселились здесь, кормились пахотой, рубили лес, жгли уголь, охотились и ставили капканы. Землю обрабатывали общиной, как вольные землепашцы, и, хотя большинство считалось крепостными, с этим никто особо не считался, потому что хорватское дворянство не особенно угнетало своих крестьян, и покидать родные края никто не собирался.

Домики деревушки стояли двумя рядами в тени невырубленных деревьев, окруженные хлебными полями. Деревянные, крытые соломой строения на одну или две комнаты покоились на сваях. В них поднимались по лесенке, а между сваями размещались стойла для животных. Улица между домами была или пыльной, или грязной, обильно унавоженной. Впрочем, запах навоза не казался назойливым, разбавленный запахом трав с зеленых лужаек между домами, а на мух летом селяне внимания не обращали. За каждым домом располагался садик с легкой кухней.

Рядом с каждой избой виднелся амбарчик — с косой крышей, установленный на очищенных от коры стволах, чьи корни напоминали птичьи ноги, совсем как у знаменитой избышки Бабы-Яги. В сарайчиках хранились инструменты и необходимые мелочи. Рядом с домами стояли ярко расписанные двухколесные тележки. На одном из концов деревенской улицы виднелась небольшая мастерская, на противоположном — часовенка, тоже расписанная причудливыми узорами, ее черепичная крыша переходила в луковицу купола, увенчанного крестом. Мельницы в деревне не было, но фундамент и осевшие останки земляной дамбы указывали место, где она некогда стояла.

Ни в одном из направлений поля и луга не тянулись до горизонта — повсюду их окружал лес. Где-то он подступал ближе, где-то отодвигался дальше, но везде глаз натывался на мощную зеленую стену с освещенными солнцем кронами и густой тенью внизу. В лесу по большей части росли дубы и березы с примесью других пород, а проходы между стволами густо заросли кустарником.

Ванимену деревня во многом напоминала Элс. Но шло время, и он начал понимать, насколько поверхностным было это сходство.

Дорога сюда, верхом на одолженном муле, оказалась для него сущей пыткой, но в доме Томислава, где для него нашлись кровать и обильная здоровая пища, морской царь начал поправляться гораздо быстрее человека, оказавшись тот на его месте. Он удивил Томислава и быстротой, с какой осваивал хорватский язык. Прошло немного времени, и они со священником повели настоящие беседы, которые с каждым днем становились все более непринужденными. Когда же его перестали бояться селяне, он познакомился и с ними, немало узнав об их жизни.

Ванимен сидел рядом с Томиславом на скамье под навесом крыши. Было воскресенье, когда люди отдыхали после богослужения. На

уборке урожая священник работал наравне с остальными, а Ванимен, уже выздоровевший, помогал ему если и не умением, так силой.

Лето постепенно переходило в осень. Зелень листвы поблекла, в кронах деревьев уже мелькали первые коричневые, красные или золотые пятнышки. В выцветшем небе тянулись стаи гусей, чьи крики наполняли душу безмолвной тоской, а когда солнце скрывалось за вершинами деревьев, ветерок, прохладный летом, становился холодным. Большинство крестьян отдыхали дома, а редкие прохожие запросто окликали Томислава и его гостя. Все успели привыкнуть к Ванимену — одетый по-крестьянски, он, если не присматриваться к его босым ногам, мог запросто сойти за человека могучего сложения.

Оба потягивали пиво из деревянных чашек и успели немного захмелеть.

— Вы хорошие люди, — заметил Ванимен. — Жаль, что не в моих силах помочь вам жить лучше.

— Такие желания, — с пылом ответил Томислав, — и заставляют меня думать, что ты и в самом деле можешь получить благодать Божью, коли сам пожелаешь.

Ванимен, когда его недоверие к людям рассеялось, давно стал откровенен со священником. Томислав же, посылая с мальчишкой свои отчеты Ивану, кое-что смягчал или опускал в рассказах Ванимена.

— Я не лгу ему, — объяснял он Ванимену, — просто не хочу усиливать враждебность против вас.

Сам же Томислав пытался разъяснить Ванимену, в какой стране они оказались. У Хорватии и Венгрии был единый монарх. Щедро наделенная природой, с многочисленными портами для торговли с другими странами, Хорватия сама по себе представляла важное и ценное владение. Ее величие возросло бы еще больше, если бы крупные племенные кланы страны не находились постоянно на грани войны, а иногда и переступали эту грань. Увы, едва такое случилось, иностранцы — чаще всего проклятые венецианцы — сразу начинали ловить рыбу в мутной воде и захватывать чужие земли. Сейчас в Хорватии преобладал мир, а союз Субича и Франкапана дал сильных правителей на территориях подвластных им септов. Самая большая власть в руках графа Брибирского — Павле Субича, который добился должности бана, то есть правителя провинции. Правда, его провинцией стала вся страна. Иван был родственником Павле.

Нынешним вечером Ванимен, избегая беседы на темы веры, сказал Томиславу:

— Воздержание и бедность очищают душу, но тяжелы для тела и ума. Ведь у тебя нет даже домоправительницы.

Женщины деревни, соблюдая очередность, приходили наводить порядок в домике священника, но никто из них не мог уделить этой работе достаточно времени или усилий. Томиславу частенько приходилось самому готовить еду — у него это неплохо получалось, потому что священник любил поесть — и наводить чистоту. В своем садике и пивоварне он всегда работал сам.

— Если честно, то я в ней не нуждаюсь. Мои потребности просты, а свою долю веселья я и так получаю — увидишь, когда мы устроим праздник урожая. — Томислав помолчал. — И моя земная ноша даже полетчала, когда умерла моя жена. Она долго и безнадежно болела, а я за ней ухаживал. — Он перекрестился. — Господь призвал ее к себе и исцелил. Наверняка она сейчас в раю.

— Так ты был женат? — удивился Ванимен. — Я знаю, что когда-то священники женились, по крайней мере в наших северных краях, но уже много поколений не встречал женатого священника.

— Да, мы католики, но глаголитской конфессии, а не римской. И хотя папы в Риме всегда недолюбливали нас, все же не считают нас еретиками.

Ванимен удивленно покачал головой:

— Я, наверное, никогда не пойму, почему вы, люди, ссоритесь из-за таких пустяков — зачем и для чего, если вместо ссор вы можете наслаждаться этим миром. — Увидев, что Томислав не склонен начинать спор, Ванимен продолжил: — Расскажи мне лучше, если желаешь, о своей жизни. Я о ней до сих пор почти ничего не знаю.

— Да что о ней рассказывать? — отозвался Томислав. — Самая обычная, скучная жизнь. Вряд ли она заинтересует тебя, ведь ты за долгие столетия увидел больше удивительного, чем я могу представить.

— Нет, ты не прав, — возразил Ванимен. — Ты столь же странный для меня, как и я для тебя. И если ты позволишь мне заглянуть внутрь себя, я смогу увидеть... не только как именно племя Адама утвердилось на земле, но и почему...

— Ты сможешь увидеть промысел Божий! — воскликнул Томислав. — Ха, ради такой возможности стоит открыть тебе свою душу. Хотя не так уж и много в ней сокрыто. Хорошо, я начну, а ты спрашивай, о чем захочешь.

Томислав заговорил, и постепенно его громкий вначале голос зазвучал тише. Его взгляд устремился куда-то вдаль, поверх крыш и деревьев — в глубины неба, предположил Ванимен, где Томиславу виделись ушедшие годы. Время от времени он делал глоток пива, но то было не привычное смакование, а потребность тела, желавшего смочить пересохшее горло:

— Я родился крепостным, но не здесь, а в Скрадине. Как у нас говорят, «в тени замка». Мой отец работал в замке конюхом, а тогдашний капеллан решил, что меня стоит попробовать научить читать и писать. Когда мне исполнилось четырнадцать, он рекомендовал меня епископу. Так я попал в Задар, где стал изучать Священное Писание — если честно, то был тяжелый труд и для плоти, и для души. Тем не менее в городе бурлила жизнь, туда приплывали люди со всех сторон света, наполняя его всяческими товарами и удовольствиями. Признаюсь, некоторое время я предавался грехам, но потом покаялся и, смею надеяться, получил прощение.

После покаяния я начал тосковать по родным краям, простой жизни своих соотечественников. Но несколько лет я дождался,

пока освободится место деревенского пастыря, и все эти годы я прослужил личным писцом у епископа.

Тем временем я женился на местной женщине. Произошло это более по моему желанию, чем из-за канонических правил, потому что свадьба состоялась еще до того, как я принял сан. Ах, какой прелестной была в молодости моя Сена!

Но минуло совсем немного времени, и ею овладела печаль. Сперва, наверное, из-за непривычной жизни. Толпы, шум, интриги, беспокойство, непрерывные изменения — все это пугало ее и отягощало душу. К тому же двое наших детей заболели и умерли, а в трех выживших она нашла меньше утешения, чем я надеялся.

Наконец я получил свой приход. Епископ ворчал, отпуская меня, но смягчился, когда я объяснил ему, что означает деревенская жизнь для Сены.

Да только все оказалось напрасным. Дети, родившиеся в деревне, умерли или оказались мертворожденными. Но, что еще хуже, трое наших детей страдали от деревенской жизни столь же сильно, как моя жена от городской. Они задыхались в этом узком мирке, росли грубыми и вспыльчивыми. Сан священника сделал меня и всю мою семью свободными, и по закону они не были обязаны жить в одном и том же месте. Один за другим, едва подрастая, дети покидали нас.

Сперва отправился в море Франьо. После нескольких плаваний его корабль бесследно исчез. Или он потерпел крушение, или его захватили пираты или работорговцы. Кто знает, быть может, мой сын сейчас евнух в гареме какого-нибудь турка?

Зинке повезло больше. Она вышла замуж за купца, когда мы были в Шибенике — не спросив нашего благословения, чуть ли не на следующий день после первой встречи. Мы ничего не смогли поделать, потому что обвенчавший их священник был земляком того купца, и она отправилась вместе с мужем в Австрию. С той поры она не прислала нам ни единой весточки. Я молюсь о ее счастье.

А потом сбежал и наш младший сын Юрай. Он сейчас в Сплите, работает у венецианского торговца — а ведь Венеция наш старинный враг! Один мой знакомый купец по милости своей иногда навещает меня и рассказывает о его жизни, но сам Юрай так и не написал мне ни строчки.

Ты, наверное, догадался, как терзалось сердце несчастной Сены, как тосковала она о детях. Через несколько лет после того как Сена родила последнего ребенка, она перестала разговаривать и почти не двигалась — лишь лежала на постели, уставившись в потолок пустыми глазами. И хотя я рыдал, когда она десять лет спустя умерла, я знаю, что Господь смилостивился над ней. А наша маленькая дочурка тогда еще была жива.

Томислав тряхнул головой и усмехнулся.

— Ты, наверное, подумал, что я раскис от жалости к себе, — произнес он, выйдя из мира воспоминаний. — Вовсе нет. Господь подарил мне немало утешений: себя самого, зеленые леса, музыку,

шутки, дружбу, доверие моей паствы и, конечно же, привязанность деревенских детишек...

Томислав заглянул в свою чашку.

— Пусто, — сообщил он Ванимену. — И твоя тоже пуста. Дай-ка мне ее, пора выбить из бочки затычку. До вечерни еще долго.

Когда он вернулся, Ванимен печально произнес:

— Я тоже потерял своих детей. — Он не стал добавлять, что потерял их навсегда. — Скажи, ты упоминал о девочке, родившейся уже здесь. Она тоже умерла?

— Да, — подтвердил Томислав, тяжело опускаясь на скамью. — Красивая была девчушка.

— И что же с ней произошло?

— Никто не знает. Пошла погулять к озеру и утонула. Быть может, споткнулась и ударилась головой о корень. Но в одном я уверен — водяной тут ни при чем, потому что после нескольких дней поисков мы нашли ее всплывшее тело...

...раздувшееся и смердящее. Ванимен повидал немало утопленников.

— Я не стал хоронить ее вместе с матерью и остальными, — сказал Томислав. — Отвез гроб на тележке в Шибеник.

— Почему?

— Решил... что там ей будет лежать легче... в голове у меня тогда все перемешалось, сам понимаешь. Жупан помог мне получить разрешение.

Томислав стремительно подался к Ванимену и продолжил:

— Я ведь предупреждал тебя, что мой рассказ окажется не из веселых. А тебе, кстати, еще предстоит пережить собственную скорбь.

Ум у Ванимена был более последовательным, чем у большинства его соплеменников, но он умел сменить тему или настроение с нужной ему быстротой.

— Верно, скорбь по моему племени, — согласился он. — Я как раз собирался поговорить о них с тобой.

— Ты уже заводил этот разговор, — Томислав попробовал улыбнуться, — да только тему выбрал не совсем пристойную.

— Я лишь хотел пожаловаться на то, что их до сих пор держат взаперти, а мужчин, как я слышал, отделили от женщин и детей.

— Верно, но их поведение оказалось для нас неслыханным. Петар утверждает, что даже разговоры об этом опасны для общественной морали.

— Но сколько это будет продолжаться?! — Ванимен в сердцах шлепнул себя по бедру. — Я так и вижу — и как четко я вижу, чувствую, слышу, обоняю и ощущаю на вкус, — насколько они несчастны в заточении.

— Я уже говорил тебе, — сказал Томислав, — что бан велел охранять их и хорошо заботиться до тех пор, пока он не узнает о них все, что ему нужно. Думаю, ждать осталось недолго. Мы многое сумели

узнать друг от друга, и теперь, когда ты выучил наш язык, ты сможешь поговорить с ним сам. Бан тоже этого желает.

— Но когда? — Царь Лири покачал головой. — Наверняка он очень занят, обезжест свои владения и неделями не бывает в замке. А мой народ тем временем томится в заключении, которое для него хуже пытки. Твой барон, быть может, полагает, что кормит их хорошо, но мой собственный желудок утверждает, что получает слишком много зерна и молока, но совсем мало рыбы. Они слабеют — и не только из-за еды, но и без воды тоже. Воды для питья им, конечно, дают вдоволь, но когда они в последний раз плавали, когда отдыхали под водой, как того требует для нас природа? Ты позволяешь мне освежиться в ручье, но даже я чувствую, как медленно усыхает моя плоть.

Томислав кивнул:

— Знаю, друг Ванимен. Или догадываюсь о том, чего не знаю. И что же тут можно сделать?

— Я думал об этом, — заговорил Ванимен, воспрянув духом. — Неподалеку отсюда есть озеро. Позвольте нам жить в нем на свободе. Конечно, не всем сразу — кто-то останется заложником, дожидаясь своей очереди. Там, конечно, хуже, чем в море, но все же вода поддержит наши силы, вернет из нынешней полусмерти.

Я, кстати, заметил, что никто в этом озере не ловит рыбу. Но мы сможем и станем ее ловить. Рыбы там наверняка множество, хватит и нам, и поделиться с вами. Мы наловим столько рыбы, что возместим все затраты, которые вы уже на нас понесли. Разве это не придется по душе вашему барону?

Томислав вздохнул:

— Придется-то оно придется, не будь это озеро проклято.

— Как так?

— Там обитает водяной, подводное чудовище. Он рвал сети, что забрасывали рыбаки. Когда же мы послали в озеро лодки с вооруженными мужчинами, их оружие не смогло его ранить. Он потопил лодки, и те из храбрых парней, кто не умел плавать, утонули. Как-то мы решили построить там мельницу, чтобы не возить зерно в Скрадин, но, когда она была почти готова, водяной подплыл вверх по ручью и стал плескаться в мельничном пруду. Он так напугал всех, что люди сломали уже готовую плотину, лишь бы он уплыл обратно в озеро.

— Но почему священник вроде тебя... не изгнал его? — с трудом произнес Ванимен, нахмурившись.

— Народ этого не пожелал бы. А церковь и дворяне считают, что лучше уважить их желание. Экзорцизм изгнал бы из этих мест все существа полумира, а некоторые из них, как верят люди, приносят удачу. Уж лучше отказаться от рыбы из озера и иногда попасться на обман лешего в лесу, чем жить без полевика, отгоняющего насекомых с полей, или домового, приносящего благополучие в дом, без кикиморы, что иногда помогает в работе усталой крестьянке... — Томислав вздохнул. — Да, это язычество, но безвредное. Оно не затрагивает истинной веры селян и помогает им в нередко тяжелой и

унылой жизни. Последователи Богомила изгнали всех этих древних помощников отовсюду, где те жили, но богомилы не знают радости и ненавидят этот мир, который Господь сотворил для нас прекрасным.

Томислав вздохнул несколько раз и добавил почти шепотом:

— И те, кто обитают под водой или в дремучей чаще, тоже бывают прекрасны...

Но Ванимен не услышал его слов. Порывисто вскочив, он резко поднял сжатые в кулак пальцы и крикнул:

— Так вот в чем мы, морские люди, можем вам помочь! Так мы докажем вам свою добрую волю! И я сам поведу отряд, который прогонит чудовище прочь!

Глава 2

Жил в Хадсунде человек по имени Аксель Хедеборо, преуспевающий торговец лошадьми. Аксель нередко пользовался услугами Ингеборг, но все же весьма удивился, когда она пришла к нему домой в сопровождении юноши приличной наружности и попросила о разговоре наедине.

— Мы хотим попросить тебя об услуге, — пояснила Ингеборг, — и сделать тебе скромный подарок, дабы получить твою благосклонность.

Золотое кольцо, которое Ингеборг украдкой, чтобы его не заметили ученики Акселя, показала ему на ладони, отнюдь не было безделушкой — торговец тут же оценил его стоимость в пять серебряных марок.

— В таком случае следуйте за мной, — ответил он, сохранив на лице невозмутимость, и провел гостей из лавки в жилую половину дома, плотно прикрыв за собой дверь.

Стены комнаты, в которой они оказались, были обшиты темными деревянными панелями, окна застеклены превосходными стеклами, а сама комната тесно заставлена мебелью. Аксель задернул занавески, создав подходящий для секретов полумрак. Приняв кольцо, он уселся за стол и начал с любопытством разглядывать причудливые узоры, покрывающие золото.

— Садитесь, — произнес он, скорее приказывая, чем приглашая.

Гости уселись на краешки стульев и с тревогой взглянули на хозяина. Тот был толст, с выбритым до синевы двойным подбородком и крупным ртом, одет в богатый кафтан, пропахший застарелым потом. Через некоторое время он оторвал глаза от кольца и посмотрел на гостей.

— Ты кто такой? — обратился он к Нильсу.

Юноша назвал свое имя, место рождения и представился моряком. Взгляд торговца неотрывно изучал его с головы до ног. Аксель увидел, что Нильс, как и Ингеборг, опрятен и одет в новые одежды, но следы, оставленные солнцем, ветром и трудностями путешествия, все еще ясно читались на лицах обоих посетителей.

— И чего же вы от меня хотите? — спросил он наконец.

— Это долгий рассказ, — ответила Ингеборг. — Ты сам торговец и поймешь, почему нам о многом придется умолчать. Суть же в том,

что мы располагаем некоторым состоянием, но нам нужна помощь в том, как его удачно поместить. Нильс считает, что лучше всего было бы купить право на морскую торговлю. А ты имеешь дело с капитанами, у тебя связи в других странах — наверняка есть кто-то из... Ганзейской Лиги. Верно, Нильс? И если ты отправишь нас к подходящему человеку и сделаешь так, что он выслушает нас с пониманием, — она улыбнулась той улыбкой, какой пользовалась на рынке, — то убедишься, что мы не скряги.

Аксель задумчиво потеревил завиток своих черных волос.

— Странное предложение от таких личностей, как вы двое, — произнес он наконец. — Мне нужно знать больше того, что вы мне сказали. Насколько велико ваше состояние, и как вы его раздобыли?

Его взгляд переместился на туго набитый кошелек, свисающий с пояса Нильса. В нем лежали датские монеты, которые не могли вызвать никаких подозрений. Ингеборг получила их от городского ювелира, которого знала столь же близко, как и Акселя. Ювелир согласился рискнуть и преступил закон, купив у Ингеборг за полцены слиток драгоценного металла. Впрочем, у нее и Нильса имелось еще немало кусочков золота, зашитых в складки одежды — запас на непредвиденные расходы в ближайшем будущем.

— Размер нашего состояния, — холодно ответила Ингеборг, — зависит от того, что мы сможем с ним сделать — для этого мы и пришли к тебе за советом. Видишь ли, мы нашли клад.

Аксель напрягся:

— В таком случае он принадлежит королю! Хотите оказаться на виселице?

— Вовсе нет. Сейчас я тебе все расскажу. Ты наверняка помнишь Ранильда и его шлюп, на котором он в начале года отправился в плавание, помалкивая о цели путешествия. С тех пор о нем никто не слышал. Нильс был у него матросом, а меня он прихватил с собой для компании.

— Вот как? — Торговец оправился от удивления. — То-то местные гадали, куда это подевалась Ингеборг-Треска. Но женщина на корабле приносит несчастье.

— Неправда! — вспыхнул Нильс.

Ингеборг жестом велела ему замолчать и продолжила:

— У Ранильда не хватало людей, к тому же он очень торопился. А я могла оказаться полезной.

— Еще бы, — фыркнул Аксель. Нильс метнул в него гневный взгляд. Ингеборг даже бровью не повела.

— К тому же, — добавила она, — до меня тоже дошли кое-какие слухи — шила ведь в мешке не утаишь. И эти слухи плюс то, что Ранильд узнал из другого источника, указывали на сокровище, спрятанное язычниками на островеке посреди океана. Так что, как видишь, мы никого не грабили, не оскверняли могил и не утаиваем ничью собственность.

Но золото пробуждает жадность и ведет к убийству. Ты ведь помнишь, какие головорезы плавали у Ранильда — кроме Нильса, разумеется. На обратном пути мы попали в ужасный шторм. Кончилось все тем, что из всех душ, отплывших на «Хернинге», спаслись только две наших. А сам шлюп затонул. Но мы сумели добраться до берега с частью найденного и теперь хотим его выгодно вложить.

Аксель долго молчал, потом рывкнул:

— Это правда?

— Готова поклясться любым святым или любой клятвой, какой пожелаешь, что все мои слова — правда, — ответила Ингеборг. — И Нильс тоже поклянется.

Юноша тут же кивнул.

— Гм, гм. — Аксель провел пальцем по жирным волосам. — Любопытную вы мне рассказали байку.

— Я ведь говорила, что она тебя заинтересует. И пусть тебя не волнует, почему мы пришли именно к тебе. — Ингеборг улыбнулась. — Ты когда-нибудь рассказывал обо мне своей жене?

Снова став серьезной, она сказала:

— Ты можешь неплохо заработать. Услуга нетрудная, риска никакого. Мы тоже не собираемся нарушать закон. Скорее наоборот — нам нужен человек, который не дал бы нам его нарушить. И в то же время трепаться на каждом углу о нашей просьбе будет еще глупее — человек, имеющий власть, всегда найдет повод обождать нас до нитки.

— Верно, — согласился Аксель. — У вас хватило ума с самого начала поискать себе покровителя, который вас прикроет, поможет начать дело и без лишнего шума спокойно зарабатывать деньги.

Нахмурившись, он разглядывал кольцо, крутя его в пальцах.

— Ганза, — пробормотал Нильс. — Их корабли перевозят почти все грузы из северных стран, так ведь? Я слышал, что города Лиги становятся все более могущественными — их опасаются даже короли. И если бы я стал владельцем ганзейского корабля...

Аксель покачал головой:

— На это, парень, можешь не надеяться. Я их хорошо знаю. Эти купцы — жадюги, трясутся над своими богатствами, не выносят чужаков и никогда не расстанутся даже с частичкой могущества и власти, принадлежащей магнату или гильдии. Возьмем, к примеру, город Висби на острове Готланд — они предоставляют купцам большую свободу, но лишь тем из них, кто уроженец Готланда. Думаю, если ты придешь к одному из этих некоронованных принцев, он промурыжит тебя до тех пор, пока не придумает, как выжать тебя досуха, а меня попросту отстранит от сделки.

Нильс сжал кулаки. Ингеборг успокаивающе опустила ладонь на его руку.

— Но к кому-то все же можно обратиться! — воскликнул Нильс.

— Возможно, возможно, — протянул Аксель. — Вы меня застали врасплох со своей просьбой. Дайте подумать... — Он принялся катать кольцо по столу, и в наступившей тишине этот звук показался

неестественно громким. — Гм-м-м... Копенгаген... Крупный морской порт, правит в нем епископ Роскильдский, а он не позволяет всяческим гильдиям пускать в городе корни... Верно, каждый из бюргеров занимается своим ремеслом, получив от городских властей лицензию... Возможно, подойдет. Больше я почти ничего не знаю, потому что не отправляю свой товар через Копенгаген.

— Вот видишь, — заметила Ингеборг, — ты сможешь нам помочь, если захочешь. Подумай, не торопись. Но первым делом, если я хорошо тебя знаю, ты начнешь торговаться о причитающейся тебе плате.

Аксель поднял голову. Они увидели, что его лицо стало жестким.

— А почему ты в этом так уверена? — спросил он.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивилась Ингеборг.

— А то, что ты мне почти ничего не рассказала, и то, что я услышал, — несомненная ложь.

— Вспомни, мы готовы поклясться перед Богом в том, что сказали правду.

— Для тебя, Ингеборг-Треска, и жесвидетельство не грех. — Аксель выпятил челюсть. — И рассказ твой — брехня. Я скорее поверю, что вы откопали клад в Дании — если только не пришили кого-нибудь в море, а за это ссылают на галеры. Хотите прихватить меня с собой? Но я не настолько глуп.

Женщина долго вглядывалась в лицо Акселя:

— В таком случае ты ведешь себя как трус.

— Я законопослушный человек, у меня есть дом и семья.

— Чушь! Я сказала, что ты *ведешь* себя как трус, как шулер. Я знаю тебя и таких, как ты. — Ингеборг презрительно скривилась. — И ты с самого начала решил ограбить нас сам. Что ж, тебе это не удастся. Так что или отпусти нас — тогда мы попробуем в другом месте, — или торгуйся о своей доле, как полагается порядочной сволочи.

Нильс положил руку на рукоятку матросского ножа, висящего у него на поясе. Аксель выдавил улыбку.

— Попридержи язык, милочка. Дело лишь в том, что я не желаю флиртовать с палачом. Мне нужны гарантии, и для начала я хочу взглянуть на ваш клад.

Ингеборг встала:

— Пошли, Нильс. Тут нам ничего не светит.

— Стойте, — спокойно произнес Аксель. — Садитесь, и продолжим разговор.

Ингеборг покачала головой:

— Я достаточно пожила на свете, чтобы научиться чутя предательство. Пошли, Нильс.

Юноша встал. Аксель поднял руку:

— Я приказываю вам остаться. Или мне велеть ученикам схватить вас?

— Пусть только попробуют! — рявкнул Нильс. Ингеборг успокоила его.

— Ты что задумал? — невозмутимо поинтересовалась она.

— А вот что, — ответил Аксель, все еще ухмыляясь. — Я подозреваю, что вы виновны или в пиратстве, или в краже королевской собственности. Мне ясно и то, что вы еще не задумывались о расплате, которая вам за это полагается. Далее, вы попросту нищие, и у вас нет семей, меня же Господь наградил более высоким положением в обществе, и я могу потерять гораздо больше вашего. Так почему я должен рисковать всем... меньше чем за весь клад?

Видя, что они стоят неподвижно, он добавил:

— Конечно, я и вам что-нибудь дам.

Ингеборг и Нильс продолжали молчать. Аксель нахмурился и шлепнул ладонью по столу.

— Ладно, — сказал он. — Но зарубите себе на носу, что я не предлагал стать вашим сообщником. Я лишь задал вопрос, чтобы увидеть, как вы себя поведете. Мой долг — донести о нашем разговоре. Но не шерифу, а самому барону. И не дать вам тем временем скрыться, верно?

Подумайте хорошенько, вы оба. Я слышал, что самый опытный палач у юнкера Фалквора. И он сумеет вытянуть для своего господина всю правду из того, что от вас останется.

— А ты, конечно же, получишь достойную награду, — прошипела Ингеборг.

— Так диктует мне осторожность, — возразил Аксель. — Мне будет очень жаль, если придется поступить именно так, потому что у меня остались приятные воспоминания о тебе, Ингеборг, а у твоего спутника вся жизнь впереди. Поэтому лучше сядьте, и попробуем договориться по-хорошему.

— Нильс! — произнесла Ингеборг.

Юноша понял намек. Сверкнуло лезвие ножа, показавшееся огромным в тесной комнатке.

— Мы уходим, — сказал он. — Ты выведешь нас на улицу. И если с нами случится хоть малейшая неприятность, ты умрешь первым. Вставай!

Аксель поднялся, внезапно побледнев. Перед ним стоял уже не прежний робкий мальчик. Нильс спрятал нож, но держался рядом с торговцем. Ингеборг перед уходом укрыла кольцо на груди.

Из дома они вышли втроем. В одном из переулков Нильс отпустил Акселя. Когда торговец торопливо заковылял по улице, Ингеборг с горечью произнесла:

— А я-то надеялась, что он лучше всех прочих. Неужели в христианском мире не осталось милосердия?

— Нам лучше уйти, пока он не поднял шум, — предостерег Нильс.

Они торопливо вернулись на берег Мариагер-фьорда. Там дождалось прилива небольшое судно, направлявшееся в порты вдоль всего Зунда. Нильс и Ингеборг заранее договорились о проезде и перенесли на корабль необходимые пожитки. Как выяснилось, подобная предосторожность оказалась не напрасной. Получив же, кро-

ме платы за проезд, еще и дополнительную сумму, которой с лихвой хватило, чтобы всю ночь пить за здоровье пассажиров, капитан уступил им и свою каюту.

Глава 3

Полная луна висела в небе кружком замерзшего света. Редкие звезды проглядывали сквозь ее яркое сияние, покрывающее инеем вершины деревьев в лесу вокруг озера и серебящее рябь на воде. Ветерок обдувал осенним холодом и шуршал умирающими листьями.

Поднявшись со дна, водяной поплыл к берегу. Он старел, когда уменьшалась луна, и молодел вместе с ней; этой ночью его переполняли сила и голод. Его огромное тело, размером с трех боевых коней, обросшее мхом и длинными водорослями, походило на человеческое, но имело толстый хвост, ноги с длинными пальцами и перепончатые передние лапы с когтями. Вокруг зияющего провала рта топорщились жесткие усы, красными угольками светились глаза.

Когда брюхо коснулось дна, водяной остановился. Из темных прогалин между деревьями до него донеслись звуки раздвигаемых кустов и приближающихся шагов. Гм, чем бы люди ни занимались в лесу после наступления темноты, глядишь, кто-нибудь из них и окажется достаточно беззаботным и выйдет на берег. Водяной замер каменной глыбой. Поднятая им на воде серебристая рябь постепенно разгладилась.

Из тени выскользнул чей-то силуэт, бесшумно двинулся по прибрежной траве: стройный, тонкий, лунно-белый. Зазвенел смех.

— Эй, дурачок! Смотри, как надо прятаться! — Быстрое, как ветер, существо слилось со стволом ближайшего дуба. — Дай-ка я тебя накормлю. — По шкуре монстра застучали желуды.

Водяной зарычал от гнева — раскатисто, как гром. Вот уже сколько времени его дразнит вилия! Взбешенный, он даже выбрался на берег на пару шагов, царапая себе брюхо, но поймал лишь ее смех. Скоро вилия покинет лес и отправится зимовать в воды озера, но и тут водяному не суждено ее поймать. Хотя холод делал ее сонливой, она всегда замечала его приближение и ускользала. К тому же он догадывался — когда вилия не доводила его до бешенства и его туповатые мозги соображали лучше, — что не в состоянии причинить вред почти бесплотному духу.

— Я знаю, зачем ты пришел сюда! — крикнула вилия. — Надеешься пообедать кем-нибудь из людей? Ничего у тебя не выйдет. — Она взмахнула рукой, рядом с ней закружился маленький вихрь. — Эти людишки мои. — Тут ее настроение изменилось. Вихрь исчез. «Но почему они бродят здесь ночью? — удивленно спросила она себя. — И почему пришли без факелов, чтобы освещать себе дорогу? Люди всегда приходят с факелами, а эти... Даже не припомню...»

Сидя на ветви дуба, она качнулась вперед-назад, и поднявшийся ветерок распушил облачко ее волос — но он был настолько слаб, что волосы приближающихся людей едва шелохнулись.

— Они *не* люди! — тут же воскликнула вилия. — Вернее, не все они люди. — И она полезла выше, чтобы спрятаться.

Водяной зашипел ей вслед, скользнул обратно в воду и принялся ждаться.

Из леса вышел Ванимен, возглавлявший отряд своих соплеменников. Все были обнажены, если не считать поясов с ножами, но несли охотничьи копыя и сети. Рядом с ним шагала Иван Субич и шестеро его слуг. Морские люди, хорошо видевшие в ночной темноте, провели спотыкающихся людей через лес, и теперь, выйдя на залитый ярким лунным светом берег, жупан и его спутники заморгали.

— Вот он! — крикнул Ванимен. — Мы его сразу заметили. Наверное, нам помогло, что мы шли без факелов.

Иван пристально вгляделся.

— Тот большой камень? — спросил он.

— Какой же это камень? Видишь, как светятся глаза?

Ванимен взмахнул копьем и что-то крикнул на языке морских людей. Его воины с громким плеском бросились в воду. Алчно рыча и обнажив поблескивающие клыки, водяной бросился на ближайшего, но проворный воин ускользнул. Водяной метнулся к другому — опять неудача.

В воде закружились тела. Морские люди сжимали кольцо, ныряли, кололи копьями и трезубцами. Не выдержав, водяной нырнул. Воины последовали за ним.

Долгую минуту взбаламученные воды озера успокаивались. Наступила тишина, и, когда озеро вновь неподвижно застыло, небеса погрузились в оцепенелый сон. Голос одного из солдат нарушил молчание:

— Они сражаются слишком глубоко. Мы ничего не увидим.

— Если это можно назвать сражением, — заметил его товарищ. — Этой бестии даровано бессмертие до самого Судного дня. Его шкуру не пробивает даже железо. Господин, на что надеются твои охотники, пусть даже они знают колдовство?

— Их предводитель сказал, что они хотят кое-что испробовать, — ответил Иван. Он был не из тех, кто делится сомнениями с подчиненными. — А какая из его задумок окажется лучшей, еще предстоит узнать.

— Если только весь его отряд не погибнет, — возразил третий солдат. — И что тогда?

— Тогда нам придется ждать здесь до рассвета, когда сможем отыскать дорогу домой, — ответил жупан. — На берегу этой зверюге нас не поймать.

— Ей-то не поймать, но есть и другие. — Солдат осмотрелся вокруг. В его глазах отразился лунный свет.

Иван поднял висящий на груди крест. В нем виднелось небольшое углубление, закрытое стеклышком.

— В этом кресте — косточка от фаланги пальца святого Мартина, — сказал жупан. — Молитесь, как подобает истинным христианам, и никто из порождений тьмы не сможет причинить нам вред.

— Твой сын Михайло думал иначе, — осмелился пробормотать солдат.

Услышав эти слова, жупан дал солдату пощечину. Хлопок эхом отразился от стены деревьев.

— Придержи язык, болван!

Солдаты перекрестились — ссоры накликают беду.

Медленно тянулись часы. Мороз крепчал. Ожидające на берегу дрожали от холода, переминались с ноги на ногу, отогревали руки под мышками. Дыхание облачком вырывалось изо ртов. На верхушке большого дуба зашевелилось что-то белое, но никто не осмелился пристальнее взглянуть в ту сторону.

Луна уже садилась, когда из всех глоток разом вырвался крик. Гладь озера разорвало темное пятно — в их сторону двигался уродливый силуэт. Не доплыв до берега, он остановился. Люди увидели воинов Ванимена, кружащих вокруг водяного.

Ванимен добрался до мелководья, встал и зашагал к людям. С него текла вода, пленочкой ртуты покрывая все тело. Лицо морского царя сияло от гордости.

— Мы победили! — объявил он.

— Хвала Всевышнему! — радостно воскликнул Иван, но к нему тут же вернулась солдатская подозрительность. — Ты уверен? Что же вы совершили? И что нам теперь делать?

Ванимен скрестил руки на могучей груди и рассмеялся:

— Верно, мы не можем его убить. Но даже сегодня ночью, когда водяной сильнее всего, мы доказали свое превосходство. Наше оружие причиняло ему боль. Он не сумел схватить никого из нас, зато мы мучили его, пока мучения не стали для него невыносимыми. Мы также показали ему, как умеем ловить рыбу — он и в этом не смог нас превзойти. Мы выхватывали рыбин прямо у него из-под носа, распугивали других, не давали ему кормиться.

В конце концов, воспользовавшись особыми чарами, мы дали ему понять, что станем проделывать такое ночь за ночью, сколько потребуется, и ему лучше обуздать свой гнев и уйти добровольно. Мы проводим его вверх по реке, мимо вашего города, и там отпустим. Пусть плывет дальше, к безлюдным предгорьям. Больше он не станет вам докучать.

Иван обнял Ванимена. Солдаты радостно закричали, из воды им отозвались воины царя. Водяной утрюмо молчал.

— Идите вдоль берега, — посоветовал Ванимен. — Мы не будем терять вас из виду.

Он повернулся и шагнул в воду.

Сквозь поредевшие листья на землю скользнул белый силуэт

— Ах нет, — пропела вилия, — неужели вы прогоните бедного старого уroda? Здесь его дом. А мне станет без него одиноко. С кем я буду играть и резвиться?

Ванимен увидел пляшущий над травой силуэт обнаженной девушки — прекрасной, но почти прозрачной. Возле ее губ и рта не клубился пар от дыхания.

— *Русалка!* — взревел он и бросился в воду.

Существо остановилось.

— Кто ты? — спросила она жупана высоким нежным голосом. Не помню ли я тебя?

По коже Ивана заструился пот. Он содрогнулся, но шагнул вперед, охваченный более ненавистью и яростью, чем страхом.

— Демон, призрак, отвратительная воровка душ! — завопил он. — Изыди! Возвращайся в свою могилу, в свой ад!

Он рубанул ее мечом, но лезвие лишь скользнуло по бесплотному силуэту. Вилия воздела руки.

— Почему ты такой злой? Не сердись, — взмолилась она. — Останься со мной. Ты такой теплый, а мне так одиноко.

Выронив меч, Иван поднял крест.

— Именем святой Троицы и святого Мартина, с чьим знаменем святой Стефан шел в бой, изыди!

Вилия повернулась и побежала в лес, не оставляя следов на покрытой ином траве. Они услышали ее рыдание, вскоре сменившееся смехом, а потом все снова стихло.

Колокола начали созывать людей, и вскоре весь Скрадин закипел. Люди забросили дела, готовясь к празднику, который, начавшись после полудня, продолжался и после заката.

Те, кто проснулся в этот день на рассвете, увидели жуткое зрелище — мимо города под охраной соплеменников Ванимена плыл водяной. И им в тот момент показалось, будто весь привычный мир — замок, церковь, город, дома, поля, размеренные часы труда и распisanная от Пасхи до Пасхи привычная жизнь — все это сдвинулось в сторону, подобно занавесу, и люди увидели давно от них скрытое, что не было уютными Небесами, а древней бесконечной дикостью.

Но еще до полудня, когда охотники Ванимена вернулись вместе с жупаном и его людьми, все страхи оказались забыты. Сразу заговорили о ловле рыбы в озере. Да, в дремучий лес все еще было рискованно заходить, и останется он таким же диким еще не одно поколение. Но год за годом работали дровосеки, все просторнее становились поля, все многочисленнее дома, и вокруг озера ширился полукруг возделанных земель. Чудище ушло, и теперь по озеру можно спокойно плавать — если не подплывать слишком близко к опушке леса.

Жупан подтвердил добрую весть. Он собственными глазами видел, как водяной, отпущенный на волю победителями, медленно направился вверх по течению реки — где-то вплавь, где-то скребя брюхом по камням на мелководье — и скрылся в отдалении. Вид у него был подавленный. Кто знает, не суждено ли ему умереть задолго до Судного дня от безнадежности?

Отец Петар отслужил благодарственную мессу, правда, с несколько кислым выражением на лице. Затем началось веселье, и ближайший луг покрылся людьми в праздничных одеждах, украшенных вышивками. Женщины нарядились в просторные блузки и широкие юбки, открывающие во время танцев лодыжки. На костре жарилась бычья туша, а рядом с ней, на кострах поменьше, кипели котлы, наполняя воздух соблазнительными запахами. Бочки и бочонки щедро делились пивом, медом и вином. Волынки, флейты, рожки, барабаны и однострунные скрипки с трудом перекрывали музыкой гомон веселья.

Среди крестьян свободно ходили беженцы из Лири — Иван Сувич взял на себя ответственность и отпустил их из-под стражи, взяв слово не уходить далеко от селения. Соплеменники Ванимена наслаждались дружелюбием людей и с надеждой смотрели в будущее. Заботясь о пристойности, жупан велел им одеться и снабдил одеждой, одолженной у крестьян — правда, зачастую поношенной и скверно сидящей. Но беженцы, счастливые от того, что собрались вместе после долгой разлуки, не обращали на это внимания. Как бы там ни было, одежда тут же летела в сторону, едва парочки из Лири выходили за околицу деревни и находили развесистый куст или прикрытый деревьями речной берег.

Самым шумным и веселым из празднующих оказался отец Томилав. Он пришел в деревню вместе с Ванименом, когда Иван одобрил идею морского царя, и жупану с большим трудом удалось отстранить его от участия в походе к озеру. Зато теперь, когда мужчины, взявшись за руки, принялись отплясывать коло вокруг кипящего котла, его непотраченная энергия будоражила всех.

— Гоп! Гоп! Выше ногу! Прыгай от радости, как Давид перед Господом! А вы, мои милые, — крикнул он деревенским красавицам, — подождите немного, скоро мы спляшем вместе!

Ванимен и Мейива вознаградили себя после долгой разлуки и вернулись на луг, когда танец коло уже завершался. Лука, сын Ивана, пробился сквозь толпу, чтобы поприветствовать их. Яркие одежды худощавого юноши никак не сочетались с задумчивостью на его лице. Лука с самого начала заинтересовался морскими людьми, жадно ловил каждую новость и даже спорил с отцом по поводу того, как с ними обращаться. Теперь, после смелого поступка Ванимена, он подошел к нему с восхищенной почтительностью.

— Здравствуйте, — произнес он, перекрикивая шум толпы. — У вас печальный вид, когда следовало бы радоваться. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Благодарю тебя, но, думаю, ничем, — ответил царь Лири.

— Но что вас тревожит?

— Я поговорю об этом позднее с твоим отцом. Позволь не омрачать сейчас твоей радости.

— Умоляю вас, расскажите. Быть может, я смогу что-либо сделать.

— Ладно... — решился Ванимен. Мейива, которая еще не выучила хорватский, тихо отошла в сторону. — Если ты этого хочешь, Лука, то расскажу. Ты слышал, что мы повстречали возле озера русалку?

— Кого? — удивленно моргнул Лука.

— Русалку. Дух девушки, обитающий возле того места, где она утонула.

— Ах вот что. — Глаза Луки расширились, он затаил дыхание. — Вилию. Так вы ее видели? — Он помолчал. — Нет, не слышал. О таком стараются не говорить.

— Так вы называете ее «вилия»? — твердо произнес Ванимен. — Однажды я натолкнулся на вилию — еще у себя на родине, далеко на севере, — поэтому опознал ее и здесь. Ужас переполнил меня, и я убежал. Меня до сих пор мучает стыд за свою трусость. Твой отец отогнал ее, но, когда я позднее захотел объяснить ему, почему меня покинуло мужество, он ответил, что не желает об этом говорить.

— Да, у него есть на это причины, — кивнул Лука. — Но думаю, если ты проявишь упорство, он все расскажет. Ничего секретного тут нет. Скорбь, но не бесчестье.

— Эта... вилия... испортила все торжество, — сказал Ванимен. — Я слышал, как люди уже болтают о ловле рыбы в озере и зовут моих соплеменников в помощники. Неужели они безумцы? Водяной их попросту бы сожрал, но неужто они не боятся того, что с ними может сделать вилия?

— Да чем же она опасна? — удивленно спросил Лука. — Так, мелкая неприятность вроде лешего — то ветер поднимет и сдует с травы разложенное после стирки белье, то стащит младенца у зазевавшейся матери, но вскоре обязательно вернет обратно. Надо лишь носить с собой веточку полыни, чтобы она держалась от тебя подальше. Конечно же, человек, который позволит ей соблазнить себя, совершит смертный грех. Но разве кто-либо пойдет на такое? Да и она вроде бы даже не пыталась. В конце концов, призрак страшен и сам по себе. Уж я-то знаю это лучше, чем мне хотелось бы.

Ванимен внимательно посмотрел на юношу:

— Откуда?

Хотя кругом царило веселье и звучала музыка, Лука вздрогнул:

— Два года назад я был с братом на той самой охоте, когда она его нашла. И тоже видел ее лицо — лицо Нады, утопившейся за год до этого...

Чья-то рука схватила Луку за шиворот и швырнула на землю.

— Ты лжешь! — закричал отец Томислав. Он подошел к ним, незамеченный, и услышал весь разговор. — Лжешь, как и все прочие!

Священник стоял возле распростертого на земле юноши. Люди вокруг смолкли, окружив их кольцом и недоуменно переглядываясь. Наконец Томислав взял себя в руки.

— Нет, ты не лгал. Я верю тебе, — мрачно произнес он. — Тебя или обмануло случайное сходство, или тут поработал Сатана. Прости, Лука, я сказал, не подумав. — Он медленно переводил взгляд с

лица на лицо, потом заплакал. — Моя дочь не утопилась, — хрипло прошептал он. — Она не стала неприкаянным духом. Тело ее в Шибенике, в святой земле. А душа ее... в раю.

И Томислав, пошатываясь, зашагал прочь. Люди расступались, освобождая ему проход.

Ночной дождь хлестал по стенам замка, завывал ветер. Камни дышали холодом, просачивающимся сквозь гобелены, свет ламп с трудом разгонял темноту. Ванимен сидел за столом напротив Ивана Субича. Жупан отпустил всех слуг, попросив жену остаться. Сейчас она сидела в углу, согреваясь возле жаровни. Иван подал ей знак принести еще вина.

— Да, — произнес он, — лучше я расскажу тебе всю историю, иначе вы станете остерегаться озера, а я надеюсь, что вы поселитесь среди нас, став искусными рыбаками. К тому же в том, что произошло, для нашей семьи нет ничего позорного. Лишь скорбь и печаль... — Иван тяжело вздохнул. — Нет, скорее разочарование, и я прекрасно сознаю, что мне не следовало бы испытывать подобное чувство.

Он провел пальцем по шраму на лице.

— Но и тебе, Ванимен, не следует стыдиться того, что ты убежал от нее — если на Севере эти существа, судя по твоим словам, и в самом деле настолько ужасны. Я тоже могу поведать тебе кое о каких ужасах, которые сохранятся в моей памяти до могилы, а я считаю себя храбрым воином. Но... не знаю почему — возможно, мы отличаемся от русов чем-то неуловимым, что проявляется лишь после смерти — словом, какой бы ни оказалась причина, вилия не столь страшна, как русалка. Верно, человеку не следует поддаваться на ее уговоры — он рискует потерять душу. А у вас...

Иван оборвал себя на полуслове. Ванимен натянуто улыбнулся. Жупан сделал глоток вина и торопливо добавил:

— Моя неприязнь к Наде вызвана тем, что из-за нее мой старший сын расстался с мирской жизнью. Вернее, я так полагаю. Но могу и ошибаться. Кто, кроме Господа, знает, что таится в сердце каждого из людей? Но ведь Михайло был таким веселым юношей, в нем я увидел себя, только молодым. А теперь он в монастыре. Мне вроде бы следует этому радоваться, верно? У служителей Бога больше шансов спасти свои души. У Луки, кажется, больше склонности к монашеской жизни, чем было у Михайло, а вышло так, что теперь Лука унаследует... Нет, не унаследует, потому что жупан выбирается старейшинами клана или назначается королем, а все знают, что Лука не воин.

Некоторое время они молча пили вино, прислушиваясь к завыванию бури. Наконец Ванимен негромко спросил:

— Действительно ли вилия некогда была дочерью Томислава?

— Он даже мысли такой не допускает, — ответил Иван, — и все, кто его уважает, не произносят подобных слов при нем. Я простил ему, что он в тот день сделал с моим сыном. Вреда он ему не причинил, а Луке следовало бы придержать язык.

Тем не менее... так и быть, я поделюсь с тобой тем, что известно всем местным. Возможно, ты, житель волшебного мира, сможешь оценить мои слова лучше нас, людей.

Ты должен понять, что Сена, жена Томислава, была женщиной, рожденной для скорби. Ее отцом был незаконный сын жупана,мого предшественника, а матерью — крепостная девушка, отличавшаяся, как говорили, редкой красотой. Отец дал ему вольную, и сын стал гусяром — бродячим музыкантом, — а через некоторое время потряс всех соседей, приведя домой жену-цыганку — женщину из народа язычников, не имеющих своей родины, которые незадолго до того кочевали через наши земли. Жена его, разумеется, стала христианкой, вот только неизвестно, насколько глубоким было ее обращение.

И он, и она умерли молодыми из-за болезни. Их дочь Сене вырастили родственники, которые, должен признать, видели причины всех ее детских шалостей в происхождении покойных родителей. Я даже частенько задумывался, что понудило Томислава просить ее руки более — красота или жалость к девушке.

Об их жизни ты уже слышан. Вскоре после рождения Нады Сена впала в глубокое скорбное опеченение и пролежала в таком состоянии до самой смерти. Можешь представить, какие у девочки сохранились воспоминания о матери. Позднее Нада узнала от соседок историю ее жизни, приправленную неизбежными домыслами. Отец обратил на нее всю свою любовь, ведь у него никого кроме нее не осталось, но разве мужчина может заменить мать? Возможно, он поверял ей больше, чем следовало бы — священник ведь носит в себе скорби многих людей, — и она, наверное, слишком рано поняла, что в этом мире немало слез и горя. Не знаю. Я всего лишь солдат, Ванимен.

Иван выпил, попросил жену налить ему еще, помолчал и продолжил свой рассказ:

— Я хорошо помню Наду. Я ведь жупан и много езжу по окрестностям — проверяю, как идут дела у деревенских судей, священников и прочих. К тому же Томислав при любой возможности привозил сюда свою семью, не пропускал ни одного базарного дня. У нас тут нет настоящей ярмарки, но крестьяне регулярно собираются, чтобы поторговать или обменяться. Думаю, так он пытался развеять свою тоску по старшим детям.

Да, Нада росла красавицей! Я также слышал об остроте ее ума и доброте, даже к животным, что для крестьянки лучше всего. Я, разумеется, видел ее по праздникам, но даже тогда она была подавленной, молчаливой и печальной — без явных на то причин.

Полагаю, ее огорчало отсутствие женихов, хотя парни охотно танцевали и заигрывали с ней, когда она пребывала в хорошем настроении. К тому же приданое за ней дали бы очень скромное. И еще она была слишком уж худа — разве смогла бы она рожать ребенка за ребенком, продолжая род своего мужа? Наверное, отцы деревенских женихов, оценив это, запрещали сыновьям связываться с Надой.

Иван отпил из кубка, поставил его на стол и уставился на закрытое ставнями окно, словно хотел выглянуть наружу и затеряться среди струй дождя.

— А сейчас, — сказал он, — мне предстоит рассказать то, о чем тяжело вспоминать. Позволь, я буду краток.

Нада как раз расцвела в полную силу девичьей красоты, когда ее увидел Михайло, захвативший погостить в Скрадин. Он сразу же принялся за ней ухаживать и зачастил к ее запруде, проезжая через весь лес. Разве мог Томислав отказать ему в гостеприимстве? Михайло устраивал так, чтобы Нада приезжала в Скрадин на разные праздники — все было очень пристойно, но он желал ее, и всерьез.

Михайло был... и остался... симпатичным парнем. Двое братьев и сестра Нады выпорхнули из родного гнезда, и она, конечно же, знала, что мир не кончается за околицей ее деревни и в этом мире у нее куда более широкий выбор, чем дома, где ей предстояло или тянуть всю жизнь крестьянскую лямку, или пойти в монастырь. Не знаю... Но ее отец Томислав однажды пришел ко мне и спросил, намерен ли Михайло жениться.

Что мог я ему ответить? Я знал своего сына. Когда он женится, брак этот будет по расчету, а пока он просто развлекался. Томислав поблагодарил меня за откровенность и сказал, что им более не следует встречаться. Я всегда уважал Томислава и потому согласился с ним. Михайло сперва заупрямился, но потом все же пообещал прекратить их встречи. Не так уж много она для него значила.

— Но он для нее... — негромко произнес Ванимен. — Отца она тоже любила... И когда душа ее разрывалась между отцом и Михайло, ею овладела тоска...

— Наду нашли плавающей в озере, — грубо прервал его Иван. — И с той поры она обитает там — как призрак. Но вам, морским людям, не нужно ее бояться. Стоит ли продолжать этот печальный рассказ? — Иван поднял кубок. — Давай лучше выпьем.

Томислав вернулся домой на рассвете и сразу отправился попрощаться с Ванименом.

Ночной дождь освежил утренний воздух, наполнив его свежестью. Они стояли на опушке леса. Небо на востоке было светлым, голубым над головой и фиолетовым на западе — еще достаточно темным, чтобы видеть планету, уплывающую за горизонт вслед за заходящей луной. Деревья пока красовались медью, бронзой и золотом, но под ногами уже хрустели опавшие листья. Скошенные поля укутывал туман. Где-то вдалеке, нарушив тишину, прокукарекал петух.

Томислав прислонил посох к дереву и сжал обеими руками правую руку Ванимена:

— Клянусь, мы еще часто будем видеться.

— Я буду рад нашим встречам, — ответил Ванимен. — Я тоже обещаю, что не покину ваши края, не попрощавшись с тобой.

— Но зачем вам уходить? — удивленно приподнял брови Томислав. — Здесь вас любят — и тебя, и все ваше племя.

— Любят, как верного пса. В Лири мы были свободны. Так стоит ли нам превращаться в прирученных животных, какими бы добрыми ни оказались хозяева?

— Но ведь вы не станете крепостными, если тебя тревожит именно это. Ваше мастерство слишком важно для нас. — Томислав помолчал. — И лучше вам стать христианами. — Овладевшая им мысль неожиданно принесла на его лицо озабоченность. — Ванимен, прими крещение! Тогда Господь одарит тебя душой, которая переживет звезды.

— Нет, мой добрый друг, — покачал головой Ванимен. — Прожив столько веков, я трижды видел, какая судьба постигает моих соплеменников, решившихся на крещение.

— И?.. — спросил священник, помолчав.

— Да, они получали то, что искали — бессмертие на Небесах. Но здесь, на земле, они забывали свою прежнюю жизнь. Все, кем и чем они были, исчезало из их памяти, словно никогда не существовало — мечты, радости, надежды. Все, что составляло их личность. И они превращались в жалких нищих с уродливыми ногами. — Морской царь вздохнул. — Я не настолько сильно боюсь забвения после смерти, Томислав. И мои соплеменники тоже.

Слова Ванимена не смутили священника. Налетевший ветерок растрепал его седеющую бороду.

— Ванимен, — настойчиво произнес он, — я уже думал об этом, упорно думал. И мне кажется, что ни одно из деяний Господа не бывает напрасным. Ничто, исходящее от Него, не может причинить тебе вред. Да, быть может, я впадаю в ересь, но все же хочу надеяться, что в Последний День к тебе вернется все, что ты утратишь.

— Быть может, ты прав, — ответил Ванимен. — Но даже если это так, я все равно презираю саму мысль об этом. Я, который охотился на нарвалов под полярными льдами. Я, который жил с Агнете... — Он высвободил свою руку. — Нет, я никогда не променяю свою прежнюю жизнь на твою сомнительную вечность.

— Но ты не понял! — возразил Томислав. — Да, я читал легенды и знаю, что обычно происходит, когда существа, подобные тебе, становятся христианами. Но такое случается не всегда. Полагаю, Господь лишает их памяти ради их же блага. Но хроники упоминают о нескольких существах полумира, которые крестились, однако сохранили все свои воспоминания. — Священник положил руки на плечи Ванимена. — И я стану молить Господа, дабы он ниспослал знак о том, что и тебя он одарит этой милостью.

Глава 4

Йоган Кваг, епископ Роскильдский, часто приезжал по делам в Копенгаген, свое ленное владение. Сидя в личном кабинете своего копенгагенского дома в кресле, украшенном резными изображениями апостолов, он долго молча разглядывал юношу, сидящего напро-

тив него на простом деревянном стуле. Бедная одежда посетителя и его ютландский акцент плохо сочетались с щедрым золотым подношением Матери-Церкви, которое и склонило епископского мажордома похлопотать об аудиенции.

— Ты рассказал мне меньше, чем мог бы, сын мой, — сказал наконец епископ.

Нильс Йонсен кивнул. Его самообладание — в таком возрасте и при таком общественном положении — тоже оказалось незаурядным.

— Да, мой господин, — признался он. — Если я поведаю всю историю, кое-кто может пострадать. Но клянусь перед Господом, что я не произнес ни слова лжи, а сокровище досталось мне законным путем.

— И теперь ты собираешься поделиться им с моей епархией. Если ты не ошибся, оценивая его, то твое пожертвование станет воистину царским.

— Веря в вашу честность, я предоставляю его раздел на ваше усмотрение.

— У тебя нет другого выбора, — сухо заметил епископ. — Не имея защитника и покровителя, ты проживешь недолго, и уж тем более не разбогатеешь.

— Я это понимаю, ваше преподобие.

Йоган подпер рукой подбородок.

— И тем не менее продолжаешь торговаться, — пробормотал он. — Ты забываешь, какая опасность для твоей души таится в земных богатствах.

— Надеюсь, мой священник избавит меня от нее, — заметил Нильс.

— Да ты еще и хитрец, верно?

— Но я помню и об уважении, господин. К тому же есть люди, которым я хотел бы помочь, начиная с моей матери и ее семейства. Кстати, если принять во внимание упорство, с каким Ганза расширяет свое влияние, то, по-моему, королевство будет только радо получить крупного судовладельца-датчанина.

Хмурое лицо епископа расплылось в улыбке:

— Неплохо сказано!

— Значит, вы поддержите мою просьбу? — обрадовался Нильс.

— Не торопись, сын мой, не торопись. Сперва необходимо соблюсти некоторые условия. Во-первых, ты, хотя и утаил от меня кое-какие секреты, должен рассказать все священнику, дабы он смог отпустить тебе грехи.

Лицо Нильса удивленно вытянулось. Улыбнувшись, Йоган добавил:

— Я направляю тебя к отцу Эббе из храма святого Николая. Этот святой — твой небесный патрон, а Эббе сам некогда был моряком и поймет многое, что другие священники сочтут весьма странным.

— Премного вам благодарен, господин мой.

— Затем ты должен тайно отвести моих надежных людей к сокровищу, они должны его оценить. Нам надо соблюдать большую

осторожность. Если сокровище настолько велико, как ты утверждаешь, то мы не можем переместить его сюда сразу — из-за него под любым предлогом может вспыхнуть война. Два года назад город осаждали норвежцы, а когда я вспоминаю о немецких герцогах... Словом, по моему мнению, разумнее всего оставить большую его часть спрятанной на прежнем месте.

— Но с его помощью вы можете сотворить так много добрых дел, — возразил Нильс.

— Если речь идет о помощи беднякам, то даже золото не может купить более того, что рождает земля. К тому же не все священники смогут устоять перед искушением, а худшее из них — стремление к власти. — Йоган ободряюще поднял руку. — Разумеется, мы сумеем использовать значительную его часть, — продолжил он. — Золото можно тратить небольшими порциями. То же можно сказать и о твоей карьере, сын мой. Ты не только не посмеешь объявиться внезапно разбогатевшим выскочкой, но должен многому научиться, прежде чем сможешь успешно управлять своей компанией.

Мы объясним всем, что ты получил наследство, а я решил, что ты достоин моего покровительства. Возникнут кое-какие вопросы. Люди предположат, что ты незаконный сын хорошо известного человека, возможно даже — моего умершего родственника. Нет, я не намерен задевать честь твоей матери, — добавил епископ, когда Нильс нахмурился, — просто ты должен заранее смириться с тем, что столь необычное событие наверняка не обойдется без слухов и сплетен.

Со временем я сделаю тебя бюргером, и ты получишь лицензию на торговлю... Ты очень нетерпелив, парень, — усмехнулся епископ, взглянув на Нильса. — Я не намерен откладывать это в долгий ящик, но подождать придется.

— Вы очень благосклонны ко мне, ваше преподобие. — Рука Нильса, лежащая на колене, сжалась в кулак. — Но некоторые дела не терпят отлагательств.

— Верно, — кивнул епископ. — Ты имеешь в виду свою семью. И, конечно же, предвкушаешь удовольствия. В этом нет ничего скверного, если, наслаждаясь ими, ты не станешь забывать про Господа. Возможно, ты уже замыслил кое-какие дела и хочешь заняться ими сразу, в пределах твоих нынешних возможностей? Что ж, это вполне реально, раз у тебя есть деньги. Тебе лишь требуется держать в тайне, какой именно суммой ты располагаешь. — Лицо епископа вспыхнуло от радости. — Благословляю тебя, сын мой, и ступай с миром. Остальное мы обсудим завтра.

Рвы, стены и сторожевые башни, охраняющие Копенгаген, выглядели мощными и неприступными. Однако сам город по большей части был застроен деревянными домами с соломенными крышами, теснившимися вдоль узких, кривых и немощеных улочек. Прохожие по большей части были из мастеровых, и унылость их одежды иногда разбавляли цветастые лохмотья уличных музыкантов или

фокусников. Все ходили пешком, лишь изредка сквозь толпу протискивался фургон, осыпaeмый сочной руганью пешеходов. Нищие и иностранные моряки хоть и оживляли улицы, но не придавали им солидности. Редким гостем, развлекавшим уличных зевак, проплывал через толпу конный рыцарь, богатый купец или придворный в портшезе. Под ногами мельтешили свиньи, домашняя птица, собаки и дети. Волнами накатывались шум голосов, топот ног, скрип колес и перестук молотков. Сырой воздух под низким пасмурным небом пропах дымом, навозом, отбросами и кладбищем.

И все же, подумал Нильс, пословица оказалась верной: это и в самом деле был воздух свободы. Он омывал его надеждами, пьянил мечтами. Здесь зарождалось его будущее. И здесь, в месте, столь чуждом всему, что было связано с Эйян, его почти оставила тоска по ней, непрерывно терзавшая сердце.

Добравшись до гостиницы, где они остановились, Нильс торопливо прошел через общую комнату, махнув на ходу рукой хозяину и сидящим за столами посетителям, взбежал по лестнице и зашагал по коридору. «Синий лев» предназначался для тех, кто мог позволить себе самое лучшее: чистоту, безопасность и пару отдельных комнат, не считая общей спальни. Нильс постучал в одну из дверей.

Ингеборг впустила его к себе. Купленная накануне статуэтка Святой Девы стояла на полке. По морщинкам на платье женщины Нильс догадался, что она молилась. Встретившись с Нильсом глазами, Ингеборг приоткрыла дрожащие губы, но так и не смогла произнести ни слова.

— Ингеборг, — сказал Нильс, закрыв за собой дверь, — мы победили.

— А-х-х... — облегченно выдохнула она, прикрыв рот ладонью.

— Епископ согласился. Он оказался неплохим человеком. Правда, он хочет действовать медленно, но ничего страшного, это даже мудро. Удача повернулась к нам лицом. — Нильс подпрыгнул и принялся приплясывать, где стоял, потому что почти всю площадь комнаты занимала кровать. — Нам повезло, Ингеборг! Конец нищете, конец тяжкому труду, конец твоим унижениям! Весь мир теперь наш!

— Слава тебе, дева Мария, — прошептала Ингеборг, перекрестившись.

— Я тоже ей благодарен и поставлю ей много свечей, но сперва давай отпразднуем нашу радость. Вечером мы устроим пир. Я распоряжусь, чтобы повара приготовили все, что тебе угодно, будем пить вино, лакомиться, слушать музыку... Что же ты не радуешься, Ингеборг? Ты заслужила это счастье.

Он обнял ее за талию, она посмотрела на него затуманенными от слез глазами.

— Научи меня, как быть счастливой, — попросила она.

Нильс замер, глядя на нее. До него внезапно дошло, что она красива лицом и фигурой, блеском карих глаз, пышностью волос. Они целовались и раньше; но кратко, по-дружески. Теперь и он, и

Ингеборг избавились от унижительной нужды. Раньше он лишь на краткие мгновения гадал, какой станет его жизнь, если он перестанет постоянно вспоминать Эйян. Теперь он это знал, и рядом оказалась Ингеборг.

— Ты прекрасна, Ингеборг, — произнес изумленный Нильс.

— Не надо, Нильс. — Она попыталась высвободиться, но он прижал ее сильнее. От ароматов женского тела у него закружилась голова. Поцелуй казался нескончаемым.

— Нильс, — выдохнула она дрогнувшим голосом, спрятав лицо у него на груди, — понимаешь ли ты, чего ищешь?

— Да, Ингеборг. Да, дорогая моя.

И он увлек ее на постель.

...Позднее, когда они лежали, отдыхая в объятиях, она сказала:

— Прошу тебя, Нильс, умоляю, — выполни одну мою просьбу.

— Считай, что уже выполнил, — ответил Нильс, поглаживая нежную кожу ее спины.

— Никогда не называй меня «любимой» или «дорогой», или любым подобным словом.

Нильс удивленно приподнял голову:

— Что? Почему?

— У нас есть только мы с тобой. С золотом или без него, мы еще долго не найдем себе друзей, которым сможем доверять. Я верю тебе. И пусть между нами не будет лжи.

— Но ты так нужна мне!

— И ты мне. Очень, очень нужен. — Ее губы скользнули по его щеке. — Но ты слишком молод для меня, слишком хорош...

— Нет.

— И тоскуешь ты по Эйян.

На эти слова он не нашел ответа. Ингеборг вздохнула.

— А я тоскую по Тауно, — призналась она. — Боюсь, ни у кого из нас нет ни единого шанса. Ну что ж, быть может, я сумею помочь твоему сердцу отыскать обычную, земную девушку.

— А ты сама? — спросил он, вдыхая аромат ее волос.

Ингеборг пожала плечами:

— Я крепкая, выдержу. К тому же, что бы ни случилось, мы будем принадлежать другу другу — пока останемся честны.

Глава 5

Мраморный камин наполнял помещение теплом, а гобелены и персидские ковры на полу придавали ему уют. Прозрачные оконные стекла открывали, почти не искажая, вид на внутренний двор. Цветы в нем давно уже отцвели, но в хрустальной вазе на столе красовались розы из теплицы. Вдоль стены выстроились полки с многочисленными греческими и латинскими книгами. Павле Субич, бан Хорватии, был в душе скорее человеком Запада, чем Востока.

В шелковом одеянии, высокий, седой, с аккуратно подстриженной бородой, он выглядел почти столь же рослым, как и Ванимен,

хотя царь Лири, облаченный в подаренную ему одежду, все же превосходил его ростом и статью. Разговор настолько взволновал собеседников, что они давно уже спорили стоя.

— Да, я надеюсь, что твое племя останется в моих владениях, — сказал бан Павле. — Возможно, я не дал ясно понять, насколько сильно мне этого хочется. Ваши уникальные способности — как рыбаков, моряков и кормчих — будут для нас очень ценны. Но знай, что назревает новая война с Венецией, и в ней вы станете воистину бесценными помощниками. — Павле взглянул в лицо Ванимена. — Разумеется, я щедро вознагражу вас за службу.

Ванимен нахмурился.

— А зачем нам связываться в чужую драку? — резко возразил он.

— Она станет и вашей, если вы будете нашими земляками.

— В самом деле? Мы вовсе не это искали, приплыв сюда.

— Знаю. Вы хотели воссоздать свою прежнюю жизнь, а при ней люди были вам не нужны. Что ж, вы нашли нечто лучшее — спасение на Небесах, бессмертие души и отеческую любовь Господа. Но не забывай и о других, осязаемых преимуществах, которые сами по себе укрепят ваш дух. Например, ты не так давно упоминал, насколько трудна и опасна подводная жизнь, как часто вам приходится скорбеть, теряя близких. Ты ведь не станешь отрицать, что твоим соплеменникам — и их детям — более не грозят акулы?

Ванимен стал рассказывать по палате, заложив за спину руки.

— Мы охотно станем вашими друзьями, — сказал он. — Подарите нам островок, возле которого мы сможем жить по-своему, и мы станем вашими надежными помощниками в работе, торговле, морских плаваниях — да и даже во время войны, если она неизбежна. Но не требуйте от нас большего, иначе вы превратите нас в существ, чуждых самим себе. Ну почему вы так стремитесь крестить нас?

— Потому что я должен это сделать, — ответил Павле. — Я погибну в глазах Церкви, короля и людей, если позволю существам полумира основать в моих владениях колонию. И кто тогда станет вашим защитником? Ты даже представить себе не можешь, какие я приложил усилия, дабы новость о вашем появлении не распространилась. Кроме как в окрестностях Скрадина, она пока что существует лишь в виде слухов. Поступив так, я выиграл время для более близкого знакомства с вами. Но эта передышка не может тянуться вечно.

Даже когда вы к нам присоединитесь, я постараюсь распространяться об этом как можно меньше. Не будет никаких публичных объявлений, никаких посланий королю или папе. Большинство из вас останется жить там, где вы поселились сейчас, или же переберется на ближайшее побережье — если им более по душе морская торговля. А те, кто отправится в дальние плавания с военными кораблями или купцами, ищущими приключений, покинут наши земли по одному или по двое — так они избегнут излишнего к себе внимания.

Согласие пойдет на пользу как мне, так и вам, Ванимен. Если известия о вас широко распространятся, возбуждение людей легко

может стать опасным. Страх неизвестного свяжет вас в умах невежд с дьяволом. И все может кончиться тем, что на вас начнут охотиться. Те, кому повезет, будут жестоко убиты, а невезучих сожгут, привязав к столбу.

— Да, — мрачно пробасил Ванимен, — ты прав... и тем не менее хочешь, чтобы мы стали такими же, как и вы?

Он остановился, выпрямился во весь рост и заявил:

— Нет. Уж лучше мы вернемся в море и поищем новый дом в другом месте. А заодно избавим тебя от лишних хлопот.

— Предположим, я запрещу вам покидать нас, — негромко сказал бан.

— Тогда мы станем сражаться с твоими солдатами и или прорвемся, или умрем свободными, — столь же тихо ответил Ванимен.

— Успокойся, — грустно улыбнулся Павле. — Я не стану вас удерживать, и если вы действительно решите уйти, то отпущу. Но где вы станете искать новый дом и как? Вам придется уплыть далеко от нашего побережья, и скорее всего у берегов Средиземного моря вы не отыщете ничего. Если решите вернуться в океан, то сможете плыть на юг вдоль Африки, платя при этом ужасную дань жизнями погибших. И сможете ли вы, уроженцы Севера, выжить в тропиках?

Ванимен промолчал. Немного подумав, Павле заговорил вновь:

— Допустим, вы так или иначе отыщете подходящее место. И что же вы обретете? В лучшем случае — пару столетий. А затем все подобные вам существа исчезнут, и вы вместе с ними.

— Ты так полагаешь? Почему?

— Мне очень хочется, чтобы я ошибался, — очень тихо ответил Павле, опустив руку на плечо Ванимена. — Слишком уж много красоты и чудес погибнет вместе с полумиром, и я предчувствую, что заменит его нечто более чуждое человечеству.

Они услышали звон церковных колоколов, приглушенный толстыми стенами.

— Слышишь? — спросил Павле. — Не солнце, не луна и не звезды указали звонарю время приниматься за дело. Это сделали часы — творение человеческих рук, лишённое всякой тайны.

Даже за свою жизнь я увидел, как все более мощными становятся бомбарды и ракеты, как растет мощь взрывов, устраиваемых саперами. В них уже сокрыта гибель рыцарства.

Дикие леса отступают перед топором и плугом. А самое важное и ценное копится в городах, где все создано руками человека и где даже ничтожнейший житель полумира не найдет себе приюта.

С каждым годом все больше кораблей станет бороздить моря и океаны, и путь им укажут компас и астролыбия, а не полет птиц, вехи на берегу, чутье или опыт моряка. Когда-нибудь они проплывут вокруг земли, и христианские храмы поднимутся на месте последних убежищ обитателей полумира.

Ведь земля, как ты, наверное, знаешь, шарообразна, и размеры ее не столь уж и велики. Уже измерено движение самих звезд, при-

чем точнее, чем то делали древние, а образованные люди рассчитывают архитектуру Вселенной. И в их схемах нет места для чудес и магии.

Павле пошарил рукой по столу и отыскал два стеклышка в проволочной рамке.

— Взгляни сюда. Недавно я узнал, что этот предмет изобретен в Италии, и сразу заказал его для себя. Видишь ли, с возрастом я стал хуже видеть вблизи, причем настолько плохо, что едва мог читать и писать. Теперь я надеваю этот предмет себе на нос и начинаю видеть не хуже, чем в молодости. — Он протянул очки Ваниму. — И это лишь начало, лишь первая попытка создать инструмент, делающий зрение более острым, чем у орла. Мои потомки направят такие инструменты в небеса или внутрь самих себя. Кто знает, не уничтожит ли Господь весь мир, если люди начнут изучать его слишком пристально? Наверное, нет. Но в одном я уверен — для волшебных существ в мире будущего места не найдется.

Ванимен разглядывал очки. Он держал их на ладони так, словно от них исходил ледяной холод.

— И потому, — заключил Павле, — разве не лучше для вас будет прислушаться к моему совету, с благодарностью принять судьбу и обрести дом на Небесах?

Я не стану давить на тебя, попрошу лишь принять решение в ближайшие два-три месяца. Подумай. Возвращайся в Скрадин и поговори со своим народом. Побеседуй также со священником в Загруде, что во владениях Ивана. И попроси его помолиться за тебя.

Отец Томислав преклонил колени. Зимняя ночь, промозглая и тоскливая, окутала его всепоглощающим мраком, от глиняного пола тянуло стылým холодом, ледящим колени. Огонек свечи, зажженной в честь святого, чье имя носила церковь, едва освещал фигуру Христа на распятии.

— Святой Андрей, — обратился Томислав к небесному покровителю, — ты был рыбаком, когда Господь призвал тебя следовать за Ним. Тосковал ли ты после этого о море... хоть чуточку? Живые волны вокруг, соленый ветер, парящие чайки — ну, ты меня понимаешь. Ты не жалеешь о своем духовном призвании, конечно же, не жалеешь. Но иногда вспоминаешь... верно ведь? Мне самому не хватает сверкания волн у подножия Задара, а как вспомню плавание на лодке — какое величие вокруг, какая свежесть! А ведь я родился жалким сухопутным червем!

И ты должен понять, что испытывают морские люди. Не они виноваты в том, что у них нет душ, и потому они не могут подобающим образом просить о Спасении. И даже среди людей многие не очень-то молят о нем, верно? Господь создал их и населил ими моря. И если они позабудут то, чем наградил их Господь... что ж, они, конечно, останутся живы, но какой будет для них смысл от такой

жизни? Они уподобятся человеку, разучившемуся ходить. И никогда, я думаю, не научатся жить заново — на суше.

Ведь море — вся их жизнь, вся любовь. Да, любовь. Даже собака способна любить, а морские люди ничуть не глупее людей земных. Разве согласился бы я навсегда позабыть свою Сену? Нет! Мне больно, когда я вспоминаю ее, но даже такими воспоминаниями я дорожу как зеницей ока. И ты это знаешь, ведь на каждой мессе я молюсь за нее.

Святой Андрей, покровитель моряков, обратись к Господу, попроси за несчастных морских людей. Объясни, что они примут крещение, если ценой тому не станут их воспоминания. Что они не враждебны ему, у них и в мыслях этого не было. Просто они таковы, каковы есть. Они станут другими, когда получат души. Но зачем лишать их того, чем они были прежде? Наоборот, пусть смогут они рассказать людям о чудесах, сотворенных Им в глубинах морских, дабы люди возлюбили Его еще больше. Разве это не послужит к вящей славе божьей?

Святой Андрей, покажи мне знамение!

Грубо вырезанная деревянная фигура шевельнулась. Губы улыбнулись, рука протянулась вперед благословляющим жестом.

На несколько секунд Томислав застыл с раскрытым от изумления ртом, потом распростерся на полу и зарыдал от радости:

— Слава Господу, слава Господу!

Когда он наконец поднялся на колени, все вокруг осталось прежним. Все так же коптил огонек свечи, донимал холод, звезды над крышей церкви медленно клонились к полуночи.

— Спасибо тебе, Андрей, — робко произнес Томислав. — Ты настоящий друг.

Неожиданно он замер, ошеломленный:

— Я лицеизрел чудо! Я! — Он молитвенно сложил руки. — Господи, я недостойн его!

Томислав молился до рассвета. Под утро, когда голова начала слегка кружиться от утомления, он поднял взгляд на лик святого.

— Андрей, — пробормотал он, — люди говорят всякие ужасы про мою маленькую дочку. Не мог бы ты дать мне еще один знак? Я знаю, что все рассказы про нее лживы. Нада там, где и ты. Кто знает, вдруг она сейчас рядом с тобой и смотрит вниз на своего старого отца? Ах если бы люди смогли ее увидеть! Ты можешь показать ее всем?

Фигура святого не шелохнулась. Томислав опустил голову. На его бороду капнула кровь. Когда рассвело, он встал, поклонился перед алтарем и вышел.

Ванимен и Мейива шли по лесной дороге. Снег в этом году выпал поздно, и дюйм-другой белого покрывала вскоре растаял, превратив поля в грязь. Но здесь, в лесу, он сохранился в первоначальной чистоте. Воздух был тих, мороз почти не ощущался.

— В его честности я не имею права сомневаться, — сказал Ванимен. — Но дело было ночью, и, полусонный, он легко мог вообразить именно то, что страстно желал увидеть.

Мейива вздрогнула, но не от холода.

— Или же давно умерший человек, к которому он взывал, сыграл с ним скверную шутку, — сказала она.

— Нет. Их Самый Святой не допустил бы этого. Он справедлив.

Мейива настороженно взглянула на спутника:

— Никогда прежде ты не произносил подобных слов.

— А прежде никто из нас не желал об этом говорить или думать. Нам это не требовалось, как не требуются дельфинам украшения или ножи. Мы знали лишь слепое везение, которое могло обернуться удачей или бедой. Но рано или поздно наступал день, когда кому-нибудь смертельно не везло. Богу не было до нас дела... как мы полагали... а нам не было дела до него.

Но сегодня я об этом задумался, — добавил Ванимен, пройдя еще несколько шагов, и улыбнулся — он всегда улыбался, сталкиваясь лицом к лицу с опасностью. — Лучше поздно, чем никогда, верно?

— Ты действительно думаешь, что нам следует расстаться с нашим прежним, волшебным миром? — Мейива запахла коричневый шерстяной плащ, от которого ее кожа чесалась. — Мы были свободны, как стая лебедей.

— Боюсь, Павле Субич прав, — хмуро отозвался Ванимен. — И мы должны уступить — пусть не ради себя, а ради наших детей.

— А стоит ли им появляться на свет, если за их жизнь мы заплатим столь дорого? Человеческие судьбы редко оказываются счастливыми.

— Нашему народу нищета не грозит. Люди очень высоко ценят нас как пловцов, нас любят. И еще... ты, должно быть, сама заметила, что наши юноши и земные девушки, и наши девушки и земные юноши уже начали тянуться друг к другу, а отцы семейств уже прикидывают преимущества от браков с теми, кто обладает столь выдающимися способностями.

— Ты прав, — кивнула Мейива. — Дети от таких союзов станут ближе к людям, чем мы. А в следующем поколении и вовсе ничем не станут от них отличаться — они утонут, наглотавшись воды. Таких примеров мы уже насмотрелись за долгие столетия, верно? И через сто или двести лет кровь тех, кто обитал в Лири, окончательно разбавится, а сама память о Лири превратится в миф, которому не поверит ни один здравомыслящий человек.

— Не забывай про спасение на Небесах, — напомнил Ванимен. Где-то каркнул ворон.

— Мне хотелось бы... — начал Ванимен, но внезапно смолк.

— Что, милый? — Пальцы Мейивы нежно погладили его руку.

— Мне хотелось бы верить, что я иду на это потому, что воистину хочу быть с Богом, — молвил Ванимен. — Но я не хочу явиться к нему нищим попрошайкой.

— Ты, Ванимен? — прошептала она.

— Да, — ответил он. Они остановились. Ванимен расправил плечи под крестьянской курткой. — Пусть я буду первым, и, когда вы все увидите, сможете сами сделать выбор.

Я ваш царь.

Отца Петара оскорбило, что обряд должен происходить в ясной глуши и крестить Ванимена станет отец Томислав. Жупану пришлось объяснить, что так велел сам бан — неблагоприятно, если свидетелями события окажутся посторонние, часто проходящие через Шибеник.

Получив от отца Томислава религиозные наставления, Ванимен извинился и в одиночестве отправился на берег моря, где провел весь день и всю ночь. Позднее он умолчал о том, что он там делал и о чем размышлял.

Возвратился он накануне дня святого Габриэля. На следующее утро, после мессы, он вошел в церковь, где уже собрались жители Загруды. Ни один из святых образов не отвернул от него свой лик. Соплеменники Ванимена дожидались снаружи, под сильным дождем.

Когда Ванимен вышел, он развел руки и крикнул на их родном языке:

— О, скорее, скорее, возлюбленный народ мой! Господь ждет вас, чтобы одарить своим благословением!

Глава 6

Уплыв из Дании, Тауно и Эйян через несколько месяцев добрались до Гренландии. Сперва они осмотрели моря вблизи Дании, но не особо надеясь на удачу. Их племя смогло бы прожить в этих местах, лишь разделившись на небольшие группы, а на это они вряд ли бы решились. Повсюду — от мыса Нордкап и Ботнического залива до Фарерских островов и побережья Шотландии — редкие охотничьи угодья, еще не захваченные людьми или не оскверненные проклятиями христианских священников, были давным-давно заняты их морскими родственниками, да и те едва могли на них прокормиться.

Обитатели местных вод, хотя и встречали брата и сестру достаточно приветливо, совершенно ничего не знали о судьбе беглецов из Лири. Это весьма удивило и встревожило Тауно и Эйян, ведь морские люди постоянно путешествуют в одиночку или небольшими группами, разнося повсюду известия, да и дельфины им в этом помогают. Лишь двое или трое что-то слышали о племени, проследовавшем через проливы Каттегат и Скагеррак, но на этом след обрывался.

Поэтому дети морского царя отправились к Исландии, добравшись до нее в середине зимы. Во всех трех поселениях морских людей, уцелевших возле берегов острова, они тоже не нашли помощи в своих поисках, лишь приют на время зимы — такой суровой Тауно и Эйян не могли припомнить за всю свою молодую жизнь. Местные старожилы, прожившие несколько сот лет, рассказали им, что последние восемь или девять десятилетий холода все усиливаются. Паковые льды трещат в каждом фьорде, прежде не знавшем

льдов, а морские пути, по которым Эрик Рыжий без помех плавал три столетия назад, теперь перекрыты бесчисленными айсбергами. Но все это не очень заботило морской народ, ведь в прохладных водах добыча была обильнее, чем в теплых. Король Лири вполне мог повести свой народ на еще не занятые мелководья Гренландии. И весной Тауно и Эйян отправились туда. По дороге они встретили нескольких дельфинов, подтвердивших то, что они уже начали подзревать. Ванимен и все их племя отправились на корабле на запад от Норвегии. К сожалению, поднялась сильная буря и настолько сильно отклонила корабль с курса, что ни один из дельфинов — у них тоже есть свои морские угодья, более обширные, чем у морских людей, но все же ограниченные — не захотел плыть вслед за ним дальше.

— Если их корабль утонул во время бури, — размышлял Тауно, — то моржки вновь стали пловцами. Куда они поплывут дальше, зависит от места, где утонул корабль, но, если берег, к которому он плыл, покажется им близким, они отправятся туда. Если же корабль уцелел, они опять-таки поплывут туда же. Но раз уж мы настолько близко от Гринланда, то лучше поплывем туда, надеясь на удачу.

Эйян согласился.

Все лето они плыли вдоль восточного побережья Гринланда, но поиски были напрасными. Племена местных морских людей оказались неотесанными и невежественными варварами, даже не слыжавшими о Лири — ведь подводные жители пересекали моря гораздо реже сынов Адама. И, натолкнувшись на группу инуитов*, полукровки присоединились к ним в надежде на большую удачу.

До водяного народа Дании почти не доходили слухи о людском племени, пересекавшем с севера на юг большой, увенчанный ледниками остров. Тауно и Эйян нашли в них отважных, умелых, отзывчивых, щедрых и веселых спутников и более страстных любовников по сравнению с жителями побережья Европы. Будучи язычниками, инуиты не испытывали никакой вины, приглашая полукровок присоединиться к ним. Но уже через пару месяцев однообразие их жизни стало раздражать Тауно и Эйян. Немного обучившись языку и поняв, что никто из инуитов не сможет сообщить им долгожданную новость, брат и сестра попрощались с ними и вернулись в море. Плывая на юг среди первых осенних айсбергов, они вскоре перестали встречать всякие следы инуитов, еще не успевших добраться столь далеко на юг. Огибая мыс у южной оконечности Гринланда, они натолкнулись на дельфинов и узнали от них новость, от которой их сердца дрогнули, — где-то возле западного побережья были выпущены на волю магические силы. Дельфины мало что смогли добавить — те края не были их территорией, да и сами новости оказались лишь слухами, которые они с удовольствием пересказали. Не появилось у них и желания сплавать туда и проверить: слухи утверждали, что то было очень опасное колдовство. Тауно и Эйян решили, что дельфины вполне могут и преувеличивать опасность.

* Инуиты — эскимосские народности Северной Америки.

Например, строительство Нового Лири могло здорово напутать морских обитателей, никогда не видевших и не представлявших себе подводный город. Но что бы там на самом деле ни происходило, требовалось все основательно разузнать. По рассказам знакомых людей на родном побережье они хорошо знали ситуацию у берегов Гринланда. У норвежцев там имелись три поселения на восточном побережье, где климат оказался не столь суров. Самое южное, старинное и большое называлось Восточным, или Остри Бигд. Неподалеку от него находилось Среднее, или Мид Бигд. А гораздо севернее, несмотря на название, расположилось самое молодое Западное поселение — Вестри Бигд. И, рассказывая об угрозе, дельфины упоминали именно его. Туда, в самом конце лета, и направились Тауно и Эйян.

Глава 7

Умиак плыл в середине стайки каяков, правым бортом к берегу. Дети водяного всплыли в полумиле от него, выдохнули воду из легких и остались на месте в безопасном отдалении. Акулы, кашалоты, штормы, рифы и приливы давно уже избавили их от малодушия, но научили также и осторожности.

— Судя по словам дельфинов, здешнее... существо — враг белых людей, — напомнил Тауно. — Так что если на нас сейчас нападут, то к его появлению причастны инуиты. А я вовсе не желаю получить удар гарпуном лишь потому, что меня примут за белого человека.

— Чушь! — возразила Эйян. — Помнишь инуитов, у которых мы гостили? Я даже представить не могла, что люди могут быть такими приветливыми.

— Но эти из другого племени, сестра моя. И я слышал, что даже среди них иногда случаются убийства.

— Ну и что? Они сами увидят, что мы не люди. Мы не нападения должны опасаться, а как бы их не спугнуть. Давай-ка лучше медленно поплывем к ним с самым приветливым выражением на лице.

— И будем готовы нырнуть. Ну хорошо.

Держа головы над водой, они поплыли наперерез лодкам. Они ощущали холод воды, но вовсе не как терзающие тело ледяные укусы, как его почувствовал бы человек; она любовно омывала каждый мускул, охлаждая их разгоряченные тела, а на вкус казалась не просто соленой, а с бесчисленными тончайшими оттенками, отражающими жизнь, глубину и расстояние. Легкие волны покачивали их на плаву, вода под белоснежными гребнями переливалась тысячами оттенков темной синевы, смешанной с зеленоватым мерцанием. В море волны шипели и журчали, а на далекий берег обрушивались с грохотом. Резкие порывы западного ветра клубами дыма вздымали выброшенные на берег водоросли. В серебристо-голубом небе мельтешили крикливые чайки. Берег справа высился темными утесами, в укрытых от ветра бухточках виднелись клочки по-осеннему желтых лугов, на горных пиках лежал седой снег, а тусклые отсветы в небе указывали на материковые ледники.

Тауно и Эйян непрерывно наблюдали за лодками. Сидящие в них люди, наверное, возвращались домой после охоты — так далеко на юге никто из инуитов не жил, только норвежцы. Умиак — большое каноэ из кожи, натянутой на каркас из китовых костей и выброшенного морем дерева — подгоняли вперед, работая веслами, несколько женщин. Его сопровождало такое же число каяков, в каждом сидел мужчина. Все веселились — радостные возгласы и смех заглушали крики чаек и плеск волн. Тауно и Эйян увидели, как молодой парень подплыл к кожаной лодке и заговорил с женщиной, наверное, своей матерью, нянчившей младенца — та отложила весло, задрала куртку и покрмила ребенка грудью.

Кто-то из мужчин заметил пловцов и предостерегающе крикнул. К ним тут же метнулись каяки, узкие, словно лезвие меча.

— Держись сзади, Эйян, — велел Тауно. — Приготовь копье, но из воды не вынимай.

Тауно заработал ногами, оставаясь на месте. Время от времени он поднимал руки, показывая, что они пусты.

Головной каяк затормозил совсем рядом, взбив на воде пену. Сидевший в нем человек сам мог сойти за обитателя моря, вернее, за морского кентавра — казалось, он составлял со своим каяком единое целое. Обтягивающая лодку кожа крепилась шнурками вокруг талии гребца, одетого в куртку из тюленьей шкуры; он мог даже перевернуться вместе с лодкой, не замочив ног. Двухлопастное весло гнало каяк по волнам со скоростью мчащегося баклана. Перед гребцом поперек каяка лежал привязанный гарпун, рядом на воде болтался надутый воздухом пузырь, от которого к гарпуну тянулся кожаный ремень.

Несколько секунд человек и морские жители разглядывали друг друга. Вглядываясь в удивленное лицо инуита, Тауно попробовал оценить, с кем имеет дело. Парень был молод, но сложен крепче своих невысоких соплеменников. Скуластое узкоглазое лицо, окаймленное гривой черных волос, вызывало симпатию. Кожа, испачканная жиром и копотью, имела оттенок слоновой кости, на щеках пробивалась едва заметная борода. Он быстро справился с неожиданностью и удивил пришельцев, заговорив, хотя и с акцентом, на норвежском:

— Вы потерпели крушение? Нужна помощь?

— Нет. Благодарю тебя, но мы в море — у себя дома, — ответил Тауно. Известный ему диалект датского был достаточно близок к языку колонистов — куда ближе, чем диалект Хоо, — и он не ожидал трудностей при разговоре. Тауно улыбнулся и лег на бок, позволяя инуиту рассмотреть себя.

Он вполне мог сойти за крупного и мускулистого скандинава, если не считать безбородости, янтарных глаз и едва заметного оттенка зелени в длинных, до плеч, желтых волосах. Но никто из живущих на берегу не смог бы наслаждаться отдыхом в ледяной воде гренландской осени, да еще обнаженным. Ленточка на голове, пояс с парой обсидиановых ножей да узкий сверток кожи, привязанный к плечам чуть ниже копья с костяным наконечником, составляли всю его одежду.

Эйян выглядела примерно так же. Она тоже улыбнулась, ослепив инуита блеском зубов.

— Ты... вы... — Он произнес длинное слово на родном языке. Тауно решил, что оно означает «магические существа».

— Мы ваши друзья, — ответил Тауно на том же языке; теперь настал его черед говорить, запинаясь. Он назвал свое имя и имя сестры.

— Этого человека зовут Миник, — отозвался юноша. Он приободрился, в отличие от своих спутников, встревоженно плававших неподалеку. — Не хотите ли подняться в умиак и отдохнуть?

— Нет... — возразил кто-то из инуитов.

— Они не скандинавы, — ответил Миник.

Остальные с неохотой уступили. По инуитским понятиям подобная негостеприимность считалась просто неслыханной. Ее не мог вызвать просто страх перед колдовством — они жили в мире духов, вечно требующих ублажения, а сейчас перед ними были лишь два человекоподобных существа, ничем им не угрожающие и наверняка способные рассказать удивительные истории. Да, между ними и обитателями Вестри Бигд наверняка произошло нечто ужасное. И все же...

Эйян заметила ее первой.

— Тауно! Среди них белая женщина!

До сих пор Тауно слишком опасался гарпунов и потому не разглядывал внимательно приближающуюся лодку. Теперь он заметил, что примерно в середине, разглядывая его с тем же изумленным видом, что и прочие, сидит более рослая женщина, а по откинутому капюшону ее парки рассыпаны золотистые локоны.

Брат и сестра осторожно, чтобы не опрокинуть лодку, перебрались через борт и с еще большей осторожностью уселись на корточках на носу, готовые в любой момент прыгнуть в воду. Лодка оказалась загруженной тушками гагарок и была скользкой от крови. Тауно и Эйян пригляделись к единственному в умиаке мужчине, сидящему пассажиром на корме — седому, морщинистому, с щербатыми зубами. Тот помахал руками, глубоко вдохнул, по-собачьи тявкнул, потом столь же неожиданно успокоился и объявил:

— Я не чувю в пришельцах зла для нас.

Он повернулся к Тауно и Эйян:

— Этого человека зовут Панигпак, и его считают ангакоком, — представился он. Ангакок — колдун, знаток духов и демонов, целитель, предсказатель, шаман, при необходимости насылающий порчу на врага. Несмотря на скромность старика, обычную для его народа, и высушенное с возрастом тело, во всем его облике ощущалась гордость дикого зверя, вызвавшая у Тауно образы волка и белого медведя.

Женщины ахали, не переставая болтать, некоторые хихикнули, заглушая страх. Их глаза напоминали черных жуков, проворно бегающих над широкими и высокими скулами. От них пахло теплом человеческих тел, дымом, жиром и мочой, которой они мыли волосы. Какьи мужчин сбились в стайку вокруг лодки. Они вели себя немного более сдержанно — но совсем ненамного.

Спокойной оставалась лишь светловолосая женщина. Одета она была как и прочие — кожаные куртка, штаны и унты — и так же измазана жиром, но глаза у нее сияли голубизной. И ее глаза, и ясное открытое лицо, и ее рост, и стройность — все возбудило в Тауно страстное желание, которое не смогла бы утолить ни одна эскимосская женщина. Он опустил руку между бедер, скрывая последствия подобных мыслей, и заговорил:

— Простите кое-кому неуклюжесть речи. Мы учились говорить у племени людей, живущих далеко отсюда. С ними мы охотились, ловили рыбу, ели, менялись подарками и стали друзьями. Здесь мы не станем задерживаться. Мы ищем свою семью и просим вас лишь рассказать то, что вы, может быть, о них знаете.

Дул ветер, катились волны, качалась в ледяной воде лодка. Но когда светловолосая девушка заговорила на своем родном языке, Тауно показалось, что вокруг стоит тишина:

— Кто вы? И что вы? Вы... не настоящие морские люди. У вас ноги без перепонок.

— Выходит, ты кое-что знаешь о нашем племени? — радостно спросил Тауно.

— Только легенды, услышанные на родине. И ничего больше.

— Да, ты права — мы не настоящие морские люди, — вздохнула Эйян. — Но видишь, как ты смутила нас — а мы привели в недоумение тебя.

Женщина прижала к себе младенца — почти у всех женщин в лодке были с собой дети. Ее ребенок тоже был светловолос.

— Можем ли мы говорить свободно? — прошептала она.

Некоторые мужчины заворчали, услышав непонятную речь — мало, что ли, странности самой встречи с незнакомцами? Тауно оценил своевременность ее предостережения. Эти незнакомцы, сказала она, лучше говорят на датском. И разумнее позволить им говорить на этом языке, тогда они смогут все объяснить быстро и правильно, верно? А потом она перескажет их слова. Женщина обратилась за поддержкой к Минику и Панигпаку. Умные глаза ангакока уставились на незнакомцев. Подумав, он дал согласие.

Тауно понял, что Миник — муж светлокожей женщины. Как такое могло произойти?

— Я... урожденная Бенгта Хааконсдаттер, — запнувшись, произнесла женщина, потом помолчала и нахмурилась. — Я была Бенгтой Хааконсдаттер. Теперь я Агитак. А моя дочь... — она крепко прижала к груди младенца, — ...ее звали Халлфрид, но мы зовем ее Алоквисак в честь бабушки Миника — она погибла на ледовом поле еще до того, как мы к нему пришли.

— Так тебя украли? — негромко спросила Эйян.

— Нет! — Бенгта протянула свободную руку и крепко сжала плечо Миника. Муж покраснел, смущенный публичным проявлением чувств, что не было в обычаях инуитов, но руку жены не отстранил.

— Расскажите мне о себе, — попросила Бенгта.

Эйян пожала плечами.

— Мы с братом — наполовину люди, — начала она и коротко поведала о себе с братом и об участи, постигшей ее соплеменников. — Вы ничего не слышали о приплывшем издалека морском народе? — спросила она под конец слегка дрогнувшим голосом.

— Нет, — негромко ответила Бенгта. — Но еще недавно я жила такой жизнью, что попросту могла и не услышать.

— Спроси своих подруг, милая. Скажи им, что морские люди не враги им. Совсем наоборот — жители моря и те, кто дышит воздухом, вместе способны на такое, что в отдельности им не по силам.

Инуиты принялись оживленно обмениваться фразами на своем певучем языке. Время от времени Панигпак задавал полукровкам вопросы, иногда ему помогала Бенгта. Постепенно из кусочков начала складываться картина. Нет, это племя инуитов ничего не знает о каких-либо пришельцах. Правда, они почти все время охотятся на берегу и редко выходят далеко в море, и уж тем более никогда не заплывают настолько далеко, как то делают белые люди — те в прежние времена плавали в парусных лодках за горизонт, вылавливая в море бревна (Бенгта назвала какую-то Маркландию), и до сих пор имеют обыкновение летом отправляться на своих яликах в безрассудно долгие плавания. (Всю зиму они теснятся в домах, а инуиты как раз зимой и путешествуют — на собачьих упряжках по земле или по льду вдоль берега.) Поэтому жители Бигда могут знать, что происходит вблизи какого-нибудь островка, а нам, людям в каяках, это неизвестно. И коли такие новости есть, отцу Бенгты они известны наверняка, ведь он самый могущественный человек в поселке.

Тауно и Эйян не могли не заметить, с каким ужасом было упомянуто имя Хаакона Арнорссона. Даже его дочь вздрогнула, а голос ее стал более суровым.

Но тем не менее...

— Значит, нам стоит с ним повидаться, — негромко сказала Эйян. — Передать ли ему что-нибудь от тебя, Бенгта?

Девушка не смогла более сдерживаться, из ее глаз брызнули слезы.

— Передайте ему мое проклятие! — завопила она. — Скажите ему... всем им... пусть покинут эту землю... пока их не погубил тупилак, которого наш ангакок на них наслал... за его злодеяния!

Миник стиснул гарпун. Панигпак плотнее закутался в меха. Женщины отодвинулись от брата и сестры, каяки отплыли подальше. Почувствовав тревогу матерей, запищали младенцы.

— Кажется, нам лучше уйти, — еле слышно бросил Тауно. Эйян кивнула. Прыгнув одновременно, они перемахнули через борт умиака и исчезли в беспокойных суровых волнах.

Глава 8

Из разговоров с инуитами они узнали, что усадьба Хаакона расположена вблизи большой бухты, укрывающей Вестри Бигд от непогоды. Брат и сестра отыскиали ее, когда короткий серый день уже

превращался в сумерки, и в этом же полумраке они незаметно надели на себя одежду, до этого свернутую и закрепленную на спине. Конечно, вряд ли одежда смогла бы скрыть их отличие от людей. Вместо ткани, которая быстро сгнила бы в воде, она была сшита из трех слоев рыбьей кожи, переливающейся разноцветной чешуей — они отыскивали ее среди развалин Лири. По людским понятиям, одежда была коротковата, но лучше уж такое одеяние, чем оскорбляющая чувства христиан нагота. Из непромокаемых мешочков Тауно и Эйян достали стальные ножи, но не сняли с поясов и нержавеющей оружие из камня и кости. У каждого имелось и копьё.

Переодевшись, они зашагали к усадьбе. Завывал леденящий резкий ветер, волны перемалывали камни на берегу. Зрение полукровок позволяло им видеть в темноте гораздо лучше, чем людям, но местность между горбатыми холмами повсюду несла на себе печать заброшенности и запустения. Вестри Бигд, состоящий из домов, рассеянных на многих милях едва обработанной земли, трудно было даже назвать поселком. Короткое холодное лето превратило землю-кормилицу в скупую скрягу. Зерно часто уходило под снег несозревшим, и поселенцы могли рассчитывать лишь на траву — подножный корм для скота летом и сено зимой. Редкая стерня, покалывающая голые пятки путников, красноречиво поведала, каким скудным оказался последний урожай. Загон для скота, огороженный выбеленными временем китовыми ребрами, был велик и прежде, наверное, вмещал немалое число животных, но сейчас в нем бродило лишь несколько тощих овец да пара столь же жалких на вид коров. На берегу узкого, вдающегося в сушу залива лежали три перевернутые лодки — шестиместные ялики, умело сделанные и хорошо приспособленные к плаванию в бесчисленных извилистых фьордах. Под слоем покрывавшей их днища вонючей смолы Тауно разглядел старые доски.

Впереди виднелись строения — дом, амбар и два навеса, опоясывающие грязный двор. Все они были сухой кладки, крыты торфом, а щели между камнями законопачены мхом — в Дании жить в таком сарае постыдился бы и беднейший рыбак. Из дыры в крыше тянулся дымок горящего торфа, сквозь трещины в старых покоробившихся ставнях пробивался свет. От дверей с визгливым лаем к ним метнулись четыре гончих собаки — крупные животные с примесью волчьей крови. От худобы они казались еще страшнее, но, почуяв запах полукровок, животные поджали хвосты и испуганно бросились прочь.

Заскрипела дверь. В проеме показался силуэт высокого мужчины, держащего наготове копьё. Следом вышли еще несколько.

— Кто идет? — недоверчиво окликнул он.

— Нас двое, — отозвался из темноты Тауно. — Если вид наш пугает вас — не бойтесь. Мы пришли с миром.

Когда Тауно и Эйян шагнули в полосу падающего из двери света, все ахнули. Кто-то бросил проклятие, кто-то торопливо прочел молитву. Высокий мужчина перекрестился.

— Во имя Господа, назовите себя, — потребовал он, — потрясенный, но не испуганный.

— Мы не люди, — ответила Эйян. Жители суши всегда пугались меньше, если слышали это признание из ее прекрасных уст. — Но мы, как и вы, можем произносить имя Иисуса Христа и не желаем вам зла. Мы даже можем принести пользу — в обмен на небольшую помощь, которую, как мы надеемся, вы сможете нам оказать.

Мужчина громко выдохнул, опустил оружие и шагнул вперед. Изможденный не меньше своих собак, он не отличался крепким сложением, но руки у него были большие и сильные. Лицо с запавшими щеками, прямым носом и плотно сжатым ртом окаймляла подстриженная седая борода. Плащ из тюленьей кожи прикрывал рубаху из грубой ткани и шерстяные штаны. Висящий на поясе меч, которым он успел вооружиться, слышав шум, был, судя по его форме, некогда выкован для викинга. Неужели они здесь и в самом деле настолько одичали, или попросту не могут себе позволить ничего нового?

— Назовите ваши имена и название своего рода, — скорее приказал он, чем попросил. — Я Хаакон Арнорссон, — вызывающе добавил он, — а это моя усадьба Ульфсгаард.

— Нам это известно, — сказала Эйян, — потому что мы уже спрашивали, кто из людей главный в здешних краях.

И Эйян повторила для него то, что уже рассказывала его дочери, поведала и о событиях, приключившихся с ними вплоть до сегодняшнего дня. Правда, упомянув о заброшенном Лири, она умолчала об истинной причине бегства своего народа. Тем временем мужчины, расхрабравшись, подошли ближе, и теперь в дверях толпились женщины и дети. Почти все они оказались моложе Хаакона, низкорослые из-за суровой жизни и скудного питания; некоторые прихрамывали на кривых от рахита ногах или из-за ревматических болей в деформированных костях. Залатанная одежда не спасала их дрожащие тела от ночного холода. Из распахнутой двери струилась вонь, которую не мог перебить даже режущий глаза едкий дым, — кислый острый запах немытых тел людей, вынужденных жить вместе в тесном доме.

— Можете ли вы что-нибудь нам рассказать? — закончила рассказ Эйян. — Мы вам заплатим... не золотом, которого у нас нет, а наловив для вас больше рыбы и морского зверя, чем, как мне кажется, вы сумеете добыть сами.

Хаакон задумался. Стыл ветер, люди перешептывались и чертили в воздухе знаки — и не только крест. Наконец Хаакон задрал голову и рывком:

— Откуда вы про меня узнали? От скрелингов, так?

— От кого?

— От скрелингов. От местных уродливых низкорослых язычников, которые уже лет сто понемногу пробираются в Гренландию с запада. И являются сюда вместе с летними морозами и погубленными

ми полями, — зарычал он, — вместе с павшим на нас Божьим проклятием — и я уверен, что его накликали на нас их колдуны!

Тауно напряг мускулы и разум.

— Да, — ответил он. — Мы узнали о тебе от группы скрелингов. И от твоей дочери Бенгты, Хаакон. Обменяешь ли ты свое знание на новости о том, как ей живется?

Люди заголосили. Хаакон оскалил зубы и медленно втянул воздух сквозь бороду, потом стукнул о землю древком копья и заревел:

— Довольно! Заткнитесь, отродье!

Когда наступила тишина, он вполне спокойно сказал:

— Пошли в дом, там и поговорим.

Эйян стиснула локоть Тауно.

— Стоит ли нам идти? — спросила она на языке морских людей. — Оставаясь на улице, мы сможем избежать западни. Но между стен мы окажемся в ловушке.

— Придется рискнуть, — решил брат и повернулся к Хаакону: — Согласен ли ты считать нас своими гостями? Будет ли охранять нас под твоей крышей священный закон гостеприимства?

Хаакон нащупал на груди крест:

— Богом и святым Олафом клянусь в этом, если вы тоже поклянетесь, что не причините зла.

— Клянемся нашей честью, — произнесли брат и сестра известные морскому народу слова, наиболее близкие к клятве. Они давно поняли, что христиане воспринимают как насмешку, когда существа без души клянутся тем, что для них свято.

Хаакон провел их через порог. Эйян едва не задохнулась от сильнейшей вони, Тауно зажал нос. Инуиты тоже не были чистюлями, но запахи в их жилищах означали здоровье и изобилие. Здесь же...

Жалкий огонек горящего в яме в глиняном полу торфа давал тусклый свет, пока Хаакон не велел заполнить ворванью и зажечь пару светильников, вырезанных из мыльного камня. При их свете нищета в доме стала и вовсе откровенной. Люди уже готовились ко сну в единственной комнате; на окаймлявших стены скамьях лежали соломенные тюфяки, одинаковые что на хозяйской кровати, что на полу для низших из слуг. Всего в доме жило около тридцати человек; людям приходилось посреди всеобщего храпа прислушиваться к звукам торопливых совокуплений — если находилась пара, у которой еще хватало на это желания и сил. В углу располагался примитивный очаг. С шестов свисали копченое мясо и вяленая рыба, на поперечные жерди были нанизаны плоские буханки хлеба — жалкие запасы для поры, когда ветер уже гонит на остров зиму.

Но все же предки этих людей не были столь нищими. Для хозяина и хозяйки в комнате стояли высокие стулья со спинками — пусть с облупившейся краской, но украшенные резьбой и явно привезенные из Норвегии. Над ними блестело распятие из позолоченной бронзы. Повсюду стояли добротные кедровые сундуки. Тронутые плесенью и закопченные гобелены когда-то были очень красивые, а оружие и инстру-

менты на полках между гобеленами имели ухоженный вид. Их было гораздо больше, чем требовалось жалкой кучке обитателей усадьбы

— Мне кажется, — прошептал Тауно Эйян, — что и семья, и слуги раньше жили в гораздо лучшем доме, настоящей усадьбе, но потом построили эту хижину, когда стало слишком трудно поддерживать в большом доме тепло ради такой горстки людей.

— Да, — кивнула она. — Не появись мы сегодня, они не стали бы зажигать светильники. Думаю, они берегут жир для спасения от ожидаемого голода. — Она вздрогнула. — Уф, эта гренландская ночь на всю зиму! В затонувшем Аверорне и то было веселее.

Хаакон уселся на высокий стул и в давно уже ставшей старомодной манере пригласил гостей сесть на скамью напротив, потом велел принести пива. Оно оказалось слабым и кислым, зато было подано в серебряных кубках. Хаакон пояснил, что он вдовец. (Судя по поведению одной молодой грязнули, гости предположили, что она носит в своем разбухшем животе ребенка Хаакона.) У него живы три сына и дочь — так он полагает. Старший получил место на отплывающем в Осло корабле, и вот уже несколько лет от него нет никаких вестей. Второй женился и теперь живет на маленькой ферме. Третий, Джонас, до сих пор живет с отцом.

Джонас оказался жилистым остроносым юношей с гладкими светлыми волосами. Тауно он разглядывал с лисьей настороженностью, а Эйян — с плохо скрываемой похотью. Остальные здесь были бедными родственниками и наемными работниками Хаакона, трудившимися за кров и стол.

— А моя дочь...

Сидевшие в тени по углам люди зашевелились и забормотали. Испуганно заблестели глаза, в воздухе вместе с дымом повис страх. Грубый голос Хаакона рявкнул:

— Что вы можете о ней рассказать?

— А что ты можешь рассказать о морском народе? — резко возразил Тауно.

Норвежец с трудом сдержался:

— Кое-что... может быть.

Его голос в полумраке прозвучал неискренне и глухо.

— Не верю, — шепнула Эйян на ухо брату. — Кажется, он лжет.

— Боюсь, ты права, — столь же тихо отозвался Тауно. — Но придется играть в его игру. Здесь какая-то тайна.

— Мы нашли ее в море неподалеку отсюда, — громко произнес он, — среди инуитов... то есть скрелингов, вы так их называете? Она и ребенок выглядели хорошо. — Вид у нее был куда лучше, чем у любого из вас, подумал он. Быть может, Хаакон не жалел на нее еды, когда она росла, потому что хотел, чтобы она подарила ему крепких внуков, или же любил ее больше остальных своих детей. — Но хочу, однако, предупредить, что тебе не понравятся слова, которые она попросила тебе передать. Имей в виду, мы здесь ни при чем. Мы пробывали с ними очень недолго и даже не очень понимаем смысл ее слов.

Хаакон с такой силой стиснул рукоятку меча, что костяшки его пальцев побелели. Сидящий рядом с ним на скамье Джонас тоже схватился за кинжал.

— Ну? — рявкнул Хаакон.

— Мне очень жаль, но она прокляла тебя. Она сказала, что всем вам нужно покинуть эту страну, иначе вы погибнете из-за... тупилака — не знаю, что это такое, но их колдун сделал его, дабы наказать вас за грехи.

Джонас вскочил.

— Мало того, что они похитили ее тело, так неужели они украли еще и ее душу?! — завопил он, перекрывая поднявшийся шум.

Застонал ли Хаакон? Во всяком случае, никто не заметил других следов нанесенной ему душевной раны.

— Молчать! — скомандовал он. Шум и паника только увеличились. Хаакон встал, обнажил меч, взмахнул им и спокойно произнес: — Садитесь. И заткните рты. А если кто-то не захочет, то этой зимой на одного едока будет меньше.

Наступило мертвое молчание, стали слышны завывания ветра на улице и вздохи пробивающегося под дверью сквозняка. Хаакон сунул меч в ножны и уселся.

— У меня есть к вам предложение, — произнес он, медленно выговаривая слово за словом. — Честная сделка. Вы сказали, что вы наполовину люди, но можете дышать под водой, как настоящие жители моря, и почти столь же хорошо плавать. А судя по вашему оружию, вы способны и сражаться в море.

Тауно кивнул.

— И вам нечего бояться колдовства, раз вы сами из полумира, — продолжил Хаакон.

Эйян напряглась.

— О нет, отец не хотел сказать, будто вы *сами* несете зло, — торопливо пояснил Джонас.

— Не хотел, — согласился Хаакон. — Суть в том, что я хочу заключить с вами сделку... — Он подался вперед. — Дело вот в чем. Возле одного острова к западу отсюда живет племя... наверняка морских людей. Я своими глазами видел их совсем недавно, незадолго до того как начались наши несчастья. Я ловил там рыбу. Вместе со Стурли и Миккелем, — добавил он к удивлению домочадцев, — но вы помните — их прикончил тупилак. Мы очень... встревожились от увиденного, потому что не знали, как должны поступить в таком случае христиане, и решили, что лучше будет пока помалкивать до разговора со священником. Я имею в виду мудрого священника, а не Сира Сигурда из нашего прихода, который не способен прочесть ни строчки и перевирает мессу. Я знаю, что он это делает, потому что был в церкви в Остри Бигде и очень внимательно следил за тем, как себя ведут и что поют священники. К тому же он наверняка не сможет своими молитвами освободить нас от тупилака. Все, кто здесь живут, быстро скатываются в невежество, ведь мы большую часть года отрезаны от мира... — Его лицо исказилось. — Да, скатываются в язычество.

Ему потребовалась целая минута, чтобы восстановить спокойствие.

— Так вот, — продолжил он, — мы намеревались просить совета у епископа в Гардаре, а тем временем помалкивать об увиденном, иначе кто-нибудь начнет делать глупости или что похуже. Но тут появился тупилак, и мы... у меня не было возможности поехать. — Он посмотрел в глаза своим гостям. — Конечно, я не могу поклясться, что то были именно те, кого вы ищите. Но они появились здесь совсем недавно, и мое предположение вполне разумно, так ведь? Сомневаюсь, что вы сами сумеете отыскать тот остров. Между этим местом и Маркландом расстояние большое. Вам, во всяком случае, придется провести долгий и опасный поиск, даже дважды опасный из-за тупилака. А я умею править по звездам и солнечным часам и отвезу вас прямо туда. Но... никто из Вестри Бигда не сможет выйти в море и уцелеть, пока не будет уничтожен тупилак.

— Расскажи нам о нем, — негромко попросила Эйян.

Хаакон откинулся на спинку стула, залпом допил пиво, дал знак заново наполнить всем кубки и быстро заговорил:

— Лучше я начну сначала. С того начала, когда люди впервые пришли и заселили Гренландию. В те дни они заплывали гораздо дальше, чем сейчас — не одолев пути в Винланд, каким бы хорошим он ни слыл по рассказам, — но еще долгое время они добирались до Маркланда и добывали там древесины для нашей безлесной страны. И каждый год приплывал корабль менять железо, лен и прочие товары на наши меха, шкуры, гагачий пух, китовую и моржовую кость, клыки нарвала...

Тауно не смог сдержать улыбки. Ему доводилось видеть, как клыки нарвала продавались потом на ярмарках под видом рога единорога.

Хаакон нахмурился, но продолжил:

— Мы, гренландцы, никогда не были богаты, но процветали и увеличивались в числе до тех пор, пока те из нас, кто был жаден на землю, не отправились на север и не основали этот третий поселок. Но тут климат стал ухудшаться, сперва медленно, потом все быстрее — летние холода и град вынуждали нас заготавливать с каждым годом все меньше сена, а в море властвовали шторма, туманы и айсберги. Кораблей приплывало все меньше и меньше, как из-за опасностей в пути, так и из-за войн и неурядиц на родине. Теперь между их появлениями могут пройти годы. Не получая того, что нам нужно для жизни и работы, мы не можем получить с наших земель все необходимое, становимся все более бедными и отсталыми, все менее способными справляться с трудностями. А теперь... появились скрелинги.

— Они ведь миролюбивые люди, разве не так? — мягко спросила Эйян.

Хаакон изрыгнул проклятие, Джонас сплюнул на пол.

— Они коварны, как тролли, — прорычал старший. — Из-за своего колдовства они способны жить там, где не могут жить христиане, и это навлекло на Гренландию гнев Божий.

— Как может такая красивая девушка, как ты, хорошо говорить о столь отвратительном племени? — добавил Джонас и попытался улыбнуться Эйян.

Ладонь Хаакона рубанула воздух.

— А что касается моего дома, — сказал он, — то тут история короткая. Целых двадцать лет племя скрелингов жило, охотилось и ловило рыбу неподалеку, к северу от Бигда. Они приходили к нам торговать, а норвежцы хоть и не так часто, но ходили к ним. Мне всегда такое не нравилось, но я не мог этого запретить, ведь они предлагали то, в чем мы нуждались. Но заодно они совращали наш народ и вводили его в грех — по большей части наших молодых людей, потому что у их женщин нет стыда и они готовы расставить ноги для любого с ведома и одобрения своих мужей... да еще некоторые наши юноши хотели научиться охотничьим уловкам скрелингов, их умению строить дома из снега и использованию собак для бега в упряжках...

В его голосе зазвучала боль:

— Четыре года назад я выдал свою дочь за Свена Эгилссона. Он был хороший парень, и они... жили, как мне кажется, в счастливой верности, хотя его участок был скуден на урожай — на самой окраине Бигда. Никто ближе их не жил к скрелингам, разве что одна или две других христианских семьи. У них родились двое детей, мальчик и девочка, а батрак помогал им в работе.

Прошлым летом на нас обрушилась суровая нужда. Запасенная трава пропала, пришлось забить почти весь скот, и все равно нам пришлось бы голодать, если бы мы не смогли добывать кое-что в море. За летом последовала лютая зима. После бурана, бушевавшего несколько дней — вернее, неведомую часть бессолнечной ночи, такая уж здесь зима, — я не выдержал и отправился с несколькими людьми на север, посмотреть, как перенесла буран Бенгта. Мы обнаружили Свена, моего внука Дага и батрака мертвыми и похороненными под жалкой пирамидкой из камней, ведь земля — неосвященная земля! — промерзла настолько, что в ней было невозможно выкопать могилу. Бенгта и маленькая Халлфрид пропали. В их доме совсем не осталось топлива — ни щепки. А следы — отпечатки полозьев саней и собачий помет — выдали нам, что их забрали скрелинги.

Обезумев от горя и ярости, я повел своих людей к каменным хижинам, в которых эти существа обитают зимой. Оказалось, что почти все они то ли ушли на охоту, то ли еще где-то шлялись — не знаю. С ними ушла и Бенгта. Оставшиеся сказали мне, что пришла она по своей воле и принесла с собой живого ребенка — пришла к их мужчине, на его грязное ложе, хотя у него уже была жена... Мы убили их всех, кроме одной старухи, велев ей передать, что весной мы вернем и убьем без жалости всех остальных, если они не вернут украденную женщину и ребенка.

Огонь постепенно угасал, тени сгущались. Промозглая сырость глодала тело. Хаакон тяжело дышал. Эйян спросила сдавленным голосом:

— Неужели вам не пришло в голову, что они могли говорить правду? На телах умерших не было следов насилия, разве не так? Я сказала бы, что, когда у них кончились припасы, убийцами стали холод и голод или же болезнь — вы сами навлекаете их на себя, живя в такой грязи. Миник — тот инуит — мог прийти к ним, тревожась за девушку, и она спаслась, уйдя с ним. Наверняка они давно были друзьями.

— Да, — признал Хаакон. — Ей очень нравились скрелинги, и слова на их языке она начала лопотать одновременно с норвежскими. Когда скрелинги приходили, они всегда привораживали ее всякими сказками и небылицами, бедную, доверчивую девочку... Но ведь он мог привести ее ко мне, мог или нет? Я вознаграждал бы его. Нет, ему потребовалось увести ее силой. А потом — и то, что вы слышали из ее уст в лодке, подтверждает это — тот проклятый шаман околдовал ее. Смилуйся, Господи! Она потеряна и запуталась в колдовской паутине, как и любой путник, которого заманили в эльфийский холм, — лишилась своего племени, лишилась спасения души, она и моя внучка... если только мы не вызволим их...

— А что было дальше? — спросил после паузы Тауно.

— Они, конечно, покинули эти земли и перебрались куда-то в глушь. Ранней весной наши охотники наткнулись на одного из них и привезли его ко мне связанного. Я подвесил его над медленным огнем, чтобы заставить его сказать, где они сейчас живут, но он не сказал. Я отпустил его — выколыв перед этим глаз в подтверждение того, что говорю серьезно, — и велел передать, что, если они не привезут ко мне дочь и внучку, а также не выдадут на мой справедливый суд укравшего их негодяя, ни один человек в Бигде не успокоится, пока последний из этих троллей не будет убит, потому что каждый из нас охраняет свою женщину.

А через несколько дней появился тупилак.

— Так что же это такое? — спросил Тауно, и по спине у него пробежал холодок.

Хаакон скривился:

— Когда Бенгта была ребенком, она пересказала мне услышанную от скрелингов историю о тупилаке. Тогда я решил, что это всего лишь одна из страшных историй и ей могут после нее присниться кошмарные сны. Тогда *она* утешила *меня* и пообещала ее больше не рассказывать. О, ни у кого не было такой любящей дочери, пока...

Ладно. Тупилак — это созданное колдовством морское чудовище. Колдун делает каркас, обтягивает его моржовой шкурой, набивает сеном и зашивает, потом приделывает клыки и когти и... произносит над ним заклинания. Тогда тупилак начинает двигаться, рыскать в море и нападать на своих жертв. Этот тупилак нападает на белых людей. Он или проламывает борта яликов, или переворачивает их, или перебирается через борт. Кошья, стрелы, топоры не опасны тому, кто не имеет крови и не живет по-настоящему. Он пожирает моряков... Те немногие, кто спасся, подтвердят мои слова.

Все это лето море было для нас недоступно. Мы не могли ловить рыбу и дичь, собирать яйца на островах, не смогли послать в Вестри Бигд весть о несчастье. Мы посылали людей берегом — но они ушли и не вернулись. Быть может, их убили скрелинги... хотя вряд ли, скорее они просто заблудились и умерли от голода в этой холмистой замерзшей пустыне. Южане привыкли, что от нас подолгу нет вестей, к тому же им хватает собственных трудностей, а если они и посылали к нам лодки, тупилак погубил и их.

У нас едва хватит запасов пережить эту зиму. Но на следующий год мы умрем.

— Или уйдете отсюда, — с болью в голосе произнес Тауно. — Теперь я понял, что хотела сказать Бенгта. Вы должны уйти, построить на юге новые дома. Думаю, ангакок отзовет морскую тварь, если вы так поступите.

— Мы можем стать посредниками, если вы захотите, — предложила Эйян.

Кто-то из мужчин выругался, другие закричали. Джонас выхватил кинжал. Хаакон, словно высеченный из кремня, остался невозмутимо сидеть, потом твердо произнес:

— Нет. Здесь наши дома, наши воспоминания, могилы наших отцов, наша свобода. Людям на юге живется не намного лучше, они смогут нас принять, но лишь как наемных работников, жалких бедняков. Нет, говорю я. Мы не уйдем, а будем разорять скрелингов, пока не уйдут они.

Он снова подался вперед, стиснув левой рукой колено, а правую вытянул, скрючив пальцы, отчего она стала похожа на когти гренландского сокола.

— Теперь поговорим о сделке, — сказал он полукровкам. — Завтра мы выйдем на лодках в море. Тупилак узнает об этом и приплывет. Мы начнем сражаться с ним из лодок, а вы нападете снизу. Его можно изрубить — хотя бы расчленив на куски. В той истории, которую слышала Бенгта, рассказывалось, как смелый человек сумел избавиться от тупилака. Именно он изобрел каяк — чтобы перевернуть его вверх дном и добраться до тупилака снизу. Хотя мне и сейчас сдается, что это лишь бабьи выдумки. Все равно никто из наших мужчин не умеет плавать на скорлупках скрелингов. Но, судя по этой истории, скрелинги верят, что такое можно проделать, а им лучше знать, верно?

Помогите освободить нас от демона, и я покажу вам дорогу к вашему народу. Иначе, — жестко усмехнулся Хаакон, — я не удивлюсь, если чудовище примет вас за норвежцев и застигнет врасплох. Ведь вы наполовину наши родичи. Сохраните верность своей крови, и мы будем столь же верны вам.

Снова настала мертвая тишина, нарушаемая лишь гулом ветра. Тауно и Эйян переглянулись.

— Нет, — произнес брат.

— Что?! — вырвалось у Хаакона. Он сразу попробовал высмеять их. — Так вы боитесь? Даже имея союзников? Тогда попробуйте на рассвете скрыться от нас по морю.

— Мне кажется, ты лжешь нам, — ответил Тауно. — Не о своей кровавой жестокости к инуитам, не об их мести, нет — а о том морском народе. Твой голос звучал фальшиво.

— Я наблюдала за лицами, — добавила Эйян. — Даже твой отпрыск не поверил в эту байку.

Джонас схватился за кинжал:

— Ты называешь моего отца лжецом?

— Я назвал бы его отчаянным человеком, — сказал Тауно. — Впрочем... — Он указал на распятие над высокой спинкой стула. — Возьми этот символ твоего бога, Хаакон Арнорссон. Поцелуй своего бога в губы и поклянись надеждой попасть к нему после смерти, что ты рассказал полную правду нам, своим гостям. Тогда мы станем сражаться рядом с тобой.

Хаакон остался сидеть, не отрывая глаз от брата и сестры. Эйян встала.

— Нам лучше уйти, Тауно, — вздохнула она. — Простите нас, люди хорошие. Но зачем нам ни за что рисковать своими жизнями в ссоре, которая нас не касается и несправедлива с самого начала? Я передала вам слова Бенгты и ее просьбу покинуть эту землю, пока вас не погубило зло.

Хаакон вскочил, в его руке снова сверкнул меч.

— Схватите их!

Тауно выхватил нож. Меч Хаакона со свистом опустился и выбил его из руки Тауно. Завизжали женщины и дети, но от страха перед тем, что с ними сделает Хаакон, если полукровки убегут, мужчины набросились на них со всех сторон.

Двое вцепились в каждую руку Тауно, еще двое повисли у него на ногах. Он расшвырял их в стороны, но ему на затылок тут же опустилась дубинка. Тауно взревел, его ударили во второй раз, в третий. Перед глазами вспыхнули звезды, боль пронзила голову. Тауно рухнул на пол. Сквозь частокол мельтешащих перед лицом ног в мохнатых меховых штанах он заметил Эйян. Она стояла, прижавшись спиной к стене, к которой ее придавливали острия копий. Над ее головой был занесен меч, а Джонас прижимал к горлу кинжал. Тауно потерял сознание.

Глава 9

Наступающий день пробился угрюмым красным светом на облаках и стальным отблеском на зыби, гуляющей по еще погруженному во мрак фьорду; угрожающе завывал ветер. «Неужели он продувает это место непрерывно?» — подумал Тауно. Он пришел в себя связанный на охапке брошенной на пол соломы и увидел нависший над ним силуэт Хаакона.

— Вставай! — велел владелец поместья.

В полумраке дома уже ворчали проснувшиеся мужчины, пищали младенцы, хныкали дети постарше.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Эйян. Как и Тауно, она провела ночь на полу, только у противоположной стены. Руки и ноги у нее были связаны, а шею охватывала петля, привязанная к потолочной балке.

— Все тело онемело, — ответил он. После нескольких часов сна его затылок больше не пульсировал от боли, но теперь его волосы слиплись от засохшей крови, рот пересох от жажды, а желудок терзал голод. — А как ты, сестра моя?

Она хрипловато рассмеялась:

— Знаешь, эта неотесанная деревенщина Джонас приполз ко мне на рассвете и принялся тискать, не потрудившись даже развязать ноги. Я могла бы их развести, но для смеха притворилась, будто не могу. — Она говорила на языке морских людей. — Стоит рассказывать дальше?

— Нет, зачем... Вспомни, ведь мы бездушные животные... и люди используют нас так, как сочтут нужным.

Подождал Хаакон; его слова подтвердили сказанное Тауно:

— Я никогда не стал бы применять силу к любому человеку, которого назвал своим гостем, даже к скрелингу. Но вы не люди. Разве человек нарушает клятву, забывая собственную овцу? Было бы грехом *не* принудить вас силой ради спасения моих людей. Завтра, — добавил он, — ты поможешь нам сражаться с тупилаком, Тауно. Эйян останется в доме заложницей. Если мы победим, вы обретете свободу. В этом я могу поклясться на кресте.

— Все равно, как мы можем поверить предателю? — фыркнула Эйян.

Хаакон усмехнулся уголками рта:

— А разве у вас есть выбор?

Утром, когда он освобождал Тауно, его люди стояли вокруг с оружием наготове. Тауно встал, разминая онемевшие руки и ноги, потом подошел к Эйян и поцеловал ее. Стоявший неподалеку Джонас переминался с ноги на ногу.

— Ну, — буркнул он, дожевывая сыр с сухарями, — пошли скорее, пора дело делать.

Тауно покачал головой:

— Сперва еда и питье для моей сестры и меня. И столько, сколько нам нужно.

Хаакон нахмурился:

— Перед битвой не стоит сильно наедаться.

— Но не таким существам, как мы.

Темноволосый мужчина средних лет по имени Стейнкил грубо расхохотался:

— Правильно. Ты ведь знаешь, Хаакон, сколько жира у тюленей.

Хаакон пожал плечами. Ему пришлось скрывать свое огорчение, когда он увидел, сколько фунтов мяса съели его пленники. Дождавшись, когда они наелись, он раздраженно рявкнул:

— Ну, теперь ты идешь? — и направился к двери.

— Подожди немного, — отозвался Тауно.

Хаакон резко обернулся:

— Ты что, забыл, кто ты здесь такой?

Тауно не отвел глаз, встретив его властный взгляд:

— А не забыл ли ты, что значит вести за собой людей... даже здесь?

Принц из Лири встал на колени возле сестры, обнял ее и прошептал, вдыхая свежий аромат ее волос и кожи:

— Мне повезло больше, Эйян. Если я умру, смерть моя станет быстрой. А ты... тебя охраняют женщины, дети и старики. Сможешь сыграть на их страхе или как-то перехитрить их, а потом?..

— Попробую, — ответила она. — Но, Тауно, я буду думать лишь о том, чтобы ты остался невредим! Ах, если бы мы смогли быть сегодня вместе!

Они посмотрели друг другу в глаза и запели Песнь Прощания:

*Страх расставанья сердце томит,
Тоска предвещает близость разлуки.
Но ни к чему прощаться в слезах,
Исполнившись доблести и верности храброй,
Доблестный воин уходит с улыбкой.
Пусть на судьбу ропщут слабые духом.
Удачу тебе вручаю свою
Взаимы, в надежде на скорую встречу...*

Он снова поцеловал ее, а она его. Тауно встал и вышел. К морю вместе с ним отправилось одиннадцать крепких телом мужчин и юношей. Они могли управлять двумя яликами из трех, имевшихся у Хаакона. Джонасу хотелось послать за подмогой на соседние фермы.

— Если мы потерпим неудачу и погибнем, наш дом лишится самых сильных защитников, — сказал он.

Хаакон отказался:

— Если удача от нас отвернется, погибнут все. Даже флотилия лодок не в силах справиться с тупилаком. Это уже пробовали сделать, и ты об этом знаешь. Смогли спастись только три... пока тупилак разбивал остальные. На сей раз наша единственная надежда — водяной, а он один. К тому же... — На мгновение в его хмурых глазах вспыхнул огонек гордости. — Я ношу звание королевского наместника не для того, чтобы рисковать жизнями, а чтобы охранять их. Если мы сумеем одолеть тупилака с теми силами, что у нас есть, мы будем жить в сагах до тех пор, пока в Гренландии живут люди.

Пока лодки спускали на воду, Тауно разделся и вымылся. Он знал, что не получит оружия, пока не начнется схватка. Мужчины боялись его — едва ли не сильнее, чем чудовища. Они охотно свалили бы его с ног и связали, но он все равно оставался для них сверхъестественным существом, и не обладай Хаакон столь непреклонной волей, вряд ли бы кто другой смог отправить их навстречу опасности в его компании.

По лодкам расселись молча. Заскрипели в уключинах весла, плеснула вода, зажурчала вдоль бортов, ялики поплыли вперед. Брызги

посыпали губы солью. Луга возле дома все остались за кормой, сжатый крутыми утесами фьорд, темный и покрытый полосами пены, начал расширяться. Под низкими тучами кружила стая черных кайр, крики которых терялись в зловещем пении ветра. Солнце висело тусклым негреющим кругом, едва выглянув из-за гор; казалось, будто покрывающие их снег и ледники дышат путникам в спину холодом. У каждого, включая Тауно, в руках было весло. Он сидел на носу рядом с Хааконом, за ними расположились Джонас и Стейнкил, имен двух последних гребцов — грязных низкорослых мужчин — Тауно не знал и не собирался спрашивать. Вторая лодка плыла следом в нескольких фатомах по правому борту. Тауно втянулся в греблю, радуясь возможности размяться и разогреть мускулы, какой бы скучной ни была сама работа. Вскоре Хаакон сказал ему:

— Полегче, Тауно. Ты нас сбиваешь в сторону.

— Силен, как медведь, ха! — бросил через плечо Стейнкил. — Будь моя воля, я охотнее взял бы в лодку медведя.

— Не дразни его, — неожиданно вступился за полукровку Джонас. — Тауно, я... прости нас. Поверь, мы сдержим свое слово. Мой отец — человек чести. И я стараюсь стать таким.

— Как с моей сестрой ночью? — усмехнулся Тауно.

Хаакон пропустил гребок:

— О чем это ты?

Джонас бросил на Тауно умоляющий взгляд. Тот на мгновение задумался и сказал:

— Все же видели, как он вокруг нее вился.

Он не очень рассердился на Джонаса за попытку силой овладеть сестрой. Подобные вещи мало что значили для него или для Эйян; если у нее было меньше партнеров, чем возлюбленных у брата, то лишь потому, что она была на два года его моложе. Она знала заклинание, не позволяющее зачать против ее желания. Тауно сам с удовольствием переспал бы с сестрой Джонаса Бенгтой, подвернись ему столь маловероятная возможность — более того, им с сестрой приходилось сдерживаться, чтобы во время долгих путешествий не броситься друг другу в объятия, да и то лишь в память о своей матери, запретившей детям подобные утехы. Кстати, они с сестрой ничего не потеряли бы, заставив парня испытывать к ним стыдливую благодарность.

— Смертный грех, — прорычал Хаакон. — Изгони из себя это желание, мальчик. Покайся и... пусть Сира Сигурд наложит на тебя епитимью.

— Не вини его, — возразил Стейнкил. — Я сам никогда не видал такой красивой девки, да к тому же столь бесстыдно одетой.

— Сосуд дьявола, — взволнованно произнес Хаакон. — Берегитесь, берегитесь! В нашем одиночестве мы теряем Веру. Я содрогаюсь при мысли о том, чем кончат наши потомки, если мы... Когда мы покончим с тупилаком... когда покончим, говорю я... то я отправлюсь за своей дочерью. Что заставило ее так поступить? — едва не крикнул он. — Отказаться от Бога... от своей крови, своего племени...

от жизни в доме, тканой одежды на плечах, еды, питья, орудий и обычаев белого человека, от всего, что мы поколениями пытаемся в тяжелой борьбе сохранить... и пойти грязной шлюхой к похитившему ее дикарю, прозябающему в снежной хижине и жрущему сырое мясо... Какая сатанинская сила заставила ее сделать это добровольно?

Тут он заметил, какие взгляды на него бросают из другой лодки, сжал губы и налег на весло. Они гребли целый час и уже слышали в устье фьорда грохот накатывающегося на берег прибоя, когда их обнаружил враг. В соседней лодке завопил гребец. Тауно увидел пену вокруг огромной бурой туши. Тупилак ударил по корпусу снизу, лодка вздрогнула и накренилась.

— Отгоняйте его! — взревел Хаакон. — Бейте копьями! Гребите, трусы! В сторону, в сторону!

Он и Тауно одновременно метнули копья. Водяной наклонился, поднял пояс с тремя кинжалами в ножнах, которые ему дал Хаакон, и застегнул пряжку. Но прыгать в воду он пока не стал, а вместо этого впился взглядом в приближающееся чудовище. Его обостривший слух улавливал каждый всплеск и удар, каждое проклятие и молитву, ноздри жадно впитывали ветер, питая легкие и колотящееся сердце. Увиденное едва не сломило его волю к борьбе, и лишь образ Эйян заставил его встряхнуться. Тупилак зацепился за борт усеянным медвежьими когтями плавником. Вес у него был меньше, чем у настоящего животного, но лодка тем не менее опасно накренилась. Люди бросились к другому борту, не давая ей перевернуться. В морщинистой шкуре торчали два копья, болтаясь с пугающей бессмысленностью, рядом виднелись два сломанных древка, оставшихся от прежних схваток. Из ран не текла кровь. На конце длинной гибкой шеи разевала пасть акуля голова, глядя на них остекленевшими глазами. Плавник дернулся, лодка качнулась. Человек выпал в море, челюсти сомкнулись. Брызнула кровь, расплзлись по воде внутренности, от них, еще теплых, поднимался пар. Ветер уносил его прочь. Гребец на корме лодки Хаакона застонал от ужаса. Стейнкил обернулся, привел его в чувство оплеухой и снова упрямо вцепился в весло. Они подплыли к тупилаку сзади. Хаакон широко расставил ноги и рубанул чудовище секирой. Тауно знал, что он хочет прорубить моржовую шкуру, выпотрошить из нее набивку из соломы и сгнивших трупов... В ответ на удар из воды взметнулся хвост касатки и обрушился на нос ялика. Затрещало дерево, Хаакон упал. Тауно нырнул. Ему потребовалось меньше минуты, чтобы выдохнуть из легких воздух, впустить в них морскую воду и перевести тело на подводное дыхание. Мутные потоки ледяной зеленоватой воды ограничивали ему обзор — он видел лишь вспененный бурлящий хаос над собой и впереди, — но уши его различали приглушенный шум битвы. Течения вокруг него имели привкус железа и человеческой крови. Рядом с ним в глубину стал погружаться мертвый воин, медленно кувыркаясь на пути к угрям.

— Мы отвлечем его сколько сможем, а ты нападай снизу, — сказал ему Хаакон. — Но времени у тебя будет мало.

Подготовившись, Тауно стиснул зубами лезвие ножа и бросился вперед. Начав атаку, он утратил страх, забыл о себе. Не стало больше ни Тауно, ни тупилака, ни людей — только схватка. Лодки виднелись изломанными волнами тенями на искристо-ярком потолке зеленого подводного мира. Тупилака он различал гораздо яснее — выпуклость его брюха... ремешки, стягивающие швы между шкурами... Ноздри Тауно уловили запах плесени и загнившей плоти. Серповидные когти на задних плавниках тупилака рубили воду. Тауно устремился вперед. Перехватив нож в руку, он заработал ногами, проплывая под брюхом тупилака. За лезвием ножа потянулся длинный перерезанный шов. Нога чудовища дернулась, пытаясь его достать, но Тауно сумел увернуться. Резко изогнув тело в кипящей воздушными пузырьками воде, он увидел, как падают на дно тела моряков. Но тупилак, хотя и не обладал разумом, все еще продолжал обрушивать свою ярость на норвежцев. Тауно увидел, как опустился огромный хвост чудовища. Грохот удара едва не оглушил его. И снова вниз... задержать дыхание, спасаясь от кладбищенской затхлости, разрезать еще один шов, отодрать в сторону пласт шкуры... Удар по ребрам застал его врасплох; он выронил нож и с огромным трудом вырвался на свободу.

Зверь закрычал. Акулья голова повернулась, отыскивая его. Плавники и хвост направили огромную тушу в сторону Тауно. Ему мимолетно подумалось, что, окажись в лодках инуиты, они бы уже давно утыкали тушу гарпунами с привязанными к ним пузырями, чтобы затруднить чудовищу передвижение. Впрочем, людоед и так довольно медлителен и неуклюж. Вокруг него можно плавать кругами. Однако подобраться поближе... это уже трудная задача. Теперь на скелете тупилака болталась обрывками полупустая шкура, да и сам скелет... да, кажется, он кое-где разваливается. Но лапы и хвост все еще работают, а челюсти продолжают щелкать. Тауно взобрался тупилаку на спину, где тот не мог до него дотянуться, и крепко стиснул ее ногами, не обращая внимания на боль от царапающих кожу ракушек. Потом достал запасной нож и принялся за работу. Он не смог добраться до всех мест, каких хотел, но, когда спрыгнул со спины в воду, полуотрезанный хвост уже еле шевелился. Глаза Тауно застлала темная пелена усталости — ему был просто необходим короткий отдых. Кто знает, то ли проблеск сознания шевельнулся в тупилаке, то ли он не мог не выполнять заложенного в него проклятия, но, как бы то ни было, он снова неуклюже направился к лодкам. Если он их потопит, пусть даже погибнув сам, отпустят ли Эйян захватившие ее люди? Тауно услышал звук таранящего удара и всплыл, чтобы посмотреть над водой. Второй ялик, полузатоленный после удара, дрейфовал в стороне, беспомощный до тех пор, пока четыре оставшихся на нем человека не смогут вычерпать воду и достать из моря уплывшие весла. Тупилак снова и снова ударял в лодку Хаакона, нос которой теперь был разбит, а доски сорваны со шпангоутов. Голова на длинной шее потянулась вперед, выискивая жертву. Где Хаакон? Джонас с отчаянной храбростью рубил топором, то же делал и стоящий рядом с ним Стейнбил. Еще двое с

двух сторон тыкали в тушу бесполезные копыя. На глазах Тауно Стейнкил оступился, и его рука тут же оказалась в пасти тупилака. Зубы сомкнулись, фонтаном брызнула кровь. Стейнкил отступил, стискивая то место, где была его откушенная правая кисть. Хаакон выступил вперед. Должно быть, его ненадолго оглушило. Его измазанные кровью лицо и тело ярким пятном выделялись на фоне серого, как волчья шерсть, неба. Он заметил вдалеке Тауно и крикнул:

— Тебе нужна помощь, водяной?

Наклонившись, он достал из-под банки якорь с деревянным стволом, но с железными кольцом, основанием и лапами, оставшимися от прежних времен. Якорь крепился кожаной веревкой к остаткам форштевня. Когда покалечило Стейнкила, Джонас отступил. Двое других укрылись за его спиной. Хаакон, пошатываясь, двинулся к корме, где его уже поджидала распахнутая пасть. Он высоко занес якорь и с силой опустил его вниз. Лапа якоря врубилась в правый глаз тупилака и зацепилась за глазницу. В Хаакона тут же впились челюсти, но он смог высвободиться.

— Все на весла! — крикнул он. — Тауно, разрежь его... — и Хаакон рухнул на дно лодки.

Тауно, восстановив силы, стрелой метнулся вперед. Пренебрегая опасностью, он начал полосовать тушу ножом. Краем глаза он заметил, что лодка Хаакона направилась в сторону залива. Тупилак не стал ее преследовать — Тауно успел слишком сильно его искалечить. Тупилак погрузился в воду след за Тауно, пытаясь его схватить, но ялик гренландцев не пускал его дальше. Теперь тупилак был не более подвижен, как если бы море вокруг него замерзло. Нож Тауно работал без отдыха. Каждый отрезанный кусок снова становился мертвым, каким и был до того, пока их не оживил ангакок. Наконец опустевшая оболочка всплыла, а акулья голова погрузилась в темную глубину. Волны очистились.

Когда Тауно, снова дыша воздухом, доплыл до второй лодки, охладивший лицо порыв ветра показался ему благословением. Но в кое-как приведенный в порядок ялик он уже не мог безопасно взобраться. Девять человек и так перегрузили его треснувший корпус — девять, потому что моряки подобрали цеплявшихся за обломки Хаакона и Стейнкила. Тауно повис на борту. Здоровяк Стейнкил устался на него, изнуренный до такой степени, что у него остались силы лишь на благоговейный страх. Руку ему кое-как забинтовали, и жизнь его явно не была в опасности. Его, но не Хаакона. Весь его живот от грудины до паха был вспорот, и длинное тело распростерлось между двумя банками, покрытое кровью, с вываливающимися внутренностями. Но он еще цеплялся за ускользящее сознание. Его глаза — тускнеющая голубизна на тусклом янтаре — встретились с глазами Тауно. Принц из Лири уловил лишь хриплый шепот:

— Водяной, я благодарю тебя... Не нарушь моей клятвы, Джонас... Прости меня, водяной, за ложь о твоём народе...

— Тебе нужно было думать о своем, — тихо отозвался Тауно.

— А моя дочь... С тобой она станет говорить... У меня нет права просить... но если ты отыщешь ее и... — Хаакон перевел дыхание. — Умоляй ее... но, если она не захочет, скажи, что я... никогда не отрекался от своей Бенгты... и даже в чистилище стану молиться за нее...

— Да, — тихо сказал Тауно. — Мы с Эйян выполним твою просьбу. Хаакон улыбнулся:

— Быть может, и у вас, морских людей, есть души.

Вскоре он умер.

Глава 10

Волшебные чувства морских людей отыскиали след там, где смертные не увидели бы ничего. Тауно и Эйян обыскивали окрестности всего пару дней — правда, они проводили в поисках и большую часть необыкновенно долгих осенних ночей — и отыскиали новую стоянку инуитов.

Она находилась в небольшой и уютной долине над бухтой с высокими обрывистыми берегами. Начинаясь на лугу тропинка вела вниз к поблескивающей воде. Ручей с пресной водой с журчанием вырывался из-под дерна, уже увядшего, но все еще мягкого под ногами. Долину окружали горы, серо-голубые в тех местах, где их не покрывал снег. На восточные утесы падали таинственные зеленоватые отблески материкового льда. Окутанное дымкой закатное солнце пронизывало косыми лучами прозрачный и безветренный арктический воздух.

Собаки залаяли, когда две большие фигуры в одеяниях из рыбьей кожи широкими шагами подошли ближе, но потом принюхались и успокоились; они не стали заискивать, подобно собакам белых людей. Вышли охотники, держа гарпуны, ножи или луки, но они не угрожали пришельцам. Женщины остались за их спинами, прижимая к себе детей, но и они не выкрикивали слов страха или ненависти.

Все они были у себя дома, наслаждаясь добычей после удачной охоты. От костров долетал аппетитный запах — там жарилось мясо карибу и зайцев, а запас мяса был для безопасности подвешен на шестах. Крупные шкуры женщины уже дочиستا выскоблили, а мелкие начали для размягчения разжевывать. Хижины из белого камня уже стояли готовыми к зимовке, но семьи пока жили в конических шатрах. Проходя мимо одной из них, пришельцы заметили наполовину завершенную статуэтку мускусного быка, с безупречным мастерством вырезанную из моржовой кости.

Они подняли раскрытые ладони и крикнули:

— Мир! Вспомните, мы были у вас в умиаке. Мы ваши друзья.

Оружие опустилось или упало на землю.

— Нам было плохо вас видно, — сказал муж Бенгты. — Солнце мешало нам. Кому-то из нас стыдно.

Бенгта торопливо подошла к брату и сестре.

— Вы ведь не станете выдавать нас норвежцам, правда? — умоляюще произнесла она на родном языке.

— Нет, — ответил Тауно. — У нас послание от них.

— И печальная весть для тебя, дорогая, — добавила Эйян. Она взяла ладони Бенгты в свои руки. — Твой отец мертв. Его убил тупилак, когда он сражался с ним вместе с Тауно. Но он отомщен, чудовище уничтожено, а перед смертью отец благословил тебя.

— О-о-о... — Девушка застыла. Ее тяжелое дыхание облачком вылетало в морозный воздух, пока не терялось в небе цвета ее глаз. Волосы Бенгты потускнели от дыма. Теперь она, по обычаю инуитов, носила их завязанными в узел, но вид у нее был здоровый и цветущий, а ее мехам могла позавидовать королева. — О, отец, я не могла и представить...

Она зарыдала. Эйян обняла ее и принялась успокаивать. Миник продолжил разговор, со смущенным видом поглаживая Бенгту по плечу.

— Простите ее, — сказал он на своем языке. — Она не очень... сведуща в том, как себя правильно вести... но кто-то надеется, что скоро она научится. Арнангуак, моя первая жена, сейчас приготовит еду и разложит для вас постель. — Он улыбнулся, но смущенно — из-за поведения Бенгты.

К ним подошел Панигпак, выйдя из кольца окруживших их инуитов. На морщинистом лице ангакока читалась тревога.

— Кто-то думает, будто он слышал что-то о тупилаке, — с трудом выговорил он. Однако поза и взгляд возвышавшегося над ним Тауно остались спокойными.

— Ты слышал верно, — ответил Тауно. Они с Эйян заранее составили рассказ на языке инуитов, и теперь он поведал им о битве несколькими короткими образными фразами.

Ужаснувшиеся люди зашумели. Панигпака рассказ потряс больше всех.

— Я дурак, — простонал он. — Я навлек опасность на вас — тех, кто никогда не причинял нам вреда.

— Кто мог такое предвидеть? — утешил его Тауно. — И слушайте, ведь наш рассказ не окончен.

Когда мы вернулись, Джонас Хааконссон послал слуг ко всем жителям Вестри Бигда, приглашая их на сбор. А моя сестра... он выслушал ее и сказал так, как она ему посоветовала. Остальные послушались меня. Понимаете, мы напугали их, хоть они и решили, будто Великая Природа послала нас спасти их. — То было наиболее близким приближением к инуитскому пониманию «Бога» Тауно продолжил: — Мы вскоре поняли, что кроме власти Хаакона почти ничто не удерживало их на этом месте. Они прислушались к нашему предупреждению о том, что, по словам мудрых обитателей моря, эта земля станет все менее и менее пригодна для них и в конце концов всем оставшимся придется голодать.

Они решили перебраться на юг. Все, или почти все. Но сперва они хотят удостовериться, что никто и ничто не нападет на их лодки. Как раз в этом и заключается наше с сестрой поручение — получить от вас обещание беспрепятственно их пропустить летом. После их исхода весь север страны станет вашим.

Люди закричали, затанцевали, запрыгали, но они, казалось, были больше возбуждены, чем обрадованы, а радовались скорее тому, что вражда закончилась, а не тому, что победа досталась им.

— Обещаю! — всхлипнул Панигпак. — Обещаю! Я даже пошлю свой дух договориться с духами моря о спокойной погоде и чтобы стало много рыбы. И еще мой дух спросит, не знают ли те, кто правит морями, о вашем народе.

— Тогда, Бенгта, — негромко сказала Эйян, — тебе нужно решить свое будущее и будущее твоего ребенка.

Дочь Хаакона высвободилась. Слезы промыли канавки в покрывавшей ее лицо копоты, обнажив кожу, такую же белую, как цветки боярышника. Но она больше не плакала, голова ее гордо поднялась, а голос прозвучал твердо:

— Я это уже сделала в прошлом году, выбрав для нас двоих Миника.

Гости посмотрели на нее с удивлением. Инуиты разом замолчали. Она сжала кулаки и посмотрела им в глаза.

— Да, — сказала она. — Неужели вы думаете, будто он увез меня ради своей похоти? Он никогда не станет принуждать женщину или обманывать ее — потому что не представляет, как так можно поступить. А мы в детстве когда-то играли вместе. Он собирался отвезти меня и Халлфрид к отцу, но я умолила его не делать этого, и он по доброте своей согласился. По доброте. У него уже была хорошая и умелая жена — она тоже оказалась мне рада. Очень немногие инуиты хотят иметь двух жен — если возникает необходимость, они могут просто одолжить ее у друга. Думаю, вы со своими волшебными чувствами способны увидеть, насколько чиста помощь, которую друг оказывает другу. А я? Мне пока неизвестно многое из того, что должна знать инуитская женщина. Я могу лишь поклясться, что постараюсь всему научиться. Дайте мне время, и я надеюсь, что перестану быть мужу обузой.

— Так ты любишь его? — пробормотала Эйян.

— Не так, как любила Свена, — ответила Бенгта. — Но Миника я люблю за то, что он такой, какой есть.

Было не очень ясно, насколько ее муж смог уловить смысл этого потока слов, но он покраснел, и вид у него, несмотря на смущение, был довольный.

— Все мои надежды и надежды моей дочери связаны с ним, — продолжила она. — С кем же еще? Я всю жизнь разговаривала с людьми его народа — каждый час, который мне для этого выпадал. Я, как и вы, тоже поняла, что надвигается Суровая Зима, ведь инуиты мне рассказывали, как год за годом растут ледники, а море замерзает все раньше и раньше, а оттаивает все позднее. И когда я в конце концов оказалась в скверно построенном доме с тремя трупами, а ребенок на руках уже едва пищал от голода, я не сомневалась, что мы обречены. Люди в Вестри Бигде могут или цепляться за свою нищету, пока она не задушит их, или же перебраться в Мид или Остри Бигд — если те продержатся — и стать нищими там. А инуиты...

посмотрите вокруг. Они сделали то, для чего норвежцы всегда были слишком упрямы, они научились жить в этой стране, которая, в конце концов, и моя родина — и жить хорошо.

И окажись на моем месте ты, Эйян, разве не ухватилась бы ты за возможность присоединиться к ним?

— Конечно, — ответила Эйян. — Но я не христианка.

— Да что для меня церковь? — воскликнула Бенгта. — Бормотание невежественного мямли. Уж лучше я рискну оказаться в адском пламени — я, прошедшая через адские льды.

Ее гордость растаяла. Неожиданно она закрыла глаза и выдохнула:

— Но то, что отец погиб из-за меня... я еще долго буду искупать.

— Почему ты так говоришь? — спросила Эйян. — Когда ты убежала, он убил невинных и беззащитных людей. Вряд ли ты могла даже предположить, что этот суровый человек настолько обезумел от любви к тебе. Когда же черное дело свершилось, разве племя погибших не стало бы искать возмездия, предотвращая новую угрозу?

— Но тупилак появился из-за меня! — крикнула Бенгта. — Я вспомнила о нем, когда племя ради восстановления мира решило отослать меня обратно. И я упрашивала Панигпака, пока он его не сделал. Я!

Она упала на колени:

— Я говорила ему и всем остальным — что бы вы ни сделали, ссоры и убийства будут только страшнее с каждым все более тяжелым годом — до тех пор, пока норвежцы останутся здесь. Но если мы изгоним их, пусть даже это будет стоить нескольких их жизней... это станет милосердием и для них тоже... и я верила в это. Святая Мария, мать Божья свидетель тому, что я верила в это!

Эйян подняла ее и снова обняла. Тауно медленно произнес:

— Я все понял. Ты хотела, чтобы твои родственники, дорогие тебе с детства люди, ушли отсюда, пока не стало слишком поздно. Но ангакок в любом случае отозвал бы и разобрал свое создание следующей весной, так ведь?

— Д-да, — всхлипнула она на груди Эйян. — Но тупилак убил моего отца.

— Мы уже говорили, он благословил тебя перед смертью, — сказал Тауно и провел пальцами по своим волосам. — И все же... странно... как странно... тупилак был наслан не из ненависти, а из любви.

Наконец Атитак, вторая жена Миника, успокоилась и помогла приготовить еду. В ту ночь северное сияние вспыхнуло с таким великолепием, что покрыло половину небес.

Глава 11

Прошло лето, вернулась осень. Вереск стал пурпурным, запылела рябина, на осинах затрепетали золотые листья. После осеннего равноденствия с небес стали доноситься одинокие крики перелетных гусей. По утрам дыхание вырывалось изо рта облачком пара, а под ногами хрустел тонкий ледок на лужах.

Тени облаков, подгоняемых ледяным ветром, проворно скользили по земле. В монастыре святой Асмилды непогоды не страшились. Окруженное дубами, стряхивавшими с себя последние листья, прямоугольное здание из красного кирпича резко выделялось на фоне вересковой пустоши. Монастырь располагался на берегу озера напротив Виборга и, отгородившись от него водной гладью, как бы считал виднеющиеся на противоположном берегу башни кафедральных соборов, шпиль церкви Черного Братства и стены городского замка нереальными. Впрочем, сами монахини, часто приходившие в город для помощи сирым и убогим, так не думали, но за стенами монастыря их ждала тихая обитель, гармонию которой мирская суета потревожить была не в силах.

Так им, по крайней мере, казалось.

Трое всадников ехали к монастырю из Виборга на заранее оговоренную встречу с настоятельницей. Добротная, но неброская одежда придавала им респектабельный вид, под стать одежде были и прекрасные лошади. Спешившись у ворот, худощавый юноша с льняными волосами галантно помог слезть с седла своей спутнице — красивой женщине явно старше его. Их высокий и сильный слуга принял поводья; судя по поведению, он был и телохранителем. Юноша и женщина получили разрешение войти и с откровенной почтительностью шагнули в ворота.

Настоятельница тем не менее приняла их довольно холодно.

— Я вынуждена подчиниться повелению епископа, — заявила она. — Но ваша просьба, и святые угодники тому свидетели, весьма необычна. Знайте же, я стану молиться о том, чтобы вам не удалось лишить нашу обитель ее драгоценнейшего сокровища.

— Мы вовсе не стремимся к этому, преподобная мать, — ответил Нильс, стараясь говорить как можно мягче. — Если вы помните наше письмо, то знаете, что мы стремимся лишь отдать долг чести.

— Уж больно ваше письмо оказалось коротким, — фыркнула настоятельница. — Но я не настолько наивна, как вы полагаете, и уверена, что тут не обошлось без интриг. Увы, даже владыки церкви поддаются искушению и иногда идут на всяческие сделки, соглашаясь оказать давление на некоторых из нас.

— Это весьма тяжкие обвинения, преподобная мать, — предупредила Ингеборг Хьялмарсдаттер. Сообразив, что она и в самом деле зашла слишком далеко, настоятельница побледнела. Ингеборг улыбнулась. — Я все понимаю. Вы очень полюбили эту девочку, правда? Тогда вам наверняка придется по душе, если у нее появится выбор, которого она прежде не имела. И если она решит остаться — что весьма вероятно, — то это лишь подтвердит ее благочестие и набожность.

— И ты смеешь говорить о благочестии? Ты? Я кое-что узнала про тебя. Твое присутствие оскверняет наши стены.

— Мне всегда говорили, что гнев — один из смертных грехов, — вставил Нильс, нахмурившись. — Быть может, приступим к делу, преподобная мать?

Волю епископа пришлось исполнять. Нильса и Ингеборг провели во внутренний двор монастыря. Всем монахиням велели уйти, но некоторые, несомненно, украдкой подсматривали из окон. Правда, услышать они ничего не смогли бы.

Маргрете, которую некогда называли Ирия, вышла на опоясывающую двор галерею и остановилась. Она уже не считалась здесь чужой и потому была облачена в черное одеяние и покрывало, какие носят августинки. Она подросла на несколько дюймов, и даже бесформенная одежда не могла полностью скрыть нарастающую округлость ее бедер и груди. Но все-таки перед ними стоял ребенок — огромные глаза на нежном лице, застенчиво приоткрытые губы.

Приблизившись, Ингеборг заключила ее в объятия.

— Маргрете, милая! Ты нас не знаешь, но наверняка слышала о нас. Мы твои друзья и пришли помочь тебе.

Девочка отпрянула.

— Мне сказали, что я должна с вами увидеться, — прошептала она.

— Ха! А что еще они тебе про нас наболтали? — фыркнул Нильс. — Ты для них такая добыча, что лишиться тебя — горе. На одних паломниках они столько зарабатывают...

— Тише, — попросила Ингеборг, обернувшись. — Сейчас не время ехидничать. Маргрете, мы хотим лишь, чтобы ты нас выслушала и задала любые вопросы. А разговариваем мы наедине по той простой причине, что кое-кто может пострадать, если наш разговор услышат многие. И ты должна поклясться, что никому не перескажешь и слова — если только не услышишь нечто такое, что хранить в себе будет равносильно греху. Но таких слов ты от нас не услышишь, обещаю. Я расскажу о тех, кто ради твоего благополучия рисковал жизнью — о твоих братьях и сестре, Маргрете.

— У меня нет братьев и сестры, — резко произнесла девочка. — Больше нет.

— Неужели ты отречешься от них? Без них ты и сейчас жила бы в море, если бы не погибла той смертью, какой погибают животные. А они спасли тебя, вывели на берег. Присядь. — Ингеборг усадила Маргрете на скамью. — И послушай мой рассказ.

По двору пронесся порыв холодного ветра. Белым флагом проползло по небу облако. Где-то хохотало воронье.

Рассказ о детях морского царя оказался недолгим, потому что Нильс и Ингеборг многое в нем смягчили. Поначалу Маргрете все больше бледнела, но под конец щеки ее окрасил густой румянец.

— Вот, собственно, и все, — заключил Нильс. — Мой господин земной, равно как и Господин Небесный, знают лишь, что я исполняю обещания, данные своим товарищам, а исповедник благословил меня. Все это время меня твердо поддерживал епископ Роскильдский — мы с ним в своего рода дружбе. К тому же сделанные от моего имени пожертвования... в благодарность святым угодникам... принесли церкви немало золота, но не возбудили опасных подозрений. Кроме того, епископ признал твоё право на получение наслед-

ства от родственников — сейчас-то он знает, что именно от них поступили самые щедрые жертвования. Правда, ничего лишнего я ему не рассказывал.

Знай же, что в Копенгагене тебя ждет богатство. А епископ Йоган отыскал семью богатого купца, согласную тебя удочерить, вырастить и удачно выдать замуж. И если хочешь, приглашаем тебя поехать с нами.

— Я познакомилась с семьей того купца, — добавила Ингеборг. — Это хорошие, добрые и сердечные люди. В их доме царят мир и согласие.

— Они умеют радоваться жизни, — улыбнулся Нильс. — И научат радоваться тебя.

— А они набожны? — спросила Маргрете.

— Вспомни, ведь их выбрал сам епископ.

Некоторое время девочка молчала.

— Меня предупреждали о чем-то подобном, — произнесла она наконец, не отрывая взгляда от известняковых плиток, которыми был вымощен двор. — Мать Эллин была настроена резко против...

— Ты счастлива здесь? — спросила Ингеборг.

— Что стало с... Тауно и Эйян?

Маргрете не заметила боль, исказившую лица ее собеседников.

— Не знаем, — ответил Нильс. — Уже больше года от них нет вестей.

Ингеборг обняла девочку.

— Ты счастлива здесь? — снова спросила она. — Если ты действительно счастлива, то оставайся. Свое наследство ты можешь подарить монастырю или же распорядиться как угодно. Мы ведь пришли предложить тебе свободу, милая.

Маргрете резко вдохнула, стиснула пальцами колени.

— Сестры в монастыре... добры. Я... многому здесь... учусь...

Ингеборг кивнула:

— Но в тебе течет та же кровь, что и в Тауно.

— Мне лучше остаться. Мать Эллин говорила, что я должна остаться!

— А тот, кто выше ее рангом, сказал, что не должна, — напомнил Нильс.

— О, как мне хотелось бы увидеть других детей... — Маргрете зарыдала. Ингеборг снова захотела ее обнять. Девочка отстранилась, встала, отошла к одной из колонн галереи и обхватила ее руками, содрогаясь от рыданий. Нильс и Ингеборг молча ждали.

Наконец, все еще всхлипывая, но с возвращающимся спокойствием она повернулась к ним и сказала:

— Я стану молиться о знамении, и все же думаю, что уйду. Но не с вами. Не могли бы вы прислать кого-нибудь встретить меня... на следующей неделе?

— Мы можем задержаться в Виборге на несколько дней, — предложил Нильс.

Маргрете напряглась, помолчала и заговорила вновь, с трудом выговаривая слова:

— Нет, прошу вас. И вас двоих я хочу видеть не более чем по необходимости. Ведь я живое воплощение милости Господней, а вы... я знаю о ваших отношениях... прошу вас, измените вашу жизнь, поженитесь! И, ради спасения своих душ, не общайтесь с моим братом и сестрой — если не сможете уговорить их принять крещение. Но не думаю, что вам это удастся, и... да, они совершили ради меня много добра, и я стану молиться за них, если позволит священник, но... разве могут истинные христиане общаться с развратниками и существами без душ?

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВИЛИЯ

Глава 1

Панигпак сказал, что необходимо дождаться снега и построить иглу. Вскоре эта пора настала. Три дня и три ночи ангакок постился, а потом ушел в горы, пока мужчины возводили такой дом, где поместятся все. Пол устлали шкурами от летних шатров, а на возвышение напротив входа положили медвежью шкуру.

Когда после наступления темноты люди собрались внутри, все трижды выкрикнули имя Панигпака, приглашая его войти.

— Зачем вы собрались здесь? — спросил их ангакок, войдя в иглу. — Этот человек не сможет вам помочь. Я всего лишь старый дурак и лжец. Что ж, если вы того хотите, я попробую одурачить вас старыми смешными фокусами.

Он взошел на возвышение и разделся донага. Все уже успели раздеться — кто до пояса, а кто и совсем, потому что духота в иглу стояла невыносимая. В свете ламп блестели глаза и потные тела, шум людского дыхания походил на шум прибоя.

Панигпак сел. Мужчина по имени Улутаток связал ему руки и ноги, да так крепко, что пути впились в тело. Панигпак охнул от боли, но более не произнес ни звука.

Помощник положил рядом с ним бубен и высушенную тюленью шкуру, потом вернулся к остальным.

— Загасите лампы, — велел он. — И оставайтесь на месте, что бы ни случилось. Кто подойдет к нему сейчас, умрет.

Иглу погрузилась во мрак, остался лишь крошечный огонек, совсем не освещавший ангакока. Панигпак начал петь, выводя высоким голосом ритмичный напев, звучащий все громче и громче. Бухнул бубен, зашуршала сухая шкура, где-то в темноте послышались непонятные звуки — то здесь, то там, то над головами, то из-под земли. Люди начали подпевать, и вскоре песня овладела ими целиком, заставила забыть, раскачиваться, тереться друг о друга, что-то выкрикивать, завывать и вопить. Вместе со всеми безумие охватило Тауно и Эйян, когда даже они, обладая волшебным зрением, не сумели заметить, куда и как исчез Панигпак.

Помост опустел. Песня продолжала звучать, — бесконечная, словно зимняя ночь. Души инуитов словно выскользнули из тел и стали бродить рядом с ними.

Они верили, что сейчас их ангакок спускается сквозь скалы в подземный мир и выплывает из него, оказавшись глубоко в море. Там он минует страну мертвых, потом бездну, в которой вечно вращается ледяной диск и кипит огромный котел, наполненный тушами

тюленей. Потом проходит мимо огромного, больше медведя, сторожевого пса, который его злобно облаивает, переходит бездонную пропасть по мостику шириной с лезвие ножа и наконец предстает перед огромной одноглазой злобной Седной, которую некоторые называют Мать Моря.

Казалось, время остановилось, но наконец Улугаток крикнул:
— Тише! Тише! Дух созревает.

Он не осмелился произнести вслух настоящее имя ангакока — тот должен остаться тенью, духом, а возвращение следовало назвать созреванием, иначе злые духи подслушают его слова и нанесут удар. Он даже погасил последний огонек — ведь Панигпак умрет, если кто-либо увидит его до того, как он вновь наденет на себя собственную кожу, сброшенную перед уходом в подземный мир.

В полной темноте на людей обрушился порыв штормового ветра, рев которого отразился от невидимых небес. Многих завертело, толкнуло с места, швырнуло на пол. Снова зазвучал бубен, зашуршала тюленья шкура. Улугаток начал заунывно читать длинное магическое заклинание, произнося слова на непонятном языке. Возможно, главной его задачей было всех успокоить. Он не останавливался, пока не наступила тишина, нарушаемая лишь плачем испуганных детей.

Послышался усталый голос Панигпака:

— Двое из нас умрут этой зимой. Но мяса будет в изобилии, море станет полно рыбы, весна и лето окажутся мягкими, а соседи уйдут прочь. У меня есть весть и для наших гостей, но с ними я должен поговорить позднее, и наедине. Я все сказал.

Кто-то из мужчин вышел, отыскал в ближайшей хижине огонь, вернулся и вновь зажег лампы. Панигпак сидел на возвышении, все еще связанный. Улугаток приблизился, чтобы его освободить. Панигпак рухнул на спину и некоторое время лежал с закрытыми глазами. Открыв их, он увидел среди стоящих рядом инуитов Тауно и Эйян и слабо улыбнулся.

— Все это пустяки, — пробормотал он. — Только ложь и притворство. Я всего лишь старый пройдоха, и нет во мне никакой мудрости.

Когда подобные события завершаются, инуиты предпочитают о них не вспоминать. И когда Панигпак, отдохнув и подкрепившись, сам отыскал брата и сестру, он подошел к ним с некоторой робостью. Все трое отправились на берег моря.

Стояла ясная холодная погода. Бросив короткий взгляд на мир, солнце торопливо спускалось за южный горизонт, окрашивая стальной голубизной туши двух айсбергов, медленно бороздивших серые волны. Вдоль берегов уже выросла корочка льда, но он был еще слишком тонок, чтобы выдержать человека. В небе мельтешили глупыши, их крики едва доносились до тех, кто стоял на заснеженном берегу.

— От нее, обитающей на дне моря, не укрыться никому из тех, кто в нем живет, — произнес Панигпак — чуть мрачнее, чем намеревался. — Она знает все о ваших соплеменниках, Тауно и Эйян. Кое-

кому пришлось заставить ее произнести нужные слова, как приходится заставлять ее — если удастся — отпускать тюленей, когда их становится слишком мало для охоты. Седна не очень-то приветлива.

Тауно сжал плечо ангакока. Молчание затянулось. Эйян, потеряв терпение, отбросила за спину спадающие на лицо рыжие локоны и спросила:

— Ну, так где же они?

На старческом лице Панигпака шевельнулись морщины. Уставившись вдаль, он негромко ответил:

— Такое трудно понять. Произошло нечто, что рассердило даже ее. Вы должны помочь этому слабоумному говорить, потому что догадаетесь о том, чего он понять не смог. Так вот, хотя Седна не властвует на суше, она знает названия многих мест на побережье. Думаю, она узнаёт их от утонувших моряков. Я помню, как произносятся эти названия — тому, кто оказался возле Седны, нельзя забывать ни слова, — но для меня, невежды, они ничего не значат. Но вам, конечно, они что-то подскажут.

Постепенно, вслушиваясь в слова Панигпака, они сумели более или менее восстановить картину происшедшего. Беглецы из Лири захватили в Норвегии корабль и направились в Маркланд или Винланд* — местные норвежцы уже забыли, какая из этих стран расположена к западу от них, — но тут разразилась буря. Должно быть, край той самой бури зацепил и «Хернинг», но корабль с беглецами принял на себя всю мощь ее удара. Его отнесло обратно. После уроков отца Тауно и Эйян достаточно хорошо разбирались в географии и догадались, что Ванимен направил судно в Средиземное море. О конечной точке плавания они догадаться не могли, но Панигпак сообщил им название того места — остров Зларин возле побережья Далматии. Теперь они знали, куда направить поиски. Ангакок добавил, что на корабль с беглецами напали и что те спаслись, перебравшись на берег.

Дальнейшая их судьба оказалась совершенно неясной. Скорее всего уцелевшие остались поблизости от места высадки, потому что периодически, в одиночку или вдвоем, морские люди выходили на берег моря. Больше Седна ничего не смогла добавить, кроме одного — что-то изменило их, они стали другими, не такими, как прежде. Какими именно, она сказать не могла, но эти изменения наполнили ее, саму Мать Моря, дурными предчувствиями.

— Скверно все это, — сказал Тауно, нахмурившись.

— Быть может, и нет, — возразила Эйян. — А вдруг они сумели узнать чары, которые позволили им счастливо жить на новом месте, только не в море, а на берегу?

— Тогда мы отыщем их и все выясним. Но для поисков нам потребуется помощь людей.

* Так называли викинги различные места на восточном побережье Северной Америки.

— Верно. Впрочем, нам все равно предстоит ради Ирии возвращаться в Данию.

Панигпак долго смотрел на них глазами, видевшими за долгую жизнь немало скорби.

— Быть может, — негромко сказал он, — кое-кто сумеет вам немало помочь. Другим способом.

В ясную ночь звезды заполняли угольно-черную чашу небес настолько плотно, что скрывали ее почти целиком, украсив пересекающей от края до края серебряной лентой. Их отраженный от снега свет позволял Бенгте Хааконсдаттер, которую теперь звали Атитак, с легкостью шагать вдоль склона над долиной. Когда она говорила, изо рта вырывалось белое облачко пара, но мороз стоял еще не очень сильный, и пар не замерзал инеем на волчьей шерсти откинутого капюшона ее парки. Тишину, если не считать похрустывания снега под ногами, нарушал лишь ее голос:

— Неужели вам нужно покидать нас так рано? Мы с радостью считали бы вас своими гостями еще долго — и вовсе не из-за рыбы и тюленей, которых вы добыли столь много. Из-за вас самих.

Идущий рядом с ней Тауно вздохнул:

— Там, далеко, остались наши родственники. Возможно, им сейчас очень тяжело, и мы очень тоскуем без них. Вы обещали подарить нам каяки — на них мы и в самом деле доберемся быстрее, чем вплавь, — но все равно возвращение растянется на долгие недели. Помни, ведь нам придется по дороге охотиться, спать, а зачастую и бороться со встречным ветром. Мы хорошо отдохнули после той истории с тупилаком. По правде говоря, мы и так задержались у вас гораздо дольше, чем следовало бы. Инuitы вскоре начнут кочевать, и если мы присоединимся к ним, то вряд ли направимся домой раньше весны.

Женщина украдкой взглянула на его залитое звездным светом почти обнаженное тело, опустила спрятанную в рукавицу руку на руку Тауно и робко спросила:

— Тогда зачем ты вообще остался, Тауно? Я знаю, Эйян давно не терпитя в путь. Из вас двоих именно ты все время откладывал день отбытия.

Тауно остановился, Бенгта тоже. Тауно протянул руку, погладил щеку женщины и ответил:

— Я оставался из-за тебя, Бенгта.

Все это время он прожил в семье Миника, и гостеприимный хозяин с радостью одалживал ему своих жен. Тауно и Бенгта расставались, лишь когда она, по молчаливому согласию, ложилась на ночь с мужем, а Тауно — со старшей женой Миника. (Эйян же и вовсе вела себя не как женщина, а холостой охотник, что ночует то в одном иглу, то в другом. Она успела насладиться каждым мужчиной в лагере.)

Бенгта застыла, и Тауно едва расслышал ее слова:

— Да, нам было очень хорошо вместе. Тебе нужно отправляться в путь, но... ты потом вернешься когда-нибудь?

— Боюсь, что нет, — покачал головой Тауно.

Бенгта опустила голову.

— Эх, твое сердце водяного... — Она вновь взглянула на Тауно. — Но что во мне так удерживало тебя? То, что я больше напоминаю женщину твоего народа, чем любая из инуиток? Что ж, в Европе полно белых женщин.

— Но очень мало таких красивых, как ты, Бенгта.

— Кажется, я знаю причину, хотя сам ты, возможно, не... — Она неожиданно замолчала.

— Ты о чем?

Бенгта закусила губу.

— Ни о чем. Так, вырвалось. — Она зашагала вниз по склону. — Пошли, пора возвращаться.

Под их ногами зашуршал и заскрипел снег.

— Что ты хотела сказать? — грубо спросил Тауно.

— Ничего!

Он схватил ее за локоть и сжал так сильно, что она поморщилась.

— Нет, скажи. — Его губы растянулись в ухмылке, блеснули зубы.

— Я подумала, — пробормотала она, — подумала, что больше всех прочих женщин похожа на Эйян... а путь домой станет долгим, и у тебя кроме нее никого не будет... Прости меня, Тауно! Прости, любимый! Конечно же, я ошибаюсь.

Его лицо стало холодным, голос равнодушным:

— Тут нечего прощать. Разве есть слова, которыми можно обидеть существо без души?

Внезапно он резко остановился, привлек ее к себе и, улыбнувшись, нежно поцеловал.

...Лежа на спальных мехах во мраке иглу, она прошептала ему на ухо:

— Пусть плод в моем чреве станет твоим. Надеюсь, так оно и есть — я считала дни. Миник мне очень дорог, я хочу рожать детей и ему, но пусть его боги подарят мне хотя бы такое воспоминание о тебе, Тауно.

День стал похож на испуганного беглеца, робко выглядывающего в ночь, чтобы тут же спрятаться обратно. Ночной мрак не пугал полукровок, но они решили попрощаться с инуитами при свете солнца.

Все собрались у кромки берегового льда, где он становился опасно тонким. Берег покрывала белая пелена снега, и лишь местами из нее выглядывала голая верхушка скалы или утеса. Впереди расстилалось море — седое от пены, шумное и беспокойное. Кусачий от мороза ветер гнал над ним низкие облака.

Панигпак вышел из толпы провожающих и приблизился к стоящим у кромки льда Тауно и Эйян. В руке он держал костяной диск диаметром около полутора дюймов, слегка вогнутый и подвешенный на шнурке из тюленьей кожи, пропущенном через отверстие возле кромки.

— Вы помогли нам неизмеримо, — сказал ангакок. — Тауно уничтожил тупилака, которого выпустила в море глупость говорящего эти слова. Этой победой он изумил наших врагов, и теперь между

нами мир. Эйян... — Он покачал седой головой, усмехнулся и подмигнул. — Эйян, когда я стану совсем стар и годеи, лишь чтобы сидеть в одиночку на льдине, только воспоминание о тебе сумеет согреть меня.

— О, вы вернули нам взамен гораздо больше, — ответил Тауно, когда его сестра коснулась губами лба Панигпак. Она рассказала брату, что сил у старика оказалось поменьше, чем у молодого охотника, но зато он был с ней очень нежен.

— Другам не пристало сводить между собой счеты, — напомнил Панигпак. Не имей он дел с норвежцами, он вряд ли смог бы отыскать подходящий ответ. — А сейчас кое-кто осмелится преподнести прощальный подарок.

Он протянул диск. Тауно положил его на ладонь и внимательно рассмотрел. В углублении на одной из его сторон были вырезаны и закрашены черной краской, резко выделяясь на желтовато-белом фоне, два изображения: птица с черной головой и кривым клювом рядом с лунным полумесяцем. Когда Тауно ощутил таящееся внутри волшебство, по его телу пробежал зловещий холодок.

— Вскоре вы окажетесь в чужих землях, среди незнакомцев, — сказал Панигпак. — Тамашние жители говорят на языках, которых вы не понимаете. Тот, кто станет носить этот амулет, поймет любое услышанное слово и сможет ответить на том же языке.

Эйян коснулась диска кончиком пальца.

— Когда имеешь дело с такими предметами, всегда необходима осторожность, — пробормотала она. — Твои чары не похожи на наши. Что нам следует знать о твоём подарке?

— В нем заключена сильная магия, — столь же негромко ответил ангакок. — Чтобы вызвать ее, кое-кому пришлось до предела напрячь свои жалкие силы. Для начала мне пришлось вскрыть погребальный холм моего отца и взять кусочек его черепа... нет, он вовсе не сердится — он смог помочь вам даже сейчас, обитая среди теней, и получил от этого удовольствие...

Амулет связывает один дух с другим. Остерегайтесь и не всматривайтесь долго в изображенные на нем знаки. А еще лучше носить его под одеждой или чистой стороной наружу, потому что любой дух, пожелавший покинуть мир, будет затянут в него, а это равносильно смерти. — Он помолчал. — Если такое произойдет, плененный дух может снова выйти наружу и войти в того, кто станет носить амулет — если хозяин амулета согласится. Но разве пожелает кто-либо стать наполовину чужаком?

Тауно торопливо сжал в кулак ладонь с амулетом, но Эйян разжала его пальцы. Взяв амулет, она повесила его себе на шею так, как советовал Панигпак.

— Спасибо тебе, — поблагодарила она слегка дрогнувшим голосом.

— Не за что. Что еще мог предложить вам старый дурак?

После немногих прощальных слов и последних объятий брат и сестра взяли каяки и зашагали к воде. Вскоре лед под ними проломился, они спустили каяки в полынью, забрались в них, плотно

закрепили вокруг пояса кожаную обшивку и отвязали весла. Помахав на прощание, они направили каяки на юг. Инуиты и Бенгта долго смотрели им вслед, пока две точки не растворились вдали.

Глава 2

Однажды на обратном пути Тауно встретил стадо гренландских китов, путешествующих вокруг света, и услышал их пение. Мало кому из морских людей это удавалось, потому что властелины океанских просторов редко приближаются к берегам — а кто станет специально искать их в море, да и что скажет он этим царственным существам?

Тауно охотился. Эйян плыла дальше, а его каяк с накрепко затянутым верхом качался на волнах, привязанный веревкой к ее суденышку. Время от времени они менялись, чтобы оставленные без присмотра утлые лодчонки не унесло ветрами неизвестно куда. Бросаясь в волны, чтобы размять немеющие от долгого сидения тела, они держались рядом с каяками, а когда спали в море, то каждый привязывался к своему каяку, а второй веревкой друг к другу. Подобные предосторожности доставляли им немало хлопот, к тому же охотиться вдвоем было бы намного легче, но все же они приближались к цели быстрее и с меньшими усилиями, чем если бы пересекали океан вплавь.

Тауно нырнул глубже, надеясь добыть рыбу покрупнее — мелочь не стоила потраченных на нее усилий, слишком уж много пищи требовали их тела для работы и чтобы не замерзнуть. И тут, на глубине, он услышал далекий звук, прозвучавший, как обычно слышишь в воде, а не в воздухе, не только в ушах, но и в мускулах, крови и в костях. В прохладных серовато-зеленых глубинах раздался пульсирующий гул. Поначалу слабый, он заставил Тауно развернуться и двинуться навстречу. Поняв, кто издает эти звуки, он неумоимо плыл вперед, потому что стадо китов наверняка вспугнет многих обитателей моря и он легко отыщет среди них обильную добычу. И тут киты запели.

Не в силах совладать с собой, Тауно все плыл и плыл, миля за милей удаляясь от тех мест, где намеревался остановиться, и наконец увидел их — могучие рифы горбатых спин, животы и огромные пещеры распахнутых ртов. Каждый плавник превышал размерами человека, хвосты отбрасывали прочь невидимые, но мощные водные вихри, унося вперед туши, превосходящие размерами большинство кораблей. Медленный рокот движения сотен исполинов разносился вокруг, становясь частью музыки, которая, повышаясь от баса до неслышимых человеческим ухом звуков, то усиливалась, то затихала.

Тауно почти не знал их языка, а амулет остался у Эйян. Впрочем, никто из соплеменников Тауно не превосходил его в этом отношении, потому что речь китов даже отдаленно не напоминала речь людей суши или моря. Звуки служили не словами, а описаниями событий, и каждый был полон значения не меньше, чем целая библиотека книг или воспоминания о прожитой жизни, проносящиеся перед внутренним взором умирающего человека. Разум Тауно унаследовал знания двух рас, к тому же он был поэтом. Позднее он сумел

восстановить фрагмент услышанного, но все же с тоской сознавал, что это лишь незначительный кусочек, случайно отделившийся от огромного целого и не дающий даже намека на его форму или смысл.

Вожак: *Жизнь появляется из волн,
Что повинуется луне, торящей
Свой путь по беспредельным небесам.
Она, всесильная владычица морей,
Могущественней пламенного солнца.
В пучине неба, среди тысяч звезд, земля,
Луна и солнце кружат в хороводе.*

Старые самки: *Да, кружат, кружат,
Подобно воспоминаньям
Об утраченном.
Горе матери, чьи муки
Оказались напрасны,
Чей детеныш
Не поплывет рядом с ней никогда.*

Молодые самцы: *Холодна, сурова
Зыбь зимой морская,
Но она в нас будит
Силу и желанья.
Летом все иначе,
Лето дарит ласки;
Летние забавы —
Радость, наслажденье.*

Молодые самки: *Вы — грядущий рассвет,
Ветер и дождь, чья влага
Оплодотворяет волны.
Мы — океан и луна,
В наших телах
Зреет новая жизнь.*

Детеныши: *Стремительные облака,
Ветер, брызги, птицы над водой,
Белая пена — все внове, внове!*

Старые самцы: *Жизнь — чередование зимы и весны,
Которому все подчиняться должны.
Минует прилив, наступает отлив:
Подточит вода твердокаменный риф,
А время и радость и грусть унесет.
Мы — древний народ, мы — избранные вод,
Но нам, как и прочим, увы, суждено
Усеять костями океанское дно.
И в черный, бездонный провал темноты
Навеки могучие канут киты.
Однажды в урочный, отмеренный час
На свете не станет ни света, ни нас.*

Пролив Пентланд* печально знаменит проходящими через него сильнейшими течениями, а есть места, где морская стихия еще яростнее; нужно проплыть мимо Весельчаков Мея, между Свалчаем и Колодцами Суоны, а потом обогнуть мыс Данкансби с его сильными приливами. Поэтому перед опасным переходом Тауно и Эйян отыскали более или менее укрытое от ветра место на острове Кайтнесс, вынесли на берег потрепанные морем каяки и решили передохнуть.

Изломанные скалы вздымались по обе стороны заливчика, более напоминающего расщелину. В конце его отыскалась узкая полоска пляжа, переходящая в кочковатую, но мягкую из-за густой травы дернину. Далее склон вел вверх. Едва заметная тропка петляла между валунами и редкими кустиками, но все же было ясно, что на этот берег высаживаются редко, и, уж конечно, не зимой.

В заливчике оказалось гораздо теплее, чем могло показаться из-за его неприветливого вида, и после невзгод, перенесенных в открытом море, он показался путешественникам едва ли не раем. Солнце сюда не проникало, и легкие волны, накатывающиеся на пляж, казались в густой тени сделанными из потемневшего от времени старинного серебра, но все же солнечные лучи, отражаясь от морских вод, доносили толику своего тепла и до скалистых утесов, отражавших его вниз, к пляжу. Ветер напоминал о себе лишь посвистыванием высоко среди скал. Тауно и Эйян отнесли каяки подальше от воды, выше линии прилива, потом разложили на траве шкуры недавно добытых тюленей. Набрав хвороста, они вытащили трут, камень и кресало, разожгли костер и щедро подбросили в него собранные на берегу дрова. Кроме тюленьего мяса, они зажарили гагарку, а рыбу решили съесть сырой.

— Эх, — сказал Тауно. — Как вкусно пахнет!

— Да, здорово, — согласилась Эйян, глядя на прутик с насаженным на него мясом, который держала над огнем. Брат сидел рядом, лицом к заливу, сцепив руки под согнутыми коленями и положив на них подбородок.

— Радуйся такой погоде, пока она не кончилась, — сказал он после долгого молчания. — Долго она не продержится.

— Ты прав.

— Нам не стоит тянуть с починкой каяков.

— Верно, не стоит.

— В конце концов, мы преодолели уже... сколько?... две трети пути?

— Может, даже чуть больше.

Некоторое время ни у кого из них не находилось новых слов. Поднявшаяся после вечернего прилива вода медленно спадала.

Эйян потыкала тушку птицы костяной палочкой. Когда она наклонилась вперед, ее распущенные и переброшенные на грудь волосы отклонились в сторону, обнажив белую кожу и розовые соски.

* Пролив между северной оконечностью Шотландии и Оркнейскими островами. Далес упоминаются опасные для судоходства места на побережье Шотландии.

— Птица скоро будет готова, — сообщила она. — Можешь начинать чистить рыбу.

— Хорошо.

Бросив украдкой взгляд на сестру, Тауно принялся за рыбу. При каждом движении у него под кожей перекачивались мускулы.

— Знаешь, а торопиться с ремонтом тоже нет особых причин, — заметила она несколько минут спустя. — Небольшая передышка пошла бы нам только на пользу.

— Да, мы уже говорили об этом. Но времени на отдых у нас с избытком хватит на Борнхольме — пока Нильс получит от нас весточку и доберется до острова.

— Мы и об этом говорили.

— Помни, что с людьми стану разговаривать я. Инуитская одежда в Европе и на мужчине смотрится нелепо, а уж на женщине...

— Да, да, да! — огрызнулась она. Ее щеки залила краска, потом покраснели шея и грудь.

— Извини, — глухо произнес Тауно. Его золотистые глаза встретились с серыми глазами сестры.

— Не за что, — торопливо ответила она. — У меня терпение кончается. В животе от голода бурчит.

— У меня тоже, — ухмыльнулся Тауно. — То, что ты слышишь, вовсе не шум прибора.

Шутка немного разрядила напряженность, но за все время, пока жарилось мясо, они перекинулись лишь парой слов. За едой они тоже почти не разговаривали, обменявшись только фразами о том, как вкусна еда и как приятно сидеть у огня.

Покончив с ужином, Тауно подбросил в костер дров и поворошил угли. Поздний вечер переходил в ночь, полоска неба стала тускло-голубой, но их глазам света еще хватало. Они сидели у огня напротив друг друга, наслаждаясь зрелищем красновато-желтых язычков пламени, голубоватым мерцанием угольков, уютным потрескиванием и дымком костра.

— Наверное, уже пора ложиться, — заметил Тауно, — но мне пока не хочется спать. Иди, если хочешь.

— Мне еще тоже не спится, — ответила Эйян.

Брат и сестра уставились на огонь.

— Хотелось бы мне знать, как живет Ирии, — еле слышно произнесла Эйян.

— Скоро узнаем.

— А если у Нильса и Ингеборг ничего не выйдет?

— Тогда договоримся с кем-нибудь еще.

— Я так надеюсь, что они не пострадали, — прошептала Эйян. — Я бы сейчас даже в Бога поверила, если бы знала, что мои молитвы им помогут.

— Не волнуйся, они люди упорные, — сказал Тауно. — Мне так не терпится поскорее встретиться с ними вновь.

— Мне тоже. А Нильс... он мне нравится больше всех прочих людей, которых я знаю.

— А она... Уф-ф-ф! — Тауно фыркнул, прищурился и зажал нос. — Весь дым прямо на меня!

Эйян подняла голову, взглянула на брата. Свет ущербного месяца серебрил его зеленоватые локоны и заливал мягким светом широкие плечи — там, где на них не падал свет костра.

— Иди сюда, — позвала она.

Тауно напрягся, потом пересел. Они сидели, почти касаясь друг друга, протянув ладони к теплу и глядя прямо перед собой. Над вершинами скал медленно ползло тягучее время.

— А что мы станем делать, дожидаясь новостей на Борнхольме? — спросила наконец Эйян.

Тауно пожал плечами. От этого движения их руки соприкоснулись. Тауно сглотнул, прежде чем ответить.

— Станем охотиться, ловить рыбу... и отдыхать, конечно. Мы давно заслужили отдых.

Сестра кивнула, и ее бронзовые волосы коснулись Тауно.

— Да, мы многое успели сделать, верно?.. Ты и я.

— Но впереди еще больше.

— Вместе мы справимся со всем.

Никто из них так и не понял, как оказались рядом их лица, как соприкоснулось дыхание, как каждый ощутил чистый запах другого, как их губы разделил всего дюйм пустоты. Они так и не узнали, кто первым подался вперед.

— Да-да! — страстно, едва не всхлипнув, прошептала она, когда поцелуй ненадолго прервался. — Да, сейчас!

Тауно отстранился:

— Наша мать...

Эйян порывисто прильнула к нему, и брат почувствовал, как за нежной упругостью груди ее сердце колотится еще быстрее, чем его собственное. Эйян попробовала рассмеяться:

— Мы слишком долго мучились из-за этого. Но мы же морские люди, милый Тауно. — Она порывисто поднялась, великолепная в отблесках костра. — Там, на траве, нас ждет мягкая постель... и я только сейчас поняла, насколько истосковалась...

— И я тоже.

Тауно неуверенно поднялся. Эйян увлекла его на покрытый травой склон...

...Луна опустила за верхушки скал. Небо покрылось искорками звезд.

Эйян приподнялась на локте.

— Бесполезно, — с горечью произнесла она. — Все бесполезно.

Тауно, все еще лежа, прикрыл лицо согнутой рукой.

— Думаешь, я счастлив? — пробормотал он.

— Нет Конечно, нет. — Эйян с досадой ударила себя кулаком по бедру. — Христиане, видите ли, могут изгнать нас! — воскликнула

она. — Но почему, во имя справедливости, мы не можем изгнать христиан?

— Потому что справедливости не существует. Прости.

Тауно повернулся на бок, спиной к сестре. Эйян выпрямилась. Ее ладонь нежно скользнула по телу брата, замерла на бедре.

— Не терзайся понапрасну, брат мой. Бывают проклятия и похуже. А у нас с тобой есть целый мир, и никто не запретит нам жить в нем.

Тауно не ответил.

— Мы останемся товарищами. Братьями по оружию, — добавила она.

Тяготы утомительного путешествия оказались милосердными — измученный Тауно заснул.

...Проснувшись, он увидел, что рисунок созвездий успел измениться. Костер угас, заметно похолодало, и теперь, когда его тело начало сжигать пищу, превращая ее в тепло, он ощутил гложащий голод. Потянувшись всем телом, он улыбнулся. Тут же нахлынули воспоминания.

Вскоре он заметил, что Эйян рядом нет. Тауно нахмурился, встал, огляделся. Спрятаться здесь, в тесной расщелине, ей было негде. Тогда где же она? Призвав на помощь обостренные волшебные чувства морского народа, он прошелся вдоль берега. Так, в воду она не входила. А на тропке... да, вот ее след — слабый, но четкий.

Тауно замер. Он догадался, куда она направилась и зачем, но он мог ошибиться. И вообще здесь, в населенной христианами глухомани, она могла неожиданно нарваться на беду. Приняв решение, он прицепил к поясу нож, подхватил гарпун и зашагал по тропе наверх.

Луна давно скрылась. Поднявшись до вершины, Тауно начал спускаться по поросшему вереском склону, кое-где запятнанному инеем и островками снега. Тауно быстро шагал по тропинке, которая сперва повторяла очертания берега, но затем, отклонившись южнее, привела его в неглубокую долину. В ней, укрытая от морских ветров, притулилась бедная ферма, окруженная небольшими отведенными у вересковой равнины полями, на которых по осени вызревал скудный урожай овса и ячменя. Но все же местные жители кормились в основном за счет овец, бродивших летом по всему острову. Тауно разглядел загон, сеновал и пару покосившихся строений. Неподалеку возвышались могильный курган — последний приют безымянного викинга — и развалины пиктского святилища.

Тропинка вела дальше. Шагая по ней, он приблизился к ферме, где навстречу ему с лаем выскочили два пса, но тут же, принявшись, взвыли и умчались в темноту.

Его внимание привлек какой-то негромкий звук. Пригнувшись, он неслышно подкрался поближе и заглянул в приоткрытую дверь сарая. Там стояла, всхлипывая, постаревшая от тяжелого труда женщина, баюкая на руках младенца. У ее ног, съевшись, сидели две девочки. Все трое дрожали от холода — на каждой была лишь холщовая рубашка, должно быть, торопливо наброшенная перед выходом.

Тауно подобрался к дому. Во мраке под низким навесом торфяной крыши сквозь трещины в ставнях пробивался свет. Прижав ухо к стене, он напряженно вслушался.

Судя по звукам, внутри были четверо возбужденно дышащих мужчин и Эйян, вопящая не хуже кошки. Кто-то вскрикнул, и голос Эйян тут же громко произнес:

— Ты следующий, Родерик!

Тауно с такой силой стиснул древко гарпуна, что костяшки пальцев побелели.

...Ну что ж, подумал он много позднее, кого за это благодарить, как не самого себя? Да и какая теперь разница? Усмехнувшись, он представил себе изумленные и испуганные лица фермера и его сыновей, увидевших обнаженную Эйян, постучавшую ночью в дверь. Амулет позволил ей запудрить им мозги какой-нибудь подходящей байкой — к примеру, что она и в самом деле дальняя родственница эльфов, но от нее не исходит смертельная угроза людским жизням или душам. Она не испугалась креста, смогла произнести имя Христа, и ошалевшие от нежданно подвалившего счастья мужики отбросили всякие сомнения.

Тауно вернулся к костру. Когда Эйян вернулась на рассвете, он притворился спящим.

Глава 3

Теперь, когда водяного не стало, вилия проводила зиму в полном одиночестве. В водах озера не осталось никого, кроме рыб — не очень-то веселых соседей, — да и те в это время года стали вялыми и не радовали ее более летней игривостью и блеском яркой чешуи. Лягушки, позабыв о шумных вечерних концертах, зарылись в донный ил. Лебеди, гуси, утки и пеликаны улетели, остались зимовать лишь береговые птицы, чьи пронзительные крики разносились среди заснеженных голых деревьев.

Вилия дремала, плавая в тусклой глубине, превратившись в белую тонкую тень, окутанную бледным облачком волос. Большие глаза цвета затянутого легкой дымкой неба не двигались, не моргали, не обращались на то, что увидело бы в воде любое живое существо. Легкая округлость ее груди оставалась неподвижной.

Так она дрейфовала целыми днями, неделями, месяцами — она не считала время, для нее оно прекратило свое течение, — и тут вода неожиданно всколыхнулась. Когда поднявшиеся после всплеска волны улеглись, вилия ожила. Ее конечности шевельнулись, распрямились, направили тело вверх, к поверхности и к берегу. Ее движения едва всколыхнули неподвижность глубинных вод, но пришелец все же уловил их и поплыл навстречу. Показавшись сперва расплывчатым силуэтом, он быстро превратился в четкую фигуру, от которой исходили тепло, сила и жизнь. Его движения нарушили стылый покой сумеречных глубин, наполнили воду течениями и вихрями. Заплясали, пробиваясь на волю, пузырьки воздуха.

Они сблизились и неподвижно застыли в яре друг от друга, присматриваясь и оценивая.

Пришелец, в отличие от вилии, не был полностью обнажен — в дополнение к ленточке на голове и поясу с ножом его бедра обнимала полоска ткани. Мощного сложения, гладкокожий, с золотистыми волосами, зеленоглазый, он почти не отличался от обычных людей, если не считать отсутствия бороды, перепонки между пальцами ног и способности дышать под водой. И, воистину, отличий почти не существовало: для обитателей полумира внешность мало что значила по сравнению с яркой, почти пылающей внутренней сутью. И, с точки зрения вилии, перед ней находился человек с христианской душой.

— О, здравствуй, — прошептала вилия, набравшись храбрости. Ее голос слегка дрожал, и столь же робкой оказалась улыбка.

— Как ты думаешь, для чего я здесь? — сурово спросил пришелец.

Вилия отплыла немного назад.

— Ты... не тот... память у меня как туман, но осень и еще осень тому назад... ты прогнал отсюда водяного?

— Это сделал тот, кем я был тогда.

— Ты еще испугался меня. — Вилия не сдержалась и хихикнула. — Меня! Ты!

Воспоминание развеселило ее, и она протянула к нему широко разведенные руки.

— Ты ведь знаешь теперь, что я не могу причинить тебе вреда? Я так этому рада. Позволь, я осчастливорю тебя.

— Не шевелись, злобный дух! — рявкнул пришелец.

Изумленная вилия отплыла еще дальше назад, испугавшись его гнева.

— Но... но я не *стану* причинять тебе вреда, — пробормотала она. — И каким образом? Разве может возникнуть такое желание у меня, у которой не осталось ни единого друга?

— Щупальце мрака...

— Мы будем счастливы вместе — и среди летней зелени, и в зимних водах. Я согреюсь у твоей груди и сама стану для тебя прохладным водопадом, венком из листьев, освещенным лунным светом...

— Довольно, замолчи! Ты увлекаешь мужчин на самое дно ада!

Вилия вздрогнула и смолкла. Если она и плакала, то ее слезы выпивало озеро. Незнакомец постепенно успокоился.

— Впрочем, ты можешь и не знать, кто ты есть на самом деле, — добавил он. — Вот и отец Томислав до сих пор гадает, понимал ли Иуда, что он натворил, или до него это дошло уже слишком поздно.

Незнакомец смолк, не сводя глаз с вилии. Убедившись, что гнев его поутих, вилия проворно, словно капелька ртути, скользнула ближе, робко улыбнулась и спросила:

— Иуда? Я была с ним знакома?.. Да, возможно, я как-то раз слышала это имя... но с тех пор успела его позабыть.

— Отец Томислав, — слова пришельца прозвучали веско, словно удар топора.

Вилия покачала головой:

— Нет. — Нахмурившись и прижав палец к щеке, она добавила: — То есть да. Кто-то дорогой для меня, верно. Но тут, в глубине, так трудно вспоминать, здесь так тихо и спокойно. Быть может, если ты мне расскажешь... — Она напряглась, и ее огромные глаза внезапно стали еще больше. — Нет! — закричала она и подняла руки, словно защищаясь от удара. — Прошу тебя, ничего мне не рассказывай!

Незнакомец вздохнул, насколько это возможно под водой:

— Бедняжка. Верю, что ты говоришь правду. Я спрошу, можно ли помолиться за тебя.

К нему снова вернулась решительность:

— Но все равно. Сейчас ты опасна тем, что можешь навлечь на человека проклятие. Этим летом на озере снова появились рыбаки, и они видели, как ты бродишь в сумерках по берегу. Кое-кто слышал твои призывы и с трудом удержался от сладкого искушения. Этим летом их здесь станет еще больше, так что запомни — ты не посмеешь заманивать ни единую душу! И я пришел сюда, чтобы внушить тебе это.

Вилия испуганно съежилась — ведь именно он сумел одолеть водяного.

Пришелец вынул нож и протянул его перед собой, держа за лезвие. Получилось некое подобие креста.

— Ради человека, окрестившего меня, я не стану уничтожать тебя намеренно, — громом раскатились его слова. — Кто знает, вдруг и ты можешь быть каким-то образом спасена. Но запомни накрепко: никто не должен оказаться проклят... по твоей вине.

Не смей более заманивать христиан, Нада. И никаких более глупых шуточек — не поднимать ветра, разбрасывающего белье, которое женщины разложили для просушки, не красть маленьких детей, пока мать спит, утомившись после работы в поле...

— Я лишь нянчила их немного, — прошептала вилия. — А потом возвращала. У меня нет для них молока.

Сохранив суровость тона, пришелец добавил:

— И не смей петь вблизи людей — твоё пение возбуждает в них мечтания, которым лучше никогда не пробуждаться. Скройся с глаз долой. Стань для детей Адама — как родных, так и приемных — невидимой и неслышимой.

Если ослушаешься, то я сам начну выслеживать тебя. Я прихвачу с собой полынь, запаха которой ты не выносишь, и стану хлестать тебя ею — в первый раз, и во второй. Если же ослушаешься в третий раз, я приду, получив благословение священника, окроплю тебя святой водой и отправлю в ад.

А в аду ты, создание из листьев, тумана и ветров, станешь гореть. Пламя будет пожирать тебя бесконечно, и ни капелька росы, ни снежинка не долетят до тебя и не облегчат твоих мук. Ты все поняла?

— Да! — закричала она и бросилась прочь.

Он оставался на месте, пока не перестал ее слышать, пока ее силуэт не растворился в темной глубине, словно она и в самом деле перестала существовать.

Глава 4

Ранней весной, гораздо раньше, чем пришлось по душе капитану — еще до равноденствия, — из Копенгагена вышел корабль, направившись к острову Борнхольм. Потрепанный непогодой в Балтике, он пристал к берегу в Сандвике, на северной оконечности острова, где берег вздымается крутым утесом, увенчанным замком под названием «Дом молота». Экипаж отпустили на берег, а те, кто нанимал его в Копенгагене, сели на лошадей и направились к некоей безлюдной бухте.

Завывающий под бледным осенним небом ветер гнал к берегу серые от пены волны. Когда вода откатывалась, галька на берегу рокотала, словно жернова огромной мельницы. С жалобными криками носились чайки. Берег усеивали коричневые клубки морской капусты, пахнущие глубиной и покрытые маленькими пузырьками, с легкими хлопками лопающимися под подошвами. За прибрежными дюнами и полосой жесткой травы тянулся широкий, поросший густым вереском торфяник, на котором давно позабытые племена установили жертвенный камень.

Дети Ванимена вышли на берег навстречу гостям — обнаженные, если не считать оружия, талисманов и золотых браслетов на руках. Влажные волосы Тауно отливали зеленоватым золотом, а у Эйя — красной бронзой с тем же едва уловимым оттенком морской зелени.

Ускорив шаги, Нильс и Ингеборг бросились в объятия брата и сестры.

— Милость Божья, как же долго мы не виделись, — прошептал юноша. У Ингеборг хватило лишь сил, чтобы покрепче обнять Тауно и смахнуть слезу.

Когда волнение первых мгновений немного улеглось, Тауно слегка отстранился, сжимая ладонями плечи Ингеборг, и с нежностью взгляделся в ее лицо.

— Вижу, дела у вас пошли неплохо, — заметил он. — Хорошая одежда, пропали следы лишений. Но и это не все — кажется, ты обрела мир и спокойствие внутри себя, верно?

— Да, сейчас, когда я рядом с тобой, — ответила дрогнувшим голосом Ингеборг.

Тауно покачал головой:

— Нет, я другое хотел сказать. Обнимая тебя, я почувствовал, что ты лишилась вечного страха перед миром, от которого ждала лишь новой боли и унижений. Выходит, вы процветаете?

— Благодаря Нильсу, — кивнула Ингеборг.

— Гм. А по-моему, ему за многое следует поблагодарить тебя.

Все это время Ингеборг разглядывала Тауно еще пристальнее, чем он совсем недавно всматривался в нее.

— А вам пришлось куда труднее, чем нам, так? — тихо молвила она. — Ты похудел, осунулся, и... я чувствую, ты весь дрожишь. Ваши поиски оказались неудачными?

— Они еще не закончены. Здесь мы решили немного отдохнуть. — Он вновь привлек ее к себе. — Мне очень не хватало тебя.

Ингеборг сжала его руки так сильно, что кончики пальцев под ногтями побелели. Охваченные своими чувствами, она и Тауно все же краем глаза наблюдали, как происходит встреча Нильса и Эйян. Девушка поцеловала его довольно нежно, но потом спросила:

— Как поживает Ирия?

— Маргрете, — нахмурившись, поправил ее Нильс. — Отныне и навсегда она только Маргрете. — Он смолк, отыскивая подходящие слова. — Нам удалось доставить ей ее долю сокровищ. Это оказалось нелегко — едва дворяне почуяли золото, тень палача падала на нас до тех пор, пока мы не нашли покровителя. Но все закончилось хорошо, и сейчас Маргрете живет в доме, где позаботятся о ее благополучии. Но... Ее нельзя назвать неблагодарной... и все же она гораздо набожнее многих прочих людей. Понимаете? Она счастлива, но вам не стоит самим искать с ней встречи.

Эйян вздохнула:

— Ничего другого мы и не ожидали. Наша боль уже стихла. Мы сделали для Ирии все, что смогли, и отныне пусть она и в самом деле остается Маргрете.

Она долго всматривалась в Нильса, волосы которого трепал ледяной ветер, и лишь потом спросила:

— Как теперь сложилась твоя жизнь? Чем собираешься заняться?

— У меня все хорошо. И если ваши поиски еще не завершились — если я могу вам помочь в этом или в чем угодно другом, — то лишь дай мне знать... Пусть даже потом мы расстанемся навсегда.

Улыбнувшись, она снова поцеловала его.

— Давай сейчас не говорить о грустном, — сказала она. — Пока мы ждали вас, нам почти нечем было заняться...

Ингеборг увидела, как изменилось лицо Тауно, и сразу поцеловала его. Тот крепко прижал ее к себе и внезапно рассмеялся.

— ...И мы построили хижину вот за тем холмом, специально для вас, — закончила Эйян. — Очаг быстро согреет ее. И что бы ни случилось со всеми нами потом, приятные воспоминания никогда еще не считались тяжким грузом.

Когда они направились к хижине, брат и сестра шли сзади, заслоняя своими телами людей от несущегося с моря холодного ветра.

Глава 5

Нильс быстро осваивался в новой для него жизни, хотя ему еще многое предстояло узнать. Теперь он был партнером пожилого торговца, чей опыт дополнял деньги, вложенные Нильсом в торговую компанию. И когда несколько лет спустя купец совсем состарится и пожелает удалиться на покой, Нильс возьмет все дела в свои руки.

К тому времени его компания станет одной из многих, не состоящих в Ганзейской Лиге, и уже в достаточной мере встанет на ноги, чтобы конкурировать с ее купцами. За это время он сумеет завязать деловые знакомства с разными людьми, а со многими прочими познакомится благодаря дружбе с епископом Роскильдским. С его помощью Нильс уже сумел подыскать занятия для своих братьев и сестер, причем места были выбраны так, что каждый из них мог добиться благополучия и богатства, а также покровительства могущественных персон. Мать же свою он избавил от тяжких трудов, и она вскоре всецело отдалась радующим ее крестьянскую душу хлопотам по саду возле собственного домика.

То, чего Нильс пока не знал, он мог при желании узнать, а что не мог сделать сам, за него могли выполнить другие.

Разумеется, все эти перемены не могли завершиться за день-другой, особенно когда приходилось держать в тайне происхождение его богатства. По плану Нильса, Тауно и Эйян предстояло нанять корабль и отплыть на нем в Далматию, имея при себе письма от духовных и владетельных особ, которые облегчили бы им задачу после прибытия. Но прежде всего требовалось снабдить брата и сестру надежными бумагами, без которых о плавании на корабле и речи быть не могло. Задача эта принуждала Нильса действовать с величайшей осторожностью, малейшее подозрение могло оказаться роковым. Осторожность, в свою очередь, растягивала все дело на долгие недели и обрекала на безвылазное присутствие в Копенгагене как его, так и Тауно с Эйяном — с ними он при нужде советовался, а заодно учил их вести себя так, чтобы не отличаться от обычных людей.

К тому же ни он, ни Ингеборг не вынесли бы новой разлуки теперь, когда все четверо вновь соединились в Дании.

— Ах! — выдохнула женщина. — Как это было чудесно! Ты всегда великолепен.

Разгоряченная и растрепанная, она тесно прильнула к сыну Ванимена. Обняв ее, Тауно ласкал ее податливое тело. Мягко светил вздрагивающий огонек ночника, отбрасывая на кровать огромные тени.

— Люби меня снова, как только сможешь, — прошептала она.

— Но не причину ли я тебе страдания? — спросил Тауно, чьи чресла унаследовали силу его отца. Ингеборг усмехнулась в ответ, но смех ее прозвучал скорее грустно, чем радостно.

— Не эти страдания наполняют мою душу болью, — сказала она и неожиданно всхлипнула. Тауно ощутил, как дрогнуло ее тело.

— Что с тобой? — воскликнул он.

Ингеборг уткнулась лицом ему в шею. Ее пальцы впились в его кожу.

— Мне больно от того, что ты покинешь меня, — с трудом произнесла она. — Эта боль не отпускает меня, иногда мне кажется, будто в меня вонзили нож и поворачивают его в ране. Любимый, отдай мне всего себя, пока можешь. Помоги мне сегодня ночью забыть, что

вскоре тебя не будет рядом. Потом... потом у меня будет слишком много времени на воспоминания.

— А мне казалось, что вы с Нильсом счастливы, — нахмурился Тауно.

Ингеборг подняла голову. Огонек свечи, отразившись в слезах, затрепетал.

— Да, нам хорошо вдвоем. Он добрый, мягкий, щедрый... Да, он талантлив в любви, но... он никогда не сравняется с тобой, никогда! И он никогда не станет тобой — прекрасным и ярким. Разница между вами такова... представь, будто ты лежишь летом на лугу и смотришь на плывущие в небе облака, — или же летишь на крыльях ветра, подгоняющего их, а солнце заставляет их сверкать. Не понимаю, как твоя мать смогла расстаться с твоим отцом.

Тауно закусил губу:

— Сперва она была счастлива, поселившись рядом с ним под водой, но шли годы, и она все больше сознавала, что отличается от всех нас. Такие союзы неизбежно заканчивались печально — для одного или для обоих. И я начинаю опасаться, что уже навредил тебе.

— Нет! — Ингеборг порывисто села и с тревогой посмотрела на лицо любимого. — Нет, милый мой! Посмотри вокруг. Видишь, я живу в прекрасном доме, хорошо ем, хорошо одеваюсь, я уже не товар для гнусной торговли. А без тебя, Тауно, я могла бы лишь мечтать о такой жизни.

— Здесь не только моя заслуга, — возразил он, задумчиво глядя в потолок. — Помнишь, ты говорила, что безнадежность терзает тебя? Боюсь, эта боль опасна для твоей души... Да, лучше станет, если мы поскорее отправимся в путь, хотя мне тоже очень будет не хватать тебя.

— Тебе тоже? — воскликнула она, склоняясь над ним. Ее волосы, рассыпавшиеся по груди Тауно, нежно ласкали его. — Значит, я не была плоха для тебя?

— Нет, Ингеборг, — с любовью ответил он, глядя ей в глаза. — Ты мне гораздо дороже, чем способна представить сама. Поэтому мне и нужно покинуть тебя, пока я не нанес тебе рану, которую не в силах исцелить даже вечность.

— Но сегодняшняя ночь наша?

— Да. И завтра, и послезавтра, и еще немало ночей.

Он привлек ее к себе.

Нильс вернулся из церкви мрачнее тучи. Эйян, одетая не хуже богатой госпожи, встретила его у дверей. Увидев выражение его лица, она молча увлекла его в дальнюю комнату, где они могли поговорить наедине.

— Что случилось? — шепотом спросила она.

— Сегодня отец Эббе, мой священник, спросил, почему гости моего дома ни разу не были на мессе.

— Так он знает про нас?

— Как же ему не знать? Слуги и соседи любят посплетничать. — Нильс нахмурился, сунул большие пальцы рук за пояс, уставился в пол. — Я объяснил, что... вы замыслили некое тайное дело, которое может пострадать, если вас узнают, и по этой причине... посещаете другую церковь. Он промолчал, но лицо его стало еще угрюмее. Не сомневаюсь — он уверен, что я сплю с тобой, а Ингеборг спит с Тауно... да еще в Великий Пост. Правда, ни я, ни Ингеборг не признавались ему в этом на исповеди. Но до Пасхи нам придется признать сей грех, иначе мы не сможем принять причастие.

— Не станет ли ваше признание опасным? Ведь все знают, что вы не женаты.

Нильс взглянул на нее и криво усмехнулся:

— Это обычный грех. Священник велит нам прочесть пару молитв, вот и все — он не посмеет забыть обо всех добрых деяниях, на которые мы потратили свои деньги. Но если мы признаемся, что вновь согрешили с вами... с полукровками... и пошли на это сознательно, а не потому, что у нас не было выбора, то... боюсь, он прикажет немедленно изгнать вас. Ежели мы откажемся... даже если позабыть о наших душах и нашей безопасности, отлучение от церкви похоронит любую возможность помочь вам.

— Что ж, выход найти нетрудно, — весело сказала Эйян. — Признайся в грехе, но не открывай ему нашей сущности. А мы с Тауно станем ходить на мессы в его церковь — вряд ли лики на иконах отвернутся от нас, — если ты подскажешь, как нам там себя вести.

— Нет! — Нильс отшатнулся, едва не задохнувшись от ужаса. — Ты даже не поняла, что сказала!

Эйян досадливо тряхнула рыжей головой:

— Наверное. В вашем христианстве для меня почти все лишено смысла. Подергав себя за платье, она выругалась. — Как мне хочется сорвать эту вонючую тряпку и искупаться в волнах...

— Моя вина и так достаточно велика. — Голос Нильса дрогнул. — Принять причастие, не признавшись в грехе на исповеди... едва Сатана поймает меня на этом, он тут же разожжет для меня огонь в аду.

Эйян встревожилась, шагнула к Нильсу и взяла его за руки:

— Мы с Тауно не имеем права допустить, чтобы вы пострадали из-за нас. Мы отправимся на юг сами — на рассвете...

— Нет, — повторил Нильс и заговорил так быстро, что начал запинаясь. — Предать вас — самых близких моих друзей? Никогда. Останьтесь.

И тут же, словно ее присутствие вдохновило его, он радостно добавил:

— Послушай, что я придумал. Я устрою так, что нам отпустят грехи до Пасхи, а вы отправитесь в путь сразу после нее. И тогда отец Эббе вряд ли наложит на нас слишком уж суровую епитимью. В проповедях он частенько говорил, что следует помнить о долге перед теми, с кем плаваешь на одном корабле.

Эйян задумалась, потом сказала:

— Предположим, что ты умрешь раньше, чем исполнишь тот ритуал. Или, скажем, он потребует, чтобы ты отрекся от нас навсегда, а ты лишь сделаешь вид, будто выполнил его требование. Разве ты не станешь проклят в обоих случаях?

— Может, да, а может, и нет. Рискну. Покаяться я попробую потом, но никогда не пожалею о том, что целовал тебя. — Он медленно прошелся взглядом по ее великолепной фигуре — словно вернувшийся изгнанник, шаг за шагом приближающийся к родному очагу. — Наоборот — я стану тосковать по тебе во сне и наяву до последнего удара сердца. И стану молиться о том, чтобы смерть настигла меня на палубе, а могилой мне стало море — твое море, Эйян.

— Слишком уж рано ты начал себя оплакивать, — заметила Эйян, обвивая руками его шею. — Брось, не надо. Еще не все наши поцелуи в прошлом, Нильс. — Немного позднее она шепнула: — До обеда еще есть время, а кушетка совсем рядом. И давай не станем упускать то, что плывет нам навстречу, пока прилив не унес это прочь.

— Есть хорошие новости, — сообщил Нильс Тауно. — Наконец-то нам удалось раздобыть для вас двоих христианские имена.

— Но у нас уже есть имена, — отозвался удивленный Тауно.

Из Копенгагена они выехали верхом по двум причинам — во-первых, нужно было переговорить наедине, а во-вторых, просто потому, что стоял прекрасный весенний день. Луг, по которому они сейчас ехали, покрывала яркая молодая травка, деревья недалекого леса казались окутанными зеленой дымкой. В бездонном голубом небе курлыкали возвращающиеся домой журавли, принося на крыльях лето и удачу. Свежий ветер пахнул влажной землей. И копыта лошадей касались ее с почти неслышной мягкостью.

Нильс пригладил пальцами растрепавшиеся волосы.

— Верно, есть, — согласился он. — Но вспомни, ведь мы придумали их наспех. Все уже знают, что они не настоящие и вы пользуетесь ими, потому что заняты секретным делом и не желаете опознания и огласки. Теперь мы готовы отбросить прочь «фальшивые» имена, — он усмехнулся, — потому что подготовили надежные «настоящие». Но нам лучше все обсудить заранее, потому что от вас потребуется хорошо сыграть свою «людскую» роль.

Лошадь Тауно шарахнулась в сторону. Тот быстро усмирил животное, но Нильс упрекнул его за то, что он слишком сильно натягивает поводья.

— Если хочешь сойти за человека, то советую как можно лучше научиться править лошадьми, — предупредил его Нильс.

— Говори дальше, — буркнул Тауно.

— Ладно. Времени на подготовку ушло немало, и почти все его мы потратили на поиски подходящего варианта. Представь, какой поднялся бы скандал, если бы вы случайно наткнулись на человека, утверждающего, что он всю жизнь прожил на твоей мифической родине, но никогда о тебе не слышал. Кое-какие документы тоже не

мешало раздобыть, но с этим мы справились. Мой личный секретарь — ловкий пройдоха.

Так вот, вскоре ты станешь господином Каролусом Бреде, помещиком из дальнего уголка Скании — если ты еще не знаешь, то это датская территория по ту сторону Зунда. Часть Скании покрыта густыми лесами, и там мало кто путешествует. Ты благороден, хотя и не особо богат. Одним из твоих предков был дворянин, сопровождавший королеву Дагмар, светлая ей память, когда она ехала сто лет назад из Богемии, чтобы выйти замуж за короля Валдемара Победоносного. Недавно ты узнал, что узы твоего родства, возможно, простираются еще далее на юг, до самой Хорватии, и решил выяснить, так ли это на самом деле и что ты с этого сможешь иметь. А секретность ты соблюдал ради того, чтобы агенты-ганзейцы не пронюхали о твоих замыслах наладить торговлю сухопутным путем через всю Европу — кто знает, может, тебе грозило и покушение. И хотя опасность покушения не очень велика, о чем догадается любой здравомыслящий человек, все же она достаточна, и моя торговая компания решила рискнуть, предоставив тебе корабль и экипаж. Мой интерес здесь простой — корабль вернется с образцами тамошних товаров, а взамен я снабжаю тебя рекомендательными письмами от владетельных князей и от епископа. Те охотно напишут их, потому что датские властители очень хотят побольше узнать о далекой Хорватии.

Тауно хмыкнул и покачал головой.

— Клянусь костями моей матери, ты здорово изменился! — воскликнул он. — Я даже представить не мог, что простой матрос с «Хернинга» сумеет столь изящными словами произнести целую речь. Признаюсь даже, что поток твоих слов едва не увлек меня прочь.

Нильс нахмурился:

— Придется тебе привыкать плавать в них — ты услышишь еще немало подобных речей. И запоминай как можно крепче — иначе ты выдашь себя и погубишь себя и Эйян.

Пальцы Тауно стиснули поводья:

— Кстати, а она? Кем она станет?

— Госпожой Сигрид, твоей сестрой и вдовой, путешествующей вместе с тобой. Она может говорить всем, что просто любит странствовать по свету, и намекать на поиски нового спутника жизни — более достойного, чем можно отыскать в Дании.

— Моя сестра? — Глаза Тауно гневно сверкнули. — Почему не моя жена?

Глаза Нильса вспыхнули в ответ:

— А вы что, действительно этого хотите?

Принц Лири хлестнул свою лошадь и галопом умчался прочь.

Хлынувшие с небес потоки воды громыхали по крышам и рекам, заливая городские улицы. Вспыхивали молнии, на огромных колесах прокатывался гром, завывал ветер.

Изразцовая печь наполняла теплом гостиную в доме Нильса Ионсена, свечи отбрасывали свет на ковры на полу и на стенах, резную мебель. Отпустив слуг и закрыв дверь, Ингеборг продолжала для Эйян очередной урок по поведению женщин в обществе.

— Я, конечно, не самая подходящая дама-наставница, но я немало наблюдала за благородными женщинами и научилась подражать их поведению. А твоя походка слишком горда.

— Хватит! — вспыхнула Эйян. — Я уже по горло сыта той чушью, которой ты меня пичкала. — Немного помолчав, она успокоилась и улыбнулась. — Прости. Я знаю, ты делаешь для нас все, что можешь. Но здесь, в комнате, так тесно и жарко, шерстяная одежда липнет к телу, а кожа так чешется, что никакого терпения не хватит.

Некоторое время Ингеборг молча смотрела на нее. Тишину нарушал лишь шум грозы за закрытыми ставнями.

— Придется смириться, — сказала наконец Ингеборг. — Такова женская участь, а тебе до самого конца путешествия придется оставаться женщиной. Никогда не забывай об этом, иначе Тауно погибнет.

— Да, ты права. Может, хватит на сегодня?

— Наверно, и в самом деле хватит.

— Позволь мне хоть ненадолго избавиться от твоего мира, — сказала Эйян. Нетерпеливыми движениями она тут же стянула с себя одежду и швырнула ее на пол, потом, обнаженная, подошла к столу и налила себе в кубок медовый напиток.

— Ты не хочешь?

— Да, спасибо, — ответила Ингеборг, чуть помедлив. — Но помни, что нельзя напиваться допьяна. Это дозволено лишь шляхам... и мужчинам.

— Неужели в вашем христианском мире все создано лишь для мужчин?

— Нет, не все. — Ингеборг взяла кубок из руки Эйян и уселась на стул. — Мы многое научились у них отвоевывать.

— У нас, в море, никому нет нужды что-то кланчить. — Эйян размашистым движением поставила себе стул напротив стула хозяйки и уселась.

— А мы, живущие на суше, несем на себе проклятие Евы. Как часто повторяли мне слова Господа: «В муках будешь рожать детей своих; и желания твои станут желаниями мужа, и да будет он господином твоим».

Пальцы Ингеборг стиснули подлокотники. Ей никогда не доведется рожать детей.

Эйян, заметив это, неловко попыталась ее успокоить:

— Твоя жизнь сложилась лучше, чем у многих других женщин. С Нильсом приятно жить, и я сама видела, как часто он спрашивает твоего совета. Ты для него далеко не домашняя зверушка.

— Верно. Но все же я его содержанка, с которой ни одна уважающая себя жена и хозяйка не станет иметь дело, если у нее будет выбор. И, разумеется, ни один уважающий себя мужчина. Они, все

эти купцы, дворяне и капитаны кораблей, здороваются со мной достаточно вежливо, но на приветствиях все и заканчивается. А о чем Нильс с ними разговаривает, он может мне рассказать, а может и промолчать. Сейчас у него какие-то дела вдали от дома, он очень занят. А я не имею права подрывать его положение, становясь слишком приветливой с любым из наших слуг. Ах, я сейчас куда более одинока, чем была в своей хижине на морском берегу. — Она усмехнулась. — Полагаю, не в твоих привычках возносить благодарственные молитвы за то, что ты имеешь, Эйян, но будь счастлива и за это.

— Выходит, ты уже не надеешься на лучшее? — тихо спросила принцесса Лири.

Женщина пожала плечами:

— Кто знает? Я прекрасно понимаю, насколько мне повезло, и я уже долгие годы была готова не упустить свой шанс, коли он подвернется.

— Став законной женой Нильса...

Ингеборг резко тряхнула головой:

— Нет. Он предлагал мне это, но я увидела, какое облегчение он испытал, когда я отказалась. Чего он хотел от бывшей шлюхи, не имеющей влиятельных родственников и даже неспособной родить ему наследников? Нет, когда он женится, я отойду в сторону... тихо и с достоинством. Пока мы будем живы, он не откажет мне в покровительстве, иногда, быть может, и согласится переспать со мной разок-другой по старой дружбе... но все равно мне придется уйти.

Преодолев внутреннее сопротивление, она добавила:

— Если он вообще женится. Его страсть к тебе может стать слишком сильной. Со мной он не скрывал своих чувств к тебе, и не раз я успокаивала его в своих объятиях, когда он не мог более сдерживать слез, но с другой женщиной... Избавь его от мук, Эйян, если можешь.

— Но как? — удивилась Эйян. — Ваши людские обычаи совсем не похожи на наши. Неужели, — добавила она, помолчав, — обладание женщиной вам дороже, чем бессмертная душа?

Ингеборг вздрогнула.

— Пусть Господь простит меня, — выдохнула она, — но я воистину не знаю.

Весна вспыхнула буйными красками цветов, зазвучала пением птиц — время любви, пора прощения обид и пора расставаний. Шлюп «Брунгильда» поднял паруса, отдал причальные концы и отплыл, подгоняемый отливом. Ингеборг и Нильс долго стояли на причале и махали ему вслед.

— Что ж, — сказала наконец женщина, — вот мы и расстались с ними снова.

Нильс сжал кулаки, не отрывая глаз от горизонта, за которым скрылся шлюп.

— Она обещала вернуться, — пробормотал он. — Хотя бы раз, чтобы рассказать мне, как сложилась ее жизнь. Если сможет. Если выживет.

— А пока, — резко заметила Ингеборг, — тебя ждет *работа*. Я... наверное, я смотрю на жизнь более широким взглядом. — Она взяла его за руку. — Нечего тут торчать. Пошли домой.

Стоя на палубе, Тауно взгляделся в проплывающие мимо берега, прислушался к плеску волн, хлопанью парусов, полной грудью вдохнул морской воздух.

— Наконец-то мы выбрались из этой вонючей дыры! Жаль, что так поздно. Мне казалось, что я уже начал там гнить заживо.

— Разве здесь нам стало лучше? — возразила Эйян. — Ведь Нильс и Ингеборг заботились о нас.

— Да, они оказались верными друзьями.

— Более чем друзьями. Они отдали нам столько от себя... где еще мы смогли бы отыскать подобное?

— Среди таких, как мы сами.

— Если они остались такими, какими мы их помним. И даже если остались... — Эйян смолкла, задумалась. Корабль уходил все дальше в море, и, когда последний шпиль Копенгагена утонул за горизонтом, она добавила: — Это будет долгое плавание, брат мой.

По мере того как дни плавания постепенно складывались в недели, команда «Брунгильды» все более убеждалась в том, что везет каких-то весьма странных пассажиров. Мало того, что господин Каролус и госпожа Сигрид постоянно пребывали не в духе и почти не разговаривали, а сами долгими часами стояли на корме, разглядывая то волны, то звезды. Они могли и надолго запереться в своих каютах, сообщив перед этим, что не желают, чтобы им приносили еду или напитки. Более того, некоторые из моряков могли поклясться, что видели, как то один, то другой по ночам тайком отправляется в море. Никто, однако, не видел, как они возвращаются обратно, но капитан почему-то строго-настрого приказал, чтобы на корме была всегда спущена за борт веревочная лестница — якобы для спасения тех, кто нечаянно свалится в море. Словно кто-то из моряков умел плавать! Слухам этим можно было верить или не верить (а капитан Асберн Риболдсен частенько упрекал команду в чрезмерной суеверности и подозрительности, что, впрочем, свойственно всем морякам), зато все знали наверняка, что странная парочка никогда не участвовала в совместных молитвах, утверждая, будто они предпочитают совершать святые обряды в уединении. Но обряды перед кем? По кораблю даже ходил слух, что он везет колдуна и колдунью.

Впрочем, уверенности в этом не было ни у кого. Каролус и Сигрид не вели себя вызывающе, да и серьезные неприятности обошли корабль стороной. Обычное для любого плавания количество шквалов и штилей доказывало, что никто не пытается повлиять на погоду. К тому же Нильс Йонсен и его партнер имели хорошую репутацию и уж наверняка не обрекли бы несчастных моряков на общение с дьявольскими силами. Перед отплытием Нильс предупредил моряков, что корабль поплывет в одиночку — это среди купеческих

кораблей почти не практиковалось, — что удача может оказаться к ним переменчива, словно результат броска игральной кости в таверне Висби, но... плата их ждет хорошая, даже очень хорошая.

Так что, несмотря на не покидавшее многих удивление и озадаченность, в целом плавание шло мирно и спокойно: сначала по Северному морю, затем через Английский пролив мимо Британии, потом в Бискайский залив и вдоль иберийских берегов, откуда они, с опаской взглянув на приплывшие от африканских берегов мавританские военные корабли, свернули к Геркулесовым Столбам. Там капитан Асберн нанял лоцмана, чтобы плыть по незнакомому морю. Немало помогло и то, что господин Каролус знал (как?) язык лоцмана — искателя приключений с Майорки. И вот, к середине лета, шлюп добрался до Далматии и поплыл вдоль ее берегов.

Глава 6

Наняв в Шибенике слуг и лошадей, господин Каролус и госпожа Сигрид отправились в Скрадин. Сатник заранее послал гонца из города в замок, и жупан выслал навстречу важным гостям эскорт, так что кортеж, втягиваясь в предгорья, смотрелся в ясный солнечный день воинственно и пышно — развевались разноцветные плащи и плюмажи, цокали копыта, бренчала сбруя. Жара раскалила воздух. Сильно и сладковато пахло лошадиным потом, с полей справа доносились ароматы зреющей пшеницы и сена, а из высокого леса слева тянуло разогретой листвой.

— Фу, пылища! — фыркнул Тауно, наморщив нос. Он говорил на датском, считая его более подходящим для выражения подобных мыслей, чем родной язык. — У меня внутри все превратилось... в кирпич. Неужели ты все еще веришь, что жители моря добровольно согласились поселиться на суше?

Эйян, ехавшая рядом с Тауно, метнула в брата напряженный взгляд. Ее пышные волосы прикрывал платок.

— А кто сказал, что они сделали это добровольно? — возразила она. — Что тебе удалось узнать?

Тауно, как и подобает мужчине, вел все переговоры с местными жителями, повесив себе на грудь под одежду подарок Панигпака. Хорватам также не терпелось побеседовать со столь необычным путешественником, и в результате брату и сестре до сих пор никак не удавалось толком поговорить.

— Немногое, — признал Тауно. — Сама понимаешь, я не мог проявлять к этому слишком назойливый интерес. К тому же я не привык хитростью вытягивать из собеседника то, что ему известно. Я мог лишь вскользь обронить, что слышал любопытные слухи, но даже на такие фразы мне предпочитали не отвечать прямо. Мне показалось, причина тут скорее в том, что они считают эту тему связанной с колдовством, а вовсе не потому, что им кто-то запретил ее упоминать.

— Но они подтвердили, что морские люди живут в тех краях, куда мы направляемся?

— Да, и даже добавили, что они приходят по двое или трое на побережье и плавают в море. Конечно, это требуется для поддержания здоровья, но, говорят, они оказывают при этом и кое-какие полезные услуги — наносят на карты мели и отыскивают места, богатые рыбой. Недавно несколько морских мужчин отправились в плавание на корабле, выполняющем приказ местного герцога — не знаю, как на местном языке звучит этот титул. Назревает война, но я не знаю ни ее причины, ни возможного противника. — Тауно пожал плечами. — Человек, к которому мы едем, наверняка расскажет подробнее.

Эйян пристально всмотрелась в лицо Тауно.

— Хотя вид у тебя довольно кислый, братец, — негромко сказала она, — все равно заметно, как тебе не терпится вновь увидеть наших соплеменников.

— А тебе разве нет? — удивленно переспросил брат. — Сколько сил мы положили на поиски, — добавил он, понизив голос и опустив взгляд, — но никогда еще я не ощущал такого одиночества, как сейчас, когда они близятся к концу.

В глазах Эйян мелькнула тревога, и она поспешно отвела взгляд.

— Да. На «Хернинге» и потом, в Дании, мы знали двух людей, любивших нас.

— Но наш народ...

— Не торопись. Скоро мы все увидим сами.

Дальше она ехала молча, и Тауно даже обрадовался, когда капитан охранников подъехал ближе и завязал с ним разговор, полный уважительного восхищения.

Хотя по прямой расстояние между Шибеником и Скрадином не очень велико, связывающая их дорога делала большой крюк, огибая леса, и потому путники въехали на околицу деревни, когда золотистые лучи низкого солнца, пронизывая прохладный вечерний воздух, уже отбрасывали на дорогу длинные тени. Проезжая по деревенской улице в сторону замка, брат и сестра с интересом оглядывались, сдерживая взволнованно бьющиеся сердца. Как и на севере, дома были деревянные, крытые дерном или соломой, но сам их вид, как и покрывающая их яркая краска или увенчанная куполом-луковицей церковь в дальнем конце улицы, показались им чужими и непривычными. Многие из селян, остановившихся поглазеть на путников, были высокими и светловолосыми, но попадалось и немало круглоголовых людей с высокими скулами. Покрой их одежды и украшающая ее вышивка тоже показались Тауно и Эйян странными. Все они выглядели сытыми и не шарахались от солдат, мужчины даже весело приветствовали их. Женщины, как и повсюду в Далматии, робко держались за спинами мужей, вокруг некоторых из них толпилось куда больше ребятишек, чем Тауно привык видеть в стране «Брунгильды».

Внезапно он застыл в седле. Его взгляд скользнул вниз от прикрытого шалью лица одной из женщин, на бровь которой свисал зеленоватый локон, к ее выглядывающим из-под юбки босым перепончатым ногам.

— Ракси! — воскликнул он, резко натягивая поводья.

— Тауно! Это ты, Тауно? — крикнула в ответ женщина на языке морских людей, но тут же попятилась и, непрерывно крестясь, затараторила по-хорватски: — Нет! Господи помилуй, я не должна! Смилуйся, Иисус, помоги, дева Мария...

Резко отвернувшись, она, спотыкаясь, со всех ног бросилась прочь и скрылась за углом избы.

Тауно едва не бросился следом за ней, но Эйян крепко стиснула его запястье.

— Стой, дурак! — прошипела она.

Опомнившись, Тауно глубоко вздохнул, поник и пришпорил своего мерина.

— Верно, на вид они сущие страхолюдины, — заметил капитан охранников. — Но вы их не бойтесь, господин. Теперь-то они добрые христиане, хорошие соседи и верные подданные короля. По правде говоря, я даже подумываю выдать свою дочь за одного из их парней.

Кроме Ивана Субича поприветствовать гостей вышел священник, но не капеллан жупана, а коренастый седобородый старик в грубой рясе, назвавшийся отцом Томиславом. Пока готовилась трапеза, а госпожа Сигрид отдыхала в отведенных для нее покоях, эти двое повели беседу с герром Каролусом.

Они расположились в комнате на верхнем этаже сторожевой башни, из окон которой открывался великолепный вид на окрестные поля и леса. Солнце опускалось за дремучую чашу, где таилось озеро, но его прощальные лучи еще отсвечивали на крыльях стрижей и летучих мышей, мелькающих в фиолетовом небе. Поля уже начала окутывать полупрозрачная дымка тумана. Неподалеку поблескивали две сливающиеся воедино реки, а в отдалении — севернее и восточнее — виднелись пики Свилайских гор. Воцарилась предзакатная тишина.

Сумерки смягчили искаленное лицо Ивана, но его голос, когда он выпрямился на скамье, покончив с любезностями, прозвучал твердо, как сталь:

— Я послал за Томиславом, господарь Каролус, потому что он более всех прочих знает о морских людях — возможно, даже больше, чем они знают о себе сами. Мне же донесли, что вы о них расспрашивали.

— Вы очень любезны, господин, — ответил Тауно дрогнувшим голосом и смочил пересохшие губы глотком вина. — Но, право, вам не стоило столь утруждать себя ради нас или усиленно охранять. В любом случае благодарю вас.

— Как мог я не услужить иноземному дворянину, желающему завязать с нами добрые отношения? Но, быть может, вы все же поведаете мне, господарь, — поскольку вы все-таки не ради них к нам явились, — почему вас так заинтересовали морские люди? — И резко, словно щелкнув хлыстом, добавил: — Иначе я не пойму, зачем вас занесло в нашу глушь.

Тауно машинально опустил ладонь на рукоятку кинжала.

— Ну... похожее племя обитает и в наших северных водах.

— Ба! — не выдержал Томислав. — Прекратите нести чушь, оба прекратите. Иван, ты ведешь себя отвратительно. Если ты подозреваешь гостя в том, что он венецианский шпион, то так и скажи прямо, как подобает честному человеку.

— О нет, нет, — торопливо запротестовал жупан. — Мы, однако, на пороге новой войны, а за прошедшие несколько лет я видел столько жестокостей... Я обязан соблюдать осторожность, господарь Каролус. К тому же, если говорить начистоту, у меня создалось впечатление, что вы ничего толком не знаете о своих хорватских родственниках — а это весьма странно, если учесть, насколько хорошо вы говорите на их языке.

— Разве это сразу делает его врагом? — фыркнул священник. — Послушай, ведь морские люди не только не творили зла, но оказали нам ценную помощь. И, конечно же, Господь улыбнулся нам, когда столько чистых христианских душ пришли на нашу землю. — Тон его голоса изменился, опустившись почти до шепота, ниже которого он прозвучал бы как всхлип. Тауно увидел, как в глазах священника блеснули слезы, но то оказались слезы переполнившей его радости: — И ежели тебе нужно подтверждение моим словам, Иван, то вспомни, что мы избавились от вилии. Этой весной она не вышла из вод, дабы пугать робкие души. Никто даже следов ее не заметил. И если... если она и в самом деле была призраком... утонувшей девушки... то получается, что Господь простил ее и вознес к себе в рай — а чем же еще объяснить Его милость, как не радостью от спасения морских людей?

Сердце Тауно сжалось в комок. Он медленно спросил:

— Выходит, люди говорили правду, утверждая, что после крещения они полностью позабыли о том, кем были?

— Не совсем так, — возразил Томислав. — Господь проявил к ним редкостную милость, и они сохранили память о своей прежней жизни, а с нею и знания и умения, которые обратили в помощь нашим бедным селянам. Это долгий рассказ, но воистину чудесный.

— Мне... хотелось бы его услышать.

Некоторое время люди молча всматривались в лицо Тауно. Вечерние сумерки постепенно сгущались. Взгляд Ивана отчасти утратил недоверие, а глаза Томислава еще больше подобрели.

— Что ж, — проговорил наконец жупан, — полагаю, нет причин скрывать его от вас. Как я догадываюсь, большую его часть вы уже слышали. Я также думаю, что у вас имелись собственные причины для приезда к нам, которые вы пока не открыли; но смею надеяться, что причины эти просты.

— Более чем просты, — добавил Томислав. — Андрей... он прежде звался Ванименом, рассказывал мне о чадах своих, которых им пришлось оставить... Можете ничего не добавлять к моим словам,

Каролус, пока не сочтете сие возможным. Позвольте же мне помочь вам понять, что вы среди друзей. Выслушайте мой рассказ и спрашивайте, о чем пожелаете.

Даже на берегу Тауно мог при желании двигаться по-змеиному бесшумно. Никто не заметил, как он выскользнул из своей комнаты, прошел по коридору, спустился по лестнице в наполненный тенями и туманом двор и вышел через распахнутые ворота, возле которых, обняв пики, дремали двое часовых. Оказавшись среди деревенских изб, он выпрямился и отбросил осторожность, потому что все уже спали, а ни одна собака не посмела бы его облаять. По чистому небу были щедро рассыпаны звезды. Вечерняя прохлада приглушила вонь людского поселения, и теперь его ноздри смогли уловить запахи, которые он искал: свежий аромат вод более глубоких и широких, чем любая купель для крещения.

Несколько морских людей уже перебрались в людские жилища, и Тауно миновал их, не останавливаясь. Не стал он искать и в поселке на берегу озера, где другие его соплеменники, ставшие рыбаками, жили вместе с сыновьями Адама. Для остальных же новичков на берегу Скрадина были построены несколько домиков, еще пахнущих свежеструганными досками. Поселились в них в основном самки... нет, женщины, поправил себя Тауно, смертные женщины, которым более не пристало искать любовных приключений.

Характерный смешанный аромат нескольких прохладных тел привел его к двери, в которую он и постучал. Слух тех, кто находился по другую сторону двери, сохранил волшебную остроту.

— Кто там? — послышалось из-за двери. — Что тебе надо?

— Я Тауно, сын Ванимена. Впусти меня, Ракси, ведь мы были любовниками в Лири.

Он расслышал шепот, шорох ног, торопливые шаги. Тауно показалось, будто минула вечность, прежде чем стукнула щеколда и дверь распахнулась. За ней стояли двое. Женщины успели набросить сорочки, но Тауно их сразу узнал: Ракси, самая веселая девушка его племени, и стройная Мейива с голубыми локонами, некогда любимая подруга его отца.

Разведя руки, он ощутил неуверенность своей улыбки. Девушка ахнула, отскочила и закрыла лицо руками. Ее старшая подруга внешне осталась спокойной, но было заметно, что слова даются ей с трудом:

— Добро пожаловать, Тауно. Как хорошо знать, что ты и Эйян живы... и наконец отыскали нас. Но ты должен прикрыть свою наготу.

Тауно опустил взгляд. Покидая постель, он не стал утруждать себя одеванием, надев лишь пояс с ножом; костяной амулет всегда висел у него на шее.

— Но почему, Мейива? — удивленно и в то же время с испугом спросил он. — Здесь нет никого, кроме нас, а вы обе прекрасно знаете, как выглядит мое тело.

— Я больше не Мейива, Тауно, а она, моя сестра во Христе, больше не Ракси. Отныне мы Елена и Бисерка. Подожди здесь. Я принесу тебе одежду.

Дверь закрылась, но вскоре слегка приоткрылась. Женская рука протянула Тауно плащ. Он обмотался им вокруг талии. Обоняние подсказало ему, что это плащ его отца. Впустив Тауно в жалкое строение, где ему пришлось наклонить голову, чтобы не стукнуться о балки потолка, Мейива — Елена — зажгла от теплящегося в очаге огонька глиняную лампу.

— Так-то лучше, — одобрительно молвила она, коснувшись локтя Тауно. — Не стыдись. Тебе еще многому придется научиться. Присядь, дорогой. Я налью тебе супа.

Изумленный Тауно уселся на сундук. На противоположном конце сундука съежилась Бисерка. Она смотрела на него... испуганно? Тоскливо? Тауно не мог этого разобрать, зато слышал учащенное дыхание девушки.

— Почему ты тоже живешь здесь? — спросил Тауно ее сожительницу.

— Андрей, твой отец и мой муж, отправился на войну, — объяснила Елена. — И я, желая соблюсти приличия и помочь девушке, пригласила ее пожить у меня. Она не замужем, и... — Недавняя откровенность испарилась, и женщина с трудом закончила фразу: — Она жила в одной семье, но старшим сыном овладела похоть, а он для нее далеко не лучшая пара.

— Неужели это ты, Ракси? — выдавил Тауно. — Ты, кого я сегодня стал искать раньше, чем любого из соплеменников!

Елена вздохнула, хотя даже полумрак, разгоняемый лишь тусклым желтым огоньком лампы, не помешал Тауно заметить вспыхнувший на ее щеках румянец.

— Я понимаю тебя, Тауно. Да помогут мне милосердные святые не забыть о том, кто ты такой, и потому не винить тебя, а указать путь к Спасению. — Наполнив три чашки медовым напитком, она поднесла одну из них гостю. — Изгони плотские мысли, Тауно. Здесь не Лири, а мы, слава Богу, не те, кем были прежде.

— Да, тут есть несколько шлюх! — вспыхнула Бисерка. Она снова съежилась, перекрестилась и быстро добавила: — Только не спрашивай, как их зовут.

— Но ты, разумеется, не отыщешь ни одной падшей женщины среди нас — тех, кто прежде был морским народом, — сказала Елена. — Мы родились заново совсем недавно. Как я молюсь о том, чтобы мы никогда не испачкали наши чистые души, полученные из рук Господа! — Она смолкла, уставилась куда-то мимо Тауно и проворговала: — Но все же, боюсь, нам этого не избежать. Уверенность в своей праведности сама по себе есть смертный грех, гордыня. Но пусть у нас всегда хватит сил покаяться, когда мы согрешим. — Ее взгляд стал жестким и пронзил Тауно: — И если мужчина замыслит

обольстить нас, то пусть всегда помнит, что мы не забыли, как обращаться с острым оружием.

— Значит, вы помните прежнюю жизнь? — тихо спросил Тауно.

— Да, — кивнула Елена, — но она кажется нам такой странной и тусклой, словно некогда яркий, но полузабытый сон. Видишь ли, мы проснулись. Там, возле алтаря, мы пробудились от полуживотной жизни и обратились к жизни вечной. — Внезапно женщина, сильная как сам Ванимен, вскрикнула. — О, этот миг, самый первый миг с Господом! Что нам осталось... кроме верности Ему... ради надежды обрести его вновь и навечно там, на Небесах?

Когда Тауно вбежал в лес, бледнеющая луна высветлила верхушки гор на востоке. Он добрался до него быстро, потому что бежал напрямик через поля; соломинки и колоски испарапали ему ноги, мстя за растоптанных собратьев. Тем не менее, когда он сумел наконец отделаться от женщин, сбросить на пороге плащ своего отца и припустить прочь, ночь уже перевалила за половину.

Он убежал не потому, что они его проклинали. Женщины были нежны в своих мольбах, уговаривая его, по их примеру, тоже получить в дар бессмертную душу. Дело было даже не в том, что они совершенно изменились и под некогда желанной плотью теперь крылась чуждость гораздо большая, чем отличала Тауно от племени Адама. Его потрясенный рассудок осознал, что эти женщины — символ судьбы, символ гибели. Они олицетворяли будущее, в котором не было места для волшебства. И, мчась по полям, Тауно не только желал хотя бы немного притупить усталостью то отчаяние, которым завершились его поиски — он убегал, желая стать невидимым, а белые звезды смотрели на него с небес и злобно шипели: «Смотрите, вот он бежит, вот его след — догоняйте его!»

Когда он отыскал себе убежище, дыхание его стало хриплым, а горло пересохло. Тауно отдохнул в темноте под развесистым дубом, ветви которого густо обросли омелой, потом углубился в чащу, направляясь к озеру, запах которого почувствовал издалека. Он искупается в его водах, наполнит легкие их чистотой, может, поймает рыбу и съест ее сырой, как тюлень или касатка. И наберется сил для возвращения в замок — встретить то, что ждет его там.

Кроны деревьев нависали над головой, ветви кустов по сторонам звериной тропки, по которой шагал Тауно, переплетались, стгушая в тених мрак. Сквозь листву полосками сочился лунный свет, жемчужно растворяясь в струящемся над землей легком тумане. В лесу было чуть теплее, чем в поле, и пахло влажной землей. Тихо шуршали на легкой ветерке листья, привидением пронеслась сова, неподалеку пробежал какой-то зверек. Однажды где-то вдальеке пронзительно взвизгнула рысь, но шорох листьев даже этот звук превратил в музыку.

Тауно шел, наполняясь спокойствием. Здесь был остаток его мира — дикая, нетронутая природа, — и его обитатели жили своей жизнью: любили, убивали, плодились, страдали, умирали, рождались,

знали безумство магии, но никогда не стремились познавать и подчинять себе тайны, не принадлежащие их миру, или заглядывать в оцепенелую и бесконечную вечность. Здесь обитали волшебные существа... косточка-талисман сообщала Тауно их имена — леший, кичимора... Они тоже робко убегают, опасаясь его, но...

Но что он сейчас почуял? Нет, не почуял, это ощущение пришло иначе, изнутри. Смесь страха, невыразимой тоски и неодолимого желания. Сердце Тауно застучало, он зашагал быстрее.

Тропа свернула в обход зарослей камыша, и они встретились.

На несколько секунд, словно выпавших из потока времени, они замерли. Человек в такой темноте оказался бы почти слеп, но каждый из них видел другого в виде белого силуэта на фоне многослойных теней, словно поднявшегося из клубящегося вокруг ног тумана. Она, в отличие от Тауно, казалась гораздо бледнее, словно робкий лунный свет, пронизывающий тонкий алебастр; ее движения напоминали пробегающую по воде рябь. Обнаженная, она была очень красива — узкая талия, стройные бедра и маленькая грудь, тонкие черты лица и огромные лучистые глаза. Голову облаком окутывали волосы. Ее тело было совсем белым, если не считать еле заметных переливов розового и голубого, напоминающих игру света на предзакатном снегу.

— Ах! — выдохнула она, охваченная ужасом. — Но я не должна!

Тауно же, вспомнив некогда услышанные рассказы, а еще раньше — слова отца, воскликнул «Русалка!» и выхватил кинжал. Он не осмелился повернуться к ней спиной.

Девушка скрылась за кустами. Тауно стоял, напрягшись и оскалив зубы, пока не решил, что она ушла, и сунул кинжал в ножны. Ее образ чудился ему повсюду — ее сводящая с ума нежность и девичья свежесть, но он мало знал о подобных существах...

Мало ли?

У него же есть талисман! Нужно лишь расслабиться, подумать на хорватском о том, что он видел, и нужное знание само появится у него в голове. Он заставил себя успокоиться, медленно расслабляя мускул за мускулом, и вскоре узнал, что хотел.

— Вилия! — позвал он. — Не уходи. Прошу тебя.

Она выглянула из-за камышей. Тауно успел заметить глаз, изгиб щеки, тонкую согнутую руку.

— Ты христианин? — робко пропела она. — Мне запрещено приближаться к христианам.

Выходит, никакая она не угроза ему; она просто красавица.

— Я даже не могу назвать себя смертным, — рассмеялся Тауно.

Она робко приблизилась на расстояние вытянутой руки.

— Кажется, я сама это чувствую, — выдохнула она. — Ты и в самом деле хочешь поговорить со мной? — Она радостно затрепетала. — Ах как чудесно! Спасибо тебе, спасибо!

— Как тебя зовут? — Ему пришлось набраться мужества, чтобы сказать свое имя: — Я Тауно. Наполовину водяной, наполовину человек, но в целом из нашего, волшебного мира.

— А я... — Она колебалась дольше его. — Кажется, меня звали Нада. Я называю себя Нада.

Тауно протянул к ней руки. Нада приблизилась, они взялись за руки. Ее ладони оказались прохладными как ночь и на ощупь не совсем осязаемыми. Тауно подумал, что если сожмет ее руку, то попросту сомнет ей пальцы, и потому касался их как можно нежнее.

— Кто ты? — спросил он, желая услышать ответ из ее уст.

— Вилия. Существо из тумана, ветра и полузабытых снов... Как я рада твоей доброте, Тауно!

Давно неутоленное желание захлестнуло Тауно, и он попытался привлечь к себе Наду. Она выскользнула из его объятий как вода между пальцев и, дрожа, отбежала на несколько шагов. Страх и тоска отразились на ее лице, юном внешне, но познавшем опыт долгих лет.

— Нет, Тауно, умоляю, не делай этого — ради себя самого. Я не обитаю ныне в мире живых. И если ты попробуешь, то умрешь сам.

Вспомнив, как герр Ааге восстал из могилы, чтобы утешить свою возлюбленную, госпожу Элсе, — просто утешить несчастную женщину, — и что из этого получилось, Тауно содрогнулся и попятился от Нады.

Она увидела это. Сперва привычное одиночество ненадолго овладело ею, но вскоре она расправила плечи (Тауно заметил трогательную ямочку под шеей между ключиц) и, робко улыбнувшись, спросила:

— Но зачем тебе убегать, Тауно? Разве не можем мы просто побыть вместе?

И они не расставались до утра.

Глава 7

Андрей Субич, капитан королевского флота Мадьярошзага и Хорватии — которого прежде звали Ванименом, королем Лири, — отвернулся от окна. Он находился в Шибенике, в комнате на верхнем этаже дворца мэра. Когда офицер такого ранга прибывал с войны, получив послание от самого жупана, он имел право выбирать для жилья любое место в городе. Андрей и Эйян провели за разговорами весь день. На фоне темно-синего вечернего неба темными силуэтами виднелись башни крепостных бастионов, возвышающиеся над городскими стенами. Колокола церковей звали на вечернюю молитву. Андрей перекрестился.

— Итак, теперь каждый из нас знает, что случилось с другими, — вздохнул он. — И все же, смогли ли мы узнать всю истину? — Высокий, в расшитом золотом кафтане, он расхаживал по ковру, и шаги его звучали тверже голоса. — Ну почему Тауно, одолев столь долгий путь сюда, не желает проехать еще совсем немного и встретиться со мной?

Сидящая Эйян опустила глаза на подол своего платья.

— Не знаю, — ответила она. — Могу лишь догадываться. Он сказал, что не видит смысла в вашей встрече, потому что ты уже не тот отец, которого он искал. Но в последнее время он вообще мало разговаривает и никому не открывает свои мысли.

— Даже тебе? — спросил Андрей, усаживаясь напротив.

— Нет. — Лежащие на коленях руки Эйян сжались в кулаки. — Могу лишь предположить, что он отравлен горьким чувством к христианам.

Андрей выпрямился в кресле.

— С вами кто-либо плохо обращался? — резко спросил он.

— Никогда. Даже ничего похожего не было. — Рыжая головка качнулась, серые глаза встретились с глазами Андрея. — Хотя мы быстро признались Ивану, что солгали ему — не могли же мы и дальше прикрываться вымыслами, раз соплеменники узнали нас, — он не стал возмущаться. Как раз наоборот, он стал еще приветливее к нам, несмотря на своего капеллана, который возмущался тем, что существа вроде нас получили приют под крышей его дома. И вообще Иван делает все возможное, чтобы наш секрет не вышел за пределы деревни и мы смогли бы, если пожелаем, без помех вернуться в Данию.

— Он, конечно, надеется обратить вас в христианство.

— Конечно. Но не навязывает его и не позволяет отцу Петару этого делать. — Эйян слегка улыбнулась. — Да, я с большей радостью встречаюсь с отцом Томиславом, когда у него выпадает немного свободного времени. Томислав очень добр, и даже Тауно относится к нему без пренебрежения. — Ее мысли отклонились в сторону. — Кстати, в их отношениях я заметила некую странность. Не знаю почему, но... Тауно очень мягок с Томиславом... почти как с человеком, которому предстоит вскоре умереть, но он об этом не знает...

— А как его обычная жизнь? И твоя, кстати?

Эйян пожала плечами:

— Всем известно, что я женщина из моря, поэтому я не столь ограничена в своих поступках, как хорватские женщины. Я могу плавать или бродить по лесам, лишь бы меня не видели мужчины. Однако, находясь среди смертных, я предпочитаю вести себя как знатная госпожа. Почти все свободное время я учу язык, ведь амулет-переводчик у Тауно. Частенько пою песни вместе со служанками; иногда к нам подсаживается жена Ивана или его сын. — Эйян поморщилась. — Боюсь, молодой Лука слишком привязался ко мне, а мне не хотелось бы принести горе в их дом.

— А Тауно?

— Откуда мне знать? — грубовато бросила Эйян. — Он бродит по лесам целыми днями, а теперь и ночами, а когда возвращается, то бурчит, что охотился, и вообще ведет себя почти грубо. Мне кажется, он ненавидит веру за то, что она сделала с нашим народом. Но почему он тогда сторонится и меня?..

— Гм-м. — Андрей подпер подбородок ладонью и долго смотрел на дочь. — Может, он нашел себе зазнобу в какой-нибудь хижине на отшибе? Никто из вас, несомненно, не может завести любовника в Скрадине.

— Нет, — отрезала она.

— А время в холодной постели тянется долго. Сам помню... И если он не нашел себе смертную девушку... что ж, в этих краях обитают и волшебные существа... — Потрясенный Андрей понял, куда завели его мысли, и вновь перекрестился. — Господи помилуй!

— А что плохого в том, что он, существо без души, нашел себе такое же? — возразила Эйян.

— Я не допущу, чтобы мой сын потерял надежду на Спасение. Он может умереть, так и не обретя душу. — Андрей пристально посмотрел на дочь. — И ты тоже.

Эйян промолчала.

— Каковы твои планы? — спросил он.

— Пока не знаю, — медленно и печально ответила она. — Тауно сторонится меня. Мы пообещали нашим датским друзьям вернуться, когда сможем. А потом... Гренландия?

— Это неподходящее место для тебя, знавшей гораздо лучшую жизнь. — Помедлив, Андрей добавил: — Лука Субич стал бы тебе достойным мужем.

— Я никогда не примирюсь с оковами, которые налагают на местных женщин! — отрезала Эйян.

— Верно, в Дании ты будешь гораздо свободнее, да и твой рассказ о Нильсе Йонсене мне понравился. Тогда прими крещение, выйди за него замуж и радуйся жизни.

— Крещение? Стать... такой, как вы?

— Да, состариться и умереть после жалкой горстки лет, прожитых в смиреннии и набожности. Но проживешь ты их, осененная благословением Господним, а после смерти воссоединишься с Ним. И лишь приняв то, что Он предлагает, ты сможешь познать Его безграничную щедрость.

Я понимаю тебя, — продолжил Андрей, глядя дочери в глаза. — Ты боишься утратить свободу, без которой, как тебе кажется, жизнь потеряет смысл. Но клянусь тебе — и не Господом, а любовью к твоей матери, которую я теперь перенес на тебя, Эйян, дочь Агнете, — клянусь, что, став человеком, ты обретишь облегчение. Тебе покажется, будто ты, одиноко бродившая в зимней ночи, вошла в согретую огнем очага комнату, где пируют те, кто дороже тебе всех на свете.

— И где я более не увижу звезд и не почувствую ветра, — возразила она.

— В волшебном мире есть свое величие, — признал он. — Но разве не поступишь ты мудро, отказавшись от него сейчас? Ведь ты видела, каким он становится. О, Эйян, дитя мое, избавь себя от горя, которое настигнет тебя, когда ты увидишь гибель нашего прежнего мира! Он и в самом деле погибнет. То, что случилось с Лири, есть лишь начало того, что постигнет весь волшебный мир. Магия умирает. Это доказал мне один мудрый человек, и я, хотя каждое слово будет причинять мне боль, хочу доказать это и тебе, если ты удержишься в городе до моего отъезда.

Сжался над теми, кто любит тебя, как самих себя. Покинь волшебный мир, где ты не найдешь счастья, что бы ты ни делала и где бы ни скиталась. Прими божественную любовь Христа, честную любовь Нильса и детей, которых принесешь ему, и когда-нибудь мы встретимся с тобой вновь на Небесах.

Его голос упал. Андрей уставился куда-то мимо Эйян.

— И с Агнете, — закончил он.

«Как он напоминает мне Тауно», — подумала она.

Летом, когда деревья заслоняют солнце, вилия могла выходить в лес и днем. Нада легко бежала, окутанная облачком развевающихся волос, огибая кусты и перескакивая через стволы упавших деревьев, а иногда высоко подпрыгивала, хваталась за ветку и раскачивалась на ней, чтобы потом вновь убежать, дразня Тауно.

— Эй, не отставай, улитка несчастная! — звонко рассмеялась Нада, и ее стройная фигурка растворилась в зелени. Тауно остановился, задыхаясь от бега, и прищурился, высматривая девушку. Неожиданно подкравшись сзади, она прикрыла ему глаза ладошками, быстро поцеловала между лопаток и тут же скрылась. Хотя ее прикосновение было прохладным, Тауно долго чувствовал жар ее поцелуя. Он побрел наугад дальше, а невидимая Нада насылала легкий ветерок, охлаждавший его разгоряченное тело.

Наконец Тауно окончательно выбился из сил и остановился на берегу темного пруда, окаймленного полоской мха. Вокруг воды теснились деревья — огромный дуб, стройные березы и мрачноватый можжевельник. Заслоняя небо, они создавали легкий полумрак, усеянный солнечными веснушками. Между ними порхали бабочки. Здесь было тепло, воздух густо настоян запахом спелости. Что-то протрещала белка, усакала прочь, и вновь восстановилась звенящая тишина летнего дня.

— Эгей! — крикнул Тауно. — Ты меня совсем загоняла.

Арки древесных листьев поглотили его крик. Он вытер пот, кусавший глаза и солонивший губы, лег у кромки воды и прильнул к ней губами. Вода оказалась прохладной и с легким привкусом железа.

Тауно услышал смехок.

— А задница у тебя фигуристая, — сообщила Нада. Тауно перевернулся на спину и увидел, что она сидит над ним на суку, болтая ногами. Попадая в луч солнечного света, ее ноги вспыхивали золотом, а возвращаясь в тень, снова становились белыми.

— Спускайся, если осмелишься, и я тебя отшлепаю за такие слова, — предложил Тауно.

— Не-ет, — протянула она и скорчила гримаску. — Не отшлепашь. Уж я-то тебя знаю, большого уродца. И знаю, что ты задумал.

— Что же?

— Ты станешь меня обнимать, ласкать и целовать — а это гораздо приятнее.

Нада спрыгнула — вернее, пушинкой слетела вниз. Под деревом росли кусты черники. Она набрала полную ладонь ягод, подошла к сидящему Тауно и опустилась возле него на колени.

— Бедняжка, ты так устал, — проворковала она. — Весь мокрый, да и колени, наверное, дрожат. Дай-ка я тебя покормлю, а то совсем сил лишишься.

Ее кожа была сухой, а дыхание ровным, и в любой момент она могла вновь умчаться прочь. Она не спала, когда засыпал Тауно, а угощая его фруктами, не ела сама. Мертвые в этом не нуждаются.

— Очень вкусно, спасибо, — поблагодарил он, доев ягоды. — Но если хочешь, чтобы я остался подольше, то мне надо как следует подкрепиться. Или рыбой из озера, или косулей, если ты поможешь ее выследить.

— Терпеть не могу, когда ты убиваешь, — поморщилась она.

— Приходится.

— Да. — Она просияла. — Ты похож на большую великолепную рысь.

Она погладила его кончиками пальцев, и Тауно ответил ей тем же, лаская все ее тело. Он старался касаться ее как можно нежнее, потому что она была почти нематериальной, и все же ощущал ее округлую мягкость. Но тело ее не излучало тепла, а кожа под пальцами казалась еле осязаемой, словно пушок на цветке чертополоха.

Ни он, ни она не знали, из чего состоит ее тело. Кости Нады, дочери Томислава, покоились на церковном кладбище в Шибенике. А ее душа обитала в образе этого тела, созданного из... лунного света и воды? То было мягкое проклятие.

Но в любом случае проклятие, решил Тауно, и для него тоже.

— Тебе будет больно! — воскликнула она. — О, не надо!

Тауно с трудом отвел взгляд.

— Прости меня, — хрипло проговорил он. — Я знаю, ты пугаешься, когда у меня скверное настроение. Может, побегаешь немного, пока я успокоюсь?

— И брошу тебя одного? — Она вновь прильнула к нему. — Нет. — Она помолчала. — К тому же я эгоистка. А ты украл одиночество у меня.

— Моя беда в том, что я... желаю тебя... и нашел тебя слишком поздно.

— А я хочу тебя, Тауно, любимый.

Тауно очень хотелось понять, что значат для нее эти слова, ведь она умерла девушкой. Разумеется, она знала, хотя бы из наблюдений за животными, об отношениях между мужчиной и женщиной, но понимала ли она суть того, что видела и о чем догадывалась? После смерти же она превратилась в дух леса и воды, сердце ее стало невесомо, как воздух, а какие желания могут возникнуть у такого существа? И возникают ли они вообще?

Наверное — ведь она так хотела быть с ним. Уж не это ли мгновенно вспыхнувшее обожание пленило его? Не потому ли его невольно тянуло к Наде, что она была полной противоположностью Эйян? Но

ведь и другие женщины сулили ему уютный покой, к тому же они могли погасить жар его чресел и предложить долгую дружбу, а не бесплодную погоню за призраком. Ингеборг...

Тауно и Нада обнялись. Ее голова покоилась на его плече; он едва ощущал прикосновение ее локонов, но оно наполняло его спокойствием и той настоящей на боли радостью, которую он испытывал рядом с ней. Конечно, рано или поздно им придется расстаться, но зачем мучить себя мыслями о будущем? Волшебная половина его существа, унаследованная от отца, не привыкла задумываться о последствиях, а от человеческой он отрекся. Рядом с Надой, прекрасной и нежной, даже молчание под светом звезд помогало ему забыть-ся и почти примиряло со всем, что находилось по эту сторону Небес.

— Ты устал, — прошептала она наконец. — Ложись. Поспи. Я ублажаю тебя.

Тауно лег. Простая мелодия, которую мать Нады вряд ли ей напевала, ручейком омывала его и уносила прочь заботы.

Он блаженствовал. Пусть плоть и кровь пока подождут. Вилия никогда его не предаст.

Лето клонилось к осени. Сперва на полях появилось множество крестьян. Одни гнули спины с серпами в руках, другие вязали снопы, молотили зерно, увозили его на телегах и веяли. Если людям не мешала гроза, они трудились с рассвета до заката, а потом обессиленно засыпали. Работать в этом году пришлось напряженнее обычного, потому что приметы предвещали зиму раннюю и суровую. Когда же урожай был наконец собран, все отпраздновали это событие не менее усердно, чем недавно трудились. А тем временем с каждым новым днем ночи все быстрее становились прохладными, а в холодном воздухе звезды казались все более далекими.

Одной из таких ночей Тауно и Эйян шли по берегу реки. Сестра настояла на том, что им нужно серьезно поговорить. Брат неохотно уступил, но признался, что тоже задыхается среди стен деревенских изб.

Сияние над восточными вершинами предвещало восход луны. Ярko и низко в далматском небе сияли звезды Большой Медведицы; повыше мерцала Полярная звезда, указывая северянам путь домой. Лягушки и кузнечики смолкли, слышалось лишь журчание воды. Пожухлую траву серебрил ранний иней. Тауно ощущал его холодок босыми пятками, потому что избавился от одежды, едва вышел за околицу Скрадина. Эйян не последовала его примеру; плащ с капюшоном и платье скрывали ее сильную фигуру.

Отшагав с братом милую или две, Эйян заговорила:

— Когда я была в Шибенике, меня отыскал капитан Асберн. Он предупредил, что если «Брунгильда» не выйдет из гавани в ближайшее время, то ей придется остаться здесь до весны. И вообще, мало кто из капитанов откажется сейчас отправляться в столь долгое плавание.

— Да, мы это знали, — ответил Тауно.

— Но ты хотя бы задумывался над этим? — Помолчав, она продолжила: — Я поняла, что означает для людей промедление, наверное, даже больше, чем тебе хотелось бы знать. Годичный простой судна и экипажа обойдется Нильсу очень дорого. И еще эта проклятая война... Отец сейчас на осаде Задара, где он может погибнуть, даже не повидавшись с тобой... Короче, мне сказали, что наши бумаги могут и не защитить нас от венецианцев. Капитан их корабля вполне может решить, что датский король и его епископы слишком далеко отсюда и не представляют для него угрозы. Чем позднее мы отплывем, тем хуже станут наши шансы.

— Что ж, в таком случае мы можем отпустить корабль домой, — ответил Тауно. — Что мы забыли в Дании?

— А что мы забыли здесь? — с тревогой спросила она, хватая его за руку. Они остановились. — Тауно, что удерживает тебя в здешних дремучих лесах?

Он ответил на первый вопрос:

— Верно, мы нашли здесь своих соплеменников, но теперь они всего лишь еще одна кучка смертных. А роль богатой госпожи тебе, наверное, и в самом деле надоела. Так что уезжай, если желаешь.

Сестра взглядела на лицо брата. Оно было бесстрастным, ее же лицо исказило волнение.

— А ты уедешь со мной?

— Да, но не сейчас. А ты отправляйся и передай от меня привет Нильсу и Ингеборг.

— Ты же обещал, что вернешься к ней хотя бы на некоторое время.

— Да вернусь я, вернусь. Всему свое время! — рявкнул он.

— Ты изменился, Тауно... пожалуй, больше любого из нас, покинувших Лири.

— Если только это уже не таилось во мне прежде, а теперь всплыло. Довольно. Не желаю больше разговаривать о себе.

Тауно посмотрел на сестру, смягчился.

— Да, передай от меня весточку Ингеборг, если поедешь, — сказал он. — Скажи, что я не забыл ее верность, мудрые советы и терпеливую помощь и, конечно же, какой она была наедине со мной. Как бы я хотел полюбить смертную женщину так, как отец любил мать! — Он вздохнул. — Но мне этого не дано.

Эйян отвернулась, но не спросила, кого же он способен полюбить.

— А чего хочешь ты? — продолжил он. — Куда ты отправишься, проведя с Нильсом пару недель или месяцев?

— Может так случиться, что никуда, — ответила она, набравшись решимости.

— Хой? — ошеломленно воскликнул он и целую минуту молчал. — Что ж, его счастье — пока он будет молод. Вижу, что и тебе станет приятен этот выбор. Он не станет посягать на твою свободу, а когда состарится...

— Я состарюсь вместе с ним. А тебе следовало бы прислушаться к словам отца, — упрямо продолжила она, пока брат изумленно мол-

чал. — Он прав. Вера *истинна*, а мы вовсе не становимся приговоренными, приняв крещение. Перед нами стоит лишь выбор — принять или отвергнуть то, что оно обещает. А волшебный мир обречен, Тауно... Я обязательно хотела поговорить с тобой именно сегодня вечером, потому что завтра отправлюсь к отцу Томиславу в его приход и стану молить его рассказать о вере еще больше. Ты не пойдешь со мной?

— Нет! — взревел он, вырвал руку из пальцев Эйян и погрозил кулаком небесам. — Эйян, неужели и ты?..

— Я еще не совсем уверена, но...

— Ползать на брюхе перед богом, который гнет и ломает сотворенное им же... Один, по крайней мере, не прикидывается справедливым.

Эйян собралась с силами, выпрямилась и подняла взгляд на Тауно:

— Радуйся тому, что Господь не справедлив. Он милосерден.

— А разве милосердно он поступил с Надой?

Тауно резко повернулся и убежал. Эйян пустилась было следом за ним, но вскоре остановилась.

Свет висящей на западе луны еще заливал воды озера трепетным сиянием, но восток уже посветлел, звезды над верхушками деревьев погасли, а чуть выше их, похожий на бронзовую фигурку, уже парил ранний ястреб. Над землей распростерлась морозная тишина.

Тауно и Нада стояли на берегу. Вилия была печальнее, чем накануне.

— Ты всегда добр ко мне, — прошептала она, — но сегодня... сегодня от тебя почему-то не исходит сияние доброты. Я чувствовала это прежде, чувствую и сейчас, как когда-то ощущала на коже солнечный свет.

— Разве могу я быть с тобой груб? — резко спросил Тауно.

Взволнованная, она не заметила его резкости, лишь крепче сжала его пальцы.

— Ты помог мне вспомнить, что такое солнечный свет, — сказала она. — Когда ты рядом, я больше не боюсь вспоминать, потому что знаю — ты отвлечешь боль воспоминаний на себя.

— Это ты помогаешь мне забыть.

— Что? Ты ведь не хочешь ничего забывать, правда? Например, твое чудесное море, про которое я никогда не устаю слушать. А я... я была лишь глупой девчонкой, которая сдуру утопилась. Да, утопилась; сейчас я это помню, но до сих пор не могу понять, как на меня такое нашло? — Она улыбнулась. — Из-за мальчишки, обычного мальчишки. А ты мужчина.

— Я водяной.

— Да какая разница, милый Тауно? А ты не знаешь, что стало с Михайло? Надеюсь, он не грустит?

— Нет. Как я слышал, он живет неплохо.

Взглянув на Тауно, вилия встревожилась, потому что он хмуро смотрел куда-то вдаль над водой.

— Тебя терзает нечто новое, — догадалась она. — Я могу тебе помочь? Как мне хочется тебе помочь!

Удивившись, потому что прежде ей не удавалось столь тонко различать его чувства, Тауно выдал: —

— Возможно, мне скоро придется уехать. Так считает моя сестра — помнишь, я тебе о ней говорил? — и, боюсь, она права. В том, что касается ее доводов, но не более, — негромко добавил он.

Нада отпрянула от него, зажимая ладонью рвущийся изо рта крик, а другую выставив перед собой, словно отрицая его слова:

— Нет, нет, нет! Почему, Тауно? Прошу тебя, не надо!

Сжавшись в комочек, она зарыдала. Тауно впервые увидел, как она плачет.

Он опустился на колени и обнял ее. Хрупкая фигурка прижалась к нему, и Тауно, поглаживая пышные волосы девушки, поклялся, что он оговорился, что он никогда и ни за что не покинет ее. И, произнося это, он отчетливо понимал, что ведет себя столь же безумно, как повела себя Нада, решив покончить со своей земной жизнью.

Глава 8

В день праздника святого апостола Матфея отец Томислав крестил в своей церкви дочь Андрея и Агнете. Она выбрала себе имя Драгомира. В Дании оно превратится в Дагмар, что означает «дева дня».

Она стояла перед алтарем — высокая, в белом одеянии, словно невеста, упрямые локоны заплетены в косы и прикрыты, как подобает женщине в храме. Рядом стоял отец, вновь вернувшийся с войны ради такого события, его жена Елена и Иван Субич с супругой. Маленькое здание церкви было до отказа забито селянами и соплеменниками Эйян. В переднем ряду зрителей стоял Лука с безнадёжной тоской в глазах, а в заднем — Тауно. Кое-кто говорил, что он не имеет права здесь находиться, но священник возразил, что он ее брат, что в ритуал и так пришлось внести немало импровизаций, а к тому же — как знать? — вдруг это торжественное зрелище милостью Небес обратит и его сердце к Господу? Тауно стоял, скрестив на груди руки и с непроницаемым лицом.

Воздух наполнял аромат дорогих благовоний, подаренных жупаном. Томислав с чувством произнес специальную молитву, с сияющим лицом попросил паству преклонить колени, взял чашу со святой водой и окропил ею лоб Эйян.

— Окрещаю тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Дагмар ахнула и едва не упала. Андрей поддержал ее, опустив руки на плечи, и, обратив глаза к небесам, прошептал:

— Возрадуйся, Агнете.

Вскоре обряд завершился. Все это время Дагмар проплакала, но лишь потому, что не знала другого способа выразить свою радость. Поднявшись, она перестала всхлипывать, обнялась по очереди с близкими и сразу вышла.

Погода стояла не по сезону холодная. Ветер гнал облака по выцветшему небу и посвистывал среди быстро меняющих цвет листьев. Люди, ожидавшие возле входа в церковь, окружили Дагмар — благо-

словить ее и приветствовать как равную себе, как христианку. В честь ее крещения приготовили скромную трапезу. Наутро гостям из Дании предстояло покинуть деревню, и Дагмар намеревалась отправиться в порт, где ее ждала готовая поднять паруса «Брунгильда».

Тауно, сухо поздоровавшийся с отцом и не преклонивший колени в церкви, стоял в отдалении под сосной, словно отказывался вместе с деревом признавать власть зимы. Прошло некоторое время, пока Дагмар смогла выйти из круга доброжелательных селян и подойти к брату. Никто не пошел следом за ней, потому что Тауно, почти без одежды и с копьем в руке, выглядел телесным воплощением дурного знамения.

Она остановилась перед ним, приветственно протянула руки. Брат не ответил тем же. Надетые на Дагмар платье и шаль развевал ветер, прижимая ткань к бедрам и груди.

Брат молчал, и тогда она глубоко вздохнула и заговорила первой:

— Спасибо, что пришел. Жаль, не знаю, что еще тебе сказать.

— Я пришел попрощаться со своей сестрой. Она была мне дорога.

— Но ведь я и сейчас твоя сестра, — пробормотала она задрожавшими губами.

— Ты незнакомая женщина, — покачал головой Тауно. — Да, мы вышли из одного лона, и у нас общие воспоминания. Но Дагмар — не морская дева, а святоша.

— Нет, ты не должен этому верить! Сегодня я прикоснулась к святости, подобно любому младенцу, только что принятому в стадо Христово, но я еще много раз буду оступаться и грешить, и смею лишь надеяться, что покаюсь и буду прощена.

— Это речь не Эйян, — холодно бросил Тауно.

Ее голова поникла.

— Значит, ты отказываешься от Спасения? — Брат стоял, опираясь на копье. — Но ты не можешь мне запретить молиться за тебя, Тауно.

Брат поморщился:

— Я не хотел причинить тебе боль.

— Ты осчастливил бы меня, если бы поплыл со мной домой.

— Нет. Я связан обещанием, которое дал здесь. Но почему бы тебе не подождать до весны? Сейчас тебе предстоит плыть по штормовому морю.

— Наши судьбы в руках Божьих. И я должна отправиться к Нильсу, иначе он умрет во грехе.

— Ты воистину Дагмар, — кивнул Тауно. — Что ж, передай им от меня привет, и пусть удача всегда плывет рядом с вами.

Он повернулся и быстро зашагал к лесу. Скрывшись из виду, он побежал так быстро, словно за ним гнались.

В долине, где Тауно и Нада обычно встречались, ее не оказалось. Не было ее и поблизости. Тауно напряг все свои волшебные чувства, но смог отыскать лишь еле заметный ее след, который часто обрывался, и тогда он метался вокруг, пока не находил его вновь. И сами

следы, и их хаотичность подсказывали Тауно, что вилия мечется, словно потеряв рассудок, и это знание приводило его в отчаяние.

У него ушло два дня и две ночи, чтобы ее отыскать в вечер осеннего равноденствия. К тому времени он настолько вымотался, что пошатывался от усталости.

Еще больше похолодало, и от ледяного воздуха у Тауно стыло все внутри. Низко нависало серое плоское небо. Нада стояла на берегу озера, чьи стальные воды отражали желто-коричневый лес с редкими мазками кроваво-красных кленов и полосками вечнозеленых деревьев, — крохотная, потерявшаяся, жалкая.

— Нада! О, Нада! — позвал он и, спотыкаясь, побрел к ней. Он охрип, два дня выкрикивая ее имя.

— Тауно, любимый!

Вилия бросилась в его объятия, и Тауно с бесконечной осторожностью сомкнул руки вокруг ее хрупкой фигурки. Она показалась ему почти такой же холодной, как морозный воздух. Когда они поцеловались, их слезы смешались.

— Где ты была? — пробормотал он. — Что с тобой?

— Я боялась... — прошептала она.

— Чего? — напрягся Тауно.

— Что ты можешь не вернуться...

— Милая, ты же знаешь, что мне...

— ...до того, как мне придется уйти.

— Уйти?

— Прости, я напрасно боялась. Я должна была тебе верить. Но я плохо соображаю, а здесь было так тоскливо. — Она еще крепче прижалась к нему. — Ты здесь.

Охваченный ужасом, он тихо спросил, зарывшись лицом в пушистые волосы:

— Разве ты должна куда-то уйти?

— Да, на дно озера или реки. Разве ты не знал?

Она отстранилась — легонько, но он понял намек и разжал руки, а она отступила на шаг и взглянула на него. Ее некогда большие голубые глаза почти выцвели.

— Зимой солнце не очень яркое, и я могу его вытерпеть, — пояснила она, — но деревья стоят голые и не укрывают меня в своей тени. А в глубине я нахожу желанную для меня тень. Ты, конечно же, знаешь об этом.

— Да... — Он опустил глаза. Копье, которое он уронил, лежало между ними. — Да, но...

— Прежде я могла не засыпать дольше. Но нынешняя осень слишком рано сменяется зимой. — К ногам девушки упал сухой лист.

— И когда ты должна уйти?

Она обхватила себя руками, словно согреваясь.

— Скоро. Сегодня. Ты будешь здесь весной, Тауно?

Он расстегнул пояс.

— Конечно, потому что я останусь рядом с тобой.

Она покачала головой. Теперь Тауно дрожал и запинался, а ее мысли обрели странную ясность:

— Нет, любимый мой. На дне я буду плавать среди снов. Ты очень редко сможешь меня разбудить, и всякий раз ненадолго. А в могильной тишине под водой ничто не напоминает твое море. Ты сойдешь там с ума.

— Я иногда буду выходить на берег, — сказал он, продолжая раздеваться.

— А мне кажется, так тебе будет еще хуже, чем если бы ты на все время остался там, в темноте.

Некоторое время вилия пристально смотрела на Тауно. Маленькая Нада стала мудрее.

— Нет, — сказала она наконец. — Жди моего возвращения. Таково мое желание. — Она помолчала. — Но не в лесу. Проведи зиму среди людей... потому что в этих горах нет женщин волшебного мира, о которых ты рассказывал... а как часто я видела твое желание, которое никогда не смогу исполнить. Мои сны станут счастливее, если я буду знать, что ты рядом с кем-то живым.

— Мне никто не нужен.

Вилию охватил ужас. Вздвогнув, словно ее ударили кнутом, она жалобно вскрикнула:

— О, Тауно, что я сделала с тобой? Уходи, пока можешь. И *никогда* не возвращайся!

Тауно избавился от всей одежды. Даже нож его теперь лежал поперек копья, потому что на нем не осталось ничего, кроме костяного амулета. Нада отпрянула еще дальше и закрыла лицо руками.

— Уходи, уходи! — взмолилась она. — Ты так прекрасен!

Их взаимное отчаяние встретилось, как схлестываются две высокие волны, и это ошеломило Тауно.

— Клянусь сетями Ран, — прохрипел он, — ты моя. Я сделаю тебя своей!

Прыгнув вперед, он схватил ее. Она отвернулась, уклоняясь от поцелуя.

— Это смерть для тебя! — крикнула она.

— Насколько лучше будет умереть... и покончить со всем...

Она начала бороться. Он сознавал, что становится груб, но не смог совладать с захлестнувшими его эмоциями.

— Нада! — услышал он собственный рев. — Уступи, сжалься надо мной, я хочу этого, и ты вспомнишь...

Она выскользнула из его хватки, словно ветерок, порхнувший между ладоней. Потеряв равновесие, Тауно свалился на жухлую траву. Когда он поднялся, их разделяло уже несколько ярдов, и ее белая фигурка выделялась на фоне унылого неба, столь же унылой и тусклой воды и хмурых деревьев. Несмотря на безжалостный холод, он не видел пара от ее дыхания. На правой руке Нады висел его талисман.

Тауно выпрямился и бросился к ней. Вилия скользнула назад.

— Я легко могу от тебя убежать, — предупредила она. — Но мне не хотелось бы этого делать.

Тауно остановился, пошатываясь.

— Я люблю тебя! — вырвалось из его груди.

— Знаю, — произнесла она с бесконечной нежностью. — Я тоже люблю тебя.

— Я не желал тебе вреда. Я лишь хотел, чтобы мы были вместе, воистину вместе, хотя бы раз... если иначе нам придется расстаться навсегда.

— Есть и другой выход. — На нее снизошло спокойствие; она улыбнулась. — Ты рассказывал мне об этом талисмане. Я войду в него и навсегда останусь с тобой.

— Нада, нет!

— Разве могу я надеяться на большее счастье, чем покоиться на твоей груди? А когда-нибудь, возможно... Стой где стоишь, Тауно! — взмолилась она. — Позволь мне видеть тебя, пока я еще могу, и пусть это станет твоим свадебным подарком.

Тауно не смог даже зарыдать.

Поначалу она смотрела на него столь же долго, как на кусочек черепа, который держала в руке, но постепенно птица Иного Мира все сильнее овладевала ею, и вскоре ее взгляд перестал отрываться от талисмана. На глазах Тауно ее девичья фигурка становилась все более призрачной... вот он уже видит сквозь нее... вот она стала едва заметным мерцанием в сгущающихся сумерках. Потом исчезло и оно. Талисман упал на землю.

Тауно простоял еще четверть часа и лишь потом подобрал талисман, поцеловал его и повесил себе на шею.

Глава 9

Моряки возвращавшейся домой «Брунгильды» заметили, как изменилась госпожа Сигрид. Не стало ли причиной тому решение ее брата, герра Каролуса, остаться в Хорватии? Двое-трое моряков до сих пор верили, что она по ночам тайно покидает корабль и плавает в море, но свидетелей этому не нашлось, и большинство экипажа посчитало это выдумкой. Они обсуждали ее набожность, ведь ныне она молилась вместе со всеми, став едва ли не самой ревностной христианкой на корабле, и целыми часами простаивала на коленях перед образом Святой Девы — и часто при этом плакала. Кроме того, она больше не вела себя грубовато и холодно, как на пути в Хорватию, и ее быстро полюбили за мягкое обращение и готовность выслушать даже самого последнего забуддугу. Для некоторых она даже стала чем-то вроде матери-исповедницы.

Капитану Асберну не хотелось столь поздно осенью выходить в море, и он вел корабль весьма осторожно, держась поближе к берегу и заходя в ближайший порт при первых же признаках непогоды. Из-за этого они приплыли в Данию лишь незадолго до Рождества, зато плавание оказалось безопасным и не особо утомительным для экипажа. Около полудня в день праздника Адама «Брунгильда» при-

швартовалась в Копенгагене. Узнав, кому принадлежит корабль, начальник порта послал мальчишку сообщить владельцу о его прибытии.

День начал переходить в сумерки. С неба опускались редкие снежинки. Воздух был мягок и влажен. На улицах, в переулках и под крытыми галереями почти не осталось пешеходов, но свет из окон, дымок из печных труб, аромат домашней стряпни, смех и песни говорили о том, как люди собираются отметить рождение Спасителя. Потом эти двенадцать дней будут вспоминать как огромную свечу, горящую в пещере зимы.

Копыта мулов, на которых ехали мужчина и женщина, шлепали по раскисшему снегу. Перед ними, обутые в высокие сапоги, шагали два вооруженных факельщика. Пламя факелов плясало, выбрасывая искры, которые на несколько секунд становились звездочками среди падающих снежинок.

— Я смогла рассказать тебе только самую суть, — напомнила женщина. — Мне потребуется несколько дней, чтобы поведать тебе все. — Она ненадолго задумалась. — Нет, годы... или всю жизнь... чтобы до конца разобраться.

— Но мы и проживем вместе всю жизнь, — счастливо произнес Нильс.

Рука женщины сжала поводья крепче, чем в том была нужда.

— Мне будет трудно рассказывать, — призналась она. — Как... и что... скажу я Ингеборг? Помоги мне придумать слова, которые причинят ей меньшую боль.

— Я и забыл про это, — нахмурился Нильс.

— Не вини себя. Радость так легко становится эгоистичной. Прежде и я могла об этом забыть.

— Эйян...

— Я Дагмар.

Нильс перекрестился:

— Как мог я забыть про случившееся с тобой чудо? Прости меня, Господи!

— Наша жизнь тоже не окажется легкой, — повторила она. — Тебе придется проводить со мной больше времени, чем другим мужьям со своими женами: ведь я по уму и телу наполовину морская дева.

— А вторая твоя половина — святая, — ответил Нильс и слегка улыбнулся. — Она-то и окажется для меня крепким орешком.

— Никогда не произноси подобные слова, — вспыхнула Дагмар. — Ты скорее всего сочтешь меня упрямой и вспыльчивой. Во мне не будет истинной женской уступчивости и мягкости, как бы я к ним ни стремилась. — Она протянула к нему руки: — Но моя любовь к тебе, Нильс, никогда не угаснет.

Сразу став серьезным, Нильс взял ее за руки и посмотрел в глаза сквозь снежинки, потом тихо спросил:

— Ты и в самом деле любишь меня, Дагмар? Я знаю, что не безразличен тебе, и у меня нет права просить о большем. И все же...

— Я отдаю себя тебе, потому что ты станешь моим мужем, — честно ответила она. — Мое сердце тебе еще предстоит завоевать, но я стану молиться о том, чтобы тебе это удалось, и на этом пути я буду рядом с тобой.

Глава 10

Ингеборг Хьялмарсдаттер, женщина из Ютландии лет тридцати, приехала ранней весной в Хорнбек, рыбацкую деревушку на северном побережье Зеландии, откуда можно было за день добраться верхом по прибрежной дороге до Копенгагена. Человек, которого она отправила в путь впереди себя, отыскал здесь домик, обставил его удобной мебелью и пояснил местным жителям, что она богатая вдова и ищет местечко, где может при желании отдохнуть от городской жизни среди простых людей — таких, какой она сама была, прежде чем удачно вышла замуж.

Деревенские встретили ее настороженно, но вскоре смягчились. Она не изображала из себя важную даму — скорее наоборот. Разговаривала она негромко, и, хотя местных забавлял ее непривычный выговор, им пришлась по душе ее готовность помочь в реальной нужде — толикой денег или несколькими часами труда. Никто, однако, не сумел разузнать о ее прежней жизни, а холостые мужчины через некоторое время поняли, что ухаживать за ней бессмысленно. Вдова не искала знакомств среди соседей и не приглашала их в гости чаще, чем приглашали ее, не сплетничала и почти ничего не рассказывала о себе. Живя одиноко в своем домике, она занималась домашними делами, возилась в огороде и совершала на местном рынке скромные покупки — много ли нужно незамужней женщине? Каждый день, когда позволяла погода, она подолгу гуляла или на берегу моря, или в лесу. Эти прогулки уже не были таким безрассудством, как в еще не столь давние времена; твердая длань короля навела порядок в этих краях. Тем не менее никакая другая женщина на такие прогулки не осмелилась бы. Когда местный священник указал ей на это, вдова ответила ему с грустной улыбкой, что ей уже нечего бояться.

Шло время. Резкие ветры и проливные дожди сменились цветением, пахотой и севом на окрестных полях; лодки рыбаков вспахали море. Затем опали лепестки цветков, набухли почки на яблонях, борозды на полях окрасились нежной зеленью, а леса наполнились птичьим пением. На крыше дома Эйнара Брандсена было прибито старое тележное колесо, на котором семейство аистов уже много лет подряд устраивало гнездо. Все считали, что птицы приносят удачу и счастье, и в самом деле — за несколько летних месяцев деревня увидела рождения, конфирмации, свадьбы, богатые уловы и веселые праздники. Но, разумеется, видела она и болезни, смерти, похороны и утонувших рыбаков, которых волны выносили на берег возле родного дома.

Так что все шло своим чередом, пока не появился новый незнакомец.

Он приехал с запада, со стороны Зунда — наверное, из Копенгагена, потому что лошадь у него была из лучших, да и одежда, хотя дорожная, тоже. Путник был очень высок ростом и выглядел молодым — бороды у него не было. Его желтые волосы имели какой-то странный зеленоватый оттенок, а лицо с непривычными чертами казалось суровым. Величественность его внешности плохо увязывалась с отсутствием слуги или телохранителя.

Близилась середина лета, и солнце еще висело над Каттегатом, отбрасывая на него полоску расплавленного золота. На востоке, по ту сторону пролива, его низкие лучи окрашивали облачные горы над Сканией, которая казалась далекой голубой полоской; здесь же небеса были чистыми, и в них привольно гулял ветер. Далеко в море дрейфовало несколько кораблей, казавшихся с берега игрушечными, и их паруса тоже ловили лучи заката. Прохладную тишину нарушали лишь негромкий шорох волн и крики чаек. Запахи моря и водорослей смешивались с ароматами вспаханной земли и леса.

Парнишки, пасшие гусей, первыми заметили путника, заверещали от восторга и во весь дух помчались к дороге. Незнакомец спросил, как отыскать дом фру Ингеборг. Его датский напоминал ее выговор, но все же чем-то отличался. Кто он такой — выходец из другой части Ютландии или же на самом деле иноземец? Мальчики заспорили об этом, когда он поехал к деревне.

На улицах Хорнбека, где с ним поздоровались взрослые, путник оказался не намного разговорчивее:

— Я друг фру Ингеборг и привез новости, предназначенные только для ее ушей. Завтра она сама расскажет вам все, что сочтет нужным. А пока прошу оставить нас в покое.

Селян вовсе не шокировало то, что гость собирается провести ночь под одной крышей с Ингеборг. Кто-то фыркнул, кое-кто позавидовал, а у некоторых хватило ума догадаться, что дело тут серьезное, потому что манеры незнакомца распутными никак не назовешь.

Домик Ингеборг стоял почти в конце улицы — обычное строение из проконопаченных мхом бревен, ставших серебристыми от времени, с низко нависающей соломенной крышей, обросшей лишайниками и сорняками и привязанной веревками, чтобы ее не снесло налетающими с севера штормами. Спешившись, незнакомец отвязал притороченный позади седла сверток, сунул его под мышку той же руки, что держала копье, и дал одному из селян монету, попросив отвести лошадь на конюшню. Когда он постучал в дверь, толпа зевак затаила дыхание.

Дверь распахнулась. Все увидели, как вскрикнула удивленная Ингеборг и как незнакомец сразу перешагнул порог и захлопнул дверь. Минуту спустя на окнах закрылись ставни, и смотреть и слушать стало нечего.

Комнату тускло освещал горящий в очаге торф, но Ингеборг, позабыв о бережливости, зажгла несколько тонких свечек. При их свете Тауно разглядел недавно сложенную плиту, стол, стул, узорчатую ткань

занавесей, ярко начищенную посуду на кухне и дымок, вьющийся среди увешанных провизией потолочных балок. Кот, до сих пор деливший с Ингеборг одиночество, спал на охапочке тростника, брошенной на глиняный пол. Тепло и запахи наполняли дом, словно желая отогнать уже наступившую ночь.

Тауно и Ингеборг сидели на сундуке, накрытая холстиной крышка которого служила заодно скамьей со спинкой. На полке рядом с Тауно стоял кубок с вином — один на двоих, — но они редко к нему прикасались, а еда и вовсе осталась нетронутой, потому что, когда прошло время бурных поцелуев, объятий, ласк, смеха, слез и слов радости, Тауно собрался с духом и решительно начал рассказывать:

— ...Я возвращался по суше, а не морем, надеясь отыскать хоть что-нибудь, что пробудило бы во мне надежду. Но путешествие мое оказалось попросту медленным, тяжелым и опасным. Да, кое-где я набредал на остатки волшебного мира — иногда совершенно мне незнакомого. Однажды я потратил немало времени, пытаюсь узнать один такой островок получше, но теперь мне не хватало решимости где-либо задерживаться надолго. Несколько дней назад я добрался до Копенгагена. Нильс и Дагмар встретили меня очень приветливо, но именно поэтому мне еще меньше захотелось оставаться под одной крышей с ними — слишком уж там пахло святостью, и для моей Нады совсем не оставалось места. Про нее я им ничего не сказал, а вместо этого приобрел все, чтобы выглядеть уважаемым человеком, и поехал прямо сюда. Ах да, они просили передать тебе их добрые пожелания и приглашение вернуться. Им хочется, чтобы ты вращалась в обществе, получала от этого удовольствие, а потом вышла бы замуж за какого-нибудь достойного вдовца, которому нужна мать для его детей.

Ингеборг прильнула к Тауно. Его рука обвивала ее талию, а пальцы Ингеборг гладили его волосы. Но смотрела она не на него, а в темноту за распахнутой дверью в дальнюю комнату. Буря чувств, вызванная его рассказом, уже почти стихла, но она еще время от времени вздрагивала, тихонько откашливалась и говорила слегка охрипшим после долгого плача голосом; глаза у нее покраснели, а на щеках и верхней губе виднелась соль высохших слез. Набравшись решимости, она тихо спросила:

— Но как ты с ней уживаешься?

— Странно, — столь же тихо ответил Тауно, тоже глядя куда-то в пустоту. — Ее близость... она как сладкий, но обжигающий напиток, или как воспоминание о потере дорогого существа, когда горечь утраты еще сильна... но это больше чем память, это присутствие... Вы, христиане, чувствуете то же самое, вспоминая своих близких на Небесах?

— Думаю, нет.

— Просыпаясь, я чувствую ее в себе, как ощущаю биение сердца. — Тауно ударил себя по колену. — И это все — только это, и воспоминания, такие пронзительные, каких еще никто... Мне больно! — Он взял себя в руки. — Но они же и успокаивают меня. Это ее присутствие — она ведь всегда со мной. А когда я засыпаю... о, тогда она

приходит ко мне в снах. Они так похожи на жизнь, в них мы всегда вместе, так, как были прежде.

Ингеборг собрала последние силы.

— А в этих снах... — прошептала она, — ты... познал ее?

Плечи Тауно поникли:

— Нет. Мы бродим и бегаем по лесам ее родины или в тех местах и морях, где я побывал и теперь вспоминаю их для нее. Она удивляется и восхищается... пока ее не охватывает печаль из-за того, что она вынуждена отказать мне в большем, чем поцелуи. Я говорил ей, что это лишь сны, но она ответила, что это не простые сны, а встреча наших теней по другую сторону пространства и времени. Она сказала, что превратилась в призрак, и если я затеряюсь внутри ее, то разделю ее смерть.

— О, только не это!

Ингеборг с такой силой стиснула пальцы на его плече, что их костяшки побелели. У нее не хватило решимости добавить, что смерть его станет подобна задумому огоньку свечи.

Молчание.

— Не бойся, не стану, — сказал он наконец.

— Будь благословенна Нада за ее доброту... — Женщина судорожно вздохнула. — И все же, Тауно, любимый мой... ты ведь не захочешь жить так всегда? Неужели год за годом, столетие за столетием ты будешь жить только ради того, что утратил... нет, того, чем никогда по-настоящему не обладал? — Она повернулась, взглянула на его лицо. Ее губы задрожали. — Господь не одарил тебя душой. Но как может он бросить тебя навечно в аду?

— Это не...

Ингеборг вцепилась в него обеими руками:

— Выброси этот амулет в море! Сегодня же!

— Никогда.

Внезапно Тауно улыбнулся, его тон смягчился. Он наклонился к Ингеборг и коснулся губами ее лба:

— Не бойся, мой добрый друг. Все будет сделано хорошо. Ты страдала, и это заставило страдать меня, но конец уже совсем близок. Даю тебе в этом мое честное слово.

— Что ты задумал? — ошеломленно пробормотала она.

— А вот что, — легко отозвался он. — Помнишь, что я рассказывал тебе об этом амулете, когда мы вернулись из Гренландии — то, что ангакок поведал мне и Эйя? Мудрецы волшебного мира, которых я встретил по пути из Хорватии, согласились, что он говорил правду, и добавили к моим знаниям кое-что еще.

Нада обитает внутри этого талисмана, но не заперта в нем навсегда. Она может выйти из него в тело живого человека, если тот пригласит ее это сделать.

Так я и поступлю. Мы с Надой станем единым целым — еще более неразлучными, чем я желал прежде. И я не сделал этого раньше лишь потому, что хотел навестить тебя и узнать, как тебе живется в Дании...

Ингеборг закричала громче прежнего и отпрянула.

Тауно встал, возвышаясь над ней, накрыл ее виски ладонями и с тревогой произнес:

— Успокойся. Ведь Нада спокойна, потому что готова разделить мою судьбу.

Ингеборг еще дрожала, но все же отчасти овладела собой, хотя не осмелилась встретиться с ним взглядом.

— Найди кого-нибудь вместо себя, — простионала она. — Ты сможешь, если захочешь.

Нахмурившись, он выпустил ее.

— Я думал об этом, но Нада отказалась, и она права. Такая подмена будет нечестной, потому что на ней лежит проклятие.

— Но какая-нибудь отчаявшаяся девушка... или язычница, или. . . Ведь она многое получит от этого, разве не так? Тебя... в мужья... и что еще?

— Вечную молодость вилии, ее власть над воздухом и водой. И еще она сохранит свое любящее солнце тело. Да, кстати, Нада — очень ветреный и капризный дух.

— И все равно ты отыщешь многих, кто с радостью согласится на такую сделку.

— И откажется от Бога, не зная, какая судьба ее ждет, когда погибнет тело? Этого ни один волшебник не сумел мне сказать или узнать. — Тауно покачал головой. — Нада не согласится. И я, если хочу остаться честным после того, как она мне все объяснила, не имею права допустить такое.

Ингеборг подняла голову, умоляюще всплеснула руками:

— Но кем ты станешь?

— Этого я тоже не знаю, поскольку я существо волшебного мира, — ответил он. — Поэтому я и решил отложить все на несколько дней и ночей и провести их с тобой, моя верная подруга.

— Но разве ты... не боишься? Ведь ты никогда больше не будешь Тауно.

Он выпрямился во весь рост, отбросил на стену огромную тень.

— Я Тауно, которого зовут Смерть Спрутов! — загремел он. — Мне ли бояться принять в себя мою невесту?

Она долго сидела молча, пока он не коснулся ее, прошептав:

— Час уже поздний. Не пойти ли нам спать? Правда, сегодня после всех наших разговоров я смертельно устал. Давай просто выспимся. Ты ведь поймешь меня, Ингеборг? Ты всегда меня понимала.

Во второй комнате Ингеборг спала.

Когда дыхание Тауно стало ровным, она тихо встала, разожгла лучину от тлеющих в очаге угольков и от огонька лучины затеплила тонкую свечку. Потом вернулась в спальню. Свечка залила комнатку охряным полумраком, но его хватало, чтобы разглядеть Тауно.

Он не захотел укрываться одеялом и теперь, обнаженный, лежал на тюфяке на правом боку. Его грудь поднималась и опускалась, заставляя шевелиться островки теней возле выпуклых мышц. Прядь

волос упала на бровь, другая легла на щеку. Лицо Тауно было невозмутимо-спокойным. На согнутой руке примостился урчащий кот.

Тоже обнаженная — она ощущала пятками соломинки, слышала шорох и улавливала ноздрями их еле ощутимый аромат, — Ингеборг осторожно подошла к постели, затем сняла со стены распятие. На том же колышке висел и талисман Тауно.

(— Выброси его, — молила она. — Тогда ты обретишь спокойствие и будешь видеть свои, настоящие сны.

— Но ей будет так одиноко...

— Я вижу на тебе следы, оставленные мстительной природой. Разве Нада не захотела бы избавить тебя от них?)

Опасаясь смотреть на Тауно дольше нескольких ударов сердца — а вдруг он проснется? — Ингеборг взяла талисман за шнурок и снова выскользнула в соседнюю комнату, закрыв за собой дверь. Там она облегченно вздохнула и подняла талисман, осветив его огоньком свечи.

Он был легкий и в то же время тяжел, как весь мир. Тускло поблескивающая кость превратилась в небосклон, накрывший ее бездонным куполом, под которым летела темнокрылая птица, заслоняя собой полную луну; она была землей внизу, она была морем. Купол оттородил ее от всех звуков, и тишина опустилась на нее безмолвным снегопадом, окутывая прохладой, пока во всей этой безбрежности не осталось никого, кроме нее.

И когда наступила полная тишина, Ингеборг услышала в глубине своей души еле слышный голос, похожий на умирающее эхо:

— Кто ты? Чего ты хочешь?

— Я Ингеборг, сестра твоя, которая тоже любит его.

Поставив свечку в подсвечник, Ингеборг надела через голову шнурок, откинула волосы, пропуская его на шею, и кусочек кости улегся у нее на груди. Она развела груди, опуская его к сердцу, и стиснула пальцами.

И тогда где-то внутри она ясно услышала полные тоски слова:

— Ингеборг. Да. Ты обладала тем, что мне не дано. Я рада узнать тебя. Он все время вспоминал тебя. (Удивление.) Что, ты об этом не знала? Но это так.

— Но ведь он твой, Нада.

— Он совершил ошибку. Если бы я могла предвидеть такое, то убежала бы от него... наверное... Но теперь я не могу убежать.

— Конечно, не можешь.

— Ингеборг?

— Да.

— Я боюсь, Ингеборг. Нет, не за себя. За него. Ты ведь знаешь, что он хочет сделать.

— Знаю. И подумай, почему я с тобой заговорила.

— Но... Ты? Нет! Мне нельзя!

— Почему нет?

— На мне лежит проклятие.

— Ну и что?

— Тогда оно перейдет и на тебя. Нет, не могу.
— Даже если я страстно хочу этого?
— Быть такого не может. Ведь тебя ждут Небеса.
— Зачем они мне без него?
— Но он не знает, что станет с нами... мной-тобой... в Судный день.
Ингеборг подняла голову. По ее лицу заплескали отблески свечи.
— А ты этого страшишься?
— Должна страшиться. Из-за тебя.
— Нада, иди ко мне. И мы станем невестой Тауно по прозвищу Смерть Спрутов! — страстно произнесла Ингеборг.

Она прошла через спящую деревушку и вышла на берег. Ночи в Дании стали короткими, но еще оставались темными. На востоке куда-то плыли грозовые тучи, собираясь излить свою ярость, а призрак рассвета уже заставил побледнеть звезды, несчетными тысячами сверкающие вокруг Млечного Пути. Под чернотой небес ртутно поблескивали воды Каттегата.

Ингеборг вошла в море. Прибой, не подгоняемый ветром, стал совсем слабым, и вскоре она оказалась на такой глубине, где волны лишь плескались вокруг нее. Ни холод воды, ни бесчисленные камешки, покалывающие пятки, не раздражали ее — наоборот, они обещали ей радости, тающиеся в соленых глубинах. Когда море поцеловало соски ее груди, она ушла под воду.

Она не могла дышать морской водой, подобно русалкам, но в этом не было нужды. Она плавала, она ныряла, она возвращала морю бесчисленные ласки, которые оно расточало ей. Теперь ее глазам хватало света, чтобы даже ночью видеть под водой, как покачиваются длинные коричневые стебли водорослей, а их колышущиеся листья стремятся вверх, прочь от удерживающих их на дне камней, как серебряными метеорами проносятся рыбки, как отмели сменяются глубинами. Она слышала приливы, волной катящиеся вокруг мира вслед за луной, слышала дельфинов, пересказывающих новости от далекого кораллового побережья, слышала доносящуюся из глубин музыку огромных китов. А совсем далеко она улавливала проблески, мелодии и магию из владений, все еще принадлежащих волшебному миру.

Она помнила, что была Ингеборг, она помнила, что была Надой, но сейчас обе женщины слились в ней воедино. В море плавало существо полумира, способное любить, смеяться, бороться и печалиться, умеющее многое из того, чего навсегда лишены дети Адама, но знающее Бога не больше, чем альбатрос или ветер, поддерживающий его крылья. Сделавшись свободной, сделавшись целой, она еще тоньше ощутила, какой радостной стала. Пусть судьба настигнет ее тогда, когда того пожелают норны, но этот час принадлежит ей.

Скоро, пока люди в деревушке не проснулись, она вернется и разбудит Тауно.

Глава 11

Для Каролуса Бреде, своего гостя, Нильс Йонсен купил яхту — достаточно маленькую, чтобы управлять ею в одиночку, но в то же время достаточно крепкую, чтобы выходить на ней в открытое море. Суденышко нагрузили инструментами, оружием, канатами, одеждой и множеством других припасов. Пошел слух, что владелец яхты намерен начать тайную торговлю с вендами под носом у ганзейских купцов. Но когда приготовления завершились, он просто отвез трех людей и пять лошадей в Хорнбек. Нильс и Каролус направили нос яхты на север, а не на юг — вверх по Зунду, затем на запад вдоль побережья Зеландии. Фру Дагмар тоже поплыла с ними, хотя и вынашивала под сердцем ребенка.

Проплыв мимо рыбацкого поселка, они встали на якорь возле пустынного пляжа, рядом с которым росла высокая ель, и принялись ждать. В море виднелись рыбацкие лодки, но ночная тьма укроет яхту от посторонних глаз.

Темноты пришлось ждать долго, потому что был канун дня святого Ханса, когда солнце неглубоко и лишь на считанные часы опускается за датский горизонт. Ночное небо было не черным, а фиолетовым, и таким светлым, что на нем робко показалось лишь несколько бледных звезд. Море блестело расплавленным серебром, успокоенное прохладным бризом, приносящим с берега ароматы трав. Можно было сосчитать деревья на берегу или погадать любимой, взглянув на ее ладонь. На верхушках отдаленных холмов красно светились огоньки костров, вокруг которых плясали парни и девушки.

Плескали о борт невысокие волны, покрикивали вдалеке птицы, шептал прибой. Мало что еще нарушало тишину.

И тут из моря всплыла женщина и тихо окликнула кого-то на яхте, но не по-датски. Тауно отозвался на том же языке. Женщина подплыла ближе, он наклонился и помог ей перебраться через борт. По обнаженному телу пловчихи стекали капельки воды.

Все увидели, что тело Ингеборг стало более сильным и округлым; налившись мускулы придали ее движениям кошачью плавность. Всю ее с ног до головы покрывал ровный загар, темные волосы выцвели и приобрели оттенок старого янтаря. Но все это вряд ли имело значение по сравнению с исходящей от нее странностью. Даже черты ее лица неуловимо изменились, оно стало более изменчивым, одновременно робким и отважным, беззаботным и мудрым. Женщина смотрела на мир так, как вглядывалась бы в него львица, но в ее взгляде было также нечто и от выдры, тюленя и вольной крачки.

Она и Тауно простояли несколько минут обнявшись, не в силах разорвать поцелуй.

— Как ты провела эти дни? — спросил он наконец.

— Превосходно. — Женщина усмехнулась. — Училась тому, что ты показал мне перед отъездом, да еще изобрела и кое-что свое. Но мне так тебя не хватало... Надеюсь, кровать в хижине еще крепкая и ее доски выдержат наш вес.

— Как? — притворно удивился Тауно. — Ты не соблазнила ни одного красивого юношу?

Ее лицо нахмурилось с неуловимой быстротой мелькнувшей тени.

— Мне не нужен никто, кроме тебя, Тауно, — ответила она, словно влюбленная девушка.

Они разговаривали на датском, и их слова, равно как и поведение, причинили боль фру Дагмар. Она шагнула вперед.

— Я приготовила вам одежду, — сказала она. — Пойдемте, я покажу вам, где она.

Над блестящими от радости глазами удивленно поднялись брови:

— Зачем она мне сейчас? Все равно до утра не потребуется. — Радость исчезла столь же быстро, как и появилась. Она обняла Дагмар. — О, милая моя, как я рада тебя видеть. И ты скоро станешь матерью! — воскликнула она, отступая на шаг. — Знаешь, а я вижу, как ты вся светишься изнутри.

— Как мне хотелось бы тоже порадоваться за тебя, — печально отозвалась Дагмар. — Но я могу лишь молиться.

Тауно дернул Нильса за рукав.

— Не надо было твоей жене приезжать, — сказал он так тихо, что его услышал только Нильс. — Она слишком святая для такой встречи.

— Но столь же храбрая, как и прежде, — возразил муж. — Она не расстанется пусть с ничтожной, но все же надеждой уговорить вас остаться и, возможно, все же спасти вас, одарив после крещения вечной жизнью. — Он грустно улыбнулся. — К тому же мне не хочется расставаться со старыми товарищами. После тебя все живущие на земле кажутся мне изнеженными слабаками.

Нильс взглянул на подругу Тауно, задержал на мгновение взгляд и торопливо перевел его на жену.

Тауно вздохнул:

— Не утруждай ни себя, ни нас. Нам тоже будет не хватать вас. Но мы должны уйти, и вряд ли нам когда-либо суждено увидаться.

Женщины тоже услышали его слова.

— И верно, быстрое прощание лучше всего, — проговорила та, что выплыла из моря. — Отправляйтесь домой и будьте счастливы.

— Вы решили уже, куда направитесь? — спросил Нильс.

— Нет. Как можем мы это знать, отправляясь в неизвестность? Сперва на запад — к Винланду или еще дальше. Там должны найтись просторные земли, волшебный мир и люди, еще не затронутые христианством. Они пока открыты для нас. — Тауно широко улыбнулся. — Кто знает, не станем ли мы там богами? — Увидев, как Дагмар поморщилась и перекрестилась, он добавил: — Мы, конечно, не стремимся к этому, но кто знает? Всякое может случиться, вот почему мы и отправляемся в путь.

— Чтобы увидеть как можно больше удивительного за отпущенный нам срок, — нетерпеливо добавила возлюбленная Тауно.

— Но ведь рано или поздно вам некуда будет идти! — воскликнула Дагмар.

— Да, волшебный мир обречен, — кивнул Тауно, — а усилия таких, как ты или Нильс, приближают его конец. — Он сжал плечи друга, поцеловал в щеку его жену. — Но мы все равно любим вас.

— А мы вас, — пробормотала Дагмар сквозь слезы. — Должны ли мы будем скорбеть о вас, обретя вечность?

— Нет. Не больше чем станете вы скорбеть обо всем этом мире. — Женщина обвела рукой море, землю, небо. — Хорошо, что вы запомните его таким. А мы станем частью его.

— Ингеборг... Нада... — Удивление приглушило печаль Дагмар. — Кто вы?

— Обе и никто. Дитя тоски, чья мать умерла при родах. Пусть ваше дитя принесет вам только радость... Мне нужно придумать себе новое имя. Ты согласишься мне назваться Эйян?

На сей раз смертная женщина обняла женщину волшебного мира.

С яхты спустили ялик, на котором Нильс и его жена перебрались на берег. Он еще работал веслами, когда загремела якорная цепь. Тауно быстро поставил парус и встал у руля. Его подруга вызвала сильный и ровный бриз, и суденышко побежало вперед, на северо-запад через пролив Каттегат — чтобы обогнуть мыс Ска и выйти в океан. А над его мачтой, ловя крыльями свет еще не взошедшего солнца, пролетела стая диких лебедей.

Эпилог

В мае 1312 года от Рождества Христова умер Павле Субич. Баном стал его сын Младен, снова попытавшийся захватить Задар, но он потерпел неудачу и был вынужден снять осаду. Не удалось ему и задушить вражду среди хорватских кланов. Вновь Качитичи стали пиратами, рыскающими вдоль побережья Далматии, вновь Нелипи-чи со своими союзниками решились силой отнять власть у Субичей и Франкапанов. В 1322 году разразилась гражданская война. Заключив союз с Нелипичами, венецианцы одним ударом захватили Шибеник и Трогир, а вскоре овладели Сплитом и Нином. Мрачными стали эти десятилетия.

И все же отец Томислав, чья борода стала совсем белой, а пальцы на руках бесполезно скрючились, еще находил в себе силы проповедовать перед своей паствой, где стоял и овдовевший, познавший поражение и седеющий капитан Андрей:

— «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единокровного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Так ответил Спаситель фарисею Никодиму, когда тот спросил Его. Стал бы Он утруждать себя ответом, если бы не преисполнился заботы о нас? Куда проще было бы Ему ответить: «Ты уже знаешь, какие чудеса я сотворил. Так что не надоедай мне, пади на колени и молись мне, пока я не поразил тебя молнией». Но Он объяснил таинство Никодиму и разъяснил подробно, потому что хотел, чтобы люди приходили к Нему сами, по своему желанию, не из страха перед Ним, а отыскивая дом Отца Его.

Бог любит нас. Никогда об этом не забывайте. Мне кажется, Он насладился на нас меньше испытаний и тягот, чем мы заслужили собственной глупостью. А если вам покажется иначе, то поскорее вспомните о том, как Он заботится о вас. Что бы ни случилось, Он не бросит нас. Никого не бросит. Иисус смог разговаривать с мытарями, грешниками, язычниками. Ныне вокруг нас есть схизматики, еретики, иудеи, турки, неверные, венецианцы — и Он любит их не меньше чем вас. Мы, жалкие смертные, часто не видим другого выхода, кроме как сражаться между собой; но должны ли мы ненавидеть друг друга?

Лучик солнца, скользнувший в узкое незастекленное окошко церкви, заставил старого священника утереть набежавшую слезу. Потом Томислав продолжил:

— «Ибо так возлюбил Бог *мир*...» Я понимаю эти слова так, что Он любит все, созданное Им; а нет такого, чего бы Он не создал. И если вы нуждаетесь в утешении, то подумайте об этом. Подумайте, как любит Он даже прах под вашими ногами. Мы все видели, как подарил Он души морским людям; Он... Он простил бедную маленькую тень и вознес ее на Небеса; так давайте же ободримся, вспомнив про это.

Полагаю, Он не сотворял ничего понапрасну. И даже Сатана, если он после Армагеддона признает свои ошибки и покается, может получить отпущение грехов. Я верю также, что в Судный день будут воскрешены не только умершие христиане, но и все, кто когда-либо жил — к вящей славе Божьей.

Отец Томислав долго молчал, прежде чем произнес заключительные слова:

— Но не думайте, что все это есть истина. В любви Господа я не сомневаюсь, но все остальное, о чем я говорил, родилось у меня в голове, а не прочитано в Писании. И слова мои могут оказаться ересью.

Содержание

От издательства	7
Сломанный клинок , роман, <i>перевод с английского К. Королева</i>	9
Дети морского царя , роман, <i>перевод с английского А. Новикова</i>	165

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том двадцать второй

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 22.1.98. Формат 84×108¹/₃₂.

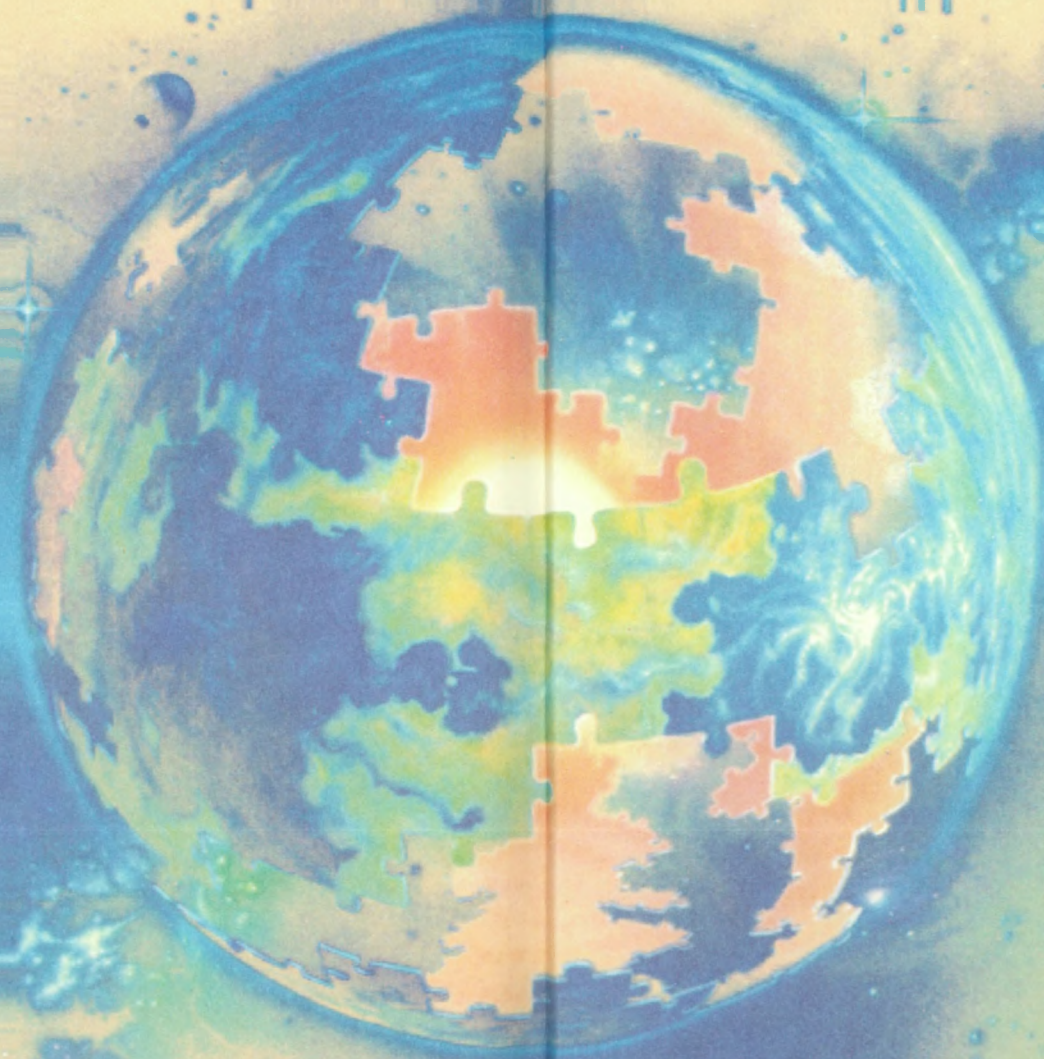
Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Заказ № 2021.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт, а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Сломанный клинок

Страшное проклятие определяет судьбу Скафлока Смертного, воспитанника эльфов, и Вальгарда Подменыша, потомка жестоких троллей. И вот уже жестокая битва бушует на просторах Волшебной страны, куда нет доступа обычным людям. Но уже надвигается с юга новый, ревнивый Бог, которому суждено одолеть старых...

Дети морского царя

Время старых богов и могущественных сил прошло. Христиане правят Европой. И когда посланник епископа датского осеняет крестом океанские воды, подданным морского царя Ванимена приходится искать себе новый дом. Но в странствиях они находят не только страну, готовую приютить их, но и бессмертные души.

